Лазарь

КАГАНОВИЧ

ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСКИ

Лазарь
КАГАНОВИЧ

Лазарь
КАГАНОВИЧ

ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСКИ

РАБОЧЕГО,
КОММУНИСТА-БОЛЬШЕВИКА,
ПРОФСОЮЗНОГО, ПАРТИЙНОГО
И СОВЕТСКО-ГОСУДАРСТВЕННОГО
РАБОТНИКА

МОСКВА · ВАГРИУС · 2003

УДК 882-94
ББК 66.3 (2 Рос) 8
К 13

Оформление Т.Н. Костериной

ISBN 5-9560-0032-5

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Читателю предстоит знакомство с книгой, необычной во всех отношениях.

Необычна прежде всего личность ее автора. Лазарь Моисеевич Каганович — виднейший представитель «сталинской гвардии», один из первых в Политбюро и правительстве СССР на протяжении более чем четверти века руководитель промышленности и транспорта страны, непоколебимый большевик, оставшийся верным своим убеждениям до конца своей долгой жизни.

Само существование воспоминаний Кагановича долгое время подвергалось сильным сомнениям. «Такие люди уносят свои тайны в могилу» — подобное резюме завершало почти каждую статью о Кагановиче или редкие интервью с ним, публиковавшиеся на страницах газет и журналов времен перестройки (до этого почти тридцать лет Лазарь Моисеевич был «фигурой умолчания»).

Но воспоминания — есть. Каганович начал писать их вскоре после своей отставки со всех партийных и государственных постов в 1957 году и закончил (вернее, не закончил) их в день своей смерти в 1991-м. Этот огромный труд занимает свыше 14 тысяч рукописных страниц. Многие из них с трудом поддаются расшифровке: в последние годы жизни Каганович очень плохо видел, рука его слабела, писать приходилось по специальному трафарету, а надиктовывать свои воспоминания он категорически отказывался.

Тех, кто жаждет найти в этой книге сенсационные разоблачения «кровавого режима», захватывающие рассказы «о «кремлевских тайнах» или смакование «альковных страстей обитателей Кремля», ждет сильное разочарование. Автор, естественно, ставил перед собой совсем другие задачи.

Прежде всего «Памятные записки» Кагановича — это воспоминания человека, абсолютно убежденного в своей личностной, политической и исторической правоте и не менявшего своих взглядов в зависимости от конъюнктуры.

Редакторским коллективом была проведена огромная работа

по обработке архива Кагановича и составлению книги. Разумеется, всякие политические мотивы были здесь начисто исключены. Мы сознательно не включали в нее примечаний и комментариев, стремясь избежать любой трактовки авторского текста. Из огромного массива материала отбирались те фрагменты, которые могли бы представить наибольший интерес для читателя (рассказы о ключевых моментах государственной и партийной жизни, личные впечатления автора, его оценки коллег по Политбюро, точка зрения на развитие страны после смерти Сталина, уникальные документы и письма и т.п.). Многое, естественно, осталось за рамками издания — объем книги не позволял включить большее количество материалов. Однако, если учесть, что Каганович зачастую цитировал десятки страниц стенограмм съездов КПСС, пленумов ЦК и прочих опубликованных документов, объем купюр не так велик, как может показаться.

В неприкосновенности сохранен язык и стиль Лазаря Моисеевича. Редакторской правке подвергались лишь отдельные фразы, орфография и пунктуация в которых выверены в соответствии с языковыми нормами.

В архиве Кагановича также хранилось большое количество редких фотографий, нигде не публиковавшихся. Наиболее интересные из них послужили иллюстрациями к книге.

ТВОРЕЦ ЭПОХИ

Когда мне предложили опубликовать «Памятные записки», я не сразу решилась на это. По замыслу отца, «Памятные записки» писались не для любящего сенсации обывателя, а, скорее, для архива, придет ученый-историк, исследователь эпохи, в которой жил и работал Л.М. Каганович, с тем чтобы воспользоваться воспоминаниями очевидца и участника событий того времени.

Предложения о публикации делались и в конце его жизни, но, когда возник вопрос об издании «Записок», появились связанные с этим сомнения и волнения. Он жаловался с грустью, что 30 лет стремится сохранить свой оптимизм и достоинство, свои убеждения и принципы, но проблемы издания воспоминаний выбивают его из колеи, подрывают здоровье, заставляют волноваться и переживать. Он не хотел, чтобы при издании «Записок» они подверглись редакторским сокращениям и изменениям, с которыми он мог не согласиться. Затем, однако, он изменил свою точку зрения и выразил согласие на издание «Записок» в сокращенном варианте.

Работать над «Записками» отец начал после возвращения из ссылки в начале 60-х годов. Известно, что после снятия под давлением Хрущева (его «выдвиженца» и ученика) со всех постов и исключения из ЦК он был направлен в г. Асбест Свердловской области управляющим трестом Союзасбест, где проработал с августа 1957 г. до июня 1959 г. После Асбеста ему определили в качестве места жительства г. Калинин (Тверь) без права на прописку и жительство в Москве. Позже ему было разрешено прописаться в Москве в квартире своей жены, моей матери, Марии Марковны Каганович. Эта квартира после их выезда из резиденции члена Политбюро была предоставлена именно ей как старому большевику (с 1909 г.) и профсоюзному деятелю. Она даже получала по этому случаю «кремлевский» паек, на который они в основном и кормились в то время.

После приезда в Москву, несколько отдохнув и оправившись, отец начал работать над своими воспоминаниями. В этом он ощущал необходимость и вообще говорил, что состояние вне работы

для него не существует. Иногда он высказывал удивление и даже обиду по поводу того, что его знания и опыт партийного и хозяйственного работника остаются невостребованными. Долго выбирал название и остановился на «Памятных записках», не зная, во что это выльется, и подчеркивая, что, по крайней мере на первых порах, не претендует на всеохватывающую и систематизированную работу.

В последние годы отец стал совершенно другим человеком. Исчезла свойственная ему «взрывчатость» характера, жесткость, подозрительность, появился юмор и мягкость в обращении, желание советоваться с близкими людьми, особенно доверительно с мамой, а позже и со мной.

Никаких дневников отец, естественно, никогда не вел. Большим подспорьем в работе стала его личная библиотека — 35 тысяч томов. Кроме того, он пользовался книгами Ленинской и Исторической библиотек, материалами Центрального Государственного архива Октябрьской революции и, конечно, своим архивом, который он содержал в образцовом порядке.

Работа шла медленно, трудно. Мешали и неустроенность быта, и ухудшавшееся здоровье, и болезнь жены. В 1959 г. ему назначили пенсию в 115 руб. 20 коп. На обычную пенсию в 120 руб. не хватило справок. Я долго ходила в Собес с томом Большой Советской Энциклопедии (изд. 1953 г.), где были указаны все его должности, а в Собесе отвечали, что БСЭ для них не документ. В Боткинской больнице ему сделали две операции, но нужны были постоянный уход и медицинское обслуживание. В общем, я решилась и стала, втайне от отца, писать в разные высокие инстанции письма, добиваясь улучшения положения дел Героя Социалистического Труда. Я писала Хрущеву, Косыгину, Брежневу — и не получала ответов, ни положительных, ни отрицательных. А он в это же время писал письма с просьбой восстановить его членство в партии. Наконец ему дали персональную пенсию и право пользоваться хорошей поликлиникой (я просила только о поликлинике). Он, конечно, поблагодарил, но мне сказал: «Лучше бы в партии восстановили».

Мама умерла еще в 1961 г., они прожили с папой 50 лет. С тех пор отец остался в своей квартире один. Я работала и жила со своей семьей отдельно, навещая его два раза в неделю. Он часто сам готовил себе еду или пользовался тем, что я приносила ему из столовой. В это время он не раз повторял суждение, что каждый че-

ловек должен сам себя обслуживать до самой смерти (или по крайней мере пока может).

Здоровье ухудшалось, и он стал торопиться, писал все менее подробно. Поэтому рукописный материал, посвященный молодым годам, революции и первым послереволюционным десятилетиям, занимает гораздо больше места, чем описание последующих событий. В 1985 г. он сломал себе шейку бедра и с тех пор вынужден был передвигаться на костылях. Походы в библиотеку и архивы прекратились. Резко ухудшилось зрение. Телевизор он смотрел теперь в бинокль. Мы пытались применять для письма трафарет, которым пользуются для этих целей слепые, диктофон, но все это было достаточно трудно. В последний год стало особенно сложно, так как то, что он писал, было потом почти невозможно прочесть. В этом отношении составители книги проделали неимоверно трудную работу, расшифровав его последние записи.

Не могу не сказать еще вот о чем. В последние годы, после ухода отца с политической арены, о нем, и не только о нем, появилось много выдумок и небылиц, а зачастую и просто клеветы, подхватываемой и распространяемой некоторыми отечественными и зарубежными журналистами. Одни это делали, очевидно, в попытке любыми средствами очернить прошлое, другие — в погоне за хорошо оплачиваемыми сенсациями. Я имею в виду прежде всего книгу «Кремлевский волк» американского журналиста С.Кагана, который, объявив себя племянником, вытащил на свет целый букет клеветнических измышлений. Достаточно сказать о выдумке о некой мифической сестре Розе, которой никогда не существовало. Единственная сестра Л.М. Кагановича Рахиль всю жизнь прожила с мужем и шестью детьми в Чернобыле и умерла в 1926 г. в Киеве, где и похоронена. Здесь не место подробно разбирать и опровергать все выдумки Кагана. Важно уже то, что он не является родственником и никогда не встречался с отцом, хотя ссылается на личные беседы с ним как на источник информации. По сути, клеветнический характер книги признается и в послесловии, которым снабдило свою публикацию издательство «Прогресс». Смысл его сводится к тому, что книга ужасна и является «исторической фантазией», подходя объективно, ее вообще-то и не стоило печатать, но делается это из конъюнктурных соображений.

Отец всегда с пренебрежением относился к подобным вещам, вспоминая слова Пушкина «хвалу и клевету приемли равнодушно...». Но иногда все же реагировал, особенно если дело касалось

обвинений в причастности к сионизму или антисемитизму. Этим были вызваны, в частности, его реакция на книгу «Осторожно, сионизм», оставшаяся без ответа, и письмо, опубликованное в газете «Аргументы и факты». Книга же Кагана вышла на русском языке в издательстве «Прогресс» уже после его смерти (что, я думаю, не случайно). Однако группа родственников послала в издательство письмо с протестом и опровержением клеветы, которое осталось без ответа.

Всего за четверть века отец написал для «Памятных записок» более 14 тыс. страниц рукописного (около 5 тыс. страниц машинописного) текста, так и не закончив предпринятого труда. Он и умер за рабочим столом 25 июля 1991 г. в возрасте 97 лет от инфаркта.

Думаю, что он не просто хотел рассказать о своей жизни и работе, хотя и это было для него важно, тем более что дает представление о жизни всего рабочего люда до Октябрьской революции и в первые годы советской власти. Ушла из жизни эпоха, а он был одним из ее активных творцов и не сожалел об этом, хотя и повторял неоднократно, что не все сделали так, как надо, и не скрывал собственных ошибок. Но был твердо убежден, что ее достижения не должны пропасть в памяти людей, хотел передать эстафету грядущим поколениям.

Надеюсь, что публикация «Записок» поможет узнать моего отца таким, каким он был, рассеять вымыслы и клевету, восстановить его доброе имя. Выражаю благодарность издательству «ВАГРИУС» и всем тем, чьи усилия позволили этому труду увидеть свет, а благожелательному читателю получить представление о жизни и деятельности Л.М. Кагановича и сохранить о нем добрую память.

Мая Лазаревна Каганович

ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСКИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мои «Памятные записки» я начал писать в 60-х годах, после того как оказался на пенсионном положении, правда, не сразу.

Потребовалось некоторое время, чтобы пережить тот партийно-политический удар, который мы — Молотов, Каганович, Маленков и Шепилов — получили в 1957 году, будучи исключенными из ЦК и Политбюро, а затем в 1961 году оказались исключенными и из партии.

В последующем изложении, когда подойду к 1957–1961 годам, я расскажу подробнее о том, как была осуществлена фракцией хрущевской группы эта расправа с вернейшими марксизму-ленинизму многолетними членами Политбюро.

Трудно, невозможно описать тяжкое состояние людей, отдавших всю свою жизнь делу рабочего класса, трудящемуся народу, делу Ленинской коммунистической партии, оказавшихся вдруг исключенными из партии.

Мое личное состояние усугубилось еще тем, что, к великому моему горю, в это время ушла из жизни моя жена Мария Марковна, мой боевой друг, член партии с 1909 года, с которой я прошел вместе 50 лет семейной и личной, и партийной жизни.

Но такое мое состояние я преодолел, как большевик. Оно, прежде всего, было побеждено моей сознательной научной верой в Великую идею социализма и коммунизма.

Эта идея выше, значительнее, могущественнее личных моментов и жизни, и борьба за осуществление этой идеи нужна и возможна в любых условиях.

Жить по-прежнему, каким был до революции, пролетарием-большевиком. Таким и остался, и остаюсь.

Я вернулся на круги своя.

Как и в былые времена, я нашел аудиторию в лице благородных жителей нашего большого дома. Вокруг меня собирались жители из рабочих, служащих и даже интеллигенции. Задавали многочисленные вопросы на разные темы. Я охотно и ясно им отвечал, затем просто шла беседа. Я был и остаюсь благодарен жите-

лям нашего и окружающих домов за теплое и товарищеское отношение ко мне и к тем, кто меня окружает и ободряет. Жизнь хороша только в общении с людьми. Я вновь почувствовал себя старым пропагандистом-агитатором за партию, за марксизм-ленинизм, за социализм-коммунизм.

Они после занятий приходили ко мне в сквер, во двор или даже иногда при непогоде в квартиру. Они меня заваливали вопросами. Тут было больше всего вопросов об истории дореволюционной работы.

Я охотно и темпераментно рассказывал им, и это приближало меня к работе над воспоминаниями.

Нельзя сказать, что я стопроцентно освободился от работы. Кроме указанной выше пропагандистской работы, я хотел жить полнокровной жизнью страны и партии, выписывал и читал больше газет и журналов, чем раньше. Я вникал во все вопросы внутренней жизни партии и государства и внешней политики.

Больше того, я не мог отойти от привычки готовить поправки к проектам решений Политбюро и постановлений Совета Министров. И я, уже по принятым решениям, опубликованным в газетах, отмечал свои возможные поправки, которые я бы внес, если бы участвовал в заседаниях.

Некоторые мои друзья упрекали меня, почему я не пишу воспоминаний. Они не учитывали, что требуется время, чтобы я, как говорится, пришел в себя, сосредоточился. Я им отвечал, что я придаю большое значение воспоминаниям, или, как говорят любители иностранных слов, «мемуарам».

Я еще более усиленно занимался моим самообразованием, начал ходить в Библиотеку им. В.И. Ленина. Именно в это время, во второй половине 60-х годов, я и начал работу над моими воспоминаниями «Памятные записки» и беспрерывно работал над ними много лет, точнее, до 1985 года, когда по случаю перелома бедра пролежал в больнице 5 месяцев и вышел оттуда на костылях.

Нужно отметить, что работать мне было нелегко, потому что, в отличие от других мемуаристов, работавших в ограниченных областях, на мою долю выпала работа во многих территориальных областях и во многих отраслях. Поэтому мне пришлось напрягать свою память, подбирать соответствующие материалы по всем этим областям и отраслям. А архивы мои, если они сохранились, также разбросаны по многим местам, и у меня к ним доступа не было. В особенности в ЦК КПСС, ЦК Украины, Московском комитете партии.

Но, как всегда, необходимость и решимость мобилизуют силы, а я привык к напряженности в работе.

Приступая к работе, я исхожу из того, что воспоминания коммунистов-большевиков, независимо от масштаба работы и объема их деятельности, имеют большое значение не столько для удовлетворения естественного желания рассказать о пройденном пути, сколько для оказания посильной помощи в раскрытии на конкретных фактах участия в борьбе и работе рабочего и партийного коллектива, всего величия и богатства опыта нашей могучей Ленинской партии. Не претендуя на научно-исторические обобщения и полноту освещения событий, воспоминания дополняют научную историю живым опытом действовавших в революции масс и их организаторов. Тем самым они помогают научно-объективному обобщению исторического смысла событий. Кроме того, мне кажется, что воспоминания отражают аромат эпохи, иногда, может быть, даже в большей мере, чем исторические учебники.

Если мемуаристу-большевику удается не только показать свой фактически пройденный путь революционного борца в составе великого пролетарского и партийного коллектива, но, хотя бы частично, раскрыть внутренний процесс формирования и развития своего революционного, классового сознания и познания окружающего мира со всеми его классовыми, политическими и психологическими противоречиями — то этим он особенно поможет молодым людям современного и будущих поколений искать, находить и выбирать правильные пути своей жизни и революционной борьбы за победу нового мира, коммунизма. Это очень важно и для того, чтобы не только найти путь, но и не споткнуться на этом трудном пути к новому миру, в котором будет окончательно уничтожена эксплуатация человека человеком и где будет осуществлен полноценный общечеловеческий истинный гуманизм, — миру коммунизма.

Именно этой великой цели была посвящена вся жизнь, деятельность, борьба и творения наших гениальных учителей — Маркса, Энгельса и Ленина, их великих соратников и всех коммунистов, их верных учеников и последователей.

Этому же должны быть посвящены и воспоминания коммунистов, которые пишутся не для того, чтобы не остаться в неизвестности, а для продолжения борьбы за полную и окончательную победу социализма и коммунизма.

Именно в этом главная задача воспоминаний — показывать

прошлое не как прошлогодний снег — яркий, красочный и полезный-де в свое время, но якобы потерявший ценность для настоящего и будущего времени, а раскрывать прошлое, как острое оружие для современной и будущей борьбы коммунистов, пролетариата и угнетенных всех стран мира. Только при том условии наши воспоминания опровергнут мещанское изречение, что «старики живут лишь воспоминаниями о прошлом». Своим правильным освещением прошлого они будут продолжать свою интернациональную коммунистическую работу и революционную борьбу в настоящем.

Прошлое, связываемое с современностью, с живой действительностью, — это и настоящее и будущее. Наше большевистское Ленинское прошлое — это не мертвая история законченной якобы революционной борьбы, а живая, действенная история незаконченной, продолжающейся еще революционной борьбы на современном этапе.

История Великой Октябрьской революции является для всех пролетарских революционеров всех стран мира живой, творимой и сегодня революционными народами, прежде всего пролетариатом, поучительной историей — это жизнь и борьба против капитализма-империализма сотен миллионов — прошлая, настоящая и предстоящая.

Поэтому воспоминания-мемуары должны быть заполнены революционным содержанием, по существу той самоотверженной борьбы и ее результатов, которые вел и которых добился пролетариат в союзе с крестьянством под руководством партии Ленина.

Для этого освещение в воспоминаниях конкретных фактов должно быть не эмпирическим, а тесно связанным с общей принципиальной идейно-политической линией партии, ее революционной последовательностью — доведением революции до победы диктатуры и социализма-коммунизма.

Мемуарист является важным помощником историка. И он должен соблюдать тот же главный закон, который стоит перед каждым историком. Главным законом является конкретный исторический подход к обстановке, при которой определенный факт, определенное явление происходили.

Игнорирование конкретных условий того исторического этапа, при котором произошли те или иные события, явления, факты, неизбежно приводит к тенденциозному освещению фактов, имевших место.

Такой историк или мемуарист, который игнорирует закон историзма и сравнивает и оценивает лишь по внешним признакам факты, независимо от конкретных исторических условий, является, по существу, фальшивомонетчиком в истории. К великому сожалению, в нашей стране, особенно с 1987 года, появилось немало таких историков. И, к еще большему сожалению, надо сказать, что среди таких историков есть и коммунисты, особенно среди борзописцев.

Мемуарист-большевик не может и не должен просто рассказывать факты, он должен иметь идейно-революционную, партийно-принципиальную позицию, твердо стоять на генеральной линии партии, из которой он исходит при освещении фактов, итогов прошлого, оценок настоящего и вытекающих перспектив будущего. Выполнение этой задачи — дело трудное и сложное.

Мои «Памятные записки» охватывают все периоды моего участия в революционном рабочем движении, борьбе и работе Ленинской большевистской партии, начиная с периода нового подъема революционного рабочего движения 1911–1914 годов и кончая периодом построения социализма в нашей Советской стране, победы нашего социалистического отечества над немецким фашизмом и японским милитаризмом, восстановления и развития социалистического хозяйства на новой, более высокой технической основе и развертывания строительства материально-технической базы коммунизма.

На всех этапах я боролся и работал, как революционный марксист, как верный ленинец, по заданиям партии и поручениям ее руководящих органов, начиная с ячейки, райкома и кончая Центральным Комитетом партии — как передовой рабочий, как рядовой член партии, как низовой партийный организатор, агитатор и пропагандист и как руководящий деятель партии в качестве члена Политбюро ЦК КПСС и члена Советского правительства — народным комиссаром, министром, заместителем Председателя Совета Министров, членом Президиума Верховного Совета СССР и членом Президиума ВЦСПС и т.д.

Но главное, что я всегда помню, это то, что способность работника, его роль развиваются только в коллективе и благодаря коллективу, и поэтому в мемуарах употребление местоимения «я» ни в коей мере не должно оттеснить, затемнить главное: коллектив, массу, класс, а также объективно-исторические условия борьбы и тому подобное, то есть все то, без чего личность не только не мо-

жет развиваться, но и просто жить и существовать. Поэтому даже там, где приходится говорить о себе (особенно в кратком изложении настоящего введения), я всегда подразумеваю себя как частицу коллектива — этого постоянного истинного творца всего сущего.

В 1985 году я приостановил свою работу над «Памятными записками», закончив записи 1953 годом, когда партия и Советский народ понесли тяжкую утрату — кончину своего вождя и руководителя Иосифа Виссарионовича Сталина.

В дальнейшем я возобновил работу над «Памятными записками» с 1953 года, включая 1957–1961 годы, но не закончил этот период. Придется его завершить.

Я не собираюсь в своих «Памятных записках» описывать и оценивать весь период руководства партией и страной 60–70-х годов, так как я не участвовал в этой работе, а писать о ней означало бы уже не воспоминания, а исторические обозрения. Но я не могу обойти и не сказать свое слово о современном этапе тяжелого экономического и политического кризиса нашей Родины и родной Коммунистической партии Советского Союза. Очень трудно заниматься делами, воспоминаниями давно минувших лет, когда сегодня Советский народ переживает тяжелые материальные, культурные условия жизни, когда все активные силы ищут причины сложившегося тяжелого положения, продолжающегося уже 6 лет, и выход из этого положения. Как коммунист, я вместе со всеми коммунистами волнуюсь за состояние моей партии и ищу пути ее выхода на свой былой авторитет ведущей силы нашего Советского социалистического рабочего государства.

Признаюсь, что мне, потерявшему зрение, не имеющему возможности самому читать газеты и журналы, — кое-что из них мне читают — трудно сегодня взяться за такую работу. Тем более что я не могу писать обо всем, что творится сегодня в стране, слегка, кое-как, но попробую написать эти свои соображения.

А писать надо, потому что сегодня речь идет не просто и не только о просвещении людей, а об идеологической борьбе со всеми теми, кто стремится опорочить, очернить, огрязнить всю ту героическую, идеологическую, культурно-теоретическую, революционно-воспитательную работу, которую провела за столетнее существование наша великая героическая марксистско-ленинская партия Советского Союза.

Принятые самой нашей партией, по ее инициативе решения о расширении демократии, демократических основ нашей госу-

дарственной и общественной жизни, развитие гласности и допущение многопартийности (к сожалению, даже без ограничения для таких партий, как монархическая, фашистская и им подобные) используются враждебными рабочему классу, колхозному крестьянству и социализму элементами и группами для подрыва силы, мощи и независимости нашего Советского государства и даже для реставрации старых, дореволюционных порядков, в которых господствовала эксплуатация человека человеком.

Конечно, среди грибов, обильно выросших на почве многопартийности, есть и грибы съедобные, из которых можно сварить съедобное блюдо, но наряду с ними выросли и многочисленные ядовитые грибы-мухоморы, которые отравляют атмосферу консолидации революционных социалистических сил и тормозят выход из кризиса.

Если все настоящие, а не флюгерообразные, коммунисты и честные советские люди возьмутся по-серьезному за идейно-политическую борьбу с противниками социализма, а тем более — с врагами социализма, дадут отпор всем тем, кто мутит воду, порочит все старое, очерняет заслуги не только наших великих вождей Ленина, Сталина и даже Маркса, то наша Коммунистическая партия Советского Союза вновь завоюет свой политический авторитет. Если все рабочие, все революционные колхозники и лучшая революционная часть советской интеллигенции мобилизуют свои творческие силы на производстве, в цехах, на полях и в культурно-научных учреждениях, то враги социализма потерпят поражение, а социализм, а затем, в дальнейшей перспективе, коммунизм — победят!

1960–1991
Москва

Л.М. Каганович
Герой Социалистического Труда,
персональный пенсионер
Союзного значения

Глава 1
НАЧАЛО ПУТИ: ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

ДЕРЕВНЯ КАБАНЫ

Деревня Кабаны расположена в глубине украинского Полесья, на границе с белорусским Полесьем (например, село Павловичи, что в двух верстах от нашей деревни, было уже в Минской губернии). Наша деревня не была глухой полесской деревней, по ней проходила большая проезжая дорога от Чернобыля до Хавное. Наша деревня была расположена в 30 километрах от Чернобыля, по этой дороге проезжали тарантасы, фургоны с пассажирами, иногда даже закрытые кареты с высокопоставленными помещиками, властями, для которых немощеная дорога усиленно ремонтировалась окружающими крестьянами. Деревня Кабаны была, можно сказать, большой деревней — более 300 дворов, и на западной ее окраине — небольшая еврейская колония 15–20 дворов. Мы, детишки, интересовались историей нашей деревни. Коечто нам рассказал наш сосед Антон Кириленко, считавшийся в деревне просвещенным крестьянином. Он служил в солдатах, научился грамоте, был небогатым середняком, занимался пчеловодством, любил детей, так как был бездетным, и мы, хлопчики, были частыми гостями у него. Слушали его рассказы о железной дороге, по которой его везли в солдаты, о великом паровозе, о великих мостах, о широкой Волге, которая раз в десять шире нашей Уши, о плавающих по Волге хатах, «яки зовутся пароходами, раз в десять бильше, чим моя хата», и другое.

Вокруг было много зверья: лоси, барсуки, выдры, дикие кабаны — все они вывелись, от кабанов только и осталось одно название нашей деревни «Кабаны». Остались еще, но в гораздо меньшем количестве: лисицы, норки, горностаи и бобры — крестьяне-охотники

в мое время еще промышляли охотой, особенно на норку, хорька и горностая. Бодрствовали вовсю волки, на их истребление, помню, и в мои времена организовывались целые облавы. Убивали их порядочно, но полностью не удавалось их вывести. Усиленно охотились на птиц: уток, тетеревов, рябчиков и так далее. Интенсивно занимались рыбной ловлей не только для прокорма семьи, но и для продажи, большей частью в замороженном виде.

Свою семью Антон Кириленко считал одной из первых, заселивших деревню Кабаны, «а колы цэ було, я и сам нэ памятаю».

Лесу недалеко от деревни было и в мое время много, строиться было из чего, но добывать его приходилось по ночам, так как для крестьян он был запретным, чужим. Они, однако, ухитрялись строить себе дома из больших толстых бревен. Но в самой деревне лес давно уже вырубили почти весь, осталась только, и то частично, верба да еще на окраине деревни — небольшие лесочки. Из-за вырубки леса речка, которая протекала в самой деревне, обмелела, а местами высохла, разливаясь только весной, но поодаль от деревни была большая сплавная река Уша и отдельные водоемы, довольно полноводные, наполняющиеся от весеннего разлива, куда мы обычно ходили купаться. Оставшиеся на окраине самой деревни небольшие лесочки были для нас, детишек, и местом гулянья и местом собирания ягод, диких яблок и груш (культурных садов было мало, всего три-четыре у богатых кулаков). Здесь мы делали заготовки хороших березовых веников для бани и, кроме того, сдирали кору, которую у нас покупал по 1 копейке за солидную связку приезжавший время от времени покупатель.

А большие леса остались в 5 верстах от деревни: это были промышленные леса, по преимуществу сосна, ель и дуб, причем дубы были толстыми, примерно диаметром в аршин и более, их специально окантовывали в «плаксоны» и, как говорили крестьяне, «за вэлыку цину продавали за кордон для кораблив». От этих толстых дубов, к сожалению, только и осталось одно название села и недавно построенной железнодорожной станции Товстый Лис.

В 1947 году, когда я приезжал в деревню, крестьяне Товстого Лиса с горечью рассказывали мне, как в период оккупации фашисты окончательно вырубили все дубовые рощи и хищнически повырубали леса во всей округе.

Как и в большинстве районов Полесья Киевской губернии, в нашей деревне преобладают супесчаные, песчаные и слабоподзолистые земли, плюс болотные. Есть и хорошие земли, дающие

хороший урожай, но они различными комбинациями богатеев и власть имущих в волостном правлении оказались во владении богатых кулаков, которых в деревне было примерно 5–10 дворов, и зажиточных, которых было примерно 30 дворов. Они и получали хорошие урожаи.

Бедняки же, у которых не было рабочего скота и инвентаря, обрабатывали землю плохо, навоза тоже не было или было очень мало, о других видах удобрения и не помышляли — в результате песчаные, супесчаные земли давали беднякам ничтожный урожай, а середняки, которых было около 100 дворов, тоже получали небольшой урожай. Поэтому большинство крестьян-бедняков и даже часть середняков уже к январю оставались без своего хлеба для прокорма своей семьи. Они и попадали в кабалу к кулаку, многие из них уходили на заработки, в особенности на лесозаготовки.

Крестьяне нашей деревни, как и многих других, окружающих ее, были исстари «государственными» крестьянами и жили по законам, изданным еще Петром Первым. Фактически существенной разницы между так называемыми «государственными» (казенными) и помещичьими крестьянами не было. После так называемого «освобождения» крестьян от крепостничества были изданы законы и в отношении «государственных» крестьян, которым было предоставлено право бессрочного пользования земельными наделами за оброчную плату, которая для бедняков была непосильна. Последующим законом в последней четверти XIX века «государственные» крестьяне должны были принудительно, в обязательном порядке выкупить свои наделы, внося в течение почти 50 лет большие выкупные платежи. Естественно, что беднота и часть середняков попадали в крайне тяжелое положение, которым воспользовались кулаки и зажиточные, закабаляя бедняков и часть середняков, отчуждая их земли.

Многие бедняки фактически продавали свою землю и уходили куда глаза глядят, на заработки неземледельческого характера.

Часть уходила батрачить в близлежащие помещичьи имения. Самым крупным и богатым помещиком был Хорват. Главное его имение и винокуренные заводы были расположены верстах в 10–15 от нашей деревни, но его земли и отделения подходили вплотную к нашей деревне и к селу Мартыновичи, в котором «славился» своим жестоким отношением к батракам и крестьянам управляющий отделением, бывший офицер Ладыженский.

Для так называемых «государственных» крестьян царское са-

модержавное государство выступало как тот же помещик-эксплуататор крестьянства. Ленин всегда указывал, что после так называемой реформы крестьяне остались податным быдлом, над которым издевалось царское начальство, выколачивая подати. Кроме высоких выкупных платежей крестьяне выплачивали государственный поземельный налог и всякие иные земские, волостные и сельские сборы. Царские власти приурочивали взимание налогов к осени, т.е. ко времени сбора урожая, так что фактически большая часть собранного крестьянином урожая заранее уже была обречена на изъятие. Недоимки поэтому чудовищно росли, и крестьянин ходил всегда закабаленным, «сам не свой», как они говорили, всегда в долгу и кабале у кулаков и зажиточных.

Управление «государственными» деревнями осуществлялось через земского начальника, который был из тех же дворян, но разорившихся и еще более озлобленных, и через волостное правление, охватывавшее ряд сел и деревень, во главе со старшиной, а в каждом селе и деревне — через старосту. Старостой обычно избирался кулак, оппозиционно настроенные к нему бедняки были разрознены, редко им удавалось провести более мягкого, покладистого, из зажиточных середняков, но это мало что им давало.

Существовала так называемая крестьянская община, но ее роль была сугубо ограничена, тем более что в ней тон задавали и заправляли кулаки и зажиточные. Закабаленное положение бедноты привело к тому, что лучшие земли оказались в руках кулаков и богатых крестьян. Это было острым главным классовым антагонизмом в нашей деревне. Земельные наделы, и без того малые у бедняков, сокращались из года в год из-за разделов семейств. Отсюда — крайнее малоземелье.

Очень часто, иногда ежегодно, земли подвергались переделу и дроблению в связи с ростом семей и их разделением. Происходили дикие драки из-за межи. На всю жизнь у меня с детства остались в памяти эти страшные дни — недели переделов участков земли и лугов, которые всегда кончались кровавыми драками. Я никогда не забывал и не забуду тяжкое зрелище, когда привезли с лугов нашего доброго соседа с разрезанным косой животом, с вывалившимися внутренностями. Я, естественно, тогда не очень разбирался в классовом содержании этого события, но я знал, что этот наш сосед был очень беден и что зарезал бедняка его богатый родственник, который вызвал у нас, детей, гнев и проклятия, а семья зарезанного вызвала большое сочувствие и детские слезы.

В связи с наличием значительных массивов лугов в деревне развивалось животноводство, но у бедняков была одна коровенка, а у некоторых и ее не было, не говоря уже о волах и лошадях.

Помню, как наши соседи Игнат Жовна и Терешко всю жизнь бились, чтобы обзавестись «хоч малэсэнькымы волыкамы», но так им это и не удалось.

Хаты были у всех деревянные, но у бедняков они были очень стесненные, спали все вместе на полатях, а старики и дети на печке. Полы глиняные. Лесу вокруг было много, а досок не было. Зимой в хату впускали телят и маленьких свинок. Не всюду были керосиновые лампы, а у многих, у которых были лампы, не было керосина, «бо нэ було грошей, щоб купыты», и многие хаты освещали лучиной. Крыши были соломенные и часто при проливных дождях протекали. У середняков крыши были «очеретовые» (камышовые), только у богатых и зажиточных крыши домов были крыты гонзой (дранкой). Одежда — штаны, запаски, рубахи, свитка, а зимой кожух (у бедняков это было только название кожуха) — была сшита из своей деревенской ткани и овчины. Только к большому празднику, свадьбе одевались в ярко вышитые рубахи, шаровары, а после приезда с заработков появлялись хлопцы и в одежде из дешевой «городской» материи и покроя. Обувались по преимуществу в постолы (лапти); богатые и зажиточные имели сапоги.

По характеру своему народ был не буйный, можно сказать, мирный, но водка («монополька» была открыта в нашей деревне в начале 900-х годов) при накоплении достаточного запаса нервной раздраженности от «хорошей» жизни — водка делала свое плохое дело, и кровавые драки бывали частым явлением.

Развитие денежного хозяйства и товарных отношений особенно усилило классовую дифференциацию и нашей деревни.

В громадном большинстве население было неграмотным. Школа одноклассная (потом она стала двухклассной) была открыта в конце XIX века, но беднота, да и многие середняки не посылали своих детей в школу из-за бедности, отсутствия обуви, одежды, да и не все понимали необходимость овладевать грамотой. Между тем были очень способные, с большими задатками ребята.

Разорение большой массы бедняцких хозяйств привело к ежегодному выезду из деревни примерно ста с лишним здоровых мужчин на отхожий промысел: на лесозаготовки, сплав леса, на железнодорожное строительство, на грабарку в дальние края, а затем и уход «зовсим» из деревни «у город». Некоторые выезжа-

ли на переселение в Сибирь на освоение предоставляемых им земель, но оно было так плохо организовано царскими властями, особенно в помощи хозяйственному обустройству на месте, что многие возвращались обратно.

Я мог бы привести немало живых примеров бедняков, особенно из близких наших соседей: Игнат Жовна, Терешко, Ющенко, Семен Гемба, Тарахтун, Кабавика Вовк, Отанас Тапець из еврейской колонии. Шая-сапожник, Цухок-кузнец, Эля-столяр и другие (многих называю по прозвищу, как они вошли в мою память, так как фамилии не точно помню, да их в деревне по фамилии и не звали).

Подробнее расскажу о двух наших соседях.

Вот кулак Максим Марченко (Марочка) — владелец примерно более 30 десятин земли, имел много скота — лошадей, волов, коров, овец, имел всегда большие запасы хлеба, давал беднякам взаймы хлеб на кабальных условиях, получая из нового урожая в полтора, а то и в два раза больше данного взаймы, либо на условиях отработки своим тяжким трудом в страдную пору на кабальных условиях. Максим Марочка даже корчил из себя «благодетеля» и иногда ласково похлопывал по плечу тех, кто покорно гнул спину перед ним.

Максим любил не только капитал, но и почести, и власть. Он уже был один раз избран волостным старшиной, поставив крестьянам не одно ведро водки, и хотел быть вновь избранным. Поэтому его самоуверенная и высокомерная личина иногда излучала фальшивую ласку. Но зато он быстро менял свой «ласковый» взор на кулацко-звериное отношение к тем беднякам, которые не хотели быть рабами Максима. Таким был, например, наш сосед и ближайший друг моего отца Игнат Кириленко — Жовна по прозвищу. Это был умный человек, очень бедный крестьянин, не имел рабочего скота, имел одну лишь коровенку, маялся, уходил часто на лесозаготовки, но не обращался к Максиму за помощью и открыто выражал свое критическое отношение к нему и даже к властям повыше. Максим Марочка находил пути прижать гордого и умного Игната то по недоимкам по налогу и сборам, то найдет какую-либо другую провинность, за которую накладывался штраф, а Игнат терпеливо оспаривал, то добиваясь своего, то проигрывая, но всегда выступая против Максима.

Помню, как Игнат часто говорил моему отцу: «Ничого, Мошка, що мы з тобою бидни люды, алэ у нас с тобою растут по пять

хлопцив здоровых и гарных, цэ наше багатство, кыли воны выростуть, нам полегшае в житти».

Можно без преувеличения сказать, что действительно хлопцы Мошки и Игната, как и их родители, стихийно, инстинктивно показывали пример не просто соседской, а братской дружбы между собой, по-современному можно было бы сказать — стихийного интернационализма. Дружили каждый в отдельности и все вместе: Израил с Романом, Арон и Михаил с Савкой, который, кстати сказать, потом совсем ушел в город и пролетаризировался там, за что кулаки его прозывали «босяком»; Яша и я дружили с Назаром и Оникеем, а Сила — самый младший сын Игната — дружил со всеми. Попеременно мы ходили друг к другу, ели друг у друга картошку в мундире и, когда было, то с кислым молоком, иногда даже сало, когда оно было у Игната. Озорному Силе доставляло большое удовольствие бегать к моей матери и докладывать ей, «що ваш Лейзар сала наився, та ще й пэрэхрыстывся».

Эта тесная дружба и близкие приятельские отношения — не изолированный, частный факт, а типовой, отражающий общие отношения моей семьи с окружающим бедняцким крестьянством.

Сложилось так, что наша семья оказалась единственной еврейской семьей, жившей не в колонии, а на другом конце деревни, в самой гуще крестьянско-бедняцкого населения, и сложилось это не случайно, а в силу самих условий жизни моих родителей и деда. Отец мой Моисей родился, вырос и прожил безвыездно 60 лет (из 63-х) в деревне Кабаны. Его отец — мой дед Беня не получил обещанной при переселении земли и оказался в бедственном положении — он сам работал на лесозаготовках. Своему старшему сыну, моему отцу, он, естественно, не мог дать никакого образования и отправил его на заработки с 13-летнего возраста. Начав с батрачества, лесозаготовок, мой отец потом стал квалифицированным рабочим на смолено-дегтярном заводе. Мать моя, Геня, родилась и выросла в местечке Чернобыле в семье ремесленного мастера-медника Дубинского, имевшего медно-литейную мастерскую, в которой работали, кроме него, его два сына и его дочь — моя мать. После смерти отца, разорения и закрытия мастерской мать приехала к своим сестре и брату-кузнецу, жившим в деревне Кабаны. Познакомившись с моим отцом — он был беден, но умен и хорош собой, так же как и наша мать, — они полюбили друг друга и поженились, прожив долгие годы дружной жизнью. После женитьбы устроили себе жилье, наняв на деревне «степку» (маленькое со-

оружение для хранения овощей), переоборудовали и зажили в ней в тесноте, да не в обиде, не задумываясь над расчетами, можно ли в их условиях иметь детей, а все пошло, как «Богом положено». В положенный срок появилось первое дите, а там — лиха беда начало — мать родила 13 детей, из которых семь померли, а в живых осталось шесть — пять сыновей и одна дочь. Одно это может дать представление о тяжких условиях жизни нашей семьи.

Эти трудные условия осложнились и особенно отягчились после того, как отец получил тяжелую травму на дегтярном заводе — авария котла привела к тому, что горячая масса облила отца, грудь обгорела, и он всю оставшуюся жизнь тяжко болел. Никакой компенсации от хозяев он, конечно, не получил, никакого соцстраха, конечно, не было, и вот способный, разумный и, как говорили крестьяне, «правдивый человек» оказался в тяжелом положении. Собственной земли не было, отец арендовал клочок земли для посева картофеля, овощей, гречихи. Мы, дети, ему помогали, была у нас кормилица — коровенка. Мать взяла на свои плечи основную тяжесть содержания семьи, научилась у матери отца, моей бабушки, шить руками (швейных машин тогда в деревне не было), шила крестьянкам юбки, запаски, рубахи, научилась красить мотки пряжи — льняной, шерстяной — для крестьянок, которые оплачивали труд мамы натурой: мукой, рожью (пшеницы у нас в деревне тогда не сеяли), пшеном, гречкой. Иногда некоторые из молодиц оплачивали деньгами после приезда с копки свеклы в имении Хорвата. Жили мы бедно, в нужде; мать и отец и сами, и нас учили не плакаться, не жаловаться на нищенство.

Получив взаймы деньги на кабальных условиях, которые потом были покрыты с помощью брата матери дяди Михаила и моих старших братьев Израила и Арона, начавших зарабатывать (Израил на лесозаготовках, Арон рабочим-столяром), удалось заменить знаменитую «степку» на несколько более просторную обычную деревенскую хату. Новая наша хата состояла из одной сравнительно просторной деревенской комнаты, половина пола была покрыта досками (на весь пол «капиталу» не хватило), другая половина пола была глиняной. В эту комнату попадали через холодные сени, справа в комнате стояла большая русская печь, на которой мы, дети, обычно спали. Вдоль стен стояли длинные некрашеные «лавки» — узкие скамейки (шириной примерно 1/3 аршина), против печи в другом углу стоял топчан и большой деревянный сундук, которые использовались под постель, а в дру-

гом углу стояла кровать родителей, завешенная ситцевым пологом. В углу возле печки стояла кадка со свежей сырой водой, и тут же висела на шнурке «кварта» — ковш для питья воды.

Когда мы жили в маленькой «степке», к нам захаживали немногие; наши связи с окружающими нас крестьянами и с жителями еврейской колонии, естественно, ограничивались частными одиночными посещениями к нам и к ним. Летом, конечно, дело было проще. Поселившись средь крестьян, и притом главным образом крестьян-бедняков, мы, естественно, сблизились, сроднились с ними, принимали близко к сердцу их невзгоды, как они принимали и наши. Мы, конечно, были связаны и с еврейской колонией, в которой жили родственники и друзья, особенно из ремесленной бедноты, которых было большинство в колонии.

И в указанной небольшой еврейской колонии тоже были социально-классовые противоречия — из 20 семей было две зажиточных, можно сказать, богатых семьи, занимавшихся торговлей и земледелием, 3-4 середняцких, а остальные бедняки, по преимуществу ремесленники-одиночки, работавшие у себя на дому и ходившие по деревням, обслуживая крестьян: портной, сапожник, кузнец, столяр и другие. Бедняки были всегда в долговой кабале у этих зажиточных, сдиравших с них высокие проценты за «кредитование». Между ними была антагонистическая борьба. Моя семья, естественно, была тесно связана с этой беднотой из колонии. Однако из-за дальности расстояния от нашей хаты до колонии эта связь с ними была менее тесной, чем с соседями — крестьянской беднотой.

Когда появилась возможность прийти до Мошки и Гени в более просторную хату, «да ще з керосиновой лампой, де можно посыдиты и побалакаты» — близкие соседи стали частыми гостями, особенно с начала 900-х годов.

Бывали вечера, когда наша однокомнатная хата была заполнена до отказа, сидели и на полу, стояли, говорили группами обо всем разном — и о личном, и об общественном, и об охоте, и о рыбной ловле; рассказывали анекдоты, смеялись, гоготали, «лускали насиння» (семечки).

Вскоре, однако, характер бесед изменился. Начиная с 1903 года, когда впервые мой старший брат Михаил приехал в деревню из города Иванкова, где он уже работал рабочим-металлистом и приобщился к политике, крестьяне обращались к нему с вопросами: «Расскажи нам, Михаль, що робыться на свити?»

Михаил им рассказал про голод, про безработицу, про кризис в промышленности, про выступления рабочих, а в отдельных губерниях — и крестьян. Одним словом, сказал он в заключение, народ недоволен помещиками, капиталистами и их властью. Из осторожности он пока царя не упоминал. Никаких организованных высказываний не было, но по группам обсуждали беспокойно и остро: «Мабуть, дийсно поганэ дило в государстви». А один, который числился в чудаках, взял да и сказал: «Кажуть, що царь у нас якыйсь нэ дуже розумный, чи прыдуркуватый».

На него замахали руками не столько протестующе, сколько испуганно: «Мовчи, ты сам якыйсь прыдуркуватый». «А вже ж може я дийсно чудный», — сказал он, тоже испугавшись. Вся эта беседа глубоко засела в нутре у присутствующих крестьян — это видно было по характеру их поведения на последующих «собраниях» в нашей хате.

Я им читал рассказы, стихотворения. Они просили больше читать и перечитывать Некрасова, Гоголя, Толстого, и главное — отдельные брошюры и газеты, которые присылал Михаил уже из Киева. Сочинений Шевченко у нас тогда, к сожалению, не было, так же как и других книг на украинском языке (за исключением отдельных маленьких книжек вроде «Не любо — не слухай, а брехать не мешай»).

С наступлением 1904–1905 годов революционный накал у крестьян нарастал. Теперь, после того как я им прочитывал ту или иную брошюрку или газеты, они не сразу расходились, а без шума начинали разговор по вопросу о том, «що робыться в государстви». Говорили туманно, но беспокойно и критически: «Що цэ воно будэ?» — ставил вопрос первый. «Щось будэ з пэрцэм», — отвечал другой. «Що будэ важно сказаты, — говорил третий, — алэ здаеться, що панив и полицию лупцюваты будуть».

Когда Михаил вновь приезжал в деревню, он, как политически выросший, активнее повел агитацию в деревне, особенно перед собиравшимися в нашей хате.

Главный вопрос, поставленный ему крестьянами, был вопрос о русско-японской войне, в том числе о причинах ее возникновения. Изложением причин войны он вызывал внутренние протесты против нее. Особенно возмутило крестьян указание на заинтересованность капиталистов и многих князей из царской фамилии в добыче золота на Дальнем Востоке.

Помню, когда Михаил говорил о рабочем классе, о том, что он

организованно подымается на революционную борьбу против царской власти, что есть у него уже настоящая партия, крестьяне говорили: «Дай им Бог здоровья и смилости».

В первый вечер беседа не была окончена, и условились продолжить назавтра вечером. К сожалению, продолжения беседы не было, потому что кто-то (я не думаю, что это был кто-либо из присутствовавших у нас) донес уряднику о Михаиле. И вот ночью один из наших соседей, осведомленный как сотский, разбудил нас и сказал: «Нехай Михаль скорийш тикае, бо врядник и стражник идут сюды за ним».

Михаил быстро оделся, выскочил и вместе с соседом на лошадях выехал из деревни, но не в Иванков, что было бы навстречу уряднику, а в противоположную сторону — на Чернобыль.

Оставшиеся брошюры и газеты мы удачно заховали. Я быстро выкопал яму в середине двора, правильно рассчитав, что там искать не будут. Закопали и разровняли поверхность так, что нельзя было отличить это место от поверхности всего двора.

Обыск урядника был тщательным, искал он всюду, но нигде ничего не нашел, долго допрашивал, где Михаил. Мы ему отвечали, что уехал в Иваньков через Мартыновичи (резиденцию самого урядника) — это его еще больше взбесило. Он, как говорится, «рвал и метал»: кричал, топал ногами, но уехал ни с чем.

В нашей стороне деревни уже к этому времени сложилась довольно устойчивая группа оппозиционно и даже революционно настроенных крестьян, в большинстве бедняков, которые выражали нарастание революционного возмущения крестьян, подготавливавших сопротивление властям в нужный момент. У них была связь с крестьянами близкого к нашей деревне села Лубянки, которые, к сожалению, как я теперь понимаю, выступили стихийно, преждевременно, без необходимой согласованности с окружающими деревнями, в первую очередь — с самой близкой к ним нашей деревней.

Самым крупным событием, заполнившим мою детскую душу и сознание, а также память мою с детских лет до настоящего времени, было и осталось восстание крестьян, происшедшее в трех верстах от нашей деревни — в селе Лубянка.

Оно началось в середине декабря 1904 года. Прямым и непосредственным поводом для восстания было принудительное взыскание накопившихся за ряд лет недоимок по налогам, которые достигли огромной цифры. Надо подчеркнуть, что крестьяне это-

го села имели ту особенность, что там был широко развит гончарный промысел, с продукцией которого они часто выезжали в Чернобыль и Хавное, что способствовало культурному и политическому развитию крестьян. Еще до указанного декабрьского выступления они выступили против мобилизации в армию осенью 1904 года. Таким образом, это второе выступление против взимания недоимок носило политический характер.

В Мартыновической волости, в которую входили и деревня Кабаны, и село Лубянка, был очень ретивый старшина Ребрик — это был высокомерный сатрап, издевавшийся над крестьянами волости, за исключением, конечно, кулаков и богатеев.

Про него можно сказать «молодой да ранний». Он был не местным жителем, а из самого Радомысля, сын чиновника, и для него положение старшины было лишь ступенькой к большой карьере. Вот он и решил особо показать себя на Лубянке — явился он туда 15 декабря с большим отрядом полиции, присланным из уезда. Помню, как проезжал этот отряд через нашу деревню, которая сама была готова поддержать лубянцев. В отряде было не менее 40–50 человек стражников, урядников и приставов и за ними имелось не менее полусотни сотских. Ехали они верхом на лошадях в веселом, залихватском настроении. В Лубянке старшина начал действовать через церковного старосту Коваленко, рассчитывая на его помощь. Однако он грубо ошибся — Коваленко оказался хорошим, стойким мужиком, солидарным с крестьянами Лубянки, и заявил Ребрику, что напрасно он старается — недоимцы-крестьяне, в том числе и он, Коваленко, платить не будут.

Ребрик дал приказ приступить к описи имущества по дворам и насильственному изъятию для продажи, при этом он начал эту операцию с самого церковного старосты Коваленко Марка.

Коваленко сам оказал сопротивление в своем доме, а у дома Коваленко на улице собралось более 300 крестьян с дубинами и палками в руках. Главным вожаком крестьян был Макар Ющенко. Он был горяч и боевит, надо полагать, что он и был главным организатором восстания.

Вот этот товарищ Макар Ющенко организовал сбор крестьян у дома Коваленко; когда началась атака полиции на квартиру Коваленко, Макар, как описывается в самом донесении полиции, напечатанном в изданном сборнике о революционном движении на Украине, крикнул своим близким крестьянам: «Звони в колокола, пусть соберется весь народ Лубянки». Когда к нему подошел ми-

ровой посредник и спросил, почему звонят в колокола, Макар ответил: «Потому что могут быть покойники».

Мировой посредник не обратил на это предупреждение Макара никакого внимания, и полиция во главе со старшиной Ребриком врывалась в дома крестьян, набрасывали в одну кучу попадавшиеся под руку вещи, избивали, в том числе шашками, крестьян, оказывавших им сопротивление в своих домах, угрожая применением огнестрельного оружия.

Макар Ющенко и его ближайшие помощники организовали крестьян, вооруженных дубинками и кольями. Они повели сплоченными рядами наступление на полицейский отряд с возгласами: «Бей барбосов!»

Разбитый полицейский отряд удрал из Лубянки вместе с «храбрым» старшиной.

Это сильно подняло настроение крестьян в нашей деревне. Ведь никогда такого не видали — не только целый отряд, но и отдельного полицейского не видели побитым. А тут простые крестьяне разбили целый отряд полицейских.

Помню, в тот вечер собравшиеся у нас передовые крестьяне были особенно возбуждены и радостно настроены. «Значит, — говорили они, — нэ такый чорт страшный, як його малюють». Значит, власть слаба, раз она с одной деревней не может справиться. Некоторые, как, например, Игнат, предупредили, однако, что могут «знову прыйты з бильшими сыламы. Поэтому треба даты пидмогу лубянцям, пэрш за всэ трэба пислаты у Лубянку людэй, щоб всэ розузнать и выришиты, що нам умисти робыты».

Не успели принять какие-либо меры, как поступило из волости сообщение, что в Лубянку, в нашу деревню и в некоторые другие неспокойные близлежащие деревни приближается полк гренадер (может быть, здесь было преувеличение: может быть, не полк, а часть полка). Это войско было недалеко размещено заблаговременно. Говорили, что это по настоянию помещика Хорвата, который имел большой вес в губернии, полк был так быстро двинут в район бунтующих крестьян.

Военные карательные власти жестоко подавили восставших, расправились с вожаками, часть которых, в том числе и Макар Ющенко, были судимы и отправлены на каторгу, в ссылку в Сибирь. В нашей деревне Кабаны гренадеры вели себя как каратели, наводили страх на крестьян. Особенно они придирались к оппозиционно настроенным беднякам, известным полиции как сочув-

ствующие лубянцам, но никто не выдал передовых крестьян, в том числе Игната.

Особенно, конечно, они придирались к нашей семье, допрашивали многих насчет семьи Мошки Кагановича. Каратели, действовавшие вместе с урядником, знали, что сын Мошки Михаил — революционер, приезжал в деревню, что наша хата была местом, куда сходились крестьяне, но официальных материалов у них не было. Они вызывали на допрос отца, но ничего не могли добиться. Отец держал себя смело, все обвинения отвергал, ссылаясь при этом на соседей, которые тут же подтверждали ответы и объяснения отца. При повышении тона полиции и проявлении грозности, соседи заступались и говорили, «що Мошка — чоловик хворый и його нэ трэба чипаты, мы ходым до його, що вин наш добрый сусид и никому зла нэ робыть, и сыны його такие же мы вдячни, що ось самий молодший Лейзор кныжкы нам читае, ось намедни про Тараса Бульбу якого Гоголя читав, так хиба ж цэй Гоголь протыв правительства чи полиции выше?»

При вызовах других крестьян на допросы они, как сговорились, все отвечали: «Ничого нэ знаемо, ходылы до Мошки у хату як уси сусиди ходять один до другого, да ще користь була та, що у ных лампа с керосином (гасом) горила увэсь вечер, ось мы и ходылы, а ниякои политыкы нэ було, воны люды бидни, живуть як уси биднякы». Так отвечала вся беднота и средние крестьяне, которые хорошо знали о роли нашей хаты, моих родителей — отца и матери, особенно их сыновей и в первую голову Михаила. Даже богатей-кулак Максим Марочка, который при наличии карательных солдат в деревне приобрел еще больший вес, прислал к нам свою приемную дочь Параску и передал, «щоб Мошка и Мошенята нэ боялысь, я нэ допущу, щоб их чиплялы».

По рассказам Параски, у него были, конечно, свои расчеты. Как умный и хитрый человек, он в семье говорил: «Идэ якэсь лыхо, що зветея рэволюция, що будэ нэ знаемо, а всэ ж такы хлопци Мошки якись самокракы (так называли в деревне социал-демократов), може ще якусь сылу будуть маты — ось чому мени трэба сьогодни не давати Мошку и Мошенят на мордування, а то ще сусиды, яки захищають их, зовсим мэнэ заклюють и на страмовыще выставлять».

Помню, что девчата, в частности та же Параска, с которыми солдаты заигрывали, нам рассказывали: когда тот или иной солдат-гренадер приставал с лаской, девчата им говорили, что не будут им отвечать на их ласки, потому что они совершают «поганэ

дило», приносят лихо своим же братам-крестьянам, на что солдаты стыдливо, тихо отвечали: «Так разве ж мы по своей воле, нам так приказано, а не сделаешь по приказу, тебя самого сгноят в каземате, а то еще и расстреляют».

Хотя поражение крестьян в Лубянке оставило в душах и настроениях крестьян и в нашей деревне большую придавленность, но постепенно она рассасывалась.

В наступившие 1905–1906 годы потребовалась более систематическая и регулярная политическая работа среди крестьян. Наладилось регулярное получение от Михаила из Киева газет и брошюр политического характера, которые я зачитывал крестьянам у нас в хате, поясняя в меру ограниченных моих знаний отдельные вопросы. Помогало в подъеме настроения и то, что в деревню возвращались уезжавшие на отхожий промысел крестьяне, и то, что приезжали в отпуск полностью пролетаризировавшиеся, приносившие в деревню революционные настроения 1905–1906 годов.

Хотя Лубянка больше не повторилась, но след остался большой. Вместе с лубянцами наша деревня Кабаны была и оставалась революционным очагом Мартыновической волости Радомысльского уезда Киевской губернии.

Это имело большое влияние на развитие моего революционного сознания.

Таким образом, можно без преувеличения сказать, что социально-классовая среда, с которой органически была связана моя семья, имела решающее влияние на формирование моей личности, на заполнение моей души и сознания чувствами солидарности, классовой родственности с беднотой, возмущением несправедливостью, угнетением и зарождением революционно-действенной активности.

Естественно, что в этой социальной среде важнейшее место занимала ее первичная клетка — семья и внутрисемейное воспитание.

Социальное происхождение имеет важное значение, хотя само по себе оно еще не обеспечивает высокое качество «продукции» — человека. Даже на примере моей деревни я мог бы привести немало фактов, показывающих, как при одних и тех же корнях дерева вырастали «фрукты» совсем иного качества и вкуса. Хорошее социально-классовое происхождение, как важнейший объективный фактор, требует обязательного соединения с соответствующим субъективным фактором — хорошими качествами семьи, прежде всего родителей, которые в большинстве имеют первенственно-

решающее значение в благотворно-положительном или пагубно-отрицательном воспитании своих детей. Дети, в том числе и с задатками таланта, могут развиться только в процессе воспитания и труда, а это зависит в первую очередь от самого ближайшего окружения в семье, от поведения семьи, родителей, от живого примера, воздействующего на ребенка лучше всяких понуканий и жестко воспитательных мероприятий (иногда необходимых, но редко, не как система). Разумеется, большую роль играет и школа, о которой я еще скажу.

Несмотря на то что мои родители были малообразованными, точнее — почти неграмотными, они обладали такими качествами по уму и такту, что сумели воспитать своих детей именно в положительном духе. Я высоко оцениваю их роль в моем воспитании и позволю себе привести некоторые важнейшие факты, имеющие общественно-поучительный характер.

Прежде всего я должен сказать об исключительном трудолюбии отца и матери — мне довелось большую часть своей детской жизни видеть отца после аварии и травмы на заводе уже больным, с душераздирающим кашлем. И несмотря на свою болезнь, он ни минуты не мог сидеть без дела. Он всегда находил себе какую-либо работу по двору, по дому, по «коморе», где он время от времени переставлял, как ему казалось, более аккуратно скудные «ресурсы» продовольствия, картофеля и овощей, работая по столярному ремеслу и т.д. Иногда он решался уходить опять на сезонные заработки, в частности, летом на близлежащие цигельни — местные кирпичные заводы. Кое-что он зарабатывал, но болезнь его ухудшалась.

Я и мой брат Яша помогали ему, работая вместе с ним, получая от хозяина цигельни по одной копейке за перенос 200 кирпичей на достаточно большое расстояние в сушилку и из сушилки к обжиговой напольной печи. (Это, между прочим, была первая «школа» будущего министра промышленности строительных материалов СССР.)

Точно так же все мы помогали ему в работе по скрутке лозы для хомутов, сплотке лесных плотов на берегу реки Уша.

Весной, летом и осенью отец был доволен тем, что обрабатывал арендованный клочок земли. Мы, его дети, ему помогали, при этом особенно радостными и веселыми для нас, детей, были дни копки картофеля, а главное, кушать самое приятное блюдо — спеченную на костре картошку.

О матери я уже говорил, как она самоотверженно работала

и по домашнему хозяйству, и особенно по швейному и красильному ремеслу, зарабатывая на прокорм семьи и на то, чтобы дети и они сами — отец и мать были одеты в дешевое, но не рваное платье, чтобы они, как мать говорила, не ходили в праздники оборванными (и в этом сказалось ее городское происхождение).

Положение матери оказалось особенно затруднительным после того, как наша единственная старшая сестра Рахиль вышла замуж. Все домашнее хозяйство легло на плечи матери, и нам, сыновьям, особенно мне и Яше как самым младшим, пришлось ей помогать. Я, например, мыл пол, подметал хату, стирал белье, мыл посуду, носил воду, обслуживал нашу кормилицу-корову и к тому же еще помогал матери по ее красильному ремеслу.

Мы все росли и воспитывались в ненависти к праздной жизни и любви к труду.

Важным элементом воспитания нашего характера было то, что, несмотря на тяжелые условия жизни, отец и мать никогда не теряли чувства бодрости и человеческого достоинства, не допускали плаксивости и жалоб на тяжелые условия жизни. Зато у них нарастало чувство возмущения и протеста против несправедливости. Помню, как мать частенько выходила из себя, ругала богатых и иногда богохульствовала. «Где же это Бог, — восклицала она, — куда он смотрит, почему обманщикам дает богатство и хорошую жизнь, а мы, честные люди, мучаемся и пропадаем? (Мать здесь имела в виду знакомых ее богатых, в том числе евреев, живших в колонии Кабаны, в Мартыновичах, в Чернобыле, которые эксплуатировали и выжимали соки еврейской же бедноты.) Должно быть, — заключала она, — Михаил прав — надо всем бедным людям вместе взяться и бороться».

Отец был не менее возмущен, но, говорил он, надо к этому делу с умом готовиться, а то царь раньше, чем они начнут, всех перевешает и ничего не получится. Ничего, отвечала мать, наши сыновья глупостей делать не будут. Главное, сходились на одном мнении и мать и отец, не надо примиряться с существующим положением, не опускаться, не плакать, не вымаливать милостыню у богатых, как нищие, и не падать духом.

Нельзя не признать, что такие, систематически повторяемые, острые «ораторские» реплики матери и отца благотворно влияли на нас, в частности на меня, возбуждая чувства возмущения и толкая на борьбу.

По характеру своему мать была активной, неугомонно-дея-

тельной, темпераментной, иногда и вспыльчивой. Она, например, иногда нас, детей, поругивала, но мы не вступали в пререкания с ней; мы видели, как она мается из последних сил, чтобы содержать семью, и, кроме того, мы знали, что через несколько минут ее сердитость отойдет. Она была, как говорится, отходчивая, и некоторые из нас, должно быть особенно я, унаследовали ее характер. Мать была бодрой, стойкой, жизнерадостной.

Отец наш умел более тихо терпеть свои горести, сдерживая свой гнев. Он даже нас, детей, почти не ругал, но внушения делал, иногда при всей своей выдержке и терпении допуская редко, но серьезную сердитость.

Отец был, как и мать, кристальной честности. Его за это особенно уважали окружающие соседи-крестьяне. Они добродушно говорили отцу, улыбаясь: «Ты, Мошка, дуже чесный, алэ тому ты такый бидный». Отец им отвечал: «Лучше буты бидным, а ниж жуликом». «Твоя правда», — отвечали они ему.

Для меня ясно, что малообразованные мои родители, но от природы умные и честные, дали нам много положительного, отдавая детям все свои силы, в то время как рядом такие же бедняки жили самотеком, мало заботясь о себе, о детях, о чести семьи, — как сложилось, так, мол, пусть идет, нам бы прожить кое-как, поесть и на боковую, а там что выйдет из детей — Бог его знает.

Наши родители не только рожали и кормили детей, но, как могли, и воспитывали их, формировали их, и если бы они к своему природному уму, трудолюбию, такту и энергии имели бы еще образование, то и они, да, вероятно, и дети их принесли бы больше пользы людям и всему обществу. То, что я говорю, относится не только к старому прошлому, но в известной мере и к современным родителям и детям.

Мы, дети, выросли и стали современными людьми — революционерами-большевиками, но мы не противопоставляли себя отцу и матери, а восприняли от них все лучшее. Мы любили и, главное, уважали и до сих пор уважаем своих родителей.

Я думаю, что мои родители имеют свою немалую долю в том, что все их пять сыновей, выросших в далекой деревне глухого украинского Полесья, встали в ряды Коммунистической партии Ленина, в ряды борцов за победу над царизмом и капитализмом — за Советскую власть и социализм.

Я высоко оцениваю то, что они направили нас в город, в ряды пролетариата. Это было, конечно, результатом прежде всего нищеты, но и проявлением их воли и решимости.

Большое влияние имело то, что первым в начале 90-х годов выехал Михаил, который быстро пролетаризировался, сформировался социально и идеологически как сознательный пролетарий, который уже в 1903–1904 годах проявил себя энергично в классовой борьбе в г. Иванькове, Чернобыле, а затем в Киеве, где он уже в 1905 году стал социал-демократом-большевиком. Это, конечно, имело серьезное влияние на всех нас и прежде всего на меня лично, который последовал его примеру и еще до революции, в 1911 году, вступил в большевистскую партию.

Вступив в ряды Российской социал-демократической рабочей партии большевиков, Михаил встал под знамена Ленина, проявив себя как бесстрашный революционер — участник революции 1905–1907 годов. Он был страстным агитатором среди рабочих и крестьян, борцом против царизма и капитализма, за интернационализм, против еврейского национализма и черносотенных погромщиков.

Надо подчеркнуть, что Михаил первый занес в нашу семью и в деревню Кабаны идеи революции и социализма.

Лично на меня его революционное влияние началось, еще когда я был мальчиком, в периоды его приездов в деревню. Заметив мою любознательность и особый интерес к тому, что делается в городе и, в частности, что такое забастовка, что такое партия, революция и так далее, он старался отвечать на мои вопросы. Но по мере моего роста этих моих вопросов было так много, что он, посмеиваясь, мне раз сказал: «Ты слишком много хочешь сразу узнать, мне и самому не так легко тебе на все твои вопросы ответить». Но мне помогло то, что к нам, то есть к Михаилу, приехал его знакомый по Киеву, тоже гостивший у родителей в селе Ильинцы, который называл себя то анархистом, то эсером. Он был полуинтеллигентом и говорил складно, но когда развернулся спор между ним и братом, то Михаил более просто, доходчиво, по-рабочему разбивал его хитроумные положения. Я не могу сейчас изложить весь спор — я тогда не все понимал, помню, что Михаил ему говорил: вы, анархисты, опираетесь не на пролетариат, а на люмпен-пролетариат, который сегодня пойдет с вами, а завтра может пойти с националистами и даже черносотенцами. Нам нужна прочная опора революции, а такой опорой может быть только пролетариат.

Когда оппонент пересел на эсеровского конька, что вот, мол, крестьянство — основная база революции, Михаил ему ответил: «Крестьянство действительно революционная сила, но единого

крестьянства нет. Большинство деревни — безлошадная беднота, голодающая и попадающая в кабалу к кулакам. Врут твои эсеры, выступая защитниками якобы единого крестьянства. На деле они защищают богатеев-кулаков. А вот Ленин призывает, чтобы беднота и действительно трудовое крестьянство пошли вместе с пролетариатом, тогда революция победит и царизм будет уничтожен».

Эти доводы Михаила я хорошо понимал на примерах нашей же деревни. Может показаться странным, но для меня тогда имело большое значение слово, его звучание (возможно, что это вообще свойственно детям). Нравились мне такие слова, как «революция», «пролетариат», «партия», заинтересовался и услышанным новым словом «люмпен-пролетариат» и особенно заинтересовался словом «большевик». Я, помню, спросил Михаила, что такое большевик, меньшевик. Он вначале мне сказал: вырастешь, поймешь, но потом, когда я его точнее спросил — не значит ли это, что большевики хотят большего, а меньшевики меньшего, он мне ответил, что, точно говоря, большевики означает большинство, а меньшевики меньшинство, но можно, конечно, считать большевиков большими, а меньшевиков маленькими людьми, что большевики хотят большего, а меньшевики меньшего, потому что большевики-Ленинцы смотрят на революцию по-большому, чтобы всю грязь старого режима вычистить и построить новое здание — республику, а потом и социализм, а меньшевики хотят по-маленькому — сверху подчистить, а внутри оставить по-старому. Допытывался я о социализме. Михаил мне объяснял, и в памяти у меня осталось такое его объяснение: при социализме все будут равны, не будет богатых и бедных, не будет частной собственности, все будет принадлежать всему обществу и так далее. Хотя, видимо, объяснения Михаила были неполны, но социализм крепко засел в моей душе как справедливый строй жизни.

Детская душа особенно восприимчива ко всему новому. Я тогда уже почувствовал влияние на меня дерзновенных новых идей социализма и революции. Хотя это было у меня проявлением моих чувств больше, чем сознания, но уже в 13-летнем возрасте — в 1906 году я заявил Михаилу, что пойду по его стопам — по революционному пути борьбы за социализм.

И когда я потом приехал в Киев, Михаил мне помог в этом, связав меня с его товарищами по подпольной большевистской партийной организации, по преимуществу рабочими, которые вовлекли меня в рабочее движение, помогли мне получить больше-

вистское воспитание и в подготовке к вступлению в партию в 1911 году, о чем и будет речь в моих воспоминаниях.

Наши три брата Израил, Арон и Яша-Юлий вступили в большевистскую партию после революции, но они под влиянием Михаила тоже были революционно настроены еще до революции, чем оказывали и на меня поощряющее благотворное влияние. Это в особенности относится к моему любимому брату Яше, который и сам еще до революции, работая в Александровске (ныне г.Запорожье), участвовал в рабочем движении, в партийных социал-демократических кружках.

Мой брат Яша отличался с детства душевностью и добротой. Он уже с юных детских лет задумывался о благе людей, и всю свою последующую жизнь он посвятил борьбе за благо человечества. Он так же, как и я, впитывал в себя социалистические идеи, которые занес в нашу семью уважаемый нами старший брат Михаил. Яша вырос в крупного партийного и советского работника, работая первым секретарем Нижегородского (Горьковского) обкома партии и председателем Горьковского облисполкома, а затем на общегосударственной работе — заместителем министра внешней торговли СССР.

Положительное, хорошее влияние и помощь Яши я ощущал еще в детские годы во время нашей совместной учебы, которая доставалась нам с невероятными трудностями. Нашим родителям и старшим братьям приходилось преодолевать огромные препятствия, чтобы, как говорил отец, мы не остались такими неграмотными, каким он остался; а дед мой, испытывая как бы свою вину, что его старший сын (мой отец) не получил никакого образования, особенно настаивал на том, чтобы мы, его внуки, учились. «А то они, — говорил он, — будут вечно пропадать, как мы — старшие».

Я особенно высоко ценю заслугу моих родителей и старших братьев, которые настойчиво добивались того, чтобы их сын — «мизинец», то есть я, был грамотным и, как они говорили, образованным.

УЧЕБА И РЕПЕТИТОРСТВО

Однако условия в нашей деревне крайне затрудняли осуществление этого намерения — дать мне образование. В существовавшую в деревне двухклассную школу детей евреев-неземлевладельцев не принимали, хотя потом я учился в ней неофициально.

Функционировавший при синагоге в колонии хедер, которым руководил и где преподавал уважаемый, почтенный житель колонии, был крайне примитивным. В нем совершенно не преподавались общеобразовательные предметы, в том числе и русский язык, так как сам преподаватель его почти не знал.

Моя семья и я сам не хотели, чтобы я там учился. Помню, на одном из семейных советов по этому вопросу решили: в хедер не ходить, а искать другой выход.

По договоренности с некоторыми передовыми жителями колонии решили искать в Чернобыле учителя, который бы преподавал хорошо общеобразовательные предметы, особенно русский язык и математику. На счастье, в Чернобыле нашли такого учителя, согласившегося выехать в нашу деревню. Это был парализованный калека, потерявший обе ноги, молодой, но очень толстый из-за того, что он сам не передвигался. Помню, как мы, дети, устроили коляску, а зимой сани, на которых мы его передвигали, так как «школа» и учитель размещались поочередно через месяц от дома одного учащегося к дому другого учащегося. Нам же, ученикам, приходилось за ним ухаживать, подносить ему пищу, воду, перевозить его.

Несмотря на его строгость и применение им специально устроенной длинной линейки, которой он доставал любого из нас для «воздействия», мы очень любили его. У него была ясная и, как теперь оцениваю, даже талантливая голова. Он блестяще знал русский язык и литературу и вообще общеобразовательные предметы. Он не был религиозным фанатиком, поэтому Библию он остроумно преподносил нам, высмеивая отдельные ее несуразности и подчеркивая таких пророков, как Амос.

У него же первое время учился и мой брат Яша-Юлий.

Но наступил конец нашей идиллии с нашим учителем «Шамшул». Неожиданно для нас в деревню приехал уездный инспектор училищ, вместе с урядником ворвался в хату, где размещалась наша «школа», и набросился на нашего учителя. В мою память врезалась душераздирающая картина, когда инспектор и урядник таскали безногого учителя по полу, избивали его кулаками и ногами, ругались непристойными ругательствами, разрывали все учебники, в том числе по всем русским общеобразовательным предметам, выбрасывая изодранные куски на улицу. Хотели они выбросить на улицу и учителя, но мы, детишки, уцепились за него и не дали им выполнить свое намерение. В заключение инспектор и урядник составили акт о запрете обучения в не разрешенной законом школе

с угрозой ареста учителя, если он вздумает воспротивиться этому запрещению.

Мы, конечно, были бессильны что-либо предпринять. Единственное, что мы, малыши, придумали, — это переделать фамилию инспектора «Бучило» в «Бурчилло». Каким-то образом это закрепилось за ним. Во всяком случае, в нашей волости.

Так была ликвидирована наша самодельная школа — наш светский общеобразовательный хедер. Часть учеников приспособилась к синагогальному хедеру в колонии, а моя семья опять начала искать другой выход для меня, поскольку Яшу еще раньше с большим трудом устроили в школе в Мартыновичах. Как говорится, свет не без добрых людей. Таким добрым человеком оказался вновь приехавший учитель деревенской двухклассной школы Петрусевич. Он не был похож на обычного учителя. Хотя он был молчалив и замкнут, но по всему его поведению, в частности ко мне, видно было, что он попал в наше захолустье по какой-то причине политического характера. Ему стало известно, что в нашей семье есть сын Михаил — революционер. Он понимал, что за связь с нашей семьей ему может не поздоровиться, но, несмотря на это, он дал согласие на посещение мною уроков в школе вроде как «вольнослушателем», без официального зачисления. Больше того, он потом занимался со мной на дому, так как из-за опасения наездов «Бурчилло» мне приходилось время от времени прерывать посещение школы. Однако, несмотря на эти перерывы, я многое успел, особенно по истории и русскому языку. По этим предметам, а также по географии и арифметике я изучил почти все то, что положено было по программе двухклассной школы. (Думаю, что эта старая программа двухклассной школы была полнее и давала больше знаний, чем нынешние два класса средней школы.)

В связи с этим, а особенно в связи с опасением причинить неприятности моему благодетелю, пришлось искать дальнейших путей, крайне затрудненных. Первая и главная возможность была созданная в ближайшем селе Мартыновичи школа, которая благодаря влиянию главного управляющего делами лесопромышленника была почти легализованная, во всяком случае гарантирована от хулиганства «Бурчилло» (так как деньги для него были важнее его черносотенства). Для этой школы были наняты в Киеве высококвалифицированные два учителя — отец и его сын, у которых было разделение труда: отец преподавал по-еврейски, в том числе Библию и Талмуд, а сын — по-русски общеобразовательные предметы. С огромным

трудом и настойчивостью моему отцу и братьям удалось еще до меня устроить на учебу Яшу с оплатой в половинном размере.

Зато последующие попытки устроить меня в этой школе встретили еще большее сопротивление со стороны влиятельных богатых евреев — покровителей этой школы. Мы не можем допустить, говорили они, чтобы дети нищих заполонили нашу школу, тем более что Моисей Каганович не может платить установленную полную оплату за обучение.

После долгих мытарств и исключительной настойчивости отца, моих старших братьев Израила и Арона, а также при активной помощи брата моего отца, дяди Арона, удалось сломить сопротивление большинства власть имущих в школе. Но окончательно вопрос был решен благодаря энергичной помощи со стороны молодого учителя-сына, который, проверив мои знания и способности, решительно заявил: «Я приехал сюда обучать детей не только богатых и зажиточных, но и детей бедных людей. Вам должно быть стыдно, что вы на словах говорите о защите прав евреев, а сами попираете эти права евреев-бедняков, не давая им возможности обучать своих детей. Я требую принятия Кагановича Лазаря в нашу школу, и притом за половинную оплату».

Хозяева положения вынуждены были сдаться, и я был принят в школу. Этот молодой учитель Вайнер был осведомлен о Михаиле как революционере. Я не могу сказать, был ли он сам тоже революционером, но он был одним из тех передовых еврейских интеллигентов, которые защищали бедноту от угнетения ее богачами. Он был хорошим прогрессивным учителем, ученики его любили. Он, в частности, душевно отнесся ко мне — новичку в школе. Он поощрял то, что я особенно налегал на историю, русский язык и литературу.

Мне помогало то, что мой старший брат Яша был уже «старожилом» в этой школе. Мы помогали друг другу. Яша, например, мне — по математике, я ему — по истории. Должен сказать, что Яша мне еще помогал своим мягко-уравновешенным характером. Я по поведению был озорным, а он влиял сдерживающе на мой бурный характер и иногда заступался за меня. Но по существу занятий не могли придраться ко мне, так как я, как и Яша, по всем предметам шел с опережением.

Жили мы в тяжелых условиях. Уходили из Кабанов в Мартыновичи на несколько дней, запасом пищи мать не могла нас обеспечить, кроме ржаных сухарей и сушеной рыбы. Особенно плохо

было с зимней одеждой и обувью. Когда я приехал в деревню в 1934 году как секретарь ЦК ВКП(б), мне один крестьянин напомнил, как он спас меня, уже наполовину засыпанного снегом по дороге из Мартыновичей в Кабаны. Все дело было в том, что отец мне смастерил валенки из своих старых, но с пятками не справился: их зашили, но холод они пропускали. Вот я по дороге и замерз. Идти было трудно из-за метели, и я свалился на дороге. При проезде этого крестьянина мимо меня его собака меня заметила и дала знать своему хозяину — он меня взял на сани, укутал, привез домой еле живого. В дополнение к прежним благодарностям отца и я — уже в 1934 году — выразил ему сердечную благодарность. Он, усмехаясь, в ответ мне сказал: «Я цэ робыв як полагается каждому порядочному чоловику, и я тэпэр задоволенный тым, що впрятував майбутьного видомого руководителя».

Квартировали мы у портного, у которого, кроме нас, в тесной квартире жил еще квартирантом кузнец с семьей. Спали мы на глиняном полу, но молодость все преодолевает. Поскольку вечером хозяин жалел керосин на освещение, мы, особенно летом, вставали рано на рассвете и работали над уроками. Наши успехи в занятиях радовали наших родителей и братьев, но раздражали богатых родителей других учеников, которые, как баловни, плохо занимались. Помню устроенный смотр ученикам и главное — экзамен. Нас — меня и Яшу — «допрашивали» с пристрастием. Мы по всем предметам, особенно общеобразовательным, отвечали хорошо, даже отлично, как говорили потом учителя.

Однако вскоре учителя уехали, и приехали два новых учителя. Яша уехал, я остался один, стал осторожнее в своем озорстве, налег на учебу, одновременно и на спорт, доступный в деревенских условиях того времени: плавание, лодка, попок-городки, цурки и тому подобное. Плюс по вечерам песни с хлопцами и девчатами, чем я увлекался и в своей деревне.

Учеба по существу шла по-прежнему хорошо и прилежно. Этому способствовало то, что один из двух новых учителей, занимавшийся общеобразовательными предметами, был замечательным педагогом и хорошим человеком. Хорошо и глубоко преподавались история, география, русский язык и русская литература. Я самостоятельно читал имевшиеся отдельные сочинения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Л.Толстого, Тургенева. Учитель поощрял меня в этом, не допуская уступок и поблажек по общей программе учебы. Из общих предметов я по-прежнему больше всего увлекался историей — русской и всеобщей.

Была приобретена дополнительная историческая литература, которую я жадно проглатывал, излагая потом учителю прочитанное.

На проверках на экзаменах по всем предметам, особенно по общеобразовательным, я выдерживал экзамены хорошо (тогда оценки «отлично» у нас не было); по математике я иногда срывался, приходилось наверстывать. Помню, как на одной проверке я чуть не набедокурил по истории: на вопрос по древней истории я рассказал о восстании Спартака в том духе, как мне лично рассказывал учитель — в сочувственном Спартаку духе. Естественно, учитель упрекал меня, говоря, так делать нельзя: ты ведь можешь, не желая этого, подвести меня под удар. Я, конечно, тоже переживал эту мою ошибку и обещал не повторять этого.

Зато на другой проверке я дал своему учителю компенсацию по литературе. Мною было прочитано стихотворение великого русского поэта Некрасова, которое мне тоже лично дал учитель, — «Песня о труде». Меня похвалили, сказав, что у меня хорошее произношение и дикция, что вообще прочитано с чувством.

Были экзамены по Библии в присутствии так называемых старейшин, в том числе и духовника. Второй учитель, занимавшийся по еврейским предметам, в том числе по Библии, был недоволен теми учениками, которые, по его мнению, нестарательно изучали Талмуд. Особенно он был сердит на меня, поэтому проверку он начал прямо с меня. После некоторых вопросов, на которые я неплохо отвечал, мне был поставлен вопрос о пророках: Исайе, Иеремии и Амосе. Я начал свой ответ с Амоса. Его-то я знал лучше других еще от первого моего учителя и еще, видимо, потому, что его «пророчества» больше всего выражали чувства бедняков, да и сам он происходил из пастухов. Я и начал с цитирования Амоса, который бичевал алчность богатеев, нарушающих справедливость, накапливающих свои богатства насилием и грабежом. Амос разоблачал правящую знать, проклинал царей, князей, военачальников, которые, как и богачи, живут в каменных палатах, спят в кроватях из слоновой кости, питаются отборными ягнятами и телятами, пьют вино из золотых чаш, натирают свое тело бальзамом и бросили заботу о тяжелом и бедственном положении народа и так далее.

Мы, изучавшие тогда в детстве Библию, чувствовали, что Амос костит царей и богачей, и нам это очень нравилось. Но мы, конечно, тогда некритически относились к этим пророкам, кото-

рые, отражая недовольство народных масс и критикуя угнетателей, призывали к терпеливому ожиданию спасения от Бога и его мессии, а не звали к борьбе с угнетателями бедного народа.

В детстве я, естественно, этот последний вывод не понимал, зато я помню, как в 1912 году в Киеве, когда мне пришлось выступать против сионистов, я хорошо и удачно использовал и привел вновь слова Амоса с соответствующими большевистскими выводами. Амос, говорил я, разоблачал и проклинал таких богачей, как нынешние ваши сионистские киевские миллионеры Бродские, Гинзбурги и другие, с которыми вы, сионисты, зовете нас, рабочих и бедняков, объединиться в якобы единой еврейской нации. Амос уповал на то, что Бог их накажет и его мессия спасет нас. Но мы, рабочие, сегодня не будем ждать наказания божьего Бродским и Гинзбургам и спасения нас мессией — мы вместе со всеми революционными рабочими России всех наций будем бороться с капиталистами всех наций, чтобы уничтожить гнет угнетателей — богачей и их правящих покровителей.

Но недолго длилась моя учеба. Вскоре оба учителя уехали — нелады между ними форсировали их отъезд.

Кончилась и моя учеба в этой школе, которая расширила мои знания и дала мне базу для подготовки, в порядке самообразования, к экзамену за четыре класса городского училища и для осуществления моей мечты о дальнейшей учебе. Во всяком случае, здесь реально я ощутил великую роль школы и учителей, даже такой несовершенной школы, в которой я учился в Мартыновичах.

Но мне хочется еще добавить, что в Мартыновичах я не только получил минимум знаний, но и расширил свой кругозор политически, приобрел много нового в понимании отрицательных сторон существующего царского строя.

Село Мартыновичи было волостным центром. Оно было больше нашей деревни, в нем было побольше кулаков и зажиточных и больше бедняков. Центр волостного правления с его старшиной Ребриком был грозой не только для крестьян, но и для всех жителей, кроме, конечно, богатеев. Беднота всех наций остро испытывала на себе гнет существующего царского строя, непосредственно обрушивавшегося на нее через волостное правление — его старшину и урядника, которые по своему произволу толковали и применяли законы царской империи.

Сколько раз, например, мы, дети, наблюдали душераздирающие сцены, когда выталкивали, а то и выбрасывали на улицу из волост-

ного правления оборванных бедняков, приходивших в волость жаловаться на старосту или на богатея-кулака, ободравших их как липку, или приходивших просить отсрочку по платежам недоимок по налогам. Были такие же сцены и с бедняками-ремесленниками. Одни ревели, другие ругались крепко, вспоминая богов и ни в чем не повинных матерей. Зато с каким почетом и даже низким поклоном сопровождал холуй-писарь богатых кулаков в добротных свитках, тулупах и густо смазанных дегтем хороших сапогах или зимой в валенках. Запомнился мне врезавшийся в память случай, когда привезли в волостное правление двух пойманных якобы конокрадов. Мы их видели, когда их вели. Это были обычные бедно одетые крестьяне, высокие, статные. Но назавтра, когда мы их смотрели уже в «холодной», их уже нельзя было узнать. Это были не лица, а сплошное месиво, все заплыло, глаз не видно было, они уже не стояли и не сидели, а лежали и стонали. Так их «попотчевали» в волостном правлении, нещадно избив. Но самое ужасное, трагическое было в том, что через неделю поймали действительных конокрадов, пользовавшихся репутацией «порядочных», так как они были богатыми. А ранее объявленные «конокрадами», избитые до полусмерти, так и оставшиеся инвалидами, были порядочными и честными бедняками. Их просто выпустили без какой-либо компенсации, помощи и даже элементарно объявленной реабилитации.

О самом старшине Ребрике я уже говорил в связи с Лубянским восстанием. Помню, когда он ходил по улице, детишки забегали вперед и кричали: «Ребрик идэ». Это означало — держитесь подальше, бо «холодная» близко, он придерется к чему-либо, и ты мигом попадешь туда. Урядник формально не был ему подчинен, но фактически выполнял его волю, так как старшина был из самого Радомысля и, чего доброго, станет еще высоким начальством. К «холодной» мы бегали часто, давая через решетку сидевшим там то хлеба, то кусок сахару, а сидели там всегда.

Однажды мы услышали громкое, какое-то особое, неукраинское, незнакомое пение. Когда мы подошли ближе, сотский, в отличие от прежнего, не пустил нас, ничего не объясняя. Это нас взволновало. Оказалось, что привели по этапу высланного в нашу волость политического «преступника». Когда его выпустили, он, как кузнец по профессии, поступил работать к нашему кузнецу, с которым мы жили вместе у портного. Новенький ссыльный тоже поселился там и спал на полу вместе со мной и Яшей. Говорил он мало, да и надо сказать, что он казался не настолько развитым, чтобы вести серьез-

ную политическую беседу, а может быть, имея намерение бежать, он не хотел распространяться, но не говорил нам, кто он — социал-демократ, или эсер, или анархист. Он только говорил, что он против всех мерзавцев-угнетателей. Одно это уже расположило нас в его пользу. Здорово он пел революционные песни: «Варшавянку», «Марсельезу» и песню, начинавшуюся словами: «В голове мои мозги высыхают» — это, объяснял он нам, тюремная песня. Через три недели его след простыл — он бежал. Хотя он мало добавил к нашему политическому просвещению, но одним соприкосновением с ним и особенно революционными песнями, несомненно, добавил революционную, боевую, смелую искорку в наши молодые души.

Итак, кончилась моя учеба в школе, и я начал свою учебу путем самообразования, продолжающегося всю жизнь до настоящего времени. Трудно было начинать по-новому учиться, особенно самому. Но на первых порах меня выручал тот же первоначальный мой благодетель — учитель нашей деревенской школы Петрусевич. Он был более образованным, чем требовалось для двухклассной деревенской школы, особенно по истории, и он помог мне сосредоточиться особенно на этой науке. Он также помогал мне по литературе, в особенности по изучению украинской литературы. Хотя самих книг украинских писателей, в том числе Тараса Шевченко, не было, но он их знал и мне подробно о них рассказывал (кроме Шевченко, о Панасе Мирном, Коцюбинском и других). Это были первые камни, первые вклады в мое понимание и позднейшее глубокое изучение замечательной украинской литературы и украинской культуры. Важно было еще и то, что Петрусевич преподносил это мне с душой не националистически настроенного человека, противопоставляющего славную украинскую литературу великой русской классической литературе, а, наоборот, связывая ее прогрессивные народные стороны с революционно-демократическими чертами русской классической литературы в духе Белинского, Чернышевского.

Учитель Петрусевич был первым представителем российско-украинской передовой революционно-демократической интеллигенции, которого я встретил в своей деревне Кабаны и который оставил в моей душе на всю жизнь самую лучшую память и чувство глубокого уважения и благодарности. Эти мои чувства были у меня тогда особенно душевны, потому что я наглядно сравнивал его с таким черносотенным типом, как «Бурчилло», и видел, что Петрусевич, этот русско-украинский интеллигент, честно и чутко относится и оказывает свою помощь трудящейся бедноте без раз-

личия наций, проявляя этот свой, так сказать, интернационализм и укрепляя в моей душе семена интернациональных, братских чувств ко всем трудящимся всех наций и народов.

Я рассказал ему мои планы и намерения по дальнейшей учебе. Он не только согласился, но даже сказал, что я по ряду предметов знаю больше, чем требует программа четырехклассного городского училища, особенно по истории и литературе, и поэтому можно даже ускорить подготовку экзаменов на «аттестат зрелости». Он даже поощрял меня на литературную работу. Когда я ему рассказал о работе вместе с отцом и братьями по сплотке плотов и сплаву леса, он сказал: «Ты так хорошо рассказываешь, что надо попробовать написать это». И я написал небольшой рассказ на эту тему, добавив еще о живом лесе, невырубленном, которым наслаждаются люди и пользуются его плодами. Ему очень понравился этот рассказ, реалистически отражающий, как он сказал, природу и жизнь человека.

Вскоре Петрусевич уехал, да и мне пора было готовиться к отъезду в мой заветный Киев, где я мечтал добраться до Киевского университета.

Но для отъезда из деревни надо было приодеться, обуться, да и, как говорил отец, иметь в кармане несколько рублей на случай, если сразу не найдешь работы. Родители мне ничего не могли дать на это, надо было самому заработать.

Поскольку в нашей деревне пошли слухи, что вот появился «грамотей» — сын Мошки Кагановича, к отцу обратились некоторые из села Ильинцы, что в четырех верстах от нашей деревни, чтобы я давал уроки их сыновьям по общеобразовательным предметам. Уговорились об оплате: за каждый урок по 1 рублю два раза в неделю. Для этого я должен был ходить пешком туда и обратно. (Вероятно, я был тогда самым молодым «учителем» в стране.)

Недолго длилось это мое «хождение по мукам» учительства в Ильинцы, так как к отцу обратился тот кузнец, с которым мы с Яшей жили в Мартыновичах в одной квартире. Он, оказывается, переезжал на более выгодное для него место под самым Киевом, в Горностайпольский район, село Хочава. Там, кроме крестьян, были и помещики Лукомские и Трубецкие. Они давали ему кузницу и перспективы хорошего заработка. Вот он и обратился к моему отцу с предложением отдать меня ему в обучение кузнечному делу, с тем чтобы я одновременно учил его двоих сыновей общеобразовательным предметам, в особенности русскому языку. Физический рост мой был уже почти завершен, и я мог выпол-

нять обязанности помощника кузнеца, даже молотобойца, а по знаниям выполнять роль учителя его сыновей — за это он обязался платить мне по 3 рубля, а если у него дела пойдут хорошо, 4 рубля в месяц на всем готовом, то есть с кормежкой.

Этот кузнец лично был человеком симпатичным. Но он своим предложением отцу и мне совершал довольно выгодную для себя сделку — он получал одновременно и рабочего — помощника кузнеца, и прослывшего в окружающих деревнях «грамотея»-учителя для обучения его двух мальчиков (10 и 7 лет). Мы это понимали, но отец, мать и я лично дали на это свое согласие. Для меня самым привлекательным в этом было то, что я еду в район поближе к Киеву, куда легче перебраться. Привлекательны были и обе перспективы: либо стать квалифицированным рабочим — кузнецом, либо после совмещаемого «учительствования» — возможная перспектива дальнейшей учебы.

Из Кабанов я уезжал, чувствуя себя так, будто я уже давно вышел не только из детства, но и отрочества, да и, строго говоря, в те времена трудно определить, когда кончается детство, начинается отрочество, а затем даже юность — это дело, по-моему, индивидуальное и социальных условий жизни, которые ускоряют этот процесс. Однако даже при созревшем новом содержании остаются еще такие нити и формы, которые долго-долго напоминают о прежнем детском состоянии — вот со мной это и было, когда я уезжал из своей деревни, прощаясь с нею, с моими детством и отрочеством.

В моем прощании заняла значительное место не столько материальная сторона (вещей-то было — кот наплакал), сколько психологическая. Я вновь встречался со своими дружками, сверстниками, походили мы все по тем же местам, лесочкам, лугам, ярам и оврагам, вспоминали нашу пройденную вместе «длинную» жизнь. Да и надо сказать, хотя она была весьма короткой, но вспоминать было о чем.

Как ни бедна наша деревенская детская жизнь, она имела много своих прелестей, своей не прикрашенной, а настоящей жизненной романтики.

Бедные люди, независимо от их национальности, особенно их дети, чувствуют, что без маленьких радостей, когда нет больших, жить невозможно, и они часто создают себе эти радости. Они умеют их находить в общении друг с другом и взаимопомощи, в окружающей их природе: на лугах, полях, речках, в цветах и, наконец, в песне и плясках. (У некоторых взрослых есть, конечно, и извращенные

«радости» — выпивка и тому подобное, но это уже не радость, а слезы.) Сколько, например, душевной радости, чистоты, поэзии и романтического наслаждения приносили и приносят летние ежевечерние песни и танцы на площадке или на широкой улице молодых «хлопцив и дивчат, колы мисяць починае выдаваты свое свитло и починаеться и разгортаеться спивання, танцювання, и одын другого поривояться повэршити и пэрэмогты — аж дух пэрэхоплюе!»

Но самым главным была та согревающая душу среда: семейная, соседская, какая складывалась годами и врастала крепкими глубокими корешками в души людей, особенно в юные, чистые, незапятнанные души детей.

Я не хочу сейчас прикрашивать действительность и идеализировать всех и вся — были и драки, и подвохи, и хитрые каверзы — все то, что дети воспринимают от взрослых, наряду с хорошим и плохое.

Спорили мы, ребята, между собой и за то, что некоторые ломали без нужды молодые деревца просто из озорства. Один, например, парень любил гоняться за цыплятами и однажды схватил одного за ножки, а когда мы за ним погнались, он швырнул его нам и тем убил его. Мы долго бойкотировали этого мальчика за это, просто не разговаривали, пока он со слезами не попросил у нас прощения.

Вообще мы, более смелые, защищали робких и слабых ребят от хулиганствующих. Мне, например, особенно запомнился один верзила, который был постарше нас и избивал ребят, добиваясь этим беспрекословного послушания. И вот однажды, когда он с обычным своим нахальством начал наступать на меня, я имевшейся у меня в руках лозинкой его хлестнул. Вначале он продолжал храбро наступать — царапина была небольшая. Но когда он увидел, что у него просочилась кровь, он начал реветь. И с тех пор перестал избивать детей, за что ребята благодарили меня, осмелившегося дать ему отпор.

Важно особенно подчеркнуть, что, как правило, и у взрослых, и у малышей получался, так сказать, естественный социально-классовый отбор друзей, товарищей и приятелей, отбиралась ровня по бедняцкому своему положению и притом независимо от национальной принадлежности. Дети бедняков и середняков: украинцы, русские, евреи, поляки, белорусы были друзьями. Были те или иные исключения, но, как правило, я не видел случаев как в Кабанах, так и в Мартыновичах, чтобы дети бедняков оказывались бы близкими дружками детей богача русского, украинского или еврейского или, тем более, детей старшины, урядника, писаря и прочих из волостного правления.

Мы, дети, видели и уже понимали то, как великорусские националисты, например, противопоставляли русских как представителей более культурной нации украинцам, как к представителям более-де отсталой нации, враждебной якобы русским, а на деле украинцы («хохлы», как их презрительно называли) относились к русскому трудящемуся народу как к родному брату, в то время как украинцы-старшины вместе с урядниками-русскими подавляли украинскую культуру и украинских трудящихся.

Черносотенцы — русские и украинские — натравливали русских и украинских трудящихся на евреев, призывая к погромам, но в нашей, например, деревне, да и не только в нашей, и в окружении трудящиеся крестьяне даже в начале XX века, когда из Кишинева, Одессы и других мест приходили вести о еврейских погромах — не было таких настроений и тем более действий. Была в деревне группа черносотенцев во главе с сыном лавочника — украинца, конкурировавшего с еврейским лавочником, которая пыталась натравить крестьян на еврейскую колонию, в том числе на бедноту, то есть на большинство колонии, но все их поползновения успеха и сочувствия у большинства трудящихся крестьян не имели.

Не имели успеха и еврейские националисты-сионисты, стремившиеся привить трудящимся евреям-беднякам недоверие и враждебность к русским, украинским трудящимся. Основная масса еврейской трудящейся бедноты и особенно, как я потом увидел в Киеве, еврейские рабочие на Украине не поддались национал-шовинизму. Они видели и знали, что российский пролетариат, рабочие Питера, Москвы ведут борьбу за освобождение всех угнетенных наций — украинцев, поляков, евреев и других наций царской России.

В мои детские годы в деревне еще не знали таких слов, как интернационализм, солидарность трудящихся, и тому подобных, но существо солидарности трудящейся бедноты и рабочих, инстинктивные стихийные чувства интернационализма глубоко сидели в душах угнетенных, к этому их толкало само их положение угнетенных. Не идеализируя положение и людей, какими они были, и не замазывая имевших место фактов бессознательности, темноты, делавших немалое количество людей и из трудящихся жертвами национализма, шовинизма и антисемитизма, я хочу подчеркнуть, что в моей детской памяти не сохранилось фактов проявления среди основной массы трудящихся крестьян и ремесленников нашей деревни шовинизма вообще и антисемитизма в частности.

Я помню, когда я уезжал из деревни, проводить меня пришли не только мои дружки, для которых это было большим событием, но и взрослые соседи-крестьяне и ремесленники. Все они душевно, дружественно прощались со мной за руку, а некоторые даже целовали. Каждый из них выражал наилучшие пожелания счастья в жизни. Многие из них, прощаясь, говорили: «Спасыби тоби, Лейзар, за тэ, що просвищав нас». Близкие соседи, видя грусть моего отца и моей матери, провожающих своего самого младшего сына, утешали их: «Вы, Мошка и Геня, не журиться, Лейзар у вас хлопэць моторный, а язык у його такый що нэ тилькы, як кажуть, до Кыева довэдэ. А ты, Лейзар, — наказывали они, — нас нэ забувай, всэ ж такы, наша деревня тоби сама ридна, цэ тэ гниздо, дэ ты вырис, памятуй же, видкиля прыйшов».

Глубоко тронутый душевностью провожавших, я взволнованно по-детски и по-взрослому поблагодарил их и клятвенно обещал: «Завжды буду памятати свою деревню Кабаны, свий ридный край и николы нэ забуваты, видкиля прыйшов».

НА ПУТИ В КИЕВ

Уезжал я из деревни с твердым ощущением и сознанием, что уезжаю «зовсим», навсегда, что Горностайполь для меня лишь пересадочный пункт в Киев, тем более что там — рукой подать. Чувствовали это и мои родители, которые, будучи довольны тем, что я становлюсь самостоятельным, в то же время с родительским страданием переживали отъезд самого младшего из пяти сыновей — любимого сына. Да еще отец был огорчен тем, что еду в «кузнецы», тогда как он и мать мечтали, что я, как они говорили, буду хорошим учителем.

Выехал я из деревни на перекладных. Сначала в Чернобыль на попутной подводе, с Чернобыля тоже на попутной крестьянской подводе до Детьковской бумажной фабрики, а оттуда на бричке приказчика фабрики, которая отвозила его сынка в Горностайполь, я добрался до села Хочава.

Не обошлось мое путешествие без серьезной аварии. Дело в том, что, выезжая из Чернобыля, мой возница изрядно хлебнул «горилкы», по дороге пел украинские песни и допелся до того, что на одной из «гребель» наша «пидвода» опрокинулась, и мы попали в ледяную воду. Надо отдать справедливость моему певучему

living вознице: он быстро справился с аварией, поставил на колеса «пидводу», а лошади сделали полагающееся им дело — вытащили нас на берег. Но одежда наша совсем была мокрая, а сами мы, особенно я, были чертовски замерзшими — зуб на зуб не попадал. Хорошо, что вблизи оказался крестьянский хутор, а в нем хорошие, добродушные хозяева. Помню, что хозяйка ахнула, посмотрев на меня: «Та ты ж увэсь сыний, скидывай всю одежду и сорочку, я тоби, хлопче, дам сухэ, чистэ. Ликарств у нас нэма, е тилькы горилка, цэ найличше ликарство вид остуды». Этим лекарством она не только протерла мне ноги, грудь, плечи, но и настояла на том, чтобы я выпил «вэлыку чарку горилкы», конечно с закуской. После сна и согрева я себя почувствовал хорошо, никаких признаков простуды, а ведь несомненно была опасность воспаления легких. Я был тронут такой заботой и чуткостью со стороны этой великодушной и сердечной крестьянки.

Хочава оказалась интересным для меня пунктом. Дело в том, что в нашей деревне я мало соприкасался непосредственно с помещичьими имениями и помещичьей эксплуатацией батраков и крестьян, потому что в самой нашей деревне помещика не было. А тут в районе Хочавы оказалось два помещичьих имения: одно среднее в самой Хочаве — Лукомских, а другое в двух километрах — большое имение князя Трубецкого. Это последнее было особенно «образцом» диких остатков крепостничества после обманной, так называемой великой крестьянской реформы. Невероятная чересполосица, малоземелье крестьян, колоссальные налоговые и выкупные платежи, зависимость крестьян не только от самого князя, от его многочисленных холуев, не говоря уже о властях и чинах всякого рода.

Особо тяжелое положение я увидел у крестьян-переселенцев из далекой Волыни. Они купили клочки земли у Трубецкого и отчасти у помещицы Лукомской. Частично они выплачивали деньгами, частично отрабатывали на полевых работах. Домов у них не было, выкопали землянки и жили в них. Я посещал их землянки, в сравнении с которыми наши кабановские самые бедные хатенки казались «дворцами». В беседе с волынцами, знакомясь с их жизнью, я видел беспросветную нужду, оборванную одежду и полуголодное существование. Школы не было в Хочаве. Дети не учились, тем более что если в нашей деревне Кабаны по-русски говорили, точнее «суржиком», то есть на смеси украинского с русским, и понимали все, то здесь волынцы по-русски плохо говори-

ли и не все понимали. Видимо, русификаторская политика царизма на Волыни возымела меньшее действие.

Старожилы деревни Хочава жили лучше волынцев, но и здесь бедноты было большинство, из которой формировались кадры батраков, работавших у Лукомских и Трубецких. Меня очень интересовало положение крестьян и батраков при наличии помещичьих имений. Для изучения и ознакомления мне приходилось урывать время при большой загрузке. В кузнице работы было много. Я усердно старался изучать все процессы кузнечного дела, вплоть до подковки лошадей. Приходилось выполнять обязанности молотобойца, горнового, возиться с древесным углем, отбором металла, так как его много было из металлолома, и тому подобным. Одним словом, всем, чем должен заниматься помощник — ученик кузнеца и разнорабочий. Но временами бывали перерывы, так как хозяин выезжал из деревни то в Горностайполь, то даже в Киев или к управляющему имением и так далее. В это время я мог сосредоточиться на чтении или на занятиях с мальчуганами, довольно способными и быстро схватывающими предмет. Использовал я это время и для хождения по окрестностям деревни, встречаясь с крестьянами и батраками, беседуя с ними, знакомясь с новыми для меня условиями жизни и труда батраков и бедняков при помещиках. Я быстро нашел общий язык с крестьянами, с бедняками и батраками, особенно с молодыми парнями и девчатами. Я узнал, что в 1905 году здесь была большая забастовка батраков, почти дошедшая до бунта. Одно отделение имения Трубецкого было подожжено, хотели подпалить и главный дворец.

Крестьяне рассказывали, что они поддерживали батраков и даже требовали вообще передачи земли в пользование крестьян на приемлемых, выгодных для крестьян условиях, немедленного снижения арендной платы. Волынцы требовали также уменьшения выкупа и отработки за свои участки земли. Батраки требовали, чтобы работа производилась с 6 утра до 6 вечера, с выделением часа на обед и получаса на закуску; оплату в страду по полтора рубля в день и выдвигали ряд других требований. Помещица Лукомская не сразу, но вынуждена была пойти на уступки: требования батраков не полностью, примерно на 2/3, были удовлетворены. Хотя потом, не в 1906-м, а в 1907 году вернула назад часть своих уступок. У князя Трубецкого дело пошло по-другому. Он долго не хотел уступать, грозил вызовом войск. Прибыл отряд полиции, который ничего сделать не смог. В конце концов Трубецкой

сдался и принял большую часть требований забастовщиков. Но потом положение изменилось. Батраки хотели организовать новую забастовку против ущемлений, снижавших завоеванный уровень, но не было уже той организованности и революционной напористости, которая была в 1905 году. Все же я видел, что настроения у батраков все еще были решительными, чтобы не допустить снижения достигнутого уровня.

С некоторыми молодыми ребятами у меня сложились близкие, дружеские связи, мы встречались, читал я им рассказы и газеты. Но ни брошюр, ни тем более революционных листовок и газет у нас тогда не было, что я мог, то я им объяснял по общим вопросам, комментируя легальные газетные сообщения. Должен сказать, что эта связь и непосредственное приобщение к жизни батраков и крестьян в условиях помещичьих имений дало мне очень много в моей будущей жизни и революционной деятельности.

В Хочаве мне еще повезло тем, что я напал на богатую библиотеку в имении Лукомской. Мой хозяин, выполняя заказы имения, узнал об этой библиотеке и помог мне в получении книг. Это было облегчено еще тем, что у помещицы Лукомской проживала жена ее сына, про которого были слухи, что он куда-то запропастился — не то за дуэль, не то по какому-то другому делу. Во всяком случае, его жена проявила интерес к просьбе моего хозяина и дала мне доступ к библиотеке.

Я рассмотрел это как благородный с ее стороны шаг. При беседе со мной она очень удивилась, как это я, такой молодой, уже преподаю. Кажется, она была из учительниц, так как, косвенно проверив мои знания, она сказала: «Да, вы действительно знаете то, что преподаете», — и выразила согласие на то, чтобы я брал из библиотеки книги, предупредив об аккуратном с ними обращении, в частности, посмотрев на мои кузнечные руки, усмехнувшись, сказала, чтобы до чтения и перелистывания книги мыть руки. Я смущенно сказал, что это уж обязательно буду делать. Я выразил ей свою благодарность за книги, на что она ответила, что этим она выполняет долг культурного человека. Когда я рассказал это хозяину, он мне сказал, что, по его сведениям, отношение самой помещицы к ее невестке плохое, но терпит ее пребывание в имении из-за внука.

В результате я прочитал, можно сказать, проглотил большое количество важных произведений, в том числе: «Война и мир» Толстого, «Отцы и дети» Тургенева, «Мертвые души» Гоголя, «Преступление и наказание» Достоевского, «Обломов» Гончарова, многое, чего

я раньше не читал, из сочинений Пушкина, Лермонтова, Некрасова и даже некоторые сочинения Максима Горького и Чехова. Там же я приобщился и к некоторым классикам иностранной литературы: «Давид Копперфилд» Диккенса, «Отверженные» Виктора Гюго и другие. Нечего и говорить, насколько это меня обогатило и подняло мой культурный уровень и расширило мой кругозор.

Хочется отметить еще один эпизод. В деревне жил и работал молодой талантливый крестьянин-музыкант. Он замечательно играл на скрипке, я с ним сдружился. Дружба наша выразилась не только в беседах, но и в том, что я его обучал грамоте, а он меня обучал игре на скрипке. Хотя я душой воспринимаю музыку, но музыканта-скрипача из меня не получилось, зато элементарной грамоте я моего Семена научил.

Хотя я здорово уставал от работы в кузнице, но я продолжал свое самообразование по предметам. Одновременно я также старался, чтобы мои два ученика получили максимум возможных знаний. Мой хозяин был этим очень доволен и в то же время выжимал из меня все соки в кузнице, хотя по личной натуре был неплохим человеком.

Собравшись в Киев для закупки железа, он мне заявил: «В порядке премии за хорошую работу я тебя возьму с собой в Киев, там ты мне поможешь в расчетах с продавцами железа, чтобы меня не надули». (Он сам был малограмотным.) Нечего и говорить, с какой радостью я воспринял эту поездку в город моей детской мечты Киев.

Радостно я встретился с моим братом Михаилом, выражая свои восторги прибытием в Киев, излагая ему свои планы и перспективы, выношенные мною в деревне, об учебе по совместительству с физической работой. Я сказал, что больше в Хочаву не поеду и хочу остаться в Киеве. Михаил, довольный, как он сказал, тем, что я так быстро созрел и культурно поднялся, все же не проявил восторгов моими планами — найти такую работу, при которой я мог бы одновременно учиться. Я заметил, что он даже несколько огорчен и озабочен, хотя проявил выдержку и такт, чтобы не сразу обдать своего юного брата-мечтателя ушатом холодной воды и охладить его восторженное настроение. Но несколько позже он мне сказал: «Твои, брат, планы замечательны, я был бы очень счастлив, если бы тебе удалось их осуществить. Но я чувствую и знаю, что это, особенно в настоящее время, неосуществимая мечта, и прежде всего потому, что в Киеве, как и во всей России,

сейчас кризис и застой, безработица колоссальная, люди умирают с голода и холода. Так что на пути твоего плана работы и учебы стоят не только общие нынешние условия столыпинской черной реакции, но прежде всего просто вопрос о хлебе насущном. Я вот, — сказал Михаил, — квалифицированный рабочий и то еле-еле держусь на работе, лазаю по старым крышам и ремонтирую протекающую железную кровлю. Это опаснее для жизни, чем делать новые крыши, которых теперь нет, потому что почти не строят новые сооружения. Все же я посоветуюсь с товарищами, может быть, что-нибудь придумаем. Я думаю, что их заинтересует такой «грамотей», как ты». Познакомившись с моим хозяином и узнав, что он закупает солидную партию подобранного металлолома на Нижнем валу, Михаил попросил его поговорить с владельцем склада металлолома о приеме меня на работу рабочим на складе.

Мой «добродушный» хозяин решительно воспротивился. «Как это я сам, — сказал он, — пойду против своих же интересов? Он учит моих мальчуганов и помогает мне по кузнице. Кроме того, имейте в виду, что я из него сделаю настоящего кузнеца».

После долгих и неоднократных разговоров с ним он сдался, и по его просьбе владелец склада металлолома согласился принять меня на работу.

Глава 2
В РЯДАХ РАБОЧИХ КИЕВА И ДОНБАССА

НОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Итак я — в Великом граде Киеве, в рядах киевских рабочих. Правда, работа не та, которую я хотел бы, но я был доволен, во-первых, тем, что осуществилась первая часть моей мечты — жить и работать в Киеве, во-вторых, просто тем, что в трудных условиях безработицы я получил работу, этим же был доволен и Михаил.

Недалеко от нашего предприятия был на Нижнем валу ночлежный дом, или, как хозяин величал его, «заезжий дом», или «постоялый двор». Это действительно была смесь и заезжего и ночлежного дома. Он состоял из трех классов:

1-й класс — на первом и втором этажах основного здания, куда принимались заезжие гости, приезжавшие по делам в Киев из окружающих поселений, местечек, которые платили на втором этаже — по 3 гривенника в сутки, на первом этаже — по 2 гривенника в сутки; отдельных комнат не было; в общих комнатах спали на отдельных складных койках, которые на день выносились;

2-й класс — полуподвальное помещение, темное и сырое, с нарами с оплатой по 10 копеек в сутки; в этом «классе» размещался рабочий люд (несемейные), в том числе и некоторые безработные; там же устроился и я;

и 3-й класс — большое сараеобразное (переоборудованное из конюшни) строение в глубине двора, где люди спали на глиняном полу, — с оплатой 5 копеек. В этом «дворике» жили по преимуществу люди, которых принято называть «босяками». Жили там и просто безработные, которым 2-й класс уже был не по карману.

Между 2-м и 3-м классами были общения; я впервые в жизни непосредственно увидел этот «босяцкий» элемент, о котором я

кое-что знал из прочитанного в рассказах моего любимейшего писателя Максима Горького. Я увидел воочию, насколько правдиво, реалистично М.Горький описал различные типы со всеми отрицательными сторонами, а отчасти и некоторыми положительными чертами. Среди них были разные: и полностью опустившиеся на дно, и некоторые, сохранившие еще человеческий облик, мечтавшие еще о восстановлении своей человеческой личности; были и крайне противоречивые моменты — пролетарские элементы, от «анархиствующих» до черносотенствующих, в частности, отдельные из отчаявшихся безработных, подхлестываемых голодом, связывались с босяками и время от времени принимали участие в их «делишках».

Должен сказать, что, несмотря на крайнюю непривлекательность, примитивность и неудобства моего жилья, как ни тяжко было жить в этом сыром полуподвале ночлежного дома с его нарами — «нет худа без добра», — политически и психологически это принесло мне известную пользу: я вплотную, в ускоренном, так сказать, порядке узнал простой городской люд — рабочих, безработных со всеми их положительными и отрицательными сторонами. Я сблизился с лучшими из них как со своими классовыми собратьями. Хотя большинство из них были психологически подавлены тяжестью своей материальной жизни, среди них были люди, не потерявшие веру в то, что придет еще наше рабочее время, особенно среди тех, кто испытал революцию 1905 года.

Естественно, что открытые разговоры на политические темы в 1907 и 1908 годах трудно было вести, но отдельные, как бы случайные реплики подавались, особенно развязывались языки после выпивки.

В 3-м классе среди люмпенов споры шли по разным темам, причем часто доходило до драк. Мне вспоминается один такой интересный случай, когда мне довелось вмешаться в роли просветителя.

Однажды мне сказал один из обитателей нашего жилья — революционно настроенный, что в 3-м классе идут отчаянные споры о «Челкаше». Я вначале не понял — при чем тут Челкаш Горького? Но потом все выяснилось. Оказалось, что в 3-м классе ночлежки обретался один крайне отрицательный тип, который именовал себя «Челкашом». Хотя новоявленный «Челкаш» был вором и жуликом, но в отличие от горьковского Челкаша выдавал себя за анархиствующего, а был на деле черносотенствующим. Спор начался с того, что он систематически оскорблял одного де-

ревенского парня Грицько, все время упорно называл его «Гаврила», по имени второго героя рассказа Горького; несмотря на его протесты, приклеивал ему эпитеты жадного человека, готового для денег пойти на все. Некоторые, особенно безработные, поддержали паренька, но это не помогало.

Придя в 3-й класс, я застал такие острые споры по этому поводу, которые начали превращаться в драку. Не ввязываясь в эту драку, я им громко сказал: «Вы спорите, сами не зная из-за чего — давайте прочтем рассказ Максима Горького «Челкаш», тогда и решим, кто прав». Большинство с радостью отнеслось к этому и поручили мне достать книжку и прочитать им в один из вечеров, когда большинство будет в сборе. В назначенный день большинство было на месте; люди слушали с исключительным вниманием; я читал медленно, с расстановкой и, можно сказать, воодушевленно. Я и тогда, и особенно теперь поражен тем, с каким большим интересом и одобрением отнеслись эти обреченные люди — босяки и голодные безработные — к этому рассказу Горького и какие споры он вызвал. Я не буду излагать все последующие высказывания, но можно их, в порядке резюмирования, свести к следующему. Босяцкие элементы озлобленно говорили о Гавриле, находя в нем общие, по их мнению, для крестьян черты, — от жадного, говорили они, можно всего ожидать, в том числе и предательского убийства, как это хотел Гаврила сделать с облагодетельствовавшим его Челкашом; в противоположность им по преимуществу крестьяне-безработные, не защищая Гаврилу, а даже порицая его, критиковали и Челкаша, который ворует и все пропивает — ни себе, ни людям. Они особенно и правильно настаивали на том, что не верно, не все крестьяне жадные, как говорили некоторые босяки, есть, конечно, и такие жадные, готовые ради денег на все, но в большинстве нам, крестьянам-беднякам, «не до жиру — быть бы живу»; вот мы от разорения и от нужды приехали в город и погибаем вместе с вами, того и гляди, еще и босяками заделаемся.

Лично я сказал в заключение, что в деревне, как и в городах, есть и жадные, корыстные люди, но беднота и средние крестьяне — люди честные и не похожи на Гаврилу. Горький сам подчеркнул и остро осудил жадность и двоедушие Гаврилы, чтобы предотвратить падение других, склонных к этому, но никак не распространяет черты жадности Гаврилы на все крестьянство, в особенности на бедноту.

Припоминая весь ход этого своеобразного «литературного вечера», должен сказать, что он проходил на грани перерастания

в политику, но, приученные опытом частого неожиданного наскока полиции в их обиталище, все без уговора не переходили грани. Я с большим удовлетворением вспоминаю это первое инициативное массовое мое действо, которое показало мне великую силу литературы и слова для воспитания людей, оно было очень полезным для меня и, думаю, что и для людей, участвовавших в нем.

Хотя общение с жильцами нашей «ночлежки» давало мне многое для воспитания чувств солидарности с рабочими, бедняками всех наций, но, естественно, что решающее, наибольшее первичное классовое воспитание я получал на работе, непосредственно связываясь с рабочими-пролетариями, продающими свою рабочую силу как товар. Поработав там, я сроднился с ними, мы лучше узнали друг друга; не все были одинаковы в своем поведении, по сознанию, были крайне отсталые элементы, выпивохи, но было немало сознательных рабочих, которые возмущались не только экономической эксплуатацией, но и политической реакцией, господствующей в стране.

Проявляя большую осторожность, сложилась небольшая группа таких сознательных рабочих, среди которых я был самым молодым, как говорили мои сотоварищи, «молодой да ранний». Это, конечно, не была партийная группа, но просто революционно настроенные рабочие социалистического направления. Я им, как мог, рассказывал об истории Французской революции, декабристах, о крестьянской реформе и — что знал — о рабочем движении России, то, что я узнавал из общения со старыми большевиками, с которыми меня познакомил и связал Михаил.

Особенно важным, если можно так выразиться, вкладом, или моим первым взносом в классовое сознание моих товарищей — рабочих был мой рассказ о прочитанной мною небольшой по объему, но важной брошюры Вильгельма Либкнехта «Пауки и мухи», которую я получил от старых большевиков. Я не буду здесь излагать богатое содержание этой небольшой по объему книжки, но советую всем молодым товарищам найти ее и прочитать, не только потому, что она полюбилась мне в юношестве, но и потому, что она ярко, образно, коротко дает суть того капиталистического строя и капиталистов, которые, как пауки, высасывают всю кровь из мух-пролетариев. Помню, какое огромное впечатление произвел на рабочих мой рассказ о ней не только тем, что она отражала их жизнь и положение, но и потому, что Вильгельм Либкнехт — этот старый соратник Маркса (отец Карла

Либкнехта) призывал рабочих не быть мухами, а бороться против пауков-кровососов-капиталистов.

И надо сказать, что это не было простым просвещением рабочих, оно привело к тому, что в тяжких условиях столыпинской реакции рабочие, хотя и помаленьку, начинали показывать, что они не мухи. У нас это конкретно проявилось в маленькой если не забастовке, то в серьезной «волынке» — в активном проявлении своего недовольства и протеста. Дело в том, что хозяин никакой спецодежды нам не давал; и мы придумывали разные способы «спасения» своей ветхой одежонки. Я, например, применил такое «изобретение»: нашел большой толстый мешок, сделал прорези для головы и рук и через голову надел его на себя — получилось нечто вроде робы, — перевязал в поясе веревкой, и получилась своеобразная спецодежда. Все рабочие последовали моему примеру, посмеиваясь, приговаривали: «Голь на выдумки хитра», а другие добавляли: «И дешево и сердито».

Но с рукавицами мы справиться не могли, тут мешковина не поможет — наступала зима. Старые, у кого были, порвались, а без рукавиц зимой к металлу не подойдешь.

И вот наступил черед второго действенного практического взноса в сознание рабочих после «Пауков и мух». Не скрою, что с гордостью вспоминаю мою инициативу в предъявлении хозяину требования — выдать нам рукавицы. Не все вначале согласились, боясь увольнения, так как вокруг ходило много безработных, которых хозяин тут же может принять; но все же, сговорившись, рабочие настойчиво сказали хозяину, что без рукавиц зимой никакой рабочий, кого бы он ни принял, работать не сможет. Вначале он отделался фразой: «А где я их возьму? Доставайте сами». Мы ему сказали, что работаем 12 часов в день и нам некогда их искать, а вам полегче их достать. Мы фактически предъявили требование с предупреждением, что без рукавиц работать не сможем и не будем. Это была угроза забастовки. Хозяин, видимо, не желая, как он говорил, скандала, да еще возможного вмешательства полиции, на деле не считая целесообразным зимой менять состав сработавшегося коллектива рабочих, особенно в связи со срочными заказами, спасовал, достал рукавицы и снабдил нас ими. Нужно было видеть нашу радость не столько от самого факта получения рукавиц, сколько от окрылившей нас всех, в том числе робевших, первой маленькой победы — коллективного единодушного выступления рабочих. Больше того, борьба за «рукавицы» на складе

металлолома стала известна рабочим других предприятий Подола и произвела хорошее впечатление и влияние на рабочих. Особенно высоко оценили это действие старые большевики, которым я об этом рассказал. Они говорили, что это маленький, но хороший признак активизации рабочих.

В мое положение на работе этот мой инициативный, действенный вклад в борьбу «за рукавицы» внес ухудшение — хозяин узнал о моей активности, сделал свои выводы. Он поставил меня на более тяжелую работу по крупногабаритному металлолому, несмотря на негодование многих рабочих тем, что совсем молодого еще рабочего хозяин поставил на такую тяжелую работу. Я не сдавался, бодро работал, во всяком случае изо всех сил старался не показывать виду, что мне тяжело, и работал, сгоняя семь потов. Но, естественно, физически мой молодой организм с трудом выдерживал, да к тому еще и «роба» не грела, а под ней теплой одежды не было и тем более теплого белья, свитера не было — в результате я простудился и заболел воспалением легких.

В больницу попасть нашему брату невозможно было, в ночлежке на нарах тоже невозможно было оставаться, и Михаил устроил меня в комнате старого большевика, рабочего-металлиста, двоюродного брата (по матери) Григория Шимановского, у которого как раз гостила его сестра Паша, которая помогала в уходе за мной. Навещал и лечил меня старый врач, либерально, в хорошем смысле, настроенный Шрейбер, дочь которого, Серафима, была связана с большевиками и потом сама стала большевичкой.

Кризис болезни прошел, и я начал выздоравливать — молодой организм победил. Прощаясь, врач сказал: «Благодари родителей, что наделили тебя крепким организмом — будешь долго жить, но сейчас нужен хороший уход и хорошее питание. Нужно ехать в деревню. Там родители окончательно поставят тебя на ноги». Я заартачился, заявив, что останусь в Киеве, но авторитетное для меня слово Михаила решило дело, и я выехал временно в деревню.

В деревне меня встретили с радостью. Мать и отец были, конечно, удручены тем, что я болен и выглядел неважно, но были рады, что приехал живым, тайно, не говоря мне, лелея мечту, что я останусь надолго в деревне. Рады были видеть меня и соседи, особенно, конечно, сверстники (Назар Жовна, Левко Терешко, Есип Тарахтун, Шмилик Вайсберг и другие). Родители делали все для них возможное, чтобы я быстрее поправился и окреп.

С наступлением весны я уже чувствовал себя настолько ок-

решим, что заявил родителям, что мне пора готовиться в обратный путь — в Киев.

Родители попробовали было возразить, но сами поняли, что другого выхода нет, в деревне мне не жить.

Однако на пути к отъезду вновь встали те же вечные трудности — денег ни у меня, ни у родителей не было, их необходимо было заработать. Благо спрос на мою скромную грамотность был. Поэтому и я, и мои наниматели были довольны уговором, по которому я в течение нескольких месяцев буду давать уроки по общеобразовательным предметам, в особенности по русскому языку, небольшой группе учеников, в частности сыновьям моего дяди Арона.

Заработав за три месяца 12 рублей, я получил возможность вновь выехать в Киев. Утешив своих любимых родителей, горячо и трогательно попрощавшись с ними, со всеми родными, со всеми соседями крестьянами и моими дружками, я вновь выехал из деревни, но уже прямо в Киев через Чернобыль.

Как и в первый раз, в Киев я прибыл в годы продолжавшегося промышленного застоя, безработицы и столыпинской реакции. В Киеве было громадное количество безработных, которые стойко переносили свою беду, перебиваясь с хлеба на воду, зарабатывая гроши на попадавшейся временами поденной или эпизодической случайной работе — в эту категорию попал и я. Мои поиски работы не увенчались успехом, удача, давшаяся мне в первый мой приезд в Киев с работой на складе металлолома, не повторилась.

Когда я сразу по приезде пошел на этот склад, хозяин меня встретил отказом, сказав, что работы нет, при этом не преминул бросить мне издевательскую фразу — «вот привез бы из деревни свои рукавицы, тогда мы бы подумали», напомнив мне этим о нашей схватке за «рукавицы».

Официальной «биржи труда» на Подоле не было; были отдельные пункты, известные как места сбора безработных и их найма. Одним из центральных таких пунктов на Подоле было здание Контрактовой ярмарки у толкучего рынка. Вот туда направился и я вместе с группой таких же молодых парней. Трудно сегодня передать наше душевное состояние того времени в ожидании попасть на какую-либо работу. Как и все собиравшиеся здесь безработные, мы чувствовали себя подавленными прежде всего голодом, жалким положением ожидающего, как милостыню, счастливого случая получить работу; мы были оборванные, ибо все лучшее из одежды было уже продано на толкучем рынке. Попа-

давшаяся время от времени работа была тяжелой и неприглядной. Больше всего это была работа по переносу тяжестей: мебели, мешков, ящиков с продовольствием и товарами. Вокруг Контрактовой ярмарки было расположено много оптовых магазинов — мануфактурных, гастрономических, хозяйственных. Вот покупатели, больше всего из провинции, брали нас для переноса мешков, тюков, ящиков на довольно большие расстояния, это было дешевле, чем нанимать извозчика. Труд человека стоил дешевле труда лошади, и мы были рады и этому редкому заработку, который мы копейками рассчитывали на неделю, а то и на месяц жизни.

Я лично стойко переносил эти мытарства, но по сравнению с другими у меня в душе еще была затаенная печаль и, если можно так выразиться, обида на судьбу, которая растоптала мою мечту об учебе.

Специальности я не имел, кроме первичного ученического освоения кузнечной работы и рабочего на складе металлолома. Но природные качества здорового, рано повзрослевшего парня давали мне возможность выполнять любую физическую работу, а способностями овладеть любой специальностью природа меня тоже не обидела. С этими настроениями я еще энергичнее занялся поисками работы. Однако «покупателей» моей рабочей силы было мало.

Наступил приплав по Припяти — Днепру в Киев плотов леса и дров. Я знал это дело еще с детских лет, когда работал с отцом и братьями на берегу реки. Уша по подготовке ими плотов к сплаву. Сговорившись с тремя крепкими парнями, которых я знал по нашей бывшей ночлежке, мы отправились к берегам Днепра в окрестностях Киева, куда причаливали плоты, и там нам удалось получить временную работу. Работа была физически тяжелая, платили нам по 80 копеек в день за 12–14 часов работы. Устроили мы на берегу курень, в котором спали, закупили харчи и, проработав 15 дней, кое-что накопили для более «спокойного» ожидания следующей работы.

Хотя мы основательно уставали, но работа на чистом воздухе и жизнь в курене укрепили наш организм после голодных дней и недель; настроение наше здесь, в «поэтической» обстановке Днепра, явно улучшилось. Подрядчик, который нас принял на работу, видимо удовлетворенный тем, что лес и дрова вытащили мы на берег досрочно, сказал нам, когда примерно прибудут следующие плоты, чтобы мы наведывались, и он нам вновь даст работу.

Мы были очень рады этому, не задумываясь над тем, что хозяин изрядно заработал на досрочном выполнении нами этой рабо-

ты. И действительно, в указанный срок мы явились и получили ту же работу, однако, осмелев, мы сказали, чтобы нам платили по рублю в день; сговорившись на 90 копейках, мы были довольны — все же на один гривенник больше прежнего.

Результатом этого второго тура было еще то, что мы установили связь с лесопильным заводом, которому поставлялся лес, и дровяными складами, куда доставлялись дрова. На лесопильном заводе на берегу Днепра в городе, недалеко от Нижнего вала, двое из нас — я и Грицько — получили временную работу, а двое устроились, тоже временно, на дровяных складах.

На лесопильном заводе, кроме лесопильной рамы, никакой механизации не было. Работать приходилось вручную; работа была тяжелая и с точки зрения охраны труда крайне опасная. Помню, как одному рабочему скатившееся бревно сломало ногу, и он на всю жизнь остался инвалидом, не получив никакой компенсации и пенсии. Но выхода не было, забастовки были несвоевременны. Безработных на набережной много, готовых легко пойти на штрейкбрехерство, профсоюза не было, и защитить бастующих некому. Но и этот лесопильный завод вскоре закрылся, и мы вновь остались без работы.

В период завоза зерна по Днепру на киевские мельницы мне удалось с большим трудом получить работу грузчика на большой мельнице миллионера Бродского, и я успешно таскал, как и взрослые старые грузчики, мешки по пять пудов. Условия работы были тяжелые: пыль невероятная, спецодежды, конечно, никакой не выдавали, таскать мешки приходилось вверх, доски на мостиках были ненадежны, то и дело ломались, рабочие падали, получали увечья. Нормы были высокие, за полное их выполнение рабочий-грузчик получал по 75 копеек в день при 12-часовом рабочем дне. Обращение надсмотрщиков было невыносимое, доходившее до побоев. Заправских старых грузчиков надсмотрщики побаивались, да они и отругивались по всем правилам матерного лексикона. Но мы, новенькие, молодые, первое время терпели. Постепенно мы начали роптать, этот ропот завершился организованным нашим протестом перед высшей администрацией. Явившийся к нам представитель этой высшей администрации заявил нам: «Вы еще неполноценные грузчики, мы вас приняли, рассчитывая, что вы будете примером и образцом дисциплины, а вы вон какие! Смеете протесты подавать, а знаете, что за это вам будет, если мы вызовем полицию? Чтобы другим неповадно было, мы вас просто увольняем». И около десяти молодых грузчиков были выброшены на ули-

цу. Некоторые из старших хотели протестовать, но большинство их не поддержало: они, молодые, говорили они, проживут, найдут себе работу, а мы семейные, нам потруднее, хозяин вместо нас рабочих найдет легко, а нам найти работу будет потруднее.

Так как я был главным зачинщиком выступления молодых грузчиков, рабочие мне выражали всяческое сочувствие, при этом шутя говорили: «Вот видишь — хозяина Бродского зовут Лазарь и тебя зовут Лазарь, пошел бы ты к нему и сказал бы: как же это ты, Лазарь, уволил Лазаря, нехорошо, мол, это; гляди, он бы устыдился и восстановил бы тебя, да еще с прибавкой». Все смеялись и говорили: жди от кровососа милости, а один грузчик добавил: «Он, Бродский, еврей и еще более зол на еврея рабочего, который ему не кланяется, а ведет с ним борьбу».

Впоследствии, когда я уже был членом партии, я использовал этот конфликт в борьбе с сионистами, покровителем которых был этот миллионер Лазарь Бродский.

Итак, с работой грузчика на мельнице было покончено, и я опять остался без работы.

Тяжело я переносил эту новую безработицу и перманентную голодовку. Голод тяжело переносить всегда, но одно дело, когда переносишь его в условиях революционной борьбы и войны, другое дело, когда ты переносишь его в условиях капитализма как безработный и голодаешь тогда, когда другие — твои же угнетатели-капиталисты и их холуи — сыто живут, как боровы.

Существует пословица: «не единым хлебом жив человек». Это, конечно, высокоблагородная мысль, означающая, что, кроме хлеба, человеку нужна культура, духовная жизнь, идейно-политическое содержание жизни и так далее. Все это правильно, но когда «хлеб этот единый» имеется у человека.

Помню, что в эти периоды моей безработицы, сидя на бульварах, расхаживая по улицам, площадям и скверам, наблюдая франтов, аристократов, богачей, фланирующих по Крещатику, по Бибиковскому бульвару, их изысканную одежду, высокомерное их поведение в противоположность рабочим, трудовым людям, сумно шагающим в рабочей одежде, и безработных в рваной одежде, — я все больше и больше озлоблялся и проникался острым чувством классовой ненависти к паразитам, кровососам и в то же время чувством глубокой солидарности, любви и уважения к своим братьям по классу, по нужде, страдающим так же, как и я сам.

Неправильно, конечно, некоторые квазигуманисты, в том

числе и современные, смешивают эту ненависть с ненавистью вообще, якобы к людям в целом, и зовут к абстрактному «добру вообще». В капиталистическом эксплуататорском строе, существующем еще в большинстве стран мира, мы подходили и подходим к восприятию и пониманию добра и зла, симпатий и ненависти с пролетарски-классовой точки зрения. Пролетарское добро и есть общечеловеческое и истинно гуманистическое добро и любовь к людям. Так именно мы, рабочая «правдистская» молодежь и истинно революционная нерабочая молодежь, воспринявшая марксистско-ленинские идеи и принципы, понимали нашу ненависть к существующей помещичьей, капиталистической действительности.

Конечно, внутренняя жизнь нашей Родины коренным образом изменилась; у нас уже нет эксплуататорских классов, но в целом, в мировом, так сказать, масштабе, этот классовый подход остается в полной силе, потому что остался действующий империалистический «зверь» и его передовая сила — фашизм и расизм.

Конечно, ненависть, даже классовая, сознательная, сама по себе не является еще спасительным, творческим фактором; для того чтобы перерасти в великую творческую положительную революционную силу, классовая ненависть должна быть соединена с идейной любовью, действенным сочувствием к страдающим и нуждающимся людям, к угнетенному человечеству и прежде всего к его передовому авангарду — к классу пролетариата; соединена с великими революционными идеями его освобождения от эксплуатации, полным и окончательным свержением существующего капиталистического строя, гнета и насилия и с организованными революционными действиями, обеспечивающими победу над теми, кого ты ненавидишь классовой ненавистью, с которыми ведешь острую борьбу до полного их уничтожения.

Мои наблюдения и ощущения усиливали во мне чувства именно такой классовой ненависти и толкали меня по пути превращения ее в творческую силу сознательного революционного пролетарского действия.

Мои наблюдения за мелкобуржуазными мещанскими слоями отталкивали меня от мещанской ограниченности людей из мелкобуржуазных слоев, всегда спешащих куда-то, захваченных мелкими делишками, всегда в страхе — как бы не опоздать, как бы чего не потерять — прибыли ли, карьеры, заработка побольше или уважения у власть имущих и богатых знакомых, особенно если они

связаны какими-либо взаимными интересами или выгодными деловыми операциями и делишками.

Видно было, что у этих людей нет иных целей, тем более больших общественных целей. Они производили впечатление людей, боящихся прежде всего потерять или не найти свою счастливую личную судьбу, свое личное устройство, о котором они всю жизнь мечтают, но которое они большей частью никогда не находят. В конце концов эти мещане, не видя связей между личным и общественным, примирялись с существующим положением. Жизнь большей их части сводилась к мелким мещанским накоплениям, хотя бы немного деньжат и вещичек, которые их спасали от жалкой жизни.

Разумеется, больше всего я видел трудовых людей из бедноты и рабочего класса. Это те люди, с которыми я соприкасался ежедневно в жизни, на работе и на улицах города. На лицах и в поведении этих людей труда чувствовалась отягощенность условиями жизни, крайняя озабоченность завтрашним днем — обеспечением средств существования себе и своей семье. На работу они спешат, а с работы плетутся усталым медленным шагом или висят гроздьями на подножках трамвая. По глазам, сжатым губам, по фигуре, по всему их облику видно было, что эти труженики недовольны своей жизнью, эксплуатацией, нуждой.

По связям с рабочими и безработными я, конечно, видел и знал, что и среди рабочих, наряду с сознательными, было много отсталых людей, хотя и они чувствовали, что нужно жить лучше, что богачи-капиталисты — это разбойники, грабящие рабочих. Но они не видели сознательного выхода. Одни поддавались настроениям обреченности, другие — бунтарским настроениям, а некоторые настраивались на националистический и шовинистический лад.

В это же время я видел и понимал, что лучшие люди рабочего класса под руководством существовавшей в тяжких условиях столыпинщины подпольной рабочей партии большевиков своей работой должны повернуть и поворачивают и этих отсталых людей на правильный путь.

Главное и самое отрадное было в том, что мои наблюдения и беседы с рабочими, в том числе и безработными, показывали, что из среды вынужденных временно подчиниться сложившимся условиям и ходу жизни после поражения революции 1905–1907 годов выделяются передовые рабочие люди, смело и гордо шагающие по улицам Киева, всем своим обликом непокоренные, бросающие вызов столыпинской реакции, как бы говоря: глядите на нас

и верьте — живет революция в сердцах рабочих, мы еще поднимемся и покажем свою революционную силу, не унывайте, мы еще победим всех врагов пролетариата и революции!

За время моих мытарств в Киеве я острее ощутил и понял, что в той жизни, какой она была у большинства обывателей, нет ни цели, ни смысла, те маленькие временные «радости», которые находил себе простой бедный люд, только углубляли страдания, загоняя их внутрь, особенно такие «радости», как выпивка, — они не дают выхода ни телу, ни уму, ни сердцу.

Я, конечно, тяжело переживал окружающие страдания, всем своим молодым существом я чувствовал и, главное, уже сознавал, что так продолжаться не может, не должно. Я твердо усвоил, что нужный великий смысл жизни заключается в том, чтобы бороться по-революционному за новую жизнь, за коренное изменение существующей безрадостной жизни трудящихся.

Вспоминая этот период моей юношеской жизни, я могу сказать, что, и будучи безработным или работая на черной работе, я не просто осмысливал окружающее, но уже начинал действовать, в частности ведя работу среди безработных и чернорабочих. Особенно это относилось к вопросам направления их сознания.

Капиталисты, опираясь на столыпинский режим, на его полицию, расправлявшуюся с рабочими организациями, поддерживали организованные черносотенные организации. В Киеве, с его многонациональным населением, они были особенно сильны. Буржуазно-националистические организации угнетения наций также пользовались этим для затемнения классового самосознания трудящихся, для разжигания национализма среди трудящихся нацменьшинств, хотя сама-то она, буржуазия этих наций, вступала в союзы с черносотенной буржуазией. Шовинисты и черносотенцы старались разжигать шовинизм и среди отсталых рабочих, особенно среди безработных. Как безработный я бывал на пунктах их скопления, видел, как черносотенные банды организовывали драки среди безработных. Поводом для этого они выбирали направление того или иного безработного соответствующей национальности на попадавшуюся работу; зачастую завязывалась острая борьба, грозившая кровопролитием.

Я вспоминаю врезавшийся в мою память наиболее крупный конфликт у Контрактовой ярмарки на Подоле, где безработные много дней и недель сотнями прозябали в ожидании работы, большей частью безрезультатно.

В один из таких мрачных дней закрутилась карусель споров

между безработными; началось как будто с полушуток, посмеиваний одного над другим, а кончилось всерьез. Один из безработных начал посмеиваться над другим безработным из крестьян в свитке и лаптях: «И чего тебя понесло в Киев из украинской деревни? Земля у вас на Украине получше нашей, Калужской, небось прокормила бы и тебя и семью, не то что у нас в Калуге. Сидел бы «хохлик» у себя в деревне и ел бы «картоплю» с «салом».

И вот этот «хохлик», как его назвал калужский, вспылил и резко отчитал калужанина: «Як бы ты побачив наше сэло и як мы живэмо, ты можэ такы глупства и нэ казав бы; колы нэма нэ коня, нэ вола, що ж ты зробыш з одной землей, ось ты с циею землей вични у богатого в кармани зо всимы потрохамы, ось чому я тут в Кыеве пропадаю. А ты сам мыни скажи, чого ты и други кацапы понаихалы сюды у наш Кыев, шукали б соби роботу у сэбэ дома, тоди мы, тутошни, скорийш знайшли б соби роботу».

Калужанин хотел продолжить спор и даже успел сказать, что Киев такой же твой, как и мой и всех русских, как в спор включился один, даже не похожий на безработного, который, как бы продолжая мысль калужанина, сказал: «Вот именно русских, а тут, смотри, набрались и жидки, гнать их надо отсюда». Этот как бы неожиданный вывод нашел свою почву. Зашевелилась толпа и повернулась к тому углу, где стояла группа безработных евреев. Этим воспользовалась небольшая группа черносотенных элементов, от которых, видимо, и выступил указанный последний «оратор», и начались хулиганские выкрики и призывы — дело грозило перейти в кровавое избиение.

Я в это время стоял в центре споривших — видимо, уже тогда я не принадлежал к робкому десятку. Быстро сообразив, куда это клонит, решившись, я громким, звучным голосом крикнул: «Послушайте, что вам хочет сказать молодой, но такой же несчастный безработный, как и вы. За что, за каким таким богатством вы тут готовы съесть друг друга, за дырявый карман, в котором ни шиша нет? Все богатства у хозяев-капиталистов, у помещиков, у купцов, у богатеев всех наций. Это нашими руками, потом и кровью они нажили свои капиталы. Когда им выгодно, они нас держат, когда невыгодно, они нас выгоняют, делают безработными. Вот я вам расскажу, кто главный виновник моей теперешней безработицы».

И я рассказал им историю моей работы и увольнения с работы на мельнице миллионера Лазаря Бродского. «Меня тоже зовут Лазарь, но «Федот, да не тот». Он миллионер, а я голодный, безработный. (Слушатели реагировали на мою шутку благоприятным

смешком, и это меня ободрило.) Он ходит на балы к губернатору и якшается с такими же богачами — русскими, украинцами, поляками; они не дерутся, а чокаются бокалами, распивая не кипяток без чаю и сахару, как мы с вами, а коньячок да шампанское. А я вот нахожусь в одной семье безработных с вами. Кто же мне ближе? Кто мне брат? Миллионер Лазарь Бродский, который меня выгнал за то, что я с группой молодежи протестовал против издевательства? Конечно, миллионер Бродский — мой классовый враг; он и капиталисты всех наций — и русские, и украинские, и польские — являются классовыми врагами всех нас. Вот почему мы все — рабочие, бедные крестьяне без различия наций — русские, украинцы, евреи, поляки, татары и другие, — все мы братья, потому что все мы страдаем от богачей — эксплуататоров всех наций. И мне хоть и молодому среди вас, но смешно слушать ваш спор, как будто виновник безработицы находится здесь среди голодных и забитых людей. Прогонять нужно не безработных угнетенных наций, а капиталистов, помещиков и угнетателей трудящихся людей всех национальностей. Нельзя поддаваться разжиганию национальной вражды, на которую нас толкают прислужники, черносотенные холуи и псы капиталистов, помещиков, купцов и богатеев всех наций.

Нам же — рабочим, бедноте деревенской и городской — надо быть едиными, сознательными и бороться за свои права и прежде всего за право на работу. Когда мы не будем допускать разъединения своих сил по нациям, когда рабочие всех наций будут едины и сплочены, как единый класс, тогда все пойдет по-другому, мы, страдальцы, перестанем страдать, а будем достойными и обеспеченными людьми в государстве».

Это было мое первое крещение — выступление перед массой; я тогда особенно почувствовал и понял великую силу слова — правильного слова.

Меня крепко поддержал выступивший после меня рабочий, намного старше меня, как он сам представился — рабочий из Москвы Васильев. Он рассказал о жизни московских рабочих, в том числе как они боролись в 1905 году, о том, что они не поддаются черносотенной и националистической агитации и натравливанию на другие нации, и в заключение призвал к классовому единству пролетариата и к борьбе за свои права и прежде всего за право на работу, на труд. Только такая четкая классовая постановка вопроса, даже без острых политических дискуссий, которые по условиям того времени были невозможны на открытом собрании, да еще неорга-

низованном, привела к тому, что уклонившаяся в неправильную сторону масса безработных, как бы устыдившись того, что было, повернулась в сторону правильного классового, пролетарского настроения, высказанного в речах последних двух ораторов.

Без «резолюций» и каких-либо выкриков перешли к «очередным» делам — к ожиданию и поиску работы. Даже черносотенцы вынуждены были ретироваться, хотя они, конечно, не успокоились и всегда готовы были возобновить свои попытки. Зато часть находившихся там безработных разных наций явно ободрилась и в приподнятом настроении подходила ко мне, хлопали по плечу и одобряли сказанное мною. Нечего и говорить, как это подкрепило меня самого.

Когда я рассказал об этом старым большевикам, с которыми я был связан и с которыми, бывая у Михаила, беседовал, они все обратили особое внимание на этот случай и сказали, что такое реагирование знаменательно, что это еще одно свидетельство ожидаемого оживления; меня же они все одобрили и сказали, что рады за меня. Да, действительно, говорили они, тебе бы надо учиться, но ничем помочь не можем.

Один из них, старый большевик Фельд, оставшись после беседы, сказал Михаилу, что он попробует через своего брата, служащего в транспортной конторе, устроить меня на работу.

И действительно, через пару дней я встретился с братом Фельда — старшим агентом транспортной конторы, который мне предложил пробу, чтобы показать, на что я способен. «Вы, — сказал он, — будете ездить с колонной извозчиков на станцию железной дороги, будете сдавать груз и в товарной конторе оформлять документы на сдаваемый и получаемый грузы по предъявленным документам для привоза его обратным рейсом; потом с течением времени мы вас назначим младшим агентом транспортной конторы».

Я, конечно, с радостью принял это предложение и успешно выполнял возложенные обязанности. Это была первая железнодорожная «школа» будущего министра путей сообщения СССР.

Наступило некоторое оживление в промышленности, открылись некоторые предприятия, ранее закрывшиеся, и я твердо решил искать работу на промышленном предприятии, чтобы уйти от положения чернорабочего и стать квалифицированным рабочим. При этом я рассчитывал на то, что, какова бы ни была работа на предприятии по какой-либо специальности, я все же смогу урвать время для учебы в порядке самообразования.

Осуществить этот мой план удалось не сразу. Мне пришлось

пройти через ряд отраслей разных предприятий, пока мне удалось поступить на кожевенный завод и затем на обувное предприятие, где я прочно приобрел постоянную квалификацию кожевника, а затем обувщика-сапожника.

Прежде всего после довольно длительной безработицы и случайных поденных работ я поступил на вновь открывшийся завод по производству пробок, спрос на которые сильно вырос, в частности в связи с открытием пивоваренных заводов. Пробковый завод был предприятием устойчивым; это было нечто вроде акционерной компании, имевшей предприятия не только в Киеве; хозяевами были капиталисты разных наций — русские, украинцы, евреи, поляки. Они организовали производство крупных пробок не только для пивоваренных заводов, но ловко организовали сбор старых, уже использованных пивных и иных пробок и перерабатывали их в средние и маленькие пробки, поставляя их разным потребителям, особенно в аптеки, и, конечно, здорово на этом зарабатывали.

Переработка пробок производилась на специальных ручных станочках, на которых работала по преимуществу молодежь; меня, как и многих других, поставили у такого станочка. Каждый из нас перерабатывал за 12-часовой рабочий день не одну тысячу пробок, а зарабатывали мы по 50–60 копеек в день; к концу дня руки и ноги чертовски болели, но работа была сухая, сравнительно чистая, и после некоторого вечернего отдыха была возможность почитать и позаниматься.

Работая на пробковом заводе, я сдружился с группой молодежи. Мы помогали друг другу в производстве, в частности, в перетаскивании мешков с пробками из подвала наверх для сдачи приемщику. Но главное в нашей дружбе было то, что я им доставал книжки, рассказывал им то, что мог, по истории, в особенности об общественно-политическом развитии, о борьбе рабочего класса и вплотную подводил их к политическим вопросам.

Постепенно наша группа молодых рабочих начала проявлять инициативу в борьбе с произволом администрации, в особенности в борьбе с обсчетами и систематическими штрафами то за качество, то за опоздание, то якобы за дерзкое поведение и так далее; кое-что нам удавалось отвоевывать в пользу рабочих. Назревало наше выступление за 30-минутный перерыв на обед и за повышение оплаты труда. Но события опередили.

Один из хозяев, который больше всего управлял на этом предприятии, особенно придирался к нашей группе молодежи, влия-

ние которой росло. Однажды он обвинил одного нашего парня, Ефима Ковальчука, в том, что он дважды засчитывает один мешок с пробками, которые сдает приемщику. Ефим вспылил и заявил ему: «Сами вы вор и мошенник, а мы, рабочие, честные люди, а не воры». Хозяин разбушевался, начал кричать: «Вон отсюда, чтобы духу твоего не было, иди в контору и получай расчет — ты уволен».

Мы все были возмущены и стихийно бросили работу. На крик сбежались большинство рабочих и присоединились к нам — молодым. Работа была фактически приостановлена.

У всех рабочих был «зуб» на хозяев за их бесконечные придирки, особенно штрафы, за низкий заработок при очевидном для всех росте их прибылей, поэтому выступление явно назрело.

Профсоюза у нас не было, но организованность появилась естественным ходом событий. Из стихийного возмущения и прекращения работы мы без промедления перешли к организованному собранию. Хотя и были отдельные голоса против прекращения работы, но большинство сошлось на том, что надо предъявить свои требования, а если хозяева отклонят, то бастовать. Поскольку наша группа молодых рабочих была еще до этого спаяна, то, естественно, на собрании мы и тон задавали; вместе с нами активничали старые рабочие с опытом революции 1905 года, из которых выделялся старый рабочий Щербицкий. Рабочие избрали для руководства комиссию (из осторожности ее не называли стачечным комитетом), которой поручили выработать требования. До предъявления этих требований хозяевам решили продолжать работу. В этом сказались еще условия политической, полицейской реакции. В комиссию был избран указанный Щербицкий, я — Каганович, Ефим и несколько других передовых рабочих.

Я посоветовался со старыми большевиками, с которыми я был связан, и они дали мне советы, как дальше действовать.

Требования были выработаны, обсуждены с рабочими и предъявлены хозяевам: отменить увольнение Ефима Ковальчука, отменить систему штрафов, установить 30 минут на обед, повысить расценки на 20 процентов.

Хотя на второй день на завод пожаловал участковый полицейский надзиратель, вынюхивая, что творится, рабочие держались уверенно и смело, а хозяева были ошеломлены неожиданной дерзостью рабочих. Им было невыгодно допустить в тот период остановку завода. Видимо, посоветовавшись, компаньоны решили пойти на некоторые уступки. Вызвав нас, они вначале резко шель-

мовали рабочих и нас, их представителей. Мы, со своей стороны, резко им отвечали и заявили, что, если они не удовлетворят наши требования, рабочие объявят забастовку.

Кончилось тем, что хозяева: 1) отменили увольнение Ефима; 2) разрешили полчаса на обед; 3) частично отменили некоторые штрафы, хотя значительную часть оставили; расценки обещали несколько поднять, чтобы дневная зарплата поднялась на один гривенник в день. На этом первый конфликт был закончен. Хотя он носил экономический характер, но для того времени в условиях реакции эта маленькая победа рабочих данного завода приобретала и политическое значение. Настроение поднялось не только у рабочих нашего завода, но и ближайших предприятий на Подоле.

После этого агенты полиции и участковые надзиратели стали частыми гостями на заводе, проявляя интерес к нашей группе молодых, особенно в отношении меня и Ефима. Как ни тяжело и жалко было, но пришлось мне и Ефиму покинуть этот завод.

Однако я чувствовал, что вырос и окреп в этой схватке рабочих с хозяевами, в которой я сыграл не последнюю роль. Я реально ощутил великую силу сознательной классовой организованности рабочих, в особенности силу интернациональной солидарности, когда рабочие — русские, украинцы, евреи, поляки и другие — были едины в борьбе с капиталистами тех же наций. Я был рад и счастлив, что участвовал в этом деле, хотя впереди вновь безработица и поиски работы.

После пробкового завода я опять долго был безработным, зарабатывая отдельными кратковременными работами, например на заводе сельтерских вод на Шулявке, но долго не пришлось работать на этом заводе, произошел инцидент, из-за которого я опять был уволен. Дело в том, что сынок хозяина — паразит и ловелас — приставал к работавшим на заводе молодым девушкам, сами они постоять за себя не смогли — вот мы, несколько молодых ребят, сговорились отучить этого подлеца от его привычек и крепко избили его. Не желая скандала, связанного с именем своего сынка, хозяин не впутал полицию в это дело, но нас уволил.

После этого я начал работать на мыловаренном заводе. Работа грязная, но хозяин платил по 80 копеек в день. Это был оригинальный хозяин, получивший в наследство от отца этот завод. Молодой хозяин не справлялся с ним. Он сам даже говорил, что он не эксплуататор и не может им быть. По секрету раз сказал, что в студенческие годы он даже был «искровцем». Возможно, что по-

этому-то он оказался плохим предпринимателем и фирма «Мыловаренный завод Блувштейна» лопнула, как мыльный пузырь.

В конце концов при помощи старого большевика Бориса Когана, кондитера, я поступил на вновь открывшуюся на Подоле кондитерскую фабрику, рассчитывая, что здесь я наконец обрету постоянную профессию. Я довольно быстро освоил это производство. За короткий срок меня уже поставили на работу подмастерья. Но условия работы были отвратительные, никакой вентиляции. Мы работали в жаре, духоте и грязи.

У меня осталось очень хорошее чувство к рабочим и работницам этой отрасли, которые в значительной своей части и в трудных условиях реакции были революционно настроенными, так как это были по преимуществу рабочие, длительно и устойчиво работавшие в этой отрасли, и хотя годы реакции сказывались и на их политической активности, но по мере приближения нового подъема рабочего революционного движения киевские кондитеры, среди которых работали такие старые большевики, как Г.Вейнберг, Б.Коган, Петров, вместе со всеми передовыми рабочими России встали в ряды активных борцов за победу революции.

Из этой фабрики я ушел наиболее подготовленным к профсоюзной и организационно-политической работе, которую я уже развернул, работая на кожевенном заводе, а затем на обувных предприятиях, где я обрел постоянную и устойчивую профессию.

Я не могу сказать, что я с охотой выбрал себе профессию кожевника, но, оставшись вновь безработным, мне было не до выбора желательной профессии. Вообще надо сказать, что если в наше советское время молодежь в громадном большинстве своем выбирает себе профессию по своим наклонностям, по своему желанию, то в старое, дореволюционное время «нам было не до жиру — быть бы живу».

Я, например, начав с кузнеца, хотел быть металлистом. К этому меня расположили Михаил и его товарищи, в большинстве рабочие-металлисты. Пробовали они даже устроить меня на Южно-русский машиностроительный завод, но ничего из этого, к сожалению, не получилось. Главным образом потому, что ограниченное количество киевских машиностроительных заводов не могли поглотить большое количество желающих поступить к ним.

Оказавшись вновь безработным, я был счастлив, что поступил на кожевенный завод. Мне повезло. Оказалось, что мой товарищ Ефим Ковальчук, вынужденный вместе со мной уйти из пробко-

вого завода, устроился работать на кожевенном заводе Кобеца на Куреневке. Вот он мне и помог поступить на этот завод.

Из всех кожевенных заводов Киевщины (Соколовского, Ковалевского, Матвеенко, Горнштейна и других) завод Кобеца Василия Константиновича был самым старым, крупным, пережившим все трудности кризисов, не закрываясь. Перерабатывал этот завод крупные, отборные шкуры: воловьи, яловочные, отчасти шкуры годовалых телят; вырабатывал он главным образом подошву, юфть и отчасти шагрень и другие тонкие товары для обуви. Хотя завод Кобеца считался более механизированным, чем другие заводы, но ближайшее ознакомление показало, что эта механизация была крайне ограниченная и преобладал тяжелый ручной труд. Наиболее тяжким было то, что почти все операции производственного процесса связаны с водой, грязью, известью, дубильными веществами, опасностью заражения сибирской язвой и так далее.

Когда я поступил на завод, то меня поставили на первую, самую тяжелую и грязную операцию — на отмочку, удаление грязи, крови, сала, одним словом, на очистку и смягчение кожи и подготовку ее к дальнейшей обработке, хотя работа на других операциях — в зольном, мездрильном отделениях и в дублении также нелегкая — и там та же сырость, но все же там легче и хоть немного «привлекательнее». Я упорно и терпеливо выполнял свои обязанности, но наступил момент, когда я обратился к администрации, чтобы мне дали работу на других операциях. Мне отказали. При этом издевательски было подчеркнуто: ничего, здесь тоже нужны «грамотеи». Потом я узнал, что это словечко «грамотей» было брошено не случайно. Дело в том, что на этом заводе Кобеца слежка была поставлена тщательно, и вообще Кобец был крепко связан с полицией, и «грамотеи», то есть сознательные рабочие, у него не задерживались. Кроме моего товарища Ефима на заводе было еще несколько передовых рабочих, в том числе хорошо запомнившиеся мне рабочие Солодовников и Эльхин, которые потом стали, как и Ефим, большевиками. Естественно, что мы не только сами общались, но и вели соответствующую работу среди рабочих, особенно по вопросам охраны труда в тяжелых условиях нашей работы, в особенности по случаям попадания рабочих в чаны и получения ими увечий.

Но и здесь «злой рок» преследовал меня: видимо, новые хозяева, закупая юфть и подошву у Кобеца, получили от него предупреждение обо мне, как «неблагонадежном». Отменить прием ме-

ня на работу они не смогли, но вместо работы, которую я начал в основном цехе, где я довольно быстро овладел специальностью «сбивщика» по сбивке обуви, они поставили меня в подвал, где я должен был сортировать и смазывать дегтем юфтевые вытяжки. Хотя, как говорят, деготь очень полезен для легких, но зато пропах я дегтем насквозь, а руки мои стали чернее, чем у негров. Надо, однако, сказать, что товарищи меня не «чурались», в том числе и чернобровые девчата. Все же наступил час, когда я стал сбивщиком обуви — «механиком».

Работа у «механиков» тоже была нелегкая. Работали стоя, по 12 часов в день, упираясь грудью в железную колодку. Норма выработки была высокая — сбивали по 4 пары ботинок, а сапог — по 8 пар, а со сверхурочными часами некоторые доходили до 12 пар. В порядке рационализации железные гвоздики (тексы) для ускорения работы, чтобы каждый не брать из коробки, набирали в рот, остатки потом бросали обратно в общую коробку. Некоторые, например я лично, поставили себе отдельные коробки с тексами. Вначале на это смотрели косо, дескать, вроде как на брезгающего «аристократа». Потом, когда восстановился профсоюз, мы ввели для всех отдельные коробки с тексами, и все были довольны этим новшеством.

В конце 1910 года появилась возможность восстановления профессионального союза кожевников, который был разгромлен столыпинской реакцией. Профсоюз кожевников и сапожников, а также отдельно существовавший профсоюз заготовщиков был одним из старейших профсоюзов в Киеве и на Украине.

НАЧАЛО ПАРТИЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Вторая половина 1911 года была уже более насыщена классовой борьбой в области экономической и политической. Начавшиеся в центральных промышленных районах, в славном революционном Петербурге забастовки рабочих быстро докатились до промышленных центров Украины и до столичного Киева, который хотя и не числился индустриальным, но, во-первых, это был один из крупнейших политико-экономических и революционных центров страны, и, во-вторых, рабочих в Киеве было много, в том числе железнодорожных. Подол, например, не считался районом индустриальным, однако в нем было много солидных предприятий пищевой, швейной, кожевенно-обувной, галантерейной, легкой,

деревообрабатывающей промышленности; были и такие крупные по тому времени предприятия, как Южно-русский завод. Судоремонтники и речники днепровские, да и рабочие небольших мастерских — самые обездоленные — были революционными.

В 1911 году, да уже и в 1910 году Киевская партийная организация выступила с рядом важных документов, листовок.

Я был бесконечно счастлив, когда меня с благословения Подольского райкома начали все больше вовлекать в практическую работу. Это меня очень радовало и активизировало. Помню, как я был рад, когда мне и другим моим товарищам — юным рабочим поручили распространять листовки Киевской организации по поводу 1 Мая 1910 года.

Я собрал наш молодежный кружок, зачитал им листовку, а потом мы распространили каждый полученную им порцию по Подолу, одновременно зачитывая ее рабочим. Хотя демонстраций не было, выход этой листовки в период господствовавшей реакции был сам по себе большим радостным событием для рабочих, поднявшим их революционное настроение.

Помню, когда к нам в Киев через некоторое время прибыли старые выдающиеся большевики тов. Андронников, а позднее тов. Косиор Станислав. Они высказали мне с приятным удивлением и удовлетворением свою оценку, что в Киеве, в частности в Подольском районе, больше, чем во встречавшихся им других организациях, имеется большая группа теоретически подготовленных молодых партийных работников из рабочих, что это благотворно сказывается на устойчивости ленинской позиции в Киевской организации. Это было верно, и смею думать, что в этом сказалась и работа нашего молодежного рабочего кружка, который в 1911–1912 годах стал заметной силой среди подольских рабочих.

В нашем молодежном кружке уже с 1911 года давно созрело твердое желание и готовность вступить в партию. Мои молодые товарищи уполномочили меня доложить об этом их заявлении группе старых большевиков и просить их помощи в райкоме партии. При первом же моем посещении группы старых большевиков я доложил о просьбе членов молодежного кружка, в том числе, конечно, и моей личной просьбе, помочь вступлению в партию. Все товарищи горячо приветствовали и говорили, что пора мне быть в партии и они все охотно дадут мне рекомендацию. При этом они мне сказали, что «чохом», сразу принять всех членов кружка нельзя. Сначала райком партии примет тебя, Кагановича Лазаря,

руководителя кружка, а потом персонально будут рассматривать заявления каждого в отдельности.

Вскоре, в августе 1911 года, я без задержки был принят Подольским районным комитетом партии в ряды Киевской организации Российской социал-демократической партии — ныне Коммунистической партии Советского Союза.

Несмотря на то что фактически еще до принятия меня в партию я был связан с партийной организацией, когда это окончательно свершилось и я был официально принят в партию, я ощутил, что свершился большой, решающий шаг в моей жизни, что я поступил в Великий университет революции, университет великой партии — университет Ленина! Я хорошо понимал, что я вступаю в ряды партии, борющейся не на жизнь, а на смерть с сильным врагом, с опытным, старым эксплуататорским миром. Я реально ощутил колоссальную перемену в моей жизни, психологии, поведении. Прежде всего — это проявление большого чувства и сознания ответственности за себя, за свои понятия и действия, ответственность за весь тот великий коллектив — партию, в ряды которой был включен. Если до этого я уже понимал, что для освобождения пролетариата необходимо соединить рабочее движение с социализмом, экономическую борьбу с политической классовой борьбой в общенациональном и международном масштабе, то теперь мало было понимать. Члену партии необходимо действовать, а не только и не просто проповедовать социализм. Ведь утописты тоже проповедовали социализм, да ведь даже меньшевики и ликвидаторы фальшиво клялись словом «социализм»; большевику-ленинцу необходимо каждодневно по-революционному бороться за эти идеи. Член коммунистической партии должен всегда помнить, что осуществление идей социализма невозможно без пролетарской революции, завоевания пролетариатом власти и осуществления вначале революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, а затем диктатуры пролетариата.

Вступив в партию, я со всей силой и остротой ощутил и осознал, что подпольная партия требует строжайшей конспирации — меньше слов, больше дела.

Вступая в партию, я ясно понимал, что хотя партия не армия, но она — воюющая партия и в ее боевом марше каждый ее член должен шагать, ощущая локоть рядом идущего бойца великой партии, маршировать нога в ногу, соблюдать и хранить дисциплину великого революционного коллектива, именуемого партией

большевиков. Дисциплина эта духовно, идейно выше и организационно крепче дисциплины любой армии и любой иной партии. Она, эта идейно-большевистская и организационно-большевистская дисциплина, основана прежде всего на верности великим идеям научного социализма-коммунизма, их усвоении и действенной практической борьбе за их осуществление, то есть правильном применении марксистской программы и ленинской стратегии и тактики революции на практике.

Таким образом, каждый из нас, вновь вступивших в партию, воспринимал партийную дисциплину не как внешне-механическую, административную силу, а как глубоко сознательную, внутренне-идейную дисциплину, что означает — добровольное подчинение своей индивидуальной свободы (тем более индивидуалистических выкрутасов) единой коллективной партийной свободе, памятуя, что «свобода есть осознанная необходимость» (Энгельс) и что понимание этой необходимости есть решающее условие подлинной свободы всего коллектива и каждого в отдельности.

Рабочие Подольского района были одним из революционных отрядов киевского пролетариата, и хотя там подвизались и временами имели известное влияние меньшевики и бундовцы, социал-сионисты и ликвидаторы, но большевики в успешной борьбе с ними завоевали ведущее место среди рабочих Подола и Киева, побеждая своих противников. Без преувеличения и без пристрастия старого подольчанина-киевлянина я могу сказать, что Подольская подпольная организация нашей партии в годы нового подъема была одной из самых сильных в Киевской организации.

Вот в этой славной Подольской партийной организации я и начал свою партийную жизнь как рядовой член партии и потом как член районного комитета партии и член Киевского комитета партии.

Моя работа началась и развивалась как составная часть всей работы партийной организации. Учитывая мой культурный уровень как рабочего, мое участие в борьбе рабочих с хозяевами, в работе профсоюза, а также мой опыт организации самообразования в рабочем молодежном кружке в сочетании с моими ораторскими данными как агитатора, пропагандиста среди рабочих, районный комитет поручил мне организовать вместе с другими партийцами партийную группу или фракцию в профсоюзе кожевников, активизируя работу союза в целом, добиваясь его легализации. Одновременно райком поручил мне поддерживать связь и с другими профсоюзами, включив меня в организованную при райкоме ко-

миссию по профсоюзным делам; включил меня в группу товарищей, проверявших постановку партийной учебы в кружках в связи с предстоящей их реорганизацией, и нагружал меня агитационными и пропагандистскими выступлениями среди рабочих, особенно молодых рабочих.

Не преувеличивая свои молодые силы рядового члена партии, скромно оценивая свои возможности, я все же не принадлежал к робкому и вялому десятку и со всей юной энергией и смелостью взялся за порученную мне райкомом работу.

Было организовано и проведено изучение ряда статей тов. Ленина о III Государственной думе, об избирательной кампании и избирательной платформе, а также статьи «Столыпин и революция». Эта статья тов. Ленина имела вообще очень большое и важное политическое значение, особенно для нас, киевлян, в связи с убийством Столыпина в 1911 году именно в Киеве.

Для Киевской партийной организации это событие стало важным политическим событием и пробой ее сил, так как убийством Столыпина в Киеве воспользовались черносотенные организации и темные силы для травли революционеров, студентов и жидов. «Двуглавый орел» — орган черносотенцев прямо призывал к погрому. Партийная организация должна была, во-первых, подготовиться к отпору черносотенцам в случае, если бы это произошло, успокоить панику, проявившуюся у трудящихся евреев, и, во-вторых, развернуть большую пропагандистскую работу среди рабочих и трудящихся всех наций. Что касается первой задачи, то мы, низовые члены партии, в том числе, конечно, я, и беспартийные передовые рабочие действительно готовились к самообороне, вооружение было, конечно, слабое.

Помню стальной кастет, который мне сделал Вася-металлист. У тебя, говорил он, рука крепкая, и он тебе подойдет. Он мне пригодился, когда однажды, нагруженные листовками, я и Наум Голод спускались вечером по Андреевскому спуску, где народу почти не было, а за нами неотступно следовал шпик. Наум Голод, имевший опыт, сказал мне: «Знаешь, что в таких случаях надо сделать? — И сам тут же ответил: — Попробовать его прогнать, запугав его, а если не поможет, избить его так, чтобы он несколько часов не мог подняться». Нащупав свой кастет, я сказал: «Давай».

Круто повернув назад, мы быстро подошли к шпику. «Чего тебе нужно от нас?» — спросил Голод. Тот начал угрожать большим ножом — огнестрельного оружия у него не было, — чертыхаться.

Мы его основательно взяли в оборот. Он кричал, но народу кругом не было, мы ускоренным шагом спустились вниз и благополучно добрались, донесли свой ценный груз — листовки до цели.

Все же известная организованность и некоторая боевая, если можно так выразиться, подготовка у нас была. Но, видимо, царские власти и полиция передумали, и черносотенцы в порядке своей полицейской дисциплины отступили — погрома не было.

Новый, 1912 год мы, члены партии, встречали в хорошем, бодром и приподнятом настроении. Киевский комитет партии выпустил в связи с новым годом специальную листовку, в которой подвел итоги 1911 года и призвал рабочих с еще большей революционной силой развернуть в 1912 году новое наступление на самодержавие и капиталистов.

Передовые рабочие встречали новый, 1912 год не за рюмкой водки, а на нелегальных собраниях, которые дали хорошую, боевую революционную зарядку на 1912 год. Мы, выступавшие с докладами, на этих собраниях говорили об отрицательных и положительных сторонах прошедшего 1911 года и о предстоящих задачах рабочего класса и его партии в наступающем 1912 году.

Для меня это был первый мой политический доклад после вступления в партию.

Я лично был еще озабочен решением вопроса о заявлениях членов молодежного кружка и других товарищей, с которыми я был связан по профсоюзу, о принятии их в партию. Райком партии внимательно рассмотрел персонально каждого в отдельности и принял в партию товарищей Губермана Самуила, Колю-металлиста, Ефима Ковальчука, Солодовникова, Бориса Маргулиса, Марголина; несколько позднее товарищей Бибермана, Семена Губермана и других.

Райком поручил мне организовать из указанных товарищей первичную партийную ячейку, включив в эту ячейку ряд ранее принятых опытных членов партии. Это были такие товарищи, как Анюта Слуцкая, работница-швейница, член партии с 1911 года — развитая, опытная, партийный и профсоюзный работник; Приворотская Мария (потом Каганович), ставшая моей женой, член партии с 1909 года, работница-трикотажница, политически развитая, опытный партийный и профсоюзный работник; Женя-прачка, энергичная активистка; Садовский — член партии с 1911 года, рабочий-кожевник и шорник, боевой и опытный революционный профсоюзный работник; Семен Костюк — сапожник, хороший рабочий агитатор.

Потом включались в ячейку и такие, например, как верный партии Коля-интеллигент, Лев Шейнин, имевший еще трех братьев большевиков, Ямпольская — работница кондитерской промышленности, активный развитой работник, и другие.

Не откладывая в долгий ящик, ячейка приступила к практической работе, в частности, были организованы две рабочие комиссии: агитационно-пропагандистская и профессионально-экономическая. Меня выбрали в обе комиссии.

В Киеве к 1912 году было всего два легальных профсоюза: фармацевтов и официантов; в начале 1912 года был легализован еще союз приказчиков. Весной и летом рабочие Киева добились легализации профсоюзов металлистов, портных «Игла», деревообделочников, прачечников, печатников и полулегального существования союза сапожников и кожевников. Я говорю «полулегального», потому что с 1912 до начала 1913 года шла борьба с властями за его легализацию. Губернатор проявил особую строгость, «бдительность» по отношению к союзу сапожников и кожевников, должно быть, потому, что он действительно еще в 1905 году проявил себя как боевой профсоюз.

В 1911 и 1912 годах под руководством нелегальной партийной ячейки эта профсоюзная полулегальная небольшая организация была связана с рабочими и организовывала конфликты и забастовки рабочих, а в начале 1913 года профсоюз сапожников и кожевников был наконец официально зарегистрирован.

Но партийной группе приходилось и более непосредственно участвовать в действиях профсоюза в периоды острых конфликтов рабочих с хозяевами и особенно в период забастовок.

Борьба бастующих с штрейкбрехерством принимала зачастую острый характер, вплоть до возникновения стихийных физических схваток, особенно в небольших мастерских, которых на Подоле было много; драки обычно начинали и сами хозяйчики, и их наследники, но и наши не дремали, а давали достойную сдачу. При этом они с удовольствием потом рассказывали, как они всыпали самим хозяйчикам. Интересно отметить и тот факт, что еврейские хозяйчики спекулировали и клеветали, что, мол, черная сотня и их избивала, а русско-украинские хозяйчики клеветали, что это жиды их избивали.

Мы старались дифференцированно подбирать группы по борьбе с штрейкбрехерством. Большей частью это были смешанные группы по национальности. Но для наилучшего разоблаче-

ния спекуляции хозяйчиков мы зачастую подбирали и так, что к еврейским хозяйчикам направлялись по преимуществу еврейские наши парни, а в мастерские, где хозяева были русско-украинские, направлялись наши русские и украинские товарищи. А в большие предприятия направлялись и те и другие. И в том, и в другом случае это была интернациональная классовая борьба пролетариев всех наций с хозяевами-капиталистами всех наций.

При забастовках на крупных предприятиях мы создавали стачечные комитеты, которые учитывали наши партийные указания и советы в непосредственном руководстве стачками. Не всегда, конечно, все шло гладко и выигрышно; штрейкбрехерство было главным бичом забастовок, при вмешательстве полиции на стороне, конечно, предпринимателей. Но ничто не могло удержать рабочих от классовой борьбы — ни угрозы хозяев, ни локауты, ни вмешательство полиции, ни разлагательская работа ликвидаторов, которые бесстыдно обвиняли нас, большевиков, в «стачечном азарте». Этим они отталкивали от себя даже отсталых рабочих и толкали их к нам — к большевикам.

Большую роль в нашей социал-демократической большевистской работе и борьбе имело умелое использование нами легальных клубов и обществ, существовавших в Киеве в разное время под разными названиями: Общество распространения образования в народе, Научно-технический клуб и другие.

В них всегда шла борьба за руководство. Мы старались иметь большинство в правлениях этих клубов, обращали особое внимание на состав таких комиссий, как экскурсионная, лекционная, технически-хозяйственная и другие. Помимо задачи обеспечения правильного содержания их работы по существу мы имели цель использовать их легальную «форму» для нелегальной работы. Меня, например, избрали руководителем самоварной комиссии для содержания самоваров и обеспечения чаем членов клуба. Я назначил себе помощников, а сам использовал эту «самоварную комиссию» для нелегальных собраний нашей ячейки, конфликтно-экономической комиссии, совещаний профсоюза и других нелегальных мероприятий по поручению Киевского комитета и райкома партии. Часто я предоставлял эту «фирму самоварной комиссии» товарищам для нелегальных мероприятий. Пронюхивая иногда эти наши маневры, ликвидаторы и их союзники протестовали, но это им не помогало. Мы хорошо использовали эти легальные возможности и в страховой кампании, при выборах

в IV Государственную думу и так далее. Хотя у нас в Киеве не было наших кандидатов в члены Госдумы, но агитационно-пропагандистскую кампанию против черносотенного и буржуазного кандидата мы вели напряженно и энергично, и в этом отношении нам серьезно помогали эти клубы. В самой легальной работе этих клубов, в особенности лекционной, мы пропагандировали свои идеи, используя вовсю так называемый «эзоповский язык», то есть замаскированный, иносказательный способ изложения своих мыслей (чем, по преданию, пользовался древнегреческий баснописец Эзоп).

Такие лекции иногда переходили к вопросникам, от вопросников к спорам, в том числе, например, по такому вопросу, как национальный вопрос, который, как я уже выше отмечал, в Киеве носил особенно острый характер ввиду многонациональности его населения.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

В 1912–1913 годах вновь обострился национальный вопрос. Рост рабочего революционного движения вызвал у царского правительства и всех черносотенных сил — его опоры — резкое усиление тактики натравливания одной нации на другую и разгул черносотенного национализма — шовинизма, захватывая и мелкую буржуазию.

В то же время усилился национализм у верхних слоев угнетенных национальностей, среди которых национальная буржуазия разжигала националистические страсти, заражая этим мелкую буржуазию и даже некоторую часть отсталых рабочих через прежде всего буржуазных националистов, русских, украинских, еврейско-сионистских, польских, а также социал-националистов, сионистов-социалистов, бундовцев, спилковцев, ПП-совцев и подобных.

В указанных выше клубах и на специально устраиваемых дискуссионных собраниях нам, большевикам, вместе с лучшими меньшевиками-партийцами приходилось резко и остро бороться за марксистско-ленинскую линию в национальном вопросе, за пролетарский интернационализм.

Я хочу рассказать, в частности, о двух событиях, имевших особое острое и крупное значение в Киеве: 1) дело Бейлиса, получив-

шее тогда большую известность, как говорится, в общероссийском и мировом масштабе, и 2) крупный вопрос — празднование 100-летия со дня рождения великого украинского поэта революционера-демократа Тараса Григорьевича Шевченко.

Обвинение Бейлиса, жителя Киева, возникло в 1911 году; два с лишним года длилось «следствие», два с лишним года население Киева, особенно еврейское и рабочее, было терроризировано этим делом и жило в большом напряжении черносотенной вакханалии и угрозы погрома.

Несмотря на то, что часть полиции (пристав Красовский) с самого начала напала на верный след убийства мальчика Андрея Ющинского, убитого воровской бандой притона Веры Чеберяк, черносотенцы Киева и Петербурга добились ареста Красовского и направили все обвинение против рабочего кирпичного завода Менделя Бейлиса, совершившего якобы убийство по религиозным, ритуальным мотивам. Министерство юстиции при поощрении самого главного черносотенца, царя-императора Николая II, взяло на себя руководство этим делом, искусственно состряпанным в интересах контрреволюции.

Новая стадия капитализма — империализм знает такие дела, как «Дрейфусиада» во Франции. Но обвинение Дрейфуса, хотя и было направлено антисемитски, не носило характер такого всеобщего обвинения евреев, так как шпионаж мог быть приписан человеку любой нации. Здесь же, в деле Бейлиса, обвинение сразу приняло характер обвинения еврейской национальности. Такие дикие, фантастические суеверные наветы на евреев, будто они употребляют христианскую кровь, бывали и раньше, еще в средние века, и каждый раз проваливались. Но никогда они не принимали такого широкого характера общегосударственной политики и руководства, какое они приняли в деле Бейлиса. Это объясняется тем, что угроза новой революции и опасность свержения царизма толкнули царизм на путь повторения диких наветов на евреев, чтобы натравить темных людей на жидов и отвести удар назревающей революции от царизма, начать с еврейских погромов и кончить разгромом рабочих, демократических, студенческих организаций и рабочего революционного движения.

По делу Бейлиса большевистский журнал «Просвещение» писал: «Всеобщее возбуждение, колоссальный интерес к этому делу решительно всех слоев общества и народа не только у нас в России, но и во всем мире. Мы радостно можем сознавать, что наша

культура, наше общественное развитие шагнуло так уже далеко, что подобные способы возбуждения расовой, национальной и религиозной розни и ненависти не могут теперь проходить безнаказанно для тех, кто в их создании ищет и находит последнее прибежище и силу. Отпор, который дает в настоящее время этой жесточайшей клевете весь культурный мир, все силы науки и знания, — беспримерное явление в новейшей истории человечества.

И одно это обстоятельство может радовать всех: разгулу темных сил в мире ставится серьезная преграда».

Наша рабочая большевистская газета «За Правду» писала: «Совершенно понятно, почему этот процесс привлек такое внимание: на скамью подсудимых посадили самого обыкновенного рабочего и сказали: ведь он людоед и кровопийца, потому что его религия предписывает ему пить младенческую человеческую кровь... Взрывом негодования было оно (дело Бейлиса) встречено во всем цивилизованном мире, и пролетариат России был в первых рядах тех, кто поднял свой голос в защиту попранной чести русского народа».

Великим фактором истории рабочего движения России является то, что не только на Юге и в Западных областях, но и в Петербурге, Москве и других рабочих центрах России рабочие выступали с протестами, вплоть до забастовок, против этого позорного процесса. Особенно, конечно, Киев был ареной беспрерывной борьбы рабочих, трудящихся, митингов и забастовок против варварского, дико выдуманного обвинения Бейлиса.

Атмосфера, созданная в Киеве одной из самых сильных в России черносотенной организацией «Союз Михаила Архангела», с его грязной, но имевшей большую силу и издававшейся большим тиражом газетенкой «Двуглавый орел», была погромной; сотнями тысяч разбрасывались по городу листки с призывом к погрому. Стоявший во главе черносотенцев студент Голубев был связан с высшими придворными кругами Петербурга и имел крупнейшее влияние на всю политику и поведение генерал-губернатора и полиции Киева. Надо отдать справедливость, что не только рабочие и трудящиеся, но и большинство других слоев населения возмущались этим процессом. Даже редактор монархической газеты «Киевлянин», известный Шульгин был против этого дела и против погромов. Но в то же время было значительное количество среди помещичье-буржуазных классов и среди купцов, мародеров и подонков, так называемых люмпен-пролетариев, ко-

торые были главной погромной силой Голубева. На них он и рассчитывал.

Кроме общих контрреволюционных целей, план петербургских черносотенцев был рассчитан на частную «победу», на истребление и частичное изгнание «жидов» «на Колыму», как постоянно кричал в Государственной думе главарь «Союза Михаила Архангела» Пуришкевич. В этих условиях перед большевиками Киева стояла задача, во-первых, подготовить рабочих и членов партии к возможным черносотенным нападениям, во-вторых, во всей разъяснительной агитационно-пропагандистской работе занимать свою революционно-классовую позицию, не слезливо-жалостливую, мелкобуржуазную, буржуазно-либеральную, а боевую, наступательную, связывающую это подлое дело Бейлиса со всем столыпинским царским режимом и с нашими коренными задачами революционного свержения царского строя. Именно так был поставлен вопрос Киевским комитетом в его листовке, призывавшей рабочих к однодневной забастовке протеста против суда над Бейлисом, ложно обвиненным в ритуальном убийстве. «Товарищи! — писал Киевский комитет. — Дело Бейлиса приковало к себе внимание всего мира. Весь мир против ритуальных обвинений еврейского народа в людоедстве — обвинений, основанных исключительно на злой корысти, пользующейся грубым суеверием».

Дружно откликнулись киевские рабочие — в этот день, 4 октября, бастовало много предприятий. Про Подол я могу сказать — бастовало большинство предприятий и мастерских. Шествий, демонстраций не было, так было решено во избежание провокаций погромщиков. Мы проводили закрытые митинги и собрания.

Стачки протеста были не только в Петербурге, рабочие которого всегда были впереди, забастовки протеста были во многих других городах.

Дело это было настолько подло состряпанным, что даже тщательно подобранные присяжные заседатели не могли не вынести оправдательный приговор Бейлису.

Дело Бейлиса имеет не просто исторический интерес. Империализм создал условия для расцвета расизма, шовинизма, человеконенавистничества. Ведь по сути российский царизм оказался в известной мере учителем немецкого гитлеризма и ныне процветающих в США и других империалистических странах расизма и шовинизма. В негритянских процессах мы видим отзвуки цар-

ской охранки и юстиции, состряпавших дело Бейлиса. Революция колониальных народов нанесла удар по расизму и империалистическому человеконенавистничеству, но нельзя думать, что с ними покончено. Наоборот, чем ближе могила империализма, тем острее он будет хвататься за расистские приемы и жестокости. Это надо помнить, особенно революционерам, коммунистам.

Говорят: «Гони природу в дверь, она влетит в окно». Парадоксально, но факт, что природа империализма, порождающего расизм, влетела сегодня через «сионизм», при воздействии американского империализма, в окно государства Израиль, которое проводит расистскую политику и разбойно-грабительские действия по отношению к арабскому населению и близлежащим арабским государствам. Подбадриваемые щедрой помощью и руководством империалистов США, сионисты Израиля пошли на завоевательную, империалистическую войну с арабскими государствами, оккупируя их земли и применяя там расистские человеконенавистнические приемы насилия. На первый взгляд может показаться странным, что расизм в подлой его форме нашел свое место в Израиле, население которого страдало ранее от расизма. Но такова природа империализма, а сионисты — не народ Израиля — являются империалистами-расистами. Надо всегда помнить, что борьба против расизма есть борьба против империализма.

Запрещение чествования Шевченко было такой превосходной, великолепной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя. Я думаю, что все наши лучшие социал-демократические агитаторы против правительства никогда не достигли бы в такое короткое время таких головокружительных успехов, каких достигла в противоправительственном смысле эта мера.

После этой меры миллионы и миллионы обывателей стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того ленинского изречения, что Россия есть «тюрьма народов». Так оно и было. Миллионы рабочих и трудящихся Киева, других городов и передовых сел и деревень Украины прорвали фронт черносотенцев, надломили решетки «тюрьмы народов» и праздновали 100-летний юбилей Шевченко. Собрания и митинги рабочих, трудящихся и студентов, посвященные Шевченко, были ответом на запрет правительства.

Со специальной статьей выступила наша «Правда», в которой

была дана высокая оценка Шевченко как великого народного поэта; она призывала рабочих протестовать против запрещения юбилея. Киевский комитет партии выступил со специальной листовкой, в которой юбилей Шевченко связывался с политикой и революционной борьбой.

Тот факт, что наша партия приняла активное участие в праздновании юбилея Шевченко и дала правильное принципиальное направление этому празднованию, поднял авторитет нашей партии в глазах тех рабочих и трудящихся и даже части интеллигенции, которые принимали близко к сердцу национальные моменты в жизни Украины, и сплотил вокруг партии еще большее количество передовых рабочих и трудящихся.

В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1914 год был годом особенно больших революционных надежд на победоносность борьбы за освобождение от ига царизма, а затем и капитализма.

К сожалению, июль 1914 года оказался и последним месяцем этой исторической эпохи нового подъема рабочего революционного движения 1911–1914 годов. Объявление войны резко затормозило это движение на полном боевом ходу. Героическая передовая часть питерского пролетариата и в день объявления войны демонстрировала свой протест.

В Киеве объявление мобилизации застало рабочих бастующими — демонстрирующими свою пролетарскую солидарность с петербургским пролетариатом. Война и у нас в Киеве, как и в других городах страны, на полном ходу прервала это движение. Продолжать забастовки и выступления после официального объявления войны было невозможно. Но рабочие оставались в состоянии брожения, антивоенных настроений, недовольства мобилизацией. Это находило свое активное выражение на сборных мобилизационных пунктах в городе Киеве и ряде волостей, уездов Киевской губернии. Крестьяне, мобилизованные призывники громили, жгли помещичьи имения, забирали хлеб и другое имущество, оказывали сопротивление мобилизации, в том числе и в моем Радомысльском уезде, где было охвачено сопротивлением 10 волостей.

Конечно, с уходом по мобилизации 20–30% коренных рабочих, с приходом на предприятия большого количества новых

масс, в том числе из кулаков, купцов и всякого буржуазного и мелкобуржуазного элемента, оборонческие настроения увеличились, хотя эти элементы как раз и пришли на заводы, чтобы уйти от обороны, от фронта. Но кричали они как ура-патриоты, как «идейные» сторонники национализма и шовинизма и его выразителей — ликвидаторов и эсеров. Потом, в ходе войны и ухудшения положения, лучшая часть и из этих трудящихся элементов поворачивалась в сторону забастовок и антиоборонческих настроений. Мы, большевики, не относились безразлично к ним, а, обратив внимание на лучших, работали с ними, и надо сказать, что немало их становились в ряды борцов с царизмом.

В Киеве, как и по всей стране, в первые месяцы после начала Первой мировой империалистической войны рабочее движение было ослаблено, забастовок до конца 1914 года почти не было. Террор и репрессии царского правительства еще более усилились по сравнению с довоенным временем. Профессиональные союзы в большинстве своем были разгромлены. Те, которые остались, фактически вели свою работу нелегально и лишь к 1915 году многие из них несколько оправились от удара.

Уже в конце 1914-го и в 1915 году Киевская организация окрепла и организационно, было восстановлено систематическое общекиевское партийное руководство — Киевский комитет партии. Этому способствовало еще и то, что в октябре 1914 года в Киев из Полтавы приехал Станислав Косиор. Это был старый развитой большевик, работавший раньше в Донбассе; он имел большой опыт партийной работы, был умелым организатором, серьезно помог в налаживании, развертывании работы Киевского комитета, став признанным его руководителем.

Киевский комитет тогда сложился в следующем составе: Косиор Станислав, Вейнберг Гавриил, Дегтяренко, Каганович Лазарь, Майор (Майоров), Дора Иткина и другие.

Станислав, как настоящий большевик, быстро вошел в работу Киевской организации. Надо особо подчеркнуть, что он умело вел свою работу, особо конспиративно, и я многому, в том числе в этой конспирации, у него научился. Станислав показывался редко на собраниях и поддерживал руководящую связь через доверенных лиц райкома.

В первой половине 1915 года наша работа развернулась интенсивно, но, к сожалению, в марте была арестована группа активистов, в том числе и два члена Киевского комитета товарищи Дегтяренко,

Вейнберг и другие активисты. Это сказалось на работе не только из-за потери этих товарищей, но и потому, что нам, оставшимся, пришлось еще больше законспирироваться и вести работу замкнуто.

В связи с этими арестами и нависшей угрозой над другими товарищами Станислав Косиор вынужден был уехать из Киева. Это была большая потеря. Вслед за ним выехали и некоторые другие товарищи. Это, естественно, ослабило работу, но ненадолго.

В конце апреля состоялась конференция на Подоле, на Константиновской улице, между Ярославской и Нижним валом. Помню, что это был двухэтажный дом, в первом этаже которого был магазин. Конференция избрала тайным голосованием киевский комитет, в который вошли Ластовский, Каганович Лазарь и другие.

Мы все почувствовали себя бодрее. Актив и члены партии шире и смелее развернули свою работу; их смелость нашла свое выражение и в таком деле, как проводы отправленных в ссылку, ранее арестованных наших товарищей Виктора Капранова, Вейнберга, Веры Сапожниковой и других. Группа товарищей пошла на вокзал их проводить. Ко мне на фабрику зашли товарищи Маргулис, Садовский и Мишка Ротлейдер (звали мы его «Банкир», потому что он работал в банке) и предложили мне пойти с ними на вокзал. Вначале я им сказал, что это, может быть, будет нарушением конспирации, но они были так настойчивы, что я пошел с ними. Кроме молодого задора — принять участие в таких проводах, мне захотелось попрощаться хотя бы издали с друзьями. На вокзале собралось немало провожающих. Мы, естественно, вместе с другими махали им руками, приближаясь к ним вплотную, жандармы обратили внимание на демонстративный характер этих проводов и целой оравой набросились на нас, разгоняя и избивая, завершив свою «операцию» арестом нескольких человек, в том числе и меня.

Допросы были жестокими; здоровенные жандармы неоднократно избивали нас до крови, но допросы ничего им не дали, ничего они не могли добиться. Я был одет плохо и изобразил из себя деревенского парня, приехавшего в Киев искать работу. «А чего же ты махал рукой, да еще фуражкой?» — допытывались они, не веря моим утверждениям. На это я им по-деревенски отвечал: «Уси махалы, и я махав, я думав, що воны мобилизованные и их отправляют на фронт».

После недельных мытарств и таких же жестоких допросов, ничего не добившись, они большую часть освободили, в том числе и «Банкира», а меня и Ефима Ковальчука выслали из Киева в де-

ревню по этапу. По пути следования в городе Иванькове при помощи старых друзей Михаила я освободился от дальнейшего следования по этапу и вместо деревни нелегально вернулся обратно в Киев. Товарищи, а тем более моя молодая жена, Мария Приворотская-Каганович, встретили меня с радостью, и я вновь окунулся в партийную и профсоюзную работу.

На одном из заседаний Киевского комитета, обозревая положение и работу, мы оценили хорошо работу на предприятиях, но одновременно мы, в том числе и я, самокритично установили, что почти не ведется работа в армии, что нет связей с солдатами, кроме попавших в солдаты отдельных членов партии. Поручили мне установить с ними более систематическую организационную связь и вместе с ними заняться работой среди солдат. Я охотно взялся за это, тем более что, давая мне это поручение, товарищи правильно указывали, что я лучше других знаю деревню, а в армии больше всего крестьян.

В начале июля и я лично начал вести беседы с солдатами маленькими группами, встречаясь с ними в районе Печерской Лавры. Это было удобно, потому что там всегда было много народу, в том числе и солдат. На одной из бесед я просил рассказать о настроениях солдат. Все они отвечали: «Та в души воны в бильшости такого же настрию, як и мы, алэ нэ осмиливаються сказаты, тилькы, колы з ными побалакаты, то немало смилых знайдэться».

Я доложил Киевскому комитету результаты нашей работы. Комитет одобрил работу и поручил продолжать ее усиленно. Я дополнительно доложил, что встретил на Крещатике одного бывшего студента в военной форме, проходящего школу прапорщиков в кадетском корпусе. Этого студента я знал до войны как сочувствующего нам. При встрече он не отказался встретиться, сказав, что, когда я приду к нему в кадетский корпус, его вызовут и мы «погуляем». Я спросил у членов Комитета, каково их мнение насчет моей встречи с ним. Сначала мнения разделились: одни считали риском идти в кадетский корпус, другие считали, что нам очень важно получить связи с бывшими студентами, служащими в армии, поэтому надо пойти на этот риск. Комитет принял последнее решение, и я, приодевшись прилично, пошел к нему. К моему удивлению, дежурный долго меня не задерживал и вызвал моего «студента» Назаренко, который тут же вышел со мной для «прогулки».

Беседа вначале не очень-то клеилась, видимо, мы оба выжида-

ли, но потом, естественно, инициативу я взял в свои руки, но, конечно, с осторожностью.

Из беседы, уже из общей ее части я видел, что человек этот не в ладу с самим собой, что это своеобразный «Гамлет» в современных условиях острого кризиса, но все же «Гамлет», склоняющийся к народу, к недовольству и даже возмущению господствующими классами и особенно царской властью. Тогда я перешел к конкретным вопросам. При этом я заранее извинился, что я буду ставить вопросы, может быть, и трудные для ответа, но я не обижусь, если он не ответит. «У вас в школе прапорщиков, вероятно, немало бывших студентов, все ли настроены «за царя и отечество»? Он мне ответил: «За царя — не все, а за отечество — все». «А как же с этим противоречием, если не «за царя», значит, — говорю я, — нужно другого руководителя войной, значит, нужен другой строй?» «Да, — сказал он, — так выходит. Многие думают, что хорошо было бы, если бы было другое управление, но как это сделать, да еще во время войны, этого никто из наших не додумывает и не знает».

Я, со своей стороны, посоветовал ему активнее разъяснять лучшим, наиболее верным из бывших радикальных студентов, что революция неизбежна, но что она сама не приходит, ее нужно готовить.

Он заверил меня, что будет действовать в этом направлении и что мои советы ему пригодятся.

К великому сожалению, эта наша вторая встреча была последней. В следующий раз, подходя к кадетскому корпусу, я еще издали заметил двух шпиков. Я прошел мимо, но они за мной погнались. Я хорошо знал этот район, все проходные дворы, переулки и начал их «мотать». Хотя и не бежал, но угнаться за мной они не могли. Я двигался к Бессарабскому рынку, а затем на Жилянскую улицу. Там был заводик сельтерских вод, на котором я когда-то, в годы безработицы, работал.

Забежал во двор, а там стоит фургон с готовой продукцией. Вскочив на фургон, я выехал со двора. А там-то догнать меня они не могли, это им было трудно.

В конце октября мы собрались, чтобы выехать в Юзовку (после революции г. Сталино, а теперь г. Донецк) — столицу Донбасса. Паспорт мой на имя Гольденберга был липовый — фальшивый. Представилась возможность приобрести паспорт, как говорили, «железный», на имя мещанина города Шяуляй Кошеровича Бо-

риса. Товарищи Витхин и Баршевич особенно старались приобрести его, чтобы лучше меня обеспечить. Но оказалось, что на нем фотокарточка владельца; необходимо было проделать операцию замены этой карточки моей. Волнующим, непростым делом было справиться с сургучной печатью, которая сломалась. Все же с большим трудом удалось ее привести в порядок, и с паспортом на имя Кошеровича Бориса я и Мария выехали в Донбасс.

3 марта улицы Юзовки были переполнены; несмотря на непролазную грязь, все шли к заводу на митинг, собранный в прокатном цехе металлургического завода; шли не только рабочие и работницы фабрик, мастерских, шахт, но и трудящиеся граждане, в том числе и юноши, и, что особенно важно, шли крестьяне окружающих Юзовку деревень. Солдат в Юзовке почти не было.

Мне невозможно сегодня рассказать о моем волнении, испытанном тогда, в марте 1917 года, перед моим первым открытым выступлением на таком многотысячном митинге.

Произошло историческое событие величайшей важности, осуществилась мечта многих поколений мучеников — революционных борцов и страдающего народа — свергнут царский строй. Велика радость и торжество, но в то же время остаются тяжкие страдания народа, в особенности смертельная война. Большевистская партия дает свой, хотя и не полный до приезда Ленина, ответ на этот вопрос.

Но как это доходчиво изложить перед многотысячной массой, многие из которых, а может быть и большинство, только сейчас приобщаются к политической жизни? Всю ночь готовился, думал, утром советовался с товарищами, наметил схему, написал проект резолюции и краткого обращения к рабочим.

На митинг я в сопровождении двух товарищей направился хотя и взволнованным, но в бодром, приподнятом состоянии.

Как это ни странно, по дороге один маленький эпизод вызвал у меня вначале смущение, а потом бодрость и даже радость. Проходя через ворота завода, я услышал отрывок разговора нескольких человек. Один говорит: «Кажуть, що выступаты будэ жид». Другой рабочий ему сердито отвечает: «Дурак ты, хоть жид, да наш». Не скрою, что само по себе упоминание «жид» вызвало у меня инстинктивное огорчение, но зато ответ другого рабочего — «хоть жид, да наш» — меня обрадовал, поднял, ободрил — ведь этим простым, коротким ответом рабочего выражено инстинктивное интернациональное классово-пролетарское чувство

и сознание: рабочий человек любой нации — наш пролетарский брат и друг!

Не буду описывать общее не виданное нами никогда подъемное настроение, царившее на митинге. Выступившие рабочие поддержали докладчика и призвали к борьбе за полную победу революции и против каких-либо контрреволюционных махинаций с попытками восстановления монархии.

На первом же заседании Юзовского Совета был избран Исполнительный комитет, в котором большевики вместе с сочувствующими им имели большинство. Борьба с меньшевиками-оборонцами разгорелась вокруг предложения большевиков об избрании на пленуме Совета заместителя председателя Совета, против чего меньшевики возражали. Громадным большинством депутатов Совет избрал заместителем председателя большевика Кошеровича Б. (Кагановича Л.М.). Это была политическая победа нашей парторганизации.

Вспоминая о моей работе в Юзовке, я рад и счастлив, что вместе с моим незабвенным другом, старым большевиком Марией Марковной, мне довелось жить, работать и бороться в Юзовке — Донецке. Я благодарен донецким рабочим, металлургам, шахтерам и другим трудящимся, в том числе и моим сопрофессникам — сапожникам, большевикам и беспартийным, за пролетарскую школу, которую я у них прошел, — я многому научился у них, отдавая, со своей стороны, все свои молодые силы делу победы Ленинской большевистской партии.

Глава 3
1917-й ГОД

В САРАТОВСКОМ ГАРНИЗОНЕ

Можно без преувеличения сказать, что 1917 был исключительным, величайшим годом в истории России и других стран мира.

История человечества знала немало великих дат и отдельных годов, наполненных большими событиями. Но то, что совершилось в 1917 году в России, превзошло все предыдущее грандиозностью по масштабам и величию, по качественному содержанию. События 1917 года коренным образом изменили весь ход исторического развития не только России, но и всего мира. В 1917 году февральско-мартовская революция свергла, уничтожила царскую монархию Романовых — столп российской и мировой реакции, а, главное, через невиданно короткий промежуток, в том же 1917 году, Октябрьская социалистическая революция, вырвав полностью все корни феодально-крепостнического строя, свергла господство капитализма и уничтожила его основу — частную собственность на землю, фабрики, заводы, банки и буржуазное государство, охранявшее эту частную собственность и эксплуатацию рабочих и трудящихся капиталистами и помещиками. Была установлена диктатура пролетариата, охранявшая социалистическую собственность и все завоевания пролетариата.

В апреле 1917 года я вернулся на свою партийную родину — в Киевскую большевистскую партийную организацию из Юзовской–Донецкой большевистской организации.

В Киеве было хорошее боевое настроение. Товарищи по подполью встретили меня радостно и сразу же загрузили партийной работой. Зная и учитывая мой подпольный опыт работы среди солдат, Киевский комитет партии возложил на меня работу в ар-

мии. Для облегчения и большей успешности этой работы решили создать легальную базу, поручив большевистской фракции солдатской секции Совета добиться оформления меня членом культурной комиссии или просто работником по культурной работе среди солдат. Мы получили хорошую легальную базу для развертывания партийной работы. Но недолго длилась эта моя работа. Как только я перешел от внешне незаметной организационно-партийной работы к открытым выступлениям на собраниях и митингах солдат, эсеро-меньшевистские вожаки солдатской секции увидели, какого «культурника» они пустили в свой огород.

Особенно пришли в ярость эсеро-меньшевистские вожаки после моего выступления по поручению Киевского комитета на многотысячном предмайском митинге на территории бывшей выставки. В своей речи я говорил о новых задачах революции на основе великой программы, данной пролетарским вождем революции и партии великим Лениным в Апрельских тезисах, в которых поставлена задача перестройки России в республику Советов.

Эти и другие мои выступления вызывали у солдат сочувствие нашей большевистской партии и одновременно озлобление эсеро-меньшевистских заправил солдатской секции Совета. В срочном порядке эти коварные горе-демократы изгнали меня из солдатской секции, организовав через соответствующие военные органы отправку (фактически высылку) меня из моего родного любимого Киева в Саратов.

Саратов оказался уже не той «глушью», о которой говорил Фамусов – герой бессмертного творения Грибоедова «Горе от ума», а крупным промышленным пролетарским центром, с большим военным гарнизоном, сплоченной большевистской организацией.

И я благодарен судьбе, что оказался в этом революционном центре в бурные месяцы 1917 года, где приложил свои силы к развернутой партией и ее военной организацией борьбе за завоевание солдатских масс на сторону нашей Ленинской партии.

В период Первой империалистической войны Саратов стал крупным центром сосредоточения воинских частей, главным образом запасных полков, в которых обучали солдат перед отправкой на фронт.

В 1917 году в Саратовском гарнизоне было около 50 тысяч солдат и офицеров. Удельный вес солдат в городе Саратове с населением в 200 тысяч, в том числе 30 тысяч рабочих, был доста-

точно велик и указывает на остроту и серьезность задач партийно-политической работы в гарнизоне. Должен здесь же подчеркнуть, что некоторые ошибочно недооценивают важное значение партийно-политической работы в таких тыловых гарнизонах. Такие товарищи забывают, что в этих гарнизонах было мало тылового, так как они ускоренно формировали маршевые роты и отправляли на фронт. Следовательно, от того, как мы политически подготовляли солдата, с каким политическим багажом он прибывал на фронт, зависело в значительной мере не только его личное поведение, но и его влияние на фронтовых солдат в окопах. Через них мы, большевики, распространяли свое влияние на фронтах, да и на деревню, куда выезжали солдаты.

Надо сказать, что постоянное поступление нового пополнения затрудняло, конечно, и осложняло нашу работу. Требовались быстрая ориентировка в людях, установление новых связей, а главное — сохранение таких темпов большевистской обработки, с какими велась ускоренная подготовка и формирование маршевых рот и их отправление на фронт.

Слабость работы военной организации в первые два месяца после февральско-мартовской революции объясняется не только недостаточностью сил, но главным образом тем, что среди большевиков гарнизона неясность и колебания в принципиальной позиции — о путях и перспективах революции затянулись несколько дольше, чем у большевиков общепартийной организации. Даже после тезисов Ленина и Апрельской конференции, вплоть до первой половины мая, часть военной организации не заняла достаточно ясной, твердой боевой позиции, а это главное, что определяет и всю практическую организационную работу.

В мае произошли серьезные изменения в составе членов партии в Саратовской военной организации. Гарнизон пополнился прибывшими из других частей страны новыми силами, среди которых оказалось немало политически и партийно подготовленных и подкованных большевиков. Это, естественно, немедленно сказалось на активизации борьбы за ленинскую линию партии и на улучшении всей работы военной партийной организации. Во второй декаде мая было собрано общее собрание членов партии военной организации (их было сто с лишним человек), на котором первым вопросом был поставлен доклад об Апрельской конференции партии. Этот доклад довелось сделать мне. Это было первое большое поручение городского комитета партии в первые же недели

моего приезда в Саратов. Помню, как секретарь горкома Эмма Рейновна Петерсон мне сказала: «Не рассчитывайте на наши силы, сами собрание организуйте, сами и доклад сделайте».

В Саратов я только-только прибыл и настроение членов партии еще мало знал, но мне помогло то, что я изучил положение в общепартийной Саратовской организации и содержание доклада товарища Милютина. Хотя он был старым большевиком и высоко эрудированным руководителем, но доклад его был неудовлетворительным с точки зрения защиты позиций Ленина на Апрельской конференции, отражал некоторые положения неленинской позиции Каменева и Рыкова. Поэтому я в своем докладе по существу полемизировал с Милютиным, а это оказалось особенно к месту, так как именно в военной организации было немало слабо ориентирующихся и колеблющихся товарищей.

Вторым вопросом собрания был организационный — выборы Комитета. Об этом собрании и его решениях было доложено Саратовскому комитету, который утвердил решения и состав избранного общим собранием Комитета, включив товарища Кагановича в состав Саратовского комитета партии.

С этого момента наша организация называлась Военная организация Саратовской партийной организации РСДРП (большевиков). Она работала под руководством городского и губернского комитетов партии, им подчинялась, ее руководитель, или, как его наименовали при избрании, председатель тов. Каганович Л.М., входил в состав городского и губернского комитетов.

Победа Ленинской линии в парторганизации, общий рост влияния и авторитета нашей партии в массах и перелом в их настроениях, улучшение общей объективной политической ситуации для нашей партии дали практическое улучшение работы и военной организации уже в мае.

В короткий срок существующие ячейки стали неузнаваемы — они стали действительно боевыми органами партии.

Был организован прием в партию солдат, подготовленных для этого за один месяц, и в первую половину июня мы утроили количество членов партии. К 10 июня у нас было уже 400 членов партии при общем количестве в Саратовской организации 2500 членов — и это при строгом подходе и отборе. За май и июнь в результате развернувшейся большевистской пропаганды в гарнизоне более тысячи солдат, главным образом из рабочих и крестьян-бедняков, объявили себя сочувствующими нашей партии, они прихо-

дили на партсобрания и выполняли наши поручения. В июне у нас в организации уже было более 50 первичных ячеек.

Мы добивались проведения в полковые и ротные солдатские комитеты большевиков. Эсеры и меньшевики упорно сопротивлялись этому, так как они почти монопольно заполняли эти комитеты. Они вообще создали такую обстановку в казармах, что большевики были загнаны и затравлены; дело доходило до избиения их специально натравливаемыми хулиганами. Мы в первую очередь повели борьбу за коренное изменение этой обстановки. Здесь агитации было мало, надо было завоевать авторитет. Мы начали ставить перед полковыми и ротными комитетами вопросы солдатских нужд и бытового неустройства, заставляя их или удовлетворять эти нужды, или идти против солдат, разоблачая тем самым себя.

Можно сказать, что май и особенно июнь были переломными в настроениях солдат. Влияние нашей партии неуклонно нарастало. В беседах с солдатами, ранее поддерживавшими эсеров и меньшевиков, уже в мае и июне раскрывалось разочарование в их романтической мечте о том, что вот, дескать, теперь, после царя, все пойдет само собой по-новому, по-хорошему, без драк и борьбы, и мир наступит, как на словах обещали эсеры и меньшевики, и свобода будет полная — одним словом, осуществится мечта о «земле и воле». Что ж, говорили в беседах ворчливо и уже сердито многие из солдат, уже почти три месяца прошло, как царя порешили, а толку пока мало: война продолжается и конца-краю не видно, и все кричат «продолжать ее до победного конца». До Дарданелл, выходит, будем биться. А разруха все растет. Вон из деревни пишут, что жрать нечего, дети помирают, скотина дохнет с голодухи, лошадей все меньше и меньше становится, довели до того, что аж мужики плачут, особливо бабы ревут. А помещик как был хозяином-кровососом, так и продолжает им оставаться, да и кулак не дурак — без царя, а еще больше наживается на нищете народной. А наши-то защитники — эсеры? Обещать-то обещали землю и волю, а на самом-то деле все «завтраками» нас, мужиков, кормят, да и то, просто говоря, за нос водят нас, как дураков, и обманывают. Вот пишут из деревни, что «забеспокоившиеся» господа-помещики начали нашего брата мужика в каталажку сажать — вот те и воля.

Нельзя, однако, представлять себе, что этот процесс идейно-политического завоевания большинства солдатских масс на сторону большевизма был легким делом, особенно учитывая двойственную социальную природу тогдашнего среднего и особенно зажиточного

крестьянства. С точки зрения строго научного объективного определения крестьянин, с одной стороны, трудящийся человек и родственен пролетариату, с другой — он частный собственник и родствен богатому частному собственнику. На это его раздвоение — на его вторую сторону и делали ставку буржуазно-помещичьи партии, а особенно мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков, строивших на этом основании тактику союза крестьян с буржуазией вместо союза с пролетариатом, за который стояли большевики.

В этой борьбе мы, солдаты-депутаты, приняли боевое участие. Эсеры заранее чувствовали, что избрание солидной группы солдат-большевиков в Совет будет серьезным ударом по их монополии в гарнизоне, поэтому они яростно боролись за свои места — за сохранение монопольного представительства от армии в Совете. Они особенно бесновались еще и потому, что к этому времени большевикам Саратова удалось провести решение о ликвидации самостоятельного, существовавшего отдельно от Совета рабочих и солдатских депутатов, Военного исполнительного комитета, который был создан с начала февральской революции. Это было ненормально, вредно и опасно для дела революции. Эсеры сопротивлялись этому решению Совета о ликвидации комитета, но вынуждены были сдаться под напором большевиков.

Борьба в казармах при выборах в Совет принимала особо острый характер и формы. Например, эсеровские заправилы при помощи своих унтеров отправляли наиболее активных большевиков и солдат, их поддерживающих, внеурочно в караул, даже сажали на гауптвахту за какие-то надуманные провинности, лишь бы лишить их возможности присутствовать на избирательном собрании. Так именно они поступили со мной несмотря на то, что заранее наша организация официально объявила, что моя кандидатура выставляется в Совет: командир роты арестовал меня по вымышленной им ложной причине, продержав меня на гауптвахте два дня. Он вынужден был меня выпустить, но своей эсеровской цели достиг — на избирательном собрании я выступить не смог и не был избран.

Однако назавтра в другой роте нашего полка, когда наши большевики выступили и рассказали солдатам, каким старорежимным способом эсерам удалось отвести мою кандидатуру и провести эсера, солдаты почти единодушно избрали меня депутатом Саратовского городского Совета. Эта наша победа произвела большое впечатление во всем 92-м полку и даже за его преде-

лами — в гарнизоне. Одним словом, выборы в Совет закрепили тот перелом, который явно наметился в гарнизоне.

Сила наша была еще в том, что наша связь с массами, конечно, не ограничивалась собраниями, митингами и даже беседами. Мы организовали землячества солдат, прикрепили к каждому землячеству (по губерниям) своих организаторов, избрали бюро землячеств, вовлекли в эту организацию широкие массы активных солдат, сочувствующих нам, большевикам. Вначале эсеры пытались помешать нам. Когда это у них не вышло, то они попробовали пролезть внутрь этих землячеств, но дело было уже настолько прочно нами организовано, что их попытки сорвать это дело потерпели поражение.

Дошло до того, что даже часть солдат, называвших себя эсерами, выступали с одобрением деятельности землячеств и большевиков, их организовавших. Солдаты ходили в землячества с вопросами, возникавшими не только у них, но и по письмам, получаемым из деревни, просили разъяснения, помощи. Мы при помощи наших юристов-большевиков и под руководством одного из руководящих деятелей Саратовской организации товарища Лебедева Петра Александровича (присяжного поверенного) организовали юридическую консультацию в клубе «Маяк», ставшую центром солдатских землячеств. Там солдаты получали разъяснения, консультации, ответы на волнующие их вопросы и запросы их земляков из деревни. Особенно много было запросов, связанных со спорами с местными властями и обостренными конфликтами с помещиками, с захватами крестьянами сенокосов, пустующих земель, необрабатываемых и неубираемых посевов и т.п. Крестьян по указу Временного горе-революционного коалиционного правительства и его комиссаров арестовывали, и солдаты приходили в землячество за помощью, советом и с просьбой составить им письменный ответ землякам. Это настолько крепко привязало солдат к землячествам и, естественно, к большевикам, руководившим ими, что у солдата землячество было самой популярной организацией, пользовавшейся любовью и уважением. Он это считал вроде своего профсоюза-защитника (между прочим, тут в известной мере сказался наш опыт профсоюзной работы), а когда кулацко-хулиганские элементы натравливались на землячества, то солдаты, далеко не большевики, грудью вставали на защиту землячеств, и дело часто доходило до физической драки.

Эти землячества оказались замечательным связующим звеном

нашей военной парторганизации с широкой беспартийной солдатской массой. Мы устраивали политбеседы в землячествах, наше влияние росло и организационно закреплялось в землячествах. Через землячества мы, военные большевики, связывались с деревней, и через солдат, используя их корреспонденцию и выезды в отпуска, мы фактически вели работу среди крестьян, особенно среди бедноты. Кроме того, мы через солдат получили такой богатый фонд писем из деревни, что это давало нашей агитации большую силу. Я, например, всегда, отправляясь на митинг к солдатам, имел при себе отобранные, наиболее типичные, важные письма о положении в деревне, о классовой борьбе, о выступлениях крестьян и о горестном, тяжелом положении семей бедняков-солдат, о котором писали жены и родители и которые брали за душу и нас самих, и особенно солдат. Естественно, и другие наши товарищи зачитывали часто такие письма на митингах солдат. Эсеры, меньшевики ничего противопоставить им не могли — это была сама жизнь, зовущая к борьбе, к развитию революции, к спасению рабочих, крестьян, солдат от гибели, и солдаты проникались доверием, уважением к пролетариату и его Ленинской партии.

Эсеры, меньшевики, бундовцы и другие усилили травлю нас, большевиков, и снизу и сверху. В моей роте, например, была сколочена специальная «ударная» эсеро-хулиганская группа унтерофицеров и солдат Рябова, Шубина, Быкова и других, которые добивались моего ареста и отдачи под суд. Это, конечно, было делом эсеровской верхушки — Понтрягина, Диденко и других, с которыми мне приходилось чаще всего скрещивать шпаги на солдатских собраниях и митингах и в военной секции Исполнительного Комитета Совета.

Сама жизнь, политические дискуссии, споры толкали нас, простых ребят, на учебу. Насколько это была естественная потребность, видно из того, что солдаты-большевики в 1917 году испытывали ту же нужду, ту же потребность, какую испытывали мы, дореволюционные рабочие-большевики, когда нам пришлось вступать в бой с ликвидаторами, с меньшевиками.

Я вспоминаю, как какой-нибудь горячий, замечательный наш природный агитатор-солдат прибегал в военную организацию после митинга, возбужденный известным успехом, но одновременно жалуясь при этом: «Понимаешь, — говорит он, — чувствую я, что захватил я душу солдат горячим, душевным словом о нашей большевистской правде, и все же какой-то у меня осадок, что не сумел

я до конца убедить их, полностью распластать этого эсера, потому что знаний не хватает. До меня выступал офицеришка-эсеришка, он все накручивал насчет того, что вот, дескать, мы, эсеры, издавна партия крестьянская, а большевики сами вот пишут, что они — партия рабочая, поэтому они, мол, и не защищают крестьян, а на первое место выставляют рабочих, ставят их выше крестьян и солдат. Рабочие, по-ихнему, должны быть какими-то гегемонами, а потом еще поставят какую-то диктатуру пролетариата над крестьянами. Я, — рассказывал наш агитатор, — по-простому, как мог, расчехвостил его, рассказал солдатам, как эсеровская партия предала свое старое знамя «Земля и воля», как они теперь защищают помещиков и охраняют их землю от крестьян, как сажают в каталажку крестьян за то, что они потряхивают барина-помещика. Вот и отдали они «землю и волю» не мужикам, а барину. Говорили вы одно, а вышло другое, одним словом, как говорится, не крепки вы задом, слова своего не держите. А большевики за рабочих людей стоят. А разве мы, крестьяне, не те же рабочие люди, а разве рабочий не из крестьян вышел? Вот они, большевики-то, не заговаривают зубы, а по-рабочему и говорят крестьянину: не верь обещаниям, опять тебя обманут, как не раз бывало. Царя свергли, свергай его опору — помещиков, забирай его землю сразу без промедлений, и крышка.

Сказал я горячо о нашей большевистской партии, как единственной защитнице рабочих, крестьян и солдат. Солдаты хорошо, одобрительно отнеслись к моей речи, особенно наша бедняцкая часть солдат, но чувствую я, что не сумел я разбить этого офицеришку насчет этой самой гегемонии и диктатуры пролетариата — «пороху» не хватило, хотя крепко сказал о рабочем классе, который первым боролся и борется с главным врагом народа — с капиталистами и помещиками. А когда я сказал, что пролетариат — это мы сами, солдаты, бедняки крестьяне и батраки, порядочная часть собрания меня поддержала и горячо аплодировала. Одним словом, — сказал он в заключение, — нам бы малость подучиться по политическому образованию, и тогда против меня не то что этот офицеришка-эсеришка — никто из наших противников не устоит».

Таких агитаторов-самородков, захватывающих душу, боевых, преданных партии, революции, Ленину, у нас в военной организации было немало. Нужно было как можно быстрее поднять их уровень, обогатить их природный ум минимумом знаний. Мы в первую очередь ускоренными темпами организовали клуб,

при нем читальню, библиотеку. Клуб был небольшой, помещение маловместительное, но он играл большую роль. Это был сборный пункт, куда приходили солдаты — члены партии, сочувствующие; устраивали мы там собеседования и вечера вопросов и ответов, лекции и доклады по текущим политическим вопросам. Но это, конечно, не могло решить основную задачу повышения уровня наших кадров. Поэтому мы со всей силой и напористостью навалились (именно навалились) на организацию курсов и при решающей помощи и под руководством Городского комитета партии организовали курсы агитаторов-солдат.

Наш опыт с курсами был хорошо оценен в Петрограде, где мне, как делегату Всероссийской конференции военных организаций при ЦК партии, предложили сделать доклад о нашем опыте на особо созванном совещании о партийно-политической учебе в военных парторганизациях.

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ВОЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Большинство из нас, делегатов Всероссийской конференции военных организаций, впервые приехали и впервые видели Петроград. Но каждый из нас, особенно старые большевики, любили и чтили Петроград как великий центр революции, как колыбель русской революции.

Мы ходили по улицам рабочих районов, особенно в Выборгском районе, и всюду чувствовали не только историю великой борьбы передовых революционных людей Питера за дело освобождения рабочего класса, но бурно кипящую революционную решимость современных борцов, готовых отдать свою жизнь за победу социалистической пролетарской революции, за завоевание власти пролетариата.

Как и все — и питерцы, и приезжающие в Питер, — мы восторгались очаровывающим удивительным природным явлением — июньскими петроградскими «белыми ночами». О них написано немало замечательных поэтических строк. Но и здесь наши души были захвачены не столько природной поэтически-романтической стороной, хотя мы были вовсе не чужды поэзии и романтики, сколько тем, как «белые ночи» тоже стали ареной острой классовой политической борьбы, инструментом революционной роман-

тики, поглотившей поэтическую «внеклассовую бесстрастность». Все площади, особенно у театров, цирков, дворцов и общественных сооружений, бульвары, улицы были заполнены народом и нескончаемыми митингами. Здесь шла острая политическая борьба между различными партиями, группами и просто одиночками, выскакивавшими со своими «оригинальными» высказываниями, выкриками, кончавшимися зачастую «синтезом» морально-политического с физическим воздействием.

Мы, делегаты, ходили по этим «белоночным» митингам, принимали в них участие, выступали на них, воздерживаясь, конечно, от «физкультурного» участия, хотя иногда, когда пакостники и подлецы особенно расходились, бывали на грани участия, но положение наше обязывало к выдержке. Проездом из Саратова в Москве я, например, тоже наблюдал и участвовал в таком ночном митинге, но в Петрограде они носили более острый характер, и это отражало всю остроту накаленной до краев политической атмосферы в Петрограде.

«Белоночные» митинги — это особое, интереснейшее явление. В одних местах они носили характер неорганизованных бесед — препирательств, хватания друг друга за грудки, в иных местах это были митинги с выступлениями ораторов по очереди без записи, а иногда без очереди, когда локтевое самопроталкивание вперед заменяло председателя, которого, как правило, на этих митингах не бывало. Проходили они бурно, страстно, их состав менялся, но не уменьшался — одни уходили, другие приходили. Одни ругали Временное правительство, кадетов, меньшевиков, эсеров, другие ругали большевиков, третьи говорили о трудностях вообще, четвертые ругали спекулянтов. Но чаще всего заострялся вопрос о войне, особенно когда выступали солдаты, тем более раненые, которые костили «тыловых» ораторов всем освоенным в совершенстве матерным лексиконом. Организующее начало, и притом с известной страстностью, вносили большевики, попадавшие на эти митинги. Нельзя сказать, что их активность проходила всегда благополучно. Иногда кончалось довольно трагическим избиением, особенно когда большевиков было мало.

Делегаты конференции выступали почти во всех полках и воинских частях Петрограда. Мне лично приходилось выступать в нескольких частях, в том числе в Пулеметном полку, Московском и Волынском. Нельзя сказать, что во всех этих полках было одинаковое настроение. Если в Пулеметном полку настроение

было настолько боевое, что нам даже приходилось в известной мере держаться сдерживающего тона, то в Волынском полку было все еще сильно эсеровское влияние, особенно потому, что в полковом комитете было засилье активных эсеров.

Делегаты конференции с огромным напряжением ожидали доклад товарища Ленина. Они ясно понимали, что доклад вождя партии является главным, центральным вопросом работы конференции, который определяет все направления ее решений и всю дальнейшую работу военной организации партии. Но кроме сознания важности доклада делегаты были охвачены непередаваемыми чувствами трогательной любви и преданности к своему учителю, подвергающемуся дикой, злобной травле врагов революции и народа.

Трудно передать словами то настроение, которое господствовало в сравнительно небольшом зале, когда делегаты впервые увидели и услышали Ленина, когда Ленин появился за столом президиума, на трибуне.

Бурное реагирование делегатов, долго несмолкаемые аплодисменты, возгласы в честь Ленина и партии отражали не только личные настроения делегатов, но и чувства и настроения миллионов революционных солдат, прежде всего большевиков, пославших их на конференцию. Как только Ленин начал свой доклад, все были прикованы, захвачены железной логикой, глубиной и убедительностью доклада, никто не шелохнулся. Благодаря небольшому объему зала мы все сидели как бы рядом с Лениным, вокруг него, как внимательные и верные ученики вокруг своего учителя. Доклад товарища Ленина носил по преимуществу характер разъясняющей и убеждающей беседы, в то же время он гневно разоблачал врагов и призывал к борьбе с ними.

Можно сказать, что, хотя часть делегатов до доклада считала необходимым немедленное выступление для захвата власти, доклад вызвал потребность «переоценки ценностей». Я сидел в гуще делегатов и слышал от многих из них прямые заявления: да, придется пересмотреть свои взгляды. Уж очень убедительно говорил Ильич, его доклад предупреждает нас, чтобы мы не «наколбасили» в большой политике, а это посерьезнее, чем «наколбасить» просто в маленьком деле.

Большинство ораторов выступали за позицию, которую защищал в своем докладе товарищ Ленин. В числе таких ораторов, защищавших позицию ЦК — позицию товарища Ленина, был и я.

К этой своей речи я, конечно, с волнением готовился, хотя я ее не писал. Тогда вообще мало кто произносил речи по написанному, да, пожалуй что, и теперь мне трудно читать свою речь. Но продумывал я каждое положение, составил схему речи и т.д. Я думаю, что и в современных условиях, когда почти каждый умеет произносить речи, поймут меня и не усмотрят ложной скромности, если я скажу, что, несмотря на то что я уже умел выступать, в данном случае я ужасно волновался. Шутка ли сказать — выступать по докладу товарища Ленина, по такому острому вопросу, в такой острый момент, впервые на всероссийской партийной трибуне. Это мое волнение особенно усилилось, когда меня вызвал товарищ Подвойский и сказал: «Знаете, товарищ Каганович, здесь вот у нас имеются многочисленные заявления дореволюционных членов партии — делегатов конференции, чтобы от их имени приветствовать товарища Ленина, выразить их солидарность с теми положениями, которые он изложил в своем докладе. Мы считаем, что это будет полезно для всех остальных делегатов. Мы думаем, что вы сумеете реализовать эту идею в своей речи». Я сказал Подвойскому, что для этого есть товарищи постарше меня и по возрасту, и в партии. Товарищ Подвойский, видя мое волнение, утешил, подбодрил меня и сказал: «Я уверен, что вы скажете коротко и хорошо». Я сказал, что для меня это великая честь и я постараюсь выполнить поручение товарищей.

«Это наше приветствие, — сказал я, — есть клятва верности руководству Ленина, его революционно-марксистским принципам, теории, стратегии и тактике классовой борьбы за победу социалистической революции. Мы, делегаты — дореволюционные большевики, не отделяем себя от всех делегатов и уверены, что вместе с нами все делегаты конференции приветствуют товарища Ленина и будут верны ленинскому руководству нашей партии».

Вся конференция в едином порыве, стоя, долго бурными аплодисментами приветствовала товарища Ленина.

Поделившись опытом работы Саратовской военной организации по оказанию помощи рабочим, в особенности железнодорожникам, по организации Красной гвардии и овладению ею военными знаниями и оружием, по подъему революционной активности солдат и подготовке основных кадров к возможным событиям в ответ на выступления контрреволюции, я закончил свою речь предложением признать правильными все выдвинутые товарищем Лениным в докладе положения и соответственно выработать

резолюцию конференции, которая укажет всем военным организациям Ленинский путь работы и борьбы.

Несмотря на острый характер обсуждения доклада товарища Ленина, делегаты конференции, даже те, которые проявляли экстремистские настроения. поняли, что время для вооруженного выступления и захвата власти пока еще не наступило, что товарищ Ленин абсолютно правильно осветил положение и поставил наши задачи. Поэтому резолюция, выработанная в соответствии с докладом товарища Ленина, была принята единогласно.

Ленин выступал на конференции дважды. Второй доклад был посвящен аграрному вопросу.

Прежде всего я должен сказать о том, что у некоторых товарищей имеются сомнения, был ли этот доклад на конференции. Такие сомнения, как мне передавали, были высказаны еще в 1936 году на одном собрании в Комакадемии. При этом говорили о том, что не осталось-де никаких следов. Но ведь, к сожалению, и по первому докладу больших документальных следов не осталось. Как делегат конференции, слушавший доклады Ленина, я заявляю, что товарищ Ленин сделал доклад по аграрному вопросу на конференции вслед за первым докладом.

Дело было так. После первого доклада был объявлен краткий перерыв. Во время этого перерыва мы, группа делегатов, подошли к товарищу Ленину как раз по поводу аграрного вопроса. Мы ему рассказали, как эсеры спекулируют своей программой о социализации земли, и поэтому просили его в докладе по аграрному вопросу осветить этот вопрос и, как мы сказали, «натаскать» нас по этому вопросу. Завязалась краткая беседа с товарищем Лениным, в которой и я имел счастье принять участие. Товарищ Ленин задал нам некоторые вопросы и, помню, полушутя сказал: «Видать, вас эсеришки все еще пугают. Хорошо, — сказал он в заключение беседы, — я в своем докладе коротко скажу об этом». Тут же товарищ Ленин обратился к подошедшим членам президиума конференции товарищам Подвойскому, Крыленко и другим и сказал: «Знаете, товарищи, мне было бы удобнее не откладывать доклад по аграрному вопросу. Я к нему готов, так как делал этот доклад на Апрельской конференции, и было бы хорошо, если бы я с ходу сейчас кратко сделал бы этот доклад». Все с радостью согласились с этим, и после перерыва товарищ Ленин сделал доклад по аграрному вопросу.

Доклад товарища Сталина о национальном движении и нацио-

нальных полках по важности идет вслед за докладами товарища Ленина.

Остроту этого вопроса мы ощущали на местах. Например, у нас в Саратове на одном из заседаний Совета рабочих и солдатских депутатов остро обсуждался вопрос о требовании украинских солдат о выделении их в отдельный полк. Докладчик на Совете рассказывал, что споры доходят чуть ли не до кулаков. «Мы, — говорят они, — хотим защищать Украину». На заседании Саратовского Совета против этого выступали и некоторые довольно ответственные большевики. «Теперь, — говорил, например, Васильев-Южин, — русификацией никто не будет заниматься. Национальное самоопределение мы сами признали. Но ведь в Украине, кроме малороссов, есть евреи, есть поляки и другие. Выделение национальностей, как козлов от овец, мы не признаем. Мы считаем, что это дело темных сил. Мы провозглашаем единение, а не разъединение. Смешно и недемократично и в духе старого строя выделять великорусские, еврейские, латышские, польские батальоны». Не со всеми этими доводами мы были согласны, но и другие тоже усматривали в этом стремление разжечь национальную рознь.

Были и отдельные выступления, в которых высказывались сомнения насчет правильности самого принципа о праве наций на отделение, и особенно о праве формирования национальных военных частей.

В центре конкретных споров о формировании национальных полков была Украина не только потому, что в армии было много украинцев, но и потому, что украинцы проявляли наибольшую активность. К июню они успели созвать несколько войсковых съездов, создать не только Центральную Раду, но и отдельные Рады в армиях и практически приступить к формированию украинских воинских частей.

Поэтому в прениях больше всего горячих выступлений было против формирования украинских частей. Некоторые товарищи при этом указывали, что это требование не украинского народа, а украинских помещиков и офицеров, поэтому они принципиально против национализации армии.

В прениях на военной конференции отразились разногласия, имевшие место на Апрельской конференции.

В повторном выступлении товарищ Сталин еще раз разъяснил принципиальную установку партии, подчеркнул, что признание права на отделение и права формирования национальных полков

приведет к укреплению доверия между народами России и проложит путь к добровольному объединению в одно государство. Необходимо, сказал товарищ Сталин, в резолюциях указать, что Конференция считает правильным право на образование национальных частей, хотя она убеждена, что это не в интересах трудящихся, и поэтому Конференция уверена, что пролетариат Украины и других народов России будет бороться за замену постоянной армии всенародной милицией трудящихся.

После заключительного слова выработанная комиссией резолюция была принята единодушно. Можно без преувеличения сказать, что обсуждение этого вопроса на военной конференции и принятая резолюция имели важнейшее как практическое, так и принципиальное историческое значение для всей партии.

Не могу не сказать, что мое личное участие в работе комиссии по выработке резолюции принесло мне огромную пользу в моем развитии и большое, на всю жизнь, удовлетворение личным, непосредственным знакомством с товарищем Сталиным и общением с ним в процессе выработки резолюции, где он проявлял большой такт по отношению к возражающим товарищам, большое внимание к вносимым поправкам и понимание пожеланий каждого делегата, не говоря уже о глубоком знании национального вопроса в Ленинском его понимании.

В результате обсуждения кандидатур и голосования конференция избрала следующий состав Всероссийского бюро: Н.И.Подвойский, В.И.Невский, Н.В.Крыленко, Е.Ф.Розмирович, К.А.Мехоношин, М.С.Кедров, Н.К.Беляков, С.А.Черпанов, Л.М.Каганович, П.В.Дашкевич, А.Я.Аросев, Ф.П.Хаустов, И.Л.Дзевялтовский и Гинтовт.

На этом конференция закончила свою плодотворную и важную для партии и революции работу 23 июня 1917 года.

Первое заседание Всероссийского бюро не затянулось потому, что мы, делегаты, торопились уехать.

На первом заседании Бюро товарищ Подвойский поставил вопрос обо мне. «Питерцы, — сказал он, — ставят вопрос об оставлении товарища Кагановича для работы в Петрограде. ЦК просит об этом, и я их поддерживаю, бюро в этом тоже заинтересовано — он сможет вести у нас организационную работу. Что скажет сам товарищ Каганович?» Я был ошарашен этим неожиданным предложением и не сразу даже смог ответить. Придя в себя, сказал: «Я очень благодарен за такое предложение и за доверие питерской органи-

зации, которую мы очень уважаем и ценим, но скажу вот что: в Питере работников много, а в провинции мало. В Саратове меня ждут, там тоже много дел, кроме того, есть еще Поволжье, где тоже работы много. Да и должен еще сказать, что я получил сведения, что там положение напряженное, вроде как здесь в Пулеметном полку. Меня там эсеры и меньшевики шельмуют, идет кампания с требованием моего ареста. Если я сейчас оттуда уйду — это подорвет авторитет нашей партийной организации. Учитывая все это, мне лучше сейчас выехать туда, а там дальше можно будет поговорить еще». Тогда товарищ Подвойский сказал: «Давайте сейчас не решать, я доложу товарищу Свердлову, потом и решим».

Когда кончилось заседание Бюро, товарищ Подвойский мне сказал, чтобы я зашел к нему часа через три, а тем временем пошел на совещание по агитации и агитаторским курсам, которое уже началось. На совещании были заслушаны интересные доклады. Сделал доклад и я об опыте Саратовской организации — о наших курсах. Так как я, не дождавшись окончания совещания, ушел к Подвойскому, то мне потом руководитель совещания сказал, что наш опыт хорошо оценен совещанием и одобрен. Когда я пришел к товарищу Подвойскому, он мне сказал: «Пойдемте к товарищу Свердлову, он хочет с вами поговорить». Я был обрадован, что лично познакомлюсь с таким выдающимся организатором в партии.

Товарищ Свердлов хорошо меня встретил и прежде всего сказал: «Вы, конечно, знаете, что такие вопросы, как место работы, — дело не личное, а решает их ЦК». Я ответил, что хорошо это знаю, но член партии может высказать при этом свое мнение. Он, смеясь, согласился с этим. После этого предисловия товарищ Свердлов сказал: «Питерцы очень просят оставить вас здесь, видимо, вы им понравились. Действительно, вы им были бы полезны и нужны. Кроме того, товарищ Подвойский хочет вас еще использовать для организационной работы в Бюро военных организаций. Все это было бы очень хорошо, но вы, пожалуй, правы, что на местах людей не хватает, в том числе в Поволжье. Но вам придется распространить свою работу на другие центры Поволжья, по возможности выезжая туда, — как член Всероссийского бюро военных организаций вы имеете на это право. Главное, ЦК вам это поручает и надеется, что вы это поручение выполните хорошо». Я ответил товарищу Свердлову, что я с большим удовольствием и партийным удовлетворением принимаю это поручение и постараюсь его выполнять, как этого требуют интересы партии и ее военной орга-

низации. Но при этом доложил, что не исключены, а скорее, даже вероятны, всякие изменения: сейчас в Саратове эсеро-меньшевистские организации развернули кампанию против нас и в особенности против меня, требуя моего ареста и предания суду. Если это у них не пройдет, они могут устроить внеочередную отправку меня с маршевой ротой на фронт. Тогда моя деятельность в Поволжье будет сорвана, и я не смогу выполнить поручения ЦК.

Яков Михайлович, подумав, сказал: «Это, конечно, вполне возможно, хорошо, что вы мне об этом сказали. Тогда давайте сейчас определим, что будем делать, если это случится. У нас плохо дело в очень важном для нас районе. Этот район входит в зону Западного фронта, но главное в том, что это особый центр, в котором размещается ни мало ни много, как Ставка Верховного Главнокомандующего — это Могилев. В нем и вокруг него расположены надежные, с их точки зрения, войсковые части. А там не только военной, но и общепартийной большевистской организации нет. Есть большевики, но они входят в объединенную организацию с меньшевиками и даже с оборонцами. В близлежащем Гомеле — старая хорошая большевистская организация, но она сейчас еще слаба для того, чтобы распространить свое влияние, воздействие и руководство на Могилев. Вы понимаете, товарищи, насколько нам важно иметь там серьезного, крепкого работника. Поэтому, если вас будут изгонять из Саратова, старайтесь всячески попасть на Западный фронт, точнее в район Могилева или Гомеля. Мы дадим указания в Минск, чтобы вам помогли, да и вы, товарищ Подвойский, примите возможные меры, ведь это один из важнейших пунктов военной организации. Если в Могилеве трудно будет создать легальную военную организацию, надо создать нелегальную. То же и с товарищем Кагановичем: если трудно будет обосновать его там легально, то ему придется перейти на нелегальное положение или обосноваться в Гомеле и оттуда вести работу и в Могилеве. Никаких мандатов мы вам не даем. Вы теперь — член Всероссийского бюро военных организаций при ЦК и должны действовать от его имени, поддерживая с ним связь».

Я поблагодарил за доверие и сказал, что понимаю важность поручения ЦК и сделаю все, чтобы его выполнить. Как раз в это время зашли к товарищу Свердлову и сообщили ему, что в Пулеметном полку идет большой и бурный митинг, требуют представителя ЦК или «Военки». Яков Михайлович, не долго думая, сказал, обращаясь к товарищу Подвойскому и ко мне: «Вот вы оба

и отправляйтесь туда, хорошо бы захватить еще кого-либо из боевых товарищей. Вот видите, — сказал он мне, смеясь, — вам везет, перед отъездом вы еще раз выступите перед питерцами», — и тепло попрощался со мной. Мы захватили еще товарища Аросева и отправились в полк.

В Пулеметном полку мы застали бурную и жаркую обстановку, вызванную наступлением на фронте. Особое раздражение солдат вызывала бесконечная, продолжающаяся травля этого полка и поступавшие к ним угрозы расформировать полк или отправить его на фронт целиком.

Мы пришли как раз в момент выступления оратора, гневно костившего Временное правительство и требовавшего немедленного выступления с оружием в руках против правительства. От нас сначала выступил товарищ Подвойский, потом, не сразу, выступили все мы. Настроения были такие, что нас забрасывали вопросами, репликами во время речи, шумели основательно. Нам все же удалось сдержать эти настроения, ввести его в более или менее спокойное русло, и, используя многое из тех аргументов, которые приводил товарищ Ленин на конференции, мы добились тогда решения не выступать пока.

Под впечатлением этого митинга я и отбыл из Петрограда в Саратов. Я ощутил с особой силой, насколько правильна линия, выработанная конференцией военных организаций, — линия, данная Лениным, и какая большая работа нужна для того, чтобы претворить ее в жизнь.

СНОВА В САРАТОВЕ

После преступного расстрела Июльской демонстрации питерского пролетариата и революционных солдат и матросов положение нашей партии и революционного пролетариата было крайне тяжелым и опасным.

Контрреволюционные силы подняли голову, громили наши газеты, организации, травили наших вождей во главе с товарищем Лениным, организовали гнусную клевету на партию, обвиняя ее и наш ЦК, вопреки фактам, что партия, ЦК и Ленин организовали заговор и якобы готовили вооруженное восстание в июле с целью свержения правительства. Между тем и правительству и его подлым лакеям — меньшевикам и эсерам было достаточно извест-

но, что движение это было стихийным, что массы, доведенные до отчаяния вероломной империалистической политикой правительства буржуазии и помещиков, авантюристическим наступлением на фронте, погубившим многие десятки тысяч жизней солдат, выступили на улицы Петрограда, чтобы побудить эсеро-меньшевистское большинство Советов взять власть в руки Советов и коренным образом изменить всю политику.

ЦК нашей партии во главе с Лениным доказывал массам нецелесообразность и несвоевременность этого выступления, но, когда массы стихийно вышли на улицы, наш ЦК, ПК и вся Питерская организация, как истинно революционная партия, пошли с массами, были с ними до конца и вносили организованность в их ряды, переводя движение и демонстрацию на мирные рельсы. Если бы партия и ЦК большевиков не взяли бы это стихийное движение в свои руки, то кровавых жертв правительственных палачей и потоков крови было бы во много раз больше, чем было, чего так добивались провокаторы буржуазии, ее правительства и особенно контрреволюционные генералитет и офицерство.

Из Питера контрреволюционный «гром» докатился к нам на места, в том числе в Саратов.

Буржуазия, черносотенцы, кадеты при помощи своих оруженосцев-меньшевиков и эсеров организовали дикую травлю нас, большевиков, на площадях и улицах, особенно у Крытого рынка и Народного дома. Там, где бывали революционные митинги, теперь собирались для шельмования большевиков, обзывая нас шпионами, изменниками родины и т.п. Мы группами ходили туда, выступали, ввязывались в споры, кончавшиеся часто зверским избиением нас — большевиков. К чести Саратовской организации, в том числе ее военной организации, надо сказать, что, несмотря на травлю, попытки применить репрессии, в особенности к нам, солдатам, саратовские большевики в этот тяжелый для партии период еще более усилили свою борьбу за идеи, политику, линию нашей партии с меньшевиками и эсерами, и это сказалось на поведении и крепких политических настроениях саратовских рабочих, солдат.

Вообще, несмотря на реакцию после июльских событий в Петрограде, в течение всего июля в гарнизоне шла, не утихая, острая политическая борьба против правительства, в особенности против приказов правительства Керенского об отправке целыми полками, а не маршевыми ротами на фронт и об отпусках на сельхозработы. Разумеется, эти вопросы, подымавшие солдат на дыбы,

связывались нашими организациями в частях с политическим положением в стране и с общей антинародной политикой Временного правительства.

В середине или во второй половине июля к нам в Саратов приезжал товарищ Куйбышев. Я не только познакомился с ним, но и с удовольствием организовал и слушал его лекцию в «Маяке» «Революция и контрреволюция» — речь шла об июльских событиях. Но кроме лекции у него, конечно, был более деловой серьезный разговор о партийных делах в городском и губкомитете партии. Тогда-то я впервые познакомился с будущим моим близким другом Валерианом Куйбышевым.

Эсеры и меньшевики начали действовать с репрессий по отношению к военным большевикам, и прежде всего они взялись за мою персону.

Еще задолго до этого они развернули «снизу» кампанию травли Кагановича. То, что вожакам самим было несподручно, они возложили на свои «низы». Еще до моего отъезда на конференцию в Петроград они вели кампанию обвинения Кагановича в срыве приказов правительства и предания его суду. Эта кампания, которую возглавили рьяно эсеры, унтер-офицеры Быков, Шубин, Рябов и другие из моего 92-го полка, особенно развернулась во время моего пребывания в Петрограде. Когда я вернулся из Петрограда, была сделана попытка осуществить их план: в день моего приезда меня арестовали по распоряжению полкового командования. В ответ на мой протест они предъявили мне обвинение в самовольном отъезде в Петроград. Но из этого обвинения у них ничего не вышло, так как я имел разрешение от военной секции Совета, которое я перед отъездом предъявил ротному командиру. Попытки опорочить этот документ тем, что он подписан не председателем, а членом бюро Соколовым (большевиком), не имели юридического обоснования, потому что и член бюро имел право выдать такой документ. Они вынуждены были под давлением большевистских членов Исполкома Совета освободить меня.

Однако и после этого они не переставали вести свою кампанию против меня, но им было трудно осуществить свою цель, не нарушая элементарных норм, так как я был членом Исполнительного Комитета Совета. Кроме того, они должны были считаться с тем, что я был членом губернского бюро Советов крестьянских депутатов, которое было связано с крестьянством. В этом бюро мы, большевики, пользовались серьезным влиянием. Секре-

тарем его был большевик Куликов, член нашей военной организации и ее комитета.

После митингов в пулеметных полках и в 92-м полку и моего участия в демонстрации меня вновь арестовали. Протест большевиков в Исполнительном Комитете, возмущение в гарнизоне заставили эсеров и меньшевиков изменить меру пресечения моей деятельности в гарнизоне, и в срочном порядке командование полка включило меня в список «вне очереди» формируемой и отправляющейся на фронт маршевой роты. Это были уже последние дни моего пребывания в Саратове.

Наступил день отправки. На площади перед вокзалом собралось много солдат гарнизона — это наши большевистские ячейки по согласованию с Комитетом решили превратить эту «внеочередную» отправку маршевой роты в политическое действие и организовали большой митинг на вокзальной площади. Пришли не только большевики, но и сочувствующие и много солдат беспартийных. Были частично и рабочие, в первую очередь железнодорожники, с которыми я был особенно связан, хотя тогда я и не думал, что стану железнодорожником. На месте оказался и военный оркестр, который, когда маршевая рота подошла к площади, заиграл «Марсельезу». Комитет нашей военной организации в полном составе был на месте и предложил открыть митинг. Митинг открыл член Комитета военной организации товарищ Соколов. В краткой речи он указал на особенность этого митинга, говорил о моей работе в связи с борьбой нашей партии за дело рабочих и солдат. Выступали еще несколько солдат, которые гневно костили буржуазию, помещиков и Временное правительство и также говорили о моей работе и борьбе в Саратовской военной организации. После них выступил я.

Обстановка была напряженная, я, конечно, волновался. Помню, что я говорил горячо, говорил о Саратовском гарнизоне, о рабочем классе Саратова, о военной организации и Саратовской общепартийной организации, благодарил их за помощь, поддержку и школу совместной борьбы.

Особенно сосредоточил огонь по эсерам, меньшевикам, по всей буржуазной контрреволюции, поднявшей голову после июльских событий в Петрограде и думающей, что она уже побеждает. «Но, — сказал я, — какую бы опору они ни имели в нынешнем правительстве, победы им не видать — рабочие и солдаты их не поддерживают».

Бодро, воинственно закончился митинг; люди не расходились, но нам пришло время размещаться по теплушкам. Я тут же сфотографировался с моей женой Марией Марковной, которая пришла вместе с работниками профсоюзов. Вместе с членами Комитета военной организации я направился к вокзалу. Вдруг ко мне подходит командир маршевой роты и говорит: «Вы должны зайти в кабинет коменданта станции». Там я застал человека, отрекомендовавшегося представителем военно-следственных органов, и представителя нашего полка, которые мне заявили: «Приказом соответствующих органов вы арестованы, вас мы не можем отправлять в общем вагоне с солдатами, вас отправят как арестованного в отдельной теплушке в этом эшелоне». На мои протесты и требования объяснений и соответствующих документов эти господа никаких объяснений не дали, повторяя, как попугаи, одну и ту же фразу.

Командир роты предложил сам препроводить меня в арестантский вагон, дабы не наделать суматохи на вокзале. Ожидавшие на платформе мои товарищи по военному комитету, узнав о моем аресте, хотели тут же поднять шум, протест, устроить нечто вроде демонстрации. Особенно волновались товарищи Россомахин и Соколов, но я им сказал, что этого не следует делать, вопервых, потому, что это истолкуют как сопротивление военным властям и пришьют новое дело, а в настоящий момент, после июльских событий, это вредно для парторганизации; во-вторых, по существу из этого ничего не выйдет, меня все равно не освободят и препроводят в предназначенный для меня «особый» вагон. Когда они сказали: мы сейчас же пойдем в Исполком, в военную секцию, заявим протест и поднимем бучу — я им сказал, что это правильно, протест нужно заявить, потребовать и выяснить обоснования ареста. Нужно, чтобы и в гарнизоне это знали, — это может оказаться хорошим поводом для политической агитации. Но по существу мое положение от этого не изменится, так как эсеро-меньшевистские хамелеоны видели это и давно задумали. Не сумев засадить меня в тюрьму в Саратове, хотя и пробовали, они организовали этот арест на экстерриториальной территории железной дороги. Теперь, скажут они вам, мы, мол, ничего сделать не можем, наша власть там не распространяется. Я также просил членов комитета и лично товарища Мальцева немедленно сообщить о моем аресте и отправке с маршевой ротой в Петроград Всероссийскому бюро при ЦК и лично товарищу Подвойскому.

С «любезного» разрешения моего конвоира — командира мар-

шевой роты — я тепло попрощался с моими товарищами, с моей женой Марией, которая, хотя и видала виды, как старый большевик, в данном случае была, конечно, очень расстроена таким финалом. Я ее, как мог, успокоил, мы попрощались, как любящие друг друга люди и как товарищи по борьбе.

Так я в арестантском вагоне покидал полюбившийся мне Саратов, обогативший меня новым опытом борьбы за победу моей родной партии, которой я со своей стороны отдавал все свои молодые кипучие силы.

Здесь я, в заключение этого раздела, хочу с особой силой подчеркнуть, что нельзя думать, что все это легко далось, дескать, солдаты стихийно сами пришли к большевикам. Никогда стихийное настроение и движение, каким бы положительным оно ни было, точно так же, как и благоприятные объективные условия, сами по себе не приводят, не приводили к победе без сознательной, организующей идейно-политической силы партии — и именно такой действенной, активной, построенной на основе великой теории марксизма-ленинизма была наша героическая партия большевиков.

Буржуазным, враждебным Октябрьской революции извратителям ее истории никогда не понять, в чем главная сила нашей партии, сумевшей в борьбе за армию российскую разбить всех кадетских, эсеровских, меньшевистских претендентов на господствующее влияние в армии, да не только претендовавших, но и имевших это господство почти монопольно, особенно в первые месяцы революции.

Тем более не понять этого нынешним международным извратителям Советской истории — прислужникам империализма, прикрывающимся фальшивой мантией ученых, которые жульнически, ненаучно выдумывают «теории», объявившие Октябрьскую революцию «солдатским бунтом». Но эти господа так и не смогли ответить на вопрос, почему же всем политическим партиям России, боровшимся за руководство армией, не удалось удержать за собой эти массы, а партия большевиков, загнанная в подполье, обвиненная после июльских событий во всех тяжких грехах, которые способны были придумать провокаторы и грязные клеветники, сумела в короткий срок повести за собой многомиллионные массы солдат и матросов на штурм капитализма, на социалистическую революцию. Несмотря на свое дипломированное образование, эти господа не дали, не дают и не могут дать ясного и правильного ответа не только потому, что жгучая классовая ненависть к революции осле-

пила их, но и потому, что по социальной природе своего буржуазного и мелкобуржуазного мировоззрения и вследствие этого их узкого кругозора они не в силах разобраться и понять объективные исторические законы, определившие победу социалистической революции в России и их взаимосвязь с субъективным фактором пролетарской организованности и силой большевистской Ленинской рабочей партии, ее теории, политики, стратегии, тактики и практической организации масс, в том числе и солдатских.

Правильный ответ на указанные выше «почему?» может дать только объективное понимание всех исторических условий, бурно протекавшей классовой борьбы и революционного движения, расстановки и соотношения движущих классовых сил, их политики, вытекавшей из их классовых интересов, задач революции, определяемых естественными социально-экономическими интересами пролетариата и крестьянства, в первую очередь его беднейшей части и, соответственно, солдат и матросов. Эти социально-экономические классовые интересы находили свое конкретное выражение прежде всего в таких острых, волнующих массы вопросах, как война и мир, земля крестьянам, контроль над производством, преодоление разрухи, обеспечение хлебом, обуздание капиталистов, а затем и замена эксплуататорского строя капитализма новым строем освобожденного труда — социализмом путем решения главного вопроса революции — завоевания власти пролетариатом и беднейшим крестьянством.

ПРИФРОНТОВАЯ ПОЛОСА ЗАПАДНОГО ФРОНТА

В пути следования нашего эшелона командир маршевой роты держал меня на строгом режиме, не выпуская меня даже на прогулку, не допуская ко мне никого из маршевой роты, особенно коммунистов.

В маршевую роту, наскоро сформированную в Саратове, «в пожарном порядке» включили многих большевиков — более 20 человек.

Естественно, что их, солдат, волновало мое положение, они неоднократно подавали протесты командиру, но это ни к чему не привело. Наоборот, после каждого протеста он еще больше ухудшал мой режим.

Если в первые дни мне давали газеты, то потом перестали; книг

мне не давали. В теплушке, приспособленной под подвижную гауптвахту, куда сажали проштрафившихся, было досками отделено отдельное «купе» для особо важных «преступников» — вот в этом маленьком «купе», которое я назвал «деревянным мешком», по ассоциации с проклятой памяти «каменным мешком», я проехал до Гомеля. Кормили плохо, даже хуже, чем всех солдат; кипятку и то не хватало, а сахару и подавно, свечей или лампы у меня в «купе» не было, а естественный свет попадал в вагон, особенно в мой «мешок», очень скудный, так что если бы мне и давали книги, то читать их было бы невозможно. Хотя все это портило настроение, но я чувствовал себя бодро, а главное — оптимистически-уверенно. Естественно, что в эти дни я много думал, обозревая мысленно все события, особенно последнего месяца, и приходил к еще большей уверенности в великой силе идей и политики нашей партии — могучего ленинского прожектора, освещающего миллионам верный путь борьбы за победу революции и социализма.

Даже в моем изолированном положении я получил возможность общаться с одним человеком и проверять на нем свои думы о силе ленинских идей и политической линии. Человеком этим оказался не кто иной, как помощник командира роты — унтер-офицер Архипов, который, выполняя свои служебные обязанности, навещал меня. Он был из тех эсеров, которые колебались «влево», и охотно поддавался на беседы. Он вначале даже сам просил. «Вы, — говорил он, — я вижу, хорошо знаете крестьянскую жизнь и нужды деревни, а они сейчас очень велики, эти нужды, не откажите побеседовать со мной». С этого началось, а там лиха беда начало. Имея опыт бесед с солдатами, я спокойно, не торопясь начал с истории, которую он, конечно, мало знал, и подводил его к текущему моменту. Пользуясь своим положением, он стал частым гостем у меня, и я почувствовал, что и из этого эсера-унтер-офицера можно сделать если не большевика, то, во всяком случае, сочувствующего.

Эшелон наш двигался черепашьими темпами — сказывалась железнодорожная разруха. Времени было много, и я его с пользой употребил на распропагандирование Архипова, который, подъезжая ближе к Гомелю, мне сказал: «Вижу я, что правда ваша, большевистская, является и правдой крестьянской, что эсеры действительно отступили от своей программы «Земля и воля». Буду продвигаться к вам, большевикам, думаю, что дойду до вас быстрее, чем наш эшелон продвигается». В качестве «первого взноса» он мне доверительно сказал: «В роте у нас идет буза: во-первых, от-

правляли нашу роту в каком-то особо срочном порядке, так что даже белье не сменили, обмундирование старое, рваное, в эшелоне плохо с питанием, на станциях даже кипятку нет, больных некуда девать; во-вторых, волнуются солдаты за вас, требуют изменения режима и допуска вас для беседы с ними, предъявляют требования к командиру, а он, этот дворянчик, хорохорится, пробует строгость наводить, а ничего не получается. Я, как его помощник, ему советовал изменить отношение к вам, а он мне в ответ знаете что сказал: «Он, Каганович, член Всероссийского бюро военных большевиков, которые заговоры учиняют, я везу его «при особом пакете» как государственного преступника, а там уж разберутся, как порешить его судьбу». Узнал я, — сказал Архипов, — что он не только мне, но и некоторым другим то же самое говорил. Солдаты об этом узнали, и это подлило еще больше масла в огонь». Я его поблагодарил за информацию и просил допустить ко мне Булкина, Петрова или одного из них; он обещал и выполнил свое обещание.

Товарищи Булкин и Петров были очень рады встрече со мной и подробно мне доложили обо всем, что происходило за это время в эшелоне, и всеобщие новости по газетам. Положение в роте, говорили они, напряженное, все ждут каких-то перемен, рвутся к активным действиям. Я им дал совет: сдерживать наиболее ретивых, не допускать стихийных, случайных выступлений, памятуя указания Всероссийской военной конференции, не давать повода для провокаций. Необходимо еще учесть, что Гомель — это уже зона Корниловской ставки, поэтому командир так себя нагло ведет. Это не значит, что надо отказываться от предъявления требований по пище, обмундированию, лечебной помощи и тому подобное. Политически ведя со всей остротой нашу агитационно-разъяснительную работу, на провокацию не поддаваться. Не надо также, говорил я, заострять вопрос обо мне, все равно командир ничего не изменит в моем режиме, который, видимо, ему был предписан в Саратове и усугублен условиями зоны Ставки. Товарищи Петров и Булкин согласились с моими советами и обещали принять все необходимые меры через ячейку. Я просил Петрова по прибытии в Гомель тотчас же отправиться в Полесский комитет и сообщить обо мне руководящим товарищам.

Когда эшелон прибыл на станцию Гомель, там атмосфера была накалена до крайних пределов. Станция была забита многочисленными эшелонами и одиночными солдатами, питания не было, кипятку и того не хватало; солдаты бушевали, проходили беско-

нечные бурные митинги. Нескольких офицеров, выступивших по-корниловски, угрожавших расправой с солдатами, как с бунтовщиками, солдаты избили.

Не остались в стороне от событий на станции и солдаты нашего эшелона, хотя под влиянием большевиков в физическую драку не влезали. Когда солдаты других эшелонов узнали от наших солдат про меня, они направились к нашему эшелону и потребовали от командира разрешить мне выступить на митинге. После отказа они сами оттеснили караульных и выпустили меня. Выступив на митинге солдат, я рассказал, чего добиваются большевики и их вождь Ленин, но не успел закончить свою речь, так как к этому моменту налетел прибывший на станцию ударный карательный отряд начальника гарнизона, который начал «усмирять бунтующих».

Развернулась боевая драка врукопашную, с саблями и со стрельбой. Солдаты нашего эшелона окружили меня тесным кольцом и при помощи железнодорожников вытащили из этой свалки в направлении к железнодорожному депо, где при помощи замечательного большевика тов. Якубова меня приютили и оградили от казаков и офицеров. По моей просьбе тов. Якубов связался с Полесским комитетом партии, который немедля прислал за мной товарищей Лобанкова и Лапика — двух активистов-солдат, которые благополучно доставили меня в Полесский комитет. Там меня радушно, радостно, по-дружески встретили товарищи Агранов и Хатаевич.

Оказалось, что еще до моего прибытия в Гомель Полесский комитет был предупрежден товарищем Мясниковым, руководителем минских большевиков, которому из Петрограда ЦК партии, узнав о моем аресте и отправке с маршевой ротой на Западный фронт, поручил установить мое местонахождение и принять все возможное и необходимое для моего освобождения и обоснования (легально или нелегально) в Могилеве или в Гомеле. Товарищи Хатаевич и Агранов мне говорили, что они очень рады моему прибытию, что у них большая нужда, что и для Могилева лучше будет, если я буду работать «на Могилев» из Гомеля. Естественно, что мне придется на некоторое время (сколько — это видно будет) перейти на нелегальное положение. Но они сделают все возможное для ликвидации обвинений солдат и меня, и им удастся преодолеть трудности и легализовать меня через военную секцию Совета.

Я им сказал, что согласен с этим, но прежде всего меня волнует вопрос, что происходит с солдатами-большевиками моей роты.

Оказалось, что, хотя, как я уже сказал, наша маршевая рота вела себя сдержаннее других, ее, как прибывшую из Саратова «меченой» как большевистскую, взяли под особый «обстрел». Кончилось тем, что ее расформировали, большую ее часть направили на знаменитый гомельский Распределительный пункт, а часть солдат-большевиков арестовали. Меня, конечно, искали, но найти не смогли: я был помещен в надежной квартире одного сапожника, товарища Каминского — конспирации мы научились еще до Керенского, при царе.

Товарищи из Полесского комитета Агранов, Хатаевич и Лобанков, работавший в солдатской секции Совета, энергично и находчиво искали путей моей легализации. Они организовали давление солдат снизу на солдатскую секцию Совета, настойчиво добивались содействия в этом наиболее лояльных деятелей солдатской секции Совета. Надо отдать справедливость, что нам в этом деле оказал известную помощь П.А.Богданов. Он хотя и был одним из руководителей так называемой объединенной организации меньшевиков и Бунда, но он ранее был большевиком и, видимо, сохранил нечто большевистское в своей душе. (Он потом, после Октябрьской революции, вновь вступил в нашу партию и по доверию партии работал Председателем ВСНХ РСФСР.) Кончилось тем, что сняли обвинение о моем непосредственном участии в событиях на станции Гомель. Что касается ареста в Саратове, то конкретных следственных обвинительных материалов не было, а мой арест в Саратове был просто актом политической расправы. Арестованных солдат освободили.

Явившись на Распределительный пункт, я был восторженно встречен солдатами нашей роты. При выборах в Совет рабочих и солдатских депутатов я был избран в Гомельский Совет и получил легальную возможность приступить к выполнению поручения Центрального Комитета партии и его Военного бюро, данного мне товарищами Свердловым и Подвойским в беседе после окончания военной конференции, — к самой работе во фронтовой полосе Западного фронта, а главное — в Могилеве и Гомеле.

Сотни наших докладчиков, ораторов из простых рабочих и солдат были разосланы по частям, близлежащим деревням, предприятиям, от больших до самых маленьких, а также на улицы и площади для бесед, споров и при необходимости для выступлений на импровизированных митингах. На Распределительный пункт — место наибольшего скопления солдат, притом разношер-

стных и остро настроенных, мы послали специально отобранную группу подготовленных агитаторов-пропагандистов. Можно сказать, что в течение ряда дней наши люди буквально заполонили город, предприятия и воинские части. Меньшевики, привыкшие к, так сказать, «парламентскому порядку», не готовились к такой большевистской агитационной «интервенции» и никак не поспевали за нами, а там, где на собраниях и митингах скрещивались шпаги, там наши простые солдатские и рабочие агитаторы своими не внешне ораторскими приемами, а от души сказанными словами клали меньшевистско-эсеровских златоустов на обе лопатки.

Между прочим, очень эффективным оказался такой опыт. Бундовцы собирали ряд собраний отдельно еврейских рабочих; не все большевики-евреи умели говорить по-еврейски, поэтому мы заранее отобрали группу большевиков-евреев, умеющих выступать по-еврейски, и направили их на эти собрания, на которых они выступали с большим успехом. На некоторых из этих собраний, где выступали бундовские вожди, после них вдруг выступает большевик по-еврейски и корит бундовского вождя всеми острыми словами, которых немало и в еврейском жаргоне. Чтобы понять произведенное этим впечатление, необходимо знать, что бундовцы распространяли клевету, что большевики вообще против еврейского языка, а тут вдруг официальный большевистский оратор кроет их по-еврейски. Рабочим это нравилось, и они хорошо реагировали на это.

Мы, однако, вполне понимали и сознавали, что это еще не та большевизация Совета, какую осуществили питерские большевики принятием Петроградским Советом 31 августа резолюции о борьбе за переход власти к Советам. Мы отдавали себе ясный отчет в том, что Гомельский Совет еще не тот орган, который нужен для революционного наступления, тем более учитывая особую сложность положения в Гомеле и Могилеве, как зоны Западного фронта и Ставки Верховного Главнокомандующего. Но мы видели, что лед тронулся и что именно теперь от нас требуется особенно энергичная работа в массах для завоевания прочного большинства в Совете.

Здесь необходимо коротко рассказать о Распределительном пункте в Гомеле, который имел свои революционные традиции. Я уже выше говорил о восстании в Распределительном (что одно и то же, что и «пересыльный») пункте в 1916 году. Этот же Распределительный пункт впоследствии, в 1917 году, причинял немало беспо-

койств властям Керенского и социал-соглашателям. Уже в августе солдаты Распределительного пункта начали выступать против властей не только по причинам их плохого обустройства, но и против общих приказов об отправке их, как они заявили, продолжать и затягивать империалистическую войну. В Гомель был направлен Северский полк 5-й Кавказской дивизии для «усмирения». Но полк этот сам оказался не столь надежной опорой Керенского. Он никаких «усмирительных» действий не предпринял. Часть солдат Северского полка сама сочувствовала солдатам Распределительного пункта, и, если бы их не отправили из Гомеля, они бы, возможно, сами присоединились к «бунтовщикам» Распределительного пункта. Во время корниловщины Распределительный пункт занимал революционные боевые позиции; некоторые солдаты переходили в Красную гвардию, а унтер-офицеры охотно помогали нам обучать рабочих военному строевому искусству.

В начале сентября на общем митинге Распределительного пункта солдаты приняли резолюцию с требованием немедленной передачи военно-полевому суду генерала Корнилова и казни его. В резолюции требовалось, чтобы Временное правительство было ответственно перед Советами. Было требование сохранения созданных вооруженных рабочих дружин (Красной гвардии). Мы имели на этом Распределительном пункте партийную ячейку, но, надо признать, она была слаба для руководства такой большой массой солдат, да еще, можно сказать, дезорганизованных, среди которых подвизались наряду с революционными и далеко не революционные, а даже авантюристические, анархические и черносотенные элементы. Все же нам удавалось в течение сентября направлять их движение в правильное политическое русло.

Однако на Распределительном пункте вновь развернулась, как вначале говорили ребята, «буза». Но «буза» эта была серьезная, опасная и изготовлена провокаторами с двух сторон: с одной стороны, провокация военных властей, точнее корниловцев, опиравшихся на черносотенные элементы, с другой стороны, анархиствующих, появившихся и активизировавшихся из среды самих солдат Распределительного пункта. Судя по их поведению, они были связаны с первыми провокаторами, из военных властей, стремившихся вызвать «бунт» и получить основание для всамделешного его усмирения. Да и не только усмирения бунтующих солдат, но и чтобы получить повод для разгрома Полесской большевистской организации и Совета, принявшего большевистскую резолюцию о войне и мире.

С провокационной целью корниловцы из военного командования пошли на контрреволюционную меру установления «порядка» на Распределительном пункте вооруженной силой: 21 сентября Распределительный пункт был окружен вооруженными силами, среди которых были и казаки. Это, естественно, спровоцировало и без того возбужденных солдат Распределительного пункта к новому выступлению. Действовавшая на пункте группа черносотенцев во главе с неким Чумаковым, а также группа, объявившая себя анархистами, призвали солдат пункта выйти на демонстрацию с черными анархистскими флагами (которые тут же откуда-то появились, то есть были заранее заготовлены) и тут же приговаривали: «А там уж мы погромим их — и город, и власти, и Совет».

Мы, большевики, решительно протестовали против провокации с окружением пункта вооруженной силой. Наша партийная организация развернула свою агитацию среди солдат пункта, призвав их к организованности и выдержке, но обстановка сложилась такая, что верховодили темные элементы, которые вначале не затрагивали большевиков, а потом начали выступать и против большевиков. Совет послал туда на митинг своих представителей: Червоненко — руководителя военной секции (меньшевик); Цветаева — военного врача, одного из руководителей правых эсеров в Совете; Ветчинкина — меньшевика-офицера, а также большевика Гиндина и других.

Митинг проходил крайне бурно, длился чуть ли не целый день. Выступали все «новые» вожаки (кстати, все они, в том числе и черносотенцы, называли себя анархистами). Представителям Совета не давали говорить. Червоненко насильно стащили с трибуны и избили, Ветчинкин и не пробовал выступать. Цветаеву, который обладал вкрадчивым «ласковым» тоненьким голоском, удалось коротко выступить — ему провокаторы дали договорить. Он жульнически изобразил дело так, что большевики-де виноваты в затягивании войны; если бы, мол, не их «разлагающая» работа, «наша», мол, русская армия давно разбила бы немцев, и войне конец. Когда товарищ Гиндин, выступив, попытался опровергнуть эти утверждения Цветаева, ему не дали говорить. Черносотенные вожаки даже дали команду арестовать его, а их сподручные начали кричать: «Расстрелять его». Всем другим, пытавшимся выступить, в том числе и большевикам, та же группа не давала говорить, избивая их.

В Совете и мы в Полесском комитете получали частые донесения «с фронта». Когда уже на пункте начали подготавливаться

идти в город под черными знаменами, чтобы, как они говорили, «пощупать», то есть погромить его, в Полесский комитет прибежали напуганные члены президиума Совета с просьбой, чтобы Каганович поехал на пункт. Посовещавшись с товарищами, мы в Полесском комитете решили, что мне надо ехать. Бывшие тут же товарищи Ланге и Лобанков изъявили желание поехать со мной — для помощи и, как они сами сказали, для обеспечения безопасности. Скоро мы на коляске Совета подъехали к пункту.

Из информации мы уже знали, что, в то время как основная масса солдат возмущена своим тяжелым положением и искренне протестует против него, небольшая группа бандитов и агентов контрреволюционной ставки провоцирует «бунт» и погром в Гомеле, чтобы воспользоваться этим для разгрома беспокойного революционного Распределительного пункта и вообще «навести порядок» в Гомеле. В первую очередь — раздавить Полесскую большевистскую организацию. Мне уже пришлось видеть немало массовых выступлений солдат, например в Саратовских пулеметных полках, да и в Петроградском пулеметном полку тоже было жарко. Там не было провокаций, а были, хотя и с повышенной температурой, но нормальные, действительно революционные выступления. Здесь же, в Гомеле, революционно настроенный Распределительный пункт был доведен провокацией с присылкой вооруженных солдат, окруживших Распределительный пункт, до крайней степени возмущения, чем воспользовались заранее подготовленные группы провокаторов. Черносотенцы и группа, называвшая себя анархистами, пытались повести массу за собой на изолированный бунт и погром. Зная то, что говорилось на митинге, я, конечно, очень волновался, но главное — я искал правильный подход в своей предстоящей речи, чтобы с первой же минуты завоевать внимание, чтобы меня слушали, чтобы отвратить их от вредного для революции и для них пагубного шага — шествия под черными знаменами, на который их тянут провокаторы — корниловцы из Ставки.

Пробравшись к центру, где находилась большая бочка, служившая трибуной, я воспользовался первым же моментом, когда она освободилась, и быстро вскочил на нее. Не давая передышки, я во весь голос выкрикнул: «Вы знаете, кто перед вами выступает? — Я выждал секунду, пока воцарилось известное затишье. — Перед вами выступает представитель партии Ленина — член Всероссийского бюро военных большевиков». После маленькой паузы я почувствовал, что эта многотысячная, волнующаяся аудитория будет меня слушать.

Помню, что вначале я не разворачивал обычные темы политических выступлений, а начал с их тяжелого положения. «Большинство из вас, — сказал я, — уже прошло тяжкую долю солдата в окопах, где солдат доведен до крайней степени нечеловеческой жизни. Измученные за три года войны, обовшивевшие, голодные, разутые, плохо вооруженные, изувеченные физически и душой, болеющие за свою страдающую семью, вы должны и теперь по приказу господ капиталистов и помещиков Рябушинских, Родзянко, Пуришкевичей и их защитников — эсера Керенского и меньшевика Церетели, идти вновь в наступление и проводить четвертую зиму в окопах. А для кого? Для империалистов России, Англии, Франции и Америки — они против мира. Меньшевики и эсеры им помогают. Они лгут, когда произносят слова о мире, они предали народ, крестьян, солдат и рабочих. Это они показали и сегодня, когда дали согласие на подлую провокационную присылку сюда вооруженных солдат. Только Ленин, только большевики говорят вам правду, они указывают единственный правильный выход из войны — не речами болтунов, не разрозненными выступлениями отдельных частей по призыву случайных личностей и «субъектов» и «субчиков», а единым организованным политическим действием. Завоеванием власти рабочих, солдат и крестьян — власти Советов можно завоевать мир, окончить войну и построить новую жизнь. Своекорыстные люди неизвестно с какой целью хотят использовать ваше законное, справедливое возмущение настрадавшихся людей и увлечь вас не под красными знаменами революции, а под какими-то черными знаменами на неправильный путь случайного, неорганизованного выступления в одиночку, отдельным отрядом для разгрома корниловцами вашего выступления. Не поддавайтесь на эти сомнительные подсказы! Помните, что это дает повод корниловцам к кровавой расправе во вред революции. Вы хотите демонстрацию. Но руководить демонстрацией, если она революционная, может только партия большевиков. У вас нет другой партии, кроме партии Ленина, которая борется за немедленную передачу земли крестьянам, за немедленное окончание войны и за власть Советов. Доверяете ли вы этой партии большевиков?» Громогласное «Доверяем» прокатилось по 20-тысячной массе солдат. Анархисты и черносотенцы, которые вначале хотели и со мной проделать то же, что с другими, приутихли, спасовали и ретировались.

Я обещал, что Полесский комитет большевиков примет через Совет рабочих и солдатских депутатов все меры для улучшения

положения на самом Распределительном пункте с питанием, обмундированием, медицинским обслуживанием и в первую очередь немедленно будут убраны вооруженные солдаты, присланные сюда вроде как для усмирения.

Закончил я речь не внесением проекта резолюции, а предложением выбрать и послать делегацию в составе 50 солдат для поездки в Петроград во ВЦИК Советов и в ЦК большевиков с требованием к правительству — раскрыть все тайные договоры, предложить всем правительствам и народам прекратить войну и заключить мир. Доложить ВЦИК, что солдаты не доверяют данному Временному правительству, как помещичье-буржуазному, и требуют немедленного перехода власти к Советам рабочих и солдатских депутатов. Фактически это была хорошая короткая резолюция.

Перелом был достигнут, руководство перешло в наши руки, внесенное предложение было принято. С выборами делегации в Петроград получились затруднения ввиду того, что названных оказалось несколько сот человек. Тогда решили, чтобы все названные собрались и из своей среды выбрали 50 человек, но тут же самими солдатами было внесено предложение сейчас, на митинге, избрать председателя делегации. Был назван единственный кандидат — выступавший член Всероссийского бюро военных организаций большевиков Л.М.Каганович, который и был избран.

Таким образом, опасное событие, которое могло иметь плохие последствия, было ликвидировано — солдаты остались верны революции и руководству нашей партии. Это была серьезная наша, большевистская победа. Вооруженные силы, присланные провокаторами, были буквально в один час убраны. Полесский комитет активно проводил через Совет все меры по улучшению положения на Распределительном пункте, в том числе в благоустройстве бараков, медицинском обслуживании, питании, обмундировании. Военными властями с участием большевиков были рассмотрены все индивидуальные жалобы, заявления, просьбы солдат. Надо сказать, что влияние и авторитет Полесского комитета резко поднялись, и в Совете даже соглашатели делали все, что нужно было, для выполнения данных нами обещаний.

Что касается делегации в Петроград, то председатель Каганович Л.М. не мог в то время выехать ввиду сложной обстановки в самом Гомеле. На собрании названных на митинге солдат было выделено 50 делегатов наиболее авторитетных солдат, которые выехали в Петроград для доклада в ЦК нашей партии и ВЦИК Советов.

Об этих событиях мы рассказали на основных ячейках, особенно в воинских частях. Они выделили своих товарищей для поддерживания постоянной связи с Распределительным пунктом и осуществления своего рода «шефства» (если употреблять позднейший термин, которого тогда еще не было). Рабочие и население Гомеля выражали свое удовлетворение ролью Полесского комитета большевиков в этом деле. Можно полагать, что это имело известное влияние при выборах в Учредительное собрание. Полесский комитет обсудил итоги этой «истории» и сделал соответствующие самокритичные выводы для дальнейшей работы.

Полесский комитет, в противоположность меньшевикам и эсерам, не оценивал эти события как антиреволюционные явления. Даже в том извращенном виде, как они проявились, они выражали революционный протест и возмущение солдат против господствующей тирании империалистов и их лакеев. Особенно показательным был тот важный факт, что солдаты, даже будучи в состоянии возбуждения, подогреваемого антиреволюционными элементами, пошли за большевиками и выразили доверие нашей партии, нашему Ленину!

Хотя во всем Гомельском гарнизоне еще оставались воинские части, на которые рассчитывали социал-соглашатели, главные части в октябре в большинстве своем шли за нами — большевиками. К воинским частям, на которые мы опирались, прибавились оружейные мастерские, которые ранее занимали колеблющиеся позиции; усилились наши позиции в Псковском драгунском полку; по вопросу о резолюции Совета о мире социал-соглашатели потерпели поражение и в воздухоплавательном парке, в котором они ранее «плавали как рыба в воде», и так далее. По всем данным, которые мы тогда получали из Минска о Западном фронте, видно было, что этот процесс большевизации армии захватил широчайшие массы солдат всего Западного фронта. Отказ солдат целых воинских частей выступать на фронт, а на фронте — идти в наступление стали массовым явлением.

К началу октября из солдатских комитетов многих воинских частей изгонялись меньшевики и эсеры, хотя в этой «крепости» они держались довольно долго, не допуская перевыборов даже при принятии солдатами большевистских резолюций. В Гомеле в большинстве воинских частей большевики и сочувствующие им имели большинство. После расширенного пленума Полесского комитета и мер, принятых после событий в Распределительном

пункте, наши первичные организации еще более окрепли и овладели успешно руководством политическим движением — революционным подъемом солдатских масс, направляя уже свои усилия не только на агитацию и пропаганду, но и на подготовку их к решительной борьбе, как мы легально выражались, а по существу — к вооруженному восстанию.

Одновременно велась повседневная работа, особенно по оказанию помощи солдатами Полесскому комитету по работе в деревне. Для этого они выделяли нам солдатских агитаторов, которых мы посылали в деревню. Они там не только агитировали, но и организовывали беднейших крестьян, разжигали аграрное движение и привозили нам ценнейшие данные о положении в деревне и установленных ими связях. Широким фронтом развернулась работа землячеств среди солдат гарнизона. Армия все более и более большевизировалась, готовясь к революционному бою.

Сверяя сказанное, я хочу особо рассказать о забастовке кожевников и сапожников Гомеля. Не потому, конечно, что я питал особые чувства к ним как член этого профсоюза, а потому, во-первых, что она была как раз незадолго до Октябрьской революции и приняла характер всеобщей забастовки, во-вторых, она была связана со знаменитой забастовкой московских кожевников и сапожников и, в-третьих, она была неразрывно связана с нашей идеологической, партийно-политической борьбой с Бундом и социал-сионизмом.

Итак, в течение сентября шли вначале разрозненные забастовки кожевников и сапожников, которые в половине октября слились во всеобщую забастовку рабочих и сапожников Гомеля. Решающее влияние на это движение имела героическая всеобщая забастовка московских кожевников и сапожников и других профессий, охватившая более ста тысяч рабочих. Московская забастовка носила острый экономический и политический характер и длилась более двух месяцев, с 16 августа до 22 октября 1917 года, то есть почти до Октябрьской революции.

Наш Гомельский профсоюз кожевников и сапожников был тесно связан с москвичами, оказывая им морально-политическую и материальную помощь и получая от московских славных революционных кожевников обратное революционное влияние и воздействие на массы гомельских кожевников, условия работы и зарплата которых были такие, что призывы и пример москвичей падали на благоприятную почву и вызывали активность самой массы рабочих. Сколько ни старались меньшевики и особенно бун-

довцы и другие национал-«социалистические» партии сорвать эти боевые настроения, рабочие кожевники и сапожники боролись единым фронтом пролетариев всех наций. Это было проявлением и победой на деле большевистского интернационализма над бундовским социал-сионистским, великорусским, белорусским, польским и прочим национализмом. Здесь сказалась та большая работа и энергичная борьба с Бундом и социал-сионизмом, которую провел Полесский комитет партии. Не помог бундовцам и приезд в Гомель их златоуста, их лидера, Либера. Этот эпизод заслуживает того, чтобы о нем рассказать.

Социал-соглашатели устроили ему пышный прием — торжественное собрание в театре и, кроме того, чтобы продемонстрировать его связь с массами, устроили большое собрание еврейских рабочих, на которое бундовцы постарались собрать свой бундовский кулак. Но мы буквально штурмом двинули туда рабочих большевиков и сочувствующих. Полесский комитет решил по-большевистски встретить вождя Бунда Либера и дать идейно-политический бой Бунду и социал-соглашателям вообще. На торжественное собрание в театре мы выдвинули для выступления товарищей Леплевского и Приворотского, а на рабочее собрание товарищей Кагановича Л.М. и Якубова. Это было не просто традиционно-полемическое собрание — это было, как бы в Гомельской миниатюре, подведение итога многолетней борьбы большевизма-ленинизма с бундизмом-меньшевизмом. В своей речи, которая была ответом Либеру, я старался исторически, на основе ленинских работ, раскрыть, разоблачить перед рабочими консервативную, реакционную сущность бундизма и неслучайность того, что Бунд оказался в социал-реакционном лагере пособников контрреволюционной буржуазии после свержения царизма. Такую же резкую оценку я давал всем социал-сионистским группировкам в еврейском рабочем движении среди евреев.

Я начал свою речь с того, что «такой крупный центр еврейских рабочих и, надо признать, бундизма, как Гомель, вправе был получить от такого видного лидера, как Либер, отчет: «Как Бунд, называвший себя «рабочей» партией, защищает классовые интересы рабочих?» Но такого ответа вы не получили, потому что гражданин Либер выступал здесь не как представитель партии, называющей себя «рабочей», а как представитель эсеро-меньшевистского блока, поддерживающего реакционное правительство Керенского — правительство буржуазии. Некоторые бундовцы даже гордят-

ся тем, что вот, мол, наши лидеры — Либеры играют «большую роль» в определении политики Временного правительства. Но сознательные рабочие смеются над их жалкой ролью лакеев и прозвали их «Либерданами» (здесь, конечно, бундовцы подняли большой «хай», но, пошумев, вынуждены были замолчать). Это такая же гордость, как у героев, которых талантливо высмеивал народный еврейский писатель Шолом-Алейхем, когда мещанин-мелкий буржуа гордится тем, что он породнился с богачом, который самого его шпыняет, как лакея, а семью его еще пуще прежнего прижимает и эксплуатирует, а он, мещанин, все же продолжает «гордиться», что вот, мол, где я бываю, с кем дело имею! Бундовцы и их лидеры, в том числе и Либер, породнились с самыми крупными акулами и грязными подонками буржуазного богатого общества, да в придачу еще и помещиками-черносотенцами, и стараются изо всех сил доказать, что они достойные их родственники.

Бундовцы и их лидеры докатились до того, что они стали участниками фабрикации обвинений типа черносотенных Бейлиса-Дрейфусовских дел на большевиков. Они вместе с грязными клеветниками подняли руку на большевистских вождей пролетариата, они поддержали (или некоторые в лучшем случае молчаливо восприняли) грязные клеветнические наветы черносотенцев, погромщиков. Разве вам, всем присутствующим, не знакомы все эти приемы клеветы и наветов? Как же вы, гражданин Либер, и ваша партия дошли до жизни такой? Вы докатились до этого потому, что вы вот уже более 20 лет идете вместе с экономистами, с меньшевиками, привязав свою колесницу к буржуазному коню, а он идет в упряжке с помещичьим черносотенным конем. Если на заре своего зарождения, в конце XIX века, Бунд еще заикался о борьбе с буржуазным сионизмом и сыграл известную роль в первичной организации еврейских рабочих для борьбы с капиталистами того периода, больше всего в Польше и Литве, то потом, особенно с начала XX века, Бунд становится помехой росту и развитию настоящего революционного рабочего движения. Всей своей немарксистской программой, мелкобуржуазной политической линией Бунд мешал большевикам подымать еврейских рабочих, которые по своей социально-классовой природе интернационалистичны, до уровня интернационального рабочего движения, стараясь принижать часть отсталых рабочих до уровня мелкобуржуазно-мещанского национализма. Вместо осуществления Великого лозунга Великого Маркса «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Бунд

повел линию разъединения рабочих разных наций даже внутри одной страны — России, тогда как именно в России, где стояла задача свержения такого сильного врага, как царизм, это единство рабочих всех наций особенно требовалось. Бунд направил свои силы на обособление еврейских рабочих от русских и иных так же, как русские, украинские, белорусские и другие социал-националисты, тоже называющие себя «социалистами», противопоставляли себя пролетариям и социалистам других наций в России.

До революции 1917 года Бунд был в одном лагере с ликвидаторами, отрицая возможность и необходимость второй революции для свержения царизма. Уже тогда была заложена та позорная капитулянтская линия союза с буржуазией, которую после свержения царизма проводил и проводит Бунд в составе блока эсеров и меньшевиков. Этот блок предал интересы рабочих, солдат и крестьян всех наций России в угоду империализму, капитализму и помещикам. С чем вы приходите сегодня к рабочим, с каким политическим капиталом, нажитым после революции? У вас нет политических капиталов, вы банкроты, хотя банкротами называют тех, у кого раньше был капитал, а у вас его и не было.

Вы в составе эсеро-меньшевистского блока довели до позорного военного июньского наступления, которое принесло новые сотни тысяч убитых, миллионы сирот, вдов, калек. Вы — эсеро-меньшевистско-бундовский блок — «помогли» доведению страны до хозяйственной катастрофы и не имеете выхода из нее. Вы поддерживаете буржуазию и помещиков, расстреливающих сейчас солдат на фронте. Безработица и голод хватают в городах рабочих за горло — вы вместе с эсерами предали крестьянство, не дав ему земли. А в национальном вопросе? Где выполнение ваших обещаний? Угнетенные нации Финляндии, Украины, Туркестана и другие по-прежнему лишены права на самоопределение, а правительство Керенского с вашего эсеро-меньшевистско-бундовского согласия чуть что принимает решительные контрреволюционные меры. А по еврейскому вопросу вы даже не упоминаете вашу идеализированную всеспасительную национально-культурную автономию. Эта ваша по существу буржуазно-сионистская программа, видимо, вам нужна была для расчленения рабочего класса. Не вышло у вас этого обособления еврейских рабочих от русских и других, потому что большевики, Ленин все время боролись за интернациональное единство рабочих всех наций во главе с самым организованным и мощным отрядом русских рабочих — питерских, московских и других.

Теперь каждый еврейский рабочий видит, что, если бы не было интернационального единства рабочих, за которое боролись большевики, не было бы свержения царизма. Разве еврейский рабочий освободился бы от черносотенно-погромного царского строя, если бы славные героические питерские и московские рабочие и солдаты не свергли царское самодержавие? Не реформистско-ликвидаторский путь Бунда, не «культурно-национальная еврейская автономия» и изоляция еврейских рабочих, а только единое революционное рабочее движение общероссийского пролетариата всех наций обеспечило победу в Гражданской войне против царизма и свергло его.

Теперь мы должны свергнуть капитализм, помещиков, и здесь опять мешают социал-соглашатели, в том числе и Бунд. Неправду говорил здесь бундовский лидер Либер, что Ленин и большевики вызывают Гражданскую войну — это поддерживаемая российская буржуазия, как французские Кавеньяки в 1848 году, устроила кровавое подавление Июльской демонстрации питерских рабочих и солдат. Это поддерживаемая эсеро-меньшевистско-бундовским блоком буржуазия начала гражданскую войну восстанием Корнилова. Это они расстреливают солдат. А большевики, их вождь Ленин предлагали до последнего периода компромисс на основе мирного перехода власти к Советам и осуществления важнейших задач революции. Это эсеро-меньшевистские, в том числе и бундовские, лидеры отклонили это предложение Ленина и вновь пошли на коалицию, на союз с контрреволюционной буржуазией и этим вызывают гражданскую войну.

Пусть гражданин Либер не смотрит на гомельских еврейских рабочих сквозь старые бундовские очки. Они — эти гомельские рабочие, в том числе еврейские, — за семь месяцев революции выросли, они поднялись на новую высоту, да и жизнь сама учит — «горе научит калачи істи». Спросите еврейских сапожников и кожевников, и они вам расскажут, как еврейские рабочие сейчас по-революционному бастуют, вместе со всеми русскими, украинскими, белорусскими и другими рабочими борются за право на труд, на новую жизнь, против капиталистов и помещиков, за хлеб, мир, землю и свободу — социальную и национальную. Гомельские рабочие, солдаты и крестьяне без различия наций пойдут единым фронтом против буржуазии, против вас, социал-соглашателей, за власть Советов, за социализм — они пойдут вместе со всеми рабочими, солдатами и крестьянами всей многострадальной России под руководством большевиков и Ленина вперед к победе!»

На собрании никаких резолюций не принималось, но по всему — и по выступлениям, и по реагированию аплодисментами посередине и в конце моей речи, и по последующим отзывам — видно было, что мы, большевики, одержали большую морально-политическую победу. Либер уехал из Гомеля, как Мальбрук с похода...

Но его приезд оказал нам известную «помощь» в том смысле, что в связи с обострением борьбы с бундовцами часть тех еврейских рабочих, которые еще следовали за Бундом, начали более ускоренно отходить от них, особенно среди бастующих рабочих, тем более кожевников и сапожников. Либер не успокоил, тем более не повел за соглашательским блоком гомельских еврейских рабочих. Наоборот, после его приезда единая, сплоченная борьба рабочих всех наций еще более обострилась.

ОКТЯБРЬ В ГОМЕЛЕ И МОГИЛЕВЕ

16 октября, рано утром, мы прибыли в Минск на областную конференцию Советов. Условия поездки по железной дороге были, конечно, далеко не комфортабельные, сказывалась разруха железнодорожного транспорта, особенно в прифронтовой полосе, однако, хотя и усталые, но бодрые, уверенные, мы вовремя явились в Минский Совет к товарищу Краснову, который был в организационно-мандатной комиссии областной конференции Советов и вообще играл довольно активную роль в проведении конференции Советов. Подавляющее большинство на конференции принадлежало большевикам. Однако меньшевики, эсеры и бундовцы проявляли большую активность в борьбе против созыва II съезда Советов.

В начале конференции первым вопросом были заслушаны доклады с мест. Большинство представителей Советов высказывалось за созыв съезда в октябре. Выступления представителей социал-соглашателей были направлены против всей линии большевиков, ведущих-де к расколу революционной демократии и к гражданской войне. Съезд Советов, говорили они, в настоящее время будет созван, дескать, наспех и не будет, мол, правомочен. На конференции Советов выступили представители фронтовых войсковых соединений, громивших меньшевиков и эсеров, которые пытались сорвать решения о созыве Всероссийского съезда Советов. Можно сказать, что не только количественно, но морально-политически меньшевистско-эсеровский блок был разгромлен

на конференции Советов, несмотря на то что они выставили своих выдающихся ораторов, среди которых был и гомельский бундовский златоуст Газарх.

После него было предоставлено слово Кагановичу Л.М. как представителю Гомельского Совета. Рассказав, как обанкротились социал-соглашатели в Гомеле, особенно на последнем заседании Совета, так же как обанкротились эти предательские партии во всероссийском масштабе, Каганович сосредоточился на главном вопросе о созыве Всероссийского съезда Советов. «Мы, большевики, — сказал я, — не просто за созыв второго съезда Советов, мы за то, чтобы этот съезд Советов стал полновластным хозяином земли Русской и установил Власть Советов по всей стране».

Громадным большинством голосов была принята резолюция, предложенная фракцией большевиков, за созыв II съезда Советов 25 октября 1917 года и за власть Советов. Этим и была завершена работа областной конференции Советов.

Минск произвел на меня впечатление боевого, фронтового, революционного центра. Улицы были полны военными; наряду с революционными частями, было немалое количество и антиреволюционных и даже контрреволюционных. Чувствовалось большое напряжение в отношениях революционной части гарнизона, находившейся под руководством большевиков и готовой по их зову вступить в борьбу за власть Советов, и, с другой стороны, частей, находившихся в распоряжении контрреволюционного командования Западного фронта и, как говорил мне товарищ Мясников, готовившихся к повторению корниловщины.

После окончания конференции я беседовал в областном комитете партии с его руководителем товарищем Мясниковым. Он мне подробно рассказал о сосредоточении войск в Минске и вокруг Минска и в то же время о большевистской подготовке нашей революционной части армии для отпора возможного наступления контрреволюции. «Мы, — сказал товарищ Мясников, — готовы по указанию ЦК к революционным действиям». Он ознакомил меня со второй, закрытой частью статьи Ленина «Кризис назрел», в которой Ленин конкретно ставит вопрос о восстании и взятии власти Советами.

Оговорив, что у него еще нет точных документальных данных о Пленуме ЦК, состоявшемся 10 октября, товарищ Мясников рассказал мне, что, по тем данным, которые он имеет, на Пленуме с докладом «О текущем моменте» выступил Ленин, что на Пленуме были выступления членов ЦК (Каменева и Зиновьева) против

предложения Ленина о восстании, но что Пленум ЦК поддержал Ленина и принял его предложение о том, что вооруженное восстание вполне назрело, и предложил всем организациям руководствоваться этим в своей линии и во всей практической работе.

Я, со своей стороны, подробно доложил товарищу Мясникову о нашей работе, о положении дел, о нашей готовности к бою за Советскую власть, о наших военно-революционных мероприятиях и о плане дальнейших действий. Тов. Мясников одобрительно оценил нашу работу и планы действий, сказав при этом: «Вы должны действовать в полной согласованности с нами. Мне, — сказал он, — в ЦК говорили, что вы очень энергичный и горячий работник. Вот надо, чтобы мы согласовали и свою энергию, и горячность». Я ему сказал, что полностью согласен с ним и обеспечу, чтобы горячность не нарушила согласованность действий.

Товарищ Мясников произвел на меня очень хорошее впечатление крупного, уверенного, зрелого партийно-политического руководителя Ленинского типа. Я особо доложил товарищу Мясникову о положении в Могилеве, о наших мероприятиях по революционизированию и большевизации солдат и, главное, по ликвидации «объединенной» организации и полному, окончательному оформлению большевистской организации. Товарищ Мясников подчеркнул особую важность Могилева как центра контрреволюции, который мы должны сломить. «Ведь Могилев, — сказал он, — входит в сферу деятельности Полесского комитета, и мы надеемся, что Полесский комитет, да и вы лично своими выездами как член Всероссийского бюро военных организаций, доведет до успешного завершения процесс полной большевизации Могилевской организации и создания военной организации большевиков. Я, — сказал он, — знаю по опыту Минска нелегкость этой задачи, которую мы окончательно решили лишь в июле. Теперь мы должны успешно провести кампанию выборов в Учредительное собрание. Мы не боготворим это Учредительное собрание, не оно будет решать судьбы революции, но сам процесс выборов и голоса масс имеют большое значение, поэтому мы уделяем этому серьезное внимание.

Вы, надеюсь, — сказал он в конце беседы, — ничего не имеете против того, что наша конференция вас выдвинула кандидатом в Учредительное собрание». «Нет, конечно, — ответил я, — я это рассматриваю как доверие партии».

Я не излагаю всех сторон нашей беседы, она касалась многих практических вопросов предстоящей борьбы и подготовки к ней.

Тепло, по-братски попрощавшись с товарищем Мясниковым, я поспешил в тот же день, не задерживаясь, выехать в Гомель, чтобы поскорее реализовать новые меры, вытекающие из того нового, что я узнал.

Полесский комитет партии во второй половине сентября и особенно в октябре сосредоточился на усилении подготовки военной материальной силы революции. Этим непосредственно руководила созданная Полесским комитетом военная комиссия Полесского комитета в составе Кагановича Л.М. (председатель), Лобанкова, Якубова. Эта подготовка шла по двум линиям: организация отрядов Красной гвардии и подготовка воинских частей.

После победы над Корниловым Керенский, выполняя волю империалистов, издал грозный приказ: немедленно прекратить самовольное формирование всяких боевых вооруженных отрядов, создаваемых под предлогом борьбы с контрреволюцией, потому-де, что контрреволюция разбита. Керенский требовал расформирования и разоружения созданных отрядов. Но ничего у него не вышло, большевики по указанию своего Центрального Комитета не допустили расформирования созданных отрядов. Солдаты гарнизона по предложению большевиков выступили против расформирования отрядов Красной гвардии, и те не только существовали, но и крепли, обучаясь военному делу. В октябре, уже в первой половине месяца, начался новый прилив красногвардейцев и формирование новых отрядов. Мы организовали пополнение, усиление рабочих красногвардейских отрядов и формирование новых отрядов и за счет солдат из Пересыльного пункта.

Полесский комитет провел кампанию среди солдат о предъявлении требования Гомельскому Совету об освобождении из гомельской тюрьмы солдат-фронтовиков, арестованных за отказ от наступления в июне 1917 года. Некоторых из них необоснованно обвиняли в убийстве командира бригады, приказавшего стрелять в солдат. После упорной борьбы большевиков в Совете и с военными властями этих солдат освободили из тюрьмы, и они частично пополнили ряды гомельской Красной гвардии. Во второй половине октября были сформированы новые отряды Красной гвардии.

Большой нашей заботой было обеспечение Красной гвардии оружием. Поскольку Гомель был ближайшей к фронту базой снабжения и ремонта, мы, естественно, использовали эти возможности и черпали оружие и боеприпасы из запасов воинских частей Гомельского гарнизона. Особо большую помощь нам оказали

оружейные мастерские. Солдаты-мастеровые бесплатно ремонтировали доставаемое нами неисправное оружие. Кроме того, посылали мы своих представителей в Минск. Они привезли нам оттуда исправные винтовки и даже несколько пулеметов и патронов к ним, и немалое количество. Посылали мы отборных настойчивых ребят и в Тулу с моим письмом к товарищу Каминскому, и привезли они оттуда определенное количество наганов и патронов к ним. Кроме того, наши железнодорожники сообщали нам о застрявших на путях вагонах с оружием и боеприпасами и передавали их нам, как «бесхозное имущество», для Красной гвардии. Немалым источником питания оружием и боеприпасами непосредственно после Октябрьской революции были возвращавшиеся с фронта солдаты, которые охотно, а иногда и неохотно отдавали нам винтовки и патроны. Таким образом, мы, можно сказать, прилично вооружили наши отряды Красной гвардии, которые в период Октябрьской революции имели в своих рядах более 800 боевых красногвардейцев, не считая менее подготовленных вооруженных рабочих дружин.

Пленум поручил бюро Полесского комитета установить формы и способы более широкого ориентирования передовых рабочих и солдат, в первую очередь членов партии, и освещения стоящих перед рабочим классом, солдатами боевых задач борьбы за власть Советов. Эта задача была не так проста. Недаром Ленин говорил о необходимости находить формы, слова, чтобы выразить на массовых собраниях стоящую задачу вооруженного восстания без обязательного легального употребления именно этих слов. Это было особенно важно, учитывая особые условия Гомеля, который был не просто прифронтовым центром, но и находился под неусыпным надзором Могилевской ставки Верховного Главнокомандующего, со всеми военными строгостями и слежкой. Но наступила пора более полно изложить задачи перед парторганизацией.

После Пленума Бюро Полесского комитета решило собрать более широкий актив парторганизации, поручив выступить с докладом товарищу Кагановичу Л. М. Для прикрытия мы решили использовать форму курсов солдатских агитаторов, где я ранее прочел цикл лекций «Об истории народных восстаний и революций». Мой доклад о решениях Пленума ЦК, Полесского комитета, письмах и статьях Ленина, о боевых задачах партии, о вооруженном восстании мы официально, легально наименовали как завершающую мою лекцию из цикла. Надо сказать, что эта конспи-

рация удалась. Хотя меньшевистско-эсеровские соглядатаи что-то подозревали и допытывались у солдат, что это, мол, за такая лекция была, что столько народу собралось, но они ничего по существу и не узнали — наши солдаты им отвечали, что на лекции Кагановича всегда много народу приходило, особенно железнодорожников. А по существу я докладывал о непосредственных задачах подготовки вооруженного восстания.

В течение 22 и 23 октября проводились собрания всех членов парторганизации по ячейкам — закрытые и открытые, на которых выступали докладчиками члены Полесского и районных комитетов партии и активисты, участвовавшие на собрании актива. На всех собраниях выступали низовые члены партии с горячей поддержкой решений ЦК и Полесского комитета и клялись выступить по первому зову ЦК за завоевание власти Советов. После этих собраний фабрично-заводские профсоюзные комитеты вместе с бюро партийных ячеек устанавливали постоянные дневные и ночные дежурные посты. В дополнение к боевым красногвардейским отрядам почти всюду организовывали боевые дружины из рабочих, добывая, где только могли, хотя бы минимум винтовок, сабель, а в некоторых дружинах сами начинали производить холодное оружие. Многие обращались за помощью к Полесскому комитету, который через свою военную комиссию и военно-оружейные мастерские оказывал помощь оружием рабочим.

Эти октябрьские дни и ночи были заполнены бурной, кипучей боевой работой Полесского комитета, районных комитетов, всей Гомельской партийной организации и каждого большевика в отдельности. Передо мной сегодня встает картина бурно кипящего котла в Полесском комитете, в котором мы кипели, но никогда не выглядели разваренными, а чувствовали себя крепкими, собранными, радостно-бодрыми, несмотря на бессонные ночи. С раннего утра до поздней ночи двери Полесского комитета не закрывались. Ежеминутно приходили рабочие, солдаты, партийные и беспартийные и всегда получали четкие ответы по поставленным ими политическим и практическим вопросам, из которых многие были по делам вооружения организации боевых рабочих дружин и записи в Красную гвардию.

В Полесском комитете было установлено круглосуточное дежурство.

Наряду с задачами подготовки и успешной мобилизации внутренних революционных сил Гомеля для завоевания и установле-

ния власти Советов, перед гомельскими большевиками, их Полесским комитетом встала острая, трудная историческая задача борьбы, так сказать, с внешним врагом — с карательными войсками, направленными контрреволюционной Ставкой с Западного фронта на «усмирение» и подавление героических питерских и московских рабочих и солдат.

Многие тысячи вооруженных до зубов казаков и солдат были сняты лжепатриотами из контрреволюционной Ставки с фронта войны с кайзеровскими немецкими войсками для войны с революционным народом, свергающим власть капиталистов и помещиков. Эти войска продвигались, по преимуществу, через гомельский железнодорожный узел.

Полесский комитет большевиков поставил боевую задачу всем большевикам, рабочим, солдатам и железнодорожникам Гомеля и всего Полесья — задержать продвижение этих карательных войск, не допустить пропуска этих контрреволюционных войск в Петроград и Москву и задержать их в Гомеле и на подступах к нему. Мы это считали своим первейшим революционным, святым долгом перед героическим питерским и московским пролетариатом, перед Социалистической революцией, перед своим Центральным Комитетом и нашим вождем товарищем Лениным. И большевики, рабочие и солдаты Гомеля героически выполнили эту задачу.

Мы знали и понимали, что сосредоточение в Гомеле и на подступах к нему большого количества вооруженных до зубов казачьих и иных контрреволюционных или даже частью просто нереволюционных частей грозит нам, гомельчанам, большими осложнениями и меняет соотношение внутренних сил в Гомеле. Но наш общереволюционный долг диктовал нам выполнение этой задачи во что бы то ни стало.

Трудно сейчас перечислить, рассказать о всех мероприятиях, принятых для задержания эшелонов. Хочу только подчеркнуть, что многие, в том числе и некоторые историки, говоря об этом краткой фразой, и то иногда, как бы между прочим, не представляют себе трудностей всей той огромной работы и борьбы, большей частью весьма рискованной, которую пришлось парторганизации и Полесскому комитету провести для выполнения этой задачи.

Прежде всего необходимо было это организовать и осуществить эту задачу технически на железной дороге. Ведь высший командный состав да и часть агентов железных дорог не хотели задержи-

вать эти войска, а хотели содействовать их пропуску. Пришлось мобилизовать силы низовых агентов-железнодорожников, и прежде всего — паровозников, станционных работников, в том числе стрелочников, путейцев, вагонников, чтобы всяческими способами задержать продвижение эшелонов, несмотря на угрозы военного командного состава и даже рядовых, особенно казаков. То, что не удавалось на подступах к Гомелю, приходилось возмещать на самом гомельском узле. Красная гвардия, особенно из железнодорожников, оказала нам неоценимую помощь в выполнении этой задачи.

Но задача была не только в технической стороне задержки продвижения эшелонов, но и в политической обработке задержанных солдат и даже казаков, чтобы нейтрализовать или хотя бы уменьшить их антиреволюционную воинственность вообще, и в особенности к гомельским рабочим и солдатам.

Полесский комитет выделил для посылки к эшелонам войск около ста отборных пропагандистов и агитаторов. Были среди них и женщины-работницы, в том числе некоторые интеллигенты; всех их мы особо инструктировали. Мы им рассказали, как Ленин критиковал недостатки нашей большевистской работы в революции 1905 года, когда наши большевики и рабочие слабо политически наступали на колеблющиеся войска. Ленин указывал, что необходимо, чтобы рабочие отвоевывали солдат на сторону революции, тем более это можно выполнить теперь, когда прошло семь месяцев после свержения царя. Мы еще раз повторили и вооружили их высказываниями Ленина по крестьянскому вопросу, по казачьему вопросу и т. д. Перед всеми нами стояла задача: не только не пропустить войска на Питер и Москву, но и политически размагнитить их и отвоевать лучших на сторону революции, на сторону большевиков.

Помню, что первая группа товарищей вернулась буквально физически избитой казаками из задержанных эшелонов на станции Гомель. Мы решили во что бы то ни стало добиться прорыва фронта именно здесь — послали другую группу более пожилых, среди которых были железнодорожники, солдаты и крестьяне из придорожных сел. Результаты бесед были лучшими, их не избили, но политически неудовлетворительны. Казаки, особенно офицеры, требовали продвижения их, иначе, говорили они, мы все пойдем в город и разгромим его и всех вас, большевиков. После их возвращения и доклада на бюро Полесского комитета я предложил выехать членам военной комиссии. Некоторые товарищи,

члены комитета, возражали, уговаривая, что это рискованно, но я считал, что это первый бой и очень важно его выиграть. «Велика, — говорил я, — сила большевистского правдивого слова». Товарищи в конце концов согласились, и мы поехали. Когда мы прибыли, появилась группа казачьих офицеров и разговор сразу начался на высоких нотах — об изменниках, об измене и шпионстве большевиков и т.д. и т.п.

Когда я начал беседу, указав, что их везут как карателей, один из офицеров подскочил ко мне и закричал: «Что вы слушаете его? Кто он по-вашему, не шпион, этот жид?» Тогда я спокойно, повернувшись к казакам, начал отвечать: «Разрешите, товарищи казаки, ответить: я большевик, сторонник Ленина, а на его стороне миллионы русских, украинцев, белорусов, евреев и всех наций нашей страны и всего мира. Одним словом, все те, кто хочет, чтобы поскорее окончилась измучившая всех война, кто хочет лучшей жизни для бедных и трудовых людей и земли для крестьян и казаков. Так что игра его благородия «на жидовстве» тут ни при чем — это старо. Эта игра была при царе, когда казаков, по классовой природе своей не погромщиков, направляли на подлые дела. А теперь и казаки не те — революция и их научила искать и понимать правду против угнетения бедных богатыми, рядовых казаков генералами и офицерами». Тут опять не выдержал офицер и истерически начал кричать: «Вы что его слушаете, его убить, расстрелять надо!» — и поднял револьвер, но стоявший рядом старый казак схватил его руку и сказал: «Нет, ваше благородие, так не годится — это самосуд».

Поднялся невероятный шум, вокруг офицера образовалась группа оголтелых офицеров, вахмистров и частично рядовых казаков, которая продолжала кричать и угрожать. Большая часть казаков понуро молчали, а некоторые, меньшая часть, явно и почти открыто заняли оппозиционную по отношению к офицеру линию. Я тогда погромче сказал: «Дайте досказать, а его благородие пусть ответит, одним словом, вы проведите собрание, как полагается всем порядочным солдатам и казакам». После этого мне удалось им сказать, как Ленин смотрит на войну, кому она выгодна, на передачу земли помещиков крестьянам и казакам, что от народа никакие господа не спасутся, революция свергла царя, революция в Петрограде уже свергает и его последышей, власть будет народная — власть Советов рабочих, солдатских, казачьих и крестьянских депутатов.

Вновь повторилась та же катавасия. Офицерская группа начала кричать: «Ведите его в штаб, там мы поговорим с ним!» Подскочили ко мне и начали силой тащить меня. Тут нашелся Якубов и закричал: «Вы знаете, над кем вы насилие совершаете? Товарищ Каганович — кандидат в Учредительное собрание, а вы что делаете?»

Это произвело впечатление. Зашумели казаки, некоторые начали кричать: «Врешь ты!» А товарищ Якубов оказался запасливым мужиком, он выхватил из кармана экземпляр официального списка кандидатов в Учредительное собрание и говорит: «Вот, читайте». Когда один из них вслух прочел, изменился несколько тон и хулиганствовавших, и особенно отношение большей части присутствовавших казаков: «А почему нас не пускают?» Пришлось опять объяснить, на какое предательское дело их везут. «Неужели казаки, — говорил я, — трудовые люди не изменились и будут проливать кровь своих же братьев рабочих и солдат Петрограда и Москвы? А за кого? За богатых купцов, фабрикантов и помещиков, за Керенского? Не лучше ли вам поскорее вернуться к себе, в свои города, деревни, на Дон и Кубань, к своим семьям и там тоже сделать революцию?»Опять поднялся шум, но уже более умеренный. Правда, ни один рядовой казак не выступил, но чувствовался известный перелом у значительной части рядовых казаков. Офицеры без повторения своих выкриков и угроз удалились якобы в штаб для совещания, а казаки, уже более мирно настроенные, сказали: «Посмотрим еще». И начали потихоньку расходиться. Мы сказали им: «Передайте казакам привет от рабочих и солдат». Некоторые встретили это с удовлетворенной улыбкой, а отдельные, правда не очень громко, даже говорили: «И от нас рабочим привет».

Мы считали, что в первой схватке с такими вышколенными недругами мы частично все же одержали политическую победу, и решили продолжить работу в этих казачьих и тем более солдатских эшелонах. В конце концов нам все-таки удалось склонить часть на нашу сторону.

Доложили в Полесском комитете товарищам, они оценили результаты как хорошие. Мы собрали наши группы по задержке войск, рассказали им наш опыт и инструктировали их. Некоторые, правда, полушутя говорили: «Хорошо товарищу Кагановичу, он кандидат в Учредительное собрание, и это его выручило, а нам-то как?» Мы им сказали, что я не рассчитывал на это, а пошел, несмотря на риск, — главное в том, что политическая сила убеждения за нами, и казак, и тем более солдат хотят скорейшего оконча-

ния войны. Они тоже не любят помещиков, генералов, поэтому, несмотря на муштровку, предрассудки, они неизбежно должны будут поддаться нашей большевистской правде и нашей Ленинской агитации. Те из них, которые не станут нашими сторонниками, во всяком случае, особенно солдаты, поколеблются и не пойдут за своими махрово-контрреволюционными командирами.

Дальнейший ход событий в Гомеле показал, что вся эта самоотверженная работа гомельских большевиков дала крупные результаты: в гомельском железнодорожном узле и на подступах к нему было задержано более 60 эшелонов с войсками, вооруженными до зубов. Это была многотысячная армия солдат и казаков, направленных контрреволюционным командованием на войну с питерскими и московскими рабочими.

Размещавшаяся в Могилеве Ставка Верховного Главнокомандования резко активизировала свою контрреволюционную борьбу и стала главным центром всероссийской борьбы с Октябрьской революцией и созданным его рабоче-крестьянским правительством.

Ставка блокировала, изолировала фронтовую зону и прежде всего Могилев, Гомель, Оршу и другие города и районы белорусского Полесья. Задерживая поступление газет и телеграфные сообщения об истинном положении в Петрограде, Ставка с участием слетевшихся туда обанкротившихся контрреволюционных политиканов, в том числе и социал-соглашателей, начиная с 23 октября организовала невиданно лживую информацию об истинном положении.

25 октября Ставка сообщала, что попытки большевиков совершить переворот в Петрограде разбиты, что Временное правительство твердо удерживает власть, и это в то время, как оно было уже арестовано.

Мы получили первые отрывочные сведения о совершенной революции в Петрограде через своих железнодорожников в ночь с 25 на 26 октября. В ту же ночь собрался Полесский комитет.

Трудно сегодня представить и описать те чувства радости, подъема и вместе с тем особого напряжения, которыми были охвачены все мы, большевики, получив это первое сообщение о революции в Петрограде. Всю ночь мы добивались получения дополнительных, более подробных данных. Не дождавшись их получения, мы решили выступить с воззванием к рабочим, солдатам и трудовому населению Гомеля и Полесья. Это воззвание было плодом коллективного творчества — Приворотский записывал то,

что каждый из нас предлагал или произносил в виде краткой речи, а потом мы коллективно редактировали. Это было первое наше воззвание первого периода Октябрьской революции.

Поскольку у нас своей типографии не было, мы поручили членам военно-революционного центра товарищам Якубову и Лобанкову взять группу красногвардейцев, захватить любую типографию в городе и обеспечить срочное печатание этого воззвания. Они, конечно, блестяще выполнили это задание — 26 и 27 октября рабочие, солдаты и трудовое население города уже читали воззвание Полесского комитета большевиков.

Это был не только призыв к революционным действиям, но и ответ на распространявшуюся ложную информацию, продолжавшую поступать из могилевской контрреволюционной Ставки. И чем дальше, тем больше лгали. Вплоть до 30 октября они сообщали, что в Петроград, мол, вступили войска Керенского и генерала Краснова и тому подобное. Враги революции всячески с подлой радостью расписывали эти лживые сообщения, приносившие радость буржуазии и волнения рабочим и трудящимся.

К сожалению, мы до 29-го не получали дополнительной полной информации, но опровергали все сообщения из Ставки на основе первых наших сведений и действовали, исходя из них.

Не дожидаясь рассылки воззвания на предприятия и в воинские части, Полесский комитет вновь послал своих представителей, для которых это воззвание послужило руководством к действию и выступлениям, на проводившиеся повсеместно митинги рабочих и солдат. На митингах зачитывалось воззвание Полесского комитета, речи были короткие. Громадное большинство рабочих и солдат с большим подъемом, радостью и энтузиазмом выражали свой восторг героизмом питерских пролетариев и революционных солдат, выражали готовность поддержать их всеми силами.

Несмотря на выступления меньшевиков и эсеров, клеветавших на большевиков как «зачинателей гражданской войны», несмотря на повторение ими лживых сообщений из Ставки и запугивание рабочих и солдат тем, что, мол, революция в Петрограде не победила и даже разгромлена, рабочие и солдаты пошли за большевиками. На громадном большинстве промышленных предприятий, в том числе и на железной дороге, принимались короткие резолюции, приветствовавшие переход власти к Советам и новое Советское правительство во главе с Лениным. Рабочие и солдаты Гомеля в громадном большинстве своем, вопреки имевшимся против-

никам и колеблющимся, призывали к поддержке питерских рабочих и солдат, совершивших рабоче-крестьянскую революцию, и требовали немедленного взятия власти Гомельским Советом. Закрепив наши позиции в большинстве районов города, в особенности на магистрали от вокзала до замка Паскевича (дворца Советов), военно-оперативная комиссия Полесского комитета — «военно-революционного центра» — сосредоточила особые усилия на укреплениях, прилегающих к дворцу Советов улицах и самой площади перед ним. Здесь мы расположили две боевые рабочие дружины и военный отряд технических частей из Новобелицы.

Это последнее мероприятие, столь близко затрагивающее резиденцию социал-соглашательского Исполнительного комитета, их обеспокоило. Особенно они взволновались и взбесились, когда мы в ночь с 27-го на 28-е провели неожиданно для них замену внутри самого дворца Советов караульной команды, которая была сформирована еще за несколько месяцев до Октябрьской революции из отборных солдат и офицеров из Воздухоплавательного парка, среди которых были не только меньшевики и эсеры, но даже кадетски настроенные элементы. Наши большевики еще ранее вели работу в Воздухоплавательном парке среди солдат о необходимости замены солдат этой караульной команды, разжиревших, как говорили солдаты, а теперь выступающих против революции. Были предложения ввести через парк внутрь замка красногвардейские отряды, но военно-оперативная комиссия решила заменить команду более сложным, но более приемлемым путем — при помощи солдатского комитета и парторганизации Воздухоплавательного парка.

Мы поручили членам военно-оперативной комиссии товарищам Лобанкову и Пеньевскому, уполномоченным Полесского комитета, обсудить в солдатском комитете вопрос о замене караульной команды новым составом из революционных солдат парка. Солдатский комитет и солдаты приветствовали это, подобрали новый состав, получили согласие командира. Таким образом, решением солдатского комитета и приказом командования прежний состав караульной команды отозван и заменен новым составом. В ночь с 27-го на 28-е во дворец Советов была введена новая караульная команда и недовольная, но без сопротивления подчинившаяся приказу командира и солдатского комитета Воздухоплавательного парка прежняя команда через те же ворота выведена.

Вместе с новой командой для подкрепления нового большевизированного гарнизона дворца Советов нами уже был введен

и расположен в парке небольшой отряд рабочих, подобранный из лучших красногвардейцев. Успех этой операции был обеспечен активной поддержкой солдат и рабочих, и мы ее считали важной для полной победы революции в Гомеле.

К 28 октября военно-революционный центр Полесского комитета фактически обладал властью почти во всем городе Гомеле, за исключением указанной небольшой, но важной части вокруг гостиницы «Савой» и телеграфа. Поэтому нельзя сказать, что власть рабочих и солдат была уже во всем городе — предстояла боевая задача полного разгрома этого гнезда контрреволюционных сил. Предприятия, воинские части выполняли указания военно-революционного центра, но отсутствие официального оформления его Советом и его Исполнительным комитетом, в котором большинство было антиреволюционным, ослабляло дело полной победы революции. За это мы вели политический бой на заседании Совета 28 октября.

Напряженной обстановке открытого заседания Совета придавало особенно боевой и острый характер участие в нем активистов рабочих предприятий, железной дороги и солдат воинских частей. Кроме того, тысячи рабочих и солдат сошлись на площади перед дворцом с революционно-большевистскими лозунгами. Каждые полчаса представитель нашей большевистской фракции выходил из зала заседаний и информировал о ходе заседания Совета собравшихся на площади рабочих и солдат, которые бурно реагировали — то одобрительно по отношению к выступлениям на Совете большевиков, то гневно, с выкриками «позор» противникам пролетарской революции в Петрограде.

Все, как в зале заседания Совета, так и на площади, сознавали особую серьезность момента и с напряжением ждали предстоящего решения Совета. В зале заседания у большинства присутствующих господствовало сосредоточенное, приподнятое, боевое настроение, но в то же время напряженное, взволнованное.

Заседание проходило бурно, прения были острыми, страстными, горячими. Меньшевики, бундовцы, эсеры и другие социал-соглашательские группы активно и злобно повторяли свои избитые клеветнические наветы на нашу большевистскую партию. Они говорили об авантюризме, заговоре большевиков, что это-де не революция, а бунт солдат, что большевики-де ввергли страну в гражданскую войну, повторяли буржуазно-помещичьи, генеральские грязные выдумки, идущие из Ставки о положении в Петрограде.

Выход, говорили они, в том, чтобы сговориться с Временным правительством и со всеми фракциями политических партий, в первую очередь так называемыми социалистическими, об образовании единого коалиционного правительства. Делая одолжение, они добавляли — «с участием большевиков». Они предложили Гомельскому Совету вместо власти Советов образовать «Комитет спасения Родины и революции», приспосабливаясь к той части Совета, которая им сочувствовала, а она — эта часть, к сожалению, была не маленькая. Естественно, что большевики и сочувствующие нам рабочие и солдаты встречали и провожали меньшевистско-эсеровских ораторов острыми репликами, выкриками «Клеветники, союзники капиталистов и помещиков» и тому подобное.

Мы, большевики, и сочувствующие нам беспартийные в своих речах прежде всего разоблачали всю политику эсеро-меньшевистского блока как союзников буржуазно-помещичьих классов и душителей рабочего класса, крестьянства и солдат. Мы доказали, что это именно они начали гражданскую войну в стране, а революционные действия рабочих, крестьян и солдат — это ответные меры защиты революции от старорежимников. Мы опровергали клеветнические сказки о солдатском бунте, о заговоре, убедительно показывали поэтапное историческое развитие всего процесса нарастания рабоче-крестьянской революции, совершившейся под руководством большевиков и их Великого вождя Ленина, которого они травили, но которого любили, любят и уважают многомиллионные массы рабочих, крестьян и солдат. Полесские большевики — фракция большевиков Гомельского Совета — внесли предложение решительно отклонить контрреволюционное предложение фракции меньшевиков, Бунда и эсеров об образовании так называемого «Комитета спасения Родины и революции», то есть фактически образования органа спасения контрреволюции. «От кого вы хотите спасать революцию, — сказал я в своей речи, — от петроградских рабочих, которые устлали своими трупами мостовые Петрограда в 1905 году, в феврале 1917 года при свержении царизма и в октябре 1917 года при свержении капитализма? С кем вместе вы хотите спасать революцию? С помещиками Родзянко и Пуришкевичем, с капиталистами Гучковым и Рябушинским вы хотите спасать революцию от нас — рабочих, солдат и крестьян».

Увидев, что почва уходит из-под ног меньшевиков и эсеров, что Совет не примет их предложения, а примет предложения, вносимые фракцией большевиков, меньшевики и эсеры к концу пре-

ний бросили в зал свою лживую провокационную «бомбу». Они огласили новую, полученную ими подробную телеграмму из Ставки, из Могилева, о том, что казаки под командованием генерала Краснова вошли в Петроград, что вместе с восставшими юнкерами и другими частями ими взят Смольный, что Ленин якобы бежал, что члены большевистского правительства арестованы и так далее. В зале, конечно, возросло напряжение.

Хотя у нас, большевиков, не было точных данных о положении, но мы своим чутьем и знанием силы нашей партии, Ленина и героизма питерских рабочих и солдат были уверены, что это лживая фабрикация, идущая из Ставки, и соответственно реагировали в зале заседания. Социал-соглашательская часть Совета молча зашевелилась, поворачиваясь к своим колеблющимся сторонникам, — смотрите, мол, будьте начеку. Смутились и некоторые из наших союзников — левых эсеров и других «левых» групп, которые всерьез приняли оглашенную телеграмму. На это и рассчитывали меньшевики, эсеры и бундовцы.

Но мы, большевики, в первую очередь руководство Полесского комитета, вновь ринулись на трибуну, в бой с провокаторами из социал-соглашательского блока. Мы заклеймили это сообщение как обычное лживое измышление контрреволюционной Ставки и слетевшихся в Могилев черных воронов контрреволюции. «Вы, гомельские меньшевики, эсеры, бундовцы, — говорили мы, — помогаете здесь подло-провокаторскому делу контрреволюционной Ставки. Вы хотите обмануть рабочих и солдат Гомеля, запугать Гомельский Совет, но это вам не удастся. В ответ на это ваше оскорбительное отношение к депутатам Гомельского Совета, которых вы считаете трусами, которые, дескать, с перепугу отступят от революции, революционные честные депутаты Гомельского Совета еще увереннее пойдут против вас и еще больше сплотятся вокруг большевиков и поддержат их».

Нашими повторными выступлениями мы сорвали эту провокацию эсеро-меньшевиков.

Наступил самый напряженный и решающий момент голосования внесенных двух резолюций: меньшевистско-бундовско-эсеровского блока и резолюции большевиков. Гомельский Совет рабочих и солдатских депутатов отклонил резолюцию меньшевистско-бундовско-эсеровского блока и принял резолюцию большевиков.

В течение ночи с 29 на 30 октября наши отряды просачивались в район расположения противника, у которого, надо сказать, не бы-

ло устойчивых позиций. Они были застигнуты врасплох у гостиницы «Савой», телеграфа, вокруг которых и развернулся бой.

К рассвету наши отряды разбили охрану телеграфа и захватили этот важнейший для нас центр. Труднее было на участке у гостиницы «Савой», но и там наши красногвардейцы и солдаты ворвались в ряды засевших там офицеров и казаков, разбили их и заняли ее. Выбитые из своих гнезд офицеры и казаки отошли разными путями к своим эшелонам, откуда они и пришли. Нетрудно понять, какое впечатление это произвело на оставшихся в эшелонах, особенно рядовых, которые еще до этого были основательно распропагандированы нашими славными самоотверженными агитаторами, среди которых особо хорошо себя проявили женщины-работницы.

Итак, к утру 30 октября был окончательно ликвидирован контрреволюционный очаг корниловцев в центральном пункте города, и весь город Гомель стал советским.

Нам уже не пришлось препираться долго с социал-соглашательским большинством Исполнительного Комитета о повторном созыве пленума Совета рабочих и солдатских депутатов. Настроения у господ соглашателей были уже не те, которые были 27–28 октября. При всей своей политической непримиримости, враждебности к большевикам, злобном недовольстве нашей победой, окончательно уничтожившей их надежды на образование «Комитета спасения», они вынуждены были признать заслуги большевиков в разгроме пьяного бунта черносотенцев, умалчивая при этом о разгроме корниловцев у гостиницы «Савой» и особенно о захвате нами телеграфа. Во всяком случае, они быстро согласились с нашим требованием собрать Совет в тот же день — 30 октября.

Мы, большевики, конечно, пришли к этому заседанию Совета с гордо поднятой головой, как революционно-большевистская сила, обеспечившая победу революции борьбой масс. К этому времени утром 30 октября мы уже получили радостные сведения о полной победе в Петрограде над генералом Красновым и Керенским.

После победы Октябрьской революции и власти Советов в Гомеле перед нами со всей остротой стояла задача организации революционной борьбы в самом логове зверя, в Могилеве.

Итак, 31-го, не задерживаясь, я выехал в Могилев. Учтя опасения, высказанные некоторыми товарищами о том, что в настоящий момент требуется большая конспирация, я приоделся в приличный гражданский костюм и даже рубашку с «гаврилкой»; взял на всякий случай и чужой паспорт (на фамилию Железной).

В Могилеве я увидел, что хотя атмосфера несколько изменилась по сравнению с прежними моими приездами, но она оставалась все еще крайне напряженной, реакционной, с той только разницей, что к корниловской реакции прибавилась эсеровско-меньшевистская.

Слетевшиеся в Могилев эсеровские общипанные «соловьи» — вожди Чернов, Гоц, Авксентьев и другие черные вороны контрреволюционного движения, якшаясь с Духониным и другими корниловцами, вели переговоры о создании своего правительства (даже готовые назвать его «социалистическим», не шутите!) с намечаемым премьер-министром Черновым во главе. При этом Могилев намечался столичным центром этого правительства. «Благородный» хамелеон Чернов, выступая на собрании могилевской организации эсеровской партии, фарисейски-лицемерно заявил: я, мол, лично не стремлюсь и не хочу власти, но если партия возложит на меня это тяжкое бремя, то я подчинюсь (видимо, чувствовал уже этот «храбрый» вождь, что это не только тяжкое, но и опасное уже бремя). В это время эсеровский ЦК действовал, рассылая своих эмиссаров по России, в том числе и по вербовке добровольцев в формируемую армию вновь создаваемого правительства Чернова, благо генералов и офицеров, хотя и не эсеровских, а черносотенных, собралось много вокруг Ставки, но «социалисты да еще «революционеры-эсеры» не брезговали и такими союзниками. На это их толкали империалистические союзники, их иностранные миссии к этому времени съехались все в Могилев и всячески подталкивали эсеров и Ставку на незамедлительную борьбу с Советским правительством, обещая всемерную помощь Антанты.

Могилевский Совет, возглавляемый эсерами и меньшевиками-оборонцами, играл роль гостеприимного «хозяина» города, не просто принимавшего желанных гостей — он предоставлял свою трибуну для произнесения контрреволюционных речей и принимал позорные для Совета антисоветские резолюции. Последней такой резолюцией была резолюция о непризнании вновь назначенного Советским правительством Верховного Главнокомандующего прапорщика Н.В. Крыленко.

Когда я вновь прибыл в Могилев, мне товарищ Максимов (член армейского комитета так называемого ЦЕКОДАРФа) доложил, что на специально созванном совещании в Ставке было решено во что бы то ни стало сохранить ее в существующем составе, для чего перевести Ставку в Киев — парадоксально, но факт: генералы-черносотенцы, великорусские шовинисты, удирали под за-

щиту украинских шовинистов во главе с Петлюрой. Они решили не подпускать к Могилеву, а задержать в пути эшелоны революционных матросов и солдат, идущих в Могилев вместе с новым советским Верховным Главнокомандующим товарищем Крыленко.

В связи с этим сообщением товарища Максимова мы собрали руководство могилевских большевиков и мобилизовали все силы большевиков, революционных солдат и железнодорожников для срыва контрреволюционных замыслов Ставки. Могилевские железнодорожники использовали опыт гомельских железнодорожников, о котором я им детально рассказал, и задержали эшелоны эвакуирующейся корниловской Ставки, давая в то же время зеленую улицу эшелонам петроградских красных матросов и солдат. Большевикам батальона Георгиевских кавалеров мы дали задание во что бы то ни стало задержать автомобили и все виды транспорта с вещами и документами Ставки, задержать и арестовать подготовившихся к побегу в Киев генералов и их свиту.

Вся военно-большевистская организация Могилевского гарнизона, в первую очередь самого батальона Георгиевских кавалеров, успешно выполнила это задание. Батальон Георгиевских кавалеров задержал все погруженные документы, вещи и большую часть генералов, собиравшихся удрать. Успели убежать иностранные миссии, захватив с собой некоторых генералов, которых позднее отряды гомельской Красной гвардии частично сумели задержать. К сожалению, не удалось задержать бежавшего за день до этого из Быхова самого генерала Корнилова, Деникина и других сидевших в быховской тюрьме со своим отрядом головорезов. Наши отряды Красной гвардии их преследовали, но, разгромив их обозы, не настигли самого Корнилова с его головным отрядом. Главковерх Духонин с его основным штабом ставки не сумел удрать, встретив на своем пути кронштадтских матросов, решивших по-своему его судьбу.

После выступления батальона Георгиевских кавалеров против Ставки заколебались даже «ударные батальоны», считавшиеся главной «опорой» Ставки; часть из них присоединилась к революционным георгиевцам, часть ушла сама из Могилева, чтобы не столкнуться с прибывающими из Петрограда отрядами матросов.

Что касается наших политических мер, то мы, собрав большевиков Могилева — гражданских и военных, прежде всего поставили задачу — поднять рабочих и солдат Могилева, в первую голову железнодорожников, выделить делегации со знаменами, которые

придут на назначенное по требованию фракции большевиков заседание Могилевского Совета. Большевистская фракция потребовала допуска на это заседание делегаций и других фабрично-заводских и солдатских комитетов. Чрезвычайное, так мы его назвали, заседание Совета состоялось 18 ноября в том составе, как мы наметили. Правоэсеровское и меньшевистское руководство было дезорганизовано. Хотя они и хулиганили, кричали о большевиках-узурпаторах, но присутствовавшие представители рабочих и солдатских комитетов не давали им воли, они получали достойные, острые и «увесистые» ответы. После выступления нескольких депутатов-большевиков и представителей рабочих и солдат была зачитана предлагаемая большевиками резолюция, приветствующая Октябрьскую революцию и провозглашающая Советскую власть в Могилеве и губернии. Приняв эту резолюцию, Могилевский Совет тут же образовал военно-революционный комитет.

Таким образом, Могилевский Совет, в котором больше месяца после Октябрьской революции орудовали контрреволюционеры, во второй половине ноября стал революционным — Советским.

Когда в Могилев прибыл наш советский Верховный Главнокомандующий товарищ Крыленко вместе с боевыми революционными балтийскими матросами и питерскими отрядами Красной гвардии, как советский Главковерх сразу посетил Могилевский Совет, где он встретился с членами Ревкома, укрепив этим установленную Советскую власть в Могилеве. При Ставке также был образован военно-революционный комитет.

Во всей губернии к этому времени энергично внедрилась Советская власть, за исключением части небольших городков, где еще было просто безвластие, а также части волостей и деревень, где были Советы, но они были заняты главным образом еще борьбой за землю, за ее правильное распределение и использование.

После установления Советской власти в Могилеве я опять побывал в деревнях, близлежащих к Могилеву. На собраниях я разъяснял значение Октябрьской революции для крестьян, особенно для бедноты, как решение вековечного вопроса о земле, говорил о скором окончании войны и достижении мира. По этим вопросам даже агрессивно настроенные эсеры и поддерживавшие их кулацко-зажиточные крестьяне вынуждены были в тот момент отмалчиваться. Им трудно было тогда выступать против общего боевого настроения основной массы крестьян, особенно бедняков и бывших солдат, которые активно поддерживали в первую очередь именно эти законы.

Деревня была занята в эти дни главным образом землей — как разделить землю помещиков, а что эта земля уже ихняя, крестьянская, в этом никаких сомнений уже не было. Землю, инвентарь крестьяне захватывали, а помещики, их управляющие убегали из своих усадеб.

Крестьяне чувствовали, что изъятие земли и уничтожение помещиков — это дело руководства большевиков, Ленина, и поэтому и те крестьяне, которые в историческом значении Октябрьской революции не так уж глубоко разбирались, были на стороне Октябрьской революции и большевиков. Эсеры, считавшие себя монополистами в деревне, засевшие во всех волостных и уездных органах, имели, конечно, еще большой вес в деревне. От них многое зависело в решении конкретных вопросов и раздела земли и инвентаря, поэтому средние крестьяне, выступая или аплодируя нам, оглядывались еще на них. А они, эсеры-то, в ряде районов все еще вели себя агрессивно, выпячивая вопросы Учредительного собрания, упрекая большевиков в том, что они-де накануне Учредительного собрания устроили переворот.

Именно по этим вопросам мне пришлось особенно сосредоточивать свои выступления. Помню, на одном собрании после выступления эсера, в котором он особенно распевал об Учредительном собрании, у меня с ним завязался следующий диалог. Я спросил: «Можно вам задать некоторые вопросы для разъяснения крестьянам?» Он храбро ответил: «Задавайте». Тогда я ему поставил вопрос: «Скажите, пожалуйста, в Учредительном собрании будут капиталисты и помещики, ну, например, Милюков, Гучков, Родзянко?» — «Если изберут, то будут». — «А вот второй вопрос: а в Советах и на их съездах, кроме рабочих, солдат и крестьян, были и могут ли быть капиталисты и помещики?» — «Нет, — ответил он, — здесь их нет и не может быть». Тогда я, обращаясь к крестьянам, спрашиваю: «Кому же тогда крестьянин может больше верить — Учредительному собранию, где будут и помещики и капиталисты, или Советам, их съездам, где их нет и быть не может?» Крестьяне дружно ответили: «Конечно, Советам больше верим». Тогда эсер в свою очередь выкрикнул: «Но ведь их, помещиков и капиталистов, будет меньшинство, а представителей рабочих и крестьян будет большинство в Учредительном собрании». Я ему в свою очередь ответил: «Да их, этих гадов и кровососов, вообще в народе, в человечестве меньшинство, их ничтожная кучка, а вон гляди — сотни и тысячи лет душат народ, захватили землю, за-

ставляя народ на себя работать. Вон вас, крестьян, много, а помещиков единицы, и они вас угнетали. Ведь вот царя свергли, говорили, народ будет управлять, а получилось опять так, что у власти оказались те же капиталисты и помещики и опять сели на шею народа. Поэтому Ленин и говорит: по-настоящему верить крестьянин и рабочий может только Советам, где нет капиталистов и помещиков. А в Учредительном собрании неизвестно еще, будет ли большинство рабочих и крестьян, уж больно много адвокатов-брехунов пролезло в эсеровскую и меньшевистскую партии. Надо выбирать и в Учредительное собрание таких людей, которые будут стоять за Советы и Советскую власть, тогда не будет контрреволюции и законы о земли и мире, принятые съездом Советов, не будут отменены». Крестьяне в большинстве хорошо поняли это.

Надо, однако, сказать, что эсеры, потерпев политическое и идеологическое поражение, организационно еще ранее внедрившись в деревню, опираясь на кулаков и богатеев, были все еще сильны в ней, а мы, большевики, к этому времени еще не успели их вытеснить несмотря на то, что политически деревня бедняцкая и даже середняцкая была за нас.

В Могилеве я посещал Ставку Верховного Главнокомандующего товарища Крыленко. Это были, конечно, не «визиты вежливости», а встречи боевых товарищей. Встретил меня товарищ Крыленко очень радушно, тепло, как старый товарищ, с которым мы работали в комиссиях Всероссийской конференции военных организаций в Петрограде в боевой июньский месяц 1917 года. Как всегда при таких встречах, вспоминали недавнее прошлое и говорили о великих победах и завоеваниях Октября, давших прапорщику, старому большевику Крыленко, высший пост в армии. Я ему рассказал о проделанной работе в Могилеве и об имеющихся еще слабостях. Он очень интересовался, задавал вопросы, а затем полушутя-полувсерьез сказал: «От имени Верховного Главнокомандования благодарю вас за проделанную работу». Я тоже полушутя и полувсерьез поднялся, стал по-солдатски и сказал: «Рад служить партии и революции». В других встречах я ставил перед ним ряд конкретных деловых вопросов по Гомелю и Могилевской губернии — об улучшении снабжения войск, находящихся в Гомеле и в губернии, особенно по обмундированию. Докладывая о том, что мы сами сделали, я указывал, что удовлетворить все потребности мы не могли. Он вызывал соответствую-

щих работников, в первую очередь начальника оперативного отдела, и давал указания оказать необходимую помощь.

Однажды, после приезда из Гомеля, я рассказал товарищу Крыленко о проявлениях недисциплинированности некоторой части солдат 60-го Сибирского полка. Он обещал немедленно принять меры, но просил нас усилить политическую работу в этом полку, я ему это обещал, и Полесский комитет это выполнил. Затем товарищ Крыленко мне рассказывал о положении в армии, о задаче не только демобилизации старой армии, но организации новой советской армии. Он при этом выразил уверенность, что в связи с тем, что я еду в Петроград, мы встретимся еще на работе по организации новой армии.

После бесед с товарищем Крыленко я обычно заходил к товарищу Мясникову, который работал в Ставке заместителем Крыленко. С товарищем Мясниковым мы также хорошо встречались как соратники по Минску и Гомелю. Я ему докладывал по старой памяти, как бывшему руководителю Северо-Западного областного комитета партии, о всей проделанной работе в Могилеве и о положении в Гомеле. Товарищ Мясников мне рассказал в свою очередь о положении в Минске и на Западном фронте. Он выразил сожаление, что я уезжаю из Гомеля. Я ответил, что я ведь вернусь, но он скептически отнесся к этому, сказав, что там, в Питере, меня сразу захватят и не выпустят, что об этом ему уже намекал Крыленко.

Заходил я в ЦЕКОДАРФ к Максимову, соратнику по советизации и большевизации Могилева. Товарищ Максимов, коренастый, крепко сложенный солдат из рабочих, производил на меня хорошее впечатление — стойкого большевика, сумевшего, будучи единственным большевиком в змеином окружении эсеров, меньшевиков, кадетов в общеармейском солдатском комитете при Ставке, сохранить не только стойкость большевика, но и бодрость, партийную активность, действенность и жизнерадостность большевика-ленинца. За короткий срок я с ним быстро сдружился в Могилеве и много лет спустя с радостью встречался с ним в Харькове как с руководящим профсоюзным деятелем. При моем посещении его в Ставке он обычно рассказывал мне о настроениях солдат, о переменах настроений не только у солдат, но и у некоторых даже офицеров. Помню, как он меня познакомил там же с одним членом ЦЕКОДАРФа при Ставке, левым эсером, по фамилии Мстиславский, который отрекомендовался мне не только по чину (он был офицер), но и как писатель. Произвел он тогда на

меня впечатление благородного, мягкого, вдумчивого человека, поддерживающего нас, большевиков.

Без ложной скромности скажу, что и могилевские большевики тепло, даже горячо проводили меня, внесшего свою лепту в победу, рост и расцвет нового советского, социалистического — большевистского Могилева!

Большую часть времени в ноябре и отчасти в декабре мне довелось поработать в Могилеве с перерывами на выезд в Гомель для участия в губернской конференции, заседаниях бюро Полесского комитета и Ревкома, членом которого я был избран, и выступлениях на избирательных собраниях в Совет и в Учредительное собрание, в которое я баллотировался как кандидат большевистской партии.

Можно было бы рассказать о мытарствах этих поездок из Могилева в Гомель и обратно в условиях железнодорожной разрухи в далеко не комфортабельных вагонах и далеко не по воинскому скоростному графику и, главное, в условиях режима, установленного контрреволюционной Ставкой, так же как и о моем большей частью нелегальном обустройстве в самом Могилеве; с переводами на ночлег от одного товарища к другому; с питанием за счет солдатского пайка, который мне приносил тов. Хохлов от моих новых друзей из батальона Георгиевских кавалеров — все это представляло бы определенный интерес, но это отвлекло бы от главного существа нашей борьбы за победу Великого дела пролетарской революции и власти Советов.

Как мы и предвидели, выборы в Совет завершились победой большевиков, которые получили абсолютное большинство в новом Совете.

Одной из первых мер было проведение закона о единовременном налоге, который, естественно, всем своим острием был направлен на буржуазию, которая сразу поняла, а главное, ощутила на практике «где раки зимуют», зато рабочие и солдаты были очень довольны этим налогом и всячески помогали новой, Советской власти.

Большое значение для наведения революционного порядка имело осуществление решения бюро о создании постоянной надежной опоры для защиты власти Советов, реорганизации наших красногвардейских отрядов, которые ранее все же носили временный характер, и формирование особого революционного красногвардейского полка — это создало надежную опору Совета и военно-революционного комитета.

Для обеспечения борьбы с контрреволюцией была выделена чрезвычайная комиссия Совета, руководителем которой был избран самый старый большевик среди нас — товарищ Приворотский, который потом, с легкой руки Полесского комитета, стал видным чекистом, работал под непосредственным руководством товарища Дзержинского.

Избирательная кампания в Учредительное собрание имела большое значение для роста нашего влияния на массы, для углубления наших связей с массами, особенно с крестьянами.

Мы с удовлетворением видели, ощущали успех нашей большевистской Ленинской правды. Особенно врезались мне в память митинги крестьян в Вилийской волости Гомельского уезда, куда я выезжал. Крестьяне, главным образом беднейшие и бывшие фронтовики не давали говорить правым эсерам, что было для них полной неожиданностью, и бурно встречали и провожали нас, большевиков.

Мы в своих выступлениях объясняли крестьянам, что теперь, после Октябрьской революции и завоевания Советской власти, положение иное, что Учредительное собрание только тогда будет иметь большое значение, когда оно будет опираться только на Советы и Советскую власть. Они нас хорошо понимали и воспринимали, но известная инерция у значительной части крестьян, несомненно, сказалась при голосовании на выборах в Учредительное собрание.

И все же, несмотря на все это, результаты выборов оказались неожиданными для самих эсеров и меньшевиков. Эсеры, конечно, не ждали, что в уездах в ряде мест среди крестьян большевики получат 40% голосов. Особенно поразили всех результаты выборов в Вилийской волости: за большевистский список был подан 2401 голос, а за эсеровский список — 1129 голосов. Это очень важный и большой показатель — там, где крестьяне хорошо, полностью усвоили Ленинскую политику и линию большевиков и восприняли дошедшую до их души разоблачительную большевистскую критику эсеровского предательства крестьян, там крестьяне в громадном большинстве голосовали за большевиков.

Результаты выборов в Учредительное собрание по всему Могилевскому избирательному округу мы оценивали как удовлетворительные для нас, большевиков, не столько потому, что персонально председатель Полесского комитета большевиков Л.М. Каганович оказался избранным в Учредительное собрание, что само по себе означало доверие полесским большевикам, а сколько

в том, главном, что это был успех всей политики нашей великой героической Ленинской партии, обеспечившей победу первой в мире Октябрьской социалистической революции!

Вернувшись из Могилева во второй половине декабря в Гомель, я уже должен был готовиться к отъезду в Петроград, хотя, признаюсь, я скептически и критически относился к предстоящей законодательной «деятельности» в Учредительном собрании.

В Гомеле я на заседании Полесского комитета доложил о прошедшем губернском съезде Советов, о посещении Ставки, беседах с товарищами Крыленко и Мясниковым. Товарищи хорошо оценили и одобрили проделанную в целом работу по Могилеву. Все присутствовавшие, конечно, знали о моем отъезде в Петроград. Чувствовалось, что кое-кому хотелось сказать слово по этому поводу, но я намекнул руководящим товарищам не затевать ничего торжественного, что это не в наших большевистских нравах, тем более что я сам был убежден и говорил товарищам, что я скоро вернусь, поэтому я и уехал, оставаясь непереизбранным председателем Полесского комитета.

Мне оставались считанные дни, надо было торопиться с отъездом. Мы с женой Марией Марковной легко собрали свои небольшие пожитки, и то часть оставили в расчете на возвращение, но обнаружили, что ни у меня, ни у жены обувь никуда не годная — поизносилась. Воистину — сапожник без сапог, а ведь едем в Петроград! В своей мастерской я уже давненько не был. Пришлось идти туда. Рабочие на скорую руку изготовили заготовки: мне на сапоги, жене на ботинки; «докладчики» (так называлась их профессия) нарезали подошвы, стельки, задники, каблуки, я сам стал за станок и как сбивщик «сбил» сапоги и ботинки, а отдельщики их отделали так, что блестели. На этом дело в мастерской не окончилось. То, что мне легко удалось в партийной среде, чтобы избегнуть что-либо напоминающее проводы, то в мастерской не вышло: у моих друзей-товарищей сапожников были свои традиции, и они наскоро тут же в мастерской соорудили стол. Они знали, что я человек непьющий, и не насиловали, но сами выпили и свою, и мою дозу — напиться допьяна не напились (они понимали, что сейчас нельзя), но были навеселе и говорили все хорошие слова и от души желали мне всего хорошего. Каждый из них крепко расцеловался со мной с присказкой: «Не забывай нас». Я ушел наполненный душевной теплотой от встречи с рабочими и к тому

же, признаюсь, довольный своими новыми сапогами и ботинками для Марии Марковны.

За полугодие нашей работы в Гомеле, которое в такое необычное время было равно нескольким годам, мы душевно так сроднились с товарищами, что трудно было уезжать. Мы многому научились в Гомеле, в Могилеве, во всем Полесье Белоруссии в тот великий, революционный, бурный, поучительный период, когда наша родная партия во главе с Лениным готовила и совершила Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Во всей своей работе и борьбе в Гомеле, в Могилеве, в Полесье, в Полесском комитете я и мой друг по подполью, моя жена Мария Марковна, отдавали все свои организаторские и агитаторские большевистские силы и способности, всю энергию, трудолюбие и темперамент, все, что могли, для победы, работая вместе с замечательным коллективом большевиков. Я получал от них помощь, поддержку и обогатившие меня поучительные уроки. Вспоминая их, я могу и хочу им выразить свое большое большевистское спасибо за это. Гомельские, все полесские большевики Советской Белоруссии, рабочие и работницы, солдаты и трудящиеся оставили в нашей душе, моей и Марии, самые лучшие чувства глубокого уважения, любви и благодарности. Я и сегодня чувствую себя счастливым, что вместе с рабочими, солдатами, крестьянами и трудящимися всех наций, населявших Гомель, Полесье славной трудолюбивой революционной Белоруссии, активно участвовал в Великой Октябрьской социалистической революции, в завоевании власти Советов, в закладывании фундамента Белорусской Советской Социалистической республики и Великого Советского государства — Союза Советских Социалистических Республик.

Глава 4
РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕТРОГРАД

Поезд, в котором я ехал, продвигался настолько «аккуратно» и «стремительно», что я опоздал к открытию Учредительного собрания — оно открылось 5 января, а я прибыл в Петроград 6 января 1918 года.

Прочитав «Правду», я понял, что приехал я даже не к «шапочному разбору», а к похоронам. Отчет о первом и последнем заседании Учредительного собрания показал мне, что, как и следовало ожидать, эсеро-меньшевистско-буржуазное большинство отклонило оглашенную председателем ВЦИК товарищем Свердловым «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и противопоставило Учредительное собрание Советской власти. Я с удовольствием читал оценку нашей ленинской «Правдой» этого сборища разбитых Октябрьской революцией контрреволюционных партий как холопов и прислужников российских и заграничных банков и капиталистов, пытающихся вернуть потерянное, вернуть власть буржуазии и помещикам и захлестнуть петлю на шее социалистической власти и революции. Но ошиблись эти мелкотравчатые политиканы — большевики были подготовлены к такой возможности, к такой уловке.

Я с большим удовлетворением воспринял декларацию фракции большевиков, оглашенную на первом заседании Учредительного собрания. Она вытекала из тезисов Ленина, напечатанных в «Правде» еще 26 (13) декабря 1917 года, которые дали всей партии единственно правильную линию. Эти тезисы предостерегли большевиков от формального подхода к Учредительному собранию и тем более его идеализации. «Всякая попытка, прямая или косвенная, рассматривать вопрос об Учредительном собрании с формально-юридической стороны, в рамках обычной буржуаз-

ной демократии, вне учета классовой борьбы и гражданской войны, является изменой делу пролетариата и переходом на точку зрения буржуазии. Предостеречь всех и каждого от этой ошибки, в которую впадают немногие из верхов большевизма, не умевших оценить октябрьского восстания и задач диктатуры пролетариата, есть безусловный долг революционной социал-демократии».

Декларация фракции большевиков в Учредительном собрании со всей решительностью заявила, что Учредительное собрание, избранное по устаревшим дооктябрьским партийным спискам, как показали прения в течение целого дня, отвергло волю громадного большинства трудовой России, отказалось «признать завоевания Великой Октябрьской революции, советские декреты о земле, мире, о рабочем контроле и прежде всего признать власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...»

Я немедля поехал в ЦК и в военную организацию при ЦК, где встретил члена Бюро военных организаций товарища Мехоношина. Мы оба были рады встрече. Он мне коротко рассказал о работе «военки», об организации Народного комиссариата по военным делам и об Учредительном собрании, о решении ЦК и Правительства по этому вопросу. Он мне сказал, что ЦК и Совет Народных Комиссаров приняли проект декрета о роспуске Учредительного собрания, что сегодня этот декрет будет обсуждаться на заседании ВЦИК. «Я, — сказал он, — собираюсь как раз туда, поедем вместе». По дороге он мне дополнительно рассказал о том, как открылось первое заседание Учредительного собрания. «Так что, — заключил он, — тебе нечего жалеть, что ты опоздал, — зрелище было жалкое». Он рассказал мне о том, чего не было в печати: что ЦК вынужден был сместить бюро фракции большевиков в Учредительном собрании (Рыков, Каменев, Милютин) за их правооппортунистическую линию, наносящую вред единству фракции.

Мы приехали на заседание ВЦИК как раз перед выступлением товарища Ленина. Трудно передать, насколько я был счастлив возможностью вновь, второй раз в жизни видеть и слушать Ленина — любимого вождя и учителя.

Свою речь о роспуске Учредительного собрания Ленин начал с истории, доказывая, что столкновение между Советской властью и Учредительным собранием не случайное текущее явление, а подготовлено всей историей русской революции, перед которой была поставлена неслыханная задача социалистического переустройства общества. Сказав о событиях 1905 года, о революции 1917 года, Ленин с особой убедительной силой говорил о рожденных еще в 1905 году Советах, что это нечто великое, новое и небывалое в истории мировой революции как форма демократизма,

не имеющая себе равной ни в одной из стран. Как нужны были именно эти слова в момент, когда враги вопят о разрушенной демократии в лице Учредительного собрания и когда даже у не врагов «сосет под ложечкой» какое-то сомнение.

Ленин далее дал глубокий разбор самой природы Советов. Ленин высмеивает, опрокидывает тех, кто говорит, что возмущение масс, развитие революции вызвано какой-либо отдельной партией, отдельной личностью или, как они кричат, волей диктатора. «Пожар революции воспламенился исключительно благодаря неимоверным страданиям России и всем условиям, созданным войною, которая круто и решительно поставила вопрос перед трудовым народом: либо смелый, отчаянный и бесстрашный шаг, либо погибай — умирай голодной смертью». И далее Ленин вновь возвращается к Советам: «И революционный огонь проявился в том, что Советы — эта опора трудовой революции — были созданы. Русский народ совершил гигантский скачок — прыжок от царизма к Советам. Советы, разжигая пожар революции, повелительно диктуют народу: «борись, бери в свои руки все и организуйся». Ленин говорил: «Кто нам указывает на то, что мы, когда-то защищая Учредительное собрание, теперь его «разгоняем», у тех людей «мысли нет ни зерна — и только пышные пустые фразы. Ибо некогда, по сравнению с царизмом и республикой Керенского, Учредительное собрание было для нас лучше их пресловутых органов власти, но, по мере возникновения Советов, последние, конечно, как всенародные революционные организации, стали несравненно выше всех парламентов всего мира.

Народ хотел созвать Учредительное собрание — и мы созвали его. Но он сейчас же почувствовал, что из себя представляет это пресловутое Учредительное собрание. И теперь мы исполнили волю народа, волю, которая гласит: вся власть Советам. А саботаж мы сломим». Ленин с острым, ярким сарказмом высмеял заседателей в этом Учредительном собрании, сравнив бьющий ключом, полный жизнью Смольный с Таврическим дворцом, где, говорит Ленин, «я почувствовал себя так, как будто бы я находился среди трупов и безжизненных мумий... И по воле Советской власти Учредительное собрание распускается, и Советская революционная республика восторжествует во что бы то ни стало». Поднялся весь зал, бурные аплодисменты перешли в не виданную мною никогда овацию, долго, долго несмолкаемую, со всех концов неслись возгласы, и больше всех слышно было: «Да здравствует Ленин! Да здравствует Советская власть!»

Я видел и слышал выступающего Ленина второй раз. В этот — второй раз, в январе 1918 г., сразу почувствовалось, что выступает наш вождь, который уже привел свою большевистскую армию к победе Социалистической революции и власти Советов, его голос, его жесты те же, вся его речь в целом такая же — цельная, вы-

литая, выкованная из одного куска высококачественной стали. Но я, как и все, чувствовал, видел, что с ростом победивших масс и их партии, с ростом новых задач победившей власти Советов и гигантских масштабов строительства новой, социалистической жизни еще более могущественно развернулось величие и гений нашего вождя и учителя, бодро и уверенно ведущего рабочий класс, его партию, беднейшее крестьянство и молодое Советское государство к новым великим победам.

Ясная, доходчивая речь Ленина давала глубокий научный ответ всем клеветникам — и прошлым, и современным, сводившим Октябрьскую революцию к заговору большевиков, к «солдатскому бунту». Ленин в этой речи и в дальнейшем во многих своих трудах и речах доказал, что эти утверждения врагов революции смехотворны, убоги, ненаучны и невежественны, что главной причиной победы Октябрьской революции является объективная историческая необходимость и неизбежность дальнейшего развития революции. Российская революция, свергнув царизм, должна была неизменно идти дальше, не ограничиваясь торжеством буржуазной революции, ибо война и созданные ею неслыханные бедствия изнуренных народов создали почву для вспышки социальной революции. Советы выстояли как органы революционного действия, как органы революционной власти. Вся история революционной борьбы, в особенности восьми месяцев после февральской революции, заполнена именно этой борьбой в Советах, которые стали центром, обеспечившим союз рабочего класса и крестьянства, союз всех народов бывшей царской тюрьмы угнетенных народов и наций, и могучим органом власти — диктатуры пролетариата.

Фактами истории установлено, что эсеро-меньшевики вместе с кадетами и черносотенцами готовили вооруженное контрреволюционное восстание для борьбы за лозунг — за возврат к старому свергнутому строю. Им удалось устроить антисоветскую демонстрацию с преобладанием переодетых офицеров, части студентов, чиновников, банковских и иных служащих с лозунгом «Вся власть Учредительному собранию». В ответ Петроградский пролетариат под руководством своей большевистской партийной организации 6 января вышел на улицы и площади Петрограда мощной полумиллионной демонстрацией с лозунгами «Долой контрреволюционное Учредительное собрание!», «Да здравствует власть Советов — диктатура пролетариата!», «Да здравствует Советское правительство и Великий Ленин!», «Да здравствует III Всероссийский съезд Советов!».

Центральный Комитет партии большевиков, его руководитель Ленин учитывали трезво, по-марксистски политическую ситуацию обостренной борьбы врагов Советского строя, идущих на развязывание широкой гражданской войны под флагом Учредитель-

ного собрания. Поэтому партия и ее ЦК мобилизовывали все революционные силы для отпора врагам Октябрьской революции.

Объявляя о созыве Учредительного собрания, Советское правительство одновременно постановило: «Центральный Исполнительный Комитет считает необходимым всей организационной силой Советов поддержать левую половину Учредительного собрания против ее правой, буржуазной и соглашательской половины, и в этих целях постановляет созвать на 8 января третий Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов и 12 января третий Всероссийский съезд крестьянских депутатов».

Жизнь показала, насколько дальновидно и правильно Советское правительство решило созвать III съезд Советов, который противопоставил фальшивой «воле» Учредительного собрания, выражавшего интересы буржуазии, помещиков, кулаков и купцов, волю рабочих, крестьян и эксплуатируемых трудящихся всех наций и народностей, волю, требовавшую положить конец всем контрреволюционным попыткам вернуть старое буржуазно-помещичье господство.

III съезд Советов, на котором я имел честь и счастье быть делегатом, открылся в Таврическом дворце 10 января 1918 года.

На всю жизнь врезалось в память торжественное открытие съезда. Когда товарищ Свердлов объявил съезд открытым, несколько духовых оркестров сыграли «Интернационал», а затем и «Марсельезу», после чего делегаты с большим подъемом спели «Интернационал». Это был съезд революционных победителей.

Свой доклад тов. Ленин начал со сравнения с Парижской Коммуной, подчеркнув, что он отчитывается за 2 месяца и 15 дней, что всего на 5 дней больше того срока, в течение которого существовала рабочая власть парижских рабочих. По сравнению с властью парижского пролетариата мы в гораздо лучшем положении. Русские солдаты, рабочие и крестьяне создали Советы и Советское правительство, опирающееся на широчайшие массы, и поэтому Советская власть непобедима. Были и есть еще люди, относившиеся к Советской власти скептически, сознательно или бессознательно продавали и предавали ее, шли на соглашательство с капиталистами, шумели о том, что в России не удержится власть одного пролетариата, изображая, будто большевики этого не понимают. На самом-то деле большевики всегда говорили и помнили, что только союз рабочих и беднейших крестьян, полупролетариев может объединить большинство населения России и обеспечить прочную Советскую власть.

Помню, с каким подъемом и воодушевлением делегаты съезда в перерыве делились своими впечатлениями в кулуарах Таврического дворца, как горячо делегаты — простые рабочие и солдаты

вступали в спор с меньшевиками и костили их всеми, далеко не парламентскими словами.

Помню такой острый и горячий спор с Мартовым, в который и мне довелось включиться. Когда я увидел большую группу спорящих с Мартовым в центре ее, я подошел и услышал, как Мартов хриплым голосом кричал, отбиваясь от наседавших на него с репликами и вопросами солдат и рабочих. Мартов вне себя кричал: «Да как вы можете, как смеете вы называть меня контрреволюционером? Я критикую большевиков и вашего Ленина за то, что вы захватили власть, ее не удержите и погубите всю русскую революцию». — «Не беспокойтесь, — сказал я, — удержим власть пролетариата покрепче, чем ваш Церетели «удержал» власть буржуазии и помещиков». — «Я не защищаю Церетели!» — опять вскрикнул Мартов. «Но вы, — сказал я, — с ним в одной партии и в одном ЦК, а после Октябрьской революции вы одним голосом нападаете на нас, большевиков, и тянете назад к власти буржуазии. Мы вас знаем как человека, который еще в давние времена вместе с Лениным создавали «Союз освобождения рабочего класса», и за это мы вас уважали, но потом вы сползли на путь оппортунизма; вы субъективно считаете себя революционером, но попали вы в одну компанию с контрреволюционерами, поэтому товарищи делегаты правильно вас величают контрреволюционером». — «Я, — опять вскрикнул Мартов, — считаю вашу революцию исторически незакономерной! Это не революция, а захват власти, которую вы не удержите и погубите русскую революцию. Поскольку вы, большевики, у власти, я выступаю против вас и вашего Ленина за злоупотребление властью, за террор; я требую изменения политики в сторону демократии». — «Какой демократии, — спросил я, — буржуазной или рабочей демократии?» Мартов не сразу ответил, но потом сказал: «Демократии, то есть свободы, а не диктатуры». — «Но вы ведь, кажется, сами, — спросил я, — участвовали в составлении программы в 1903 году, где записано о диктатуре пролетариата?» — «Да, — ответил он, — я участвовал, но имея в виду исторически закономерную революцию, а не такую, как ваша». — «Это, — сказал я, — в один голос говорят все защитники буржуазии. Скажите, пожалуйста, — задал я ему вопрос, — как Маркс относился к Парижской Коммуне?» Он ответил: «Он ее считал несвоевременной, но не выступал против нее». Тогда, обращаясь к солдатам и рабочим-делегатам, я сказал: «Неверно говорит Мартов. Маркс не только не выступал против Парижской Коммуны, а всей силой своей революционной страсти и гениального ума выступал в защиту Парижской Коммуны и проклинал ее врагов. Он считал Коммуну высшим проявлением революционного творчества рабочего класса, давшего прообраз

пролетарского государства — диктатуры пролетариата, а Мартов, считающий себя «марксистом», брызжет ядовитой слюной на Российскую Коммуну, на Советскую власть, являющуюся диктатурой пролетариата, и на вождя революции — Ленина». На это Мартов выкрикнул: «Маркс был в эмиграции, а я здесь нахожусь, и я не могу проявлять такого великодушия». — «Дело, — ответил я, — не в великодушии, а в вашем меньшевистском малодушии и антиреволюционности, в вашей податливости контрреволюционерам, в вашей старой реформистской антимарксистской позиции по отношению к революции. Вот вы говорите, что заботитесь о судьбе революции. На деле вас заботит судьба мелкобуржуазных мещан и даже буржуазии, а вам следует позаботиться о своей судьбе — большого человека, оказавшегося по ту сторону революционных баррикад вместе с контрреволюционерами. А что касается судеб революции, то мы, особенно после сегодняшнего доклада товарища Ленина, который выражает волю пролетариата, полны уверенности в победе социализма». На этом и закончилась кулуарная дискуссия группы рабочих и солдатских делегатов с виднейшим меньшевиком Мартовым. В общем, надо сказать, что этот крупнейший и умнейший из меньшевиков выглядел довольно жалко и мелко. Видимо, невозможно блистать умом, когда политика глупа.

По докладу товарища Ленина выступили многие товарищи с мест, которые горячо одобряли доклад товарища Ленина и всю политику Совета Народных Комиссаров. Выступил и Мартов. Он повторил всю позицию представляемой им меньшевистской партии, приукрашивая ее, что она, дескать, не выступает вместе с контрреволюцией. Он заявил, что нельзя сравнивать Парижскую Коммуну с Советской властью, которая-де более жестока, чем Парижская Коммуна. Он сослался на то, что, хотя в первый день восстания Парижская Коммуна расстреляла двух генералов, ряд жестокостей она проявила и в последние дни, о которых буржуазия потом десятки лет кричала, но в течение 70 дней не нарушалась политическая свобода, а теперь у нас, мол, применяются методы нарушения демократических свобод. Мартов говорил о невозможности осуществления при данных условиях идей социалистического строя. Когда с мест делегаты подали реплики с напоминанием об участии меньшевиков в Комитете спасения, организовавшего контрреволюционное восстание юнкеров и поддерживавшего восстание Керенского и Краснова, Мартов, явно смутившись, сказал, что, может быть, многие партии, в том числе и меньшевики, были запутаны в этой авантюре, но отрицал участие меньшевиков в восстании юнкеров и говорил, что меньшевики отозвали своих представителей из Комитета спасения. На реплику, что это было уже после победы над юнкерами и Керенским,

он ничего не ответил. После выпадов против Советской власти, «нарушающей демократию», Мартов говорил, что Советская власть в конце концов должна будет изменить свою политику во имя осуществления своих лозунгов.

Выступивший меньшевик Суханов упростил свою задачу, заявив, что дело, мол, не в диктатуре пролетариата и демократии, а в том, что Советская власть ведет линию борьбы против всех тех, кто высказывается против Ленина. Такая, мол, тактика приведет к поражению революции.

В своем заключительном слове Ленин не оставил камня на камне от выступлений Мартова и Суханова. Он высмеял утверждения ораторов «справа» о том, будто большевики стояли за диктатуру демократии, за власть демократии — это нелепое, абсурдное и бессмысленное заявление. «Это все равно, — сказал Ленин, — что сказать — железный снег».

Ленин сказал далее: «Демократия есть одна из форм буржуазного государства, за которую стоят все изменники истинного социализма, оказавшиеся ныне во главе официального социализма и утверждающие, что демократия противоречит диктатуре пролетариата. Пока революция не выходила из рамок буржуазного строя, мы стояли за демократию, но, как только первые проблески социализма мы увидели во всем ходе революции, мы стали на позиции, твердо и решительно отстаивающие диктатуру пролетариата. Демократия, — говорил Ленин, — формальный парламентаризм, а на деле — беспрерывное жестокое издевательство, невыносимый гнет буржуазии над трудовым народом».

К этому времени открывшийся III съезд крестьянских делегатов постановил слиться со съездом Советов рабочих и солдатских депутатов. С большим подъемом и полным единодушием (за исключением небольшой кучки правых отщепенцев) съезд принял по докладам Свердлова и Ленина резолюцию, полностью одобряющую политику и деятельность Советского правительства, и решение: исключить из наименования Правительства слово «Временное». Впредь именовать «Рабочее и Крестьянское правительство Российской Советской Республики». Это решение съезд принял при бурных аплодисментах.

Съезд заслушал доклад товарища Сталина по национальному вопросу. Товарищ Сталин начал с того, что подчеркнул важность и большое значение этого вопроса, который волнует в настоящее время Россию. «Серьезность этого вопроса усугубляется тем, что великороссы не составляют абсолютного большинства населения в России и окружены кольцом других недержавных народов, населяющих ее окраины». Товарищ Сталин подробно доложил о конституционных началах федерального устройства Россий-

ской Советской Республики. Верховным органом Советской Федерации является съезд Советов, а в промежутках между съездами — ЦИК. По докладу товарища Сталина выступил ряд ораторов.

Как выходец из Украины, я обратил на это особенное внимание и поэтому хорошо помню выступление товарища Затонского — представителя Всеукраинского ЦИКа Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Он разоблачал буржуазно-националистическую политику Рады, разрешающей национальный вопрос против русских рабочих, солдат и крестьян, разжигая националистические страсти. В то же время Рада поддерживает представителя махровых великорусских шовинистов — Каледина. Рада пользуется финансовой и прочей поддержкой иностранных империалистов. Товарищ Затонский доложил съезду об образовании Советской Республики Украины, в которую входит сейчас весь Донецкий бассейн, Екатеринослав, Полтава, Харьков и много других районов Украины. Рада оторвана от самых жизненных рабочих и зерновых районов Украины. «Сейчас идет наступление на Сарны, и мы надеемся, что, несмотря ни на какие трудности, мы одержим победу над Радой». Съезд хорошо, дружными аплодисментами встретил приветствие товарища Затонского и его заверения, что украинские рабочие, солдаты и крестьяне будут вместе с рабочими, крестьянами всей Советской Федерации. Были выступления и оппозиции справа (Мартова и других) с критикой Советской власти за жестокости в борьбе с Украинской Радой.

В своем заключительном слове товарищ Сталин указал, что речь идет о борьбе с буржуазной контрреволюцией, которая прикрылась оболочкой национально-демократической формы. Товарищ Сталин подверг подробному разбору политику Рады, которая, например, на словах объявила о передаче земли народу, а на деле опубликованным вслед за этим разъяснением установила неприкосновенность части помещичьих земель. Рада арестовывает советских работников, разоружает советские войска, помогает Каледину и действует как злейший враг революции. Съезд принял предложенный товарищем Сталиным «Проект резолюции о федеральных учреждениях Российской Республики», который, как сказал Сталин в заключительном слове, не является законом, а намечает лишь общие основы будущей Конституции.

18 января съезд принял важнейший — основной закон о социализации земли. Выступившая от левых эсеров Мария Спиридонова сказала: «Крестьянские депутаты пришли работать вместе с вами, чтобы осуществить свою мечту о социализации земли, и вот теперь она осуществлена — начинается новая эра жизни».

Выступали крестьяне, которые приветствовали Правительство и Ленина за то, что они сделали для крестьянства, для всего народа.

Выборами в Центральный Исполнительный Комитет закончилась работа III съезда Советов. Предварительно заседала наша фракция большевиков, на которой намечались и обсуждались кандидаты в члены ЦИК. Заседание проходило по-деловому, спокойно. Должен сказать, что я лично был ошеломлен, когда неожиданно товарищ Свердлов огласил мою фамилию в списке членов ВЦИК. Не скрою, что я испытывал смешанное чувство смущения и вместе с тем благодарности за оказанное мне доверие партии и съезда. С тех пор, с 1918 года, я переизбирался почти во все созывы ВЦИКа, а затем в Верховный Совет до 1958 года. Таким образом, я в течение почти 40 лет состоял депутатом Верховных органов Советской Республики.

В состав ЦИКа было избрано 300 большевиков, 150 левых эсеров, несколько объединенных интернационалистов, несколько анархистов, 5 эсеров-максималистов и даже по 5 от меньшевиков и эсеров — центра. Это опровергает клевету врагов, будто сразу после Октябрьской революции большевики отстранили от участия в политической жизни страны все другие партии. Лишь в ходе борьбы, когда эти партии показали себя активными врагами Советского государства, диктатура пролетариата вынуждена была устранить их с пути для обеспечения победы нового, социалистического государства над его злейшими врагами — белогвардейцами и иностранными империалистическими интервентами.

Перед закрытием съезда Советов с яркой заключительной речью выступил наш Великий вождь — глава нового Советского правительства товарищ Ленин. «Товарищи, — сказал Ленин, — перед закрытием III съезда Советов необходимо с полным беспристрастием установить ту историческую роль, которую сыграл этот съезд в истории международной революции, в истории человечества. Третий съезд Советов открыл новую эру всемирной истории».

После III съезда Советов, после речи Ленина мы все, делегаты съезда, выросли, поднялись на новую ступень в понимании задач — внутренних и международных и с еще большей готовностью ринулись на борьбу за преодоление препятствий, стоявших на пути окончательной победы социализма в России и во всем мире!

Глава 5
СОЗДАНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ

В своем выступлении на III съезде Советов товарищ Ленин говорил о том, что старая царская армия отошла в прошлое — она исторически отдана на слом. Он подчеркнул, что Советская власть создаст новую, социалистическую армию из людей, которыми руководят идеи борьбы за освобождение эксплуатируемых, что, когда эта работа будет закончена, Российская Советская Республика будет непобедима.

Эта задача стала первоочередной важнейшей задачей партии и Советской власти. Она остро диктовалась разгоравшейся внутри страны гражданской войной белой гвардии с победившими в революции рабочими и крестьянами, вероломным наступлением кайзеровской немецкой армии и коварными замыслами интервенции империалистических держав Антанты.

Уже с первых дней моего приезда в Петроград Всероссийское бюро военных парторганизаций при ЦК вовлекло меня в разработку вопросов поставленной Лениным задачи — создания новой, Советской Армии. После окончания заседания ВЦИК 6 января товарищи Подвойский и Мехоношин позвали меня на заседание Всероссийского бюро, на котором были заслушаны сообщения товарищей о ходе разработки проектов декрета и положения об организации новой армии. По этим сообщениям было признано, что необходимо ускорить окончание этой работы, тем более что по указанию ЦК и Ленина на III съезде Советов должна быть создана военная секция съезда, на которой необходимо обсудить эти проекты.

Товарищ Подвойский внес предложение «включить в эту работу товарища Кагановича Л.М., который является делегатом III съезда Советов и поможет нам в работе военной секции съезда». Другие товарищи поддержали и предложили вообще взять его на

постоянную работу в создаваемую Всероссийскую коллегию по организации Красной Армии. Я сказал, что с удовольствием займусь этой важной боевой работой, но необходимо иметь в виду, что я связан с Полесской партийной организацией и еще являюсь председателем Полесского комитета; что я приехал в Петроград временно и должен вернуться обратно, так как там много работы по закреплению Советской власти. «Ну, — сказал Подвойский, — это дело ЦК, он имеет право и отозвать вас. Мы этот вопрос поставили перед ЦК и надеемся, что ЦК примет наше предложение. А пока что, не дожидаясь решения ЦК, Всероссийское бюро поручает вам немедля включиться в работу временного бюро по организации новой армии, выделенного съездом по демобилизации армии. Прежде всего необходимо подготовить проект создания организационно-оперативного отдела создаваемой Всероссийской коллегии по организации новой армии». Таким образом, еще до решения ЦК я окунулся в практическую работу по этому новому и трудному делу.

В октябре Красная гвардия выросла количественно и качественно как мощная «ударная сила» пролетарской революции. В Петрограде она уже насчитывала 40–50 тысяч красногвардейцев, в Москве — примерно 15 тысяч.

Проявив героизм в борьбе с вооруженной контрреволюцией, неимоверную храбрость и боевую сметку в штурме помещичье-капиталистического строя, Красная гвардия в военно-техническом отношении была все же слаба для войны с вымуштрованными, военно-обученными ордами белых офицеров и с внешними империалистическими интервентами — как немецкими, так и антантовскими. Восторгаясь от всей души нашей рабочей Красной гвардией, мы видели и тем более теперь видим ее большие военные недостатки. Это была, по существу, приведенная в боевой порядок рабочая, народная милиция. Она была недостаточно вооружена и обучена тактике и практике боя, да и управление ею не носило строго военного характера. Мы видели и то, что нередко страдала боевая дисциплина, особенно когда красногвардейские отряды отрывались от своих промышленных центров и оказывались на фронте. Там не только у отдельных групп матросов, но и у отдельных элементов Красной гвардии имели место факты нарушения воинской дисциплины.

В декабре в Петрограде, в Москве, в Белоруссии и на Украине, других центрах страны и на фронтах закипела творческая инициатива по организации новой, социалистической армии. Изученные в январе 1918 года отчетные материалы, обращения, проекты инструкций, положений и так далее показали, что к январю уже была проделана серьезная подготовительная работа.

В декабре была издана «Инструкция по формированию рево-

люционных батальонов Народной социалистической гвардии» за подписью Главковерха Крыленко. В этой инструкции указывается, что Народная социалистическая гвардия формируется из солдат действующих армий на основе добровольчества, с тем, однако, что кроме личного желания требуется рекомендация войсковых комитетов. В инструкции предусматривается формирование рот, батальонов, полков и корпусов.

Положение о формировании революционной Красной Армии было разработано командованием Северного фронта; выпущено обращение об организации «Народной армии» и командованием Западного фронта. Фактически некоторые такие формирования были созданы, но они оказались временными, сыгравшими известную роль в борьбе с немцами, с Калединым и петлюровской контрреволюцией. Но вскоре эти формирования демобилизовались, а лучшие, более устойчивые элементы влились в формировавшуюся армию в январе после декрета Совета Народных Комиссаров.

Большая подготовительная работа была проделана в Петрограде. Здесь инициатива принадлежала военной организации партии и ее Всероссийскому бюро. Фактически первое руководство Народного комиссариата по военным и морским делам состояло из руководящих деятелей Всероссийского бюро военных организаций партии. Оно же и руководило Всероссийским съездом по демобилизации армии, который не ограничился разработкой мероприятий по демобилизации такой большой армии, но, по указаниям Ленина, занималось вопросами организации новой, социалистической армии.

Всероссийское бюро военных организаций при ЦК не раз само собиралось и созывало широкие собрания военной организации для обсуждения и разработки вопросов организации новой армии.

Всюду красной нитью проходит единый принцип добровольчества.

На основе этих совещаний и документов фронтов было разработано и утверждено первое «Положение об организации социалистической армии» за подписью: «Народный Комиссариат по военным делам».

Нужно сказать, что штаб Красной гвардии оказался уже в декабре оперативным, жизнеспособным центром формирования отрядов для немедленной помощи фронтам — старым и новым. Уже к началу января 1918 года был сформирован первый отряд для отправки на фронт.

Какое большое политическое значение имела эта отправка на фронт из Питера этого первого отряда Красной гвардии, показывает то, что на проводы этого отряда приехал и выступил перед солдатами Владимир Ильич Ленин.

Январь был месяцем начала Красной Армии. Февраль был месяцем ее боевого крещения. Уже в первые дни моего пребывания в Петрограде я не только изучал материалы, документы, которые мне дал товарищ Подвойский, но, по его же указанию, побывал в районах Петрограда, в первую очередь в Выборгском районе — в этом питерском Кронштадте. Я увидел, что действительно работа закипела — идет напряженная работа по вербовке в новую армию. Отряды Красной гвардии перестраивались. Из отрядов Красной гвардии и добровольцев — матросов и революционных солдат — формировался батальон социалистической армии, который должен был иметь специальные команды: пулеметные, команды связи и другие. Первый пулеметный полк оказал большую помощь выделением оружия и командиров-инструкторов. Но пока что все сосредоточивалось вокруг отрядов и штабов Красной гвардии. Вербовочных пунктов Советов еще не было, они появились потом; необходимо было ускорить их организацию и издание необходимых окончательно оформленных инструкций и положений.

К 10 января нами, совместно с товарищами из временного бюро, были разработаны предложения об организационно-агитационном отделе будущей Всероссийской коллегии по организации Красной Армии. Вопрос был мною поставлен на заседании временного бюро съезда по демобилизации, которое обсудило мои предложения.

Хотя основное руководящее ядро работников было уже подобрано и фактически работа уже начиналась, но полного разворота работы еще не было, поскольку не только отделы, но и сама Всероссийская коллегия по организации Красной Армии не была еще официально оформлена.

На созванном заседании Всероссийского бюро военных организаций Николай Ильич Подвойский доложил, что товарищ Ленин требует ускорения разработки проекта декрета и обсуждения его на военной секции III съезда Советов и представления его в Совет Народных Комиссаров. Все товарищи согласились принять участие в военной секции. Для организации и руководства секцией бюро выделило трех делегатов съезда Советов: товарищей Подвойского, Крыленко и Кагановича.

До созыва военной секции делегатов III съезда Советов было еще раз собрано заседание Всероссийского бюро военных организаций для предварительного рассмотрения проекта декрета об организации новой армии и о порядке проведения заседаний военной секции съезда.

На этот раз собрались мы у товарища Подвойского в бывшем кабинете военного министра, шикарно обставленном. В связи

с этим некоторые из нас отпускали шутки в адрес нашего скромного друга и руководителя: «Ишь ты куда забрался, пропал наш массовик Николай Ильич, теперь до него не доберешься». — «Не беспокойтесь, друзья, — полушутя-полусерьезно ответил он, — большевик, если он настоящий, всюду и всегда останется большевиком — не место красит человека, а человек место. Ведь все это обставлено на народные деньги, не выбрасывать же — надо использовать». После этой шуточной увертюры приступили к обсуждению вопроса.

О проекте декрета об организации новой армии доложили товарищи Крыленко и Подвойский. Проект был очень большой — нечто среднее между воззванием и декретом. Помнится, что он был раза в три-четыре длиннее, чем впоследствии изданный декрет. Большинство прежде всего высказалось за сохранение проекта, сделав его более четким и ясным.

По существу принципа добровольности все единодушно высказались за этот принцип, иного в настоящий момент быть не может: солдаты старой армии находятся в состоянии демобилизации, устали, измучены войной; зачислять механически в новую армию даже лучших из них невозможно было. Партия считала, что через известное время, после того как солдаты побывают дома, получат помещичью землю, они, по крайней мере многие из них, станут вновь боевыми солдатами, защитниками завоеваний Октябрьской революции. К тому же командный состав в громадном большинстве враждебен революции и призывать его теперь в обязательном порядке невозможно; нужно, особенно вначале, выковывать новый командный состав преданных Советскому строю, привлекая лишь персонально старых военных специалистов. Поэтому в данный момент единственный способ создания новой армии — добровольчество. Условились, что именно в этом духе и надо объяснять принцип добровольности и призывать боевых рабочих и сохранивших свою боеспособность и энтузиазм солдат и матросов вступать добровольцами в новую армию. Но и добровольцев не просто зачислять всех, кто захочет, а установить необходимость рекомендации войсковых комитетов и организаций, стоящих на платформе Советской власти.

После обсуждения проекта декрета заслушали и обсудили краткое сообщение о том, что уже делается для организации новой армии. Товарищ Подвойский, доложив об этом, предложил подтвердить решение, чтобы все члены Всероссийского бюро немедля включились в эту работу, в том числе и те, которые сейчас находятся на общепартийной работе, и, повернувшись ко мне, сказал: «Вот товарищ Каганович уже включился в работу, но все еще считает себя связанным с Полесской парторганизацией и затрудняется дать свое окончательное согласие. Давайте примем окончательное решение о полном переходе

товарища Кагановича на работу по организации Красной Армии и доложим в ЦК, а ЦК, надеюсь, примет наше предложение». Бюро приняло это предложение. После краткого обмена мнениями о неотложных мерах бюро поручило тт. Подвойскому, Крыленко, Мехоношину и Кагановичу, с привлечением из штаба Красной гвардии тт. Трифонова и Юренева, срочно переработать проект декрета и организовать его обсуждение на военной секции съезда Советов.

Проект декрета был сокращен и рассмотрен на военной секции съезда. Председателем секции был избран тов. Крыленко. Доклад о проекте декрета сделал тов. Подвойский. Обсуждение было оживленным; в выступлениях затрагивались и вопросы, выходившие за рамки декрета. Часть делегатов — солдат, по преимуществу с фронта, — подчеркивали, что главный контингент добровольцев должны дать тыловые гарнизоны, Красная гвардия и заводы, потому что солдаты фронта измучены и стремятся поскорее домой. Другие делегаты, в том числе и некоторые с фронта, им возражали и говорили, что и на фронте есть немало солдат и таких, у которых в деревне ни кола, ни двора, ни семьи, которые охотно пойдут в новую армию, что на фронте уже формируются некоторые части новой армии. Выступили представители флота — моряки, которые твердо заявили, что матросы в большинстве останутся во флоте, на кораблях и готовы по зову Рабочего и Крестьянского Правительства организовать отряды моряков, чтобы и на суше защищать завоевания революции.

Местные товарищи поставили ряд организационных вопросов, но на первом заседании секции решили еще раз собраться для обсуждения этих вопросов, так как нельзя откладывать представление декрета в Совет Народных Комиссаров. Товарищ Подвойский нам сказал, что по этому вопросу уже был обмен мнениями на Совете Народных Комиссаров и товарищ Ленин уже внес ряд поправок и требует еще большего его сокращения. Отредактировав еще раз проект декрета, мы его представили товарищу Ленину. 14 января товарищ Подвойский предупредил нас, что, возможно, товарищ Ленин вызовет нас для рассмотрения проекта декрета.

И действительно, 15 января товарищи Крыленко, Подвойский, Трифонов и Каганович были вызваны к т. Ленину. Ленин встретил нас приветливо и оживленно и сразу задал ряд вопросов: как отнеслись делегаты, участвовавшие в совещании военной секции съезда, к проекту декрета, какие поправки вносили, как вообще настроены делегаты и др. Товарищ Крыленко подробно доложил тов. Ленину, и после ответа на вопросы Ленин приступил к рассмотрению проекта декрета.

Товарищ Ленин очень внимательно, и не один раз, прочитал проект и после краткого раздумья начал вслух читать и рассматривать

проект пункт за пунктом. В мою память врезались главнейшие его поправки. В вводной части было сказано, что «старая армия служила орудием классовой борьбы в руках буржуазии», — товарищ Ленин сказал: это верно, но для масс яснее будет, если мы скажем: «Старая армия служила орудием классового угнетения трудящихся буржуазией». Мы все, конечно, согласились, что так лучше будет; эта формулировка яснее определяет классовую роль и природу старой армии и послужит тезисом для наших агитаторов при разъяснении декрета. Далее в проекте было записано: «Красная Армия создается без принуждения и насилия: она составляется только из добровольцев». Тов. Ленин, обратившись к нам, спросил: «Что же вы думаете, что это уже гарантирует надежность армии? Ведь добровольцы разные бывают, а в настоящий острый момент важен классовый характер создаваемой новой армии». И тут же он предложил заменить нашу формулировку следующей: «Рабоче-крестьянская Красная Армия создается из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся классов». Мы все с радостью согласились и с этой поправкой, и это было записано первым пунктом принятого декрета. Далее тов. Ленин улучшил следующую формулировку проекта: «В Красную Армию поступает каждый, кто готов отдать свои силы, свою жизнь для защиты завоеваний Октябрьской революции и власти Советов», добавив в конце: «и социализма». А какой глубокий смысл, какое важное значение для большевика имеет это слово «социализм»! Мы переглянулись, улыбнулись, точнее посмеялись над собой, как бы говоря себе — «вот как мы промахнулись, упустили записать главное — социализм. Как хорошо, что есть Ленин, который поправил нас».

Далее тов. Ленин обратил внимание на пункт об обеспечении семей красноармейцев. Обратившись к нам, тов. Ленин спросил: «А вы убеждены в том, что местные органы власти будут в силах выполнить все, что здесь записано?» После нашего ответа, звучавшего довольно-таки неуверенно, тов. Ленин сказал: «Надо обещать только то, что можно выполнить, а тут очень размашисто написаны обещания, которые в настоящих условиях разрухи в народном хозяйстве, в финансах наши Советские органы вряд ли сумеют полностью выполнить. Необходимо записать примерно так: «Нетрудоспособные члены семей солдат Красной Армии, находившиеся ранее на их иждивении, обеспечиваются всем необходимым по местным потребительским нормам, согласно постановлению местных органов Советской власти». Так и было записано в принятом декрете. После внесения поправок в проект товарищ Ленин сказал: «Ну, теперь внесем этот проект на заседание Совнаркома».

На заседании Совнаркома обсуждение не заняло много времени. Проект с поправками тов. Ленина был принят единогласно.

Я должен здесь сказать, что на меня пребывание у товарища Ленина произвело неизгладимое на всю жизнь, большое впечатление. Все мы слышали не раз о простоте и доступности Ленина, но мне кажется, что слово «простота» не выражает всей сути, хотя другого слова и я не нахожу. Но я бы добавил, что это не «уменье держать себя просто», а безыскусственная, естественная простота, вытекающая из равноправного, товарищеского отношения к другим. Ведь вот Ленин делал свои критические замечания по нашему проекту, вносил свои поправки, всячески стараясь убедить нас в их логичности и необходимости, ни на йоту не подчеркивая какого-либо превосходства. Мы принимали его замечания и поправки без возражений и сомнений не потому только, что мы преклонялись перед авторитетом Ильича или, как чиновники, принимали все, что он говорил, как ядовито сказали бы иные «критически мыслящие личности», а потому, что Ленин убедителен своей железной логикой. Ленин выглядел уставшим, но какая оживленность, активность при рассмотрении проекта и какая конкретность, деловитость в поправках. Признаюсь, что меня особенно поразила, потрясла память Ленина, я никогда не думал, что он мог помнить меня по конференции военных организаций в июне 1917 года. А когда тов. Подвойский сказал: «Вот товарища Кагановича, который сейчас работает председателем Полесского комитета партии, мы хотим взять к нам на эту новую работу по организации Красной Армии», товарищ Ленин сказал: «Помню, помню товарища Кагановича по военной конференции. Он ведь выступал по моему докладу... Это хорошо, что вы его берете сюда, для работы по организации новой Красной Армии. Пусть товарищ Каганович поработает на этом важном деле, но согласуйте это с товарищем Свердловым».

Нечего и говорить, как воодушевило меня пребывание у Ленина.

После окончания съезда Советов товарищ Свердлов получил возможность принять меня и Подвойского по вопросу о моей работе. Прием был кратким, в приемной ждало много делегатов с мест. «Что вы, товарищ Каганович, можете сказать по поставленному Подвойским вопросу?» — спросил меня Свердлов. Я коротко изложил то, что я уже говорил Подвойскому. «Знаете, товарищ Каганович, — ответил Свердлов, — я вам сразу скажу наше мнение, мы уже обменивались по этому поводу. Вы, конечно, правы, что на местах люди нужны, и мы ценим то, что вы не гонитесь за работой в центре, а хотите оставаться на местной работе, но, во-первых, мы формируем в центре новый государственный аппарат, в особенности такой новый, как для организации новой армии — вы теперь уже избраны съездом Советов во ВЦИК, и это вам придает нужный для нового дела, организации армии, авторитет, так как в проектируемом организационно-агитационном отделе Всероссийской коллегии вам придется

иметь дело со всеми местными Советами и парторганизациями. Что касается Полесского комитета, то нужно учесть, что теперь это уже будет не тот Полесский комитет, который играл роль областного, которому подчинялся и губернский центр Могилев и даже ряд других районов Белоруссии и Украины; теперь Могилев будет губернским центром, и Гомель хотя и останется важным пунктом, но в составе Могилевской губернии; во-вторых, в Гомеле есть хорошие старые большевики, такие, как, например, Приворотский, Хатаевич, которые смогут вас заменить. Вам и не следует выезжать даже для сдачи дел — это при теперешнем состоянии транспорта дело затяжное, а вам нужно приступать немедля к новой работе здесь, в Питере». Я встал и сказал: «Сделаю все, Яков Михайлович, чтобы оправдать доверие Центрального Комитета». На этом, собственно, и кончился наш разговор.

Прощаясь, товарищ Свердлов сказал: «Нам с вами придется еще не раз встречаться, так как организационно-агитационный отдел, которым вы будете руководить, является самым близким к ЦК и ВЦИКу отделом».

Хотя мне было жаль, что я не могу вернуться в Белоруссию — Могилевщину и Гомельщину для завершения работы по укреплению Советской власти, но работа по организации Красной Армии захватила меня, и я отдал ей все свои силы и энергию.

Поскольку кадры отделов Всероссийской коллегии были в основном подобраны еще до юридического оформления отделов, то организационный период не занял много времени. В своем последующем отчете Всероссийской коллегии я так описал этот период: «С назначением ответственного комиссара 22 января организационно-агитационный отдел был сконструирован 25 января и приступил к работе. Первой задачей отдела была выработка основных положений и конструкции самого отдела для правильной планомерной его работы. Задача эта тут же была проведена в жизнь. Отделом выработаны в срочном порядке соответствующие положения, которые и были утверждены Всероссийской коллегией в заседании 30 января».

Аппарат всего отдела был небольшим, всего 25 человек. Отдел состоял из двух подотделов: организационного и агитационно-просветительного. Интересен и для сегодняшнего дня тот факт, что оклады были установлены без большого разрыва между руководством и исполнителями. Так, например, комиссар отдела получал 500 рублей в месяц (по тогдашнему курсу рубля это была сумма небольшая), заведующие подотделами тоже 500 рублей в месяц, его помощник 400 рублей, секретарь отдела 450 рублей в месяц, делопроизводитель 400 рублей, регистратор бумаг 350 рублей, машинистка 350 рублей и т. п. Интересно еще то, что все товарищи, работавшие еще до оформления отдела, фактически не получали оплаты, так как финан-

совый отдел Коллегии отказал в выплате ввиду того, что отдел не был юридически оформлен, и люди не протестовали, а приняли это как должное. Рабочий день был установлен 7 часов — с 10 до 5, а фактически работали по 12–14 часов и по праздничным дням.

Должен сказать, что хотя нигде еще не было опубликовано и оформлено существование отделов Всероссийской коллегии, но уже во время съезда Советов и особенно после его окончания делегаты съезда Советов с мест обращались в организационно-агитационный отдел, начавший размещаться в Мариинском дворце, и лично ко мне по вопросам организации Красной Армии. Приходившие товарищи ставили не только организационные вопросы, но и материально-финансовые. Представители с мест знали, что 16 января вслед за основным декретом Владимир Ильич Ленин подписал декрет Совета Народных Комиссаров об ассигновании 20 миллионов рублей на организацию Рабочей и Крестьянской Красной Армии. Для того времени это была значительная сумма, но это было немного по сравнению с потребностями и их направлением, предусмотренным декретом. Из отпускаемой суммы, говорилось в декрете, открываются кредиты местным областным, краевым Советам, армейским комитетам, штабам Красной Армии для организации Рабочей и Крестьянской армии, для снабжения солдат организуемой армии и их семей, для организации Центрального Управления.

По организационным вопросам, хотя мы и не имели еще утвержденной инструкции, но по имевшемуся проекту мы давали товарищам с мест определенные советы и указания, в том числе даже по вооружению. Например, советовали прежде всего взять на учет все, что осталось от старой армии, призвать, а то и приказать тем, кто имеет оружие (а у многих бывших солдат оно было), сдать его Советским органам. Мы, со своей стороны, обещали им также помощь оружием и снаряжением из центра. Что касается финансирования, то просьб предъявили столько, что мы стояли перед опасностью полной раздачи имеющихся у коллегии средств сразу, еще до всякого формирования. Поэтому, отпуская немного денег, мы заверяли представителей с мест, что, как только они, после приезда на места, развернут работу по набору в армию, по формированию и по организации своего аппарата и представят во Всероссийскую коллегию отчетные данные о реальных возможных формированиях и о созданном аппарате, коллегия им немедля отпустит финансовые средства. И надо сказать, что товарищи с мест нас хорошо поняли и удовлетворились нашим ответом, хотя и без большой радости. Все уехали из Питера, уверенные в нашей помощи и с твердой решимостью взяться всерьез за дело организации новой Красной Армии.

Созданная декретом Всероссийская коллегия по организации

Красной Армии развернула широкую, кипучую, энергичную работу по вербовке добровольцев и формированию воинских частей, а также по приведению в состояние боевой готовности отрядов Красной гвардии, действуя в полном единстве с ее Главным штабом. Всем этим занялись отделы коллегии с их небольшими штатами, но хорошо подобранными работниками, главным образом из солдат, унтер-офицеров и небольшого количества младших офицеров военной партийной организации, которые, как большевики, с большим рвением и самоотверженностью взялись за это дело.

Должен сказать, что работали люди как на фронте, как в Военревкоме, во всяком случае, такого еще не видывали апартаменты Мариинского дворца, где раньше размещался царский Государственный Совет. Это, конечно, относится в особой степени к руководящим работникам, и в первую очередь организационно-агитационного отдела. Про себя, например, скажу, что я, привыкший к интенсивной работе, здесь работал и день и ночь — и по собственному увлечению и по необходимости. Жена моя Мария Марковна работала во ВЦИКе в отделе связи с местами, в том числе и по распределению и распространению литературы. Она также работала очень много, и нам даже некогда было не только посмотреть петроградские достопримечательности, но даже и погулять вместе по этому красивейшему и интереснейшему городу.

За два месяца, примерно с 15 февраля по апрель, организационно-агитационный отдел подобрал, провел подготовку на краткосрочных курсах и отправил на места 300 агитаторов. Они самоотверженно и славно поработали во всех уголках нашей необъятной Родины, и история Красной Армии не должна их забывать. Каждому из отъезжающих агитаторов и организаторов мы выдавали «удостоверение». Вот, например, одно из них: «Дано сие агитатору Калганову в том, что он уполномочен организационно-агитационным отделом Всероссийской коллегии по организации Красной Армии на предмет агитации по гор. Ораниенбауму Петроградской губ. за создание Рабоче-Крестьянской Красной Армии, для чего ему предоставляется право:

1) Пользоваться бесплатно всеми средствами связи: телеграфом, телефоном, почтой и т. п.

2) Пользоваться бесплатно всеми средствами передвижения, как по железным дорогам (в любом поезде и вагоне), так и по грунтовым и водным путям.

3) Все учреждения и организации просим оказывать предъявителю сего всяческое содействие.

Комиссар отдела Каганович».

Должен, между прочим, отметить, что агитаторам и организаторам из рабочих, солдат, матросов приходилось преодолевать труднос-

ти не только в освоении знаний и умении агитировать в разных местах в разном стиле и отвечать на вопросы, зачастую и каверзные, давая отпор меньшевистско-эсеровским змиям, но и преодолевать материальные затруднения не только на местах, но и даже в Петрограде в период пребывания на курсах. Вот, например, протокол общего собрания агитаторов от 16 февраля 1918 года: «Постановили обратиться к комиссару отдела: ввиду недостатка хлеба агитаторам, просим принять комиссара зависящие от него меры, имея в виду, что этот вопрос для нас в настоящее время является самым острым. Ввиду недостатка у некоторых агитаторов амуниции, просим комиссара обратить на это самое серьезное внимание» и т. д. И комиссару, то есть мне лично, немало трудов стоило выполнить эту просьбу; приходилось обращаться и в интендантство, и в разные хозяйственные отделы, и даже в отдел снабжения Красного Креста, который, между прочим, быстрее всех откликнулся и помог обмундированием.

Я рассказываю об этом, потому что считаю не бесполезным знать это современным товарищам студентам и курсантам и даже историкам, в каких условиях их отцы осваивали крупицы политических знаний, чтобы нести их в отдаленные районы нашей Родины. Да и сами работники нашего отдела были в незавидном положении, по продовольственному снабжению в том числе, между прочим, и комиссар отдела (хотя я жил в комфортабельной гостинице «Астория», куда меня вселили, когда я приехал как член Учредительного собрания; и чувствовали себя очень неловко в буржуйском, как говорила моя жена, номере этой шикарной гостиницы, но с продовольственным питанием дело обстояло крайне плохо). Все же агитаторов мы обеспечили сносно. После прохождения курсов они отправлялись на места в бодром настроении, готовыми «к бою» за организацию Красной Армии.

Разработанная и изданная «Инструкция агитаторам по организации Красной Армии» была вместе с тем и своего рода краткими тезисами к выступлениям агитаторов.

Инструкция обязывала агитаторов два раза в неделю сообщать в центр о своей деятельности, о результатах, об общем ходе работы по организации Красной Армии; о числе завербованных добровольцев, какая нужна литература, нужна ли дополнительная агитаторская помощь, и сообщать о каждом переезде с одного пункта в другой. Инструкция обязывала агитаторов получать от местного Совета письменное удостоверение о работе агитатора. Через каждые три недели агитатор получает дальнейшие инструкции и, конечно, суточные деньги. Таким образом, это был поддающийся контролю и руководству коллектив агитаторов, разъезжавших по всей стране и побуждавших боевых советских людей к добровольному вступлению в Красную Армию.

Одновременно еще более тщательно подбирались организаторы Красной Армии на местах. Это были люди более высокой квалификации. На их обязанности лежала работа по организации военного отдела Совета, а если он уже был организован, то проверка его работы, помощь в исправлении ошибок и недостатков по организации Красной Армии, выявление на месте возможностей расширения работы и усиление вербовки добровольцев, проверка материальной обеспеченности формируемых частей, постановка военного обучения, внутреннего порядка и дисциплины, а также постановка и ход политической работы среди красноармейцев. Мы выработали и издали отдельную инструкцию ответственным губернским и областным организаторам и комиссарам. В ней прежде всего устанавливалась их цель: правильная постановка дела организации Красной Армии на местах. Подчеркивалось, что ответственный организатор или комиссар должен быть лицом компетентным по всем вопросам организации отделов армии. Как и агитаторы, организатор обязан прежде всего явиться в Совет и разобраться в фактическом положении дел с организацией Красной Армии. Он должен помочь Совету (областному, губернскому) организовать или улучшить работу отдела и всю постановку организации Красной Армии.

Организатор или комиссар, как компетентное лицо, направляет строительство и работу военных отделов.

Для правильной постановки дела организации Красной Армии на местах организатор или комиссар объезжает область или губернию и инструктирует работников в направлении улучшения работы и устранения недостатков по выполнению всех директив, приказов центральных, областных и губернских органов.

Организатор разрешает все возникающие недоразумения и препятствия с местным Советом, с облисполкомом и губисполкомом, а в случае необходимости обращается во Всероссийскую коллегию, в организационно-агитационный отдел. Как и агитаторы, организатор поддерживает постоянную связь (2 раза в неделю) с организационно-агитационным отделом, докладывает о выявленных нуждах военного отдела, о своей деятельности, пользуясь прямым проводом, почтой, телеграфом.

Эти организаторы сыграли большую роль в ускорении всего хода организации местного аппарата, вербовки добровольцев и формирования частей. Из них впоследствии вышло немало губернских военных комиссаров, а на фронтах — и комиссаров, и командиров.

Движение за организацию Красной Армии захватило и часть войск на фронтах. 21 января в газете «Рабоче-Крестьянская Красная Армия и Флот» было опубликовано следующее сообщение: «Комиссия по формированию интернационалистической армии

сообщает для сведения и руководства, что при Центральном Комитете действующих армии и флота образовалась комиссия по формированию интернационально-социалистической армии, куда надлежит обращаться за всеми справками и разъяснениями всяких недоразумений, возникающих при формировании. Председатель Максимов». В дальнейшем я поддерживал по этому вопросу связь с тов. Максимовым, моим другом по Могилеву.

В дальнейшем это движение расширялось среди бывших военнопленных, среди которых организовались отряды интернациональных бойцов за победу Советского государства. Как известно, особенно выделялись отряды венгров и чехословаков.

В Петрограде ширилось движение в Союзе социалистической молодежи (нынешний комсомол) и среди части студенчества за добровольное вступление в Красную Армию. 24 января мы, не дожидаясь организации вербовочных пунктов, опубликовали в «Правде» следующее извещение об открытии записи в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию: «Запись в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию производится ежедневно с 11 часов утра до 3-х часов дня в доме Рабоче-Крестьянской Красной Армии, Литейный проспект, д. 20. Товарищи принимаются по рекомендации войсковых, общественных демократических организаций, стоящих на платформе Советской власти, партийных и профессиональных организаций, или по крайней мере двух членов этих организаций. При поступлении целыми частями требуется круговая порука всех и поименное голосование».

Должен здесь же подчеркнуть особый действенный подъем у военных моряков, в котором большую роль сыграла не только их традиционная революционность, но и декрет Совета Народных Комиссаров от 14 февраля 1918 года «Об организации Рабоче-Крестьянского Красного флота», подписанный В. И. Лениным. Во флоте шел двойной процесс: во-первых, была организована вербовка и добровольная запись в рабоче-крестьянский красный флот — помню, что кроме пунктов на самом флоте нами был организован вербовочный пункт в помещении бывшего гвардейского экипажа, кажется на Екатерингофском проспекте; во-вторых, много матросов шли добровольно в Красную Армию. Из них формировались отряды добровольцев, отправлявшихся на фронт. Оставшиеся во флоте матросы берегли как зеницу ока военно-морской флот, сохраняя и укрепляя боеспособность кораблей, что особенно было ими проявлено в спасении кораблей флота, когда после заключения мира немцы хотели при помощи белофиннов захватить корабли Балтийского флота, а наши героические моряки сумели вывести корабли в наши надежные порты.

Февраль 1918 года был месяцем наиболее быстрого роста

Красной Армии, особенно во второй половине февраля, когда германский империализм вероломно сорвал перемирие и начал наступление по всему фронту.

Ленин, протестуя против нарушения немцами перемирия, развернул энергичную борьбу в ЦК за заключение мира даже на самых тяжелых условиях. Я лично участвовал в феврале в двух заседаниях, где выступал Ленин по вопросу о мире: первое – объединенное заседание фракций большевиков и левых эсеров ВЦИКа и второе – заседание ВЦИКа. Оба заседания были в ночь с 23 на 24 февраля. Чувствовалось большое волнующее напряжение, особенно у нас, большевиков, которые должны были дать отпор левым эсерам, а тут у нас самих внутри нашей партии действовала группа «левых коммунистов», выступающая единым фронтом с левыми эсерами. Мы все видели и чувствовали, как нелегко было выступать Ленину, но он твердо, как всегда с неумолимой железной логикой, убедительно защищал предложения ЦК нашей партии, которые с боем были приняты большинством ЦК. Надо, говорил Ленин, смотреть правде в глаза, а не отделываться пустыми революционными фразами. Мы должны констатировать полную невозможность оказать сопротивление германцам, никто не может заставить воевать армию, не желающую воевать. Русский пролетариат неповинен в том, что германская революция опоздала, но она придет, и мы должны выиграть время. Подписав мирный договор сейчас, мы энергичной работой приведем в порядок хозяйство и создадим крепкую и прочную армию для защиты своей революции, а к этому времени подоспеет социалистическая революция в Германии.

В этом духе, но еще более подробно, и был известный доклад Ленина на заседании ВЦИК в тот же день, 23 февраля.

Помнится, что было поименное голосование, при этом каждый член ВЦИК отвечал, как он сам голосует – «за» или «против», и при этом он сообщал, как высказывается Совет, который он представляет. Вспоминая это голосование, я с большим удовлетворением могу сегодня сказать, что голосовал за политику Ленина – политику ЦК и Советского правительства и при этом с удовольствием заявил, что и Гомельский Совет за эту политику – за заключение мира.

За предложенную фракцией коммунистов-большевиков резолюцию голосовало 116 человек, против голосовали меньшевики, правые и левые эсеры и собрали 84 голоса и 26 воздержалось. Мы все были возмущены антипартийным поведением «левых коммунистов», часть которых ушла с заседания, чтобы не участвовать в голосовании и тем самым уменьшить количество голосов за предложение большевиков.

По предложению ЦК партии в Петрограде был создан Коми-

тет революционной обороны, которым руководили тт. Свердлов, Сталин и другие.

Обращения Ленина, ЦК, Совета Народных Комиссаров и Комитета революционной обороны в грозные часы опасности еще больше всколыхнули рабочие и солдатские массы, развернулась со всей силой добровольная запись в ряды Красной Армии.

23 февраля «Солдатская Правда» писала: «Перелом в настроении населения окончательный. Волна паники ликвидирована. Она сменилась мощной волной страстного желания всемерной обороны Социалистического Петрограда и подступов к нему».

В эти дни члены бюро военной организации вместе с работниками ЦК партии выезжали на заводы. Я лично был на Путиловском заводе. 21 февраля рабочие 7-го округа Путиловского завода, собравшиеся на общее собрание, приняли постановление: «Немедленно вступить для всеобщей повинности в ряды Красной гвардии на защиту нашей народной Советской власти».

Движение на фабриках, заводах Петрограда приняло столь широкие размеры, что имевшиеся вербовочные пункты не справлялись с приемом добровольцев, и в целом обнаружилось отставание дела организации от стихийного движения. Когда агитаторы и организаторы организационно-агитационного отдела Всероссийской коллегии доложили об этом, мы доложили Комитету революционной обороны и по совету тов. Сталина решили созвать специальное совещание представителей районов Петрограда, Петроградского Совета и Комитета партии для разработки ряда неотложных практических мер по улучшению дела организации вербовки в Красную Армию.

Надо сказать, что в эти дни центральные комитеты многих профсоюзов, в том числе металлистов, текстильщиков, кожевников и других, и даже союз швейцаров и дворников, вынесли решения с призывом к рабочим членам профсоюзов встать на защиту Социалистического Отечества и вступать в Красную Армию. Они организовали штабы по записи добровольцев. На Петроградской конференции фабрично-заводских комитетов был организован отряд Центрального Совета фабзавкомов для отправки на фронт. Сами ЦК профсоюзов заявляли, что они отдают все свои силы и самих себя в распоряжение Совета Народных Комиссаров для обороны и защиты страны, для борьбы с немецким и иным империализмом.

Особую активность проявил «Союз социалистической молодежи» как по вербовке добровольцев, так и по личному участию руководящих кадров молодежи в организации Красной Армии. Они, например, оставляли во всем райкоме одного работника, а остальные уходили в армию, на фронт. И все это было так не только в Петрограде, но и в других районах страны.

В воинских частях старой армии положение было несколько иным, чем на заводах и фабриках. Ведь там солдаты давно уже ждали демобилизации и вдруг опять... Были еще среди солдат и эсеро-меньшевистские элементы. Поэтому там мы вели нашу агитацию по-иному. Мы сразу и не ставили вопроса о массовом переходе в Красную Армию — закон предусматривал персональный отбор и рекомендации, и это оставалось в силе. Но по случаю такой, можно сказать, внезапной угрозы Петрограду со стороны немцев мы, конечно, добивались, чтобы и те, которые и не собираются вступать в Красную Армию, а собирались демобилизоваться, во-первых, политически были с нами, а не с врагами — меньшевиками и эсерами, во-вторых, чтобы в часы грозной опасности были готовы к бою с кайзеровскими калединцами. И эта словесная связь — «немецкие кайзеровские Калединцы» тоже не случайная. Она показывала массам, в особенности солдатам, связь внутренней с внешней контрреволюцией и опасность потери всех завоеваний революции и восстановления старых царских, буржуазно-помещичьих, генеральско-корниловских порядков. Поэтому мы, не рассчитывая в тот момент на массовое вступление солдат в Красную Армию, а тем более на преобразование целых старых частей в красноармейские, вели активную агитационно-политическую работу среди солдат, добиваясь их активной готовности к обороне, к защите столицы и страны. Одновременно мы организовывали в воинских частях вербовочные пункты, набирая немалое количество добровольцев из солдат старой армии.

Начиная с 21 февраля, после призыва Ленина, вокзалы Питера были переполнены отправляющимися на фронт вновь сформированными отрядами новой Красной Армии.

Кайзеровские головорезы при помощи предателей — контрреволюционных белогвардейских офицеров — рассчитывали захватить Петроград через Псков, пройти триумфальным маршем, но неожиданно натолкнулись на героев — молодых красноармейских, краснофлотских и рабочих отрядов и отчасти старых солдат, в частности латышских и эстонских, которые оказали немцам героическое сопротивление.

Партия и Правительство высоко оценили этот Псковско-Нарвский подвиг молодых сил Красной Армии и объявили 23 февраля днем боевого рождения нашей родной Советской Армии.

Но немцы не приостанавливали свое коварное наступление, поэтому формирование Красной Армии все более и более нарастало. Всего по Петрограду на конец февраля вступило в ряды Красной Армии 22 тысячи человек. Число же лиц, изъявивших желание вступить в ряды Красной Армии, определялось в несколько десятков тысяч человек. Можно без преувеличения сказать, что фактически

на 1 марта в Красную Армию вступило больше, хотя мы поступили тогда правильно, придерживаясь правил статистики — не давать не оформленных, не точно подтвержденных цифр. Мы, придерживаясь большевистского правила — не допускать преувеличений успехов, принимающего иногда характер хвастовства, считали, что в этом залог дальнейших успехов и мобилизации всех сил для дальнейшего наращивания мощи Красной Армии. Подводя итоги февралю, можно сказать, что партия и ее Петроградская организация, в которой мы имели тогда честь состоять, продолжали с нарастающей энергией создавать и строить нашу молодую любимую Красную Армию.

Ленин радовался героизму молодых сил Красной Армии, но он знал, что она не только еще количественно мала, но и еще слабо сцементирована и материально слабо обеспечена, что тыл новой армии крайне подорван, что нужна передышка — время для улучшения хозяйства и создания крепкой, большой Красной Армии. Вот почему Ленин требовал заключения мира, чтобы выиграть время, получить передышку, а тем временем подойдет помощь и со стороны международного пролетариата, со стороны немецкого пролетариата. Вот почему партия и народ приняли позицию Ленина и отвергли вреднейшую, опаснейшую, пагубную для революции позицию «левых коммунистов», троцкистов и левых эсеров. Все они, независимо от личного желания многих из них, вели к гибели Советской власти и победе вековечных врагов рабочих и крестьян — капиталистов и помещиков. После борьбы в самом ЦК партии, где Ленина решительно и неизменно поддерживали, прежде всего Сталин и Свердлов, победила Ленинская линия, и это привело к заключению мира 3 марта 1918 года.

14 марта в Москве открылся IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов. К этому времени Центральный Комитет партии и Советское правительство во главе с Лениным переехали из Петрограда в Москву. 12 марта над Московским Кремлем был поднят государственный флаг Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

Четвертый съезд Советов должен был обсудить и решить вопрос о ратификации Брестского мирного договора. До открытия съезда, 13 марта, состоялось заседание фракции коммунистов съезда, на котором с докладом о Брестском мире выступил товарищ Ленин. Громадное большинство делегатов-коммунистов (453 «за» и всего 30 «против») одобрило ратификацию мирного договора. Выступившие «левые коммунисты» успеха не имели и провалились со своими предложениями. Учитывая не раз проявленную недисциплинированность «левых коммунистов», ЦК предупредил их специальным постановлением, что все члены партии на съезде Советов обязаны голо-

совать согласно решениям партии, никаких противоречащих этому деклараций, заявлений член партии не имеет права делать на съезде Советов. В противном случае это будет рассматриваться как нарушение партийной дисциплины со всеми вытекающими последствиями. Громадным большинством съезд Советов принял резолюцию, предложенную фракцией коммунистов-большевиков, о ратификации мирного договора (784 «за», 261 «против» и 115 воздержалось).

После VII съезда партии и IV Чрезвычайного съезда Советов расширились рамки нашей агитации и организации дела укрепления вооруженной мощи Советского народа. Как и в январе-феврале, так и потом мы агитировали за вступление добровольцев в Красную Армию для отпора наступавшему врагу, но в марте, в соответствии с решениями VII съезда партии и IV съезда Советов, наряду с организацией Красной Армии, мы уже практически, остро ставили вопрос о поголовном всеобщем военном обучении.

Таким образом, март был месяцем дальнейшего формирования частей Красной Армии из поступающих добровольцев и начала развертывания широким фронтом военного обучения трудящихся масс.

В марте мы во Всероссийской коллегии, на совещаниях организационно-агитационного и учетного отделов регулярно (ежедневно или за несколько дней) подводили итоги, рассматривая сводные данные учетного отдела. По этим, казалось бы, сухим цифрам мы определяли биение пульса оперативной жизни и ход вербовки и формирования Красной Армии.

Выходившая еще тогда наша славная «Солдатская Правда» помещала интересные сообщения о ходе вербовки и формировании Красной Армии. Не ослабла работа по вербовке и формированию частей Красной Армии и в Петрограде в марте и в апреле после переезда Правительства и Всероссийской коллегии по организации Красной Армии в Москву.

Надо сказать, что районные штабы Питера, которые уже привыкли в одном центре не только получать помощь, но и требовать и критиковать в случае неаккуратности или задержки в оказании помощи, немного «взгрустнули». Они прямо говорили нам: «Не уверены мы, что у нашего городского главного штаба хватит времени и ресурсов для своевременной помощи нам, питерцам». Но мы их успокоили, что не оторвемся от нашего родного Петрограда и будем Петроградскому главному штабу из Москвы помогать. В свою очередь, мы просили их оказать нам помощь в выезде из Петрограда, что было тогда не так просто и не так легко — это я лично особенно испытал как назначенный Всероссийской коллегией уполномоченным по организации и обеспечению переезда в Москву всего аппарата, всех отделов Всероссийской коллегии со всеми

документами и отчасти имуществом. Можно было бы порассказать о довольно сложных перипетиях, которые пришлось иметь при переезде, погрузке в эшелоны людей, их семей, багажа и прочего, возможно, что это представило бы известный интерес для понимания обстановки, но не буду занимать время у себя и у читателя. Скажу только, что при помощи петроградских товарищей, особенно из районных штабов, которые помогли и тепло нас проводили, мы вовремя и благополучно выехали из Петрограда и прибыли в Москву.

В Москве мы получили помещение на Сретенском бульваре в большом многоэтажном здании бывшего страхового общества. Сотрудников Всероссийской коллегии разместили, как говорится, «в тесноте, да не в обиде» на Кузнецком мосту в гостинице «Альпийская роза». И здесь, в Москве, мне довелось по поручению Коллегии организовывать быстрое устройство всего аппарата Коллегии, чтобы не задерживаясь, а прямо с ходу развернуть по-фронтовому работу. Так как мы заранее предупредили места, то весь наплыв телеграмм и писем с мест сразу же пошел в Москву. Мы по приезде сразу же были ими завалены, при этом мы из Петрограда захватили и те, которые там не успели рассмотреть. Вызывали нас и к прямому проводу. Организационно-агитационный отдел принимал энергичные меры по решению и удовлетворению всех поставленных вопросов и требований.

В Москве потребовались новые усилия для оживления работы по организации Красной Армии. Решено было созвать конференцию губернских военных отделов Московского военного округа. Всероссийская коллегия решила на этой конференции не ограничиваться заслушиванием докладов с мест, а поставить доклад тов. Подвойского об организации Красной Армии.

Конференция губернских военных отделов Московского военного округа состоялась 25–26 марта 1918 года. Ее председателем был избран товарищ Фрунзе Михаил Васильевич, представлявший Иваново-Вознесенскую область. Тов. Фрунзе уже тогда, на этой конференции, выделялся своим глубоким пониманием военных вопросов, четкостью в их постановке. Лично я был знаком с Фрунзе еще раньше, а на этой конференции еще более сблизился с ним.

Все докладчики остро ставили прежде всего вопрос о деньгах — нет денег. И этот вопрос нашел свое быстрое решение во Всероссийской коллегии — все представленные губернии получили финансирование. Все ставили также вопросы снабжения, снаряжения и вооружения. Этими и другими поставленными вопросами занялись отделы военного округа и отделы Всероссийской комиссии и оказали возможно необходимую помощь.

Главным вопросом был доклад товарища Подвойского об орга-

низации Красной Армии. Тов. Подвойский Николай Ильич поставил задачей создание в кратчайший срок полуторамиллионной Красной Армии. Но, подчеркнул он, дело не столько в количестве, сколько в том, чтобы наша армия по своей технике и боевой силе не уступала германской и японской армиям. Для этого мы должны воспользоваться всеми техническими силами, имеющимися у нас. Мы должны привлечь генералов, офицеров, инженеров и учиться у них. Сама жизнь, условия нашей борьбы требуют этого от нас. Армия, говорил далее тов. Подвойский, должна заполнить мысли каждого Советского человека; все наши собрания, митинги, газеты должны быть заполнены призывом «Все в ряды новой, Социалистической Красной Армии». Но армия зависит от хозяйства, поэтому необходимо наладить нормальное функционирование хозяйства с тем, чтобы хозяйство обеспечило Красную Армию. Все хозяйство для войны. Нет других более острых вопросов. Перед нами две задачи: 1) Создание крепкой боеспособной армии и 2) Заставить правильно функционировать хозяйство страны и приспособить его для ведения войны. Мы будем опубликовывать в газетах списки генералов, чтобы каждый гражданин мог бы дать отвод. Привлекать специалистов мы будем, но мы будем ставить к ним двух политических комиссаров.

Особенно мы должны теперь обратить внимание на переход к всеобщему военному обучению. Если мы даже по 3-4 часа в день будем обучать гражданина военному делу, то за три месяца можно будет знать его основы. А можно обучаться и более четырех часов в день по принципу: 8 часов работа, 8 часов для сна и 8 часов для военного обучения. Теперь, заключил тов. Подвойский, каждый день идет за год, поэтому нельзя медлить — все за работу, все за создание армии.

Для выработки ряда основных положений по дальнейшей организации Красной Армии совещание разбилось на секции, в которых мы, представители отделов Коллегии, приняли деловое, активное участие.

Переезд в Москву дал нам преимущества в отношении связи со всей страной, и особенно с Белоруссией и Украиной. Это было очень важно, потому что в марте немецкие войска развернули наступление в глубокие районы Украины, продолжая одновременно наступление и в Белоруссии. В отношении Белоруссии большое значение имела прямая связь и помощь Московского военного округа, который даже выпускал оперативные сводки по Белорусскому направлению (по Могилевскому, Витебскому, Гомельскому и т. д.).

На Западном фронте наши войска, имевшие в своем составе и красногвардейские, и молодые красноармейские силы, и силы некоторых революционных частей из старой армии, давали серьезный отпор наступавшим немцам.

На Украине предательство Украинской Рады облегчило немецкому империализму развернуть глубокое наступление по всей Украине.

Советское правительство Украины, все организации партии большевиков сделали все возможное для защиты Киева, по их призыву рабочие и революционные крестьяне и часть передовых солдат старой армии вели отчаянные, самоотверженные бои с немецкими захватчиками, но силы были неравные. Известен героизм отряда Киквидзе, который, имея всего 1500 бойцов, оказывал около 10 дней упорное сопротивление немецко-петлюровскому наступлению на линии Бердичев — Житомир. Известны также героизм и храбрость красногвардейского отряда Чудновского, который боролся на реке Ирпень, упорно защищая переправы и отбрасывая от переправ части немецкого отборного корпуса. Точно так же замечательно воевали и нанесли удар немцам красногвардейцы-железнодорожники.

Но не хватило сил противостоять немецким корпусам, и 1 марта им удалось захватить наш Киев.

Но захват Киева еще не означал захвата Украины. Всколыхнулись многие районы Украины, в первую очередь ее пролетарские центры: Харьков, Донбасс, Екатеринослав и другие. Всюду развернулась работа по формированию боевых отрядов. Особенно выделялся Луганск, где с начала марта начали формировать Луганский отряд социалистической армии. Именно по этому вопросу товарищ Ворошилов связывался с нами, и Всероссийская коллегия оказала ему необходимую помощь вооружением, обмундированием и советами. Уже 10 марта этот отряд выступил на фронт — на защиту Харькова. В самом Харькове штаб Красной гвардии объявил мобилизацию в соединении с добровольностью, чем поддержал части Советской Армии пополнением. К апрелю из рабочих Харькова было сформировано несколько воинских полков Красной Армии. И в Екатеринославе, Полтаве уже формировались части Красной Армии. Особенно следует отметить, что в бедняцкой Черниговщине и киевском Полесье были сформированы части из трех тысяч добровольцев, которые выступили на фронт.

Отчаянное, полное героизма сопротивление немцам было оказано рабочими отрядами и всеми советскими войсками на территории Донецко-Криворожской Советской Республики, образованной еще в феврале 1918 года на съезде Советов в Харькове под руководством славного деятеля нашей партии Артема Сергеева. Еще 5 марта кроме отрядов самих рабочих Донбасса там воевали части Советской армии и других районов Украины.

Главной заботой центра было снабжение Донбасса оружием и обмундированием. Все мы, работники центрального аппарата военного ведомства, занимались этим. Я не помню точных цифр,

но могу сказать, что в марте и апреле были отправлены десятки тысяч винтовок, сотни пулеметов, многие десятки тысяч комплектов обмундирования.

Центральный Комитет партии по предложению Ленина дал указания всем партийным организациям Украины и представителю ЦК товарищу Орджоникидзе бороться за каждую пядь земли Советской Украины, эвакуировать хлеб, металл на Восток, создавать подрывные группы и при подходе немцев к Донбассу заливать рудники, а рабочих и уголь вывозить. На местах эта директива осуществлялась. Особую активность и распорядительность проявлял в этом отношении Центральный штаб Красной Армии Донецкого бассейна. В одном из своих приказов он писал, что хотя наши отряды, наспех обученные и еще слабо организованные, не выдерживают натиска немцев, но пусть знают враги, где они временные победители, что в конце концов они будут разбиты. Разъясняя это рабочим, штаб требовал организованной эвакуации запасов оружия, продовольствия, всех ценностей и оборудования. Штаб установил специальное наблюдение над этим. Эвакуируя ценное имущество и людей, большевики Донбасса выдерживали бои с наступающим врагом, стремившимся во что бы то ни стало перехватить эвакуированное имущество и людей.

Коммунисты поголовно вступали в Красную Армию. 14 апреля общее собрание Луганской партийной организации постановило: всем коммунистам добровольно вступить в ряды Красной Армии.

В тяжких условиях, при неравных силах наши советские отряды, отступая, наносили удары врагу. Но немецким империалистам удалось при активной помощи предателей-националистов захватить к маю почти всю Украину. Нелегко было оккупантам держаться на Украине, на территории которой широкой волной развилось партизанское движение, сопротивление и восстания. Достаточно упомянуть славные восстания рабочих в Николаеве, в Херсоне и сопротивление в Одессе, организованное большевиками.

Не только большевики, но и революционные трудящиеся массы были уверены, что немцы будут изгнаны из Украины и Советская власть восторжествует.

В апреле 1918 года в Красной Армии было около 200 тысяч красноармейцев, вступивших в армию на добровольных началах, не считая партизанских отрядов, которые организовывались рабочими и крестьянами для борьбы с немцами. Красная Армия продолжала расти, и в июне 1918 года советские вооруженные силы вместе с оставшимися еще отдельными отрядами Красной гвардии, продовольственными и партизанскими отрядами насчитывали около полумиллиона человек.

Молодая Красная Армия, закаляясь в боях, росла и качественно, но она не была еще той регулярной организованной армией, которая нужна была Советскому государству для отражения нападения империалистов всего капиталистического мира. Обучение военному делу было нами организовано, но, надо признать, на скорую руку и, конечно, недостаточно квалифицированно. Обучали их ведь не старые квалифицированные военные, которые, особенно в первый период, в громадном большинстве стали на сторону врагов народов России. Обучали наших красноармейцев, особенно в первую пору, по преимуществу вышедшие же из народа старые революционные солдаты, унтер-офицеры и обученные нами на курсах молодые командиры. Многие из них потом вышли замечательными талантливыми командирами вплоть до маршалов, но в первое время, при всей их героической душевной старательности, они, естественно, не могли дать красноармейцам тех военных знаний, которые нужны были для борьбы с вышколенным врагом. Да и сами красноармейцы не могли в короткий срок усвоить даже то, что им давали наши командиры. Высокий морально-политический дух и сознание добровольцев Красной Армии были основой новой сознательной дисциплины, но одного этого недостаточно для армии, которая должна действовать как единый, слитный организм.

В «Положении» об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии мы предусматривали письменное обязательство каждого вступающего в Красную Армию подчиняться установленному порядку, дисциплине и исполнять все обязанности по службе, но этого оказалось совершенно недостаточно для борьбы с нарушениями дисциплины, так как выборные командиры не могли накладывать дисциплинарные взыскания, а делали это Солдатский комитет и собрания самих солдат; в ряде частей избирались еще товарищеские суды.

Однако поскольку по мере роста частей Красной Армии в ее ряды попадали и дезорганизаторские, анархо-левоэсеровские элементы, и даже уголовные элементы, указанный порядок оказался недостаточным для борьбы с этими элементами. Наши большевистские организации в частях вели борьбу через Солдатские комитеты и общие собрания красноармейцев, на которых вопрос ставился политически, и это тоже давало известный эффект. На собраниях принимались хорошие, строгие резолюции, осуждающие поименно провокаторские, дезорганизующие элементы или, как говорилось в некоторых резолюциях, людей, пришедших в армию не ради ее высоких целей, а для извлечения личных выгод (получения обмундирования и т. п.). Иногда принимались решения об исключении из армии наиболее злостных, неисправимых и даже о предании их суду революционного трибунала. Все это способствовало установлению и укреплению дисцип-

лины в Красной Армии, но этого было недостаточно. Нужен был военный общеармейский устав, которого не было, нужна была присяга и главное — необходимо было внести серьезные изменения в сами основы формирования советской Красной Армии. Глубокое обучение военному делу Красной Армии, ее дисциплинирование требовало большей устойчивости в ее укомплектовании и формировании.

Вновь организованная Красная Армия создавалась как постоянная, регулярная армия.

Вот почему апрель 1918 года стал месяцем начала нового этапа или периода реорганизации и укрепления Красной Армии. Я говорю «начала нового этапа», потому что не сразу начали с замены добровольчества обязательным набором в Красную Армию. Ставя перед собой эту цель, партия, ее ЦК и Советское правительство, Ленин начали с подготовки перехода от формирования армии на началах добровольчества к обязательной воинской повинности. Установив правильный новый принцип формирования армии на основе воинской повинности, партия, как всегда, начала с организационной подготовки, и первым краеугольным камнем всей этой реорганизации был декрет Совета Народных Комиссаров, подписанный Лениным 8 апреля, об учреждении волостных, уездных, губернских и окружных военных комиссариатов.

Одновременно в специальном декрете «О сроке службы» от 26 апреля установлено, что вступающий добровольно в ряды Красной Армии (это значит, что в тот момент мы еще не отказались от добровольчества) обязуется служить в ней не менее шести месяцев. Самовольно покидающий ее ряды до истечения срока привлекается к ответственности по всей строгости революционных законов. Это уже тогда благотворно повлияло на устойчивость состава Красной Армии.

Особо важным для поднятия сознательной дисциплины и морально-политического духа армии было выработанное и принятое ВЦИК 22 апреля «Торжественное обещание» — присяга красноармейца при вступлении в ее ряды.

Большую, я бы сказал, великую историческую роль в дальнейшем подъеме качества нашей армии сыграли военные комиссары Красной Армии и политические отделы. Роль военно-политических комиссаров и политорганов была шире непосредственно политической просветительской работы, которую вели политотделы. Она была связана с общим вопросом о командных кадрах Красной Армии, который особенно остро встал перед партией на втором этапе строительства нашей армии.

Для объединения деятельности военных комиссаров и установления контроля над ними было создано Всероссийское бюро военных комиссаров, включившее в себя значительную часть

функции организационно-агитационного отдела (за исключением вербовки добровольцев и руководства военными отделами Советов). Точно так же претерпели неизбежные в таких случаях изменения и кадры работников, особенно учитывая страсть нового наркома Троцкого к известному «перетряхиванию» кадров.

Большая часть работников Всероссийской коллегии получила новую работу, часть перешла на общегосударственную и общепартийную работу, а часть осталась на разных работах в армии. Тов. Крыленко, например, перешел на работу в прокуратуру, тов. Подвойский — в Высшую военную инспекцию. Товарищ Трифонов не остался в центральном аппарате военного наркомата, не желая, как он мне сказал, работать с Троцким, что и мне также советовал. Единственный из членов Всероссийской коллегии Юренев (близкий к Троцкому еще по добольшевистскому периоду в межрайонной организации) был назначен руководителем Бюро военных комиссаров.

Что касается меня лично, то с ликвидацией организационно-агитационного отдела мне предложили остаться заведующим агитационно-просветительным отделом Бюро военных комиссаров или в качестве инспектора-организатора с выездами на места. Лично я настаивал на отправке меня в войска на фронт. Товарищ Подвойский, который был моим неизменным другом и руководителем, предложил мне пойти к нему заместителем в Высшую военную инспекцию. Я согласился, имея в виду выезды на места. Тов. Подвойский наметил командировать меня на Украину или в Поволжье — Саратов, Самару.

Но, как известно, член партии находится в распоряжении ЦК — и меня вызвали в ЦК на прием к тов. Свердлову. Он меня очень тепло расспрашивал о ходе реорганизации, о Бюро военных комиссаров. Я рассказал о положении дел. Сказал, что полностью согласен с необходимостью упразднения Всероссийской коллегии, но насчет Бюро военных комиссаров я сказал, что не думаю, что оно долго просуществует, что придется создавать новый, более устойчивый политический аппарат руководства военными комиссарами и политорганами. Товарищ Свердлов, не подтверждая категорически мой прогноз, все же сказал: «Возможно, что это переходная форма, посмотрим, будем присматриваться к жизни, а она хороший учитель». На мое замечание, что не считаю Юренева удачной кандидатурой, так как он не имеет опыта партийной работы и формален в работе и в отношениях с людьми, Свердлов по существу почти согласился с этой оценкой. «Но, — сказал он, — между нами говоря, мы здесь уступили новому наркому (то есть Троцкому), который очень настойчиво его выдвигал. Но если само учреждение может быть недолговечным, то тем более недолговечным может быть его руководитель».

После этого товарищ Свердлов перешел к вопросу о моей рабо-

те. «Мы вас, — сказал он, — отдали на новое дело организации Красной Армии временно; период был острый, партийных организаторов во Всероссийской коллегии было мало, и по настойчивой просьбе товарища Подвойского мы и вас отдали, тем более что они имели на это известное право как на члена Всероссийского бюро военных организаций. Теперь иное положение. ЦК очень нуждается в общепартийных руководящих работниках, и мы вас заберем на общепартийную работу». На мое замечание, что я уже дал согласие тов. Подвойскому пойти к нему заместителем в Высшую военную инспекцию и что вообще я уже освоил и полюбил военную работу и хотел бы остаться на этой работе, тов. Свердлов реагировал решительно и даже немного раздраженно. «Я знаю, — сказал он, — что товарищ Подвойский хочет вас заполучить, у него аппетит хороший; ему, конечно, выгодно и удобно заполучить к себе в заместители такого работника, как вы. Но на этот раз мы не удовлетворим его просьбу — теперь вы нужнее ЦК. А что касается любви к военной работе, к армии, то она будет очень хороша и на месте как раз общепартийной работы — теперь вся партия и ее органы находятся на военной работе, и вам, товарищ Каганович, придется не раз проявить свой интерес и любовь к военному делу, будучи именно на партийной работе. Вот мы вас хотим послать в один из крупных промышленных центров — в Нижний Новгород, так как там дела неважны, а Нижний — самый близкий к Москве крупный центр и близкая прифронтовая полоса к Восточному фронту и особенно к затеваемым врагами контрреволюционным делам на Волге. Вот вам и придется в Нижнем Новгороде, как руководителю парторганизации, применить ваш новый приобретенный военный опыт». Я сказал тов. Свердлову, что это большое доверие ЦК и я приложу все силы, чтобы его оправдать. «Имейте в виду, — добавил тов. Свердлов, — что товарищ Ленин знает, что вы намечаетесь в Нижний, и он одобрил это». Я с большим волнением ответил: «Прошу передать товарищу Ленину, что не пожалею сил, чтобы сделать все, что нужно и что потребует ЦК и товарищ Ленин».

После уточнения дополнительных организационных вопросов по Нижнему Новгороду и тамошней обстановке тов. Свердлов тепло попрощался со мной, и в мае же я выехал в Нижний Новгород. Моя жена Мария Марковна, работавшая в Московском комитете партии, была также откомандирована ЦК в Нижний как партийный работник и выехала вместе со мной.

Глава 6

В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В августе 1919 года, когда военное положение на Южном фронте особенно осложнилось, Нижегородская губерния дала многие тысячи красноармейцев, значительная часть которых пришла на сборные пункты добровольно, особенно коммунисты. При обсуждении в Нижегородском губкоме персональных списков товарищей для отправки на фронт я поставил вопрос об отправке на Южный фронт меня и некоторых других руководящих товарищей из губкома и губисполкома. Вместе со мной об этом желании заявили товарищи Сергушев, Воробьев, Мордовцев и другие.

Губком, согласившись с направлением товарищей Сергушева, Воробьева и Мордовцева, возражал, однако, против моего отъезда, в связи с этим я выехал в Москву для постановки этого вопроса в ЦК.

Секретарь ЦК тов. Стасова, одобрив мое желание, выразила озабоченность возможностью моего отъезда из Нижнего и сказала, что необходимо посоветоваться по этому вопросу с Владимиром Ильичем.

Переговорив с тов. Лениным, она мне сказала, что тов. Ленин выразил желание поговорить со мной: «Идите в Кремль, где товарищ Ленин вас примет».

Тов. Ленин прежде всего расспросил меня о положении в Нижегородской губернии, и после моих ответов, в том числе о прошедшей губернской партконференции, губернском съезде Советов, об улучшении положения в деревне и так далее, товарищ Ленин сказал: «Мне товарищ Стасова говорила о вашем желании поехать на Южный фронт, это, конечно, очень хорошее желание. Если бы положение на Южном фронте не было таким острым, я бы сказал — Нижний Новгород является такой важной военно-

промышленной нашей базой, что не следовало бы менять сложившееся партийное и Советское руководство. Но в настоящее время, когда у нас на Южном фронте, в том числе в прифронтовых губерниях, как, например, в Воронежской губернии — важнейшем центре важнейшего направления Южного фронта, положение архитяжелое, мы должны брать лучшие силы откуда угодно и направлять их туда. ЦК сейчас направляет туда большую группу ответственных работников. ЦК удовлетворит и вашу просьбу о направлении вас на Южный фронт. Я, — сказал товарищ Ленин, — думаю, что лучше всего будет направить вас туда, где можно будет полнее использовать ваш организационный опыт. Вот Воронеж требует срочного укрепления, там нам необходимо укрепить оборону и подготовить бой с прорвавшимися деникинскими генералами. Там необходимо укрепить Совет обороны укрепленного района и особенно губернское партийное и Советское руководство. Вот вас туда мы и направим. Сейчас мы вас пошлем туда в качестве уполномоченного ЦК для проверки состояния организации, в частности, проверки идущих там споров и несработанности, а главное — для оказания им скорой помощи, а потом, когда вы приедете к нам и доложите свои выводы, вы будете оформлены официально председателем Губернского военно-революционного комитета. Советую вам взять из Нижнего побольше хороших работников, я скажу об этом товарищу Стасовой». Я согласился с предложениями тов. Ленина, поблагодарил за удовлетворение моей и моих товарищей просьбы и доверие и обещал сделать все, чтобы выполнить возложенное на меня задание. Не задерживаясь в Москве до получения письма ЦК о кадрах, я тотчас выехал в Нижний и через два дня выехал из Нижнего в Воронеж.

В Воронеж я прибыл в начале сентября. Уже в пути я ощутил всю напряженность обстановки, после Козлова (Мичуринска) я пробирался к Воронежу на порожняковых товарных поездах. Для ускорения продвижения я пересаживался при задержке на станциях на отходящие такие же «углярки», как их тогда называли.

Помню, как на одной из станций меня «обнаружили» в одном из таких порожних угольных вагонов и повели к коменданту. Я был до неузнаваемости запылен угольной пылью, и комендант вначале меня принял за безбилетного пассажира, пробирающегося в запретную зону укрепленного района, и лишь после предъявления ему документов комендант извинился и официально помог мне добраться до Воронежа.

В самом Воронеже уже на вокзале я увидел большую напряженность, в частности, заметен был отъезд многих жителей из Во-

ронежа в направлении на Лиски, хотя и там они не были гарантированы от деникинцев. Должен, однако, сказать, что в городе не видно было паники, тем более у рабочих и коммунистов, которые оставались на своих местах, готовые к защите Воронежа от белых. И в самом руководстве из первой беседы с председателем губкома и губревкома тов. Кардашовым и другими руководящими товарищами не было панических настроений и растерянности, как это, по имевшимся сведениям, было в Тамбове. Не было чувства обреченности, наоборот, все работали для укрепления обороны Воронежа. В то же время нельзя сказать, что воронежцы, в том числе и губком, работали по директиве ЦК, данной в письме «Все на борьбу с Деникиным», — «необходима военная дисциплина и военная бдительность, доведенные до высших пределов». Не было не только высших пределов, но и элементарных пределов. Это признал в первой же беседе со мной тов. Кардашов, особо подчеркнув, что городской комитет ведет борьбу с губкомом. Горком, со своей стороны, особенно тов. Рейн, в беседе со мной обвинял губком и его председателя тов. Кардашова в отрыве от масс и от городской парторганизации. Я был возмущен тем, что эта борьба между губкомом и горкомом не остановилась даже в критический момент.

В ночь с 8 на 9 сентября враг подошел на пушечный выстрел к Воронежу, на улицах Воронежа уже разрывались его снаряды. Девятого, рано утром, мы собрали митинг рабочих на площади III Интернационала, на котором в горячих, страстных речах призывали стать грудью за родной Советский Воронеж, за Советскую власть. Массы дружно, горячо поддержали наш призыв.

Военный Совет укрепленного района принял решение эвакуировать штаб укрепленного района и его Военный Совет. После отъезда товарищей Еремеева, Кардашова в городе Воронеже остались для руководства: член Военного Совета тов. Степанов, начальник политотдела и уполномоченный ЦК тов. Каганович, заместитель председателя Губисполкома тов. Смирнов, губвоенком тов. Артеменко и небольшая группа военно-оперативных работников. Остались еще многие ответственные работники, в том числе и редактор газеты тов. Шестаков. Первые два дня боя мы оставались в том же помещении бывшей гостиницы «Бристоль», но мне, товарищам Артеменко и Смирнову приходилось большей частью бывать на разных участках фронта обороны города в сражающихся частях.

Битва за Воронеж, начавшаяся в ночь с 8 на 9 сентября, длилась четыре дня в жестоких боях за каждую улицу, площадь,

за каждый район города. Главные бои развернулись вокруг завода «Рихард — Поль», который стал нашей крепостью. Завод переходил из рук в руки, бои вокруг завода и на самом заводе задержали противника в течение двух дней. Прибыв на этот участок боя, я участвовал в самоотверженном сражении наших бойцов, особенно из рабочих этого же завода, в том числе латышей во главе с тов. Абелем, а также прибывшего на помощь отряда уездвоенкомата с тов. Протопоповым во главе. Но сил не хватило для продолжения боя с превосходящими силами противника. Понеся большие жертвы, истекая кровью, наши части вынуждены были отступить.

Мамонтов и его подручный генерал Постовский не ожидали такого упорного сопротивления в Воронеже. Не сумев овладеть всем городом и особенно мостом на Придачу и, видимо, получив данные, что к Придаче подходят свежие силы Красной Армии, генерал Постовский ввиду создавшегося для него тяжелого положения предпочел ретироваться и оставить ту центральную часть Воронежа, которую он захватил, то есть отступить.

13 сентября 1919 года над всем городом развевалось красное знамя Советской власти, знамя Ленинской коммунистической партии большевиков!

Перед моим отъездом из Воронежа в Москву товарищ Кардашов передал мне следующий документ:

«Воронежский Губернский комитет РКП(б) удостоверяет, что товарищ Каганович, пробыв в Воронеже с 3 сентября по 19 сентября, принимал активное участие в обороне гор. Воронежа: заведовал политотделом Совета обороны, во время же боя под Воронежем с винтовкой в руках сражался на передовых позициях.

Председатель Губкома РКП(б) Н. Кардашов».

В Москве я, естественно, тотчас же направился в Центральный Комитет партии на Воздвиженскую (ныне проспект Калинина) улицу. В тот же день, 25 сентября, я был принят секретарем ЦК тов. Стасовой Еленой Дмитриевной, а вечером на узком совещании секретариата ЦК, созванном тов.Стасовой, я сделал доклад о положении в Воронежской организации и в руководстве губкома и губисполкома.

Секретарь ЦК тов. Стасова и выступившие другие товарищи одобрили данное мною освещение положения в Воронеже и оценку Воронежской организации, особенно в битве за Воронеж с Мамонтовским прорывом, одобрили мои действия как уполномоченного ЦК, в частности, и то, что я взял на себя временно обязанности начальника политотдела. Что касается руководства, то тов. Стасова сказала, что хотя моя оценка объективная, но она смягча-

ет слабости и недостатки губкома и губисполкома и лично тов. Кардашова. «Я, — сказала она, — знаю товарища Кардашова как хорошего старого большевика, но он страдает замкнутостью и необщительностью с массами. Он знающий руководящий работник, но для военной обстановки он неподходящ. Поэтому наше решение о его замене необходимо подтвердить. Вот, — сказала она, — товарищ Каганович в беседе со мной до заседания, рассказывая о своей работе начальника политотдела укрепленного района, просил, чтобы его вместо Воронежа направили непосредственно на фронт. Но мы должны отклонить эту его просьбу, потому что работа в Воронежском губернском военно-революционном комитете — это тот же фронт, та же фронтовая работа, и мы должны утвердить его председателем губернского военно-революционного комитета и губернского комитета партии». По вопросу о председателе губернского комитета партии я просил не принимать сейчас решения, так как считал, что совмещение этих двух работ затруднительно и вряд ли целесообразно, и просил дать нам возможность решить этот вопрос на месте. Можно будет выдвинуть при благоприятном отношении председателем губкома тов. Сергушева. Тов. Стасова и другие согласились с этим моим предложением.

После совещания тов. Стасова мне сказала, что сейчас идет Пленум ЦК по военным вопросам и тов. Ленин сейчас меня принять не сможет. Я поблагодарил за столь внимательное и обстоятельное рассмотрение Центральным Комитетом моих вопросов, но особенно был тронут душевным отношением Елены Дмитриевны к моим личным переживаниям тех дней. После окончания деловых, так сказать, вопросов, тов. Стасова, обращаясь ко мне, сказала: «Мне кажется, что, несмотря на ваш оптимистический доклад и бодрый вид, у вас заметно какое-то горе. Скажите мне, в чем дело?» Я ей рассказал, что узнал о беде, в которую попали в Курске мои товарищи: Воробьев, Сергушев с семьями, в том числе и моя семья — Мария Марковна, которую лично знала Елена Дмитриевна, и дочурка моя Мая. Тов. Стасова была крайне опечалена, утешила меня, что она тотчас выяснит, что с ними. Она тут же добилась связи с членом Военного Совета Южного фронта тов. Серебряковым, который ей сообщил, что он знает обо всей этой истории, что Воробьева, видимо, белые захватили и зверски убили, а остальные, в том числе и семья тов. Кагановича, добрались пешком под обстрелом до нашей линии фронта и сейчас готовится их отправка в Москву. Это все мне и сообщила тов. Стасова. С ее согласия я задержался на пару дней в Москве, и, дождавшись встречи с тов. Сергушевым, моей семьей, семьей тов. Воробьева и других на Курском вокзале, мы,

не задерживаясь, в тот же день выехали в Нижний Новгород. О всех наших переживаниях, связанных с этими событиями, о рассказах о них товарищей и моей Марии можно было бы многое написать, но это уж, возможно, в другом месте.

В Нижнем Новгороде я долго не задерживался.

В конце сентября и в начале октября 1919 года положение на Южном фронте еще более ухудшилось. Деникинские войска, вооруженные до зубов англо-франко-американскими орудиями, снарядами, винтовками, танками, начали осуществлять новую директиву Деникина о наступлении на Москву Добровольческой армии, подкрепленной корпусами Шкуро и Мамонтова. Отборные головорезы Добровольческой армии и конных корпусов развернули наступление на всем центральном направлении от Курска до Воронежа.

1 октября, несмотря на упорную и отчаянную оборону воронежцев, корпус Шкуро занял Воронеж и начал учинять там расправу по опыту мамонтовцев. В связи с новой военной обстановкой в районе Воронежа отпали те вопросы о помощи укрепрайону, которые я должен был доложить тов. Ленину, и я уже был настроен не отрывать времени у тов. Ленина и не проситься на прием к нему, а прямо выехать во фронтовую полосу Воронежа и там искать местонахождение Воронежского губревкома, так как в ЦК мне еще не могли назвать его. Но перед отъездом в ЦК тов. Стасова мне сказала, что меня хочет принять для краткой беседы тов. Ленин — «Идите в Кремль и ждите в приемной». Я с радостью и вместе с тем с волнением побежал в Кремль, долго не засиделся в приемной, и меня вызвали в кабинет тов. Ленина.

Встретив меня приветливо, тов. Ленин меня спросил, как дрались воронежцы с мамонтовским прорывом. Я коротко рассказал тов. Ленину то, что я выше изложил, и заключил, что воронежские рабочие и коммунисты, а также хотя еще не окрепшие красноармейские силы укрепрайона показали себя очень хорошо и дрались за каждую улицу, так и не дав мамонтовцам занять весь город, а назавтра они были выбиты и из центральной части города, которую успели захватить. «Это очень хорошо, — сказал тов. Ленин, — а то в Тамбове уж очень легко Мамонтову удалось захватить весь город». Я сказал тов. Ленину, что я имел к нему ряд просьб укрепрайона о помощи, но теперь, видимо, обстановка изменилась. «Да, — сказал тов. Ленин, — обстановка сильно изменилась к худшему: теперь, когда Воронеж занят Шкуро, потребуется основательная драка за его освобождение».

Тов. Ленин меня тут же спросил, когда я выезжаю. Я сказал, что завтра утром. «Это очень хорошо, надо спешить, — сказал тов. Ленин, — потому что положение там очень тяжелое. Воронеж пал — это очень опасно для всего фронта, и мы должны во что бы то ни стало отвоевать Воронеж! Роль губревкома и губкома партии очень велика, они охватывают и военную работу и Советско-партийную. Мы вот на Пленуме ЦК обсуждали военные вопросы и приняли ряд решений по ним, мы решили послать на Южный фронт товарища Сталина, который, безусловно, поможет Южному фронту и Воронежскому направлению, которому он придает большое значение, в частности, мы укрепляем Воронежское направление замечательным, боевым конным корпусом Буденного, который, надеемся, успешно противопоставит коннице генерала Шкуро нашу Советскую силу конницы. Но надо помнить, что надеяться только на войска нельзя, надо мобилизовать все силы фронтового тыла и подполья, увязывать, координировать действия войск с действиями рабочих и крестьян, помогать армии снабжением и политической работой, иметь крепкие военно-революционные органы власти Советов. И это ваша задача, это и есть фронтовая работа, поэтому вы не правы, когда, как мне рассказала товарищ Стасова, вы вновь ставили вопрос о возможности отправки вас непосредственно в войска, особенно теперь, когда Воронеж в руках врага». Тов. Ленин еще раз со всей силой подчеркнул: «Надо отвоевать Воронеж во что бы то ни стало, от этого зависит победа над Деникиным! Когда отвоюем Воронеж, тогда приедете и поставите все свои вопросы, и мы вам поможем». Я хорошо понял, что это и есть то главное, что мне хотел внушить тов. Ленин. И я не стал больше его задерживать, а с большим внутренним волнением, бодростью сказал товарищу Ленину, что я хорошо понял его указания и сделаю все, чтобы выполнить эти его указания, и добавил, что губревком мы обоснуем поближе к фронту и будем биться вместе с войсками — за отвоевание Воронежа! «Это очень хорошо! Желаю вам успеха», — сказал мне тов. Ленин. Крепко пожав руку дорогого вождя, я бодрым и уверенным шагом вышел из кабинета.

Ровно в 6 часов утра 24 октября 1919 года славный город Воронеж был полностью и окончательно освобожден от деникинских бандитских войск. Лозунг Ленина — «Отвоевать Воронеж!» — был выполнен!

С неописуемой радостью встретили тысячи рабочих и трудящихся Воронежа, их жены и дети вступившие в город войска Красной Армии — это была волнующая встреча торжествующих победу воронежских рабочих, бойцов Красной Армии и их руководителей!

Новая Советская, партийно-политическая жизнь трудящихся отвоеванного у белых города Воронежа ознаменовалась в тот же день, 24 октября, в 8 часов утра многотысячным митингом рабочих, красноармейцев и трудящихся на бывшем Кадетском плацу — площади III Интернационала. Это был незабываемый митинг, на котором звучала великая радость и сознание исторического величия этой победы над шкуровцами-деникинцами, переплетавшаяся с горестными чувствами воспоминаний о пережитых бедствиях господства деникинцев в Воронеже с их виселицами и расстрелами, — это была радость сквозь слезы и слезы, смешанные с радостью.

Как политический работник, и к тому еще темпераментный, несколько склонный к восторженности, я передал товарищам Буденному, Щаденко и Кивгелла горячий привет от губревкома и губкома и выразил свой восторг подвигом и героизмом корпуса, политического и командного состава и лично товарища Буденного, нанесших в Воронеже большое поражение Деникину и его фавориту — Шкуро. Я пожелал им в дальнейшем таких же побед на славном боевом пути. Товарищи Буденный и Щаденко (представитель Южного фронта) поблагодарили меня за мои теплые слова приветствия и со своей стороны приветствовали губревком, губком, всех воронежских большевиков.

После митинга мы перешли к деловым вопросам о ходе борьбы корпуса за переправу через Дон, необходимой дальнейшей помощи армии, восстановлении нормальной жизни в Воронеже и т. д. и т. п. Я показал товарищам Буденному, Щаденко и Кивгелла приказ № 1, принятый губревкомом в тот же день — 24 октября. Вызванный начальник штаба корпуса Погребов, ознакомившись с приказом, высказался против него. «Как же так, Семен Михайлович, — сказал он, обращаясь к Буденному, — высшей властью в Воронеже являетесь Вы, как командир корпуса и начальник гарнизона, поэтому не может быть такой формулировки: «Вся власть в городе и губернии принадлежит военно-революционному комитету». И вообще, — сказал Погребов, — нужен ли такой приказ губревкома?» Товарищ Буденный, подумав, спросил — не получится ли здесь что-то неукладное. После этого я, ссылаясь на положение о губревкомах, утвержденное Правительством, обосновывая необходимость приказа и указанного, вызывающего спор пункта, сказал: «Рабочие и трудящиеся должны знать, что у них восстановлена власть Советов, которая руководит всем делом наведения революционного порядка, восстановления хозяйства и оказания помощи Красной Армии, в первую очередь конному корпусу». Тов. Щаденко меня активно поддержал, при этом, нагнувшись к тов. Буденно-

му, сказал ему (так «тихо», что нам было слышно): «Ты, Семен Михайлович, учти, что товарищ Каганович назначен ЦК и перед отъездом в Воронеж был принят самим товарищем Лениным, который говорил ему о твоем корпусе». Обратившись ко мне, тов. Буденный спросил: «Так вы, значит, перед отъездом в Воронеж были у самого товарища Ленина и он говорил о моем корпусе?» Я ему коротко рассказал об этом. Нужно было видеть, как преобразилось лицо Буденного, как оно просияло доброй улыбкой и радостью! «Значит, — сказал он, — Ленин, который занимается мировыми делами, знает и помнит о моем корпусе!» Повернувшись к Погребову, он резким тоном сказал: «Ты, брат, брось эти свои крючкотворства — у нас власть Советов, ее возглавляет Ленин, который и назначил сюда председателем губревкома товарища Кагановича — приказ губревкома правильный, и его надо издать таким, как он составлен». После этого я сказал: «Для того чтобы была полная согласованность и единство военной и гражданской власти, я предлагаю внести во вводную часть приказа следующее добавление: после слов «в силу этого» добавить «и на основании приказа № 2 начальника гарнизона товарища Буденного» — и дальше по тексту: «настоящим приказом объявляется...» «Вот это будет еще лучше», — сказали в один голос товарищи Буденный и Щаденко. Когда же после актива я рассказывал об одобрении всеми нашего приказа, Семен Михайлович, улыбаясь, сказал: «Так мы же тоже его сразу одобрили».

Напряженно работая по восстановлению нормальной жизни в городе и уездах, губревком ни на минуту не ослаблял свое внимание и помощь Красной Армии и ее боевым операциям. В эти дни мы поддерживали тесную связь с конным корпусом. Прежде всего мы уговорились с тов. Буденным о следующем порядке использования имевшихся на складах, в магазинах материальных ценностей и обеспечения нужд конного корпуса: все материальные ценности берутся на строгий учет губревкомом, никто не имеет права самовольно их изымать. Все требования и запросы воинских соединений и частей, в том числе и конного корпуса, направляются губревкому заверенными командованием корпуса. Губревком отпускает материальные ценности, особенно обмундирование, снаряжение, организует из наличного сырья их производство согласно требованиям и сообразуясь с наличными ресурсами. В случае споров вопрос рассматривается командованием корпуса и руководством губревкома.

Этот установленный порядок имел огромное значение и большую эффективность для сохранности ценностей и удовлетворения неотложных, острых потребностей армии. Случаи самоволь-

ничанья отдельных воинских частей и тем более хулиганствующих элементов быстро ликвидировались силами начальника гарнизона тов. Буденного. Помню, например, один такой случай. Однажды мне доложили о бесчинствах на кондитерской фабрике и что все попытки ликвидации этих бесчинств не дали результатов. Я тотчас поехал к тов. Буденному. Он близко принял к сердцу мое сообщение, вызвал кое-кого, обругал, а потом сказал мне: «Поедем туда, посмотрим, что там происходит». Как только мы появились во дворе фабрики, раздались возгласы: «Буденный приехал!» Бесчинствующие побросали нахватанное, и наутек. Тех, кто замешкался и задержался, настигла крепкая рука тов. Буденного. «Ну вот и разбежались стервецы, — сказал мне Буденный, — теперь, будь уверен, больше они этого не повторят».

Вокруг Воронежа все еще шли бои с белыми, враг занимал правый берег реки Дон, упорно обороняя переправы через Дон. Наша пехота достигла реки Дон, а части конкорпуса сосредоточились северо-западнее Воронежа, вели перестрелку и готовились к форсированию Дона. Штаб корпуса и тов. Буденный лично были очень озабочены форсированием Дона. Противник сосредоточил большие силы, чтобы не допустить форсирования нашими войсками реки Дон; враг и здесь действовал подтянутыми бронепоездами, обстреливая места переправ сильным артиллерийским огнем. Нелегка была эта переправа. Начав переправу 28 октября, корпус всеми своими силами с боями закончил успешно и победно форсирование Дона 29 октября. Это была большая новая победа наших Советских войск, и прежде всего конного корпуса, давшая возможность, закрепившись на этом плацдарме, перейти в наступление на Касторное.

Радуясь этой новой победе, мы с глубокой скорбью, почестью и глубоким уважением хоронили на воронежском кладбище, в братской могиле, павших смертью храбрых бойцов, командиров и политработников конного корпуса при форсировании реки Дон. В связи с этим мне хочется рассказать об одном факте, имеющем, по-моему, поучительное политическое значение. Перед похоронами товарищи Буденный, Щаденко и Кивгелла советовались со мной о порядке похорон, в частности, по такому вопросу: «Вот многие конармейцы, — сказал Семен Михайлович, — выражают пожелания, чтобы на похоронах были попы, как тут быть? Может быть, пойти на это?» Я, подумав, сказал, что можно пойти на этот шаг. Посоветовавшись с тов. Сергушевым, мы дали на это согласие губкома партии. И вот на одной стороне братской могилы стоим мы — все представители партийных, Советских организаций, рабочие и коммунисты и командование конного корпуса, красно-

армейцы и политработники, а на другой стороне братской могилы стоят попы, дьяконы. Мы произносим свои большевистские траурные речи, в том числе и Каганович и Буденный, а попы и дьяконы отправляют свои религиозные обряды и молитвы. Признаюсь, мне впервые в жизни, да, вероятно, не только мне, приходилось участвовать в таком сочетании. Потом нам докладывали, что среди конармейцев это вызвало большой положительный отклик. «Смотри, — говорили многие, — вот партия коммунистов-большевиков поступает так, как Ленин им говорит: раз среди убитых были люди верующие, значит, надо им отдать честь по-религиозному. Воронежские большевики и наше командование так и поступили. Это значит, что брешут разные шептуны, будто коммунисты насильно заставляют быть безбожниками. Агитация против Бога и религии — одно, а в жизни пущай кто как хочет, так и понимает, а никто насильно не навязывает и попов не арестовывают, даже вместе хоронили». В общем, этот факт сам по себе был одним из разоблачительных моментов провокаций врагов.

Наступил момент прощания воронежцев с корпусом и его командованием. 29 октября по решению губкома партии и губревкома мы устроили торжественное заседание. На этом заседании я по поручению губкома и губревкома выступил с докладом о текущем моменте, о победах, одержанных над Деникиным благодаря усилиям нашей Великой партии. Я говорил о победе на Воронежском направлении, об историческом подвиге конного корпуса, его командира тов. Буденного, а также рабочих Воронежа и их руководящей силе — Коммунистической организации и Советской власти.

Собрание единодушно приняло постановление: переименовать уездный город Бирюч и уезд, где жила семья Семена Михайловича, в город и уезд Буденновск.

Перед конным корпусом стояли новые большие боевые задачи. После проведенных боев он нуждался в подкреплении, и выезжавший в эти дни в штаб Южного фронта тов. Щаденко усиленно занимался этим вопросом. Перед отъездом из Воронежа он имел со мной личную доверительную беседу по вопросу о преобразовании корпуса в конную армию и спросил мое мнение. Я ему ответил, что, тесно соприкасаясь с конным корпусом в боях за Воронеж, я высоко оцениваю боевые качества, силу, заслуги и значение корпуса и его командования и считаю, что преобразование его в армию — замечательное и нужное дело. Тогда тов. Щаденко попросил меня написать об этом тов. Сталину и высказать в письме свое мнение о целесообразности назначения в Реввоенсовет этой конной армии Климента Ефремовича Ворошилова, что в корпусе его авторитет очень высок.

Я полностью и с радостью согласился с этим и написал письмо тов. Сталину, в котором я писал о своей высокой оценке качеств и заслуг корпуса и тов. Буденного и свое мнение о целесообразности и необходимости преобразования корпуса в конармию и о том, что высший командный и политический состав корпуса хотел бы видеть членом Реввоенсовета конной армии тов. Ворошилова и что я лично поддерживаю это желание. Я также высказал свое мнение о тов. Щаденко как крепком, хорошем большевике-ленинце, которого также следовало бы назначить членом Реввоенсовета армии. Это письмо я передал тов. Щаденко, сказав ему, что я написал и о нем товарищу Сталину, хотя он со мной об этом, конечно, не говорил.

После боев за Касторное конный корпус успешно развивал свое дальнейшее наступление и 22 ноября занял второй важный узел — Старый Оскол, а 1 декабря — Новый Оскол и Велико-Михайловку. Именно в этом районе победоносный, героический конный корпус 6 декабря 1919 года встречал руководителей Южного фронта тов. Сталина И. В. и тов. Егорова, именно здесь окончательно, организационно-практически корпус был преобразован в Конную армию с Реввоенсоветом во главе в составе: командующего армией тов. Буденного, членами Реввоенсовета тов. Ворошилова и тов. Щаденко. Эта встреча руководства Южного фронта и Конной армии в Велико-Михайловке имела не местное, а общефронтовое и даже общегосударственное значение. Сталин именно в Велико-Михайловке определил роль, значение и дальнейшее направление действий Конной армии в общем плане разгрома Деникина, принятого Политбюро ЦК вопреки мнению Троцкого, по известному письму Сталина товарищу Ленину.

Губернский комитет партии и губернский военно-революционный комитет ни на минуту не забывали о выполнении задач и лозунга партии и Ленина «Все для победы над Деникиным!», помогая армии и после перехода штаба Конного корпуса из Воронежа и тем частям 8-й армии, которые оставались в Воронеже и губернии.

В то же время мы сосредоточили особые усилия на налаживании нормальной партийной, Советской и профсоюзной жизни, на восстановлении разрушенного хозяйства — промышленности, городского и сельского хозяйства в освобожденных и освобождаемых уездах.

Естественно, что первоочередной работой было восстановление партийных организаций, памятуя, что душой и главным двигателем всей революционной жизни и Советской деятельности является наша Ленинская большевистская партия. Уже 28 октября 1919 года был издан следующий Приказ № 2 Воронежского

губернского военно-революционного комитета. В развитие Приказа № 1 губвоенревком постановляет:

«1) Объявить гражданам, что соблюдение революционного порядка, прекращение всяких бесчинств, охрана внутреннего спокойствия возложена на коменданта города. Со всеми жалобами, с обращениями за вооруженной помощью надлежит обращаться к коменданту (бывшая гостиница «Бристоль»).

2) Отделу коммунального хозяйства поручается в первую очередь наладить нормально электричество, водопровод, снабжение их дровами, упорядочение жилищного вопроса и вообще налаживание городского хозяйства.

3) Срочно учесть все оставшиеся товары на складах, в магазинах, наладить продовольственный и распределительный аппарат и дать возможность нормальному функционированию магазинов.

4) Все советские учреждения и частные лица, имеющие товары, продукты, а также и граждане, знающие о таковых, обязаны в течение 28 и 29 октября доставить подробные сведения в отдел коммунального хозяйства (проспект Революции, помещение Губпродкома).

5) Все мелкие магазины, лавочки, так же как и торговцы на базарах, могут продолжать свою торговлю, причем их товары конфискации подвергаться не будут.

6) Все денежные знаки, имеющие хождение в пределах Советской республики, должны беспрекословно приниматься по их достоинству; все же деньги, выпущенные контрреволюционным правительством, аннулируются.

7) Настоящим Губревком ставит в известность представителей православного и религиозного культа, что допускается совершенно свободно совершение богослужений с колокольным звоном.

8) Все вышеизложенное должно строго и неуклонно исполняться и проводиться в жизнь. За нарушение или неисполнение будут привлекаться по законам военного времени.

Председатель Л.М.Каганович. Секретарь П. Буларгин».

Должен отметить, что по пункту 7 (о богослужении, да еще с колокольным звоном) были споры, некоторые товарищи возражали, во всяком случае, сомневались. Но я и тов. Сергушев доказывали товарищам, что необходимо пойти наперерез развернувшейся контрреволюционной агитации о том, что большевики-де собираются закрыть все церкви, изъять и переплавить колокола, арестовать и расстреливать духовенство и так далее. Этим пунктом в приказе губвоенревкома мы нанесли удар контрреволюционной агитации и укрепили наши позиции среди колеблющихся

элементов трудящихся. После наших разъяснений Губревком принял единогласно этот пункт.

Героическим, напряженным трудом рабочих и всех руководящих активистов-коммунистов нам удалось успешно выполнить не только пункты этих приказов № 1 и № 2, но и разработанные в их развитие конкретные мероприятия. В результате уже через короткий срок после освобождения Воронежа появилась электроэнергия, электросвет, повеселели не только граждане, но и мы все, а то ведь приходилось работать в условиях причудливого освещения.

Мне трудно было уезжать в декабре из Воронежа, однако при обсуждении вопроса в губкоме товарищи высказали серьезные соображения за мою поездку общеполитического характера и делового — у нас были большие острые нужды, требовавшие разрешения в Москве, поэтому губком решил, что мне нужно ехать. Думаю, что небезынтересно рассказать, как мы ехали. К сожалению, с железными дорогами положение было такое, что железнодорожники не могли гарантировать мне, что я успею к открытию съезда. Поэтому мы организовали поездку на лошадях от Воронежа до Козлова. Это было рискованно, но меня уверили, что приедем вовремя. И вот, несмотря на метели и заносы, мы на санях (около 180 км) добрались до станции Козлов (Мичуринск), а там пассажирским поездом к открытию съезда 5 декабря прибыли в Москву.

VII Всероссийский съезд Советов открылся точно в установленный срок — 5 декабря 1919 года в Большом театре вступительной речью тов. Калинина Михаила Ивановича. Он начал с того, что революция как в России, так и на Западе, наряду с успехами, понесла и огромные потери. Он сказал о великой утрате, которую понес международный пролетариат в лице Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Далее он говорил о потере нами такого крупного деятеля, как Яков Михайлович Свердлов, и ряда других партийных и Советских деятелей. Тов. Калинин предложил почтить память погибших товарищей вставанием — все встали, и оркестр исполнил похоронный марш. Далее Калинин говорил о наших победах на фронтах, в особенности о победе, одержанной в защите Петрограда.

Когда в заключение тов. Калинин сказал, что он выразит волю съезда, если скажет, что в Петрограде должно быть водружено знамя VII Всероссийского съезда Советов, весь съезд поднялся, бурно аплодируя и возглашая: «Да здравствует Красный Петроград!» Это был волнующий душу момент. После этого съезд избрал президиум из 21 человека. В числе избранных в президиум съезда Советов был и «Каганович-Воронежский». Эта прибавка «Воронежский» так и записана в протоколе съезда, видимо, потому, что на съезде

был еще один Каганович — губпродкомиссар Симбирской губернии. Впоследствии эта отметка «Воронежский» отпала, и некоторые иногда смешивали меня с этим Кагановичем Петром Кирилловичем, что для меня было не всегда благоприятно, так как тот Каганович Петр Кириллович, будучи, вообще говоря, крупным работником, в 1921 году стал троцкистом, подписал «платформу 83-х».

В 1957 году один известный «историк» (т. Поспелов) спутал меня с ним, хотя если бы этот историк изучил бы этот вопрос, как полагается серьезному историку, то он, конечно, знал бы, что Каганович Лазарь Моисеевич, или, как тогда было записано, «Воронежский», не только никогда не подписывал троцкистской «платформы 83-х», но всю свою сознательную жизнь активно боролся с троцкизмом как верный Ленинец!

Центральным вопросом на съезде Советов был, конечно, доклад тов. Ленина, совместивший доклад ВЦИКа и доклад Совнаркома. Он приковал внимание всего съезда, в том числе и мое.

VII съезд Советов принял оглашенную тов. Лениным резолюцию: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика желает жить в мире со всеми народами и направить все свои силы на внутреннее строительство, чтобы наладить производство, транспорт и общественное управление на почве Советского строя, чему до сих пор мешали, сперва — гнет германского империализма, затем — вмешательство Антанты и голодная блокада.

Рабоче-крестьянское Правительство предлагало мир державам Антанты неоднократно, а именно: 5 августа 1918 года — президенту Вильсону; 3 сентября — американскому представителю г. Пулю; 24 октября 1918 года — президенту Вильсону; 3 ноября 1918 года — всем правительствам Согласия через представителей нейтральных стран; 7 ноября 1918 года — от имени Всероссийского съезда Советов; 23 декабря 1918 года — нота Литвинова в Стокгольме всем представителям Антанты; 4 февраля 1919 года — проект договора, выработанный с Буллитом, явившимся от имени президента Вильсона 12 марта 1919 года; заявление 7 мая 1919 года через Нансена.

Вполне одобряя все эти многократные шаги Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Совета Народных Комиссаров и Народного комиссариата иностранных дел, VII Всероссийский съезд Советов снова подтверждает свое неуклонное стремление к миру, еще раз предлагая всем державам Антанты — Англии, Франции, Соединенным Штатам Америки, Италии, Японии — всем вместе и порознь, — начать немедленно переговоры о мире и поручает Всероссийскому Центральному Исполнитель-

ному Комитету, Совету Народных Комиссаров и Народному комиссариату иностранных дел систематически продолжать политику мира, принимая все необходимые для ее успеха меры». Когда тов. Ленин закончил чтение этого проекта резолюции, в зале раздались аплодисменты и возгласы: «Голосовать без прений». Председательствовавший тов. Калинин сказал: «Огромное большинство делегатов выражает желание принять резолюцию без прений. Позвольте поставить на голосование только что оглашенную тов. Лениным резолюцию. Кто за принятие резолюции? Кто против? Кто воздержался? Итак, резолюция принимается единогласно».

VII съезд Советов избрал Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет — ВЦИК. Список деятелей центра возглавлялся любимым вождем партии тов. Лениным. Ярким выражением демократичности этих выборов во ВЦИК было то, что большинство его состояло из выдвинутых деятелей местных губерний, уездов и даже волостей (в числе избранных во ВЦИК был и я — Каганович-Воронежский).

В июле 1920 года я был вызван в Центральный Комитет партии, где секретарь ЦК мне сказал: «ЦК, обсудив положение в Туркестанской республике (в которую тогда входили нынешние Узбекская, Туркменская, Таджикская, Киргизская и большая часть Казахской республики), решил создать там Туркестанское бюро ЦК РКП. Учитывая ваш опыт партийной и Советской работы, ЦК имеет намерение выдвинуть вас в состав этого бюро ЦК, а также ввести в состав существующей уже Туркестанской комиссии ВЦИКа и Совнаркома. Как вы, товарищ Каганович, относитесь к этому?» Я ответил, что мне бы не хотелось уезжать в настоящее время из Воронежа до полного завершения восстановления хозяйства и укрепления низовых органов Советской власти, но если ЦК считает необходимым послать меня в Туркестан, я приму это решение ЦК и отдам все свои силы и опыт для выполнения поручения ЦК и Правительства. (Признаюсь, у меня была личная серьезная причина к отказу от Туркестана — моя жена Мария Марковна болела туберкулезом, и туркестанский климат не был для нее благоприятным, но я даже постеснялся говорить в ЦК о личных причинах. Сама Мария одобрила то, что я не говорил об этом в ЦК, и выехала со мной.) «Очень хорошо, — сказал секретарь ЦК Крестинский, — мы так и полагали, что вы дадите согласие. Что касается Воронежа, то там кадры окрепли и восстановление будет идти нормальным порядком, а если потребуется, то ЦК их подкрепит. В Туркестане же дело посложнее и потруднее, поэтому мы и посылаем туда по указанию товарища Ленина сотни работни-

ков. По его же поручению мы вас вызвали. Когда вы вернетесь из Воронежа для отъезда в Туркестан, товарищ Ленин вас примет. Только вы не задерживайтесь долго, даем вам на сдачу дел максимум одну неделю».

Осложнилось дело тем, что председатель губкома тов. Сергушев заявил, что он просит меня доложить ЦК, что и он согласен и даже просит ЦК командировать его в Туркестан. Я ему обещал и выполнил его просьбу — ЦК вынес решение об откомандировании тов. Сергушева в Туркестан; вслед за мной он и выехал для партийной работы в Туркестан; там он вел руководящую работу в ЦК КП Туркестана и принес большую пользу. По настоянию товарищей — членов президиума губисполкома сдача дел завершилась созывом пленума губисполкома, где я выступил с отчетом президиума, который был одобрен, я также говорил о задачах и высказал им свои добрые пожелания. Они не остались в долгу и высказали добрые слова и пожелания мне.

Глава 7
В ТУРКЕСТАНЕ

Я попросил дать мне возможность изучить имеющиеся в ЦК материалы о Туркестане, и прежде всего решения ЦК и Правительства, после чего я обратился в Наркомнац и там еще детальнее ознакомился не только с материалами и положением в Туркестане, но и с книгами о дореволюционном и послереволюционном Туркестане. Все это не только обогатило меня, но и вызвало большой интерес к Туркестану и закрепило мое согласие поехать туда.

Все это подготовило меня и к беседе с Лениным. Первым вопросом, который мне задал тов. Ленин, был вопрос о положении в Воронежской губернии. Думаю, что здесь было не только желание узнать о действительном положении, но и необходимость определить: целесообразно ли меня перемещать из Воронежа.

Я коротко доложил о проделанной работе по восстановлению хозяйства на основе решений IX съезда партии, об укреплении наших позиций в деревне, но не прикрашивая, а самокритически; я говорил о все еще имеющихся разрушениях и недостатках как в хозяйстве, так и в низовых органах Советской власти; об имеющихся еще кулацко-бандитских элементах в ряде волостей и о нашей борьбе с ними. Я рассказал о принимаемых нами мерах по выполнению задач, поставленных в тезисах ЦК «Польский фронт и наши задачи», о хороших революционно-патриотических настроениях рабочих и крестьян и их уверенности в нашей победе над польскими панами и их покровителями — антантовскими империалистами.

«Да, — сказал тов. Ленин, — мы вот на IX съезде партии рассчитывали уже на переход к мирному строительству, но наши враги —

международные империалисты не унимаются и сделали новую попытку отбросить нас назад руками панской Польши и Врангеля. Но их новый поход развертывается в более благоприятных для нас условиях, чем в 1918–1919 годах. Правда, наши войска рассредоточены, тогда как у поляков они сосредоточены, но раз нам навязана война, мы опять подчиним все интересам войны с белополяками и Врангелем — сделаем все для победы. Это хорошо, что и у вас в Воронеже мобилизуются все силы для этого. Что касается разрушений и недостатков в хозяйстве, то они имеются всюду, особенно там, где проходил фронт. Все же, видимо, у вас в Воронеже дело обстоит лучше, чем в других, особенно отдаленных краях, как, например, в Туркестане, поэтому если вы клоните к тому, чтобы вас оставить в Воронеже, то это неправильно».

Я сказал товарищу Ленину, что вначале, при разговоре в ЦК, я действительно высказал мысль, что мне хотелось бы завершить работу по восстановлению хозяйства в Воронежской губернии. «Но в процессе изучения решений ЦК и материалов о Туркестане я проникся не только интересом, но и желанием поехать туда работать, а сейчас, тем более после беседы с вами, я с большой охотой поеду туда и отдам всю свою энергию и силы для выполнения задач, поставленных ЦК».

«Это очень хорошо, — сказал тов. Ленин, — что у вас появился интерес и что вы охотно поедете туда, а то ведь туда не все едут с большой охотой. Это очень важно, так как в Туркестане дела потруднее и посложнее. В Туркестане английские империалисты ведут коварные интриги. В Бухаре, где еще сидит эмир, подавляющий растущее там революционное движение, превращая Бухару в базу для туркестанских басмачей, нам необходимо помочь бухарским революционерам свергнуть, изгнать эмира. Тем самым будет нанесен удар по замыслам английских империалистов и их мероприятиям по разжиганию и распространению басмачества в Туркестане. Нужно ускорить ликвидацию басмачества и не допустить нового обострения и расширения Туркестанского фронта.

Конечно, — сказал тов. Ленин, — здесь задача не чисто военная, а может быть, и не столько военная, сколько общеполитическая и социально-экономическая, особенно в отношении местного крестьянства. Из материалов и принятых нами решений вы видели, что немало уже сделано, но еще больше необходимо сделать. Созданная ЦК Туркестанская комиссия ВЦИК и СНК проделала значительную работу в Туркестанской республике. Особенно мно-

го сделали товарищи Фрунзе и Куйбышев, но, с точки зрения усиления партийного руководства и консолидации всех сил коммунистов, там еще непочатый край работы. Самым опасным, — сказал тов. Ленин, — является то, что в Туркестане все еще большое влияние имеют элементы великодержавного шовинизма, задерживающие воспитание кадров из местных национальностей и выдвижения их на руководящую государственную и партийную работу. Антипартийными являются их доводы против выдвижения кадров местных национальностей, что, мол, они неспособны руководить. Это ведь враждебные коммунизму взгляды. Если, во-первых, эти местные люди сегодня не могут, то в процессе практики они научатся, во-вторых, есть уже способные, вполне подготовленные, выросшие кадры и их надо смелее выдвигать. Как вы думаете об этом?» — спросил меня Ленин. Я ответил, что вполне с этим согласен. «Ведь мы сами, — сказал я, — рабочие, не были подготовлены к управлению сразу после Октябрьской революции, но с ошибками и недостатками, но научились и учимся дальше». — «Вот именно, — воскликнул тов. Ленин, — но, к сожалению, многие не применяют этот опыт к так называемым националам. А вы читали последние решения ЦК о Туркестане?» — задал мне вопрос тов. Ленин. «Да, — ответил я, — читал». — «У меня, — сказал тов. Ленин, — есть к вам две просьбы: занимайтесь лично 1) продовольственным делом и 2) восстановлением хлопководства. Оба эти вопроса являются для Правительства важнейшими и острейшими вопросами, и Туркбюро ЦК и Турккомиссия ВЦИК и СНК должны уделить этому особое внимание».

Должен сказать, что я был так взволнован такой большой беседой и высказываниями тов. Ленина, что мог только коротко ответить: «Я хорошо понял, Владимир Ильич, ваши указания и значение поставленных вами задач и лично сделаю все необходимые выводы во всей своей конкретной практической работе. Мне трудно сейчас сказать, насколько я справлюсь с этими задачами, но одно скажу вам, нашему вождю и учителю, что я отдам все свои силы, энергию и опыт, чтобы оправдать ваше доверие, для этого буду и сам учиться в процессе работы в новых условиях». — «Очень хорошо, — сказал тов. Ленин. — Чтобы учить других, нужно обязательно самому учиться, и притом беспрерывно».

В Москве, явившись в ЦК, я получил на руки решение ЦК о назначении меня членом Туркестанского бюро ЦК РКП(б) и членом Туркестанской комиссии ВЦИК и Совнаркома, и я считал возмож-

ным выехать. Потом я получил мандат, подписанный председателем ВЦИК тов. Калининым, председателем Совета Народных Комиссаров тов. Лениным и секретарем ВЦИК тов. Енукидзе.

Нечего и говорить, как поразил и взволновал меня этот мандат. Шутка ли сказать — действовать от имени ВЦИК и Совнаркома! Какая ответственность и какое доверие, ко многому обязывающие. В то же время этот мандат за подписью Ленина поднял и чувство ответственности и чувство достоинства. Я долгие годы хранил этот мандат как святую реликвию, но потом, для гарантии сохранности документа с подписями Ленина и Калинина, я передал его в Центральный музей В. И. Ленина.

Выехал я вместе с большой группой (около 100 человек), подобранных Центральным Комитетом партии партийных и Советских работников для работы в Туркестанской республике.

19 сентября 1920 года открылся IX съезд Советов Туркестанской Республики. Этот съезд не только закрепил, оформил, так сказать, в государственном порядке решения и резолюции предшествовавшего V съезда компартии Туркестана, но и принял ряд важных законов и прежде всего — новую Конституцию Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики. Мне довелось вместе с товарищами Куйбышевым, Фрунзе, Сокольниковым и другими членами Туркбюро и Туркомиссии принять активное участие в разработке этой Конституции Туркестанской Республики 1920 года. Она отличалась от прежней Конституции, принятой в 1918 году, прежде всего тем, что зафиксировала все то новое, что было завоевано за эти два года: уточнен состав народных комиссариатов, внесены изменения, связанные с ликвидацией периода разрыва связи Туркестана с центральной властью. В то же время расширены права и обязанности республиканских органов власти и местных облисполкомов в области хозяйственной и административной.

Утвержденная Конституция 1920 года основана на Конституции РСФСР и по содержанию, и по стилю — по форме, она соответствовала положению Туркреспублики как автономной и в то же время укрепила национальную советскую государственность Туркестанской Республики, заложив основы более тесной связи и сближения трудящихся наций Туркестана со всеми народами РСФСР, и прежде всего с Великим Русским народом.

По совету Туркестанского бюро ЦК РКП(б) заключительное заседание IX съезда Советов было проведено в старом городе —

Ташкенте, где проживало почти исключительно мусульманское население — узбеки. Туда же, конечно, пришли и рабочие нового города. Трудно сейчас передать тот подъем, который господствовал на этом расширенном заседании. Наиболее активно себя вели приглашенные рабочие-узбеки, вместе с ними выделялась группа декхан и деревенских пролетариев, приглашенных из кишлаков, выделялась отдельная группа представителей религиозных мусульманских деятелей, в том числе мулл, признавших Советскую власть и приглашенных нами на это заседание. Самым важным были не столько выступления руководящих деятелей, сколько выступления простых, рядовых низовых людей — рабочих, ремесленников, декхан, чайрикеров, марункеров, которые горячо, от всей души приветствовали партию, съезд Советов, Великого Ленина, обеспечивших им социальное и национальное освобождение.

После V съезда Компартии Туркестана и IX съезда Советов Туркреспублики были проведены отчеты об их решениях во всех организациях. По совету Туркбюро ЦК РКП(б) ЦК компартии Туркестана не ограничился охватом только областных, городских и крупных районных организаций, а были охвачены отчетами все низовые организации партии. Нельзя сказать, что критика туркестанских коммунистов, данная в решениях V съезда партии и даже в решениях ЦК РКП(б), была с энтузиазмом принята во всех без исключения организациях Туркестана. Были и выступления, выражавшие несогласие с курсом борьбы с великодержавным и местным национализмом, а также о чистке парторганизации от них и всяких иных «мазуриков».

Даже в Ташкенте на собрании коммунистов Железнодорожного района, где мне довелось выступить с докладом, настроения среди некоторой части коммунистов были оппозиционные. Пришлось немало «соли съесть» и мобилизовать лучшие силы здоровой части организации для того, чтобы резолюция, одобряющая полностью решения V съезда Компартии Туркестана, основанные на решениях ЦК РКП(б), получила солидное большинство их собрания.

Хотя я уже выступал в Старом городе на заключительном заседании IX съезда Советов, но я и здесь, на партийном собрании, волновался, ибо аудитория для меня новая, а главное — моя ораторская привычка поддерживать во время речи контакт с аудиторией здесь встречала языковой барьер: аудитория не знала рус-

ского языка, а я не знал узбекского. Но я видел, что аудитория места, наиболее темпераментные в моей речи, встречала аплодисментами, особенно бурными были аплодисменты, когда я упоминал имя Ленина! Собрание закончилось принятием резолюции, полностью поддерживающей решения V съезда и ЦК РКП(б), и под бурные аплодисменты — принятием приветствия тов. Ленину.

Был на собрании небольшой, для того времени оригинальный эпизод. Я сейчас в некотором затруднении, рассказывать ли здесь о нем, но, подумав, считаю, что в нем есть идейно-политический поучительный момент, который полезно знать, поэтому я о нем расскажу. Дело в том, что, как говорил мне один из руководителей собрания тов. Хакимов, они не рассчитали, что я не успею закончить доклад до захода солнца. Собрание было в саду, вот и получалось так, что во второй половине моего доклада собрание начало понемногу таять, то есть некоторые начали потихоньку подыматься и уходить. Естественно, я был в недоумении, не понимая, в чем дело. Очень сконфужены были и руководители собрания, которые смущенно мне сказали: «Дело в том, что как раз солнце заходит, и часть верующих пошла помолиться Аллаху, после чего сразу же вернутся, но мы им скажем как следует». Я их успокоил, предложил объявить перерыв и в перерыве рассказал им, как Ленин нам наказывал считаться даже с предрассудками, в том числе и религиозными, преодолевая их не командованием и принуждением, а глубокой длительной идейно-пропагандистской работой среди масс, особенно среди тех коммунистов и им сочувствующих, у которых все еще сохранились нити, соединяющие веру в Аллаха с верой в коммунистические идеи.

В организации и упорядочении работы Совета Народных Комиссаров Туркреспублики задачи были более трудные и сложные, так как сама работа его в деле выполнения указанной выше программы была более объемиста и сложна, чем у ТурЦИКа. Нами были разработаны и приняты Положения о работе Совнаркома: по примеру Совнаркома РСФСР был образован Малый Совнарком, но, учитывая специфику Туркестана и, в частности, выдвижение нового руководства, требующего особо дружной и подкрепляющей работы, мы решили сделать этот Малый Совнарком чем-то вроде Президиума Совнаркома, и поэтому в отличие от Совнаркома РСФСР, где членами Малого Совнаркома являются заместители наркомов, в ТуркСовнаркоме Малый Совнарком был со-

ставлен из народных комиссаров главных отраслей хозяйственной и административной жизни и возглавлялся самим Председателем Совнаркома.

Нельзя сказать, что все намеченное было осуществлено, но, несомненно, работа Совнаркома была улучшена именно в указанном направлении. Нелегко и не сразу были решены все персональные вопросы, в частности выдвижение заместителей Председателя Совнаркома и наркомов. Помню разговор или даже спор о первом заместителе Председателя Совнаркома на совместном заседании Туркбюро и ЦК Компартии Туркестана. Помню, что товарищ Атабаев, как председатель Совнаркома, внес предложение, точнее, просил назначить первым заместителем тов. Кагановича Л. М. «Товарищ Каганович, — говорил Атабаев, — особенно добивался выдвижения меня в Председатели. Пусть мне поможет справиться с этим делом». Надо сказать, что у некоторых это вызвало поддержку, но в ходе обсуждения большинство членов Туркбюро ЦК сошлось на том, что хотя это было бы очень хорошо, но в этом имеются серьезные отрицательные моменты. Помню, один товарищ сказал: «Это может быть воспринято так: «не умер Данило, болячка задавила». Заменили Любимова Атабаевым, а теперь, мол, посадили Кагановича первым заместителем, который фактически будет руководить». Другие товарищи говорили, что неудобно заместителя Председателя Туркбюро ЦК РКП(б) и Турккомиссии ВЦИК и СНК ставить заместителем Председателя Совнаркома Туркреспублики и так далее. Я лично также считал это нецелесообразным, но, как говорится, попал из огня в полымя. Так как все же при любом решении о первом зампредсовнаркома вопрос о серьезной помощи Атабаеву и подъеме работы Совнаркома остается острым, то некоторые товарищи, в том числе и Сокольников, приведя пример центра (где Сталин, член Политбюро ЦК, является наркомом Рабоче-Крестьянской Инспекции, являющейся наркоматом особого типа, фактически врывающимся в работу всех наркоматов), предположили, что лучше всего будет назначить тов. Кагановича наркомом Рабоче-Крестьянской Инспекции, который, опираясь на инспекцию, лучше сумеет выполнять и функции Турккомиссии — контроля за исполнением законов и постановлений Центрального правительства, приведет в «христианский» вид государственный аппарат и по-настоящему поможет тов. Атабаеву без внешнего подчеркивания своего положения. В этом была своя логика. Все с этим согласились, да и я со-

гласился, потому что это была массовая, по-новому организуемая работа, которая даст мне возможность выдвинуть и обучить местных работников, вовлечь массы в управление государством, по-настоящему проникнуть в глубь Советского строительства, влезть в дебри государственного аппарата и почистить его «авгиевы конюшни».

Итак, я был назначен народным комиссаром Рабоче-Крестьянской Инспекции Туркестанской Республики. Это действительно дало мне возможность не только бороться с отрицательными сторонами, но и, изучая факты работы наркоматов, помочь в их перестройке и превращении их в полноценный стройный государственный организм. Это была одна из важных и первых работ Совнаркома, потому что при существовавшем бессистемном и даже случайном построении аппаратов наркоматов невозможно было успешно выполнить поставленные задачи.

Указанная работа Туркбюро ЦК РКП(б) — Турккомиссии, ЦК Компартии Туркестана, Совнаркома и ТурЦИКа, как и вся работа партийной организации и Советов в области партийного, Советского и хозяйственного строительства проходила в боевых фронтовых условиях.

Туркестанский фронт сыграл большую историческую роль в достигнутых победах гражданской войны. Под командованием талантливого полководца Михаила Васильевича Фрунзе героические войска Туркестанского фронта при активной руководящей помощи туркестанских партийных Советских организаций освободили от белогвардейских, казачьих контрреволюционных орд, интервентов и служивших им контрреволюционных феодалов-националистов колоссальную территорию — от Оренбурга, Орска, Уральска, Актюбинска, Семиречья до Закаспия.

Ликвидация блокады Туркестана, открытие прямого пути из центра в глубь Туркестана имели особо важное политическое, экономическое и военное значение для Туркестана и всей страны. Наступление Советской Красной Армии в глубь Туркестана принесло народам Туркестана — узбекам, казахам, киргизам, таджикам и туркменам не порабощение, какое принесли много лет назад царские войска, а полное и окончательное освобождение всех народов Туркестана от всех остатков колониализма, от попыток нового их колониального закабаления белогвардейско-казачьими и интервенционистскими английскими империалистами, освобождение от феодального гнета внутри самих туземных народов

Туркестана. Для Советской Социалистической России и ее пролетариата и крестьянства это успешное наступление Туркестанского фронта имело важное значение для укрепления завоеваний революции, и в частности для обеспечения текстильных фабрик хлопком, промышленности эмбинской и чимкентской нефтью и так далее.

Освобождение Хивы, отвоевание Закаспия — его освобождение привели, конечно, к укреплению внутреннего и военного положения в Туркестане. Можно сказать, что белогвардейско-казачьи и интервенционистские организованные фронты были в основном ликвидированы. Но было бы ошибочным думать, что ликвидированы были все силы контрреволюции и интервенции, которые требовали организованной фронтовой войны с ними. Это были прежде всего басмачи в Фергане, в Туркмении (Джунаид-Хан) и Эмирская Бухара. Именно поэтому Великий Ленин, опасаясь демобилизационных настроений в Туркестане, неустанно требовал прежде всего политических мер — правильного и неуклонного проведения политики партии в Туркестане. Ленин был целиком согласен со Сталиным, который в письме Ленину от 26 октября 1920 года, говоря об успехах Орджоникидзе на Кавказе, писал: «Не сомневаюсь, что, если бы в Туркестане велась наша политика так же умело, не было бы у нас десятков тысяч басмачей». Все решения, принятые ЦК РКП(б) в июне и июле 1920 года, все меры, принимавшиеся в Туркестане как Туркбюро, так и ЦК КПТ, Совнаркомом и ТурЦИКом для их выполнения, в том числе и экономические, были именно направлены на это. Но, разумеется, в число этих мер прежде всего входили военные меры. Вот почему в беседе перед выездом в Туркестан тов. Ленин говорил мне: «Вам, товарищ Каганович, придется заниматься не только партийной и Советской работой, но и военной, так как басмачество все еще бесчинствует». Хотя к сентябрю — октябрю были одержаны серьезные победы над ферганскими басмачами, в том числе над Мадамин-беком, басмачи все еще творили свое подлое дело: нападали на кишлаки, городские поселения, на предприятия, железные дороги, взрывая и уничтожая все на своем пути и убивая жителей, особенно рабочих, в том числе узбеков, казахов, таджиков и киргизов. Их вдохновляла и поддерживала помощь, идущая из Бухары, то есть от англичан. В Бухару под знамена эмира (на деле английских импери-

алистов) стекался всякий сброд из остатков колчаковских и дутовских разбитых армий, разбитых семиреченских белых казачьих повстанцев и даже свежее подкрепление турецких контрреволюционных антикемалистских сил во главе с известным авантюристом генералом Энвер-пашой.

Уже в конце февраля или начале марта эмир Бухарский со своей приближенной челядью (должно быть, и с гаремом) еле унес ноги, удрав в Афганистан. Но борьба все еще продолжалась, и только в конце 1921 года было окончательно покончено с остатками эмировского войска и наши красноармейские части были выведены из Восточной Бухары, будучи заменены частями Бухарской армии. Трудящиеся узбеки и особенно таджики, населявшие Бухару, подняли голову, готовясь к свободной от феодалов, баев и эмирских деспотов новой Советской жизни.

В борьбе с внутренним басмачеством в Фергане в конце 1920 года и в начале 1921 года ему были нанесены серьезные удары, однако, надо сказать, что борьба с внутренним басмачеством затянулась, то затихая, то обостряясь. Разгромленные эмирские банды частично соединились с ферганскими басмачами — английские агенты и офицеры-инструктора организовывали их в полки, сотни, обучая военной тактике и ведению боя. В ферганские басмаческие районы стекались все контрреволюционеры Туркестана да и остатки колчаковщины, в том числе татаро-башкирские контрреволюционные националисты. Туда же бежали и националисты — бывшие «советские» деятели, как, например, заместитель председателя ТурЦИКа Тюрякул Джаназаков и другие. Баи и особенно духовенство играли большую контрреволюционную и реакционную роль. Они спекулировали на трудностях, на продовольственных заготовках и на допускавшихся нашими людьми ошибках. Но чем дальше затягивалась борьба, тем все большее количество декхан, бедняков и батраков переходило на нашу сторону. ЦК Компартии Туркестана и местные комитеты направляли инструктированных агитаторов из мусульманских работников, которые успешно вели политическую борьбу с басмаческой, байской и религиозной агитацией.

Большую роль сыграли храбрые чекисты, умело и беззаветно боровшиеся под руководством Дзержинского, а в Туркестане — Петерса и таких старых большевиков, как Приворотский и Булганин и другие, с контрреволюцией, с басмачеством и вдохновлявшими их шпионскими, контрреволюционными силами. Они

хорошо помогали Туркбюро ЦК РКП(б), Реввоенсовету фронта. В укреплении Советского государства в Туркестане их заслуги велики.

Вся жизнь Советского Туркестана была непрерывно связана с жизнью всей Советской Республики. В конце 1920 года после победы над Колчаком, Деникиным и иностранными интервентами Советская страна получила возможность перейти к новому этапу мирного социалистического строительства. Мы на местах всю свою идейно-пропагандистскую и практически-хозяйственную работу вели на основе директив ЦК и речей Ленина. Помню, как мы по указанным выше речам Ленина провели массовые доклады, лекции, на которых мы, руководящие деятели, выступали и видели, как массы, в том числе железнодорожники, хорошо их воспринимали.

Разумеется, мы не ограничивались речами, а по-деловому усиленно работали. Руководящие партийные и Советские органы вплотную, более скрупулезно занялись выискиванием резервов, товаров, в том числе и для торговли с Бухарой и Хивой. Вообще надо сказать, что образование Бухарской и Хивинской Народных Советских Республик принесло нам много радости, но одновременно и много новых забот в оказании им необходимой помощи в организационном и материальном отношении. Особые наши усилия занимал транспорт, и в первую очередь железнодорожный. Мы усиленно занялись восстановлением мелких промышленных предприятий для увеличения выпуска товаров широкого потребления, особенно для хлопковых районов. Хлопок был в центре нашей работы.

И вот в этот трудный момент — в противоположность Ленинским установкам на преодоление величайших трудностей — Троцкий навязывает партии «дискуссию о профсоюзах».

14 января 1921 года комиссия ЦК РКП(б) выпускает официально Ленинскую платформу под названием «Проект постановления X съезда РКП по вопросу о роли и задачах профсоюзов».

После этого в «Правде» печатаются платформы «троцкистов», «бухаринцев (буфер)», группы «Демократического централизма», «Рабочей оппозиции» и других.

Острая борьба шла, главным образом, вокруг платформ: Ленинской, Троцкистской и Буферно-бухаринской, а также «Рабочей оппозиции». Так было у нас, и в Туркестане, и, видимо, в большинстве парторганизаций. Именно в этот период в таш-

кентской и других парторганизациях дискуссия о профсоюзах приняла наиболее острый характер. Нами была особенно развернута активная борьба с троцкистами «Рабочей оппозиции», которая первое время была сильна среди железнодорожников. Важно отметить, что у нас в Туркестанской организации, в первую очередь в Ташкенте, троцкисты, бухаринцы и даже так называемая «Рабочая оппозиция» и националисты блокировались против Ленинской платформы, выступая против нее единым беспринципным фронтом.

А еще острее было положение среди неустойчивых масс, где мелкобуржуазная стихия захлестывала и подогревала внутрипартийные оппозиции, особенно демагогически, рекламно-фальшиво назвавшую себя «Рабочей оппозицией», которая подыгрывалась под мелкобуржуазные настроения среди рабочих. Вот почему это была после Бреста самая острая, кризисная, опасная для партии и диктатуры пролетариата дискуссия.

Борьба была острая и тяжелая. Некоторые из современных историков упрощают положение, легковесно оценивают прохождение дискуссии с точки зрения современного положения, когда каждый ребенок знает, что Троцкий был врагом партии и Ленинизма, что Бухарин стал правым идеологом кулачества. Тогда положение было иным, и, выступая против Ленина, они прикрывали свои правооппортунистические, антимарксистские, антиленинские предложения левыми фразами и квазиделовыми предложениями. Ведь многие коммунисты голосовали за них, против Ленинской платформы, исходя из каких-то «деловых» соображений, и среди них были такие, которые потом боролись против Троцкого. Ведь даже в самом ЦК Троцкий вместе с его союзником Бухариным имели почти половину, и это при таком Великом авторитете такого вождя, как Ленин. Наш ЦК был на волоске от раскола. Так что положение в партии было крайне критическим, недаром Ленин написал статью «Кризис партии».

Троцкисты, бухаринцы, «Рабочая оппозиция» и другие — все, вместе взятые, особенно рассчитывали на окраинные организации, в том числе и Туркестанскую партийную организацию, имея в виду ее якобы отсталость окраинной организации. Но они не учли, что ЦК РКП(б) и лично Ленин много сделали для поднятия ее общепартийного уровня как большевистской организации. Они, конечно, и с известным основанием рассчитывали на национальную рознь, в том числе и среди коммунистов, которая в недавнем

прошлом принимала особенно острый характер. В особенности они рассчитывали, в частности «Рабочая оппозиция», на железнодорожников, среди которых еще оставалось немало зараженных великодержавным шовинизмом. Рассчитывали оппозиционеры и на местных националистов. Надо сказать, что дискуссия о профсоюзах подняла и другие мутные мелкобуржуазные элементы в партии и вне партии и по вопросам, даже не имевшим прямого отношения к профсоюзам.

Кроме, так сказать, объективных факторов, у нас в Туркестане образовался прорыв в субъективном факторе руководства, в самом Туркбюро ЦК РКП(б).

Председатель Туркбюро ЦК Сокольников оказался в числе лидеров антиленинской Бухаринской буферной группировки, которая играла в «буфер», а на деле выступала за троцкистскую платформу против Ленинской платформы. Единственным «облегчением» было то, что Сокольников и раньше большей частью «болел» и фактически не руководил Туркбюро. Именно поэтому Туркбюро еще ранее избрало т. Кагановича заместителем Председателя Туркбюро и Турккомиссии — это сослужило хорошую службу в момент дискуссии, дав мне возможность руководить во время дискуссии, когда Сокольников болел и «буферной болезнью».

Член Туркбюро и Турккомиссии тов. Петерс, вообще говоря, довольно крепкий старый большевик, в этом вопросе стоял, как он говорил, на позиции тов. Дзержинского, то есть фактически поддерживал платформу Троцкого. На все мои попытки переубедить его, доказывая, что здесь ведь идет не ведомственный спор и что ему как старому большевику и утвержденному ЦК члену Туркбюро ЦК нужно руководствоваться общепартийными соображениями и бороться против Троцкого, он мне упорно и неоднократно, односложно повторяя, отвечал: «Я доверяю, уважаю и люблю товарища Дзержинского, и я буду поддерживать его позицию».

В результате получилось так, что, как говорится, волею судеб член Туркбюро ЦК т. Каганович оказался единственным из пяти членов Туркбюро, который активно отстаивал и боролся за платформу Ленина в Туркестанской организации и возглавил борьбу за Ленинскую платформу. (Об этом я рассказываю, разумеется, не для выпячивания своей личности, а просто для того, чтобы показать трудности, или, говоря высоким стилем, трагичность

сложившегося положения в руководстве Туркбюро ЦК. Этим я также хочу сказать, что эти трудности заставили меня подтягиваться, вытягивать из себя те силы для руководства, которые в нормальных условиях казались бы недосягаемыми для меня.) Мое положение было облегчено тем, что я был заместителем Председателя Туркбюро и что остальные члены Туркбюро не мешали в критический момент дискуссии созывать от имени Туркбюро ЦК совместные заседания Туркбюро с ЦК КПТ, в котором мы, Ленинцы, имели большинство. Правда, не сразу определилось это большинство, и в первый период дискуссии антиленинское крыло было довольно сильным и значительным, и в ЦК КПТ, в частности, особую активность проявлял бывший руководящий работник Московского обкома бывший «левый коммунист» Соловьев, который развил особую антиленинскую работу в ЦК КПТ. Против него в ЦК КПТ активно выступал Сергушев, который вместе с другими приехавшими из Москвы и Петрограда работниками решительно боролся за Ленинскую платформу. Нами, Ленинцами, была проведена большая индивидуальная работа по консолидации сил большинства ЦК КПТ, занявшего устойчивую Ленинскую позицию. Особенно хорошо себя проявили такие руководящие работники-националы, как Рахимбаев, Атабаев, Бабаджанов, Султан Ходжаев, Хаджанов и другие. Тюрякулов вначале занимал колеблющуюся позицию. Главный и первый бой мы развернули в Ташкентской партийной организации, в которой в первый период дискуссии положение было неустойчивое.

На созванном совещании о плане ведения дискуссии мы решили сосредоточить свои силы в первую очередь на решающем в Ташкентской организации Железнодорожном районе не только потому, что он самый пролетарский, но и потому, что он, к сожалению, был наименее надежным в отношении к Ленинской платформе — там были сосредоточены главные силы «Рабочей оппозиции» во главе с начальником дороги Правдиным. Там действительно все еще было сильно недовольство национальной политикой партии, якобы затиранием европейских — русских кадров, чем спекулировали затаенные силы великодержавного шовинизма и оппозиционные группы, которые к тому же спекулировали на общих трудностях. Опыт показал, что наше решение сосредоточиться в первую голову в Железнодорожном районе было правильным. Помню, что при уточнении нашего

плана проведения дискуссии я высказался против того, чтобы начать сразу с общерайонного собрания. Было принято мое предложение начать с низовых ячеек, в первую очередь с главных железнодорожных мастерских — самого крупного предприятия в Ташкенте. Мы считали, что это действительно настоящие пролетарии, показавшие себя в революции, и их-то и надо направить по правильному пути — завоевать эту ячейку, превратить ее в опорную Ленинскую базу и успешно повести борьбу в остальных железнодорожных ячейках. Помню, что собрание коммунистов железнодорожных мастерских затянулось и превратилось в три собрания. Я участвовал во всех трех собраниях. Там же участвовало все руководство железнодорожного района, да и не только этого района. Были, конечно, и Правдин, и Семенов, и Казаринов, и Вейнгарт, и другие вожаки оппозиционных направлений. Представители каждого направления защищали свою позицию. Чтобы не дать повода для демагогии о давлении «сверху», мы решили, чтобы первыми за платформу Ленина выступил не я, а старый коммунист т. Манжара — местный железнодорожник. До моего выступления в защиту Ленинской платформы еще выступило немало ораторов, по преимуществу рабочих. Это были простые яркие выступления людей, разобравшихся в вопросе по-своему и выступавших в громадном большинстве твердо за платформу Ленина. Помню, они говорили: «Рабочая оппозиция» и троцкисты-бухаринцы по-разному, но говорят одно и то же: «сращивание профсоюзов с государством», передача профсоюзам управления хозяйством и так далее, но нам, рабочим, это не подходит — государство у нас Советское, рабочее, но бюрократов в его аппарате много, и соединение его с профсоюзами не убавит, а прибавит бюрократов. Сейчас, по крайней мере, если до начальника дороги т. Правдина не доберешься — пойдешь в профсоюз, пожалуешься. Хотя и не всегда, а какую-то помощь профсоюз окажет, а после «сращивания» или передачи профсоюзам управления, куда пойдешь? До начальника не всегда доберешься. Нет, товарищи, нам надо, как Ленин говорит, оставить профсоюзы как массовую организацию рабочих, которая будет и нас учить управлять хозяйством, и связывать с партией, и бороться с бюрократизмом и с недисциплинированностью среди рабочих. У нас сейчас, как говорит товарищ Ленин, главная задача — выйти из разрухи, дать товаров побольше и рабочим и крестьянам — на это надо бросить все

силы. А от пересадок с одного места на другое товаров не прибавится. А ежели так, как говорит Троцкий, — производство по-военному и рабочих организовать, как солдат, то и вовсе разрушится все — рабочий не солдат и командовать, как в армии, не допустит. У «Рабочей оппозиции» вроде выходит все мягко и гладко и демократично, а доведут ее предложения до полного развала управления хозяйством и дисциплины труда среди рабочих и служащих, а без нее известно к чему дойдем — друг дружку поедать будем, не будет рабочей солидарности. Вот нас, — говорили они, — удивляет начальник дороги т. Правдин. Он выступал от «Рабочей оппозиции» вроде как демократ, а кто же из нас не знает, что он не демократ, а бюрократ, до него не достучишься (они привели примеры). Пусть он нам скажет, кто же кому место уступит — он нашему представителю Союза уступит, что ли? Или они в обнимочку, на пару будут управлять дорогой? Да ведь, товарищи, это будет такая «обнимочка», что Правдин задушит в своих объятиях нашего беднягу-профсоюзника. Выходит вроде так, что на словах большие права, а на деле наш профсоюз лишится и тех прав, которые он сегодня имеет. Нет, товарищи, — заключали они, — правда не у товарища Правдина с его вождем Шляпниковым, а у товарища Ленина — он нам предлагает: профсоюзы укрепить снизу, а не «перетряхиванием» сверху, как предлагает Троцкий; дать им возможность действительного контроля и борьбы с бюрократами; помогать управлению производством и транспортом, чтобы поскорее его поднять — для этого мы, рабочие, будем сознательно участвовать в управлении, в организации труда и дисциплины и тем самым в быстрейшем подъеме всего хозяйства». Заканчивали они свои речи призывом к коммунистам идти за Лениным, голосовать за его предложения — это самый верный и надежный путь для рабочих. Эти речи производили большое впечатление. Почувствовав опасность своего провала, фракционеры обострили ход собрания, выкрикивали всякие реплики, прерывая ораторов и мешая им говорить, но этим они только вызвали против себя возмущение массы коммунистов. После выступления лидеров оппозиции Правдина и других, пытавшихся объединить силы всех оппозиционных групп, выступил Каганович Л. М.

Я с самого начала своей речи заявил, что я выступаю в защиту Ленинской платформы, в противоположность товарищам Правдину, Семенову и другим, которые, защищая свои платформы,

в то же время заискивали перед другими группами, в том числе и великодержавными шовинистами, чтобы вызвать их расположение и сблокироваться для завоевания большинства. Но против кого большинство? Против Ленина, против его единственно верной и надежной для партии и пролетариата платформы. «Если, — сказал я, — вы мне дадите время, я хотел бы вам рассказать коечто из истории этой дискуссии». (Все согласились дать мне времени, сколько потребуется.)

За нашу Ленинскую резолюцию голосовало более 80% собравшихся коммунистов. Надо еще иметь в виду, что в этом собрании участвовали и паровозные машинисты Ташкентского депо, что было очень важно для влияния на коммунистов всего железнодорожного узла и даже всей дороги.

После этого собрания были проведены собрания по всем ячейкам Железнодорожного района, на которых выступали руководящие работники ЦК КПТ и Ташкентского горкома. Я лично выступал еще на собрании путейцев и строителей, которые дружно поддержали платформу Ленина, и на собрании коммунистов-вагонников, которые, хотя с маленьким большинством, но также провалили антиленинцев. Только на собрании коммунистов управления дороги и службы движения наша резолюция не сразу получила большинство. Но в целом большинство ячеек Железнодорожного района заняли Ленинскую позицию. Поэтому мы были уверены, что на собрании Железнодорожного района в целом мы, Ленинцы (так мы себя тогда именовали), победим. Несмотря на это, мы были готовы к бою. Подготовились к выступлениям и рядовые, и мы, руководящие работники. В своем выступлении на районном собрании я не просто повторял сказанное на собрании в паровозо-вагонных мастерских, но и обогатил свою речь новыми доводами. Как мы и ожидали, проведенная большая работа в ячейках дала свои результаты, и Железнодорожный район занял твердые Ленинские позиции не только о профсоюзах, но и по всем партийно-политическим вопросам. Хотя это определяло нашу победу в Ташкентской организации, но мы не только не ослабили наше идейное наступление, а, используя опыт Железнодорожного района, продолжили свое наступление в городском районе, где антиленинцы имели наиболее сильные позиции. Особенно остро шла борьба в ячейках Советских учреждений и некоторых мелких предприятий, хотя большинство этих предприятий шло за нами. В результате

упорной идейной борьбы в этих ячейках большинство ячеек Советских учреждений высказались за платформу Ленина, хотя антиленинцы имели среди них много своих сторонников, особенно «буферисты».

Сложное положение было в военных организациях, так как речь шла о борьбе с платформой, представлявшей позиции Наркома по военным делам. Еще и Командующий фронтом «забуферил». Среди военных начали мы борьбу с курсов командного состава, где у нас было крепкое ядро Ленинцев; на их собрание мы пригласили верхушку других частей. В результате трехдневной борьбы и острых выступлений, в том числе и члена Реввоенсовета фронта Кагановича, мы добились хороших результатов — большинством собрания была принята резолюция поддержки платформы Ленина! Это определило победу Ленинцев в большинстве военных ячеек.

В итоге Ташкентская организация на своей общегородской партконференции громадным большинством голосов отвергла все платформы и приняла Ленинскую платформу о профсоюзах. В своей резолюции она особо подчеркнула задачу сохранения и укрепления единства партии! Вся наша успешная борьба в Ташкенте благотворно сказалась в общетуркестанском масштабе и имела серьезное значение для победы Ленинской платформы в других организациях, в первую очередь в Самарканде, Ашхабаде, Фергане и других. В эти центры и в другие районы были посланы наши представители для оказания помощи комитетам партии.

В первой половине февраля 1921 года (10–17 февраля) собралась Общетуркестанская краевая партконференция. Вопрос о профсоюзах был главным вопросом конференции. Докладчиком «О роли профсоюзов — за принятую руководящими партийными органами платформу Ленина» выступил по поручению Туркбюро ЦК РКП и ЦК КП Туркестана тов. Каганович Л.М. Содокладчиком за платформу Троцкого и Бухарина выступил приехавший специально из Москвы один из виднейших представителей оппозиции Преображенский (который тогда был секретарем ЦК), и содокладчиком от «Рабочей оппозиции» выступил Правдин. Я не буду излагать здесь ход докладов и прений, в том числе и моего доклада, я должен только сказать, что мое первое выступление у железнодорожников легло в основу всех моих дальнейших выступлений, дополнявшихся и обогащавшихся за

счет изучения всего хода дискуссии, и особенно докладами и выступлениями Ленина. На партконференции я подвел итоги всей дискуссии в Туркестанской парторганизации. Конференция прошла на высоком идейно-политическом уровне. Помню, что после конференции Преображенский мне сказал: «Я не думал, что увижу здесь, в Туркестане, столь высокий партийный уровень». И это — несмотря на то, что ему и Правдину наложили по пятое число.

После острых и горячих прений, в которых выступали и местные товарищи из «националов», конференция поименным голосованием громадным большинством голосов приняла платформу Ленина. Платформа Троцкого — Бухарина, «Рабочей оппозиции» и другие, все вместе взятые, получили всего 20 голосов.

Туркестанская краевая конференция соответственно своей принципиальной линии избрала делегацию на X Всероссийский съезд партии в количестве 20 делегатов. Среди них были товарищи Бурнашев, Каганович Л. М., Каримов, Мавлянбеков, Мещерякова, Рахимбаев, Сергушев, Сольц, Тюрякулов, Фокин, Ходжаев, Худайбергенов, Сафаров и другие.

После X съезда, в связи с постановлением съезда об укреплении профсоюзов партийными работниками, ЦК направил меня, как имеющего опыт профсоюзной работы, в ВЦСПС в качестве заведующего организационным отделом. Но через недолгое время, в связи с осложнением в Туркестане и заменой состава Туркбюро ЦК новым составом, я вновь был введен в Туркбюро ЦК и Турккомиссию ВЦИК и СНК. Вернувшись в Туркестан после небольшого перерыва, я со свежими силами энергично взялся за выполнение решений X съезда партии.

Прибыв в Ташкент, я увидел, что лучшие коммунисты Туркестана старательно усваивали преподанные Лениным уроки работы в новых условиях НЭПа, но много было людей, не усвоивших Ленинскую политику.

Не приукрашивая историческую действительность, необходимо прямо сказать, что в таких окраинах, как Туркестан, было гораздо больше коммунистов, рабочих и крестьян, чем, например, в Москве, которые не по-ленински понимали и, что еще хуже, не воспринимали новую экономическую политику. Здесь скрывалось и то, что последствия империалистической и гражданской войн, приведших к разрушениям в промышленности, без того слабой, транспорта, сельского хозяйства, затруднения с продовольст-

вием и в промтоварном снабжении были особенно велики. Лучшие, передовые рабочие поддерживали партию в ее политике, часть же рабочих и коммунистов, возмущаясь восстановлением частного производства и торговли, то есть элементов капитализма, выступали против этого, особенно подогреваемые демагогическими левыми фразами оппозиционеров. Были и такие, которые под влиянием агитации классово-враждебных сил поддерживали всерьез возврат к капитализму. Кулацко-байские и националистические силы — и великодержавные, и местные — каждый по-своему после введения НЭПа развили исключительно большую активность не только в антисоветской, антипартийной агитации, но и в организации контрреволюционных сил. Великодержавные шовинисты, защищая кулаков и возврат к старым колонизаторским порядкам, добивались отмены земельной реформы и обратного возврата кулакам отнятых земель, обосновывая НЭПом, якобы позволяющим это. Мусульманские националисты, защищая баев, требовали полного восстановления свободного развития торгово-капиталистических отношений и восстановления власти баев в Туркестане. Анархо-мелкобуржуазные, деклассированные элементы буйно выражали свое недовольство, подымали муть, доходя до выступлений против партии коммунистов — «за Советы без коммунистов». В этих условиях руководящие органы компартии Туркестана мобилизовали все лучшие силы коммунистов и честных пролетариев для развития и усиления пропаганды, агитации, разъясняющей истинную Ленинскую суть новой экономической политики, для разоблачения и отпора всем и всяческим враждебным силам. Партия не ограничилась теоретической, идейно-политической, воспитательной работой, которая велась и в Туркестанской парторганизации активно и широким фронтом между V и VI съездами партии и после VI съезда партии, — партия решила организационно укрепить ее ряды путем чистки в 1921 году.

В целом чистка проходила гласно, с активным участием передовых беспартийных рабочих. В результате чистки Туркестанская партийная организация, имевшая к началу чистки немногим больше 40 тысяч членов, вычистила из своих рядов около 10 тысяч человек, переведено в кандидаты немногим более 3 тысяч, выбыло добровольно, не дожидаясь исключения, около 2 тысяч. В числе исключенных было около 500 выходцев из непролетарских партий, особенно бывших эсеров, которых в Тур-

кестане было немалое количество, около 500 бывших белогвардейцев и басмачей. Таким образом, Компартия Туркестана окрепла, улучшился ее состав, повысился ее авторитет в массах и их доверие к партии.

В марте 1922 года состоялась VI Краевая конференция Коммунистической партии Туркестана. Конференция избрала 20 делегатов на XI съезд партии, в том числе Л. М. Кагановича. После окончания XI съезда меня вызвали в ЦК к Куйбышеву, а затем к Сталину и Молотову, которые предложили мне перейти на работу в ЦК в качестве заведующего Организационно-инструкторским отделом ЦК. Тут же было принято решение, о котором я сообщил делегатам Туркестана.

Глава 8
ОБ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ РАБОТЕ ЦК ПАРТИИ В 1922–1925 ГОДАХ

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

В 1922 году после XI съезда партии, на котором я был делегатом от Туркестанской партийной организации, в моей жизни произошла большая для меня перемена, определившая на долгие годы мою общепартийную и общегосударственную деятельность, — я был переведен на работу в Центральный Комитет Российской коммунистической партии (большевиков).

Приехав на XI съезд партии, будучи избранным, как и на X съезд, на партийной конференции компартии Туркестанской республики, я принял активное участие в работе съезда, а затем участвовал в разработке и обсуждении решений Политбюро и Оргбюро по туркестанским делам, продвигал в центральных учреждениях практические, так называемые, текущие вопросы Туркбюро ЦК и Турккомиссии ВЦИКа и Совнаркома и готовился к обратному отъезду в Туркестан.

Перед отъездом я зашел к своему другу — товарищу Валериану Владимировичу Куйбышеву, который был избран, вместе с товарищами Сталиным и Молотовым, секретарем Центрального Комитета партии. Поздравив его с избранием, я сказал, что вот зашел перед отъездом завершить оставшиеся нерешенными туркестанские дела.

Однако Валериан, улыбаясь, сказал мне: «Кажется, что эти дела тебе, Лазарь, придется перепоручить кому-либо другому, потому что у нас в Секретариате ЦК сложились соображения насчет выдвижения тебя на новую работу».

На мое замечание, что я работу в Туркестане хотел бы завершить, не передвигаясь на новые места, товарищ Куйбышев сказал, что речь идет о выдвижении на центральную работу. «Я вот, — сказал тов. Куйбышев, — тоже работал в Туркестане, а теперь

в Центре. ЦК сейчас подбирает свежих людей для работы». На мой вопрос, как быть, тов. Куйбышев сказал: «Вот пойдем вместе к товарищу Сталину, там ты и узнаешь».

Товарищ Сталин принял меня в кабинете Генерального секретаря ЦК в доме на Воздвиженке (ныне улица Калинина)*.

Хотя я был знаком с тов. Сталиным еще с июня 1917 года, но, признаюсь, что, заходя к нему в первый раз как Генеральному секретарю ЦК, я испытывал известную напряженность, тем более что я не знал, с каким предложением меня встретит товарищ Сталин. Но это мое напряжение быстро прошло, так как тов. Сталин встретил меня дружелюбно, встал из-за стола, поздоровался со мной мягким рукопожатием, пригласил сесть и тут же начал разговор.

«Мы, — сказал он, — имеем намерение взять вас на работу в ЦК и назначить вас заведующим Организационно-инструкторским отделом ЦК. Как вы относитесь к этому нашему предложению?» Это было для меня неожиданно, и я не сразу ответил. Тов. Сталин меня не торопил, видимо понимая, что я подготавливаю себя к ответу. Подумав немного, я сказал тов. Сталину: «Работа очень большая, и я не уверен, справлюсь ли я с ней». Товарищ Сталин улыбнулся и сказал: «Вот уж не ожидал от вас такой неуверенности и сомнений. Товарищ Куйбышев мне говорил, что вы мужик смелый, умеете дерзать, а некоторые другие даже прибавляли об известной дозе вашей самоуверенности, а тут вдруг сомнения и неуверенность. Я, — продолжал тов. Сталин, — думаю, что вы напрасно прибедняетесь. Вы ведь партийный организатор — работали в 1918 г. во Всероссийской коллегии по организации Красной Армии, руководили как раз организационным отделом, а главное, прошли большой путь местной партийной и советской работы в промышленных и сельскохозяйственных губерниях, в национальных республиках. Это как раз то, что в настоящее время особенно необходимо для аппарата ЦК в его работе по выполнению решений XI съезда и указаний нашего учителя товарища Ленина. Я, — заключил тов. Сталин, — считаю, что мы поступим правильно, если отклоним ваши сомнения и примем предложенное решение».

---

*В последние годы в этом большом доме разместили Институт архитектуры имени Щусева. Хорошо, конечно, что в Москве создан этот институт, но я не могу не сказать, что, конечно, правильнее было бы это здание увековечить как здание партийное, например филиал ИМЭЛа или другое партийно-музейное учреждение, а для музея архитектуры им. Щусева подыскать другое, классического стиля старое здание или построить новое. Сегодня на этом здании даже нет мемориальной доски, упоминающей о ЦК РКП(б), через который в этом здании прошли десятки, сотни тысяч партийцев, бойцов гражданской войны, решая свои дела с руководителями Секретариата ЦК и его отделов.

После этого тов. Сталин сказал об организационных задачах по существу, с особой силой подчеркнув важнейшее положение доклада и заключительного слова тов. Ленина на XI съезде — его генеральный вывод о том, что сейчас гвоздь не в новой политике в смысле перемены направления — новая экономическая политика полностью себя оправдала, отступление окончено, — гвоздь положения в организации проверки исполнения, в людях, в подборе людей.

«Эта гениальная мысль Ленина, — сказал тов. Сталин, — является главным во всей работе партии и ЦК, в первую очередь организационной. Некоторые, — сказал Сталин, — сужают эти вопросы, не понимая, что Ленин под проверкой исполнения понимает всю партийную и советскую работу по руководству сверху донизу, что проверкой исполнения должны заниматься все организации и все коммунисты партийных и государственных органов, но прежде всего ЦК и Совнарком. Проверка исполнения требует высокого качества самих постановлений, а после их принятия — четкости, установления сроков, лиц, коим поручается дело, их выполнения, — одним словом, глубокой ответственности, но для проверки необходимо знать, что проверяешь. Необходимо, следовательно, поднять уровень работы всех организаций на большую высоту, в первую очередь партийных.

Хорошо поставленная проверка исполнения точно освещает состояние работы, разоблачает бюрократов и злоумышленников в государственном аппарате и устраняет недостатки в работе парторганизаций.

Проверка исполнения не есть односторонняя проверка сверху вниз, а взаимный контроль практики мест центральными организациями и распоряжений Центра практикой мест — это дает больше возможности учета опыта и обогащения всей работы.

Проверка исполнения воспитывает кадры, раскрывая их недостатки и прорехи. Фактическая проверка состояния дел непременно связана с проверкой кадров, их идейности, работоспособности, преданности делу и знания дел, которыми они руководят, с заменой непригодных более квалифицированными кадрами. Говоря о подборе кадров, Ленин имеет в виду не только их оценку, но и их потенциальные возможности для выдвижения, их воспитание в процессе работы и учебы прежде всего честной критикой и самокритикой и развитием рабочей демократии в партийной, советской и профсоюзной жизни. Без изучения и личного знакомства с людьми руководство может попасть в канцелярское болото.

Необходимо улучшить работу всего аппарата партийных органов, в том числе ЦК, в первую очередь его Организационного отдела, для обеспечения выполнения резолюции съезда по организационно-партийному строительству.

На съезде в выступлениях, — продолжал тов. Сталин, — были правильные критические замечания по работе Орготдела ЦК. Вы, товарищ Каганович, изучите эти замечания и ликвидируйте эти недостатки. Вообще организационная работа, особенно в настоящее время, непосредственно связана с работой по подбору кадров, и, возможно, в недалеком будущем нам придется подумать об объединении двух отделов — Организационно-инструкторского и Учетно-распределительного, но вам, товарищ Каганович, необходимо будет уже сейчас фактически взять дело подбора кадров для партийной работы в руки оргинструкторского отдела.

Одним словом, дел много, надо, засучив рукава, немедля взяться за работу, а мы, — обратившись к тов. Куйбышеву и подошедшему несколько позднее тов. Молотову, — будем проверять исполнение и помогать товарищу Кагановичу».

Я пробовал заикнуться о возможности моей поездки в Ташкент для отчета о съезде, но тов. Сталин сказал: «Нам всем хотелось бы сейчас выехать на места для отчета, но дел в Центре сейчас много по выполнению решений XI съезда и указаний товарища Ленина, и вам, товарищ Каганович, необходимо приступить к работе в ЦК немедля — завтра же. С товарищем Лениным ваше новое назначение согласовано, он, хотя и жалеет о вашем уходе из Туркестана, но ввиду важности организационной работы ЦК он согласен с этим предложением».

Товарищ Сталин далее сказал о том, какое большое значение придает Ленин организационной работе партии, начиная еще с момента создания революционной партии рабочего класса нового типа, коренным образом отличающейся от социал-реформистских партий Запада. «Организационную работу партии нельзя сужать, ее надо понимать шире, она неизбежно больше связана со всей деятельностью партии, чем другие отрасли партийной работы, со всей политикой партии. Работая заведующим Оргинструкторским отделом ЦК, вам, товарищ Каганович, придется использовать свой опыт руководства в губкоме и крайкоме (Туркбюро) для помощи Секретариату ЦК в координации работы Орготдела с работой других отделов ЦК.

Советую вам еще и еще раз изучить все то Великое и ценное, что говорил и писал наш учитель Ленин о партийном строительстве. Вот я, например, хотя и постарше вас, но, приступая сейчас к чисто партийной работе, я вновь и вновь перечитываю решения партии и особенно то, что писал и говорил о партии и партийном строительстве мой учитель товарищ Ленин».

Говоря далее об основных положениях Ленина о партии в ду-

хе того, что он потом так блестяще и глубоко научно изложил в своем замечательном труде «Об основах Ленинизма», тов. Сталин особенно подчеркнул Ленинское положение о единстве программных, политических целей и задач с организационно-практическим их осуществлением.

«Поэтому, — заключил беседу тов. Сталин, — партийный организатор должен все время подымать свой теоретический уровень и политическую квалификацию, связывая теорию, политику с организаторской практикой».

Работая в ЦК партии, я еще много раз бывал у тов. Сталина на протяжении более 30 лет совместной работы в ЦК. Но именно эта первая обстоятельная беседа больше всего врезалась в мою память и сознание. На меня тогда произвело большое впечатление то, что Сталин, только что избранный Пленумом ЦК Генеральным секретарем ЦК, столь глубоко и конкретно говорил о задачах организационно-партийной работы и о партийном строительстве в свете учения Ленина о партии и при этом говорил о Ленине — своем учителе — с большим душевным чувством любви и уважения.

Эта беседа с секретарями ЦК — товарищами Сталиным, Молотовым и Куйбышевым не только ободрила, но и вселила в мою душу и сознание большую уверенность в выполнении предстоящих задач. Вскоре после моего вступления в работу заведующего Органиструкторским отделом ЦК я выступил на собрании коммунистов отдела с двумя докладами. Первый доклад о практических задачах отдела и второй доклад (своего рода лекция) «О некоторых важных моментах из истории организационного строительства Ленинской партии». Этот второй доклад-лекцию я сделал по совету товарища Сталина. Когда я доложил ему, товарищам Молотову и Куйбышеву о моем первом докладе на партийной ячейке Организационно-инструкторского отдела о практических задачах, прениях и предложениях по этому докладу, тов. Сталин сказал: «Это, конечно, очень хорошо, что вы сделали доклад на ячейке, хорошо, что советуетесь по вопросам практической работы, выслушиваете и учитываете мнения и предложения коммунистов, работающих в отделе, но я бы посоветовал сделать им еще доклад или нечто вроде лекции — об основных моментах из истории партийного организационного строительства партии. Я думаю, что они в этом нуждаются и им это будет очень полезно». Молотов и Куйбышев вполне поддержали это. Согласился, конечно, и я с этим, сказав, что это будет полезно и мне как подготовка к предстоящей моей организационно-практической работе.

Мне пришлось, конечно, серьезно и основательно поработать. Хотя эта тема была для меня не новой, но одно дело докладывать в подпольном кружке или в местной партийной школе, другое дело докладывать перед аудиторией коммунистов, работающих в Центральном Комитете. Мне помогал своими советами сам товарищ Сталин, а также товарищи Молотов и Куйбышев, получал я консультации у таких старых большевиков, как Владимирский, Мицкевич, Землячка, Подвойский и другие. Вполне понятно то большое напряжение и волнение, которое я испытывал при подготовке и выполнении этого задания. Мне вспоминается такой эпизод. Своими волнениями я поделился с работавшим тогда в ЦК тов. Вардиным-Мгеладзе, с которым я сдружился в Саратове в 1917 году. Когда я ему сказал, что я вот получил такой совет — задание от товарища Сталина, он мне сказал: «Дело это серьезное, и тебе необходимо основательно подготовиться, ведь Сталин здесь преследует не только идейно-воспитательную цель, но и дает тебе своего рода экзамен». Я тогда не воспринял его слова об экзамене, но потом, признаюсь, был очень рад, когда после лекции товарищ Сталин мне сказал: «Мне передавали, что коммунисты ячейки отдела очень довольны вашим докладом-лекцией». Я сам был доволен этим событием, которое заставило меня, по необходимости, подняться на новую ступень в усвоении Великого учения Ленина о партии и лучшего его применения в практике организационно-партийной работы.

Это, между прочим, помогло мне и впоследствии выполнить поручение Секретариата ЦК — написать брошюру «Как построена РКП(б)» и издать ее в начале 1924 года для Ленинского призыва.

Первой и важнейшей заботой и обязанностью руководителей партийного аппарата, в данном случае организационного и пропагандистского, была организация идейного воспитания партработников посредством такой организации всей партийной работы, которая приводила бы к глубокой идейной убежденности в правоте Ленинской линии, вселяла в сознание и души работников уверенность в победе этой линии.

Без этой идейной убежденности, бодрой уверенности в победе, настойчивости в преодолении уныния, скептицизма, нытья, пассивности и тем более упадничества партийный работник неминуемо превратится в голого администратора-бюрократа, формально отдающего «приказы», или в дьячка, попика, гнусавого «проповедника» с амвона, без конца повторяющего одно и то же,

без волнующего идейного, душевно-революционного призыва к борьбе с классовыми врагами.

Естественно, что сразу же после XI съезда Секретариат, Оргбюро ЦК занялись перестройкой самого содержания и организационных форм работы ЦК и местных партийных организаций, если можно так выразиться, усовершенствованием, наладкой инструмента руководства. Секретариат ЦК непосредственно повседневно занимался этим делом. Должен сказать, что я был вначале удивлен и особо удовлетворен тем, что Сталин не ограничивался общими указаниями, а скрупулезно вникал в конкретную разработку решений, давал свои добавления и изменения во вносимые отделами, комиссиями ЦК проекты перестройки аппарата местных организаций и их работы. Сталин поднимал этот вопрос на принципиальную высоту, подчеркивая, что есть немало людей, недооценивающих значение аппарата в руководстве, не говоря уже о меньшевиствующих, анархиствующих и иных оппозиционных группах в партии, которые доходят до нелепого антипартийного требования ликвидации или такого ослабления партийного аппарата, которое привело бы к подрыву силы партии, ее идейно-большевистского организационного руководства всеми органами диктатуры пролетариата и срыву осуществления генеральных Ленинских задач победы над капиталистическими элементами и построения социализма. В то же время в аппарате партии и ее работе имеются крупные недостатки, указанные в решениях X и XI съездов. Поэтому Центральный Комитет должен создать небольшой по количеству, но высокий по качеству партийный аппарат в ЦК и на местах, который продолжил бы достойно славные традиции Ленинских профессиональных революционеров и был бы костяком, исполнительным аппаратом партии и ее широкого выборного аппарата в лице бюро ячеек, райкомов, укомов, губкомов, обкомов, крайкомов, ЦК национальных компартий и ЦК РКП(б), его Политбюро, Оргбюро и Секретариата, — избираемых партией в установленном уставом порядке.

Надо сказать, что перестройка эта началась уже после X съезда партии, но более широко и глубоко она развернулась после XI съезда партии. Это коснулось всех отраслей партийной работы и отделов ЦК, губкомов, обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий, а также укомов, райкомов и даже ячеек. Естественно, я здесь кратко освещу эту перестройку на примере организационной работы и Организационно-инструкторского отдела, которым мне довелось в ту пору руководить — вначале

в качестве заведующего отделом, а затем, после XIII съезда партии, в качестве секретаря ЦК.

Начав свою работу сразу после XI съезда, я неизбежно окунулся в текущие дела, тем более что нерассмотренных и нерешенных дел накопилось много — в связи со съездом и подготовкой к нему, а также в связи с приемом товарищей с мест. Но, как говорится, «нет худа без добра». Мне даже кажется, что худого в этом, тогда именно, было мало, наоборот, больше добра, особенно полезны были для меня беседы с местными товарищами. Что касается бумажных текущих дел, то и они помогли мне быстрее войти в курс всех дел, так как среди так называемых текущих дел были важные жизненные и даже крупные вопросы.

Тогда я особенно понял, что весь вопрос в том, чтобы уметь отделить важное от неважного, главное от неглавного, суметь выделить те звеньевые вопросы, которые рассыпаны в так называемых текущих делах, как золотинки в песке. И, конечно, необходимо уметь решать правильно и мелкие текущие вопросы, каждый из которых имеет свою важность и ценность, особенно для того, кто их поставил.

Ход работы над этими текущими делами помог мне проверять работоспособность аппарата, его уменье подходить к решению вопросов, и я пришел к выводу, что недостатки аппарата отдела не столько в том, что он погряз в «текучке», как его критиковали, сколько в том, что он недостаточно квалифицированно и глубоко подходил к решению так называемых текущих вопросов и к ответам на запросы по существу. Как говорится, «пороху не хватало», хотя работники добросовестно старались.

Между тем так называемые текущие дела включали в себя такие дела и вопросы, которые связаны с жизненными потребностями парторганизаций, государственных органов, рабочих и крестьянских масс. Это были письма, поступающие в ЦК от парторганизаций не только со своими местными нуждами и запросами, но и с общепартийными предложениями; обращения, письма и запросы центральных учреждений, в том числе и наркоматов, профсоюзов; письма отдельных членов партии и трудящихся. Были, конечно, и важные текущие оперативные задания Секретариата ЦК и секретарей ЦК в отдельности. В текущую работу включался и прием приходящих в ЦК товарищей. Разумеется, велась значительная работа по связи с местами, инструктированию, изучению и разработке поступавших в ЦК материалов местных организаций, по подготовке проектов постановлений Секретариата и Оргбюро по организационно-партийным вопросам и другие.

Но эта работа тогда еще не носила планомерного целенаправленного характера. Страдало качество, и многие важные вопросы упускались.

При большом потоке дел, чтобы не потонуть в них, особенно необходимо применять Ленинское организаторское искусство — уметь выделять главные звенья цепи, чтобы вытащить всю цепь, а для этого необходимо иметь план организационно-партийной работы с выделением крупных вопросов, над которыми и должен работать аппарат отдела ЦК и местных парторганизаций. Тогда, между прочим, и важные текущие дела будут как магнитом притягиваться к крупным вопросам плана и успешнее разрешаться.

Это прежде всего относилось к Организационно-инструкторскому отделу, поэтому уже в мае отделом был представлен на утверждение Организационного бюро ЦК план работы Организационно-инструкторского отдела ЦК, по которому отдел работал до октября 1922 года. В первую очередь в плане предусматривалось решение главной задачи — улучшение социального состава партии и всей организационной и идейно-воспитательной работы внутри партии, вплоть до ячеек в рабочих, крестьянских и трудящихся массах и их организациях — профсоюзах, Советах, кооперации, комсомоле и среди женщин.

ОРГИНСТРУКТОРСКИЙ ОТДЕЛ ЦК

После XI съезда Секретариат и Оргбюро ЦК занялись улучшением работы своего Orгинструкторского отдела, прежде всего рассмотрев и утвердив разработанное руководством отдела «Положение об Организационно-инструкторском отделе ЦК». Это положение имело важное значение во всей организационно-партийной работе на ряд лет. Хотя впоследствии в него, естественно, вносились изменения, но в основном оно было долговечным. Оно разрабатывалось Оргинструкторским отделом, но в процессе работы над ним проект не раз докладывался секретарям ЦК: товарищам Сталину, Молотову (который по разделению труда между секретарями наблюдал за работой Оргинструкторского отдела) и Куйбышеву. Все секретари ЦК вносили свои дополнения, изменения и поправки. В целом без преувеличения скажу, что в нем виден стиль Сталина — ясность, краткость, лаконичность и точность определения задач.

Важно отметить, что с самого начала устанавливается, что Организационно-инструкторский отдел является составной частью

Секретариата, что через него Секретариат осуществляет решение своих задач. Сами основные задачи определены не как задачи отдела, а как задачи Секретариата ЦК, осуществляемые через служебный аппарат — Оргинструкторский отдел ЦК.

Это еще раз убедительно опровергает клеветнические попытки троцкистов, так называемой «Рабочей оппозиции», «Демократического централизма» и других антипартийных элементов изобразить, что в руководстве партией господствует-де аппарат. Разумеется, сводки и обзоры не носили формально канцелярский характер, а освещали положение дел по существу. В самом Положении записано, что в сводках этих должно в основном освещаться состояние организации (здоровые и болезненные явления, спайка, склочность, активность или упадочность в настроении членов партии); работоспособность партийных организаций (губкомов и укомов); успешность выполнения постановлений и указаний высших парторганов (съездов и ЦК); принципиальная выдержанность парторганизации; общее политическое и экономическое состояние губернии или области; роль партийных органов в советской, профессиональной и кооперативной работе. Уже одно это перечисление содержания основных обзоров и сводок показывает широту охвата вопросов отчетами, которые на деле были еще шире, и в этом сказался размах Сталина в работе.

На Оргинструкторский отдел была возложена также обязанность литературной обработки информационных материалов для печати.

Основные организационные задачи ЦК и его отделов — это прежде всего установление организационной связи с партийными организациями на местах, в том числе той связи, которая, в дополнение к Положению об отделе, установлена в «Положении об ответинструкторах» и в отдельно принятом постановлении «О письменной связи — информационной отчетности».

Оргинструкторский отдел осуществлял наблюдение и проверку деятельности парторганизаций, проверку исполнения ими решений съездов, конференций, пленумов Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК; инструктировал местные органы, оказывал им помощь советами, напоминаниями, иногда и воздействием, внесением соответствующих предложений, проектов постановлений ЦК, обеспечивающих выполнение организациями решений и постановлений съездов и ЦК. В этой работе оргинструкторский отдел был тесно связан с работой ЦКК.

Отдел изучал опыт партийного строительства и обобщал этот опыт с представлением своих выводов Секретариату и Оргбюро ЦК; разрабатывал проекты руководящих положений и циркуляров ЦК организационного характера; занимался систематизацией партийных решений и особенно их согласованием с ранее изданными, чтобы не накапливались противоречия между изданными ранее и частично или полностью отжившими решениями и вновь издаваемыми, отвечающими новым потребностям.

На Оргинструкторский отдел была возложена отдельным пунктом обязанность регулярно информировать секретарей ЦК о состоянии парторганизаций.

Соответственно этим задачам была установлена следующая структура Оргинструкторского отдела:

1. Информационно-инструкторский подотдел.
2. Подотдел учета и изучения местного опыта.
3. Транспортный подотдел.
4. Общий подотдел.

Совершенно ясно, что важнейшим подотделом являлся информационно-инструкторский. Именно поэтому во главе этого подотдела стоял заместитель заведующего Оргинструкторским отделом.

Этот подотдел обязан был не только разрабатывать формы отчетности для местных организаций, но и обеспечивать аккуратное получение отчетов от обкомов, губкомов и даже наиболее характерных укомов и ячеек, а также обрабатывать получаемые с мест отчеты, составлять ежемесячные и текущие сводки о состоянии и организации работы на местах. Особо важную роль играли эти отчетные материалы при заслушивании устных докладов секретарей губкомов, обкомов и ответственных инструкторов ЦК на Оргбюро или Секретариате ЦК.

Отдел осуществлял на практике инструктирование местных парторганизаций по всем вопросам партийной жизни, партстроительства, в особенности по вопросам регулирования состава партии, изучения, разбора и разрешения возникавших на местах конфликтов. Значение этой работы видно из указанных в Положении обязанностях Оргинструкторского отдела по инструктированию мест по всем вопросам партийного строительства и разрешения организационных конфликтов путем:

-подбора и командирования на места ответственных инструкторов;

подготовки для Секретариата ЦК проектов инструктивных писем как по общим вопросам для всех партийных организаций,

так и по отдельным вопросам текущей работы и рассылки их на места;

вызова в ЦК секретарей и заведующих орготделами губкомов;

устройства специальных совещаний по вопросам организационного характера;

разработки циркуляров, инструкций и положений;

наблюдения за правильным построением партаппаратов на местах;

наблюдения за своевременным снабжением мест всеми инструктивными материалами и руководящей литературой ЦК.

Большое место в работе Оргинструкторского отдела занимала работа по учету и изучению опыта партийной работы и партстроительства на местах. При обсуждении Положения об Оргинструкторском отделе товарищ Сталин придал большое значение этой работе. Он предложил и Секретариат ЦК принял формулировку, что подотдел учета и изучения местного опыта является «по существу лабораторией» во всероссийском масштабе. Это, сказал Сталин, придает более научный, обобщающий характер нашей работе. В особенности Сталин, а также Молотов подчеркнули важность пункта, в котором указано на «сосредоточение, изучение и разработку всех новых предложений и начинаний в области партстроительства, выявленных как в местных организациях, так и на страницах партийной печати».

Подотдел учета и изучения опыта занимался изучением и разработкой наиболее важных вопросов, вытекавших из опыта мест (например, о выходе из партии и др.), анализом и обобщением материалов по конфликтам в парторганизациях, выявлением главных причин этих конфликтов и представлял свои общие выводы.

Отдел должен изучать по материалам учраспреда и данным информационно-инструкторского подотдела руководящие партийные кадры и составлять характеристики членов бюро губкомов, членов президиумов губисполкомов, губпрофсоветов, а в дальнейшем — и бюро укомов партии и так далее с оценкой их работоспособности и пригодности к руководящей работе.

Подотдел занимался также систематизацией партийных директив с точки зрения жизненности, устарелости и несогласованности их между собой. Помню, что слова «устарелость и несогласованность» добавил тов. Сталин, подчеркнув, что часто бывает, когда та или иная директива давно устарела или ее уже подправила другая директива, а исправлений нет, и это путает местные организации в их работе. Поэтому очень важно это выполнять на деле.

Все другие отделы ЦК обязаны представлять свои материалы подотделу учета опыта оргинструкторского отдела.

Ввиду того, что установленные функции Оргинструкторского отдела так или иначе затрагивали функции других отделов ЦК по инструктированию мест, возникла необходимость дать в Положении об Оргинструкторском отделе ЦК специальный подраздел «Взаимоотношения с другими отделами». По этому вопросу были споры, но при поддержке тов. Сталина было установлено, что плановое инструктирование мест и информация по всем областям партработы сосредоточивается в Орготделе, что не исключает соответствующего руководства со стороны других отделов ЦК, осуществляющих текущую работу по связи с местными отделами своей отрасли работы.

Должен еще сказать, что при обсуждении Сталин подчеркнул, что транспортный подотдел Орготдела имеет особое значение, поскольку политотделов на транспорте не было, работа велась через райкомы партии железнодорожных районов и профсоюзы. Положение на транспорте было тяжелым, и губкомы партии через свои транспортные подотделы должны были руководить партработой на транспорте, а направлять их должен Орготдел ЦК через транспортный подотдел. Не скажу, что это была абсолютно совершенная организационная форма работы на транспорте, но это было лучшее для того периода. Этот подотдел был комплексным, он в особой мере соприкасался с работой всех отделов ЦК и губкомов, а также с профсоюзами, ЦК комсомола, женотделами и т. д.

Мы все, в первую очередь зав. Оргинструкторским отделом, старались ему помогать, чтобы выполнить задания партии и правительства по улучшению работы железнодорожного и водного транспорта.

Важное значение имел созданный общий подотдел. Это было не то, что обычно, и притом иронически, называют канцелярией, — на этот общий отдел положением возложено выполнение всей срочной и текущей работы Орготдела и всех заданий заведующего Оргинструкторским отделом; поддержание текущей связи со всеми органами, с которыми Оргинструкторский отдел соприкасался; получение, регистрация всей корреспонденции, присылаемой в Орготдел, распределение ее по подотделам и доклад заведующему отделом. Таким образом, это был единый центр для корреспонденции всего отдела. Подотделы были от этого освобождены для лучшего сосредоточения на, так сказать, производственной партийной работе. Кроме того, общий подотдел зани-

мался сбором и подготовкой материалов к совещаниям, созываемым заворготделом, вел протоколы совещаний и оформлял материалы по вопросам, вносимым Отделом в Оргбюро и Секретариат ЦК. Разумеется, разработка хорошей структуры и точное определение задач, утвержденных Положением об Отделе, имеют большое значение для налаживания и осуществления хорошей работы, однако в осуществлении этого Положения — главное в кадрах.

Памятуя это указание Ленина и съезда, вновь утвержденный заведующий отделом, наряду с разработкой Положения и плана работы отдела по выполнению решений XI съезда, усиленно занялся проверкой имеющихся и подбором новых работников отдела, тем более что и по установленным штатам отдел был недоукомплектован. Необходимо здесь подчеркнуть, что, несмотря на такую большую работу, предусмотренную Положением и планом, штаты отдела после XI съезда были сокращены — если раньше было 92 сотрудника, то после XI съезда их стало 77, в течение года добавилось 4 — стало 81. Существенно то, что из 81 было 62 ответственных сотрудника, в том числе 19 ответинструкторов ЦК и 20 информаторов и 6 в подотделе учета опыта; технических же сотрудников осталось 19 человек, то есть сокращено 11 человек.

Разумеется, мы не ставили себе задачу во что бы то ни стало подобрать новых работников, тем более что многие из работавших были подобраны тщательно, и если у них были слабости или ошибки в работе, то, во-первых, здесь многое от них не зависело и, во-вторых, многие люди, неудовлетворительно и слабо работающие сегодня, могут завтра, при умелом руководстве, стать хорошими работниками. Поэтому прежде всего были изучены все работающие в отделе, начиная с руководителя и кончая техническими работниками, ибо особенно в таком аппарате, как Оргинструкторский отдел ЦК, и технические работники имеют важное значение. Значительная их часть была закреплена на той работе, на которой они работали, часть была переведена на другую. При оставлении работников, особенно руководящих, принимались во внимание прежде всего их способность и желание перестроиться для работы в новых условиях. Таким, например, оказался тов. Охлопков — старый большевик, интеллектуально развитый, знающий хорошо партийную работу, работавший ранее секретарем Смоленского губкома партии. Он был несколько медлительный, и нам приходилось ему прибавлять моторности, но зато он был вдумчивым, серьезным и прав-

дивым работником, что очень важно. Он и был назначен моим первым заместителем. Другим моим заместителем был выдвинут тов. Лепа, которого я знал по работе в Туркестане, где он работал секретарем Семиреченского обкома. Это был культурный, развитой партийный работник, энергичный организатор, отдающий всего себя работе. Он хорошо знал местную партийную и советскую работу, особенно в национальных районах страны, с любовью и интересом относился к работе местных парторганизаций и местных работников и поддерживал с ними тесную связь.

Заведующим подотделом учета и изучения местного опыта нами был выдвинут старый большевик, старый партийный работник, бывший секретарь ряда губкомов партии тов. Растопчин, развитый и высококультурный работник, имеющий способности к анализу, изучению и обобщению фактов. Когда я доложил на Секретариате ЦК его кандидатуру, товарищ Сталин весьма одобрительно ее поддержал. Товарищ Растопчин, сказал он, такой работник, который, кажется, не будет торопиться с выводами, будет кропотливо изучать факты и глубоко их обобщать, а это главное в работе этого подотдела. Помню, что в этот же подотдел мы подобрали и других опытных партийных работников, таких, как товарищи Кариб, Кицис, Богомолов, Воробьева, Блюмберг и другие.

В транспортном подотделе заведующим был назначен тов. Здобнов — опытный партработник, железнодорожник из Оренбурга.

Укомплектовали мы литературное бюро по обработке информационных материалов, подобрав туда хорошего литературно грамотного партработника тов. Марьина, к нему в помощники товарищей Явиц, Антонова-Чалая и др.

Секретарем бюро заграничных партячеек стал тов. Попов.

Общий отдел возглавил развитой, опытный партработник тов. Аркадьев. Его заместителем работал тов. Балашов — способный энергичный партиец; работали там и другие старательные хорошие работники.

Можно без преувеличения сказать, что перестройка работы отдела по новому Положению внесла большую организованность в дело связи и руководства местными организациями, проверки исполнения и подбора кадров. Не приходится доказывать, что одной письменной связью и информацией партийная жизнь и руководство обойтись не может. Нужна, как воздух, живая связь с местами вплоть до ячейки с ее богатой жизнью, насыщенной самодеятельностью членов партии.

Этой живой связью и стали ответственные инструктора ЦК, наряду, конечно, с посылаемыми на места представителями ЦК.

ЦК еще до XI съезда имел ответственных инструкторов, но их было всего пять человек, что, конечно, очень мало для нашей партии со столь дифференцированными районами страны. Ответинструкторы ЦК и представители ЦК выезжали на места. Среди них были такие товарищи, как Муранов, Семашко, Владимирский, Молотов и другие, постарше и помоложе меня, которых, например, ЦК посылал представителями в Воронеж, Киргизию, Казахстан, Оренбург, Туркестан. Но этого было недостаточно для выполнения поставленных задач. Необходимо было не только увеличить количество инструкторов минимум до 15 человек, но и разработать «Положение об ответственных инструкторах ЦК».

Важное значение приобрело точное определение задач, прав и обязанностей ответственного инструктора. Этого требовали сами ответственные инструкторы и местные парторганизации. Разработанное Оргинструкторским отделом ЦК «Положение об ответственных инструкторах ЦК РКП(б)», принятое после глубокой и тщательной проработки в Оргбюро ЦК и полученных отзывов местных парторганизаций, устанавливает, что ответственный инструктор является звеном, соединяющим ЦК с местными организациями. Он не только обследует, но и направляет работу парткомов, помогает им твердо и неуклонно проводить директивы центральных партийных органов. В то же время, соблюдая принципы демократического централизма, Положением устанавливается, что ответственный инструктор, будучи представителем ЦК, не имеет административно-распорядительных прав, за исключением тех случаев, когда он получает от ЦК особые поручения с особыми, оговоренными в мандате, полномочиями.

Ответственный инструктор ЦК при обследовании выясняет все стороны партийной работы, в том числе и влияние парторганов на советскую, профсоюзную, кооперативную работу.

Для выполнения своих задач инструктор обязан: знакомить партийную организацию с важнейшими очередными задачами партии и принятыми ЦК и его отделами мероприятиями для разрешения этих задач; делать доклады о результатах своего обследования на заседаниях бюро или пленума губкома, а также на собраниях ответственных работников организации всякий раз, когда он найдет это последнее необходимым в интересах дела.

В Положении об ответственных инструкторах специально

указывается, что в случае неправильных действий того или иного парторгана инструктор ставит в бюро губкома вопрос об отмене неправильных мероприятий и постановлений. Если губком не согласен с предложением ответственного инструктора, вопрос переносится на рассмотрение в Центральный Комитет партии.

Далее в Положении предусматривается право ответинструктора просматривать все, в том числе и секретные, протоколы конференций, совещаний, заседаний губкома и его бюро, президиума и отделов, контрольных комиссий и райкомов, все инструкции и циркуляры губкома и его отделов, все материалы, поступающие от укомов, райкомов и других парторганизаций. По требованию ответственного инструктора ЦК коммунисты-руководители хозяйственных, профсоюзных, кооперативных и других государственных учреждений, в том числе и отделов ГПУ, обязаны были представлять ему все требуемые им материалы.

Ответственный инструктор имел, конечно, право присутствовать на всех заседаниях губкома, КК и райкома, фракций, ячеек, в том числе и на секретных закрытых заседаниях. Это очень важно, потому что были случаи, когда губкомы этого не допускали. И вообще некоторые недооценивали права ответинструктора. Были случаи и чрезмерной требовательности самих инструкторов, которые ЦК исправлял.

В Положении сказано, что ответственный инструктор, являясь инструктором Центрального Комитета, а не отдела ЦК, в своей работе непосредственно подчинен заведующему Организационно-инструкторским отделом ЦК. (Этот абзац был включен тов. Сталиным при обсуждении проекта. Весь проект в целом, как и другие, разработанные отделом, предварительно просматривался, зачастую с внесением необходимых поправок тов. Молотовым в порядке наблюдения за работой Организационно-инструкторского отдела ЦК.)

Ответственный инструктор ЦК прикреплялся к определенной группе губкомов и обкомов, связан только со своим районом деятельности и ответственен за правильное информирование ЦК и оценку работы губкомов. Для полноценности этой стороны деятельности к каждому инструктору прикреплялся информатор, являющийся помощником инструктора, ведущий обработку материалов организаций района соответствующего инструктора. По возвращении из поездки по губерниям в Москву ответственный инструктор изучал отчет информатора, сопоставлял со своими данными и выводами, представляя их заведующему Orгинструкторским отделом и Секретариату Центрального Комитета.

План работы инструкторов на выездах, зачастую вместе с информатором, устанавливался заведующим Органинструкторским отделом и утверждался Секретариатом ЦК. Ответственный инструктор представлял в ЦК письменный отчет и делал устный доклад заведующему Органинструкторским отделом и в Оргбюро ЦК.

ЦК предоставлял право ответственным инструкторам присутствовать на заседаниях Оргбюро ЦК, на всех партийных съездах и конференциях и совещаниях. Ответственный инструктор ЦК в целях охвата не только вопросов организационных, но и всех других, связанных с работой ЦК, при выезде на место получал основные установки от Орготдела ЦК, секретаря ЦК, а в вопросах, касающихся других отделов ЦК, от заведующих этими отделами.

По мере необходимости Орготдел или Секретариат ЦК созывал совещания ответственных инструкторов ЦК. В процессе работы инструкторы получали все циркуляры, инструкции, тезисы, печатные издания ЦК и выходящую партийную литературу, связанную с их задачами.

Все это было направлено на повышение уровня работы и квалификации ответственных инструкторов ЦК. Мы считали, что, хотя в практике работы часть указанных моментов в той или иной мере уже применяется, но изложение в едином Положении всех задач, прав и обязанностей ответственного инструктора ЦК, несомненно, внесет полную ясность, улучшит их работу, подымет их авторитет в местных партийных организациях и поможет ЦК выполнить поставленные XI съездом задачи.

Это же полностью относится и к обкомам, губкомам, укомам, где должен быть подобран состав ответственных инструкторов, которые выполняли бы в пределах своего района в основном те же задачи.

Центральный Комитет придавал большое значение ответственным инструкторам и другим видам живой связи путем посылки на места представителей ЦК, в первую очередь членов и кандидатов ЦК и ЦКК. Это нисколько не противоречило требованию систематической, регулярной, обстоятельной письменной связи ЦК с местами и мест с ЦК — нельзя противопоставлять живую связь письменной. Взаимосвязь между письменной и живой связью является непременным важнейшим условием успешного партийного руководства.

Придание Центральным Комитетом столь важного значения ответственным инструкторам потребовало от нас, руководителей Органинструкторского отдела, сосредоточения большого внимания и усилий на их подборе.

Эту качественную задачу мы успешно решали под руководством и при помощи секретарей ЦК: товарищей Сталина, Молотова, Куйбышева, которые не просто рассматривали предложения Оргинструкторского отдела, а лично принимали каждого рекомендуемого нами, определяя персонально, кого именно можно утвердить.

В разное время за период 1922–1923 годов работало ответственными инструкторами ЦК, конечно, больше 15 человек, положенных по штату, потому что ряд товарищей, поработав известное время ответственными инструкторами ЦК, заслужив на местах авторитет и уважение, избирались на конференциях секретарями губкомов, обкомов и даже ЦК нацкомпартий; некоторых ЦК назначал членами облбюро ЦК РКП(б).

Таким образом, институт ответственных инструкторов ЦК был своего рода резервом для работы на местах, так же как и многие секретари губкомов выдвигались в ЦК на работу ответинструкторами. Так, например, тов. Асаткин, секретарь Владимирского губкома, был назначен ответственным инструктором ЦК. Он проработал в этом качестве довольно длительное время. Его доклады и предложения получали одобрение Оргбюро ЦК, он был грамотным марксистом, старым выдержанным большевиком. Как вдумчивый и серьезный руководящий работник, он завоевал авторитет и уважение в неоднократно обследуемых им белорусских организациях и был выдвинут на Всероссийской партконференции секретарем ЦК Белоруссии. ЦК РКП(б) удовлетворил просьбу белорусских товарищей, передав им тов. Асаткина. Таким же образом шел подбор и других ответственных инструкторов ЦК. Назову нескольких товарищей.

Тов. Кривов, старый большевик, рабочий, руководящий работник губкомов, опытный партийный работник, с уклоном в контрольную работу. Его просила ЦКК, и нам пришлось пойти ей навстречу.

Тов. Струппе — старый большевик, отличавшийся глубоким, неторопливым обследованием организаций, проникавший в глубь не только партийной, но и советской, профсоюзной, кооперативной и хозяйственной работы. Он отличался еще тем, что нажимал не только на вскрытие недостатков, но старался всесторонне освещать состояние обследуемой им организации и соответственно отражал это в своих предложениях. Тов. Струппе выезжал и в деревню, умел беседовать по-простому с крестьянами (его окладистая борода импонировала крестьянам). Для нас особенно важным было то, что он хорошо осве-

щал положение в деревне, давая соответствующие предложения. Потом, по просьбе тов. Кирова, тов. Струппе был выдвинут председателем Ленинградского губисполкома, и мы вынуждены были согласиться, потеряв такого выдающегося ответственного инструктора.

Тов. Заславский — старый большевик, бывший секретарь губкомов, образованный интеллигент, хороший большевик-ленинец. Он отличался тем, что глубже других вникал во все стороны партийной работы, то есть не только организационной, но и агитационно-пропагандистско-идеологической, в работу печати, тем более что он сам был и журналистом. Его выводы особенно охотно воспринимали и использовали все отделы ЦК.

Тов. Рябов — дореволюционный большевик, рабочий. Был до работы в ЦК РКП(б) председателем ЦК профсоюза строителей. Как ответственный инструктор ЦК отличался тем, что был связан с жизнью широких беспартийных рабочих масс. Он привозил в ЦК ценные и важные факты и выводы о настроениях рабочих, о состоянии работы среди них, об их нуждах, потребностях, что для ЦК имело особо важное значение для разработки необходимых мер. К его докладам на Оргбюро проявлялся особый интерес, в частности со стороны тов. Сталина, который задавал ему немало вопросов о рабочей жизни и массовой работе среди беспартийных.

Тов. Хатаевич — дореволюционный большевик, подготовленный марксист, партийный организатор, бывший секретарь Гомельского губкома. Не отличаясь внешним «блеском», он зато глубоко проникал в существо партийных дел и необходимых организационных мероприятий. Был достаточно квалифицирован не только по организационным, но и по всем основным вопросам партийного руководства.

Работал ответственным инструктором старый Иваново-Вознесенский большевик тов. Шорохов. Это был, можно сказать, талантливый самородок из рабочих. Он не был «шибко грамотным», но партийное чутье и общественно-политическое сознание было у него замечательное. Имея опыт низовой партийной работы, он, приезжая на место, сразу связывался с низовыми партийцами, быстро узнавал важные факты и приходил к «верхушке» губкома или обкома уже как бы подготовленным к «округленным», как он выражался, докладам губкома и его аппарата. Когда, как он любил рассказывать, сотрудники аппарата губкома начинали приукрашивать положение дел, он им говорил: «Меня, брат, голыми руками и сладкими речами не возьмешь — вот у меня ка-

кие факты, невыдуманные, а из жизни ваших же ячеек и районов взятые». Шорохов — на вид добродушный дядя — был на деле грозой для всех элементов разложения — идейно-политического и бытового. Он был настоящим борцом за Ленинскую линию, за пролетарские большевистские нравы в партии. На его доклады в Оргинструкторском отделе, когда он приезжал из командировки, сходились и работники других отделов. Его доклады не блистали красноречием, но зато красноречивыми и поучительными были факты и его выводы.

Выделялся как большой знаток чисто партийной организационной работы ответственный инструктор тов. Сергушев. Старый большевик-сормовец, работавший секретарем и председателем Нижегородского губкома партии, руководитель организационно-инструкторской работой в Бюро ЦК Компартии Туркестана, он представлял из себя образец самоотверженного, морально чистого, верного Ленинизму большевика, глубоко знавшего все тонкости партийной работы, начиная с ячейки промышленной и деревенской и кончая губкомом и ЦК. Его доклады отличались глубиной, всесторонностью и отсутствием примиренчества к отступникам от линии и практических директив партии и ее ЦК. Его уважали на местах, но, побаиваясь его квалифицированных оценок, более серьезно готовились к «контратакам» по его выводам. Я не помню, однако, случаев, чтобы на совещаниях в Оргинстре или после них в Оргбюро или Секретариате ЦКК не были в основном приняты его выводы по обследованию той или иной организации. Это был, можно сказать, квалифицированный специалист по организационно-партийной работе и один из достойнейших ответственных инструкторов ЦК. К этому необходимо добавить, что, будучи выходцем из рабочих, он усиленно занимался самообразованием и самостоятельно, грамотно составлял свои доклады, никогда не выставляя это как особую добродетель, так как вообще Сергушев (по подполью Маркел) был исключительно скромным и обстоятельным человеком.

Были выдвинуты и взяты инструкторами ЦК такие солидные работники, как тов. Авдеев — питерский рабочий, старый большевик, опытный партработник, тов. Гончаров — старый большевик, один из руководящих работников московской организации, а потом на Северном Кавказе. Он был избран членом ЦКК и перешел туда на работу. Тов. Тамбаров — крупный работник из военных комиссаров Красной Армии. Тов. Блохин — из Рязанского губкома. Из молодых был выдвинут инструктором тов. Егоров — способ-

ный бакинский работник, потом он был избран секретарем губкома, и так далее.

Состав инструкторов ЦК за три года, естественно, менялся, но уровень их не снижался, а если попадались товарищи и послабее, то мы старались повышать их уровень в процессе их работы. Они росли вместе с нами.

Оргинструкторский отдел придавал также большое значение информаторам, тщательно подбирая их персонально, назначая их помощниками ответственных инструкторов. Ведь, по сути дела, сам ответственный инструктор, обследуя и изучая организацию, является первым главным информатором ЦК о положении и состоянии организации, его информация особенно ценна потому, что она является результатом его непосредственных наблюдений, но он сам, естественно, не может оформлять весь богатый материал. Тем более что часть из них не владела навыками «писательской», как говаривал тов. Шорохов, работы. Помню, как однажды тов. Шорохов пришел ко мне расстроенный, он даже готов был просить об освобождении его. «Я, — говорил он, — могу тебе рассказать все до мельчайших подробностей, по памяти, наизусть, но написать все это мне трудно. Либо вы мне даете «письменника», либо освободите меня. Я ведь разберусь, если он напишет не так, как нужно, поправлю, а не захочет, то я уж скажу ему по-рабочему... Но пускай он мне поможет справиться со всем богатым и большим материалом по моим губерниям». Хотя большинство инструкторов сами писали свои доклады, но я привел разговор с тов. Шороховым, потому что в известной степени это относилось и к другим ответственным инструкторам, даже интеллигентам, которым нужна была помощь для систематизации своих материалов и синтезирования тех, которые приходили в ЦК, независимо от инструкторов. Вот этими систематизаторами, помощниками инструкторов являлись подбираемые нами информаторы, в большинстве квалифицированные работники. Они изучали не только привезенные ответинструкторами данные и материалы, но и протоколы и письменные отчеты губкомов и обкомов, материалы их отделов и т. д. Дело было не столько в литературной их обработке, сколько в знании партийной жизни и умении выделить главное, характерное для данной организации, требующее реагирования ЦК, его помощи.

Конечно, до представления обзоров в Секретариат ЦК руководство Оргинструкторского отдела обрабатывало и обобщало их, но в основе лежал труд квалифицированного инструктора

и информатора. Поэтому мы тщательно и ответственно подбирали работников в качестве информаторов. Достаточно, например, сказать, что одним из квалифицированных информаторов работал у нас Билль-Белоцерковский. Это был революционер-партиец, который после странствий в Америке и работы там кочегаром, матросом вернулся на свою родину — в Россию в сентябре 1917 года, вступил в партию большевиков, участвовал в боях за Советскую власть, вел партийную работу и одновременно занимался литературным трудом. Я с большим удовольствием и удовлетворением наблюдал, как этот скромный сын партии, исполняя старательно, трудолюбиво свою партийную обязанность информатора Оргинструкторского отдела ЦК, одновременно занимался литературой. Впоследствии он развернулся как драматург — пьеса «Эхо» и талантливая пьеса «Шторм» заняли солидное место в советской драматургии. Рядом с Билль-Белоцерковским в качестве информатора работали такие товарищи, как Зайцев (бывший секретарь Замоскворецкого райкома), Магницкий — бывший секретарь Хамовнического райкома, Голубцова (впоследствии ректор Энергетического института), Воробьев — старый большевик, Вайнштейн, Мицкун, Сниткин, Ружейникова (потом окончила институт Красной профессуры), Логинов, Друян, Ипатов, Гинзбург, Торова — бывший руководящий работник женотдела, Великодворский и другие. Конечно, не все они были одинаковой квалификации. Некоторых приходилось серьезно доучивать в процессе работы, так же как и сами мы, их руководители, доучивались, но важно то, что учились они и работали старательно, подымаясь до уровня поставленной перед ними задачи.

Но дело, конечно, не в одних информаторах, какие бы они старательные ни были, а в системе информации и отчетности.

Хотя наш Центральный Комитет и в самые трудные годы Гражданской войны старался поддерживать связь с местными организациями и руководить ими (это я знаю по собственному опыту), но, надо сказать, что беспрерывная связь начала серьезно устанавливаться после X съезда партии и приняла особенно устойчивый, непрерывный, систематический характер после XI съезда партии.

Впоследствии, учитывая рост и усложнение потребностей, а также объединение Орготдела с Учраспредом, ЦК создал самостоятельный Отдел информации. У нас не было современной техники, но мы старались поставить информацию научно. В частности, вскоре после XI съезда мы ввели картотеку для занесения на-

иболее важных фактов, что, конечно, облегчало составление обзоров, давало возможность быстро, без задержек давать ответы на те или иные запросы и так далее.

Особенно мы ценили работу Статистического отдела ЦК, который был очень тесно связан с Орготделом. В частности, я глубоко уважал заведующего этим отделом старую большевичку тов. Смиттен. Этот отдел со скромным штатом вел большую статистическую отчетность в партии, переписи членов партии, давая возможность руководству ЦК и Оргинструкторскому отделу делать необходимые выводы о регулировании состава партии и т. д.

Большую роль сыграло постановление ЦК о письменной отчетности местных организаций и письменной связи ЦК с местными организациями.

Хотя Постановление ЦК названо: «О письменной связи ЦК с губкомами и обкомами», но фактически это был всесторонний, всеохватывающий документ, определяющий, по существу, весь круг вопросов и задач, которыми занимаются и должны заниматься губком, обком, да и сам ЦК. Эта систематическая плановая письменная отчетность была той основой, той первичной документированной, то есть ответственной базой, без которой сознательно, планомерно, а не от случая к случаю, руководить невозможно.

Я позволю себе подробнее осветить этот вопрос не потому, конечно, что я, как один из авторов этого Постановления и этой системы отчетности, «влюблен» в нее, а потому, что придавал и сейчас придаю ей, этой системе отчетности, важное и большое значение в партийном руководстве. О значении отчетности сказано в Постановлении с самого начала, коротко, но увесисто, в форме критики губкомов и обкомов, неаккуратно присылающих отчеты и нарушающих решение XI съезда, что за февраль, март, апрель только пять губкомов выполнили свои партийные обязанности и прислали полные отчеты, а большинство или вовсе не прислали или прислали неполноценную отчетность. (Помню хорошо атмосферу и остроту, с какой этот вопрос обсуждался на Оргбюро, в присутствии некоторых секретарей губкомов и обкомов — этим дан ответ на недооценку некоторыми из них значения этого вопроса. При обсуждении этого проекта товарищи Сталин и Молотов внесли следующее заключение: «Такое положение не может быть далее терпимо. ЦК твердо решил добиться своевременного представления отчетности от всех губернских и областных организаций».)

Далее дается развернутая постановляющая часть по всем видам отчетности. Содержание отчетности отражает содержание задач и работы, поэтому само изложение, а главное — восприятие Постановления об отчетности имеет важное значение для более глубокого понимания не только значения, которое ЦК придает информации и отчетности, но и самого содержания работы и обстановки, в которой она протекает.

Значение закрытых писем секретарей прежде всего определяется тем, что в Постановлении сказано, что письма эти составляются лично секретарями областных бюро ЦК РКП, национальных ЦК, областных и губернских комитетов, в том числе и губкомов, входящих в областные объединения; это последнее было подчеркнуто потому, что некоторые руководители областных объединений сопротивлялись этому, считая, что, мол, достаточно письма и отчетности областного объединения. ЦК же считал это неправильным отрывом объединяемых ими губкомов от ЦК.

Подчеркнув, что все письма должны быть обязательно строго объективными, деловыми и затрагивать все наиболее важные стороны партийной и политической жизни губернии и области, ЦК устанавливал следующие группы вопросов, которые должны быть освещены в закрытых письмах секретарей:

— важнейшие явления хозяйственной жизни губернии за истекший месяц (состояние урожая, ход продработы, работа основных предприятий, состояние транспорта, развитие кооперации, поступление местных налогов);

— настроение рабочих и различных слоев крестьянства (по возможности сообщать один-два характерных факта);

— о враждебных нам политических партиях (их влиянии в тех или иных слоях населения, методах работы и т. д.);

— состояние работы советского аппарата;

— жизнь партийной организации, в том числе о волнующих членов партии вопросах;

— наиболее важные решения, рост влияния партии, проведение тех или иных кампаний и т. д.

ЦК подчеркивал необходимость дифференцированного подхода в отчетах и письмах в зависимости от особенностей губернии, области, национальной республики. В информации должны дифференцированно выступать на первое место наиболее важные вопросы для данной местности: в земледельческих областях более внимательно и полно должны быть освещены вопросы урожая, продработы, торговли, настроение крестьянства, работы эсеров, состояние изб-читален; в губерниях, где лежат

крупные железнодорожные узлы, внимание секретаря организации и в работе и в информации должно быть сосредоточено на транспорте; в промышленных губерниях нужно сосредоточить внимание на освещении положения на фабриках, настроении рабочих, влиянии меньшевиков и т. д.; в сообщениях из окраин должно быть уделено место вопросам национальных взаимоотношений и т. д.

ЦК особенно обращал внимание секретарей, что вскрытие недочетов и вообще отрицательных сторон местной работы в закрытых письмах секретарей должно быть более решительным и законченным, чем это бывает в обычных официальных информотчетах.

Закрытые письма направлялись непосредственно в Секретариат ЦК, который придавал этим письмам особо важное значение для учета в работе ЦК.

Нетрудно видеть, как эти указания по составлению закрытых писем, по существу, учат секретарей работать, даже составлять план работы, выделять главное с учетом специфических особенностей местности, охватывать все виды непосредственно партийной работы.

ЦК, со своей стороны, давал пример местным организациям, составляя и рассылая на места закрытые письма ЦК, в которых освещались не только вопросы внутренней жизни партии и страны, но и внешней политики.

Еще более подробно в Постановлении о письменной отчетности даются указания о составлении официальных информационных и статистических отчетов.

Устанавливается, что эти отчеты представляются за подписями секретаря и заведующего орготделом соответствующего комитета и направляются в ЦК ежемесячно.

Можно без преувеличения сказать, что между XI и XII съездом Центральный Комитет, его Организационное бюро, Секретариат ЦК и его аппарат, в первую очередь Оргинструкторский отдел развернули живую и письменную связь и конкретное руководство местными организациями.

Серьезно увеличилось количество выездов членов и кандидатов ЦК, представителей и специальных комиссий ЦК для обследования парторганизаций — они посетили 66 организаций и участвовали в работе 98 местных партийных конференций. За этот год более чем в два раза увеличилось количество докладов секретарей губкомов, обкомов, заслушанных и обсужденных на Оргбюро ЦК, всего было заслушано 38 докладов, по ним принимались

соответствующие решения и указания. Важную роль в руководстве и выработке конкретных директив по губерниям и областям сыграла систематическая письменная связь и получение отчетов, которые, хотя с все еще продолжающимися частичными перебоями, но поступали от губкомов и обкомов более или менее нормально. Существенным в этом отношении было то, что в этом году в ЦК была проведена полная обработка материалов, поступивших с мест по всем организациям, — к XII съезду были составлены обзоры партийной работы по 100 губерниям и областям, тогда как к XI съезду — лишь 45, а к X — всего 22, и то главным образом по центральным губерниям.

Важной и партийно-демократичной формой связи ЦК с местными организациями была посылка ЦК своих представителей на губернские и областные конференции, которые не только выступали от имени ЦК, но и активно участвовали в работах конференций. В период между XI и XII съездом по плану, разработанному Организационно-инструкторским отделом, представители ЦК участвовали в работе 62 партийных конференций.

Приезжавшие с конференций представители ЦК, как правило, докладывали Секретариату, Оргбюро, а в важных случаях и Политбюро о своих выводах, впечатлениях и предложениях.

Вообще я не помню ни одного случая, когда бы Секретариат, Оргбюро и Политбюро отнеслись без должного внимания к докладам представителей ЦК, комиссий, ответственных инструкторов, секретарей губкомов и обкомов, а тем более краевых, республиканских комитетов. Заседания, когда в порядке дня стояли такие доклады, были большими днями не только для аппарата и его руководителей, в особенности Организационно-инструкторского отдела, готовившего материалы, предложения и выступавшего с содокладами, но, как я видел, и для руководящих деятелей ЦК, в первую очередь его секретарей. Вся атмосфера была благоприятная для докладов и суждений по ним. Докладчикам, как правило, прибавляли время, члены Оргбюро задавали вопросы, выступали, а кто не выступал, тот обычно вставлял свои реплики. Помню, особенно выделялся своими остроумными, мягкими и вместе с тем критическими репликами Калинин Михаил Иванович, хорошо знавший места ввиду того, что он много разъезжал по стране. Докладчики с мест, обычно начинавшие напряженно, потом становились смелее и даже веселее, как говорится, «расходились». Поправок, критических замечаний было много, временами острые и сердитые, особенно по неблагополучным организациям, которые нуждались в «лечении». Как

правило, проекты принимались в основном с поручением выделяемой комиссии или Организационно-инструкторскому отделу ЦК учесть замечания и принятые на заседании поправки и представить окончательно отработанный проект постановления ЦК.

Разумеется, мы не ограничивались только конкретным постановлением, а извлекали уроки для общей работы — для разработки обобщенных выводов по общепартийным вопросам, для выработки соответствующих директив ЦК.

СВЯЗЬ С НАЦИОНАЛЬНЫМИ РЕСПУБЛИКАМИ И РЕГИОНАМИ. ОБРАЗОВАНИЕ СССР

В исторических решениях X и XI съездов партии по-марксистски, по-ленински учтены изменения в исторических условиях — перехода от Гражданской войны к мирному строительству, и сделаны соответствующие выводы о партийном и советском строительстве на основе развития внутрипартийной и рабочей демократии и усиления связей между ЦК и местами и мест с Центром.

Съезды указали на опасности и трудности, стоящие перед партией, и потребовали от всех местных партийных организаций крепить единство партии, очищать ее ряды, бороться с упадническими настроениями, с капитулянтами и укреплять идейно и организационно партию и ее местные организации.

Центральный Комитет РКП(б) после XI съезда сосредоточил особое внимание и усилия на организации систематической и более глубокой связи и руководстве окраинными организациями, в особенности партийными организациями национальных областей и республик. Конечно, ЦК и до XI съезда занимался ими; тов. Ленин сам уделял им свое внимание и заботу, занимался ими и его ближайший помощник народный комиссар по национальным делам, член Политбюро тов. Сталин, а также после X съезда и секретарь ЦК тов. Молотов.

Я хорошо знаю по работе в Туркестане, какую партийную, политико-экономическую, военную, организационную помощь оказывали ЦК и лично тов. Ленин большевикам, рабочим, революционным трудящимся массам и органам Советской власти Туркестанской Советской Республики в их самоотверженной, героической борьбе за само существование и становление Совет-

ской власти. С ликвидацией блокады Туркестана ЦК РКП(б), Совнарком республики, Ленин усилили свою помощь Туркестанской республике в успешном завершении военной победы, в преодолении хозяйственной разрухи, голода и сплочении народов и наций Туркестана вокруг партии.

Однако трудности, голод и разруху не так легко было ликвидировать, прежде всего потому, что военное сопротивление остатков колчаковско-дутовской белогвардейщины продолжалось. Агенты и военная помощь иностранных империалистов подымали кулацкие, байские, феодальные контрреволюционные националистические силы против Советской власти, организовывая бандитские выступления, в особенности басмачество. В 1920 году центром английской империалистической разведки, ее военных сил стала Бухара с реакционным эмиром во главе. Свергнутый своим революционным народом эмир, его приспешники под руководством агентов империализма организовали новые басмаческие банды в Восточной Бухаре и оживили, активизировали басмачество в Фергане и других районах Туркестана. Басмачи захватывали районы, железнодорожные станции, предприятия, села-кишлаки, разрушая их и грабя население не только русское, но и своих национальностей; они убивали партийно-советских работников, рабочих и их семьи. С басмачами вели борьбу не только красные войска, но и отряды самого коренного населения, особенно рабочих, ядром которых были коммунисты и комсомольцы.

Выезжая на места как член Туркбюро ЦК РКП(б) и член Реввоенсовета Туркестанского фронта, я видел, как героически боролись лучшие сыны народа, рабочего класса и нашей Великой партии. Я видел и крупные недостатки в работе, в том числе в партийной — слабость партийных органов, в том числе областных комитетов, которым в условиях военных действий не удавалось наладить систематические партийные связи с нижестоящими организациями и руководство ими. Видел и то, что, потеряв в этой сложной войне с басмачами немало замечательных коммунистов, в рядах партии наряду с хорошими коммунистами осталось много чуждых партии людей. Естественно, что Туркбюро ЦК, ЦК Компартии Туркестана принимали необходимые меры организационного и пропагандистского характера по усилению партийной работы, очистке партии и вовлечению в нее новых лучших людей рабочего класса. Проведенная после X съезда чистка серьезно оздоровила ряды партийной организации, освободив ее от примазавшихся карьеристов, жуликов, взяточников, бывших царских чиновни-

ков, проводивших вместе с бывшими переводчиками из местного населения старую колониальную, угнетательскую практику, — было вычищено более 10 тысяч из имевшихся 40 тысяч членов партии.

После XI съезда ЦК РКП(б), обсудив положение в Компартии Туркестана, решил провести дополнительную чистку, в результате которой было исключено из партии еще 4 тысячи, а всего было вычищено 14 тысяч. Это укрепило партию в Туркестане, и особенно в Бухаре и Хиве, открыло путь к вступлению в ее ряды лучших людей рабочего класса и революционного декханства, в особенности из Союза бедноты.

Героической борьбой нашей славной Красной Армии под руководством Ленина и талантливым командованием тов. Фрунзе ко второй половине 1920 года были разгромлены вражеские силы Семиреченского и Закаспийского фронтов Туркестана. Но оставалось неразгромленным басмачество, особенно вновь вспыхнувшее после революционного свержения эмира Бухарского и хана Хивинского.

ЦК РКП(б) и лично Ленин глубоко понимали, что победа над басмачами требует не только новых военных усилий, но и ряда хозяйственно-экономических, организационно-политических мероприятий, в первую очередь ликвидации имеющихся недостатков и ошибок в работе и в политическом поведении коммунистов по отношению к туземным народам, особенно в деревне. Я помню, как в беседе со мной перед моим отъездом в Туркестан тов. Ленин особенно подчеркивал задачу проникновения Советов и организации их работы по объединению декхан в самых глубинных пунктах — кишлаках и аулах Туркестана.

Для Ленина это был вопрос, связанный со всей программой и тактикой Коминтерна в борьбе народов Востока за свое национальное и социальное освобождение от империализма. Именно опираясь на опыт российской пролетарской революции и, в частности, Туркестана, Ленин развил на II конгрессе Коммунистического Интернационала свое гениальное положение о том, что и там, где еще нет капитализма, а существуют еще докапиталистические отношения, можно и нужно вовлекать отсталые массы крестьянства в систему советских организаций, постепенно переводя эти народы к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Разумеется, подчеркивал всегда Ленин, теоретическая возможность сама по себе не превращается в действительность. Для этого необходимо вести борьбу не только с прямым классовым врагом — империализмом,

но и с его прихвостнями — буржуазно-националистическими шовинистами всех мастей, поддерживая истинно революционные освободительные движения, организуя Советы в самом низу и объединяя в них широкие массы трудящихся крестьян и тружеников. Больше того, Ленин — в первую очередь он — особенно видел, что даже среди коммунистов — членов такой революционно-интернационалистской партии, как наша, имеются люди, допускающие колонизаторский, великодержавный подход к местным национальностям, в особенности в Туркестане, а также имеются и националисты из местных национальностей, зараженных буржуазным национализмом, направленным против интернационального единства рабочего класса. Именно поэтому Ленин и ЦК РКП(б) никогда не ограничивались в своем руководстве «чисто» организационными указаниями, а всегда прежде всего ставили вопрос принципиально-политический. В важнейшем решении ЦК, принятом по предложению Ленина 29 июня 1920 года, об основных задачах РКП(б) в Туркестане подчеркнуто, что основными задачами Коммунистической партии и органов Советской власти в Туркестане являются устранение, изжитие, ликвидация тех неправильных отношений, которые создавались десятилетиями между пришлым европейским населением и народами коренных национальностей, населяющих веками Туркестан, сложившихся в результате пятидесятилетней колониальной политики царского правительства в Туркестанском крае, с одновременной постепенной ликвидацией патриархально-феодального наследия, сохранившегося еще глубоко в общественных отношениях местного коренного населения. В этом постановлении ЦК РКП(б) дана программа — план практических мероприятий, обеспечивающих осуществление указанной принципиальной линии партии. Для обеспечения ее выполнения тем же постановлением учреждено, наряду с существовавшей Туркомиссией ВЦИК и СНК, Туркестанское бюро ЦК РКП(б). Немало было сделано этим бюро и ЦК Компартии Туркестана, органами Советской власти Туркреспублики, в частности, по возрождению хлопководства и организации низовых первичных Советов депутатов в кишлаках, аулах, районах и уездах. Было бы, однако, неправильно думать, что решение ЦК было полностью выполнено как по линии Советов, так и по линии партийной работы, которая отставала от потребностей и от общепартийного уровня. Это было особенно опасно в наступившем новом этапе новой экономической политики, принесшей наряду с положительными и много отрица-

тельных явлений, особенно в отношении к нуждам трудящейся бедноты.

В августе 1921 года тов. Ленин пишет письмо туркестанским коммунистам, в котором особенно подчеркивает и требует от них усиления внимания и заботы к нуждам трудящихся, бедноты, особенно коренных национальностей. На этом новом этапе ЦК РКП(б) вновь дает принципиально-политическое и практическое направление коммунистам Туркестана.

В письме ЦК (январь 1921 года), написанном тов. Сталиным и одобренном Лениным, ЦК РКП(б) писал, что линия намеченной и проводимой национальной политики в Туркестане ни в какой степени не изменяется так называемым «новым курсом» экономической политики. ЦК подчеркивал в своем письме, что глубоко ошибочными и совершенно поверхностными являются выводы тех товарищей, которые считают, что проведение новой экономической политики в Туркестане должно повести к пересмотру земельной политики Советской власти, к пересмотру Семиреченской земельной реформы, возвратившей киргизскому населению захваченные у него земли. Эти выводы, заявляет ЦК, суть старое колонизаторство под новым флагом, совершенно ложное, приписывающее Советской власти готовность вернуть киргизов в кабалу фермеру-кулаку. Это важнейшее указание ЦК РКП(б) лежало в основе той борьбы, которую проводило Туркбюро ЦК РКП(б), переименованное потом в Средне-Азиатское бюро в Туркестане, исправляя ошибки, допускавшиеся и некоторыми членами Туркбюро (Томским, Петерсом и Сафаровым) в сторону перегибов, задевавших и середняцкие элементы русского крестьянства. Давая отпор великодержавному колонизаторскому уклону, ЦК РКП(б) в указанном письме дает указания о борьбе с местным национал-уклонизмом, пытавшимся прикрыться новой экономической политикой. В письме ЦК было указано, что проведение новой экономической политики в Туркестане совершенно не означает предоставления свободного действия туземному торговому и денежному капиталу и «права» экономического закабаления и политического подчинения себе трудящихся масс полупролетариев и пролетариев Туркестана. Новая экономическая политика в Туркестане, пишет ЦК, означает предоставление мелкому земледельцу и ремесленнику большей доли произведенных ими продуктов в свободное их распоряжение, означает большую свободу обмена торгового оборота, точное ограничение налогов, повинностей, взимаемых в пользу Советского государства. Но, пишет ЦК РКП(б), одно-

временно с мерами по упрочению — расширению рыночного товарооборота советская экономическая политика в Туркестане должна обеспечить осуществление мер поддержки трудового землероба и хлебороба, кустаря, гончара или кожевника и тому подобного против торгового капитала, через экономическую поддержку кооперации трудящихся во всех ее видах. В письме с особой силой подчеркивается, что органы Советской власти должны не только и тем более не формально применяться к законам рынка, а организовывать в кооперацию и экономически помогать мелким производителям, давая им выход, избавляющий их от капиталистической кабалы, найти в них верных союзников партии и пролетариата.

Письмо ЦК не ограничивается этими общими указаниями, а, развивая решения X съезда по национальному вопросу, принятые съездом по докладу тов. Сталина, указывает конкретные хозяйственно-экономические задачи в Туркестане: о восстановлении площади посевов на поливных землях, расширении площади богарных посевов, возрождении и развитии хлопковой культуры, исправлении в первую очередь действующей оросительной, ирригационной системы, восстановлении скотоводства и так далее.

ЦК требует поддержки кустарного производства, оборудования крупных промышленных предприятий, организации товарооборота через посредство кооперативов и так далее.

Это была программа на ряд лет, которая легла в основу всей дальнейшей работы Туркестанской парторганизации, руководящих органов — обкомов, ЦК Компартии Туркестана, Туркбюро, ЦК РКП(б), в работе которого необходимо особо отметить роль тов. Куйбышева В. В. и органов Советской власти; за ее выполнение боролись вся парторганизация Туркестана и передовые люди рабочего класса и революционного декханства.

Однако общая отсталость края, особенно слабость местных кадров, приводила к отставанию парторганизации от общего уровня партийной работы во всей партии. Такое отставание было особенно опасно и вредно на новом этапе после XI съезда. Поэтому ЦК РКП(б), его Секретариат, его аппарат, в первую очередь Организационно-инструкторский отдел, организовали проверку исполнения решений ЦК и резолюций XI съезда партии по областям Туркреспублики. По данным Оргинструкторского отдела ЦК установил состояние партийной работы в пяти областях, входивших в Туркреспублику: Ферганской, Сыр-Дарьинской, Самаркандской, Закаспийской и Семиреченской (Алма-Атинской

с центром, называющимся тогда Верный). ЦК РКП(б) объективно, с ударением на недостатки, оценил состояние партийной работы. ЦК указал на неблагоприятные условия работы в каждой из указанных областей, мешавшие ЦК КПТ осуществлять систематическое партийное руководство: непрерывные военные действия в Ферганской области, срывавшие мероприятия ЦК КПТ и обкома по установлению связи с низовыми парторганизациями и руководство ими в Семиреченской области. Кроме этого, были еще и, так сказать, естественные условия оторванности (отсутствие железной дороги, тем более авиации, автомобилей и автомобильных дорог — езда «гужом»). А главное, по всем областям — слабость кадров, а порой почти полное отсутствие мусульманских коммунистических работников, хорошо знакомых с местными условиями и языком узбеков, киргизов и казахов, туркмен и таджиков. В 1922 году ЦК РКП(б) вновь уделил большое внимание этой, одной из крупнейших национальных организаций — Туркестанской. После обследования работы парторганизации Туркестана и проверки исполнения решений XI съезда партии ЦК РКП(б) заслушал доклад Средне-Азиатского бюро, председателем которого был тогда тов. Рудзутак, установил наличие все еще значительного отставания партийной работы в Туркестане. Моя прежняя работа в Туркестане не только не помешала мне как заворгинструктору ЦК объективно критически и самокритически подойти к вскрытию все еще имеющихся недостатков и слабостей, а помогла, вооружила меня лучшим знанием положения в областях Туркестана, чтобы конкретнее помочь ЦК РКП(б) сформулировать, указать на недостатки и наметить задачи по их дальнейшему исправлению.

В 1922 году Центральный Комитет РКП(б) уделял большое внимание закавказским партийным организациям — Грузинской, Азербайджанской и Армянской.

Закавказские парторганизации, в основе своей идеологически и организационно здоровые, успешно преодолевали трудности, недостатки, ошибки и шатания в собственной среде. Эти ошибки особенно проявились в среде большевиков после прихода к власти, когда возникла необходимость определить линию руководства государственным строительством. Именно в этот период особенно ярко проявился так называемый национал-уклонизм внутри партии, скатывавшийся тогда уже на путь меньшевизма, муссаватизма и дашнакцутюнства, а позднее на путь троцкизма (а в дальнейшем развитии некоторые скатились даже на путь фашизма). Мертвый меньшевизм, который в Грузии был

в свое время силен, хватал живого. Мертвые меньшевики тащили за собой, в частности в национальном вопросе, живых национал-уклонистов. Их питательным источником были многочисленные мелкобуржуазные, чуждые партии непролетарские элементы, которые были в составе коммунистических партий. ЦК РКП(б) и Закавказский краевой комитет, занимаясь вопросами укрепления парторганизаций Грузии, Азербайджана и Армении, обратили в первую очередь свое внимание на вопрос о составе парторганизаций. В Грузии, например, из 18 тысяч членов партии было всего 13% рабочих, остальные — служащие, крестьяне и ремесленники. Поэтому была поставлена задача сокращения парторганизации процентов на 30 за счет непролетарских элементов с одновременным увеличением количества вновь принимаемых рабочих. По проведенной чистке членов компартии Грузии во второй половине 1921-го и первой половине 1922 года было вычищено четыре с лишним тысячи человек, а во второй половине 1922 года и первой четверти 1923 года еще 6 с лишним тысяч. В марте 1923 года Компартия Грузии имела около 11 тысяч членов, в том числе рабочих было уже 17 с лишним процентов. Ленин считал необходимым, учитывая условия хозяйственной разрухи и капиталистического окружения, образовать федерацию закавказских республик. В одном из писем Ленин требовал вдумчивого, неторопливого подхода к этому делу, требующего нескольких недель, а после учета мнения тов. Сталина и нескольких месяцев подготовки. В конце 1921 года Закавказское бюро ЦК с участием командированного ЦК РКП(б) представителя ЦК тов. Молотова приняло постановление об организации Федерации закавказских республик. Против этого в 1922 году развернули кампанию национал-уклонисты. Даже после обсуждения вопроса на Пленуме ЦК РКП(б), отвергнувшего все их предложения, подтвердив необходимость создания федерации, они не остановили своей борьбы. Надо подчеркнуть, что их фактически тогда уже поддерживал Троцкий, и это их подбадривало в их подрывной работе. Они противопоставили ЦК Грузинской компартии Заккрайкому и даже кратковременно добились большинства в ЦК Грузии. Это большинство было недолговечным. Уже в марте на съезде Компартии Грузии это большинство было провалено: за его линию голосовало немногим более 10% делегатов — громадное большинство съезда по-ленински поддержало Закавказский краевой комитет.

ЦК РКП(б) в течение почти всего 1922 года занимался вопросами Закавказья, в особенности Грузии. Кроме Молотова, в Гру-

зию выезжала комиссия ЦК в составе товарищей Дзержинского, Мануильского и Мицкевича-Капсукаса. По ее докладу и предложению ЦК одобрил линию Заккрайкома, предложив ЦК Грузии точно выполнить директивы и решения Заккрайкома. На съезд Грузинской компартии ЦК вновь командировал членов ЦК товарищей Куйбышева и Каменева, которые установили, что прежний состав ЦК Компартии Грузии допустил серьезные национал-уклонистские, антиинтернационалистские ошибки не только в коренном вопросе о Федерации закавказских республик, но и в других крупных принципиально-политических вопросах, особенно в вопросе о борьбе с остатками меньшевизма, проведения аграрной революции в деревне. Пленум ЦК РКП(б), обсудив положение, признал необходимым обратиться с письмом к коммунистам Закавказья, в котором значительное место занимало освещение положения в Грузии. В этом письме Центральный Комитет указывал, что основным организационным лозунгом нашей партии в переживаемый момент является единство партии. В особенности, писал ЦК, это единство необходимо в Закавказье, перед лицом грозящей опасности империалистического вторжения. ЦК указывал, что Закавказье, являясь крестьянской страной, в которой отсутствуют широкие пролетарские массы, кроме Баку, требует от компартий особого внимания и осторожности к элементам, зараженным националистическими пережитками мелкобуржуазных масс. В то же время нужно проявлять активность в деле вовлечения широких масс в общее русло советского строительства. Ошибки в этом деле могут повлечь за собой отрыв мелкобуржуазных, крестьянских и интеллигентских слоев от Советской власти. Ошибки могут бросить их в Азербайджане в сторону панисламизма и пантюркизма, а в Грузии и Армении — в сторону Антанты. ЦК с особой силой подчеркнул, что борьба за укрепление национального мира и братской солидарности трудящихся Закавказья является по-прежнему важнейшей задачей коммунистических партий и их руководящих работников. ЦК подчеркнул необходимость прекращения групповой борьбы, склок, а тем более принципиально-политической борьбы, разрушающей единство партийных рядов, предупредив о применении к группировкам и фракционерам предусмотренного решениями X и XI съездов исключения из партии. Столь же подробно ЦК рассматривал и состояние парторганизаций в Азербайджане и в Армении. В результате усилий ЦК РКП(б), Заккрайкома, вновь избранного ЦК Грузинской компартии и громадного большинства грузинских большевиков Компартия Грузии успешно

преодолела сопротивление остатков контрреволюционного меньшевизма, укрепила Советскую власть в Грузии, и как истинные марксистско-ленинские интернационалисты вместе с другими республиками Закавказья создали Закавказскую федерацию, активно участвуя в создании единого Союза социалистических республик.

На Украине борьба за Украинскую Советскую Социалистическую Республику получила наибольшую остроту, потому что иностранные империалисты — немецкие и антантовские, русские белогвардейцы-деникинцы опирались на коварного врага народа украинского — на националистически настроенную кулацко-буржуазную Раду, на петлюровщину. Петлюровщина была коварна, лицемерна и продажна. Оперируя лозунгами независимости и национальными правами украинского народа, она на деле с самого начала поставила провозглашенную ими «незалежну Україну» в полную зависимость от империалистических стран — вначале немцев, а потом Антанты. Маскируясь под «друзей народа» и даже назвав свою власть «Украинская Рада», то есть Совет, они громили истинные Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Будучи кулацко-буржуазной властью, они выступали против аграрной революции, защищали помещиков от крестьянской бедноты и капиталистов от рабочих, выступая единым фронтом с буржуазными националистами других наций — еврейским сионизмом, польским шовинизмом и прочими.

Несмотря на неоднократно заявленную волю Советского правительства РСФСР во главе с Лениным к признанию украинского государства, к миру с ним, при его отказе, конечно, от союза с Деникиным, с помещиками и капиталистами, петлюровская Рада выступила войной против российских советских народов.

Великая заслуга большевиков Украины состоит прежде всего в том, что они под руководством Ленина и ЦК РКП(б) сумели разоблачить перед украинским трудовым народом украинских националистов. Разумеется, что Ленинскую позицию в национальном вопросе большевики Украины, как и в Закавказья, завоевали в острой и принципиальной борьбе с немалым количеством уклонистов внутри партии, извращавших Ленинскую национальную политику. Были в Коммунистической партии большевиков Украины и общеоппозиционные группировки и по всем другим вопросам политики и организационного строительства — троцкисты, «Рабочая оппозиция», «Демократический централизм» и прочие отрыжки меньшевистского оппортунизма, вы-

ступившие еще в профсоюзной дискуссии против Ленинской линии и имевшие своих представителей, порой в солидном количестве, на съездах и конференциях КП(б) Украины, на которые ЦК РКП(б) посылал своих представителей для борьбы с ними и правильного направления путей КП(б)У. Одним из ведущих представителей ЦК РКП(б) был член Политбюро тов. Сталин И.В. Но к X, особенно к XI съезду РКП(б) Ленинцы в украинской партийной организации успешно разбили эти оппозиционные группы, завоевав прочное большинство, стоявшее на позициях Ленинизма.

Это укрепило и организационно партийные организации Украины, поэтому ЦК РКП после XI съезда не приходилось принимать экстраординарных организационных мероприятий.

В этот период обстановка работы на селе все еще оставалась сложной. В ряде уездов на селе оперировали бандитские шайки, хотя в большинстве уже выродившиеся в чисто уголовные. На основе новой экономической политики усиливался процесс дифференциации, укрепления позиции кулака и рост его попыток легального врастания в Советы и в Советский аппарат, ослабляя позиции партии и ее опоры — бедноты (незаможних крестьян). В этих условиях ЦК РКП(б) и ЦК КП(б) Украины поставили задачей парторганизации укреплять политическую власть Советов в деревне, не допуская проникновения кулаков и богатеев в Советы; активно содействовать поднятию, развитию и качественному улучшению сельского хозяйства на основе НЭПа, подготовлять его к постепенному переходу к более высоким кооперативно-колхозным формам обработки и пользования землей; всемерно улучшая быт и поднимая культуру села, сохранять и укреплять комитеты бедноты — комнезамы, памятуя, что сельскохозяйственные пролетарии и комнезамы, укрепляя союз со средним крестьянством, будут в дальнейшем главной опорой партии в борьбе с нарастающим кулачеством. По работе в рабочих районах Украины — обстановка также была нелегкой: промышленность Украины не была еще восстановлена и находилась в тяжелом состоянии; остро складывались вопросы своевременной выплаты и без того пониженной заработной платы. Из-за финансовых затруднений задолженность хозорганов рабочим была большая, можно сказать, громадная, вследствие этого материальное положение рабочих и коммунистов было тяжелым. От партработников, от всех коммунистов требовалась исключительная стойкость, выдержка и самоотверженность для ведения партийной, агитационно-пропагандистской, организаторской,

профсоюзной работы в массах, да и в укреплении и поддержании духа внутри самой парторганизации, тем более что и в рядах коммунистов были нестойкие товарищи, поддававшиеся упадничеству, были и оппозиционные оппортунисты, сеявшие панику капитулянтства. Поэтому была поставлена задача усиленной подготовки кадров, подбирая стойких товарищей для направления их в рабочие производственные ячейки. Одновременно, не дожидаясь окончания их подготовки, подобрать марксистски грамотных товарищей и прикреплять их к производственным ячейкам.

Между Закавказьем и Украиной лежит крупный и важный край — Юго-Восточный, или, как теперь его называют, Северо-Кавказский. Ввиду его сложности и важности ЦК РКП(б) учредил там Юго-Восточное, а потом Северо-Кавказское бюро ЦК РКП(б) с центром в Ростове-на-Дону. Это краевое бюро объединяло губернские парторганизации: Донскую, Ставропольскую, Кубано-Черноморскую, Терскую и ряд таких национальных областей и автономных республик, как Дагестанская, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская, Чеченская, Ингушская, Карачаевская. После XI съезда партии ЦК РКП(б) заслушал доклад Юго-Восточного бюро ЦК тов. Ворошилова К.Е. (тов. Микоян стал руководителем бюро несколько позже). Прежде всего был обсужден вопрос о самом существовании Юго-Восточного бюро ЦК, так как группа делегатов XI съезда, а позднее и другие товарищи из некоторых губерний Северного Кавказа поставили вопрос о ненужности краевого центра на Северном Кавказе. Помню, когда тов. Сталин, а также тов. Молотов вызвали меня и спросили мнение Организационно-инструкторского отдела ЦК по этому вопросу. После краткого изучения вопроса я твердо ответил, что считаю это требование местных губернских товарищей неприемлемым; товарищи Сталин и Молотов поддержали мое замечание, что у некоторых товарищей это является проявлением известного местничества, нежелания иметь непосредственного представителя ЦК РКП(б) по конкретной проверке исполнения решений съезда и ЦК.

Дальнейшее изучение края и разработка необходимых мер, произведенные аппаратом ЦК и рассмотренные Оргбюро ЦК, полностью подтвердили правильность указанного решения ЦК.

При всех недостатках, которые приходилось отмечать в работе Юго-Восточного бюро, особенно в первый период, его сохранение и работа полностью себя оправдали. Известно, какая жестокая гражданская война происходила в этом крае, какое сопротив-

ление Советской власти оказало контрреволюционное казачество — корниловцы, калединцы, красновцы, деникинцы (были, конечно, и революционные казаки, но их было меньшинство) и какие разрушения хозяйства края были результатом белобандитства, активно поддержанного иностранными империалистическими интервентами. Неурожай 1921 года еще более подорвал хозяйство края и нормальную жизнь края. В 1921 году и зимой 1922 года все еще действовали разные бело-зеленые банды, главным образом из части коренного казачества; осложняло положение и наличие различных враждующих между собой племен разных малых национальностей — все это при наличии малочисленного пролетариата создавало и усугубляло трудные условия работы партийных организаций.

Во второй половине 1922 года положение несколько улучшается — хороший урожай и его реализация улучшили настроение крестьян и трудового казачества, уменьшился, а в ряде районов ликвидирован бандитизм, улучшилось и материальное положение — снабжение рабочих городов.

Как и Дагестанской парторганизации, Краевое бюро и ЦК РКП(б) оказывали помощь всем организациям национальных областей и республик: Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Карачаевской, Чечено-Ингушской, Калмыцкой, — которые испытывали значительные трудности в строительстве своих национальных очагов культуры, государственности и хозяйства. Надо сказать, что их представители были хотя и менее активны, чем дагестанцы, но проявляли настойчивость в отстаивании своих интересов, вплоть до драк между собой, которые Крайбюро ЦК приходилось разбирать и улаживать. Приезжали они в Москву, бывали в ЦК на приемах у секретарей ЦК, в том числе у товарищей Сталина, Молотова, и в первую очередь попадали в Оргинструкторский отдел — к его заведующему тов. Кагановичу. В ЦК РКП(б) они встречали и критику, и помощь, и внимание, и заботу как равноправные члены Великой семьи освобожденных народов Советской республики.

ЦК усиленно занимался и так называемыми нацменами, то есть теми национальными меньшинствами, которые в силу сложившихся исторических условий, временных или длительных, не были объединены единой территорией и государственным объединением, а были разбросаны по всем губерниям, областям и республикам. Это были евреи, поляки, татары, мордвины, чуваши и другие, а также временно лишившиеся своих территорий: латыши, литовцы и эстонцы, интересы которых необходимо

было обеспечить, помогая им обустраиваться в бытовом, хозяйственном и культурно-политическом отношении. На местах еще со времен Наркомнаца, когда наркомом был тов. Сталин, были образованы специальные отделы в ряде губисполкомов, были соответствующие работники и в парторганизациях. В ЦК были национальные секции, у них были свои органы печати на своих языках, кадры организаторов и пропагандистов и тому подобное.

ЦК устанавливал недостатки в работе среди нацменьшинств, указывал на них местным организациям и требовал усиления работы среди национальных меньшинств. Не было ни одного периодического отчета ЦК, в котором бы не освещалась практика проведения национальной политики, в том числе и по работе среди нацменьшинств.

Каждый работник национальной республики, области, округа или секции, приезжая в Москву, мог прийти в свой ЦК партии и всегда получал достойный прием, совет и помощь у Секретариата ЦК и лично Генерального секретаря ЦК тов. Сталина, а также секретарей ЦК товарищей Молотова, Куйбышева, Андреева, когда он стал секретарем, в Организационно-инструкторском отделе ЦК, и без фальшивой скромности скажу, и мне, как его заведующему, приходилось им уделять не просто внимание, но и практические усилия для продвижения, решения их вопросов.

Одним из крупнейших промышленных центров страны был Урал. Урал был в то же время и серьезным земледельческим районом, поэтому ЦК придавал большое значение Уральской парторганизации. После XI съезда ЦК счел нужным укрепить Уральское бюро ЦК и ввел в него товарищей Голощекина, Харитонова, Бела Куна, Ломова и других.

Известно, какую большую героическую роль сыграли рабочие и коммунисты Урала в борьбе за Советскую власть в войне с Колчаком и затем как резервуар и боевой тыл в борьбе с Деникиным. К концу Гражданской войны при переходе к новой экономической политике промышленность была в тяжелом состоянии, да и сельское хозяйство было разорено. К тому еще прибавлялись беспрерывные конфликты в земельных отношениях, особенно на границе с Башкирией, принимавшие зачастую характер острой национальной вражды. В 1922 году политического бандитизма на Урале не было, но был распространен уголовный бандитизм, подгоняемый отчасти голодом. Вследствие всего этого настроение в деревне все еще было неустойчиво, его подогревали эсеры, используя кулаков и остатки колчаковцев.

Хотя и здесь работа антисоветских партий меньшевиков и эсе-

ров в первый период не всюду встречала активное противодействие, однако в промышленных центрах рабочие занимали твердые позиции поддержки партии и Советской власти.

В 1922 году принципиальных антипартийных группировок и острой борьбы не проявлялось. С мая и «мясниковщина» в Пермской организации себя перестала проявлять. Можно сказать, что организации Урала окрепли, но в ряде мест отрицательные явления в партийной жизни, в связи с НЭПом, продолжались. Это находило свое выражение в непонимании частью коммунистов смысла НЭПа и даже у части несогласие с новой экономической политикой: в поисках путей и средств личного обеспечения, вызываемых отчасти тяжелым материальным положением, в тяготении к личному хозяйству, в том числе к домику, корове и тому подобное, чем заражены были отчасти и некоторые уездные и даже губернские работники, не говоря уже о крестьянских коммунистах, значительная часть которых была увлечена развитием и укреплением своего хозяйства. В тесной связи с этим имело место местничество, недружелюбное отношение к приезжим работникам и известная замкнутость засидевшегося ядра местных работников.

Отмечено развитие пьянства среди части руководящих работников Челябинской и Тюменской организаций.

Роста парторганизаций на Урале почти не было, выходы из партии хотя и сократились в последнее время, но все еще продолжались, уходили не только крестьяне, но и некоторые рабочие коммунисты (даже в Екатеринбургском уезде за январь — июнь 1922 года вышло 217 человек).

ЦК обратил свое особое внимание на важнейшее звено в цепи уральских парторганизаций — на крупнейшую Екатеринбургскую губернскую организацию.

Оргбюро ЦК вынесло соответствующее постановление по усилению работы в низовых организациях — ячейках. Для организационного обеспечения его выполнения признали необходимым заменить секретаря Екатеринбургского губкома новым, более сильным партработником.

Что касается самого Уралбюро, то ЦК рекомендовал созвать Уральское областное партийное совещание в Екатеринбурге и командировал на это совещание в качестве представителей ЦК РКП(б) секретаря ЦК тов. Андреева А. А. и заведующего Оргинструкторским отделом ЦК тов. Кагановича Л. М.

В более сложных условиях протекала работа партии на Дальнем Востоке. Затянувшаяся японская оккупация Хабаровского

края и Приморской области заставила парторганизацию работать в этих областях нелегально, героически борясь за восстановление Советской власти на всем Дальнем Востоке. В процессе борьбы парторганизация поддерживала связь с Советской Россией — с ЦК РКП(б), руководствуясь его указаниями и осуществляя руководство коммунистами, осуществлявшими власть в правительстве Дальневосточной республики. 1922 год принес нам большой успех и победу на Дальнем Востоке — занятие 14 февраля народной армией Хабаровска обеспечило дальнейший полный разгром белогвардейских банд. Япония, учитывая это и упрочившееся международное положение Советской республики, вынуждена была начать переговоры об эвакуации своих войск с Дальнего Востока и освобождении русской территории от оккупации. Как обычно, Япония затягивала переговоры, и дошло даже до временного их перерыва. Но когда народная Красная Армия героически окончательно разгромила белые банды и вода подошла к горлу оккупационных войск, Япония вынуждена была уйти восвояси — войска народной армии ДВР заняли Владивосток. Владивосток, как гордо и радостно заявил Великий Ленин, стал нашинским!

Народное собрание ДВР 14 ноября 1922 года распустило себя и правительство, создав Революционный комитет (ревком) для организации органов Советской власти на Дальнем Востоке. Народное собрание заявило о полном признании Конституции и всех законов РСФСР, распространило их на всю территорию Дальнего Востока и объявило о полном своем присоединении к Российской Федеративной Советской Социалистической Республике. Таким образом, границы РСФСР передвинулись и вновь подошли к берегам Великого Тихого океана, за исключением Сахалина, который теперь тоже дожидался своего часа освобождения, чтобы стать советским. Под руководством Дальневосточной большевистской организации рабочие, крестьянское и трудящееся население с энтузиазмом начало создавать Советы и организовывать органы Советской власти. Дальбюро ЦК РКП(б) развернуло свою деятельность в Хабаровской и Приморской областях и осенью 1922 года уже руководило Прибайкальской, Забайкальской, Амурской, Приамурской, Хабаровской и Приморской областными организациями партии, а также парторганизациями полосы отчуждения КВЖД. Перед Дальбюро ЦК стояли новые большие задачи. ЦК послал туда ответственного инструктора ЦК тов. Кубяка (который потом, через некоторое время, был нами выдвинут и назначен секретарем Дальбюро ЦК РКП(б).

Тов. Кубяк как инструктор ЦК помог самому Дальбюро прежде всего точно учесть членов партии и ячейки, объединяющие их. Конечно, перед организацией, приступившей с таким запозданием к организации Советской власти, к большой работе по сплочению коммунистов, стояли большие и трудные задачи. Помню, как мы осторожно, бережно, я бы сказал, с душевной мягкостью подходили в ЦК, в Оргинструкторском отделе к критике недостатков, давая им советы и оказывая Дальбюро и всем организациям всяческую помощь, в первую очередь кадрами, хорошими партийными и советскими работниками. По указанию секретарей ЦК товарищей Сталина и Молотова Оргинструкторский и Учетно-распределительный отделы подбирали таких работников, которые не только сами могли бы работать, но умели бы учить местных работников, которых надо выдвигать и подготовлять. Конечно, в первый период были прорехи в дисциплине, неисполнительность, но главным была недостаточность воспитания партийного, марксистско-ленинского и практически делового.

Должен сказать, что Дальний Восток и его партийные организации были и оставались всегда на протяжении длительного периода предметом особой душевной заботы нашего Центрального Комитета и Советского правительства.

В наш обзор и оценку не входят наши славные столицы — Москва и Петроград, потому что отношение ЦК и связи с этими столичными организациями стороились не на единовременных обследованиях или их отдельных докладах, а на повседневной политической и организационной связи ЦК и руководстве ими.

Еще не написана могучая музыкальная «оратория» о том, как шли большевики Москвы и Петрограда в глубины России для ее социалистической перестройки. Но она живет в сердцах народа, пролетариата, который от души говорит: слава большевикам Москвы, Петрограда и других промышленных центров страны, которые по зову ЦК, по зову Ленина уезжали в самые далекие, глубинные районы на борьбу с белыми агентами империализма, с саботажниками, спекулянтами, купцами, кулаками, со всеми классовыми врагами социализма, — за успешное, правильное партийное и советское строительство, за диктатуру пролетариата, за построение социализма во всей Великой России — Советском Союзе вплоть до самых отсталых его уголков!

В течение 1921 года укрепились связи Москвы как центра РСФСР с независимыми республиками и с автономными республиками и областями.

Связь с органами РСФСР в области хозяйства и культуры

вместо эпизодической становилась все более и более систематической и не только в автономных, но и в независимых республиках. Это еще не были отношения союзные — работа шла в рамках договоров; но уже в период 1921 года и частью в 1922 году (до решения съезда) Правительство РСФСР все больше и больше играло роль общефедеративного — общесоюзного центра, так как это вызывалось хозяйственной необходимостью. Для того чтобы укреплять договорные отношения, приходилось заключать дополнительные договоры, принимать отдельные решения, регулирующие отношения органов РСФСР с органами независимых республик. При ВЦИК и СНК РСФСР были учреждены полномочные представители договорных республик, которые представляли республику при решении всех дел и вопросов, возникающих между ВЦИКом и ЦИК соответствующей республики.

В июне 1921 года было принято решение о введении в СТО и Госплан представителей независимых республик. По согласованию с правительствами республик ВЦИК принимал отдельные важные законодательные акты, например о распространении на все республики закона о трудовом землепользовании и другие. Народный комиссариат по национальным делам кропотливо, усиленно и настойчиво работал над постепенным организационно-хозяйственным сближением республик и областей и укреплением связей и подлинном сближении с договорными республиками. Наркомнац, согласно решению ВЦИК и СНК, имел своих представителей в договорных республиках, которые являлись вместе с тем, по соглашению с Наркоминделом, советниками представительства РСФСР в соответствующей договорной республике.

Наркомнац направлял всю свою работу на сближение народов Советских республик, руководствуясь указаниями Ленина о том, что нельзя осуществить сразу добровольный союз наций, что до него надо дойти, «доработаться с величайшей терпеливостью и осторожностью, чтобы не испортить дело, чтобы не вызвать недоверия, чтобы дать изжить недоверие, оставленное веками гнета помещиков и капиталистов, частной собственностью и вражды из-за ее разделов и переделов».

Особенно ярко сказалось укрепившееся доверие наций и независимых республик к РСФСР в связи с Генуэзской конференцией и наступлением империалистов на дипломатическом фронте. Все республики поручили делегации РСФСР защищать их интересы на Генуэзской конференции. Кроме отдельных официальных актов, на совещании полномочных представителей всех восьми советских республик в Москве — Украинской, Белорусской,

Грузинской, Азербайджанской, Армянской, Бухарской, Хорезмской и ДВР — был подписан протокол о передаче представительства на Генуэзской конференции РСФСР. От имени РСФСР тов. Калинин заявил, что он с удовлетворением принимает поручение союзных и братских республик и что Правительство Российской Республики примет все меры, чтобы интересы всех республик были в должной мере защищены на конференции.

Все это, вместе взятое, подвело вплотную к переходу Советской государственности на новую, более высокую ступень — объединения в единое федеративное союзное государство.

Это новое объединительное движение шло снизу в самих рабоче-крестьянских массах, их Советах, во всех республиках. Можно сказать, что оно особенно развернулось с вопроса об объединении трех республик — Грузинской, Азербайджанской и Армянской в единую Закавказскую федерацию.

Объединение трех закавказских республик диктовалось острой необходимостью быстрейшего восстановления разрушенного хозяйства. Железная дорога была единой для всех республик. Она связывала не только внутренние районы Закавказья, но и черноморские и каспийские порты. Политика буржуазно-националистических правительств с их таможенными барьерами затормозила и без того слабый товарооборот между отдельными частями Закавказья. Более того, решить большие задачи социалистического строительства можно было в то время только федеративным соединением республик.

Ленин особенно интересовался этим вопросом, он прежде всего поставил вопрос о хозяйственном объединении, предлагал также создать единый для всего Закавказья банк. В апреле 1921 года уже было заключено соглашение об объединении под единым управлением железных дорог Закавказья, а в июле 1921 года Кавказское бюро ЦК РКП(б) признало необходимым разработать единый хозяйственный план для всех закавказских республик и заключить хозяйственно-финансовую, торговую и военную конвенцию между закавказскими республиками и РСФСР. Было образовано Закавказское экономическое бюро. Это было серьезным началом соединения всех закавказских республик.

В июле 1921 года тов. Сталин по поручению ЦК и лично Ленина приезжал в Закавказье и оказал компартиям Закавказья неоценимую помощь в укреплении Советской власти, в разработке хозяйственных мероприятий, в частности в объединении хозяйственно-экономических органов, и особенно в подготовке

образования Закавказской федерации трех республик. Важное значение имел доклад Сталина на собрании Тифлисской партийной организации 6 июля 1921 года «Об очередных задачах коммунизма в Грузии и Закавказье». «Я помню, — говорил тов. Сталин, — года 1905–1917, когда среди трудящихся Закавказья господствовала братская интернационалистская солидарность, а теперь в результате господства националистов в ядовитой националистической обстановке старые интернациональные узы порвались.

Очередной задачей коммунистов Грузии является беспощадная борьба с национализмом.

Необходимо ликвидировать изолированное существование Грузии, необходимо создать здоровую атмосферу взаимного доверия между народами и достигнуть объединения хозяйственных усилий закавказских республик».

Подчеркивая необходимость создания Закавказской федерации, Сталин в то же время сказал, что это отнюдь не будет означать ликвидацию независимых республик.

Во всех трех республиках развернулась энергичная работа по подготовке проектов практического решения этого вопроса, в первую очередь по линии хозяйственной.

В ноябре 1921 года ЦК РКП(б) командировал в Закавказье секретаря ЦК тов. Молотова для участия в заседании пленума Закавказского бюро ЦК РКП(б) о Закавказской федерации. Этот пленум и краевое совещание руководящего актива высказались за образование федерации — за создание федеративного союза между тремя республиками — Азербайджанской, Грузинской и Армянской.

ЦК РКП(б) принял постановление, написанное Лениным, об образовании федерации закавказских республик. Ленин советовал широко обсудить этот вопрос среди трудящихся, не допуская торопливости.

Десятки партийных собраний, митингов и собраний рабочих в Тифлисе, в деревнях, а также в Баку, Ереване поддержали идею и предложения об организации федерации.

Нельзя, однако, думать, что это прошло без внутренней борьбы, особенно среди верхушки актива. В самом составе ЦК Компартии и Правительства Грузии была довольно влиятельная группа национал-уклонистов, которые выступили против образования Закавказской федерации. Они развернули отчаянную борьбу против объединения, сопровождая свои выступления враждебным национализмом, направленным против других национально-

стей Закавказья. Они требовали установления кордонов на границах с другими советскими республиками, выступали против проведения землеустройства на основе закона о конфискации у помещиков их земель; выступали они с такими правыми антисоветскими предложениями, как, например, денационализация Батумских нефтяных резервов и сдача их в концессию американцам и т.д. Среди них наиболее выделялся Мдивани, многие потом отошли от национал-уклонизма, например старейший уважаемый большевик Филипп Махарадзе.

Были такие же национал-уклонисты и в Азербайджанской партии. ЦК РКП(б) и лично Ленин неоднократно занимались этими вопросами: вызывали их на заседания в ЦК, разъясняли, увещевали и в то же время резко осуждали.

Следуя указаниям Ленина, ЦК РКП(б) не допускал административного нажима, а проявлял большую выдержку и терпение.

В марте 1922 года Азербайджанская, Грузинская и Армянская Социалистические Республики добровольно объединились в федеративный союз, а затем окончательно во второй половине 1922 года — в единую Закавказскую Федеративную Республику. В середине 1922 года представители Закавказского крайкома РКП(б) выехали в Москву и поставили общий вопрос о необходимости усиления федеративных связей с РСФСР.

Почти одновременно с закавказскими вопрос об образовании союзного государства был поставлен Украинской и Белорусской Советскими Республиками.

В августе 1922 года ЦК РКП(б) создал комиссию для подготовки проекта постановления Пленума ЦК РКП(б) «О взаимоотношениях РСФСР и независимых национальных Советских республик». В комиссию вошли следующие товарищи: Сталин И.В., Молотов В.М., Куйбышев В.В., Орджоникидзе Г.К., Раковский Я.Г., Сокольников Г.Я. и представители республик Агамали-оглы С.А. (Азербайджан), Мясников А.Ф. (Армения), Мдивани П.Т. (Грузия), Петровский Г.И. (Украина), Червяков А.Г.(Белоруссия).

Естественно, что в этой работе комиссии принимали участие и другие секретари ЦК, и заведующие основными отделами ЦК, в том числе Оргинструкторского отдела Каганович.

Первый разработанный Сталиным проект был разослан для обсуждения в ЦК компартий. По этому проекту независимые республики Украина, Белоруссия, Азербайджан, Грузия и Армения вступают в Российскую Федерацию. Хотя права их были больше, чем у обычных автономных республик, и хотя в проекте не гово-

рилось о них как об автономных, но получалось так, что вступали они в РСФСР как автономные республики. Центральные Комитеты Азербайджана и Армении поддерживали этот проект, ЦК Грузии высказался против, ЦК Белоруссии высказался за сохранение договорных отношений, ЦК Компартии Украины не представил своего мнения — не обсуждал вопроса.

После октябрьского Пленума ЦК РКП(б) ЦК КП(б)У полностью присоединился к решениям. Комиссия, собравшаяся 23–24 сентября, заседала под председательством тов. Молотова. Она заслушала сообщение и единогласно (за исключением воздержавшегося представителя Грузии) приняла за основу проект тов. Сталина.

Ленин в это время болел и не мог участвовать в работе комиссии или давать конкретные указания. Составленный и принятый комиссией проект был послан Ленину 25 сентября. Товарищ Ленин, ознакомившись с проектом, написал письмо членам Политбюро, в котором он высказался против этого проекта, против пункта «автономизации» независимых национальных республик. Ленин считал, что вступление республик в РСФСР ставит их в неравноправное положение и урезывает их суверенные права. Вместо этого Ленин предложил образовать новое объединение всех республик — Союз Советских Социалистических Республик, в который войдут все независимые республики, в том числе РСФСР, как равные, с равными правами и обязанностями, как независимые, суверенные государства. Ленин предложил иметь наряду с ВЦИК Союзный Центральный Исполнительный Комитет как федеральный ЦИК.

Комиссия, возглавляемая Сталиным, согласилась с предложениями Ленина.

В октябре Пленум ЦК рассматривал этот новый проект. Не имея возможности присутствовать на Пленуме из-за болезни, Ленин прислал дополнительные предложения, в частности ввести должности председателей Союзного ЦИКа от всех республик и федераций. Ленин направлял работу Пленума против великодержавного шовинизма и местного национал-уклонизма, который у правых элементов и троцкистов имел место.

6 октября, в день заседания Пленума ЦК, Ленин писал: «Великорусскому шовинизму объявляю войну не на жизнь, а на смерть... Надо абсолютно настоять, чтобы в Союзном ЦИКе председательствовали по очереди русский, украинец, грузин и т.д. Абсолютно!»

Пленум ЦК не только принял все эти предложения Ленина,

но и в резолюции осудил проявления великодержавного шовинизма и местного национал-уклонизма.

После Пленума ЦК тов. Сталин вызвал меня — заведующего Оргинструкторским отделом и заведующего агитпропом ЦК — и дал указания о развертывании на местах более глубокой и широкой разъяснительной работы в духе решения Пленума, что особенно важно в связи с подготовкой и проведением съездов Советов республик, а затем союзного съезда Советов.

В течение всего ноября-декабря мы связывались с ЦК нацкомпартий, с губкомами и обкомами, получали от них сообщения о ходе разъяснительной работы, о подъеме объединительного движения. Я, например, связывался не только с Центральными Комитетами национальных компартий, но и с губкомами. Я систематически докладывал Секретариату ЦК и лично товарищам Сталину и Молотову.

Партия не просто разъясняла, но и боролась с национализмом, со всякого рода замаскированными предложениями, опрокидывающими идею Союза ССР. Например, на Украине национал-коммунисты из «боротьбистов» в содружестве с троцкистами (Раковским) усиленно популяризировали идею «конфедерации» с сугубо урезанными правами: все, например, постановления правительства «конфедерации» должны подтверждаться правительствами республик; «конфедерации», как правило, не должны иметь своей армии, единого гражданства, своих законодательных органов и т.д. И вот такой «союз — конфедерацию» подсовывали национал-уклонисты вместо настоящего федеративного союзного государства. Партия, ЦК и местные организации организовали разоблачение этой хитроумной подмены настоящего Союзного государства конфедеративной фикцией.

Национал-уклонисты Башкирии, Татарии требовали ликвидации Российской Федерации с тем, чтобы эти республики отдельно входили в Союз.

Сталин убедительно доказал, что этот путь приведет к роспуску существующих федераций; кроме того, пришлось бы, кроме восьми автономных республик, выделить еще из РСФСР специальный русский ВЦИК и русский Совнарком, что повело бы к большой организационной перетряске, ненужной и вредной.

Одновременно шла организационная работа по подготовке к съезду Советов. Эту работу мы в ЦК проводили совместно с Президиумом ВЦИК.

Усиленно шла подготовка проекта основных пунктов Консти-

туции СССР и декларации по его образованию. Этим руководила комиссия ЦК во главе с тов. Сталиным.

В декабре состоялся Пленум ЦК РКПб, на котором был рассмотрен проект Союзного договора и декларации съезда. Пленум также избрал комиссию для руководства I съездом Советов во главе с тов. Сталиным.

Пленум одобрил проекты и ввиду болезни тов. Ленина утвердил докладчиком на X Всероссийском съезде Советов и I Всесоюзном съезде Советов тов. Сталина.

X Всероссийский съезд единогласно принял проект резолюции об объединении РСФСР, ЗСФСР, УССР и БССР в Союз Советских Социалистических Республик и избрал полномочную делегацию, возложив на нее подписание договора об образовании СССР.

Закрывая Всероссийский съезд Советов, тов. Калинин указал на историческое значение решений съезда об образовании Союзного государства. Взволнованно звучали его слова: «Разве для нас не дорого имя РСФСР? Оно дорого нам. Это имя завоевано в огне военных битв... Я вижу, как над нами развевается красное знамя с пятью священными буквами РСФСР. И мы, делегаты X съезда Советов, полномочные представители всей Советской Российской Федерации, склоняем это дорогое, овеянное битвами и победами, укрепленное жертвами рабочих и крестьян знамя перед Союзом Советских республик. Мы видим, как уже поднимается новое красное знамя Союза Советских республик. Я вижу, товарищи, стяг этого знамени в руках тов. Ленина. Итак, товарищи, вперед, поднимайте выше это знамя, чтобы его могли видеть все трудящиеся и угнетенные мира».

Вечером 30 декабря 1922 года открылся I съезд Советов СССР. На съезде было более двух тысяч делегатов.

По одному даже внешнему облику делегатов видно было, что здесь съехались не «мирные» парламентарии, а славные бойцы гражданской войны, завершившие ее победно и пожинающие сейчас плоды победы. Преобладали кожухи, шинели, гимнастерки, сапоги, обветренные лица, характерные для людей, только что покинувших окопы, заводы, фабрики и крестьянские поля. Боевое, бурное, темпераментное реагирование во всем ходе съезда по обсуждаемым вопросам показывало, что здесь собрались боевые соратники, завоевавшие своей кровью, своим участием в Октябрьской революции, в гражданской войне с беляками и иностранными интервентами право творить новое могучее государство — Союз Советских Социалистических Республик.

Помню, как торжественно открылся I съезд Советов. С огромным подъемом и воодушевлением съезд избрал почетным председателем Владимира Ильича Ленина.

Доклад тов. Сталина на съезде «Об образовании Союза Советских Социалистических Республик» был кратким. После выступлений делегатов с мест, в том числе ярких речей товарищей Фрунзе, Кирова и других, Всесоюзный съезд Советов принял постановление об утверждении Декларации об образовании СССР.

Насколько демократично было проведение всего этого решения, показывают следующие пункты постановления:

«2. Ввиду чрезвычайной важности принятой Декларации, заключенного Договора и желательности выслушать окончательные мнения всех входящих в Союз республик о тексте настоящего Договора, передать Декларацию и Договор на дополнительное рассмотрение ЦИК Союзных республик с тем, чтобы отзывы Союзных республик были представлены ЦИК Союза ССР к ближайшей очередной его сессии.

3. Поручить ближайшей очередной сессии ЦИК Союза ССР рассмотреть полученные отзывы, утвердить текст Декларации и Союзного договора и немедленно ввести его в действие».

Можно поражаться государственной мудрости съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, который, принимая под руководством ЦК РКП(б) этот величайшей важности акт, проявляет такую демократичность и осторожность, поручая еще раз в деталях изучить Договор на местах, после чего окончательно ввести его в действие, — и здесь сказались Ленинская школа и мудрость Ленинского ЦК.

ПАРТИЯ И НЕПАРТИЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Руководство партии всеми непартийными организациями рабочих, крестьян и трудящихся осуществляется не только через ячейки и другие партийные органы, но и через коммунистов, избранных рабоче-крестьянскими массами в руководящие органы своих широких массовых организаций: профсоюзных, кооперативных, комсомольских и других, а самое главное — Советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов.

Поэтому партия в своем Уставе, наряду с главами о внутреннем организационном строении всего партийного организма, выделила отдельную главу «О фракциях во внепартийных организациях».

Это значит, что все члены партии, съезжающиеся на съезды, конференции профсоюзных, советских, кооперативных и тому подобных организаций, избранные в их исполнительные органы и работающие в них, объединяются во фракции-группы коммунистов.

Уставом и всей практикой установлено, что партийные фракции-группы являются частью партийной организации. Будучи автономными в обсуждении и принятии решений по вопросам внутренней жизни и текущей работы представляемой ими организации, фракции-группы, независимо от их значения, не представляют собой самостоятельной партийной организации, а целиком подчинены соответствующим парторганизациям: фракции-группы центральных организаций — Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза, в союзных республиках — соответствующему ЦК нацкомпартий, в краях, областях — крайкому и обкому, в округах, городах, районах — окружкому, горкому, райкому партии, а на предприятиях, в деревнях и селах — соответствующим первичным партийным организациям.

Партийный комитет обсуждает вопросы, касающиеся работы той или иной фракции-группы или представляемой им организации, с участием представителя этой фракции-группы с правом совещательного голоса на парткоме. В случаях существенного разногласия между партийным комитетом и фракцией-группой в вопросах ее компетенции соответствующий комитет обязан вторично рассмотреть с представителями фракции этот вопрос, принимая окончательное решение, которое фракция-группа принимает к немедленному исполнению.

Центральному Комитету не раз приходилось разбирать конфликты между фракциями губисполкомов и губкомами, а в губкомах между фракциями исполкомов и укомами партии и т.д. Особенно там, где в губисполкомах были элементы из фракции троцкистов и других оппозиционеров. Иногда это кончалось организационными выводами — переизбранием тех или иных работников.

Центральному Комитету, его Оргинструкторскому отделу, губкомам, обкомам, ЦК нацкомпартий приходилось конкретно наблюдать за работой фракций, давать им советы и указания, в том числе по таким вопросам, как выдвижение работников и участие фракций-групп в этом важном деле.

Не менее важным, например, бывал вопрос о нарушениях членами фракции-группы твердого партийного правила: по решенному всей фракцией-группой вопросу, тем более парткомом, член

фракции-группы обязан голосовать на общем собрании выборного органа за это решение. Нарушивший подвергается дисциплинарному партийному взысканию.

По имевшим место отдельным фактам нарушений Устава, в том числе отсутствию организованных фракций, особенно в кооперативных органах, ЦК давал конкретные указания об исправлении этих нарушений. В целом можно сказать, что выработанный Лениным и партией порядок по существу работы фракций-групп и их взаимопонимание с парторганами обеспечивали устойчивость, твердость и вместе с тем демократичность руководства партией работой коммунистов во внепартийных организациях. В этом, конечно, помогла общая идейно-политическая борьба партии и ЦК с антипартийными оппозиционными выступлениями троцкистов, «Рабочей оппозиции», «Демократического централизма» и т.п. Идейный их разгром укрепил идейно как раз те организации, в которых оппозиция пыталась создать свои крепости: это советские учреждения, некоторые профсоюзы и кооперация. Именно здесь, а не на промышленных предприятиях — среди пролетариата, где оппозиция не встречала какой-либо серьезной поддержки, партии пришлось приложить особую энергию для удержания коммунистов на Ленинских позициях и отвоевания у оппозиции тех ячеек и фракций-групп коммунистов, где им удавалось на короткое время получить большинство.

Во всесоюзном масштабе случаев расхождений между фракциями центральных органов внепартийных организаций с партийными решениями и Центральным Комитетом партии было немного. В советских органах, во фракциях Всероссийского, а потом Всесоюзного ЦИК и его Президиума было всегда полное единодушие с ЦК партии, особенно в крупных государственных вопросах.

В профсоюзах известна занявшая большое место в истории нашей партии дискуссия «О профсоюзах» между ленинцами и троцкистами и их союзниками — «Рабочей оппозицией», «Демократическим централизмом» и т.п. Известна та победа, которую одержали Ленин и партия над троцкизмом и антипартийными элементами. Вся эта дискуссия берет свое начало в профсоюзах именно с фракции Центрального комитета союза транспортных рабочих («Цектрана»), где возникли расхождения с линией партии, вылившиеся в 1920–1921 годах в указанную большую дискуссию внутри партии «О профсоюзах» между ленинцами и троцкистами.

После этого произошел еще один крупный факт, опять в профсоюзах. На IV съезде профсоюзов (17–25 мая 1921 года), кроме преобладающего количества делегатов — членов Коммунистической партии, были беспартийные и, между прочим, примерно один с лишним процент меньшевиков, эсеров и анархистов. Это тем более требовало от коммунистов дисциплинированности в проведении большевистской линии. Несмотря на это, фракция коммунистов поддалась демагогическому антипартийному выступлению на съезде Рязанова, известного в партии своими путаными оппортунистическими взглядами, и приняла предложенную им неправильную антипартийную резолюцию, которая извращала вопрос о взаимоотношениях партии с профсоюзами и вела к социал-реформистской линии «независимости» профсоюзов от партии. Несмотря на то что мы, часть делегатов, верных Ленинской линии партии, выступили против нее, этот проект резолюции Рязанова был принят большинством. Получилось так главным образом потому, что многие хорошие коммунисты-профсоюзники были введены в заблуждение молчанием Томского — члена выделенной ЦК комиссии для руководства съездом — и отсутствием на съезде проекта резолюции по докладу ВЦСПС, выработанного комиссией. Молчание Томского было воспринято как согласие с проектом Рязанова, что соответствовало действительности, так как уже тогда Томский не во всем был согласен с линией партии в вопросах профдвижения. К тому еще линию Рязанова поддержали сторонники Троцкого и так называемая «Рабочая оппозиция» — шляпниковцы. Центральный Комитет партии и лично Ленин обратили особое внимание на это грубое нарушение партийной дисциплины, по существу противоречащее партийной линии в профсоюзном движении, отрывающее его от партии. Для обсуждения этого вопроса был срочно созван пленум ЦК партии, который, обсудив вопрос, принял решение отклонить принятую фракцией и съездом профсоюзов резолюцию. Пленум поручил Ленину, Сталину и Бухарину выступить от имени ЦК на собрании фракции съезда по вопросу о неприемлемости принятой резолюции.

Пленум ЦК партии придал всему этому факту настолько крупное значение, что своим решением лишил Рязанова, как коммуниста, права работать в профсоюзах, а Томского отстранил от руководства IV съездом. (После которого он был направлен на работу в Туркестан, членом Туркбюро ЦК.)

Речь Ленина на фракции коммунистов произвела огромное

впечатление на делегатов. Партийцы, поддавшиеся вначале неправильной резолюции, сильно переживали свою ошибку, некоторые буквально плакали, искренне переживая свои ошибки. Они убедились после выступления Ленина в том, что оставление в силе первоначально принятой резолюции Рязанова, при молчаливом согласии Томского, привело бы к гибели революционного профсоюзного движения в России. Ленин глубоко показал анархо-синдикалистский и социал-оппортунистический характер резолюции Рязанова и резко критиковал поведение Томского. Профсоюзное движение в Западной Европе, имевшее вначале большое историческое значение для объединения и классовой борьбы пролетариата, потом в значительной своей части скатилось к анархо-синдикализму и к тред-юнионизму, отойдя от революционной политической борьбы и став на путь так называемой «независимости» и «нейтральности» профсоюзов, хотя на деле они сомкнулись с руководством скатившихся к оппортунизму социал-демократических партий. Фракция коммунистов, а затем и весь IV съезд профсоюзов с большой благодарностью приняли поданный им Центральным Комитетом партии и Лениным якорь спасения и успешно завершили свою работу. Следует еще добавить здесь один характерный момент, относящийся к вопросу об отношении ЦК партии к фракции съезда. На фракции обсуждались два проекта тезисов Губаря и Гольцмана по вопросу об организации снабжения рабочих. ЦК одобрил тезисы Губаря, а фракция IV съезда приняла тезисы Гольцмана, которые защищал Ларин (тоже часто выступавший с весьма неясными и путаными предложениями). ЦК, рассмотрев этот спор, сообщил фракции, что, не усматривая в тезисах Гольцмана и решении фракции требования немедленного изменения политики правительства, ЦК не применяет в данном случае своего права вмешательства в решения фракции и съезда.

Это показывает: во-первых, как ЦК конкретно занимался и руководил работой съезда профсоюзов, и, во-вторых, дифференцированный подход и гибкость этого руководства — осторожность в применении права вмешательства ЦК, что положительно влияло на тех, которые все еще болели «нейтрализмом» и «независимщиной».

Нельзя думать, что этот вопрос был тогда так же ясен, как сегодня, особенно для беспартийных или не так уж далеко от них продвинувшихся молодых членов партии. Я помню, как, выступая с докладами и лекциями во время Ленинского призыва, мне приходилось подробно останавливаться на этом вопросе о взаи-

моотношениях между партией и непартийными организациями — профсоюзами, Советами и т.д.

Некоторые рабочие задавали вопросы или в речах говорили: если меня избрали в фабзавком или правление союза, то я должен там самостоятельно проводить то, что мне наказывали избиратели, а не то, что мне предложит партийная ячейка. Приходилось подробно объяснять товарищам, что нельзя противопоставлять одно другому, потому что партия и ее ячейка, как самая передовая сила рабочих масс, выражают волю и желание рабочего класса в целом или рабочих всего предприятия, а не только отдельного цеха или мастерской. Парторганизация выдвигает к избранию и поддерживает таких кандидатов, которые за пятачок не будут сдавать общеклассовые интересы пролетариата как класса. В рабочем классе есть и отсталые элементы, партия и ее местные парторганизации не подыгрывают этим отсталым элементам, а ориентируются на все передовые силы класса. Этим и отличается большевистская Ленинская партия от меньшевистско-ликвидаторской партии, от анархо-синдикалистов и других оппортунистов: наша партия идет впереди масс, видит дальше и глубже всю происходящую борьбу классов и конечные Великие цели борьбы за социализм-коммунизм.

Я не просто рассказывал рабочим Ленинского призыва о работе в профсоюзах, а главное — о связи этой работы с партией, ибо для меня мой профсоюз, моя профсоюзная работа были началом самого верного для рабочего пути в большевистскую партию — началом моего пути к Ленину, единственному в мире верному до конца вождю мирового и российского пролетариата.

Именно поэтому я как большевик-ленинец люблю профсоюзы, профдвижение не как самоцель, не узко-утилитарно, а как составную часть Великого движения марксистско-ленинской партии к социализму-коммунизму.

О РАБОТЕ ЦК И ПАРТИИ ПО КАДРАМ

Как делегату XI съезда партии, мне на всю жизнь запомнилось, какое колоссальное впечатление произвело на всех делегатов съезда заявление Ленина в отчетном докладе ЦК об итогах первого года НЭПа. «Отступление кончилось, дело теперь в перегруппировке сил, — сказал тогда Ленин. — Мы пришли к тому, что гвоздь положения в людях, в подборе людей».

После демобилизации армии партия и правительство должны были преодолеть серьезные трудности с трудоустройством не только демобилизованных красноармейцев и командующего состава, но и освободившихся партийных сил. Новая экономическая политика вызвала к жизни новый тип государственных и хозяйственных организаций — тресты, синдикаты, торгово-коммерческие органы, сами задачи которых носили иной — непривычный и незнакомый для большевиков характер. В первый период формирование этих новых организаций протекало без должного руководства со стороны партийных органов, они насыщались разного рода работниками. В них нашли свое место немало и старых чиновников, и специалистов «коммерсантского» типа, которые в период военного коммунизма либо стояли в стороне, либо работали на разных, иного характера работах. Попавши в эти тресты, дирекции предприятий, синдикаты, акционерные общества, коммерческие конторы, партийцы, в том числе бывшие командиры, комиссары и политработники, показавшие себя славно и хорошо на фронтах гражданской войны, не оказались в значительной своей части достаточно приспособленными к новым условиям работы. Часть из них училась работать по-новому, часть впадала в уныние, а некоторые даже готовы были во всех своих трудностях обвинить НЭП с его торговыми отношениями и рынком. Надо было не только признать как неизбежность, но и изучить и знать рыночные отношения, чтобы направлять их на пользу своему государству, а этого знания у них как раз и не хватало, здесь мало было храбрости, воодушевления, самоотверженности, которые были важнейшими свойствами на фронте.

Именно поэтому в первый год НЭПа в указанных органах усилилась роль спецов, часть которых работала честно, а часть, связанная своими корнями с мечтами о капитализме, работала плохо, а то и вредила, связывалась с нэпманами и спекулянтами и даже втягивала в эти связи и некоторых идейно слабых, подверженных разложению коммунистов. Надо сказать, что в партии тогда было очень мало работников, подготовленных к торгово-коммерческой работе. Крупные работники, занимавшие ответственные посты, в том числе ранее в армии, не проявляли желания идти на эту новую для них и непривычную для всего их склада мышления работу. Вот почему, подводя итоги первого года НЭПа, Ленин с такой остротой поставил вопрос о кадрах и о задаче — учиться, учиться и еще раз учиться. Ленин связывал всю задачу о кадрах не только с хозяйственными органами, но и с задачей общего улучшения

и упрощения всего нашего советского государственного аппарата и борьбы с бюрократизмом в нем.

XI съезд особо подчеркнул остроту задачи обеспечения кадрами окраин, особенно национальных. Надо сказать, что после X съезда ЦК начал серьезную работу по кадрам. XI съезд одобрил предпринятую ЦК работу по переброске центральных работников из Москвы на места и предложил ЦК обеспечить переброску в двухмесячный срок не менее тысячи товарищей.

XI съезд в резолюции «О профсоюзах» подчеркнул, что одной из важнейших задач профсоюзов является выдвижение и подготовка администраторов из рабочих и трудящихся масс. В то же время профсоюзы должны помочь привлечению старых специалистов производства, поставив их в благоприятные условия, в том числе и по оплате должным образом их труда и знаний. Вопрос о привлечении старых спецов был весьма сложным, он вызывал споры, возражения. Одни говорили, что через них капиталисты вновь овладеют заводами, другие — что этим мы вновь посадим на свою шею людей со старыми навыками эксплуатации рабочих. Третьи говорили, что сами справимся, как справились на фронтах гражданской войны; четвертые просто возражали против необычно высоких окладов старых специалистов и так далее. Всем нам, партийцам-ленинцам, приходилось разъяснять рабочим и рядовым коммунистам этот вопрос, отвечать на их возражения, в особенности бороться с демагогией, которую разводили на этот счет оппозиционеры, в особенности из распоясавшейся «Рабочей оппозиции». Мы доказывали, что именно для того, чтобы эти старые спецы работали на социализм, а не на капитализм, Ленин и выдвинул свой лозунг: «гвоздь — в подборе людей» из коммунистов, которые должны суметь овладеть культурой хозяйствования и руководством по-партийному так, чтобы возврата к капиталистической эксплуатации не могло быть. В то же время Ленин требовал, чтобы коммунисты, овладевая культурой управления, не оказались завоеванными внутренне-идейно старой культурой свергнутого класса капиталистов.

У партии и ее ЦК был накоплен большой, я бы сказал, богатый опыт по работе с кадрами, и это облегчало выполнение задачи.

С самого начала организации рабочей революционно-марксистской партии в России Ленин неустанно выдвигал задачу отбора и подготовки людей, посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь.

Уже тогда, задолго до Октябрьской революции, в спорах с экономистами, меньшевиками, Ленин вырабатывал теорию и прак-

тику подготовки и подбора закаленных кадров, их выращивания и правильного размещения, как этого требуют интересы партии и рабочего класса. Ленин связывал выковывание, отбор таких постоянных устойчивых кадров с более широким вовлечением в движение представителей рабочей массы. Несмотря на тяжкие условия подполья, репрессии царизма и выход из строя многих партийных работников, партия растила новых; резервы партии часто уменьшались, но никогда не иссякали, ибо выдвигались новые молодые силы.

Как ни мало нас было к моменту февральской революции 1917 года, но именно это ядро выпестованных Лениным большевиков и было главным образом фактическими организаторами рабочих масс внизу.

Если из царского подполья вышли большевистские кадровые руководители, то из «демократического» подполья Керенского вышли десятки тысяч кадровых руководителей из рабочих и солдат и отчасти из революционных крестьян. Они и составили костяк того, так сказать, офицерского и унтер-офицерского командного состава гражданских, военных органов новой Советской власти, нового советского государственного аппарата, который мы строили. Нельзя сказать, что они использовались неорганизованно: партия, начиная с ячейки, горкома, губкома и кончая ЦК и соответствующими руководящими советскими органами, учитывала значительную их часть и направляла на соответствующую работу.

Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, фабрично-заводские комитеты, солдатские комитеты, а также земельные комитеты и другие массовые организации выдвигали десятки и сотни тысяч беспартийных передовых активистов на все участки государственного, хозяйственного и военного строительства.

Но этого, однако, не хватало, особенно с развитием гражданской войны, хозяйственной разрухи. Поэтому партия, ЦК больше централизовали дело рационального использования кадров и проведения массовых мобилизаций на фронт и слабые участки. ЦК требовал правильного распределения прежде всего партийных сил.

На XIII съезде этот вопрос был особенно заострен, и после XIII съезда началась известная организация учета и более организованное распределение кадров. Хотя настоящей системы не было еще, но известное упорядочение получилось. А главное, все местные организации стали более дисциплинированны в выполне-

нии заданий ЦК по кадрам и по мобилизации на фронт и прифронтовую полосу. Именно благодаря этим неимоверным усилиям партии и ЦК фронты и прифронтовая полоса, далекие окраины и участки хозяйства (транспорт, уголь) были обеспечены коммунистическими кадрами, что и стало главным фактором великой победы в гражданской войне.

Надо сказать, что, хотя уже тогда начали создаваться учетно-распределительные отделы, персонального учета и изучения партработников было мало. Учетная работа накапливала скудные анкетные данные, которые служили большей частью элементарно-справочным и регистрационным материалом. Партия посылала людей на фронт, в армию, флот, продотряды, на прорывные участки хозяйства большей частью мобилизациями и лишь отчасти персонально отбираемых работников, которых ЦК и его местные органы партии персонально знали как боевых, верных товарищей. За период между X и XI съездами партии ЦК проделал известную работу по улучшению дела учетно-распределительной работы. Резко уменьшилось количество партийных мобилизаций, хотя количество мобилизованных в армию коммунистов увеличилось: по общей мобилизации вместо ожидавшихся 10 тысяч фактически было мобилизовано 16 300 коммунистов.

Учетно-распределительным отделом ЦК была проведена перепись ответработников.

Эта подготовительная работа дала возможность ЦК развернуть работу по выполнению указаний Ленина и решений XI съезда партии, о котором я выше говорил. Первый период был посвящен главным образом работе по учету и организационному укреплению учетно-распределительных аппаратов в ЦК, обкомах, губкомах, ЦК нацкомпартий и лишь отчасти в укомах. Началась работа по учету дореволюционных (подпольных) большевиков (в первую очередь было учтено около двух тысяч с указанием о порядке составления характеристик подпольщиков, с тем чтобы не просто учесть, а изучить все материалы для лучшего их использования). Завершалась работа по выдаче единого партбилета. Начата была работа по составлению резерва работников на основе учетных данных о неправильно используемых работниках — ниже их возможностей, способностей и опыта. Проверялась постановка учета в губкомах; там, где она была в зачаточном и неудовлетворительном состоянии, давались соответствующие указания. Однако надо прямо сказать, что все это еще нельзя оценить как развернутое выполнение ре-

шений XI съезда, особенно в отношении государственных и хозяйственных органов, где эта работа по кадрам очень слабо двигалась вперед. Прием на работу и увольнение носили неорганизованный, случайный характер, вплоть до того, что те, которых увольняли в одном учреждении за неблаговидные делишки, легко принимались на работу в другом учреждении. Назначение на ответственные посты все еще производилось без санкции и даже без ведома партийных органов, которые и сами до этого не добирались.

Из всех проводимых мероприятий следует выделить как наиболее важное проведение мобилизации тысячи ответработников из Москвы на укрепление окраин, которая проходила туго. Таким образом, хотя уже летом 1922 года после XI съезда учетно-распределительная работа ЦК оживилась, но выполнение указаний Ленина и решений съезда оставалось все еще неудовлетворительным.

Во второй половине 1922 года и к началу 1923 года ЦК принял ряд мер по ее улучшению. Особенный толчок к этому был дан гениальными статьями Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше». Дискуссия, развернувшаяся в связи с этим, показала, насколько остро стоит вопрос о госаппарате, его недостатках, необходимых мерах его улучшения, о качестве руководства партии госаппаратом, в том числе подбором кадров госаппарата. Этот вопрос об учете и подборе кадров в государственных и хозяйственных организациях стал остро не только потому, что аппарат был засорен плохими людьми, но и потому, что линия на привлечение старых действительных, а не фиктивных беспартийных специалистов требовала одновременного насыщения аппарата коммунистами, особенно на ответственных постах. И ЦК более решительно взялся за работу. Она, эта работа, была облегчена изучением материалов произведенной ЦК переписи членов партии и выдачей единого партийного билета. Хотя сам партбилет, содержавший в себе ранее сведения о члене партии, был упрощен, с сокращением ненужных для партбилета данных, зато эти сведения были расширены в личных делах, на основе которых был установлен и постепенно внедрялся персональный учет ответственных работников. На специальном совещании, созванном в ЦК с участием местных работников, были выработаны инструкции и единая форма учета партработников с установлением учетных сеток и прикреплением к ним групп работников соответствующей квалификации и занимаемых должностей. Эта работа по учету и прикреплению

к соответствующим учетным сеткам производилась главным образом в губкомах, обкомах и укомах; часть материалов по ограниченному кругу работников присылалась в ЦК соответственно установленной номенклатуре. От попытки поставить в ЦК учет всех членов партии пришлось отказаться как невыполнимой и ненужной практически. Надо, однако, сказать, что и начатый по новым формам персональный учет ответственных партработников до XII съезда был еще крайне недостаточным и в значительной части формальным, неполноценным. Во-первых, в нем была крайне слабо отражена квалификация и качество работников по существу и, во-вторых, крайне слабо был поставлен учет и характеристика работников в государственных и хозяйственных организациях.

Проведенное ЦК и ЦКК обследование ряда ведомств и хозорганов показало, что многие, если не большинство их руководителей, не знают своих кадровых сил, не ведут учета и даже не могут определить своих потребностей. Отсюда — назначения людей, часто непригодных с деловой и политической стороны, и затирание партийных и честных беспартийных работников. Такое положение не гарантировало не только обеспечения влияния партии на командные узловые пункты государственной и хозяйственной работы, но и просто ограждения их от злоупотреблений жуликов, карьеристов и хапуг.

Бо̀льшую ценную работу проделала комиссия под председательством Куйбышева по проверке трестов. Комиссия оценила положение как неудовлетворительное. Вот данные о составе правления 293 треста: из 875 членов правлений коммунистов всего 325, или 37%, беспартийных — 550. По социальному положению: рабочих 203, или 23%, служащих 183 — 21%, крестьян 209 — 24%, прочих — 280 — 32%. Нечего и говорить, что даже эти цифры подтверждают крайне неудовлетворительное положение с руководящими кадрами в этих трестах.

1923–1924 годы стали новым этапом в развертывании учетно-распределительной работы партии и ЦК. Широким фронтом — вширь и вглубь, начиная с окончательного утверждения единой системы учета и изучения кадров, перехода от огульных массовых мобилизаций к персональному подбору работников не только в партийных, но и в государственных и хозяйственных органах и кончая укреплением самих органов учета и распределения, объединением Оргинструкторского и Учетно-распределительного отделов в единый Организационно-распределительный отдел — Орграспред.

Важным и новым в работе был переход от преобладавшего текущего распределения прибывающих в ЦК стихийно, самотеком людей (вроде как на биржу труда) к плановому подбору ответственных работников на основе предварительного учета и изучения кадров. Работу по текущему устройству на работу нуждающихся в ней коммунистов вели местные организации, а ЦК принимал жалующихся, оказывая им необходимую помощь. В 1923 году была окончательно разработана и утверждена единая система учета ответственных партработников.

ЦК придавал настолько важное значение делу постановки учета на научных основаниях, что созвал в 1923 году специальное совещание заведующих учетно-статистическими подотделами местных парторганизаций с участием партийных специалистов по статистике для разработки не только общей системы учета, но и детальных схем, форм и инструкций по технике учета и особенно по персональному изучению ответственных руководящих работников разных масштабов.

Были разработаны соответствующие формы учета.

После рассмотрения и утверждения Секретариатом ЦК все новые документы по учету впервые были собраны вместе и изданы в единой брошюре, разосланной для руководства на места. Нельзя думать, что это были просто технические указания: это была сложная и нелегкая работа по системе сеток, прикрепления к ним и особенно по документам, дающим указания по существу изучения и характеристик работников, оценке их качества.

По учету, например, были даны указания губкомам, обкомам и так далее о необходимости исходить не только из занимаемых работниками должностей, но и их способностей, практического стажа, масштаба деятельности в прошлом и даже склонностей. Это предстояло выяснить из личных бесед с работниками и соответственно определять масштаб — всероссийский, республиканский, губернский, областной, уездный и так далее и прикреплять работников к соответствующей сетке.

Для прикрепления к соответствующей группе сетки и определения масштаба работника необходимо было накопить указанные материалы в личном деле, а также предварительно обсудить и согласовывать группу прикрепления к сетке и определение масштаба с соответствующими органами (например, с фракциями ТИК, ТСПСП и т.п.), а затем рассматривать и утверждать на президиуме или бюро соответствующего парткома.

Это была сложная работа, и поэтому заполнение личных дел

проходило нелегко, с затяжкой и задержками. На местах часто вызывались споры и даже склоки на почве обид, недовольства прикреплениями к сетке и определением масштаба, иногда приходилось аппарату ЦК рассматривать конфликты на местах и жалобы недовольных оценкой.

Были и такие группы работников, по которым пришлось дать специальные пояснения. Например, профессора высших учебных заведений прикреплялись как работники губернского, областного и всероссийского масштаба, в зависимости от их персональной оценки на основе ученого стажа, имеющихся трудов и т.д.

Новым и важным во всей этой работе было не только систематизирование и упорядочение учета, но и изучение персонально каждого руководящего ответработника — от всероссийского до волостного и ячейкового масштаба.

Этому было посвящено отдельно разработанное и утвержденное ЦК «Положение по изучению ответработников». В нем прежде всего подчеркивалось, что переход от массовых перебросок и назначений к плановому подбору работников возможен лишь на основе всестороннего объективного изучения учитываемых работников. ЦК указывал, что это изучение работников не кампания, а длительная, непрекращающаяся работа. Цель изучения заключалась в определении следующих категорий ответработников: закрепленных на ныне выполняемой работе; годных для выдвижения; подлежащих замене как слабые; подлежащих посылке на учение; подлежащих переброске к станку или плугу, или на массовую работу, или в другую организацию без понижения масштаба и т.п.

Эта работа дала возможность ЦК и партии улучшить всю учетно-распределительную работу по главным ее направлениям:

— подбор кадров по их действительному качеству, не допуская кумовства, протекции, подхалимства и т.п.;

— укрепление позиции партии — увеличение количества коммунистов и улучшение качества их работы во всех органах, в особенности в хозяйственных аппаратах, соприкасающихся с отрицательными сторонами НЭПа, нэпманами, купцами и кулаками;

— обеспечение деловых качеств работников при назначении на тот или иной пост;

— всемерное насыщение госаппарата, а также аппаратов других органов рабочими, добиваясь орабочивания госаппарата и парткадров.

Это было особенно важно и необходимо не только с точки зрения осуществления общей линии партии по строительству Советского рабочего государства, но и для выполнения непосредственной задачи борьбы с засильем старого чиновничества и пролезших в государственный, особенно в хозяйственный аппараты нэпмановских, жульнических и карьеристских элементов.

Глава 9
БОРЬБА С ОППОЗИЦИЕЙ И ДРУГИЕ ПРОБЛЕМЫ ПАРТИЙНОЙ ЖИЗНИ 20-х ГОДОВ

НА XI СЪЕЗДЕ ПАРТИИ

За период с X по XI съезд партия и ЦК значительно подняли партийную работу и укрепили руководящую роль партии. Стойкое и твердое выполнение постановления X съезда «О единстве партии» привело к уменьшению фракционности и раскольничества, хотя, как говорил Ленин в заключительном слове на XI съезде: «Я не хочу хвастаться, что все фракционное в нашей партии исчезло». Проявившие себя еще в дискуссии о профсоюзах антипартийные группы, срывавшие единство партии и ее руководящую роль в рабочем государстве — сторонники Троцкого, в том числе и «буферисты» так называемой «Рабочей оппозиции», «Демократического централизма», далеко не изжиты. Они даже после резолюции X съезда о ликвидации фракционности сохраняют свои связи и в трудную минуту могут опять подняться против партии и ее ЦК. Мы видели на XI съезде, что часть сторонников и даже соратников Троцкого продолжали бороться с ЦК, а Преображенский и другие выступали на XI съезде прямо против Ленина и ЦК.

Особенно «последовательно» и активно вели свою линию Шляпников, Медведев и другие фальшивомонетчики из так называемой «Рабочей оппозиции». Хотя по сравнению с X съездом это уже был «обломок» прежней «Рабочей оппозиции». Пользуясь своим правом обращаться в Коминтерн, они даже выступили с «заявлением 22-х» (в том числе и Коллонтай), в котором они клеветали на нашу партию и ее ЦК. Коминтерн, подробно обсудив это их «заявление 22-х», не только не поддержал, но осудил их и предупредил, что, если они будут продолжать свою борьбу против поли-

тики ВКП(б), которую всецело поддерживает Коминтерн, они будут исключены из Коминтерна и тем самым и из ВКП(б).

XI съезд партии выделил специальную комиссию из 19 членов съезда, в которую вошли товарищи Сталин, Дзержинский, Киров, Каганович, Ярославский и другие. Помню, как в этой комиссии, несмотря на цинизм Медведева и хитрость Шляпникова, они выглядели идейно разбитыми, разоблаченными, особенно когда мы в комиссии раскрыли их связь и поддержку скатившегося к контрреволюционному меньшевизму Мясникова, требовавшего свободы слова и печати для всех контрреволюционеров — «от анархистов до монархистов». Ленин даже на первых порах пытался его разубедить и написал ему письмо. Но убедившись, что он безнадежно скатился к меньшевизму, Центральный Комитет исключил Мясникова из партии.

В рядах «Рабочей оппозиции» был и некий Панюшкин, который вышел из партии и даже образовал свою «Рабоче-крестьянскую рабочую партию». Но вскоре, увидев, что и рабочие и крестьяне не поймались на эту приманку несчастного рыболова, он сам распустил свою не успевшую даже оформиться партию. И Мясникова, и Панюшкина вскормили на своей груди и поддерживали шляпниковцы и медведевцы. Зато многие честные старые большевики-рабочие отошли от «Рабочей оппозиции», увидя их меньшевистское направление.

XI съезд по предложению «Комиссии 19-ти» принял специальную резолюцию «О некоторых членах бывшей «Рабочей оппозиции». В этой резолюции XI съезд указал на то, что ЦК сделал все для выполнения решения X съезда: X съезд избрал в состав ЦК двух членов бывшей «Рабочей оппозиции», а ЦК выдвинул на ответственные руководящие посты ряд товарищей из бывшей «Рабочей оппозиции», не допуская преследований за их прежнюю фракционность, проявляя внимательное и осторожное отношение к ним. Несмотря на все это, бывшие члены «Рабочей оппозиции», неоднократно нарушая постановления X съезда, сохраняли и поддерживали нелегальную фракционную организацию внутри партии. Благодаря этому их фракционные выступления как в центре, так и на местах вносили, несомненно, разложение в ряды партии. Выступления членов бывшей «Рабочей оппозиции» на собраниях часто носили характер противопоставления себя всей остальной партии: мы и они. Именно такого рода выступления против партийных постановлений заставили ЦК РКП(б) поставить 9 августа 1921 года вопрос об исключении из партии члена ЦК тов. Шляпникова. Исключение не состоялось лишь потому, что не хватило одного голоса до требуемых для применения этой крайней меры 2/3 голосов членов и кандидатов ЦК.

В решении ЦК было дано подробное освещение антипартийного поведения Шляпникова и дано предупреждение, что, если он не изменит своего поведения, будет вторично рассмотрен вопрос об исключении его из партии.

«Комиссия 19-ти» предложила (и XI съезд принял) осудить брошюру тов. Коллонтай «О рабочей оппозиции», которая перепечатывалась и распространялась и за границей враждебной нам печатью и группой, стремившейся создать IV Интернационал.

XI съезд констатировал, что «выступление т. Коллонтай на конгрессе Коминтерна в антипартийном духе было единодушно отрицательно оценено конгрессом». «Комиссия 19-ти», избранная XI съездом, установила, что «происходили в разное время фракционные совещания, на которых выносились конспиративного характера постановления, исполнение которых возлагалось на лидеров этой группы товарищей Медведева и Шляпникова». На фракционное совещание, в результате которого явилось обращение бывшей группы «Рабочей оппозиции» в Коминтерн, был приглашен и участвовал в нем исключенный из партии тов. Мясников. Комиссией было установлено, что, «по признанию некоторых подписавших это заявление, они хорошо даже не знали содержание документа, а лишь подписывались из групповой солидарности». XI съезд в своей резолюции записал, что бывшая группа «Рабочая оппозиция» осуждается не за факт подачи заявления в высший орган «нашей классовой коммунистической организации — Коминтерн», а за нарушение решения X съезда, сохранение фракционной группировки и продолжение фракционной борьбы. «Съезд самым решительным образом клеймит поведение отдельных членов этой группы, сообщивших в своих объяснениях комиссии Коминтерна ложные сведения о партии, извращающие действительную картину взаимоотношений между РКП(б) и всем рабочим классом в целом». «Комиссия 19-ти» установила, что группа «Рабочей оппозиции» вопреки решению X съезда о единстве партии продолжала и после X съезда линию на раскол партии.

Должен здесь отметить, что нам, членам комиссии XI съезда, было, как бы это сказать, неприятно «допрашивать» и слушать выступление т. Коллонтай, потому что, хоть мы знали, что она долго до вступления в нашу партию была в рядах меньшевиков, но после вступления в партию ее горячие речи хорошего яркого оратора, особенно в 1917 году, и ее активная работа в женском движении вызывали симпатии к ней. Но это, конечно, не повлияло — мы все единодушно решительно осуждали ее возродивше-

еся раскольничество меньшевистского характера. В резолюции XI съезда специально подчеркнуто, что Коллонтай стала теоретической выразительницей раскольнического поведения всей группы, фальшиво присвоившей себе название «Рабочей оппозиции». «Именно товарищ Коллонтай, — записано в резолюции XI съезда, — проводившая в своей брошюре до X съезда РКП мысль о том, что раскол неизбежен и что необходимо для него лишь выбрать наиболее удачный момент, не отказалась после X съезда от этой линии поведения и в своих объяснениях перед комиссией XI съезда РКП подтвердила, что считает неизбежным раскол, если партия не изменит своей линии, то есть если партия не станет на путь ошибочных и вредных для рабочего класса взглядов товарищей Коллонтай, Медведева и Шляпникова». Больше того, товарищ Коллонтай на комиссии даже выразила сожаление, что фракционных совещаний было у них мало.

XI съезд признал и совершенно недопустимым положение, занятое этой группой по отношению к партии, особенно в переживаемый момент экономической перестройки, некоторого усиления капиталистических элементов, небывалого голода, угрозы внешней интервенции, усиления мелкобуржуазных настроений, когда первым условием победы рабочего класса является единство партии и самая строжайшая дисциплина в ее рядах.

На основании всего этого XI съезд, заслушав постановление расширенного пленума ИККИ по вопросу о «22-х», доклад «Комиссии 19-ти» и объяснения товарищей Шляпникова, Медведева и Коллонтай, постановил: «Присоединиться к постановлению ИККИ в отношении тт. Шляпникова, Медведева и Коллонтай и поручить ЦК, в случае проявления со стороны этих товарищей в дальнейшем подобного антипартийного отношения, исключить упомянутых товарищей из партии».

XI съезд все же не сразу применил крайнюю меру — исключение из партии, а поручил ЦК исключить их из партии лишь при продолжении ими своей раскольнической фракционной деятельности. Необходимо было, с одной стороны, дать возможность лучшим из группы бывшей «Рабочей оппозиции», среди которых были честные рабочие-революционеры, убедиться, в какой антипартийный, антиреволюционный, антипролетарский, меньшевистский лагерь тащит их позиция их лидеров. С другой стороны, необходимо было дать время и возможность самим этим лидерам проявить себя до конца, раскрыть полностью свои карты или изменить свои позиции. Так и получилось в жизни — в то время как Коллонтай перешла на позиции партии, Медведев и Шляпни-

ков окончательно скатились в лагерь контрреволюции. Наиболее отвратительное впечатление ренегата меньшевистского типа производил Медведев. Все его поведение было не просто циничным, но явно враждебным по отношению к партии, к Ленину и Советскому государству. Хотя он внешне был похож на Мефистофеля, но не следует обижать Мефистофеля сравнением, тем более что Шляпников не был Фаустом. Оба они оказались людьми переродившимися в настоящих контрреволюционеров.

На XI съезде партии дан глубокий анализ сложности обстановки НЭПа, в которой должны работать члены нашей партии, и поставлены соответствующие задачи.

XI съезд подчеркнул специфические трудности, создаваемые для партии и ее членов введением новой экономической политики. «Рабочая партия, осуществляющая диктатуру пролетариата, по-прежнему ни в коем случае не может допустить свободной организации сил, враждебных пролетарской революции. И вместе с тем партия, считаясь с неизбежностью частичного возрождения капитализма, должна принять самое деятельное участие в урегулировании отношений, вытекающих из этого факта». С одной стороны, член партии должен научиться торговать в пользу государства, он вынужден соприкасаться с капиталистическими отношениями, с другой стороны, он должен быть связан с массами трудящихся, бороться с капиталистическими отношениями и показывать массам образец самоотверженной работы для осуществления социализма и реальные пути его победы.

Во всей партийной работе необходимо учитывать, что НЭП вызвал новые сложные явления: часть «коммунистов»-крестьян с мелкобуржуазной идеологией начинает отходить от партии, ибо партия стесняет их как мелких хозяев. Мелкобуржуазная волна тянет за собой некоторые другие элементы и даже неустойчивых рабочих.

XI съезд указал, что от основного ядра партии требуется особое внимание к борьбе и преодолению все еще наблюдающихся среди некоторых, преимущественно непролетарских, элементов упадочных настроений. Правильная линия истинно большевистских сил партии должна обеспечить, чтобы состав партии стал не менее, а более однородным и пролетарским. Съезд указал, что главное внимание должно быть перенесено на рабочую среду, должно быть покончено с положением, когда на крупных предприятиях число коммунистов ничтожно.

Съезд проявил особую заботу о материально неблагополучном положении рядовых членов партии и активистов, признав не-

обходимым выработку и проведение форм взаимопомощи нуждающимся коммунистам. Съезд указал, что источниками взаимопомощи являются как общие средства партии, так и различного рода отчисления членов парторганизации. «Признавая крайне необходимым положить конец большой разнице в оплате различных групп коммунистов, съезд поручает ЦК в срочном порядке урегулировать вопрос о чрезмерно высоких заработках для членов партии, установив пределы, свыше которых остальная сумма заработка поступает на партвзаимопомощь».

Некоторые думают, что разъяснение членам партии и беспартийным активистам решений съезда — это, мол, дело главным образом агитпропов, а наше дело — организовать, но это неправильное разделение. Партийный организатор, начиная с ячейки, организует изучение членами партии решений съездов в процессе организации всей партийной работы, начиная с собрания ячейки, связывая с решениями партии и указаниями тов. Ленина всю практическую работу по их осуществлению.

РЕШЕНИЯ 1923 ГОДА

XII съезд Российской Коммунистической партии (большевиков) открылся 17 апреля 1923 года. Приехавшие с мест делегаты съезда до открытия его с волнением спрашивали нас, работников ЦК: как здоровье Ленина? Будет ли он выступать с докладом на съезде? Мы, к великому сожалению, ничего утешительного ответить делегатам не могли. Мы рассказывали им, что ЦК до последнего момента все еще надеялся, даже отсрочил открытие съезда на месяц в надежде на выздоровление нашего дорогого Ильича, но в апреле выяснилось, что болезнь Ленина затягивается и что он на съезде не сможет быть. Это, конечно, очень огорчало делегатов съезда — особенно тех, которые ни разу не слышали и не видели живого Ленина.

Отчет ЦК, с которым выступили на съезде Зиновьев и Сталин, опирался на письменный отчет ЦК, напечатанный в «Известиях» и розданный делегатам. Как Зиновьев, так и Сталин ссылались на указания Ленина, на решения XI съезда, показывая фактами, цифрами и отчетными данными, как они выполнялись.

В докладе Зиновьева были отдельные ошибочные места, как, например, огульное определение НЭПа как системы государственного капитализма, а также ошибочное положение о «диктатуре партии», но, поскольку по основным вопросам его доклад сов-

падал со всем тем, что делал ЦК в отчетный период, выразил то, что ему поручил ЦК, эти отдельные ошибки тогда, на XII съезде, не выпячивались и не вызвали дискуссии на съезде.

Отчетный доклад генерального секретаря ЦК тов. Сталина был главным образом организационным отчетом о деятельности ЦК. Это был не обычного типа орготчет, а нового типа, в котором Сталин конкретизировал и развил идеи Ленина: о приводных ремнях, связывающих партию с массами и их массовыми организациями; о единстве политического и организационного руководства. Можно без преувеличения сказать, что мы, практики-организаторы, в докладе Сталина получили замечательное обобщение и оформление в единую стройную систему всей практики организационно-партийной работы.

Отчет ЦК встретил полное одобрение громаднейшего большинства делегатов XII съезда. Но среди выступавших ораторов были и оппозиционные выступления. Хотя они себя официально не афишировали представителями каких-либо групп, но фактически выражали взгляды бывших групп и фракций, к которым они ранее принадлежали. Такими были: Лутовинов, Косиор Владимир, Осинский, Преображенский. Каждый из них по-своему выражал взгляды своих прежних разбитых фракций: Лутовинов — бывшей «Рабочей оппозиции», Косиор и Преображенский — троцкизма, Осинский — «Демократического централизма». Я не говорю о Ларине, потому что он, не будучи оппозиционером, всегда, как правило, выступал на съездах с теми или иными критическими замечаниями весьма путаного, часто несерьезного характера, хотя и был образованным экономистом. О Красине я скажу отдельно и подробнее.

Лутовинов отразил не только бывшую «Рабочую оппозицию», а и ее «выкидыша» — «Рабочую Правду», выпустившую анонимную платформу. Критикуя режим отсутствия демократии в партии, он доказывал, что из-за этого-де и существуют нелегальные группы: ликвидируйте, мол, исключительный закон о запрещении фракций и группировок, и тогда-де все будет легализовано (то есть дайте свободу слова, печати всем антипартийным и соответственно антисоветским оппозициям, тогда они будут открыто бороться с Ленинизмом). Тем самым Лутовинов солидаризировался со скатившимся Мясниковым, предложения которого о свободе слова, печати столь решительно отверг Ленин и вся партия.

Лутовинов преподнес это съезду в более завуалированном виде, но суть та же, и съезд, конечно, отверг его притязания. Лутовинов, как и вся бывшая «Рабочая оппозиция», так же как и неле-

гальная «рабочая группа», не видел ничего положительного в партийной жизни. Не хотел видеть, что ЦК, объявив о созыве съезда, разослал членов и кандидатов ЦК на места для отчетов о работе ЦК, что ЦК организовал выпуск «Дискуссионного листка», в котором до съезда члены партии критически разбирают деятельность ЦК и правительства. Это и есть проявление истинной внутрипартийной демократии.

В таком же духе выступил и Владимир Косиор, с той только разницей, что в то время, как Лутовинов говорил прямо о существовании фракций и группировок и что их необходимо легализовать, Косиор, прибедняясь, говорил, что фракций нет, но вот, мол, ЦК каждое какое-либо выступление против него объявляет фракционностью. Так же как Лутовинов, он говорил о необходимости изменить постановление партии о запрещении фракций и группировок, отражая старую позицию троцкизма по этому вопросу.

Анонимная платформа выступила с призывом ко всем элементам, группирующимся вокруг «Демократического централизма», «Рабочей Правды» и «Рабочей оппозиции», объединиться на основе единой платформы. Лутовинов и Косиор стали рупорами этого призыва.

Выступление Осинского было таким, что оно давало повод считать, что он близок или, во всяком случае, не так далек от Лутовинова и Косиора. Осинский, сев на своего старого, дохлого конька, на котором он выступал не раз и против Ленина, повторил это же и на XII съезде. Предложение о разделении функций партийных и советских органов он доводил до отрыва советских органов от партийных. Его заявление о том, что ЦК не дает в СНК сильных работников, потому что боится потерять свою власть, было наихудшим выпадом против партии.

Наиболее серьезным и значительным было выступление тов. Красина против ЦК. Это была, говоря по-парламентски, речь претендента на пост премьер-министра (можно бы даже сказать, что в буржуазно-демократической республике Красин по своим способностям мог бы заменить не одного премьер-министра). «Вы хотите все оставить по-старому, — говорил он на съезде, — но по-старому оставить нельзя, потому что важнейший элемент этого старого — Владимир Ильич на довольно значительный срок вышел из работы. Надо, — говорил Красин, — чтобы в государственном и руководящем партийном аппарате производственникам и хозяйственникам (при этом Красин, как опытный тактик, оговаривался, — конечно, партийным) была отведена, по меньшей мере, такая же доля влияния, как газетчикам, литераторам и чистым политикам».

Делегаты съезда сразу почувствовали, что здесь большевизмом и не пахнет. Неправильность этого видна в самой постановке вопроса. ЦК всегда считал необходимым выдвигать коммунистов с производственным опытом, инженерными и другими знаниями, но, определяя состав руководящих деятелей, не допускал деления на чистых политиков, газетчиков, литераторов, инженеров и тому подобное. Руководители подбирались, избирались партией с учетом их знаний и компетентности, но главным их качеством должно было быть их соответствие политическим задачам, политической линии партии по существу, по содержанию. Не разделенные по кастовому признаку на «знатоков» и «незнатоков» производства коммунисты решали судьбу партии, революции, Красной Армии, национализации банков, промышленности и прочее.

Конечно, период восстановления и строительства поставил новые задачи, и партия, Ленин, ЦК двинули рабочих-коммунистов на учебу и в учебные заведения, и в порядке самообразования в процессе практической работы, выдвигали мало-мальски подученных в правления трестов, предприятий, главков, ставя их рядом, а часто над квалифицированными старыми спецами, которых партия использовала, но ставила их под наблюдение и руководство рабочих-коммунистов.

У Красина программа введения пропорций и замены в руководстве части политиков инженерами-производственниками связывается с его взглядами на роль коммуниста вообще и роль партийной организации. Он рассматривает хозяйственника как независимую от парторганизации сторону. Красину не нравится, что партия перебрасывает работников из одного в другое учреждение, «подсыпает дюжину-другую партийного человеческого материала, иногда непригодного для работы». Что недостатки, довольно крупные, в учетно-распределительной работе имеются, об этом говорилось и в отчете ЦК на съезде. Но разве можно говорить таким языком, как Красин, о коммунистах, которых дюжинами «подсовывают» ему, Великому магистру инженерии, как материал разные там независящие партийные силы — парткомы или ЦК? Разве это партийное понимание задач? Хотя дело подбора надо улучшать, но об этом так не может говорить старый большевик. Эта «организационная» позиция т. Красина есть, по существу, политическая ошибка; она тесно связана у него с его политико-экономической ошибочной программой по существу Ленинской политики партии. Он выступает за поднятие производства — это хорошо и совпадает с заданиями партии. Но он, во-первых, говорит о производстве вообще, как будто производство

существует вне классов и вне социальной его природы, во-вторых, отделяет восстановление производства от политической линии. В то время как партия, ее ЦК рассматривают как единое неразрывное взаимообусловленное целое восстановление производства и выдержанную линию партии, т. Красин говорит: «Строго выдержанная политическая линия партии не должна мешать восстановлению производства». Какого производства? Если капиталистического, то обязательно будет мешать, если социалистического, то не просто не будет мешать, а будет решать, обеспечивать, помогать, гарантировать, всемерно изо всех сил двигать вперед восстановление социалистического производства, а в условиях новой экономической политики давать возможность развития и тех видов экономики и хозяйства, которые могут быть названы «государственным капитализмом» при диктатуре пролетариата.

Но этого мало. Красин раскрывает скобки своей политико-экономической платформы, когда он подходит к нахождению источников средств для восстановления производства. Говоря правильно о наших экономических трудностях, о необходимых средствах для восстановления крестьянского хозяйства, транспорта и промышленности, т. Красин заявляет: «Нам до зарезу нужна помощь извне, потому что мы не можем собственными усилиями сколько-нибудь быстро восстановить хозяйство». Что нам нужны иностранные кредиты, что мы готовы были идти на известных условиях на концессии, об этом не раз заявляли Ленин и ЦК партии, но не любой ценой и не той, которую предлагает т. Красин. Оговорив, что мы не должны идти на принципиальные уступки в области суверенитета, в области территориальных уступок, в области отказа от нашего законодательства, т. Красин видит выход в том, что «в области внешней политики нам нужен своего рода НЭП».

Известно — об этом уже писал ЦК в своем письменном отчете, — что именно по требованию Ленина были отменены два подписанных товарищем Красиным договора, в которых были элементы того «своего рода НЭПа», а именно: договор с итальянцами и концессионный договор с господином Уркартом. В связи с отменой договора с Уркартом тов. Красин говорил, что это принесет нам большую беду. Но, как известно, никакой беды не получилось, получилась «обида» господина Уркарта. Зато мы показали возможным «благодетелям-кредиторам», что мы не колония и кабалу не допустим. Тов. Красин показал, что его правильные слова о недопущении нарушения нашего суверенитета, законода-

тельства, территории не исчерпывают его постановку вопроса. Разве восстановление производственной концессии Уркарта в Казахстане на цветные металлы на его условиях не было такой принципиальной уступкой, которая нарушала наши принципы? Именно поэтому Политбюро разорвало этот договор, уже подписанный тов. Красиным. В этом гвоздь. Если бы мы исходили из предложенного тов. Красиным «НЭПа во внешней политике» и сдали бы в концессию половину или больше наших промышленно-производственных ресурсов на условиях, диктуемых господами Уркартами, то производство стало бы не социалистическим, а капиталистическим.

Это не значит, что мы не должны были идти на концессии. Это значит, что мы согласны на привлечение иностранного капитала в виде кредитов и концессий, но не на каких угодно «уркартовских» или еще худших условиях. Заключая договоры с иностранным капиталом, мы должны помнить, что любой производственный договор связан с коренными принципами нашей партии — борьбы с капитализмом за преимущественно социалистическое развитие производства. Партия выбрала путь: через новую экономическую политику — к социализму. Торговля, договоры и сделки с капиталистами нужны; допустимы и известные уступки капиталистам, но без уступки власти пролетариата, его диктатуры и без уступки материально-производственной базы этой диктатуры.

Красин предлагал другое направление. Если бы, паче чаяния, партия приняла бы его путь, он в конце концов развился бы в путь капиталистического, а не социалистического развития нашей Великой Родины. Как старый марксист, Красин должен был бы это хорошо понимать, но он не понимал этого, а может быть, и не совсем хотел этого понять. На эту мысль наводит один важный факт — тов. Красин выступил как бы в роли человека, озабоченного наследством Ленина. А между тем сам же сказал о предложении Ленина о реорганизации РКИ и ЦКК, что он сам и все хозяйственники с ужасом ожидают эти решения. Этот его «ужас» ярко показывает, насколько товарищ Красин не является верным ленинцем — именно с этим связаны его фальшивые идеи. Здесь необходимо напомнить, что тов. Красин и до Октябрьской революции отходил от Ленина.

XII съезд партии всецело одобрил политическую и организационную линию ЦК, обеспечившую серьезные успехи.

Политбюро и Оргбюро много занимались вопросами завершения построения Союза Советских Социалистических Республик.

В соответствии с директивами XII съезда по вопросам союзного советского строительства были детально разработаны основы для Основного закона Союза ССР. ЦИК Союза Республик на второй сессии принял в новой редакции декларацию и договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик — Основной закон — Конституцию СССР.

Обсуждение проекта Конституции связывалось с задачей оживления и улучшения работы Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов. Созванный в июне 1923 года Пленум ЦК РКП(б) одобрил проект Конституции для ее утверждения на II сессии ЦИК СССР. После обсуждения и одобрения Конституции съездами Советов союзных республик новая Конституция СССР была окончательно утверждена созванным 31 января 1924 года II съездом Советов Союза ССР. Это была большая и трудная работа не только в смысле законодательном — нахождения и формулировки новых положений нового государства в соответствии с гениальными указаниями нашего учителя тов. Ленина, — но и большая организационно-политическая работа всей партии, ее ЦК и его партийного аппарата.

На практике была осуществлена двухпалатная система высшего органа государственной власти: Союзного Совета и Совета Национальностей.

Уже начал работать Совет Народных Комиссаров Советского Союза отдельно от Совнаркома РСФСР, реорганизован Совет Труда и Обороны в орган СССР, с организацией при Совнаркоме РСФСР Экономического совещания, как и при всех совнаркомах союзных республик.

Таким образом, в течение 1923–1924 годов была успешно завершена гигантская работа по организации Союза Советских Социалистических Республик. ЦК и Совнарком Союза не ограничились этим, а произвели серьезную реорганизацию наркоматов, в том числе: ВСНХ, НКПС, самого СТО и существовавших при СНК и СТО комиссий, часть которых была ликвидирована, реорганизация коснулась и Госплана и Совнаркома РСФСР. Два комиссариата: Наркомпрод, в связи с переходом к денежному налогу, и Наркомнац, в связи с организацией Совета Национальностей, — были ликвидированы. Создан заново Народный комиссариат внутренней торговли, при этом произведена крупная реорганизация тылового аппарата военного ведомства, который был сокращен на 40%.

Само собой разумеется, что коренным образом был реорганизован Наркомат РКИ, в связи с объединением его работы

с ЦКК в центре и на местах. Фактически необходимо было сформировать новый аппарат, небывалый в истории не только нашего Советского государства, но и государств вообще. Направление было дано гениальным планом Ленина, решением XII съезда, конкретно осуществлявшимся Центральным Комитетом партии.

Это была большая организационная работа ЦК, в частности его Оргинструкторского и Учетно-распределительного отделов, не только подбором кадров, но и организацией связи с профсоюзами и борьбы с бюрократизмом в госаппарате. Я с удовольствием и удовлетворением вспоминаю эту работу, которую я выполнял прежде всего по долгу своей деятельности и, не скрою, по старательному оказанию помощи первому председателю реорганизованной ЦКК, моему другу Валериану Куйбышеву, поддержку которого я получал особенно в первый период моей работы в Центральном Комитете. Такую же помощь мне приходилось оказывать ЦКК и в дальнейшем, когда ее председателем был мой лучший друг Серго Орджоникидзе, вплоть до того момента, когда я сам был избран в 1934 году председателем Комиссии Партийного Контроля.

Первая и главнейшая трудность в руководстве партией и Советской страной была та, что весь этот период, от XII до XIII съезда, ЦК и партия жили и работали без непосредственного участия и руководства нашего дорогого и любимого вождя и учителя Владимира Ильича Ленина. Это был первый год, когда Ленин, прикованный болезнью к кровати, не мог участвовать в рассмотрении и решении коренных вопросов политики, экономики и организации. Но партия и ЦК были вооружены не только общими теоретическими положениями Ленина, но имели конкретные указания в его статьях, написанных им еще к XII съезду, и другими указаниями в течение года. Партия и ЦК были вооружены гениальной методологией в руководстве партией и страной. Только неуклонная последовательность в проведении Ленинской линии, вопреки троцкистам и иным оппозиционерам, срывавшим Ленинскую линию, Центральный Комитет и партия сумели успешно преодолеть многие трудности и добиться известных успехов. Из истории партии известны основной ход развития, фактические и цифровые данные. Здесь важно подчеркнуть, что развитие и движение вперед проходило не гладко, не прямолинейно, а зигзагами. Вместе с ростом проявлялись большие трудности, которые приходилось преодолевать всеми способами, имевшимися в арсенале партии и Советского государства — пролетарской диктатуры.

В сентябре-октябре 1923 года в экономическом положении вскрылись явные серьезные затруднения — это был кризис сбыта продукции, главной причиной которого было большое расхождение цен на промышленные и сельскохозяйственные продукты, — то, что вошло в обиход как так называемые «ножницы». Весной прошлого года цены на промышленные продукты резко повысились, или, как говорили, вздулись, тогда как цены на сельхозпродукцию упали ниже обычного, нормального уровня. Результатом этого было то, что сбыт промышленной продукции в деревне резко сократился, — крестьяне не покупали слишком дорогие для них товары. В особо трудном положении оказалась кооперация, закупившая заранее эти товары по высоким ценам. В этом были виноваты прежде всего хозяйственные органы, извратившие экономическую политику партии и Советского правительства. Погнавшись за высокими прибылями, они повысили цены, но наткнулись на отказ покупателя, в первую очередь крестьянина, покупать по вздутым ценам их товары.

ЦК и Правительство предприняли необходимые меры к серьезному снижению цен на промтовары, их удешевлению, а также для расширения рынка сбыта сельхозпродукции. В связи с этим со всей серьезностью и остротой была поставлена задача проведения денежной реформы. Эта труднейшая и сложнейшая задача стала одной из важнейших задач партии и органов Советской власти — крупнейшим экономическим мероприятием, по существу охватившим многие, если не все стороны экономической жизни и развития Советского государства. Необходимо было резко сократить эмиссию бумажных денег и перейти на червонную валюту. Тем самым подводилась твердая база под дальнейшее развитие экономики, нормального восстановления крупной тяжелой промышленности, торговли, нормальной экономической работы советских хозяйственных органов и их успешной борьбы с нэповскими капиталистами. Денежная реформа укрепляла союз рабочего класса с крестьянством, обеспечивала крестьянству продажу своей продукции за устойчивую червонную валюту и тем самым улучшала экономическое положение крестьянства.

В августе-сентябре проявилось много ненормальностей с заработной платой рабочих и служащих. Кризис сбыта продукции, создавшиеся трудности в финансовом положении трестов привели к несвоевременной выплате заработной платы, выдаче ее в денежных суррогатах (облигациях займа и тому подобное). Рабочие, естественно, протестовали, на местах возникали даже конфликты, которыми не только профсоюзы, но и парторганизации

занимались и о которых они докладывали ЦК. Эти вопросы в значительной части поступали в Оргинструкторский отдел ЦК. Я часто докладывал о них лично тов. Сталину, который принимал близко к сердцу эти острые вопросы положения рабочих и через советские органы принимал меры ликвидации конкретных ненормальностей, ставил обобщенные выводы на заседаниях Политбюро ЦК. ЦК обязал всех коммунистов, работающих в хозорганах, при всех финансовых затруднениях удовлетворять другие хозяйственные нужды только после того, как уже произведена выплата заработной платы. Пленум ЦК предложил ЦКК РКП установить особое тщательное наблюдение за исполнением этого постановления. Пленум ЦК предложил комиссии по заработной плате вместе с ЦКК РКП изучить технические запоздания в выдаче зарплаты, чтобы привлекать конкретных виновников к ответственности, и представления общих мер партийного, экономического и судебного порядка для ликвидации этого нетерпимого явления.

Установив, что по уровню зарплаты постановление XII съезда в общем выполняется, ЦК считал, что достигнутые результаты в повышении зарплаты недостаточны (60% к довоенному уровню). Поэтому ЦК признал необходимым в ближайшее время добиться увеличения зарплаты, в частности по транспорту, где зарплата ниже, чем у металлургов и горняков.

ЦК в то же время решительно отклонил некоторые предложения, в том числе поступившие от Троцкого, о закрытии таких убыточных предприятий, которые имеют важное общеэкономическое и политическое положение, каким, например, было предложение о закрытии Путиловского завода. ЦК подчеркнул, что необходимо со всей энергией осуществлять все меры борьбы с непроизводительными расходами — раздутие штатов, несоответствие числа служащих и подсобных рабочих числу основных производственных рабочих и тому подобное (что, между прочим, важно и сегодня, через 55 лет). Одним из важнейших критериев в оценке способностей руководителей предприятий и трестов считать умение рационально использовать труд рабочих и служащих в установленное законом рабочее время. Учитывая факты, имеющие место в отдельных хозяйственных органах, работающих на коммерческом хозрасчете, особенно в акционерных обществах с преобладанием государственного капитала, где зарплата служащих стала превышать зарплату промышленных рабочих, пленум ЦК указал на необходимость некоторого снижения высокой зарплаты этих высокооплачиваемых служащих. ЦК

предупредил, что нельзя допускать злоупотреблений с выдачей тантьемы (дополнительное вознаграждение, выплачиваемое в виде процента из чистой прибыли), и указал, что тантьемы должны выдаваться с максимальной осторожностью и исключительно из чистой прибыли и только лицам, которые действительно своей непосредственной работой обеспечивали получение этой прибыли.

Возникшие трудности не изменили основной картины роста нашей экономики. При всех трудностях и зигзагах в нашем движении и развитии наметился несомненный устойчивый рост и укрепление экономической силы нашей Советской страны, ставшей теперь союзным государством.

ДИСКУССИЯ С ТРОЦКИСТАМИ (1923 г.)

Вся организационно-партийная работа партии, ее Центрального Комитета в первые годы мирного социалистического строительства в условиях новой экономической политики была неразрывно связана с борьбой партии за единство ее рядов на основе Ленинской резолюции X съезда «О единстве партии». Но сложившиеся еще в 1920–1921 годах фракции оппозиционеров в дискуссии о профсоюзах, притаившись, фактически продолжали, в том или ином виде, сохранять свое ядро для того, чтобы в трудную минуту атаковать партию. Троцкий, верный своим беспринципным меньшевистским приемам сколачивания блоков против большевиков, как это было в августе 1912 года, когда он создал Августовский блок с ликвидаторами, и в 1920-1921 годах в дискуссии о профсоюзах — блок с «левыми коммунистами», с анархо-синдикалистской «Рабочей оппозицией», и в 1923 году вновь возглавил блок всех оппозиционных группировок и навязал партии дискуссию. Разыгрывая роль «благородного рыцаря», Троцкий на деле показал свое коварство во время и непосредственно после XII съезда партии, — проявляя свою внешнюю лояльность, он на деле подготовлял нападение на партию и ее ЦК в трудную минуту.

Такой момент наступил во второй половине 1923 года. Он проявился в экономических затруднениях, вызвавших и политические осложнения в некоторой части масс, а главное, в тяжелое для партии время — в период осложнения болезни нашего дорогого Владимира Ильича. Изучая ход борьбы, видно, что Троцкий имел далеко идущие планы — захвата руководства партией и коренно-

го изменения теории и политики Ленина, партии и страны. Будучи тогда наркомом по военным и морским делам, Троцкий, освободившись от дел, связанных с гражданской войной, которые, как известно, не бог весть как удовлетворительно вел, на что не раз указывали ему ЦК и Ленин, сколотил вокруг себя часть военных работников и остатки разбитых партией оппозиционных мелкобуржуазных групп и вновь атаковал партию.

Оппортунисты всех видов всегда склонны умалять, принижать роль и значение партии, когда речь идет о положительных результатах работы, в то же время они всегда склонны преувеличивать вину партии и ее руководства, когда появляются трудности и неполадки в хозяйственном и советском строительстве.

Так именно и получилось в конце лета 1923 года, когда в хозяйстве республики появились трудности. При наличии несомненного роста производства продукции и в промышленности, и в сельском хозяйстве произошли затруднения в сбыте продукции промышленности из-за различия в темпах развития промышленности и сельского хозяйства и из-за неумения государственного и кооперативного торгового аппарата реализовать произведенную продукцию, а также из-за допущенного извращения политики партии в области цен. Это, естественно, вызвало брожение среди рабочих, а на некоторых предприятиях даже отдельные забастовки. Это вскрыло не только прорыв в хозяйственной работе, но и серьезные недостатки в работе профсоюзных и части партийных организаций, их слабость руководства массами и даже известную оторванность от них. Сказалось и то, что ряд организаций, увлеченные успехами, решили предоставить слишком большому кругу работников летние отпуска, что к концу лета ослабило руководство. Здесь была и наша вина, не заметивших это и не сдержавших такого большого количества отпусков, ослабивших ячейки, райкомы, укомы и губкомы, тогда как остатки оппозиционных групп, в особенности «Рабочая оппозиция», подпольно работали. Наш ЦК по-ленински умел из важных частностей делать общие критические выводы, и уже в августе-сентябре 1923 года Политбюро ЦК, а особенно октябрьский Пленум ЦК вскрыли коренные недостатки в хозяйстве, приведшие к столь серьезному «кризису сбыта», и серьезные недостатки партийной и профсоюзной работы, облегчившие работу противников партии и приведшие в некоторых центрах к брожению среди части рабочих. ЦК разработал серьезные общие и конкретные меры, как по линии хозяйственной, так и по линии внутрипартийной жизни.

Противники партии, главным образом из исключенных из партии — группа «Рабочая Правда» и «Рабочая группа», развернули антисоветскую антипартийную работу, демагогически спекулируя на трудностях, обвиняя в них партию и ее ЦК. Но эти группы были сравнительно легко разоблачены партией, так как уж очень откровенно они проповедовали меньшевистские взгляды.

Более серьезное дело получилось, когда на сцену выступили внутрипартийные оппозиционные фракции и группировки, атаковавшие партию и ЦК. Их аргументация не полностью совпадала с подпольной группой «Рабочая Правда», но во многом была сходной. В то время как ЦК, его Секретариат, Оргбюро и Политбюро, засучив рукава, усиленно работали над выходом из трудностей, Троцкий, его сподвижники и союзники из лагеря разбитых оппозиций тайно-фракционно подготовили выступление против партии и ее ЦК. На сентябрьском Пленуме ЦК Троцкий даже голосовал за принятое постановление по хозяйственным и внутрипартийным вопросам, а после этого пленума выступил с письмом к членам ЦК и ЦКК, в котором он опорочил эти решения и принимаемые Политбюро меры ничего серьезного и делового не предлагая, преувеличивая затруднения.

Его сторонники перепечатали подпольно и распространили это письмо Троцкого в местных организациях партии, в первую очередь в Москве. В духе этого письма Троцкого его сподвижники вместе с другими лидерами оппозиционных групп состряпали платформу — «Заявление 46-ти», в котором имеющиеся трудности были сознательно раздуты, но серьезных деловых предложений в ней не было, а то, что было правильного, повторяло уже принимаемые решения и меры Центрального Комитета. Зато их заявление было полно ругани по адресу ЦК. Не заботой о ликвидации трудностей и улучшении положения рабочих и крестьян была пронизана их платформа, а подрывом авторитета ЦК, продиктованным стремлением изменения руководства и Ленинской линии партии, — вот в чем была главная цель Троцкого и его сторонников. Гипертрофируя имеющиеся недостатки и ошибки, извращая действительность, они сделали вопросы партийной жизни центральным пунктом, главным коньком в борьбе с Центральным Комитетом.

Несмотря на все фракционные ухищрения троцкистов прикрыть свою подпольную фракционную работу маской обиженных и угнетаемых людей, Центральный Комитет раскусил их маневры, в том числе и самого Троцкого, который держался в Политбю-

ро обособленно, иногда даже по мотивам «болезни» не приходил на заседания. ЦК предупредил партийные организации о разворачивающейся борьбе троцкистов с партией, с ЦК. Получаемые с мест сведения мы докладывали немедля секретарям ЦК — товарищам Сталину и Молотову. Связавшись с руководителями губкомов, обкомов, промышленных райкомов, мы узнали о распространении «Заявления 46-ти» и копии письма Троцкого. Доложив об этом Секретариату ЦК, мы получили указание предложить секретарям губкомов, обкомов, в первую очередь — в Москве и Петрограде, не допустить их распространения как документов фракционного характера.

Большинство Политбюро стремилось к деловому, спокойному рассмотрению спорных вопросов, не разворачивая широкую дискуссию и, во всяком случае, не расширяя дискуссии. Поэтому на первых порах большинство Политбюро — восемь членов и кандидатов составили и разослали письмо к членам ЦК и ЦКК, отвечающее на письмо Троцкого и «Заявление 46-ти», раскрывающее фракционный, непартийный характер их выступления. В письме восемь членов и кандидатов Политбюро, в спокойном тоне указывая на имеющиеся трудности, неправильно преувеличиваемые троцкистами, дали глубокую критику письма Троцкого и платформы его 46 «гвардейцев» по внутрипартийному строительству. Письмо восьми членов и кандидатов Политбюро не образумило ни Троцкого, ни его оголтелых сторонников и союзников. Но зато это письмо активизировало не только членов ЦК и ЦКК, которым оно было адресовано, но и руководящий актив парторганизаций, которые были с ним ознакомлены, правда, сдержанно, не очень широко, так как ЦК все еще стремился ограничить рамки дискуссии. Однако троцкистская оппозиция все шире распространяла письмо Троцкого и «Заявление 46-ти» в местных организациях. Исчерпав все возможности единодушного решения спорных вопросов внутри, Политбюро приняло решение созвать во второй половине октября Объединенный Пленум ЦК и ЦКК с представителями десяти крупнейших партийных организаций (Московской, Петроградской, Иваново-Вознесенской, Нижегородской, Харьковской, Донецкой, Ростовской, Бакинской, Екатеринбургской и Тульской). Были приглашены и 12 представителей троцкистской платформы. На Пленуме развернулись широкие прения — выступило 44 человека, в громадном большинстве осудившие выступление Троцкого и троцкистов. Большинство Политбюро, все еще стремясь к возможному мирному решению сложных вопросов, занимало более сдержанную позицию к Троц-

кому, чем местные товарищи, и это сказалось в принятой Объединенным Пленумом резолюции.

Должен сказать, что некоторые члены ЦК и ЦКК, в особенности ряд представителей местных парторганизаций, были настроены за более решительное осуждение самого Троцкого, в особенности его фракционных сподвижников. Помню, когда я рассказал об этом тов. Сталину, он мне сказал: «Необходимо разъяснить им и разъяснять всем другим товарищам, так именно настроенным, что Политбюро ЦК сейчас заботится о единстве в ЦК и в партии, поэтому мы стараемся на данной стадии не выносить наши споры за пределы ЦК и достигнуть согласованных решений, идя даже на некоторые уступки, конечно, не меняющие наши принципы, как, например, в вопросе о запрещении фракций и группировок. Если Троцкий и его фракционеры нарушат эти предупреждения ЦК, тогда партия окончательно убедится в их раскольничестве, и тогда ЦК и партия примут более решительные меры». Именно в этом духе ЦК и местные комитеты разъясняли решение октябрьского Пленума ЦК и ЦКК.

К декабрю была закончена работа комиссии по партстроительству и опубликована известная резолюция «О партстроительстве».

Объединившись вокруг кадрового троцкистского ядра, в котором были и бывшие члены ЦК, в том числе и бывшие руководящие работники Московской организации, они развернули свою борьбу главным образом в наиболее слабых звеньях организации: вузовских ячейках, части военных ячеек и учрежденческих.

Секретариат ЦК через Организационно-инструкторский отдел получал регулярную информацию о положении на местах, принимая необходимые меры конкретно по парторганизациям. В большинстве губерний и областей была часть слабых организаций, поддавшихся, особенно на первых порах, демагогии троцкистов. Таких организаций было немало на Урале, в Сибири. В национальных республиках — Украине, Белоруссии, Закавказье, в Средней Азии троцкисты объединялись с национал-уклонистами для борьбы с партией и ее Ленинской линией.

ЦК разослал на места членов ЦК и других ответственных работников. Организационно-инструкторский отдел ЦК поддерживал каждодневную оперативную связь с областными, губернскими комитетами, крупными промышленными центрами, давая им необходимые советы и информируя их о ходе дискуссии в других организациях партии, особенно тех, где успешно давался отпор троцкистским фракционерам. Особенно обострилось

положение в Московской организации, где Троцкий создал фракционный центр во главе с Серебряковым. Не получив поддержки в основных пролетарских заводских ячейках, троцкисты в первые дни и даже недели декабря получили поддержку в значительной части вузовских, учрежденческих и некоторых военных ячейках.

Я доложил Секретариату ЦК и лично Сталину о неблагополучном положении в Москве. На вопрос тов. Сталина: а что же делает МК? — я ответил, что, по-моему, МК слабо мобилизует силы для борьбы с троцкистами и не потому, что работники МК идейно колеблются, а потому, что они просто организационно и пропагандистски слабы, в частности агитпроп сейчас без руководства, так как его заведующий тов. Лихачев лежит больной.

Тов. Сталин предложил немедленно вызвать в ЦК секретарей МК. Выслушав их и установив, что моя информация правильна, тов. Сталин сказал секретарям МК, в частности обращаясь к первому секретарю МК тов. Зеленскому: «Вы, товарищ Зеленский, хотя и занимаете правильную линию в борьбе с троцкизмом и всеми оппозиционерами, но вы слабо организуете бой ленинизма с троцкизмом, вы слабо руководите районными и особенно ячейковыми организациями. Немудрено, что троцкисты захватили ряд ячеек. Этак они могут захватить и районы, как это уже почти случилось в Хамовническом районе. Вам нужно круто изменить весь стиль и практику работы МК на боевой большевистский лад. Нам, Секретариату ЦК, необходимо вплотную заниматься Москвой. Я предлагаю, — сказал тов. Сталин, обращаясь к секретарям ЦК, — послать на помощь МК товарища Кагановича, который сумеет одновременно и руководить Оргинстром ЦК. Вместе с товарищем Кагановичем вы, товарищ Зеленский, должны немедленно организовать и добиться перелома в Московской организации».

После окончания совещания с москвичами тов. Сталин оставил меня и дополнительно сказал мне: «Вы там дипломатию не разводите, а берите дело руководства в свои руки. Удобнее всего вам сейчас засесть в Агитпропе, поскольку там никакого руководства нет. Орг-инструктору МК вы можете давать прямые указания как заведующий Организационно-инструкторским отделом ЦК — вот вы и возьмете в свои руки главные два отдела МК, объединив их усилия. Организуйте в первую очередь идейное наступление на распоясавшуюся оппозицию в тех ячейках, которые они успели захватить, пользуясь ротозейством большевиков, не сумевших вовремя собрать силы для отпора. Свяжитесь не только с районами, но и с ячейками».

Так мы и сделали. На заседании бюро МК тов. Зеленский объективно доложил о критике ЦК и о том, как он выразился, «нагоняе», который москвичам дал Секретариат ЦК, и о направлении в помощь МК тов. Кагановича, которого хорошо знает Московская организация по Замоскворецкому району.

Надо отметить, что бюро МК и присутствовавшие члены МК очень хорошо, по-большевистски восприняли критику и указания ЦК и выступили с дополнительными предложениями, твердо заявив, что отвоюют колебнувшиеся ячейки и не допустят наступления троцкистов на другие ячейки. Я предложил заслушать сообщения секретарей райкомов, в которых они должны правдиво, без прикрас доложить о положении дел и о принимаемых мерах. Помню, что некоторые районы — Замоскворецкий, Краснопресненский и другие уверенно доложили, что троцкизм у них не будет иметь успеха, хотя в некоторых ячейках, как, например, в институте имени Плеханова, положение напряженное, но и там не допустят победы троцкистов. Другие районы не имели такой уверенности, а Бауманский район был даже несколько растерян, так как в нем троцкисты в ряде ячеек одержали верх над большевиками-ленинцами.

В общем, бюро МК признало положение в организации неблагополучным, крайне напряженным и борьбу острой. Бюро, по моему предложению, решило опереться на лучшие пролетарские ячейки для наступления на троцкистов в ячейках, проявивших невыдержанность и нестойкость, часть которых приняли резолюции троцкистов. На созванном после бюро МК совещании заведующих оргинструкторскими отделами и зав. агитпропами, инструкторов райкомов и некоторых секретарей ячеек крупных предприятий (Трехгорка, Михельсона, Поставщик, Бромлея, Динамо, АМО и другие) были разработаны мероприятия, в частности, по рассылке представителей МК, райкомов и крупных стойких ячеек в низовые парторганизации предприятий со слабиной. В тот же день эти мероприятия начали осуществляться.

На следующий день мы собрали собрание старых большевиков Московской организации, в том числе и некоторых наркомов, членов коллегии, профсоюзов и других руководящих работников. «ЦК, — сказал я, — призывает старых большевиков ринуться в борьбу за Ленинизм против троцкизма, с которым они славно боролись под руководством Ленина в дореволюционное время и в прежних дискуссиях — и победили его». Выступившие старые большевики упрекали МК, почему он не собрал их раньше и не

мобилизовал, не организовал их на борьбу с Троцким и троцкизмом. Особенно остро и по-большевистски воинственно выступили товарищи Владимирский, Скворцов-Степанов, Литвин-Седой, Шкирятов, Сольц и другие.

Мы распределили старых большевиков по районам и ячейкам, но часть из них, в том числе и упомянутых, оставили в распоряжении МК, как они сами выразились, как ударную боевую силу для направления каждый раз по потребности в те или иные пункты идейной борьбы с троцкистами. Можно без преувеличения сказать, что старые большевики оказали неоценимую помощь партии, ЦК и МК в разгроме троцкистов в Московской организации.

Большое значение и влияние на ход дискуссии в Москве и всей партии на идейный разгром троцкистов имел доклад тов. Сталина «О задачах партии» на расширенном заседании Краснопресненского районного комитета партии с участием бюро ячеек, членов дискуссионного клуба и других. Этот глубокий, самокритичный, спокойно-уверенный доклад Генерального секретаря ЦК партии произвел колоссальное впечатление и, можно сказать, совершил поворот в настроениях актива не только Красной Пресни, но и всей Москвы, и всей партии.

Этот поворот еще более развился после опубликования резолюции Политбюро ЦК и Президиума ЦКК «О внутрипартийном строительстве». Ее составила комиссия Политбюро, изучившая большой материал с мест, который представляли в комиссию местные партийные организации и Организационно-инструкторский отдел ЦК. Можно без преувеличения сказать, что резолюция ЦК, опубликованная 5 декабря, была воспринята всей партией с большим удовлетворением и полным одобрением. Даже организации, в которых были колебания в сторону троцкистов, а тем более те ячейки в Москве, которые были настроены троцкистски, даже они вынуждены были соглашаться с правильностью резолюции ЦК. Единственное, что троцкисты вначале добавляли критическое — это почему так поздно ЦК выступил с резолюцией? Почему в ЦК прижимают Троцкого? и тому подобное, а по существу новых дополнительных положений не выдвигалось, и положение в Московской организации уже в первые два-три дня после опубликования резолюции улучшалось, быстрыми темпами шло сплочение всей организации вокруг ЦК.

Но, видимо, это обеспокоило троцкистов, и тут-то им на помощь пришел сам Троцкий со своим письмом «К партийным совещаниям», опубликованным потом в «Правде». Это было гру-

бым нарушением элементарных основ партийного коллективизма Троцким, который голосовал за резолюцию Политбюро, а через два дня выступил с указанным письмом. Письмо это, выражая на словах согласие с резолюцией ЦК, фактически подрывает резолюцию ЦК, да и сам факт рассылки этого письма по районам Москвы и в местные организации есть подрыв элементарной партийной дисциплины и проявление крайней фракционности. Получив это письмо Троцкого, оппозиционеры вновь воспрянули, активизировались в районах Москвы и в других организациях партии, и дискуссия приняла еще более острый характер, на что и рассчитывали Троцкий и троцкисты.

Об этом новом обострении борьбы в ячейках Москвы я доложил Секретариату ЦК и лично тов. Сталину. Вновь был вызван тов. Зеленский. Я доложил о принимаемых мерах и тут же предложил собрать пропагандистов Москвы, нуждающихся в подкреплении после письма Троцкого. Я просил, чтобы кто-либо из секретарей ЦК выступил на этом собрании. Тов. Сталин резко сказал: «А вы для чего нами посланы? Вы и выступите». Так и решили. Перед выступлением я получил советы тов. Сталина, а также товарищей Молотова и Куйбышева. Сложность этого моего выступления заключалась в том, что, наряду с общим разъяснением резолюции ЦК и критики письма Троцкого, необходимо было давать конкретные ответы на вопросы, вызывающие сомнения, недоумения и даже колебания, чтобы отбивать злостные наскоки оппозиционеров. Некоторые ответы я соединил с общим докладом, а по некоторым давал ответы отдельно, особенно я ориентировался в этих ответах на низовых большевистских пропагандистов, которые гневно и умело били троцкистов, но которым не хватало знаний для обоснования антипартийности и фракционности троцкистов.

Благодаря усилиям ЦК, МК весь актив Московской организации поднялся с новыми силами на борьбу с оппозицией. Можно сказать, что в течение десяти дней шел напряженный, беспрерывный идейный, глубоко принципиальный бой между троцкизмом и Ленинизмом. В Москве почти не осталось рабочих ячеек, в которых троцкисты имели бы большинство или просто солидную группу. Большинство вузовских, военных и Советских ячеек отвернулось от троцкистов.

11 декабря 1923 года состоялся актив Московской организации, на котором с замечательной речью выступил Калинин. 14 декабря состоялся Пленум МК РКП(б). Как и на активе, Пленум провалил троцкистов, отклонив их домогательства, и одобрил линию Центрального Комитета партии.

Именно так, собственно, и шла борьба с оппозицией во всех организациях партии.

Выделялась как ведущая Петроградская организация большевиков, которая уже в начале дискуссии выступила с воззванием к партии дать отпор троцкизму. Оно имело большое влияние на ход борьбы в партии. К концу 1923 года не только передовые, но и имевшиеся в начале дискуссии колеблющиеся организации партии заняли Ленинскую позицию поддержки ЦК и решительного осуждения троцкизма.

Секретариат и Оргбюро ЦК заслушали сообщения, в том числе и Оргинструкторского отдела, о ходе дискуссии на местах и внесли предложение в Политбюро о созыве в середине января 1924 года конференции партии, собрав до конференции Пленум ЦК РКП(б).

Это был очень важный Пленум, потому что он подвел итоги борьбы с троцкизмом и предварительно рассмотрел вопросы XIII партконференции.

На этом Пленуме выступил ряд членов ЦК с мест, которые резко осудили Троцкого, Пятакова, Радека, Преображенского, Осинского, Сапронова и всю оппозицию за их антипартийную фракционную борьбу.

Троцкий на открывшейся 16 января XIII партконференции не присутствовал по мотивам болезни, но он, конечно, по-прежнему оставался руководителем всех ораторов от оппозиции, а они выступали на конференции по всем вопросам, защищая свою позицию, хотя и безуспешно.

По докладу Рыкова, защищавшего внесенную ЦК резолюцию «Об очередных задачах экономической политики», выступали самые видные оппозиционеры: Преображенский, Пятаков, В.Косиор, Радек, Сапронов, Смирнов и другие. По экономическим вопросам оппозиционеры пережевывали, правда с меньшим аппетитом, то, что они говорили во время дискуссии. Они отстаивали свою позицию высоких цен на промтовары, Пятаков — более широкое допущение иностранной «товарной интервенции», что якобы заставит внутренних частных торговцев снизить цены. Но делегаты конференции ему возражали, что такой наплыв товаров иностранных капиталистов ударит прежде всего по государственной социалистической промышленности и еще больше усугубит кризис сбыта. Тем более нелепа была позиция Пятакова, когда он в ответ на приведенный Рыковым приказ о максимальной прибыли, написанный Пятаковым, заявил на съезде, что и сегодня готов подписать такой приказ. Пятаков много говорил

о важности задачи управления государственными предприятиями и о плане, но, по существу, то правильное, что у него было, целиком заимствовано из резолюции ЦК, а его «привески» ничего серьезного из себя не представляли и даже извращали Ленинское понимание плана. Пятаков продолжал отстаивать свой лозунг максимальной прибыли, против лозунга ЦК об умеренной прибыли. Что касается разглагольствования оппозиционеров о борьбе социалистических и капиталистических тенденций в народном хозяйстве, то это звучит «лево», но на деле, как правильно указывали делегаты, в частности Молотов, все их мотивировки и предложения показывают, что за этими левыми фразами торчат мелкобуржуазные уши, как это мы видели не раз у так называемых «левых коммунистов». Поражение оппозиции было до того очевидным, что Пятаков в конце своего второго слова заявил, что он достаточно опытный человек и знает, что его предложения конференцией не будут приняты. Конференция реагировала на эту его «догадливость» смехом. Резолюция ЦК «Об очередных задачах экономической политики» была принята конференцией единогласно.

В центре работы конференции был, конечно, вопрос о партстроительстве и итогах дискуссии, доклад по которому сделал тов. Сталин. Докладчик с самого начала заявил, что он не намерен начинать с истории дискуссии, так как это вносит элементы склоки и взаимных обвинений, а прежде всего хочет подчеркнуть, что партия встретила резолюцию Политбюро о демократии с единодушным одобрением.

Тов. Сталин в своем докладе говорил о двух условиях, обеспечивающих нормальное развитие внутрипартийной демократии: это, во-первых, развитие индустрии, улучшение материального положения рабочего класса, его количественный и качественный рост и, разумеется, соответственный рост авангарда рабочего класса — партии, прежде всего за счет пролетарских элементов. И, во-вторых, условия внешнего характера, обеспечивающие мир, мирное развитие, без чего в партии демократия немыслима. Далее тов. Сталин говорил о внутренних препятствиях, которые необходимо преодолеть для развития демократии, — это прежде всего пережитки старого военного периода, когда у нас партия была милитаризована, и наличие давления бюрократического государственного аппарата на аппарат партийный.

Тов. Сталин указал далее на третье препятствие для развития демократии — это низкий культурный уровень целого ряда организаций, ячеек, особенно на окраинах. Необходимо знать

и помнить эти препятствия и обязательно их преодолеть, для того чтобы честно и до конца провести внутрипартийную демократию.

Далее тов. Сталин, на основании поручения Политбюро, огласил пункт резолюции X съезда, принятый по предложению тов. Ленина, который тогда не подлежал оглашению. «Этот пункт, — говорил тов. Сталин, — остававшийся до сих пор в секрете, должен стать явным и найти место в той резолюции, которую мы примем по вопросу об итогах дискуссии. Он гласит: «Чтобы осуществить строгую дисциплину внутри партии и во всей Советской работе и добиться наибольшего единства при устранении всякой фракционности, съезд дает ЦК полномочия применять в случае (-ях) нарушения дисциплины или возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий, вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам ЦК — перевод их в кандидаты и даже, как крайнюю меру, исключение из партии. Условием применения (к членам ЦК, кандидатам ЦК и членам Контрольной Комиссии) такой крайней меры должен быть созыв Пленума ЦК с приглашением всех кандидатов ЦК и всех членов Контрольной Комиссии. Если такое общее собрание наиболее ответственных руководителей партии двумя третями голосов признает необходимым перевод члена ЦК в кандидаты или исключение из партии, то такая мера должна быть осуществляема немедленно».

В своем докладе тов. Сталин не просто подвел итоги дискуссии, а дал ряд важнейших теоретических и практических выводов, послуживших орудием дальнейшего укрепления монолитности и единства партии.

По докладу тов. Сталина выступили от оппозиции Преображенский, Радек, Сапронов, Врачев. Против оппозиции выступили тт. Ярославский, Лакшевич, Тарханов, Кубяк, Рындин и др. Выступления оппозиционеров были, конечно, не те, которые мы слышали во время дискуссии. Преображенский возражал против напоминания и оживления приведенного пункта резолюции X съезда. Закончил он свою речь тем, что предложил выполнять резолюцию от 5 декабря, осудив методы борьбы, проявленные во время дискуссии. Однако по существу своих идей он, как и другие выступавшие оппозиционеры, показал, что в смягченном виде отстаивает свои позиции и не складывает оружие борьбы с партией. Поэтому, как ни сладок и певуч был голос Преображенского (он, надо сказать, внешне выглядел мягким, можно сказать, «блаженным»), он не смягчил души делегатов конференции, которые еди-

нодушно приняли резолюции о партстроительстве, об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии.

Можно без преувеличения сказать, что эта Всесоюзная конференция сыграла гигантскую роль в закреплении победы Ленинизма в дискуссии с троцкизмом и во всей дальнейшей работе партии по подготовке XIII съезда партии и после него — в укреплении единства партии и гигантского роста ее рядов за счет вступления рабочих от станка и воспитания их на основе победившего Ленинизма.

Мне посчастливилось в 1923 году работать в непосредственной близости к Центральному Комитету нашей партии и вновь и вновь учиться великой идейности, принципиальности в борьбе именно за Ленинскую партию, учиться организаторскому искусству у членов Политбюро, Оргбюро, и особенно в каждодневном соприкосновении с секретарями ЦК и его Генеральным секретарем ЦК товарищем Сталиным Иосифом Виссарионовичем. Во всяком, даже самом лучшем оркестре нужен дирижер. И я со всей объективностью могу сказать, что в этом большевистском квалифицированном оркестре уже тогда проявился талантливый дирижер — товарищ Сталин. Я видел и каждодневно ощущал, как он, уделяя малейшему факту свое внимание, не впадал в панику, не допускал суетливости, шараханья из стороны в сторону ни в решениях, ни в действиях, а уверенно, вдумчиво излагал свою точку зрения на то или иное решение и мероприятие и после обсуждения в коллективе твердо и неуклонно проводил в жизнь принятое решение и намеченные меры. Он произносил меньше, чем другие, речей, но зато когда уж говорил, то определенно, четко, чеканно и ясно формулировал свою точку зрения и предложения. И именно поэтому даже тогда, когда в Политбюро и Оргбюро были такие авторитетные для того времени члены, как Зиновьев, Каменев, Калинин, Рыков, Томский, Бухарин, Дзержинский, Молотов, Куйбышев и другие, я не помню случая, когда бы серьезные предложения Сталина не принимались, тем более что, выслушав те или иные замечания и сомнения, Сталин проявлял гибкость и часто сам видоизменял свои предложения.

Можно сказать, что именно с этой идейной исходной позиции в этой дискуссии — борьбы за Ленинизм начинает разворачиваться величие Сталина как будущего вождя партии. Его беспредельная идейная верность Ленину, как он не раз повторял, — своему учителю, его беззаветность и непреклонность в борьбе с врагами Ленинизма, несмотря на клеветнические нападки на него, вызы-

вали уже в тот период глубокие симпатии, глубокое уважение к нему со стороны Ленинцев — активистов партии, в том числе и у меня, непосредственно работавшего под его руководством, наблюдавшим и каждодневно ощущавшего его идейность, беззаветность, бесстрашие и самоотверженность в борьбе за Ленинскую партию.

СМЕРТЬ ЛЕНИНА. ВОСПИТАНИЕ ЛЕНИНСКОГО ПРИЗЫВА

21 января 1924 года умер Великий человек мира. Тяжкое бедствие обрушилось на партию, рабочий класс и всех трудящихся нашей страны и всего мира.

Невозможно передать переживания, горечь, страдания, охватившие всех партийных и беспартийных людей. Все были потрясены — и молодые, и старые.

Я видел старейших большевиков — Ленинское руководящее ядро партии, членов и кандидатов ЦК и ЦКК РКП, когда мы собрались в два часа ночи на заседание Пленума ЦК и ЦКК в связи со смертью Ильича — какие страдальческие лица, глаза, красные от слез. Сосредоточенно заседали до рассвета — разрабатывали и принимали обращение от Центрального Комитета «К партии. Ко всем трудящимся».

Во вторник 22 января все члены Центрального Комитета и ЦКК поехали в Горки. В оставшиеся часы до отъезда они посещали заводы Москвы. Рабочая Москва была в глубоком трауре, чувство горя, тяжелые переживания охватили миллионы трудящихся не только Москвы, но и всей страны.

Рано утром 22-го я поехал в свою ячейку на кожевенный завод «Красный Поставщик» Замоскворецкого района. Там увидел душераздирающую картину: рабочие, особенно работницы, буквально рыдали, только и слышно было вслух произносимые слова: «Что будет? Как жить будем без Ленина?»

На открытом собрании ячейки выступали рабочие, призывали ответить партии на великую потерю вступлением в ее ряды, лучшей работой, сплочением вокруг ЦК и правительства, чтобы враги почувствовали и видели, что Советская власть крепка, а союз рабочих и крестьян нерушим.

Собрание послало соболезнование ЦК РКП(б), Надежде Константиновне Крупской и Марии Ильиничне Ульяновой. В принятой резолюции рабочие, коммунисты и беспартийные, поклялись

еще теснее сплотиться вокруг РКП(б). «Ленин будет вечно жить среди нас, — писали рабочие, — его учение навсегда останется светочем в борьбе за коммунизм!»

После этого было созвано общее собрание рабочих в количестве двух тысяч человек. Тут же на собрании передовые беспартийные рабочие начали заявлять о своем вступлении в партию. Рабочие «Красного Поставщика» постановили отчислить от заработка деньги на венок и на библиотеку имени Ленина.

В тот же день, 22-го, члены и кандидаты ЦК и ЦКК выехали в Горки. От станции до Горок четыре километра, саней на всех не хватило, и мы, помоложе, пошли пешком, большой мороз помогал двигаться быстрее, и мы, пешие, прибыли в Горки почти в одно время с ехавшими на санях.

Ленин лежал на столе в большой комнате с открытым балконом, кругом цветы и сосновые ветки. Вначале все мы постояли вокруг Ленина, потом был организован почетный караул из членов ЦК и ЦКК.

23 января рано утром приготовились к выносу тела Ленина из Горок для следования в Москву. Из дома Ленина выносили члены Политбюро, Надежда Константиновна, Мария Ильинична, потом до железнодорожной станции несли по очереди члены и кандидаты ЦК и ЦКК, старые большевики — делегаты II съезда Советов и прибывшие делегации рабочих и крестьян.

Вдоль санной дороги до станции, как и на самой станции, много крестьян, крестьянок, железнодорожников, рабочих и подростков. На Павелецком вокзале, когда привезли тело Ленина, было полно рабочих и работниц Москвы, по всему пути до Дома Союзов, особенно на Пятницкой улице, стояло, несмотря на большой мороз, много рабочих и граждан, их дети, многие из них навзрыд плакали.

В течение нескольких дней шел беспрерывный поток людей, не только москвичей, но и из многих других городов и районов страны, национальных республик.

В день похорон, 27 января, был 26-градусный мороз, но все мы и сотни тысяч рабочих не чувствовали этого мороза, все стремились попасть на площадь или хотя бы в ее окружность, чтобы потом получить возможность пройти мимо Мавзолея. В исключительно короткий срок был спроектирован и сооружен Мавзолей.

Перед внесением гроба Ленина в Мавзолей многотысячная масса людей обнажила головы и пела «Вы жертвою пали», а потом — мертвая тишина, потрясшая душу всех нас — от рабочих, крестьян и красноармейцев до руководителей партии и правительства.

Заседавший в это время в Москве II Всесоюзный съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов посвятил специальное заседание памяти Ильича — организатора Советского государства, на котором выступили руководители партии и правительства, представители Коминтерна и Надежда Константиновна Крупская.

Какую могучую Ленинскую силу проявила соратник и друг Ленина Надежда Константиновна при произнесении своей речи! Она показала всем достойный пример, как большевик должен переносить горе. «В эти дни, — сказала она, — когда я стояла у гроба Владимира Ильича, я передумывала всю его жизнь, и вот что я хочу сказать вам. Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным. Никогда этого он не говорил сам, да и я бы, вероятно, не сказала в другую, менее торжественную минуту. Я говорю об этом потому, что это чувство он получил в наследие от русского героического революционного движения. Это чувство заставило его страстно, горячо искать ответа на вопрос: каковы должны быть пути освобождения трудящихся? Ответ на свои вопросы он получил у Маркса. Не как книжник подошел он к Марксу. Он подошел к Марксу как человек, ищущий ответы на мучительные настоятельные вопросы. И он нашел там эти ответы. С ними пошел он к рабочим... Мы вот теперь много говорим о смычке между рабочими и крестьянами... Только как вождь всех трудящихся рабочий класс может победить. Это понял Владимир Ильич, когда он работал среди питерских рабочих. И эта мысль, эта идея освещала всю дальнейшую его деятельность, каждый его шаг. Он хотел власти для рабочего класса. Он понимал, что рабочему классу нужна эта власть не для того, чтобы строить себе сладкое житье за счет других трудящихся; он понимал, что историческая задача рабочего класса — освободить угнетенных, освободить всех трудящихся. Это основная идея наложила отпечаток на всю деятельность Владимира Ильича». Замечательным призывом завершает свою речь Надежда Константиновна: «К вам обращаюсь я и прошу эту идею Владимира Ильича особенно близко принять к сердцу...»

Речи всех других выступавших были проникнуты глубочайшим уважением к Ленину, все призывали идти по его пути. Из всех выступлений выделилась речь Сталина. Она была короче других, тоже душевных и содержательных речей, но она отличалась тем, что Сталин дал ответ не только на вопрос, кем был Великий Ленин, чем он дорог массам трудящихся и партии. Он, как Генеральный секретарь ЦК партии, сосредоточил в этот тяжкий

час внимание на задачах партии, Советов и народа, на том, чтобы достойно продолжить дело Ленина и добиться полной победы Ленинизма. Сталин не только призывал, но от имени ЦК партии дал клятву верности Ленину и Ленинизму, и вместе с ним давали клятву делегаты II съезда Советов, все коммунисты и беспартийные трудящиеся массы Советского народа.

В дни траура был объявлен Ленинский призыв в партию. Уже в тот период появилось увлечение количественной стороной роста партии не только в местных организациях, но и у некоторых в центре. Зиновьев, например, выдвинул лозунг: добиться ускоренного доведения числа членов партии до одного миллиона, из которых должно быть 900 тысяч рабочих от станка. Прежде всего надо сказать, что это было тогда явно нереально: мы в партии имели тогда около 300 тысяч рабочих от станка. Это значит, что мы должны были принять еще 600 тысяч рабочих от станка — это была задача не месяцев. Кроме того, если иметь из одного миллиона членов партии 900 тысяч, то есть 90 процентов рабочих от станка, то это означало иметь в партии только 100 тысяч всех остальных категорий: крестьян, красноармейцев, служащих, учащихся и так далее, а мы летом 1924 года уже имели в партии более 300 тысяч из этих категорий, это означало, что если принимать предложение Зиновьева и других, то надо было бы автоматически исключать из партии около 300 тысяч коммунистов. Между тем XIII съезд партии, наряду с задачей дальнейшей вербовки в партию рабочих от станка, дал указания о приеме в партию не только рабочих, но и крестьян, красноармейцев, служащих, учащихся, строго соблюдая все условия, установленные Уставом партии. Это значит, что речь шла не об исключении около 300 тысяч, как это вышло бы по предложению Зиновьева, а о приеме передовых крестьян и других нерабочих элементов в партию.

Совершенно ясно, что XIII съезд не мог принять и не принял такое предложение, истинная антипартийная сущность которого раскрылась в 1925 году, когда так называемая «Ленинградская оппозиция» выступила во главе с Зиновьевым и Каменевым со своей оппозиционной платформой. Однако еще до этого партия раскрыла неправильность, неленинский характер таких предложений. Это особенно глубоко сделал Сталин в своем докладе на Московском активе «Об итогах XIII съезда РКП(б)», не полемизируя, однако, в интересах единства, напрямую с Зиновьевым и другими.

XIII съезд партии не принял имевшиеся предложения о про-

длении кампании Ленинского призыва, а объявил эту кампанию законченной, с тем чтобы партия перешла к нормальной организационно-пропагандистской работе по дальнейшему вовлечению рабочих от станка и лучших элементов из революционных крестьян в партию.

На первом заседании вновь избранного на XIII съезде Пленума ЦК РКП(б) вопрос о воспитании Ленинского призыва был предметом серьезного обсуждения.

Пленум ЦК поручил Организационному бюро ЦК обратить особое внимание на воспитание Ленинского призыва и создать специальную комиссию для организации этой работы. Оргбюро и Политбюро ЦК утвердили комиссию по политическому воспитанию Ленинского призыва, в которую вошли 15 членов и кандидатов ЦК и представителей крупнейших промышленных организаций: Московской, Ленинградской, Тверской, Тульской и других. В состав комиссии вошли тт. Сталин, Молотов, Каганович, Куйбышев, Калинин, Угланов, Догадов, Бубнов, Сырцов и другие, председателем комиссии был утвержден избранный после XIII съезда секретарем ЦК тов. Каганович Л.М. В половине июня 1924 года комиссия приступила к работе.

В споре о том, с чего начинать воспитание Ленинского призыва, нашла свое яркое выражение борьба Ленинизма за единство теории с практикой.

Сталин призывал давать отпор бюрократам-оппортунистам, оттягивающим вовлечение рабочих в практическую работу, и одновременно давать отпор оппозиционным элементам в партии и не допускать отклонения и тех партийцев-Ленинцев, которые недооценивают значение теории, ее изучение и обучение рабочих в партшколах Основам Ленинизма.

ЦК, его комиссия и аппарат ЦК наблюдали за тем, чтобы работа парторганизаций по вовлечению молодых членов партии Ленинского призыва в партийные, государственные, профсоюзные и другие общественные организации проводилась не от случая к случаю, не ударно-кампанейски, а планомерно и систематически.

В конце 1924 года при перевыборах бюро ячеек было избрано в новый состав бюро 20–25%, в ряде ячеек были избраны и секретари ячеек из новых членов партии Ленинского призыва, при этом в некоторых районах они же избирались и в руководящие районные органы. Еще больший процент избранных новых членов партии был в руководящих профсоюзных организациях, особенно в низовых и средних звеньях.

К концу 1924 года было вовлечено членов партии Ленинского призыва в общественную и государственную работу около 75% от всего их состава. (В некоторых местах даже перебарщивали в нагрузке их общественными обязанностями, так что ЦК приходилось вмешиваться.)

В 1924 году партия не только выросла количественно, но и окрепла качественно. Во внутрипартийной жизни это сказалось не только на организационной стороне работы, но и на ее идейном, политическом содержании.

Достаточно указать на то, что новая попытка Троцкого коренной ревизии основ Ленинизма в конце 1924 года в его знаменитом выступлении «Уроки Октября» встретила сразу же более единодушный и решительный отпор, чем в дискуссии 1923 года. Здесь сказался не только опыт идейной борьбы и победы над оппозицией в 1923 году, но и, несомненно, отразилось укрепление партии за счет рабочих Ленинского призыва, поднятых партией, ее ЦК на уровень сознательных партийных борцов за Марксизм-Ленинизм!

На этой основе разворачивался новый призыв рабочих в партию. Ленинский призыв слился с общей массой новых вступающих членов и кандидатов партии. Между прочим, поэтому и наша комиссия перестала именоваться комиссией по воспитанию Ленинского призыва и стала называться «Комиссией ЦК по работе среди вступивших и вновь вступающих в партию рабочих». В таком именно качестве, с такими функциями мы работали до апреля 1925 года.

В апреле на состоявшемся Пленуме ЦК был заслушан доклад председателя комиссии тов. Кагановича Л.М. о проделанной работе. Пленум ЦК одобрил работу комиссии и постановил считать ее работу законченной. С апреля я уже начал работать в качестве Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии (большевиков) Украины.

XIII СЪЕЗД ПАРТИИ. «ЗАВЕЩАНИЕ» ЛЕНИНА

Съезд заслушал доклад генерального секретаря ЦК тов. Сталина и рассмотрел вопросы: о работе в деревне, о внутренней торговле и кооперации, о работе контрольных комиссий, об очередных задачах партийного строительства, о работе съезда молодежи, о работе среди работниц и крестьянок и другие. Мне, конечно, до-

велось принимать участие в разработке проектов: о работе в деревне, о работе среди молодежи, о работе среди работниц и крестьянок, но, естественно, я принимал наиболее активное участие в разработке решения по вопросу «Об очередных задачах партийного строительства».

Поскольку партийное строительство неразрывно связано с общеэкономической и политической обстановкой в стране и с состоянием партии, постановление съезда, как и доклад, начинается с наметившегося экономического подъема страны и соответствующего ему политического подъема, прежде всего в рабочем классе, среди деревенской бедноты и передовых середняков-крестьян в деревне. С другой стороны, шел неизбежный в условиях НЭПа процесс укрепления буржуазных и мелкобуржуазных слоев.

Партия, указал съезд, должна учитывать рост активности кулачества в деревне и нэпманов в городе. Это тем более важно и необходимо, что сказывается на партии, куда проникли мелкобуржуазные настроения.

Вступление в партию по Ленинскому призыву более 200 тысяч рабочих привело к значительному обновлению ее состава. Съезд особо подчеркнул важность и неотложность выдержанного коммунистического воспитания вступивших в партию и всей партийной молодежи, которые укрепят и обновят кадры нашей партии и государственного аппарата. Нельзя откладывать привлечение рабочих, вступивших в партию, на практическую государственную работу. Подчеркнув еще раз задачу вовлечения рабочих от станка в партию, съезд указал, что необходимо в то же время организовать прием в партию передовых крестьян-землепашцев, красноармейцев, учащуюся молодежь, а также хорошо зарекомендовавших себя служащих, строго соблюдая при этом установленный Уставом партии порядок и правила, с некоторым облегчением для крестьян, батраков в восточных нацреспубликах.

XIII съезд партии избрал новый состав ЦК, расширив его за счет ввода новых молодых сил партии. При обсуждении состава ЦК по делегациям было зачитано и обсуждено письмо Ленина к съезду, вошедшее в партию как составная часть завещания Ленина.

В «Письме к съезду» Ленин, начав с вопроса об увеличении числа членов ЦК, пишет, что такая вещь нужна для поднятия авторитета ЦК, и для серьезной работы по улучшению нашего аппарата, и для предотвращений того, чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии. Ленин связывал эту реформу с окружающими

Советский Союз враждебными ему государствами. «Такая реформа, — пишет он, — значительно увеличила бы прочность нашей партии и облегчила бы для нее борьбу среди враждебных государств, которая, по моему мнению, может и должна сильно обостриться в ближайшие годы. Мне думается, что устойчивость нашей партии благодаря такой мере выиграла бы в тысячу раз». Партия полностью осуществила это предложение Ленина: на XIII съезде было избрано 55 членов ЦК и 35 кандидатов, среди которых много рабочих, в ЦКК избрано 150 членов, среди которых большинство рабочих.

Далее Ленин во второй части «Письма к съезду» пишет: «Под устойчивостью Центрального Комитета, о которой я говорил выше, я разумею меры против раскола, поскольку такие меры вообще могут быть приняты. Я думаю, что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК до 50, до 100 человек». Таким образом, во-первых, Ленин высоко ставил Сталина как одного из двух главных членов ЦК. И, во-вторых, факты истории партии показывают, что именно Троцкий был застрельщиком и непримиримым инициатором атак на партию, на ЦК и на Сталина, который тогда лишь в порядке обороны вынужден был возглавить контратаку на Троцкого и силами партии разгромить троцкизм, выступавший против Ленинизма. Это, между прочим, не ново, так как и при Ленине Троцкий выскакивал вперед со своими антипартийными мелкобуржуазными атаками на партию, на Ленина. Так было не только до революции, когда он был меньшевиком, но и после революции, когда он уже был членом Политбюро ЦК. Так было, например, в период профсоюзной дискуссии, когда он поставил партию в критическое положение, и только благодаря великой самоотверженности Ленина удалось преодолеть кризис партии.

Ленин далее, характеризуя Сталина и Троцкого, пишет: «Товарищ Сталин, сделавшись Генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, товарищ Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрез-

мерным увлечением чисто административной стороной дела. Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно». Этот раскол не наступил только потому, что партия, сплотившись вокруг ЦК, своевременно раскрыла небольшевистские приемы и маневры фракционной борьбы Троцкого с партией и Ленинизмом и разгромила троцкизм. В этой борьбе Сталин занял по праву ведущее место. Ленин в том же письме предупреждал партию и о небольшевизме Троцкого. «Я, — пишет Ленин, — не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не является случайностью, но что он так же мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому».

Таким образом, Зиновьев и Каменев совершили октябрьскую ошибку не случайно, а Троцкий не большевик и небольшевизм Троцкого, причем сказано это обобщающе, относится как к прошлому, так и к настоящему, и надо понимать это как явление устойчивое у Троцкого. В то же время в оценке Сталина нет ни слова о каких-либо его принципиальных отступлениях от большевизма. Ленин считает Сталина твердым большевиком, но есть у Ленина по отношению к Сталину добавление к письму от 24 декабря 1922 года. «Сталин, — пишет Ленин, — слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности Генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от товарища Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д.». Хотя и здесь, в добавлении, нет никаких обвинений принципиально-политического характера и Сталин рассматривается Лениным как один из двух самых выдающихся вождей современного ЦК, но критика в адрес Сталина, конечно, весьма серьезна, поэтому все мы, делегаты съезда, отнеслись к ней со всей серьезностью. Я это знаю не только как делегат съезда, но и как работник ЦК, который был связан с делегациями. Но когда письмо Ленина оглашалось и обсуждалось на делегациях, товарищи, при всей своей любви, уважении и верности Ленину, прежде всего ставили вопрос: а можно ли найти такого человека, который обладал бы, как пишет сам Ленин, все-

ми качествами Сталина и отличался бы лишь одним перевесом — более терпим, лоялен, вежлив и т.д. Если бы Ленин был уверен, что это легко сделать, то есть найти замену одному из двух самых выдающихся членов ЦК, он со свойственной ему прямотой просто предложил бы снять Сталина и выдвинуть такого-то, а он написал осторожно или, может быть, условно: «предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места». Известно, как Ленин, критикуя, часто очень резко, воспитывал кадры, в том числе своих ближайших помощников, рассчитывая на их исправление. Можно думать, что Ленин и здесь, ставя так вопрос, рассчитывал на исправление Сталиным своих недостатков. И надо сказать, что Сталин во время XIII съезда обещал, что он учтет критику своего учителя Ленина и ликвидирует указанные им недостатки. Мы, работавшие вместе со Сталиным, можем сказать, что непосредственно после XIII съезда Сталин особенно соблюдал коллегиальность в работе, лояльность и вежливость, как этого требовал Ленин.

Все делегаты съезда, как и вся партия, видели и знали, что Сталин играл ведущую роль в Ленинском ядре ЦК, в борьбе с фракционно-раскольнической атакой троцкизма, «Рабочей оппозицией» и других оппозиционных групп на партию, на Ленинизм. Сталин проявил в этой борьбе мужество, теоретическую и политическую прозорливость, ленинскую настойчивость и непримиримость. Заслуживает быть особенно отмеченным, что Сталин, как и другие Ленинцы, проявил исключительно большое терпение к вождям оппозиции, в том числе лично к Троцкому, точно так же потом к Зиновьеву и Каменеву. Достаточно изучить факты: сколько раз ЦК их предупреждал и терпел их выходки, оставляя их в составе ЦК и Политбюро в течение нескольких лет их антипартийной работы. И только когда они в 1927 году устроили в Москве свою антисоветскую демонстрацию в дни празднования 10-летия Октябрьской революции, ЦК окончательно принял более решительные меры. Сталин, будучи Генеральным секретарем ЦК, организовал кадры партии для выполнения решений ЦК и его Политбюро и тем самым оказал решающую помощь партии в преодолении опаснейшего кризиса в партии, вызванного троцкистами. Тем самым партия обеспечила свое единство и укрепила союз рабочих и крестьян, тем самым партия укрепила внешнеполитическое положение СССР в его борьбе против империалистов, все еще добивавшихся реставрации капитализма в СССР.

Делегаты съезда партии, отражая настроения членов партии,

говорили, что смещение Сталина может принести вред окрепшему внутреннему и внешнему положению партии и всего СССР.

Они говорили, что Сталин, который и при Ленине был авторитетным членом Политбюро ЦК, за короткий срок своей деятельности в отсутствие Ленина по болезни и после его кончины завоевал еще больший авторитет в партии и в стране, и они в данное время не видят в ЦК другого человека, который мог бы заменить Сталина. Делегаты съезда выражали уверенность, что Сталин, конечно, учтет указания Ленина и будет достойным Генеральным секретарем ЦК. Поэтому делегаты XIII съезда, а затем и Пленум ЦК высказались за избрание Сталина вновь Генеральным секретарем ЦК.

Даже Троцкий не возражал против этого, тем более Зиновьев и Каменев поддержали такое именно решение и голосовали за него.

Большая работа была проделана Центральным Комитетом и его аппаратом, и прежде всего Оргинструкторским, а затем Организационно-распределительным отделом в 1923–1925 годах в связи с образованием ряда новых автономных республик: Бурят-Монгольской, Карельской, Чувашской, Молдавской, Северо-Осетинской и Ингушской областей, Нахичеванской АССР. Особая забота была проявлена о развитии народов Севера и Северо-Востока. В 1924 году при Президиуме ВЦИК был создан специальный «Комитет Севера».

Большое место в работе ЦК заняло размежевание Средней Азии. 12 июня 1924 года было принято Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О национальном размежевании республик Средней Азии — Туркестанской, Бухарской и Хорезмской». Это был очень острый и трудный вопрос, необходимо было установить образование и определить территорию вновь образуемых республик: Узбекской, Туркменской, Объединенной Казахской республики, Кара-Киргизской, а также для того времени Таджикской автономной области, а затем Киргизской республики. Нечего и говорить, что мне, как бывшему работнику Туркестана, пришлось принять наиболее активное участие в этой работе, хотя официально я старался не подчеркивать это, чтобы не проявить себя их особым шефом или полпредом, как полушутя меня предупредил тов. Сталин. Но представители всех национальностей приходили ко мне со своими сомнениями, спорами, которые я докладывал т. Сталину и которые он учитывал при окончательном решении вопросов, особенно о размежевании территорий и, в частности, в острых спорах между узбеками и казахами по вопросу о Ташкенте и Чимкенте. Каждый требовал себе Ташкент, а узбеки требовали

оставить им Ташкент и Чимкент. Вопрос был решен так, что Ташкент остался, конечно, в Узбекской ССР, а Чимкент — в Казахской. Не скрою, что некоторую роль в этом правильном решении ЦК сыграл и я.

В феврале 1925 года состоялись съезды Советов Узбекской и Туркменской ССР, которые оформили себя как Советские Социалистические государства и провозгласили свое добровольное желание вступить в Союз ССР. Таким образом, из бывших республик Туркестана, Бухары, Хорезма прежде всего государственно оформились Узбекская и Туркменская ССР и Таджикская АССР (вначале в составе Узбекской ССР), автономная область Киргизская в составе РСФСР и Кара-Калпакская в составе Казахской АССР.

На III Всесоюзном съезде Советов Узбекская и Туркменская ССР были приняты в Союз Советских Социалистических Республик.

ПРОТИВ ТРОЦКОГО И ТРОЦКИЗМА В 1924–1925 ГОДАХ

Уничтожение Октябрьской социалистической революцией капиталистического строя в России привело к развалу и разгрому идеологических выразителей этого строя — буржуазно-помещичьих партий и помогавших им мелкобуржуазных контрреволюционных партий эсеров и меньшевиков. Однако и те, и другие не полностью сошли со сцены борьбы. При помощи агентов иностранного империализма наиболее оголтелые из них вели подпольную подрывную работу против Советского социалистического строя, особенно в условиях новой экономической политики.

Из истории известно, что в первый период после Октябрьской революции Советское правительство диктатуры пролетариата не ликвидировало легальное существование этих горе-социалистических партий, они имели своих депутатов в Советах и в верховном органе Советского государства — ВЦИКе и даже выступали с речами против Советского правительства. Но полное и окончательное складывание этих партий эсеров и меньшевиков в белогвардейский и интервенционистский лагерь, их участие в колчаковском правительстве и контрреволюционных действиях привели эти некогда влиятельные партии к полному разложению и развалу, к полному отходу от них даже мелкобуржуазных масс, не говоря уже о рабочих. И тем не менее в условиях НЭПа возрождались

в том или ином виде эсерствующие и меньшевиствующие элементы, которые то под видом «беспартийных», то под видом «вольных» анархиствующих индивидуалистов, то под видом «лояльных» советских работников, имеющих-де право критики, то под видом «левого» крикуна, якобы просто недовольного НЭПом, и т.д., вели свою подрывную работу: явно — на собраниях и митингах и тайно — на заговорщических «вечерах».

Партия и Советская власть не допускали иллюзий и призывали членов партии к бдительности, памятуя, что смердящий труп поверженного врага может распространить свое зловоние и отравляющий яд на окружающих, опираясь на наших внутренних классовых врагов и внешних империалистов.

Дело борьбы с идеологическими уклонами, возникшими на почве экономических трудностей, и обнаруженными при этом недостатками в работе государственных, хозяйственных, кооперативных, партийных и профсоюзных органов не кончилось — на сцену выступил троцкизм как ведущая агрессивная сила. После не получивших широкого распространения злосчастных групп «Рабочая правда» и «Рабочая группа» в партии и в стране развернулась более широкая дискуссия. Произошло это, как известно, в 1923 году. Дискуссия охватила все организации нашей партии и приняла острые формы. Троцкистские противники партии и ЦК были сильнее указанных выше групп «Рабочая правда» и «Рабочая группа», имея своих представителей в ЦК и даже в Политбюро ЦК. Кроме того, троцкистский блок принял коварные методы борьбы: свои колючие, острые шипы и отравленные мелкобуржуазные стрелы, направленные против партии, ее ЦК и Ленинизма, троцкисты маскировали внешне приемлемыми положениями, жульнически взятыми из тезисов, резолюций ЦК — Политбюро, выдавая их за свои, и тем самым вводили в заблуждение некоторых честных членов партии.

Однако в результате этой внутрипартийной борьбы троцкистский блок потерпел полное поражение.

Нельзя думать, что так просто было достигнуть победы над троцкизмом. В то время Троцкий стоял на высокой вышке, главное в том, что его опорой были мелкобуржуазные элементы, поэтому он даже рассчитывал на победу, воспользовавшись болезнью Ленина. Поэтому, говоря о роли всего Центрального Комитета и старой Ленинской гвардии, сыгравшей решающую роль в развенчивании Троцкого и нанесении ему поражения, мы со всей объективностью, без преувеличения должны сказать, что в этой победе достойная большая заслуга принадлежит Сталину, кото-

рый, как Генеральный секретарь ЦК, не только организовал успешную контратаку против троцкизма, но и проявил себя как теоретик партии, сумевший, опираясь на Маркса и Ленина, раскрыть всю фальшь теоретических построений Троцкого против Ленина и Ленинизма и разбить его вылазки.

После победы партии в дискуссии 1923 года, после резолюции XIII партконференции по докладу тов. Сталина «О партстроительстве» и «О мелкобуржуазном уклоне в партии» многим казалось, что троцкисты и другие оппозиционные элементы учтут эти решения и дадут партии и ЦК возможность сосредоточить все силы на выполнении всех поставленных перед партией задач: партийного, советского, хозяйственного социалистического строительства и дальнейшего улучшения положения рабочих и крестьянских масс.

Большие и нелегкие задачи встали и в области международной в связи с известной стабилизацией капитализма, поражением революционных выступлений рабочих, в особенности в Германии.

Состоявшийся в июне 1924 года V Конгресс Коминтерна поставил одной из главных задач большевизацию коммунистических партий капиталистических стран. V Конгресс специально заслушал доклад о дискуссии в РКП(б) и полностью одобрил решения XIII партконференции о мелкобуржуазном уклоне троцкизма. V Конгресс Коминтерна поддержал нашу партию и ЦК в борьбе за Ленинизм и за развитие социалистического строительства. Троцкий сделал для себя и своей фракции другие выводы: поскольку прямая его атака на линию партии и ЦК потерпела поражение, он, особенно в связи с решением V Конгресса о большевизации компартий, решил перейти в наступление на Ленинизм, так сказать, обходным движением, «хитрым» маневром, завуалированно — через якобы исторический экскурс об Октябрьской революции, назвав свое выступление «Уроки Октября». Но и самым этим названием, а еще более содержанием он раскрыл свою маскировку и показал, во-первых, что это по существу опять же была платформа борьбы троцкизма с большевизмом, во-вторых, что это была уже платформа борьбы не только в РКП(б), но и в других партиях Коминтерна. Таким образом, своими «Уроками Октября» Троцкий как бы говорил партиям Коминтерна: вам ставят задачу большевизации партий, так учитесь этой большевизации по моей платформе «Уроки Октября».

Замах большой — наступление на Ленина и Ленинизм, выдержавших немало настоящих сражений. Но меньшевистскому рыцарю «донкихотства» — море по колено, он вновь пустился в по-

ход. Хотя шпага у этого современного «донкихота» заржавелая, старинная — меньшевистская. Но наша партия и ЦК учли, что отравленная ржавчина может отравлять существование и развитие здорового организма, особенно при наличии в условиях НЭПа значительных болот, чащоб со всякого рода пресмыкающимися и зверьем, активно враждебными пролетарскому, партийному организму. Вот почему, когда была обнародована эта платформа — «Уроки Октября» в виде «невинного» вступления к книге «1917 год», наш Центральный Комитет, имеющий достаточный опыт борьбы с ревизионизмом, обратил на это серьезное внимание и развернул глубокую разъяснительную работу, борьбу по разоблачению этой новой вылазки троцкизма.

По этому вопросу выступила наша «Правда», все руководящие деятели нашей партии выступали на ячейках партии. Особенно глубокий и сильный удар по антимарксистской, антиленинской троцкистской теории «перманентной революции» нанес тов. Сталин в своей работе «Троцкизм и Ленинизм» (это была отредактированная речь на фракции ВЦСПС 19 ноября 1924 года).

Многим из нас, в том числе, конечно, и мне лично, пришлось выступать с докладами не в одной партийной ячейке. Особенно врезалось в мою память общее собрание коммунистов-студентов института имени Плеханова в Замоскворецком районе, где я по поручению Московского комитета и Замоскворецкого райкома партии, которым тогда руководила незабвенная Землячка, выступил с большим, обстоятельным докладом. Аудитория была переполнена, потому что на это собрание пришли и студенты-коммунисты из других вузов. Это собрание, как и другие, было напряженным. Были и реплики, и вопросики, и выступления троцкистски настроенных элементов. Против них выступили коммунисты-студенты, антитроцкисты-ленинцы. Мне запомнилось замечательное выступление молодого студента, будущего наркома металлургической промышленности Тевосяна. Собрание затянулось, и с заключительным словом мне пришлось уже выступать на следующий день. Вообще должен сказать, что как к этому, так и другим собраниям усиленно готовился к докладу, изучал исторические факты и уже имевшиеся выступления наших руководящих деятелей партии, мне очень помогло то, что я присутствовал 18 и 19 ноября 1924 года на фракции коммунистов ВЦСПС и слушал выступление тов. Сталина, а также Каменева.

На собрании пленума коммунистической фракции ВЦСПС

19 ноября 1924 года тов. Сталин начал свою речь прежде всего с фактов об Октябрьском восстании, опровергая многие легенды, направленные главным образом на то, чтобы доказать, будто бы в ЦК не было большинства, стоявшего за восстание, что грозил раскол и тому подобное. Все эти выдумки муссируются для того, чтобы вышло так, что «спасителем» положения был Троцкий.

Сталин решительно опроверг легенду об особой роли Троцкого в Октябрьской революции. «Я далек от того, — говорил Сталин, — чтобы отрицать несомненно важную роль Троцкого в восстании. Но должен сказать, что никакой особой роли в Октябрьском восстании Троцкий не играл и играть не мог, что, будучи председателем Петроградского Совета, он выполнял лишь волю соответствующих партийных инстанций, руководивших каждым шагом Троцкого».

Сталин признает, что Троцкий в период Октября хорошо дрался, но недурно дрались и такие люди, как левые эсеры. «Настоящим революционером является не тот, кто проявляет мужество в период победоносного восстания, но тот, кто умеет вместе с тем проявлять мужество в период отступления революции. Недурно дрались эсеры в период Октября, поддерживая большевиков. Но кому не известно, что эти «храбрые» бойцы ударились в панику в период Бреста. Крайне печально, что у Троцкого, хорошо дравшегося в период Октября, не хватило мужества в период Бреста, в период временных неудач революции, для того чтобы проявить достаточную стойкость в эту трудную минуту и не пойти по стопам левых эсеров... Революция не исчерпывается Октябрем. Октябрь есть лишь начало пролетарской революции. Плохо, если дрейфят при подымающемся восстании. Еще хуже, если дрейфят при тяжелых испытаниях революции, после взятия власти. Удержание власти на другой день революции не менее важно, чем взятие власти».

Сейчас не приходится доказывать всю трагичность и остроту положения молодого Советского государства в период Бреста — решалась его судьба, если бы тогда Ленин не настоял на заключении мира, хотя и тяжелого, но необходимого для измученной войной страны.

Но в критический момент Троцкий выступил против Ленина и поддержал «левых коммунистов», шедших вместе с левыми эсерами против Брестского мира.

Партия и Ленин, вопреки болтовне о жестоком «Ленинском режиме», не только не дезавуировали Троцкого, но дали ему но-

вый высокий пост наркома по военным делам, помогали ему в его положительной деятельности, создавая ему авторитет и в то же время поправляя его серьезные ошибки, особенно по Южному и Восточному фронтам.

Это показывало, насколько Ленин и партия проявляли свое объективно-политическое, партийное и в то же время общетерпимое отношение к Троцкому. Но Троцкий ответил на это, можно сказать, мягкое, благородное отношение тем, что он начал вновь свои выступления против партии и Ленина.

В условиях новых, больших и трудных дел и задач, связанных с новым этапом завершения гражданской войны, новыми трудностями, нашедшими свое крайнее выражение в таких событиях, как Кронштадт, Троцкий навязал партии дискуссию о профсоюзах, рассчитывая на поддержку военных кадров и разношерстных групп оппозиционеров. Результаты известны: Ленин и ЦК вынуждены были ринуться в эту дискуссию, со всей Ленинской теоретической и партийно-политической силой и остротой вскрывая меньшевистско-мелкобуржуазную и анархо-синдикалистскую сущность троцкистского блока, и, получив поддержку громадного большинства актива и всей партии, разбили троцкизм и его союзников.

Казалось бы, теперь Троцкому, обладающему широким кругозором, будучи членом высшего руководящего органа партии — Политбюро, можно и нужно было бы впрягтись вместе со всеми членами Политбюро в общую колесницу, нелегкую колесницу строительства социализма и реализовать, не в красивых фразах, а в деловой работе, свои недюжинные способности, в которых ему никто не отказывает.

Но Троцкий поступил иначе. Воспользовавшись тяжелой болезнью нашего любимого вождя Ленина, приковавшей его к постели, Троцкий решил бороться за руководство в партии, и, вероятно, не столько для личной карьеры, сколько для реализации своих неизменных, а временами лишь припрятанных старых взглядов троцкизма.

Троцкий и его последователи выбрали момент известных затруднений в летний период 1923 года и вновь выступили против партии, направляя главный удар по ее Центральному Комитету и по старой Ленинской гвардии. Они демагогически, извращая факты, преувеличивая опасность и трудности, голословно утверждали, что ЦК будто ведет страну к гибели. Нам, старым большевикам, этот троцкистско-меньшевистский метод давно известен: троцкизм всегда отличался тем, что он в период подъема бе-

жит впереди, кричит «ура», чтобы выглядеть храбрее всех, а в трудные моменты он тоже бежит впереди, но назад, панически кричит «караул, погибаем, спасите». И тут же появляется спаситель — Троцкий, который предлагает свои знахарские оппортунистические рецепты.

И в 1923 году, когда Троцкий и его сподвижники развернули новую дискуссию, подкрепленную «спекулятивным» «Новым курсом» Троцкого, партия, ЦК идейно разбили наголову весь блок троцкистской оппозиции.

ЦК показал, как Троцкий, используя свои старые методы, взял решение ЦК о внутрипартийной демократии и оживлении партийной жизни и выдал все положительное за свое «изобретение», добавив в бочку меда свою троцкистскую ложку (да не одну) дегтя, например свободу фракционных группировок, выпады против старых Ленинских кадров партии, способных, мол, к перерождению, противопоставление молодежи старикам и так далее. Весь ход этой новой дискуссии известен — результат тот же: Троцкий и его блок партией разбит.

Разбитый в открытом бою в 1923 году, Троцкий переходит в 1924 году к методу «тихого», «легального», обходного, но более глубокого наступления на Ленинизм. Это нашло свое выражение в новой дискуссии об «Уроках Октября». Таким образом, за время пребывания в нашей партии с лета 1917 года он менее полугода обходился без выступлений против партии, против Ленина, а потом, начиная с 1918 года, навязал партии четыре дискуссии.

Что же это? Может быть, это лежит в самом личном сварливом характере Троцкого? Нет, в основании здесь заложены причины более глубокого характера. Они лежат в природе самих немарксистских идей, идеек, в принципах, точнее, беспринципности троцкизма, его фразистой пустозвонности и его любительстве острословия, в которое компонентом входит и наглость, порой и вранье, не останавливающееся перед оскорблениями в его якобы идейной борьбе.

Троцкий выступил в 1924 году со своей троцкистской идеологией так смело, рассчитывая, что нет Ленина, который на протяжении более 20 лет наносил удары и разбивал экономизм, меньшевизм и его ответвление — троцкизм.

Но он просчитался в своей самоуверенности в безнаказанности, он не знал и не понимал природы нашей партии и идейно-теоретической силы воспитанных Лениным учеников, которые ранее помогали Ленину, а сейчас сами уверенно взялись за разоблачение ревизионизма Троцкого.

Прежде всего было разъяснено всей партии и рабочим, что неправду говорит Троцкий, изображая свои выступления как литературные выступления в целях изучения истории: Троцкий избрал эту форму дискуссии для дискредитации партии, ее кадров, Ленина, для подмены Ленинизма троцкизмом.

Троцкизм и его отношение к партии и партийному строительству партия разоблачила давно и доказала, что троцкизм, какими бы левыми словами он ни прикрывался, на деле был агентом меньшевизма в партии и в рабочем классе.

В новых условиях после Октябрьской революции троцкизм, припрятав свои явно меньшевистские взгляды, заменив открытые выступления против партии выступлениями против старой большевистской гвардии, противопоставляя старым кадрам молодые, установил единство со всеми оппозиционными элементами в партии. В противовес действительному единству большевиков троцкизм проповедовал и организовывал фракции и группировки. Партия разбила эти новые проявления троцкизма, отстояла и прочно закрепила ленинские принципы построения и работы партии на основе демократического централизма, внутрипартийной демократии, дисциплины и активности каждого члена партии.

Были еще и сомневающиеся, сочувствующие вновь потерпевшему поражение Троцкому, но громаднейшее большинство организаций встало твердо на позиции ленинизма.

Троцкий 15 января прислал в ЦК заявление, в котором объясняет, почему он не выступал в свое оправдание в ходе дискуссии. Он мотивирует это своим нежеланием углублять полемику и обострять положение. Но это объяснение звучит неубедительно, если он действительно проявляет заботу о том, чтобы не было обострения в партии, то почему же он вновь, не в первый раз, выступил против партии, а сейчас выпустил свои «Уроки Октября», призванные обострить отношения?

Как известно, 17–20 января 1925 года состоялся Пленум ЦК и ЦКК, на котором был заслушан доклад и рассмотрен вопрос «О выступлении Троцкого». Сам Троцкий на Пленум не явился, сославшись на болезнь.

Партийные организации приняли резолюции, осуждающие новые выступления Троцкого. Они выступили с разными предложениями: одни требовали исключения Троцкого из партии; другие — снятия его с поста предреввоенсовета и вывода из Политбюро; третьи, к которым принадлежали Московская, Ленинградская, Уральская и Украинская организации, требовали снятия Троцко-

го с поста предреввоенсовета и условного его оставления в Политбюро. В этом духе был составлен проект резолюции Пленума ЦК и ЦКК, которому предстояло сделать выбор между указанными предложениями.

Члены Пленума ЦК и ЦКК активно выступали по этому вопросу.

Все одинаково осуждали эту новую вылазку Троцкого против ленинизма под видом «историзма».

Пленум ЦК и ЦКК, оценивая троцкизм в его общей форме, записал: «Совокупность выступлений Троцкого против партии можно охарактеризовать теперь как стремление превратить идеологию РКП в какой-то «модернизированный» Троцким — «большевизм» без Ленинизма. Это — не большевизм. Это — ревизия большевизма. Это — попытка подменить большевизм троцкизмом, то есть попытка подменить ленинскую теорию и тактику международной пролетарской революции той разновидностью меньшевизма, какую представлял из себя старый троцкизм и какую представляет собой ныне возрождающийся «новый» троцкизм».

Пленум ЦК и ЦКК, резюмируя итоги дискуссии об «Уроках Октября» Троцкого, со всей силой подчеркнул, что необходимо покончить с подобного рода антипартийными, антиленинскими выступлениями Троцкого, с его попытками навязать партии дискуссию по коренным вопросам марксизма-ленинизма, политики партии и руководства партии и ЦК. Ревизия Троцким прошлого лишь маскировка для обоснования платформы борьбы с партией и смены ее руководства. Ревизия ленинизма о движущих силах революции нужна Троцкому для обоснования небольшевистских взглядов на нынешнюю политику партии в отношении крестьянства, взгляды Троцкого по этому вопросу особенно вредны и опасны в настоящее время, когда партия поворачивает все органы «лицом к деревне», когда партия и советские органы усиленно работают над укреплением хозяйственно-экономической смычки города с деревней, промышленности с сельским хозяйством, когда разворачивается серьезная работа по вовлечению крестьян в советское строительство и по оживлению деятельности Советов.

Пленум ЦК принял следующее предложение партийных организаций: не применяя к Троцкому крайней меры — исключения из партии и даже из состава Политбюро, ЦК и ЦКК сделали Троцкому категорическое предупреждение в том смысле, что принадлежность к партии требует не словесного только подчинения

партдисциплине, а полного безоговорочного отказа от какой бы то ни было борьбы против идей ленинизма.

Пленум признал невозможным дальнейшую его работу в Реввоенсовете СССР. Пленум признал, что вопрос о дальнейшей работе Троцкого откладывается до очередного партийного съезда с предупреждением, что в случае новой попытки Троцкого нарушения или неисполнения партийных решений ЦК будет вынужден признать невозможным дальнейшее пребывание Троцкого в составе Политбюро.

Дискуссия была признана законченной.

Глава 10
НА УКРАИНЕ. 1922–1928 ГОДЫ

Обострение борьбы с троцкистско-оппозиционными течениями в связи с новыми проявлениями антиленинской оппозиционности со стороны Зиновьева и Каменева и так называемой ленинградской оппозиции, обострение явлений националистических уклонов и местнических группировок (губернская уездная «атаманщина») потребовали улучшения и укрепления руководства самого ЦК КП(б) Украины, которое на новом этапе обнаружило известные слабости. Именно так был поставлен вопрос на совещании Секретариата ЦК ВКП(б) с приехавшими представителями Политбюро ЦК КП(б)У. Кандидатом на пост нового Генерального секретаря ЦК Украины был выдвинут секретарь ЦК РКП(б) тов. Молотов. После отказа Молотова была выдвинута кандидатура секретаря ЦК РКП(б) тов. Кагановича. Я заявил, что согласен поехать на Украину, но не уверен, справлюсь ли с такой большой работой. Мои сомнения не нашли поддержки. В частности, тов. Сталин доказывал их несостоятельность, а представители ЦК Украины обещали мне всяческую поддержку. Так вопрос был решен.

В Харьков — столицу Украины — я приехал к Пленуму ЦК и ЦКК КП(б)У, состоявшемуся 5–7 апреля 1925 года. Пленум ЦК и ЦКК Украины избрал меня в состав Политбюро и Оргбюро ЦК и Генеральным секретарем ЦК КП(б) Украины.

Я выступал на Пленуме ЦК, в том числе по вопросу об украинизации, по которому далеко не было единодушия. Выступал я и по общепартийным вопросам, о работе в деревне, комитетах незаможних селян, работе в рабочих массах и особенно об укреплении партийных организаций, борьбе с оппозиционными выступ-

лениями, которые продолжали подрывать политику партии. Товарищи мне говорили, что это первое мое выступление произвело хорошее впечатление.

В связи с предстоящей в конце апреля XIV Всероссийской партийной конференцией пришлось немедленно включиться в подготовку конференции.

XIV Всесоюзная партконференция (апрель 1925 г.) имела большое историческое значение. Она собралась в обстановке серьезного роста политической активности в стране, перед партией стоял ряд серьезных задач, которые были решены на партконференции: о мерах по дальнейшему поднятию сельского хозяйства, о кооперации, о едином сельскохозяйственном налоге, о металлопромышленности, транспорте, о революционной законности, о партийно-организационных задачах партии и задачах, вытекающих из последнего пленума Исполнительного комитета Коминтерна. Главное — все эти вопросы рассматривались, обсуждались и решались в направлении выполнения основной генеральной линии, указанной Лениным: «данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма».

В период XIV партконференции, в 1925 году встал со всей остротой вопрос о строительстве и победе социализма в нашей стране, окруженной капиталистическими странами. Ленинский ЦК, Сталин и его соратники — ученики Ленина — защищали и отстояли ленинское учение о возможности построения социализма в одной стране, в капиталистическом окружении при замедленном наступлении мировой коммунистической революции. Лозунг партии, ее Центрального Комитета — построить социализм в Советском Союзе — завоевал всю партию, рабочий класс и многомиллионные массы трудящихся города и деревни.

В то же время, отвергнув троцкистскую позицию, партия не допустила демобилизации революционной интернационалистской боевитости и бдительности партии и рабочего класса по отношению к опасностям со стороны внешних врагов.

В подготовке к XIV съезду партия получила ясное и четкое ленинское направление XIV конференции и решений Пленума ЦК ВКП(б). Борясь с неотроцкистами — зиновьевцами, которые в период между XIV конференцией и XIV съездом партии откатывались на антиленинские, троцкистские позиции, партия решительно отклонила троцкистско-зиновьевские позиции. В первых рядах борцов с ними была закалившаяся ленинская парторганизация Украины.

ЦК КП(б)У организовал выезд членов Политбюро ЦК КП(б)У на места, в том числе выезжал и я в Киев, Донбасс и Екатеринослав. Членам Политбюро было поручено не ограничиваться докладами, а принять на местах практические меры по улучшению и укреплению общегосударственной и общепартийной дисциплины в направлении выполнения общепартийных и общегосударственных решений ЦК партии и Советского правительства.

Политбюро ЦК КП(б)У развернуло борьбу за преодоление элементов групповщины не только на местах, но и в центральных органах Украины, в том числе и в самом ЦК и Совнаркоме, где действовали разные беспринципные группировки, которые отражали «принципы» оппозиции.

После XIV партийной конференции, указавшей, что основным звеном построения социализма является индустриализация страны, партия развернула гигантскую работу по завершению восстановления народного хозяйства. Это особенно относилось к Украине; из гражданской войны промышленность Украины вышла с большим уроном, чем промышленность других частей СССР. Поэтому темпы восстановления промышленности, прежде всего тяжелой, на Украине должны были обгонять общесоюзные темпы.

На Пленуме ЦК КП(б) Украины, состоявшемся в конце июля 1925 года, был заслушан доклад Генерального секретаря ЦК Кагановича о работе Политбюро и Оргбюро ЦК, в котором были самокритически рассмотрены вопросы экономической и политической работы: состояние народного хозяйства (рост товарооборота, промышленности, устойчивость рубля и т.д.), состояние урожая и основные мероприятия, в том числе и по хлебозаготовкам, финансовое состояние — бюджет, налоги и наши мероприятия и др. Обсуждались настроение крестьянства и задачи нашей политической работы на селе, положение рабочих, рост заработной платы, жилищное строительство, безработица, улучшение работы профсоюзов и т.д.

В том же докладе были поставлены и освещены вопросы состояния партии. Говорили о таких уродливых явлениях, как «Дымовщина», «Херсонщина», где вскрылись, с одной стороны, кулацкая агрессивность и убийства советских работников, с другой — элементы разложения в некоторых советских и партийных организациях и их неспособность бороться с кулачеством. Обсуждались вопросы продолжающейся фракционной оппозиционной работы старых и вновь возрождаемых групп оппозиционе-

ров и усиления более глубокой, идейно-принципиальной и организационной борьбы с ними; вопросы улучшения руководства парторганизациями со стороны ЦК КП(б)У и окружкомов, об украинизации и борьбе с национализмом, великодержавным и местным.

Доклад активно обсуждался на Пленуме. Наряду с членами Политбюро ЦК Украины Петровским, Чубарем, Затонским и другими выступали местные работники: Постышев, Киркиж, Медведев и низовые работники, критиковавшие и вносившие деловые предложения. После обсуждения Пленум ЦК принял соответствующее развернутое постановление.

Отдельно обсуждался вопрос о комитетах незаможних селян, по которому выступали и члены Политбюро ЦК КП(б) Украины, в том числе пришлось отдельно выступать и мне ввиду особого, специфического для Украины, важного значения этого вопроса.

Перед моим отъездом на Украину Сталин мне говорил о предстоящих трудностях в моей работе и давал свои советы. В частности, он полушутя говорил, что в Политбюро ЦК КП(б)У имеется 14 мнений. На мое недоуменное замечание: как так — ведь в Политбюро всего 7 членов, как же может быть 14 мнений? — Сталин ответил: «Сначала один член Политбюро расходится с другим — получается 7 мнений, а потом каждый член Политбюро расходится с самим собой — получается еще 7 мнений, а в целом 14 мнений. Вы должны это преодолеть своей устойчивой принципиальностью, вашей энергичной работоспособностью, чем указанные члены Политбюро ЦК КП(б) Украины не особенно отличаются».

Надо сказать, что столичная — тогда Харьковская — организация, где секретарем губкома был товарищ Киркиж, и Киевская организация, где секретарем губкома был товарищ Постышев, оказывали неоценимую помощь руководству ЦК КП(б)У в сплочении партийной организации Украины, в укреплении государственных органов Советской власти и ликвидации местнической групповщины (атаманщины).

Важное значение для КП(б) Украины имел IX съезд Коммунистической партии большевиков Украины. Я считаю, что этот съезд сыграл большую историческую роль в подъеме Компартии Украины на новую, более высокую ступень. На этом съезде кроме вопросов о хозяйственном строительстве, о профсоюзах, о комсомоле, об организационно-партийном строительстве в центре работы съезда стояли два общих генеральных доклада:

1) доклад члена Политбюро ЦК РКП(б) Калинина Михаила Ивановича о деятельности Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии и

2) отчет ЦК КП(б) Украины — доклад Генерального секретаря ЦК КП(б) Украины Кагановича Лазаря Моисеевича.

Эти оба доклада, по существу, были едины в ленинской постановке вопросов, отчет ЦК КП(б)У дополнял доклад ЦК РКП(б). Это видно и по принятому единому решению по докладам ЦК РКП(б) и ЦК КП(б) Украины.

Разумеется, в разделе о партии и внутрипартийных вопросах как Калинин, так и Каганович полемизировали и идейно разбивали оппозиционеров — троцкистов и других, выражавших не только взгляды троцкистов и «Рабочей оппозиции», но и примиренческое отношение к новой «ленинградской» оппозиции.

IX съезд Компартии Украины целиком и полностью одобрил политическую и организационную линию ЦК РКП(б) и ЦК КП(б)У. IX съезд решительно осудил оппозиционные атаки на проводника ленинской линии — ЦК нашей партии. Съезд избрал новый состав ЦК, в который вошло много новых товарищей, среди которых были выдающиеся рабочие-большевики, было много украинцев, в том числе, между прочим, и Шумский, и Гринько, которые, несмотря на это, продолжали клеветать о том, что украинцев не выдвигают. Пленум избрал Политбюро в составе: Кагановича (Генеральный секретарь ЦК), Петровского (председатель ВУЦИК), Чубаря (председатель Совнаркома), Рухимовича, Радченко, Клеменко, Затонского, Скрыпника, Киркижа.

Пленум ЦК Компартии большевиков Украины рассмотрел и принял практические решения по осуществлению постановления ЦК ВКП(б) и мероприятия по ускорению полного восстановления недовосстановленных предприятий, реконструкции части предприятий и дальнейшей индустриализации Украины. Это касалось всех отраслей промышленности, в том числе и легкой, хотя она в 1925 году уже достигла довоенного уровня, но потребность в ее продукции, особенно на селе, росла быстрее и не удовлетворялась. Однако главное внимание и главные усилия в тот период направлялись на тяжелую промышленность, прежде всего угольную, металлургическую, машиностроительную и, конечно, электростанции. ЦК ВКП(б) и союзное Правительство увеличили капиталовложения в тяжелую промышленность Украины, больше всего пострадавшую в период двух войн — империалистической и гражданской — и все еще не достигшую довоенного уровня. Особенно мы налегали на накопления за счет самой промыш-

ленности Украины и за счет твердого и жесткого осуществления «режима экономии». В результате осуществления «режима экономии», сокращения административно-управленческих расходов, повышения производительности труда, рационализации производства было достигнуто значительное накопление. Помнится, за 1926 год было накоплено более 100 миллионов рублей, что для того времени было большой суммой; была усилена работа по займам и вкладам населения в сберкассы, дававших много десятков миллионов рублей ежегодно. Таким образом, соединение ассигнований по союзному бюджету с накоплениями на самой Украине дало возможность из года в год увеличивать капиталовложения в тяжелую промышленность Украины, а также в легкую промышленность. В 1928 году по сравнению с 1926 годом капиталовложения больше чем удвоились, уже в 1926–1927 годах развернулось строительство около 400 предприятий, в 1926 году началась реконструкция ряда мартеновских и доменных печей, строительство новых и реконструкция старых шахт в нашем славном Донбассе, была закончена первая очередь Штеровской электростанции, в 1926 году развернулась реконструкция Харьковского и Луганского паровозостроительных заводов и т.д.

Вся эта работа по промышленности была связана с работой по сельскому хозяйству, ликвидации товарного голода и других хозяйственных затруднений.

Нам приходилось все время соединять, сочетать свою энергию и усилия по хозяйственному социалистическому строительству с улучшением партийной работы, особенно по подбору и подготовке кадров, по организации масс, по организации перевыборов Советов, укреплению профсоюзов. Одновременно необходимо было вести борьбу с продолжавшей атаковать партию объединившейся оппозицией всех мастей, в первую очередь с объединенным блоком троцкистов и «новой» ленинградской оппозиции Зиновьева и Каменева, которые отражали и выражали дикое сопротивление капиталистических элементов — кулачества, нэпманов, спекулянтов — проводимой партией индустриализации и строительству социализма.

Это была не только и не просто идейная борьба в докладах и речах на собраниях, а борьба организационная. Известно, что особенно на Украине оппозиция развернула широкую сеть оппозиционно-фракционных центров, поэтому борьба принимала острый и нелегкий характер, тем более что оппозиция демагогически использовала наши трудности для подрыва политики партии и сеяния паники и мелкобуржуазных настроений, даже в рядах партии.

В июле 1926 года был созван Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), на котором были обсуждены вопросы о международном положении, о хлебозаготовках, о перевыборах Советов, о жилищном строительстве и доклад ЦКК о продолжавшейся фракционной антипартийной деятельности оппозиции, в особенности Зиновьева и Лашевича. ЦК постановил снять Зиновьева с поста члена Политбюро ЦК, а Лашевича исключить из состава кандидатов в члены ЦК. Между прочим, на этом Пленуме ЦК ВКП(б) были введены кандидатами в члены Политбюро несколько новых молодых товарищей, в том числе Каганович Л.М. и Микоян А.И.

На Украине наряду с борьбой с общепартийной оппозицией мы вели борьбу с националистическими выступлениями против Ленинской национальной политики партии и Советской власти со стороны буржуазных националистов разных наций Украины — русских, украинских, еврейских, польских, немецких. Эта борьба велась прежде всего мерами политическими, путем раскрытия их заговоров. Нами одновременно велась идейно-партийная борьба с группами, отражавшими и выражавшими в большей или меньшей степени идеи этих буржуазных националистов и внутри партии оказывавшими поддержку троцкистскому оппозиционному блоку.

Борясь с националистами, ЦК КП(б)У последовательно и настойчиво, систематически проводил большую работу по развитию и укреплению украинской государственности, украинской культуры, науки, искусства и украинизации государственного аппарата и общественных организаций Украины.

Мы преодолевали сопротивление проведению украинизации великодержавных националистических элементов, выступавших против украинизации. С другой стороны, приходилось бороться против украинских националистических элементов, требовавших форсирования украинизации с применением административно-насильственных мер, в том числе и в отношении украинизации состава пролетариата, который, как правильно писал тов. Сталин в письме в Политбюро ЦК КП(б)У, «нельзя украинизировать сверху... это процесс длительный, стихийный, естественный». Пытаться, писал тов. Сталин, заменить этот стихийный процесс насильственной украинизацией пролетариата сверху — значит проводить утопическую и вредную политику.

Это известное письмо Сталина, написанное 26 апреля 1926 года «Тов. Кагановичу и другим членам ЦК КП(б)У», сыграло большую и важную роль в осуществлении на практике национальной политики партии, в устранении собственных недостатков и пре-

одолении сопротивления Ленинской национальной политике на Украине со стороны национал-уклонистов.

Обострение борьбы с украинским националистическим уклоном в КП(б)У получилось в результате того, что Шумский, занимавший пост наркома просвещения Украины и члена ЦК КП(б) Украины, стал лидером национал-уклонистов в КП(б)У. Вместо того чтобы исправить указанные в письме тов. Сталина свои ошибочные взгляды, он встал на путь открытой поддержки махрового националиста писателя Хвилевого, выдвинувшего лозунг «немедленной дерусификации пролетариата»: «от русской литературы, от ее стиля украинская поэзия должна убегать как можно скорее», «идеи пролетариата нам известны и без московского искусства» и т. д. и т. п.

В процессе борьбы со взглядами Хвилевого и сплочения лучших талантливых людей из среды писателей и интеллигенции, особенно молодых (именно к этому периоду относится рост талантливых украинских писателей, таких, как Корнейчук, Усенко, Павло Тычина, Миколо Бажан, Петро Панч и другие), вскрылось, что среди части бывших боротьбистов и других бывших социал-националистских партий во главе с Шумским сложилась опасная группа национал-уклонизма, с которой парторганизация большевиков Украины во главе со своим ЦК КП(б)У повела решительную борьбу. Эта борьба велась терпеливо, старались идейно убедить, перевоспитать в интернационалистском духе лучших людей из этих национал-уклонистов.

Одновременно велась борьба с другими национал-уклонистами из бывших бундовцев и сионистов, в том числе среди еврейских коммунистов с бывшими ППСовцами, среди польских коммунистов и т. п., не говоря уже о завещанной Лениным борьбе с великодержавным великорусским национализмом. Этот вопрос неоднократно обсуждался на заседаниях Политбюро и пленумах ЦК КП(б)У, на которых разоблачались национал-уклонистские антипартийные взгляды. На заседании Политбюро в первой половине мая я в своей речи подчеркнул те специфические трудности, которые имеются на Украине в осуществлении Ленинской национальной политики, остановившись на вопросах: 1) укрепления украинской государственности как составной части СССР, в первую очередь перевода на украинский язык работы госаппарата и партии; 2) развития украинского культурного строительства; 3) сохранения за партией руководства процессом украинизации и вовлечения всей партии и рабочего класса в активное участие в этом важном процессе.

В заключительном слове на основе вопросов, затронутых в прениях, были поставлены следующие проблемы: об овладении коммунистами динамикой общественного процесса роста украинской культуры; об украинизации профсоюзов и об осторожном подходе к украинизации русских рабочих и естественном ходе насыщения промышленности рабочими-украинцами, об уклонах в национальном вопросе и, в особенности, о Хвилевом; о выдвижении новых свежих кадров украинских работников и о «бывших»; о роли руководящих органов партии и Советов в борьбе за правильное проведение украинизации.

На Пленуме ЦК КП(б)У в июне 1926 года был поставлен вопрос «Об итогах украинизации». Доклад делал Затонский, в прениях с речью выступил также тов. Каганович. Это было большое генеральное обсуждение вопроса. Раскрыв глубоко ошибки национал-уклонистов, мы все еще не теряли надежды вразумить лучшую их часть; учитывая сложность национального вопроса, мы старались решать его по содержанию, по существу, не прибегая к «оргвыводам». Могу подчеркнуть, что я лично особенно налегал на убеждение уклоняющихся, чтобы избежать «оргвыводов». Вот, например, что я говорил в конце своей речи на Пленуме: «Давайте примем резолюцию действительно единогласно, но не формально единогласно, а единогласно по существу, исходя из правильности линии ЦК партии, из факта достижений и работы, какую ЦК партии провел до сих пор, — это даст нам ответ на все разговоры, которые были до сих пор. В резолюции мы ясно говорим о старых большевистских кадрах и о выдвижении молодых; в этой резолюции мы ясно говорим о значении и роли нашей партии и относительно украинской государственности. Эта резолюция должна нам дать действительную возможность деловой работы, она поможет отказаться от безответственной критики и заняться действительно дружной работой в интересах единства... Создадим обстановку для дружной работы, хотя бы для того же самого т. Шумского... Здесь многое зависит от нас — от ЦК — Политбюро, но многое зависит и от т. Шумского лично... Есть линия партии, есть линия ЦК, и, независимо от давления того или иного товарища, она шла, идет и будет идти только в сторону укрепления нашей партии».

Обсуждения на Политбюро и особенно на Пленуме ЦК и принятые решения об украинизации и национал-уклонистах имели большое значение для активизации партийных организаций в проведении национальной политики партии. Однако наиболее оголтелые национал-уклонисты во главе с Хвилевым и Шумским

продолжали свое подрывное дело, используя литературный журнал «Червоний шлях», о котором ЦК вынес специальное осуждающее решение. Эта борьба продолжалась и в 1927 году, она принесла партии идейную победу над национал-уклонистами — на место небольшой группы оторвавшихся от растущих и идущих вперед украинских масс рабочих, крестьян и интеллигенции партия выдвинула сотни и тысячи новых молодых украинских кадров, которые еще теснее связали партию с украинским революционным народом. Разумеется, это было результатом общего усиления партийной работы в массах и их поддержки линии Ленинской партии.

Политбюро ЦК КП(б)У, не подменяя Совнарком Украины в конкретном руководстве хозяйственными и государственными органами, осуществляло партийное руководство всем социалистическим строительством. Политбюро рассматривало по определенному плану еженедельно, а иногда и чаще на своих заседаниях вопросы хозяйственно-экономические, государственные, заслушивая доклады о политическом положении в стране и борьбе с классовыми врагами. Мы углубленно увязывали все эти вопросы с партийной работой ЦК и местных организаций, заслушивая систематически доклады окружных комитетов и крупных райкомов, принимая решения, руководствуясь постановлениями и указаниями нашего единого центра — ЦК ВКП(б). Мы осуществляли известное разделение труда не только в практической работе, но и в докладах, речах: если в докладах, речах государственных и хозработников наряду с общепартийными вопросами более детально освещались и ставились вопросы чисто хозяйственной и советской деятельности, то в докладах и речах партийных работников наряду с вопросами общесоветскими и задачами социалистического строительства особо уточнялись и подчеркивались вопросы и задачи партийного строительства. Я лично, например, усиленно подчеркивал задачи подбора кадров и проверки исполнения как важнейшего средства решения хозяйственных задач, массовой партийной работы, в особенности развития социалистического соревнования и улучшения материального благосостояния масс, увязывая эти задачи с подъемом производительности труда и повышением сознательной дисциплины — государственной и трудовой.

Особенное внимание и усилия ЦК КП(б)У привлекали вопросы: роста партии за счет квалифицированных рабочих и усиления приема в партию рабочих, комсомольцев-украинцев, в том числе из бедняков и батраков в деревне, что, в свою очередь, было

связано с улучшением работы низовых ячеек партии. Вся эта партийная работа проводилась в обстановке продолжавшейся и обострявшейся фракционной подпольной борьбы троцкистско-зиновьевского блока, «Рабочей оппозиции» и других раскольников, в том числе националистических.

Именно в этой обстановке подготовлялась и была проведена первая Всеукраинская партийная конференция. Конференция твердо заняла позицию полной поддержки ЦК ВКП(б) и одобрения всех решений и мероприятий ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У по укреплению единства партии и решительному отпору оппортунистическим мелкобуржуазным раскольникам партии.

Мы опубликовали заранее основные тезисы моего доклада, в которых подробно изложены практические задачи, были освещены основные ошибки оппозиции, коренные разногласия оппозиции с партией. Решения первой конференции КП(б)У сыграли большую роль в подготовке к Всесоюзной XV партконференции, состоявшейся 26 октября — 3 ноября 1926 года.

Накануне XV Всесоюзной конференции состоялся Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), на котором были одобрены тезисы для рассмотрения на конференции. Пленум обсудил внутрипартийное положение в связи с новым выступлением и усилением фракционной деятельности троцкистско-зиновьевского блока. Пленум принял общее решение и вывел Троцкого и Каменева из состава Политбюро.

XV Всесоюзная партийная конференция наряду с другими вопросами обсуждала и решила центральный вопрос — об оппозиции и внутрипартийном положении.

Конференция оценила троцкистско-зиновьевский блок как социал-демократический уклон в партии и единогласно приняла тезисы, предложенные Сталиным. После конференции Исполком Коминтерна заслушал доклад Сталина и полностью одобрил решение конференции ВКП(б).

В 1927 году работа партии развертывалась в благоприятной обстановке улучшения экономической конъюнктуры, подъема политической активности масс и улучшения их политических настроений, перехода от дискуссионной лихорадки внутри партии к более устойчивому и деловому настроению внутри партии. Правда, в 1927 году империалисты Англии и ее союзников вновь попытались обострить международное положение Советского Союза (провокационный налет на акционерное общество «Аркос», убийство Войкова, организация террористических актов внутри нашей страны и т.д.). Это не могло не создать новые труд-

ности, особенно в связи с внутрипартийной борьбой троцкистов, но в 1927 году наша Родина была уже достаточно сильна, чтобы дать еще более решительный отпор провокациям врагов и не дать им сорвать наше социалистическое строительство. 26 февраля–3 марта 1927 года состоялся Пленум ЦК КП(б)У, на котором был заслушан и обсужден доклад Политбюро, сделанный Генеральным секретарем ЦК Кагановичем. В этом докладе и в решении Пленума были поставлены и решены вопросы об экономическом состоянии Украины.

Кроме того, подробно были доложены и обсуждены вопросы национальной политики на Украине: о заседании Политбюро, на котором были подведены итоги украинизации и итоги работы среди нацменьшинств, в связи с острыми антипартийными выступлениями национал-уклонистов во главе с Шумским. Политбюро несколько раз заседало и разбирало конкретно их претензии, враждебные партии националистические установки, выразившиеся наиболее ярко и остро в лозунге Хвилевого «Геть від Москвы», т. е. прочь, долой, уйти решительно, совершенно, далеко, очень далеко от Москвы. Мы терпеливо, настойчиво неоднократно пытались разъяснить заблуждающимся и разоблачить заведомых националистов с партийным билетом, одновременно мы раскрывали, отвергали и разоблачали антиукраинские великодержавные высказывания.

В августе состоялся Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), который имел огромное историческое значение. Пленум рассмотрел: вопрос о международном положении, о хозяйственных директивах на 1927–1928 годы и вопрос о новых нарушениях партийной дисциплины Зиновьевым и Троцким. Постановление по этому вопросу еще раз демонстрирует, какое долготерпение ЦК и ЦКК проявили по отношению к этим активным фракционерам, постановив и на этот раз «снять с обсуждения вопрос об исключении Зиновьева и Троцкого из ЦК партии и объявить им строгий выговор с предупреждением». Нам на местах приходилось объяснять членам партии, критиковавшим ЦК ВКП(б) за мягкость. Мы разъясняли, что ЦК это делает прежде всего в интересах единства партии и убеждения колеблющихся членов партии в том, что ЦК добивается Ленинского единства партии и сплочения лучших ее людей на основе Ленинизма. Но надежды партии и ее ЦК и попытки спасти большинство оппозиционеров от ската к антисоветской контрреволюции не дали результатов: хотя часть и спасли, но кадровые оппозиционеры нарушили все свои обещания, которые они лживо давали партии, они дошли до того, что, увидев полный

провал своих антиленинских «идей» в дискуссии, пошли на открытое антисоветское выступление, устроив в Москве свою отдельную от общепролетарской оппозиционную, антисоветскую демонстрацию в день Великой годовщины Октябрьской революции 7 ноября 1927 года. Они, конечно, провалились, обнаружив перед всем пролетариатом свою антисоветскую сущность.

На Украине они не выступили с демонстрацией, но на собраниях, посвященных годовщине Октябрьской революции, они пробовали выступать. На торжественном собрании советских и партийных организаций выступил по моему докладу «О десятой годовщине Октябрьской революции» специально приехавший в Харьков Раковский, бывший председатель Совета Народных Комиссаров Украины, один из троцкистских лидеров, потерпевший полный провал и поражение в Харькове.

К своему X съезду Коммунистическая партия (большевиков) Украинской Советской Социалистической Республики и руководимые ею органы Советской власти и общественных организаций пришли со значительными достижениями в области промышленности, сельского хозяйства, всей экономики Украины. 1927 год отличался тем, что партия и Советское правительство уже не ограничивались восстановлением прежних предприятий, а перешли к реконструкции старых, в первую очередь металлургических, машиностроительных и к строительству новых на более высокой новой технической основе. В особенности развернулось строительство электростанций: Харьковской, второй очереди Штеровской, Криворожской, Киевской, ряда небольших районных и городских электростанций. Главное, в 1927 году осуществились долголетняя мечта и планы — началось строительство Днепровской гидроэлектростанции — первой мощной гидроэлектростанции, имевшей назначение обеспечения Днепропетровска, Запорожья, Криворожья и части Донбасса электроэнергией. Строительство находилось под особым повседневным наблюдением ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У, там мне часто приходилось бывать, начиная с осмотра и определения участка для строительства и закладки первого камня этого Великого сооружения в дни годовщины Октябрьской революции в 1927 году. Я часто докладывал о ходе строительства Днепрогэса ЦК ВКП(б) и лично тов. Сталину.

Обо всех этих вопросах было подробно доложено X съезду в отчете Центрального Комитета партии, который я имел честь как Генеральный секретарь ЦК сделать X съезду на украинском языке, что, в частности, получило политическое значение и отзвуки. Это был важный исторический съезд партии, подводивший

итоги упорной работы всей партии снизу доверху и всех рабочих, крестьян и трудящихся свободно развивающегося суверенного советского социалистического государства — Украинской союзной республики, входящей в Великий Союз Советских Социалистических Республик.

Недавно я прочел книгу «Урало-Кузбасс», в которой автор Матушкин упрекает меня, что я будто был противником Урало-Кузбасса. Доказательств никаких, ни одного факта — всё выдумано. Он ссылается на мое выступление на XV съезде партии и, не приводя цитаты из моей речи, утверждает, что Каганович выступил на XV съезде с «обоснованием» развития лишь одной угольно-металлургической базы — на Украине. Это абсолютная ложь. Вот что я говорил на XV съезде: «Оттяжка войны явилась важнейшим достижением нашей партии и ЦК за последнее время. Проверка, данная политике ЦК вставшей перед нами военной опасностью, целиком подтвердила жизненность и правильность нашей политики и тактики. Если взять объективные факты из области хозяйственного строительства нашей страны, из приведенных данных и цифр об общем материальном положении масс, мы должны будем вновь сказать: и здесь с честью выдержали экзамен. Последние два года, по сравнению со всеми предыдущими, были годами наиболее нормального, наиболее здорового развития нашего хозяйства без тяжелых потрясений и кризисов.

Я думаю, что в дальнейшем нашем хозяйственном строительстве мы должны сосредоточить наш основной государственный капитал на действительно командных высотах, на наших гигантских заводах, на металлургии, на машиностроении, ибо они являются основной базой нашей индустриализации.

Товарищи, не подумайте здесь, что я выступаю как областник, защищающий тяжелую индустрию Украины. Я защищаю линию нашей партии на подъем развития тяжелой индустрии и машиностроения во всех районах нашего СССР. Но, строя новые заводы, нужно учитывать источники сырья и топлива, а также и те районы, где промышленность имеет свою базу. Мы должны в работе по индустриализации страны обратить основное внимание по-прежнему на металл, машиностроение, на топливо, на сталь, на чугун, на прокат. Без проката рельс, например, у нас не будет железных дорог и мы даже на съезды приезжать не сможем».

Это полностью выражало линию и практические конкретные требования ЦК ВКП(б), которую ЦК КП(б) Украины проводил в своем руководстве «Югосталью», объединявшей и металлургические, и коксовые заводы.

Придавая большое значение украинской металлургии, ЦК ВКП(б) принял в 1929 году специальное развернутое большое постановление «О работе Югостали», в котором было установлено: «Выплавляя в настоящее время 2/3 чугуна в СССР, Югосталь является одной из основных баз индустриализации страны».

ЦК ВКП(б) одновременно руководил работой и принимал решения по развитию Урала. В 1930 году он принимает развернутое постановление «О работе Уралмета», в котором дает развернутые указания о плане развития Урала, об обеспечении сырьем, топливом, транспортом, энергией и т.д.

Особое внимание уделялось строительству Магнитогорского завода и Кузбассу как совершенно новому району. Во всей практической работе Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б) Урало-Кузбасс занимал важнейшее место. Особенно им занимались Сталин, Молотов, Каганович, Орджоникидзе, Куйбышев и другие, выезжая на место и помогая строителям и производственникам в выполнении ими планов. Молотов и Каганович чаще других выезжали на Урал и в Сибирь — Кузбасс (Матушкин исключил их из перечисляемых им выезжавших товарищей. Совершенно ясно, что это, как и вся его выдумка об отношении Кагановича к Урало-Кузбассу, потребовалось автору, издавшему свою книгу в 1966 году, чтобы усердно потрафить «конъюнктуре», сложившейся вокруг Кагановича и Молотова после июньских событий 1957 года).

Партийное руководство Коммунистической партии большевиков Украины, и в тот период, и в последующем старательно, усердно, активно выполняя линию ЦК ВКП(б) по восстановлению и развитию тяжелой индустрии на Украине, никогда не противопоставляло эту задачу Урало-Кузбассу и развитию угольно-металлургической базы во всех районах нашего СССР. Я лично и после Украины как секретарь ЦК ВКП(б) не только защищал Урало-Кузбасс, но всячески помогал ему в строительстве, производстве, развитии культуры и обустройстве промышленных центров и городов, в первую очередь Магнитогорска и Кузнецка.

Должен здесь же отметить, что таких выдумок немало и у других авторов, издавших свои брошюры после 1957 года, особенно это заметно выделяется у некоторых писавших «диссертации» с претензиями на звание «кандидатов» или «докторов» наук, старавшихся изо всех сил извратить работу ЦК КП(б) Украины в 1925–1928 годах, когда Генсеком ЦК был Каганович. Я, напри-

мер, читал изданный в 1968 году автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук Ф. Е. Шерстока на тему «Партийное строительство на Украине в 1926–1929 гг.», в котором автор злостно извращает действительность и особенно роль Кагановича.

ЦК КП(б)У и лично Каганович и тогда, и теперь самокритически вскрывали ошибки и недостатки в партийном строительстве, но троцкистская и националистическая оппозиция тогда и прикрывающиеся и теперь «правоверностью», с позволения сказать, «критики» находили и находят свою силу в том, что они делают из мухи слона, утрируют, извращают факты, доводя их до крайних, преувеличенных размеров.

XV съезд партии занял большое и важное место в истории индустриализации страны, расширения командных высот строящегося социализма в городе и деревне, указал на отставание сельского хозяйства, на необходимость усиления борьбы с кулачеством и дал курс партии на широкую, массовую коллективизацию сельского хозяйства.

XV съезд дал направляющий план дальнейшей работы и борьбы партии за социализм. Важнейшим условием движения вперед был полный идейный и организационный разгром троцкистско-зиновьевского блока, скатившегося к полному отрицанию ленинизма и к антисоветизму.

Съезд признал несовместимым взгляды этого блока и их пропаганду с пребыванием в рядах партии и исключил Троцкого и Зиновьева и их сторонников из партии, а также сапроновскую группу «Демократического централизма».

ЦК КП(б) Украины и все парторганизации Украины приняли конкретные меры по осуществлению решений XV съезда ВКП(б) и X съезда КП(б)У, в особенности: по подготовке массовой коллективизации и неуклонному продолжению индустриализации страны; по борьбе со срывом украинским кулачеством плана хлебозаготовок, принятию мер ЦК КП(б)У и Совнаркомом УССР по обеспечению выполнения плана хлебозаготовок и др. Были назначены уполномоченные по хлебозаготовкам для принятия мер на месте. В результате за январь, февраль было заготовлено на 30% больше, чем за тот же период прошлого 1927 года, при этом из изъятых по суду у кулаков излишков хлеба 1/4, а иногда и больше передавалось деревенской бедноте.

На Пленумах ЦК КП(б)У в марте и июне 1928 года неоднократно обсуждался вопрос о хлебозаготовках с докладами с мест и прениями по этому вопросу. Наряду с деловой и политически

правильной постановкой вопросов были и проявления панических и правооппортунистических настроений у некоторых выступавших и невыступавших товарищей.

Пришлось особо подчеркнуть недопустимость тех перегибов, которые имели место по отношению к середняку. «Кулак, — говорил я, — вырос, кулак готов вцепиться нам в горло, готов драться с нами — это он показал хлебозаготовительной кампанией, мы же повели и поведем на него наступление и покажем ему силу диктатуры пролетариата, оберегая середняка. В процессе кампании, — говорил я, — обнаружено много перегибов, много безобразий, мы должны эти перегибы и безобразия устранить обязательно сейчас же, не ограничиваясь общей резолюцией, а изучая конкретный случай безобразий, принимая решительные меры по их ликвидации и недопущению впредь. Во всей своей политической и организационной работе мы должны будем заключить союз бедняка с середняком на базе большой роли бедняка и усиления ведущей роли партии и пролетариата».

Начавший действовать новый «правый уклон», особенно в период июльского Пленума ЦК, не проявлял никакой активности в борьбе партии на фронте хлебозаготовок, а наоборот, тормозил хлебозаготовки. Одновременно «правые» — Рыков, Бухарин — выступили в Политбюро ЦК ВКП(б) против расширения капиталовложений в металлургию и машиностроение, против курса на ускоренную индустриализацию и особенно коллективизацию сельского хозяйства. Нельзя сказать, что в этот первый период развития «правого уклона» у всех членов ЦК была ясность. Нам — активным сторонникам ленинского курса партии и Центрального Комитета — приходилось разъяснять его даже некоторым членам ЦК ВКП(б) от Украины.

Правильная оценка ЦК ВКП(б) процесса обострения классовой борьбы в стране подтвердилась не только на фронте хлебозаготовок, в деревне, где кулаки вместе с диверсантами — петлюровскими, деникинскими и эсеровскими — устраивали террористические нападения и убийства коммунистов и представителей Советской власти, но и в городах, где нэпманы и часть старых буржуазных спецов при помощи иностранных разведок организовывали вредительство в промышленности. Особенно навредила промышленности так называемая «Промпартия», раскрытая ГПУ в горной промышленности Северного Кавказа и Украины в мае 1928 года. Вредители предстали перед советским судом по «Шахтинскому делу».

На Пленуме ЦК КП(б) Украины 12–16 марта 1928 года был

рассмотрен вопрос «Об экономической контрреволюции и общеполитических задачах парторганизаций», принято решение по этому вопросу.

Кроме этого, нами было проведено обследование «Донугля» с обсуждением на Политбюро. Были приняты серьезные решения, в особенности об изменениях в структуре его аппарата в целях борьбы с бюрократизмом. Была созвана Всеукраинская производственная конференция горняков, на которой были самокритически обсуждены вопросы, вытекающие из решений партии о «Шахтинском деле».

К этому времени относится открытие Всеукраинского VII съезда ЛКСМ. В докладе на этом съезде Генерального секретаря ЦК КП(б)У в ряду многих вопросов были также заострены выводы из «Шахтинского дела» и поставлены задачи молодежи «на социалистической стройке».

В апреле и июне на Пленуме ЦК КП(б) Украины, затем на Пленуме ЦК ВКП(б) обсуждался вопрос «Шахтинское дело» и практические задачи в деле борьбы с недостатками хозяйственного строительства»; на июльском Пленуме ЦК ВКП(б) как вывод из «Шахтинского дела» обсуждался вопрос «О подготовке новых специалистов». По обоим этим вопросам Пленум ЦК ВКП(б) принял важнейшие постановления, имевшие важнейшее значение для всей дальнейшей работы партии по успешному строительству социализма и преодолению сопротивления враждебных социализму элементов и шатаний внутри партии, оформившихся в дальнейшем в явный, открытый «правый уклон».

На этих Пленумах ЦК ВКП(б) уже открыто проявлялись разногласия и начало борьбы «правых» против линии, проводившейся ЦК во главе со Сталиным. Особенно остро опасность «правого уклона» встала перед Московской организацией, когда первый секретарь МК Угланов и «правые» рассчитывали повторить опыт «ленинградской оппозиции» и противопоставить Московскую организацию Ленинскому Центральному Комитету, который принял свои меры к недопущению этого.

К этому времени относится мое возвращение в Москву в качестве секретаря ЦК ВКП(б). В беседе со мной тов. Сталин сказал: «Назрела необходимость вашего возвращения в ЦК. Перед нами новые организационные задачи, особенно в области подготовки и распределения кадров, обострение политической борьбы в деревне в связи с сопротивлением кулачества хлебозаготовкам, большие задачи в деле коллективизации требуют улучше-

ния работы в деревне. У вас теперь новый опыт работы на Украине, да и старый московский опыт теперь очень пригодится в борьбе с поднявшими голову правыми, особенно в Москве во главе с Углановым, — так что давайте, без сопротивления и оговорок возвращайтесь в Москву. На Украине парторганизация устойчивей — пошлем туда товарища Косиора С.». Я, конечно, дал согласие.

Глава 11
НА РАБОТЕ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КОМИТЕТЕ ВКП(б)

ПЕРВЫЙ ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН И БОРЬБА С ПРАВЫМ УКЛОНОМ

Период 1928–1934 годов (включительно) был периодом героического труда миллионов рабочих, крестьян и трудящихся, в том числе советской интеллигенции, обеспечивших под руководством Ленинской партии и ее Центрального Комитета выполнение первого Великого пятилетнего плана социалистического переустройства Советской страны. Развернутое мощное социалистическое соревнование и ударный труд привели к выполнению пятилетки досрочно — за 4 года. Это была великая победа всей политики партии и ее ЦК, в результате выполнения которой был заложен прочный фундамент социализма в промышленности и в сельском хозяйстве. Именно в этот период была решена труднейшая историческая задача перевода миллионов крестьянских хозяйств на путь социалистической коллективизации и начала развития крупного машинизированного сельского хозяйства.

В этот период я выполнял следующие обязанности:

секретарь Центрального Комитета ВКП(б) (1924–1925; 1928–1939 гг.);

первый секретарь Московского комитета партии (1930–1935 гг.);

председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934–1935 гг.);

председатель Комиссии по проверке партийных рядов;

заведующий Сельскохозяйственным отделом ЦК (с 1933 г.);

председатель Постоянной комиссии ЦК по транспорту (с 1932 г.);

заведующий Транспортным отделом ЦК (в 1934 г.);

член Президиума ВЦСПС (1929–1933 гг.), в работе которого

мне довелось принимать руководящее участие, особенно в связи с борьбой правых уклонистов против линии ЦК;

директор Института советского строительства Коммунистической академии.

Во всей своей работе я прилагал все силы к практическому выполнению линии и политики партии и ее ЦК и идейно-политически и теоретически беззаветно боролся со всеми врагами и противниками марксизма-ленинизма, с троцкистами и правыми уклонистами — за единственно верную и Ленински последовательную линию Центрального Комитета и его Политбюро, в котором я состоял кандидатом с 1926 года и членом ПБ — с 1930 по 1957 год.

Должен особо подчеркнуть, что выполнению новых, возложенных на меня с 1928 года обязанностей, помог мне полученный опыт работы на Украине — это была серьезная школа работы в масштабе государственном. Вся практика строительства Советского государства Украины — Украинской Советской Республики опрокинула, опровергла клевету белой националистической эмиграции о том, что Украина — это-де не государство, а «область», «край России». В этом они смыкались с великодержавными националистами. Жизнь опровергла эту клевету врагов: не область, не край, а Украинская Союзная Республика — суверенное государство, входящее в Союз Советских Социалистических Республик, имеющее свои конституционные права и обязанности, свои государственные масштабы и границы. Коммунистическая партия (большевиков) Украины — составная часть ВКП(б), ей подчиненная на основе демократического централизма, ЦК и ПБ КП(б) Украины работали под руководством ЦК ВКП(б) и его Политбюро, но при этом и сами ЦК КП(б)У и ЦК ВКП(б) всегда исходили из того, что в рамках общей Ленинской линии необходимо всегда учитывать весь комплекс хозяйственно-экономических, государственных, культурных и внутрипартийных специфических особенностей УССР и КП(б)У. Строго осуществляя директивы и постановления ЦК ВКП(б), Центральный Комитет Компартии Украины вел свою работу как руководящая сила Украинской Союзной Советской Социалистической Республики.

Я имел беседу с товарищем Сталиным в 1928 году в связи с моим возвращением на работу в ЦК ВКП(б). Сталин с исключительной широтой, глубиной и конкретностью говорил о новых масштабах и характере работы партии и ЦК для обеспечения выполнения первого пятилетнего плана, в особенности разворачива-

ющегося колхозного движения и преодоления сопротивления кулачества, троцкизма и начинающегося «правого уклонизма». Тов. Сталин не раз подчеркивал, что линия ЦК теперь особенно ясна и она, невзирая на сопротивление противников, будет твердо проводиться. Главное — кадры и проверка исполнения. На заседании Оргбюро ЦК Сталин предложил возложить на меня как на секретаря ЦК наблюдение и текущее повседневное руководство организационно-партийной работой, подбором, учетом и подготовкой кадров, а также председательствование на Секретариате ЦК, а с 1930 года, в связи с переходом Молотова в Совнарком, — и председательствование на Оргбюро ЦК. Необходимо отметить, что после перехода тов. Молотова в Совнарком мои функции по подготовке Секретариатом ЦК вопросов и проектов их решений в Оргбюро и в Политбюро расширились.

Разумеется, все вопросы, относившиеся к функциям того или иного секретаря ЦК, в том числе и моим, решались не единолично, а коллективно. Секретариат ЦК заседал часто — два-три раза в неделю, рассматривая все конкретные предложения, вносимые секретарями ЦК, заведующими отделами, местными организациями, членами ЦК и другими. Кроме официальных заседаний были совещания у тов. Сталина, почти ежедневно, на которых рассматривались, обсуждались наиболее важные срочные и спорные нерешенные вопросы. Оргбюро заседало раз в неделю, иногда чаще, особенно, если приезжали люди с мест. Оргбюро под руководством Политбюро, обсуждая крупные организационно-политические вопросы, часто давало поручения секретарям ЦК, членам Оргбюро, независимо от распределения обязанностей, разработать или доработать тот или иной вопрос или выехать на места для проверки и помощи. До 1930 года я работал только по Секретариату ЦК, а с 1930 года мне давали дополнительные нагрузки по совместительству, начиная с работы первым секретарем Московского комитета партии. В борьбу за линию партии с «правыми уклонистами», особенно бушевавшими тогда в Московской организации, мне пришлось включиться с первых же дней моего возвращения с Украины в Москву (1928 год).

В Московской организации, больше чем в какой-либо другой, чувствовалось наступление «правых» против линии партии и ее ЦК. Хотя оно в тот период не носило еще характера открытого выступления, но в речах первого секретаря МК Угланова и других членов бюро МК фактически критиковалась политика партии. В тот момент нам, борцам за Ленинскую политику ЦК, имевшим уже большой опыт борьбы с меньшевистско-троцкист-

скими антиленинистами, приходилось разоблачать, раскрывать сущность и опасность «правого уклона», не называя пока его лидеров (ЦК все еще надеялся на преодоление разногласий и терпеливо сдерживал открытую полемику). В первый период, например в выступлениях по нашим докладам, прямых, открытых возражений не было, но фактически подрывалась политика ЦК разными намеками, замечаниями, прибегали к системе «вопросиков», письменных и устных. Разумеется, мы отвечали на эти вопросы, разоблачая те из них, которые имели «правоуклонистскую» сущность.

Враждебные социализму и пролетариату контрреволюционные классы, в особенности кулачество в деревне и новое спекулянтское купечество в городе, ответили на наступление социализма новым обострением классовой борьбы против Советского государства, нашедшей наиболее острое выражение в срыве хлебозаготовок и бандитско-террористических актах против деревенской крестьянской бедноты и их активистов. «Правоуклонистские» выразители интересов кулачества внутри самой партии пошли на обострение внутрипартийной борьбы против политики партии и ее Ленинского Центрального Комитета и выступили с открытым забралом со своей платформой, противопоставив пятилетке свою оппортунистическую двухлетку, направленную своим острием против социалистической индустриализации. «Правые» во главе с Бухариным, Рыковым и Томским организовали свою фракцию и фракционную борьбу с ЦК. Именно в этот период «правые» сблокировались с троцкистскими антиленинскими силами для совместной борьбы с партией и ее Центральным Комитетом.

Поскольку троцкисты всех видов к этому времени были основательно помяты и идеологически обанкрочены, партия, ЦК и ЦКК объявили главной опасностью «правый уклон» и в тот момент сосредоточили силы на борьбе с ним. Из истории партии известны все этапы борьбы. Центральному Комитету партии, его Политбюро, Оргбюро, Секретариату и Президиуму ЦКК приходилось вести эту огромную идеологическую борьбу с право-троцкистским блоком, одновременно занимаясь практической работой по составлению и осуществлению первого пятилетнего плана и руководством всей организационно-политической практической работой партии и Советского государства. Нельзя, например, сравнивать ход составления планов народного хозяйства в нынешний период с ходом составления первого пятилетнего плана того далекого периода. Если в данный момент в Госплане и в ми-

нистерствах над планом работают наши советские, коммунистические специалисты, воспитанные в наших вузах, то ранее в Госплане работали многие специалисты старой школы, в громадном большинстве далеко не сочувствующие социализму, а даже наоборот, сочувствующие капитализму. Как ни старались наши верные партии руководители планирования и тот узкий круг специалистов из коммунистов и сочувствующих им проводить партийную линию в расчетах и наметках, им это во многом не удавалось и работу приходилось переделывать, тем более что и среди коммунистов-плановиков было немало «правых» и «левацких» элементов. Центральному Комитету и ЦКК-РКИ приходилось организовывать проверку расчетов и наметок, вскрывать ошибки, а иногда и сознательные извращения и несоответствия плана линии ЦК. Наш ЦК, работая над составлением пятилетнего плана, вкладывал в него Ленинское содержание.

В 1927 году Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) рассмотрел и утвердил Директивы к составлению контрольных цифр на 1927–1928 годы.

XV съезд партии (1927 г.) принял «Директивы по составлению Первого пятилетнего плана» на основе осуществления Ленинского плана строительства социализма, превращения нашей страны из аграрной в индустриальную страну, всемерного развития тяжелой промышленности и создания материальной базы социализма. XV съезд подчеркнул, что уровень сельского хозяйства все еще остается крайне низким. Необходимо поставить в качестве первоочередной задачи на основе дальнейшего кооперирования крестьянства постепенный переход распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства (коллективная обработка земли на основе интенсификации и машинизации земледелия), всемерно поддерживая и поощряя ростки обобществленного сельскохозяйственного труда.

Помню также, что в комиссию по составлению резолюции «О директивах по составлению пятилетнего плана» тов. Сталин внес особо важное предложение и оно было записано в пункте третьем: «Учитывая возможность военного нападения со стороны капиталистических государств на пролетарское государство, необходимо при разработке пятилетнего плана уделить максимальное внимание быстрейшему развитию тех отраслей народного хозяйства вообще и промышленности в частности, на которые выпадает главная роль в деле обеспечения обороны и хозяйственной устойчивости страны в военное время. К вопросам обороны в связи с построением пятилетнего перспективного плана необходимо

не только привлечь внимание плановых и хозяйственных органов, но и, самое главное, обеспечить неустанное внимание всей партии». Это был основополагающий пункт для всех последующих пятилеток — ведь именно это главное и обеспечило хозяйственную устойчивость страны в тяжкое военное время Великой Отечественной войны и принесло Советскому народу Великую победу над немецким гитлеровским фашизмом.

Из многих пунктов Директив XV съезда по составлению Первого пятилетнего плана необходимо отметить весьма важную вставку тов. Сталина в пункт о темпах, где сказано: «В вопросе о темпе развития необходимо равным образом иметь в виду крайнюю сложность задачи. Здесь следует исходить не из максимума темпа накопления на ближайший год или несколько лет, а из такого соотношения элементов народного хозяйства, которое обеспечивало бы длительно наиболее быстрый темп развития». Будущие вожди «правых» уклонистов были явно недовольны этим добавлением, но ограничились предложением вычеркнуть слово «наиболее», тов. Сталин и мы, его поддержавшие, настояли на оставлении этого слова «наиболее», подчеркивающего большое значение вопроса о быстрых темпах, ставший потом предметом острых споров.

С 16 по 23 апреля 1929 года работал Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), на котором были рассмотрены вопросы XVI партконференции, в первую очередь «О Первом пятилетнем плане». Пленум одобрил в основном проекты и передал их на окончательное рассмотрение и решение XVI партконференции. Особо важное и большое место заняло на Пленуме рассмотрение внутрипартийных разногласий и борьбы «правых» против Ленинской линии партии и ее ЦК. Пленум ЦК и ЦКК одобрил резолюцию объединенного заседания Политбюро ЦК и Президиума ЦКК по внутрипартийным делам от 9 февраля 1929 года и осудил фракционную, антипартийную деятельность «правых» уклонистов: Бухарина, Рыкова, Томского и других. Пленум ЦК и ЦКК принял, кроме одобренной им резолюции Политбюро ЦК и Президиума ЦКК, специальную большую резолюцию по внутрипартийным вопросам.

Разоблачив попытки Бухарина сколотить фракционный блок с троцкистами, Сталин глубоко теоретически с принципиально-политическим разбором фактов вскрыл и доказал наличие правооппортунистической антипартийной линии группы Бухарина, противопоставляемой революционной Ленинской линии партии. Сталин опроверг рассуждения части товарищей,

которые хотя и не присоединялись к Бухарину, Рыкову, Томскому, но считали разногласия «правых» с партией случайными и не столь значительными. Сталин доказал, что «разногласия в нашей партии возникли на почве тех классовых сдвигов, на почве того обострения классовой борьбы, которое происходит в последнее время и которое создает перелом в развитии. Главная ошибка группы Бухарина состоит в том, что она не видит этих сдвигов и этого перелома, не видит и не хочет их замечать. Этим, собственно, и объясняется то непонимание новых задач партии и Коминтерна, которое составляет характерную черту «Бухаринской оппозиции».

Резолюция Пленума ЦК и ЦКК устанавливает, что «правоуклонисты» капитулируют перед трудностями, связанными с социалистической реконструкцией народного хозяйства и обострением классовой борьбы. Тем более опасной является скрытая форма «правого уклона», в которой под прикрытием официального согласия с решениями партии оппортунистические элементы извращают на деле ее классовую линию. Поэтому разоблачение «правого уклона» в практической работе должно являться необходимой составной частью борьбы против оппортунизма в партии».

Помню, что у некоторых были сомнения в необходимости этого подчеркивания оппортунизма на практике, но громадное большинство, в первую очередь в самом Политбюро и Секретариате ЦК, считало абсолютно необходимым это указание, практика показала всю его важность. Думаю, что оно останется в силе на долгие годы, пока жив оппортунизм.

Пленум осудил взгляды группы Бухарина, Рыкова и Томского и переговоры Бухарина с Каменевым как яркое выражение фракционности, осудил политику отставок и постановил снять Бухарина и Томского с занимаемых ими постов (в «Правде», Коминтерне и ВЦСПС) и предупредил их, что при попытке нарушения постановлений ЦК они будут выведены из состава Политбюро. Резолюция эта в тот момент не была опубликована в печати, но постановлением Пленума разослана всем организациям партии и роздана делегатам XVI партконференции. Должен отметить, что среди членов Пленума ЦК и ЦКК и даже Политбюро высказывалось сожаление о том, что речь Сталина не была произнесена на XVI партконференции. В одной из бесед в Секретариате ЦК товарищ Сталин сказал, что это не случайность, а сделано сознательно, поскольку мы сейчас стараемся сдерживать широкую дискуссию. «Мы, — сказал тов. Ста-

лин, — поручим тов. Молотову выступить с информационным докладом о прошедшем апрельском Пленуме ЦК и ЦКК, о его решениях. В этом же докладе т. Молотов расскажет и о моем выступлении».

Доклад тов. Молотова на XVI конференции имел очень большое значение для делегатов конференции и для всех членов партии. Он обосновал резолюцию Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) и обстоятельно рассказал о речи тов. Сталина на Пленуме «О правом уклоне в ВКП(б)». По докладу Молотова XVI партконференция приняла краткую резолюцию: «Заслушав информационный доклад т. Молотова о работе апрельского объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) в связи с отходом группы Бухарина от Генеральной линии партии в сторону правого уклона и ознакомившись с соответствующими решениями этого Пленума, XVI Всесоюзная конференция ВКП(б) полностью одобряет резолюцию апрельского объединенного Пленума ЦК и ЦКК о внутрипартийных делах, принятую 23 апреля 1929 г.

Конференция призывает членов партии теснее сплотиться вокруг своего Ленинского ЦК и неукоснительно проводить в жизнь его решения, давая сокрушительный отпор уклонам от Ленинской линии партии и прежде всего правому уклону и примиренчеству к ним».

Это небольшое по размерам решение партконференции «О внутрипартийных делах» завершило все ее решения:

о пятилетнем плане развития народного хозяйства;

о путях подъема сельского хозяйства и налоговом обложении середняка;

об итогах и ближайших задачах борьбы с бюрократизмом;

о чистке и проверке членов и кандидатов ВКП(б);

обращение конференции «Ко всем рабочим и трудящимся крестьянам Советского Союза».

Резолюция «О внутрипартийных делах» придала этим решениям новую силу большевистской, Ленинской партийности, непримиримости в борьбе с уклонами от Ленинской теории, политической линии и практики, в особенности с правым уклоном. Этим конференция подчеркнула, что все ее решения, в первую очередь «О пятилетнем плане», могут быть успешно осуществлены только тогда, когда партия сплочена вокруг своего Ленинского ЦК и по-ленински воюет не только с прямыми классовыми врагами, но и с их вольными и невольными выразителями в рядах самой партии.

РЕШЕНИЕ ЦК ВКП(б) ПО ВОПРОСАМ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. ПОЕЗДКА В ДОНБАСС

В своем руководстве мобилизацией и организацией сил партии и рабочего класса для успешного строительства социализма и выполнения пятилетки в четыре года Центральный Комитет добирался до самых глубин и корней масс, до предприятий и их низовой первичной партийной организации. В выборочном порядке ЦК проверял и заслушивал доклады ячеек предприятий, принимая решения, направленные на улучшение положения дел и выполнение ими поставленной задачи. Это, например, охватило прежде всего такие стройки и предприятия, которые обеспечивали социалистическую перестройку сельского хозяйства — такие гиганты, как: Сталинградский, Харьковский, Челябинский тракторные заводы, Ростовский и Саратовский комбайновые заводы и т.д. Я хорошо помню, как неоднократно ЦК посылал своих посланцев на эти стройки, принимая по их докладам решения о мерах ускорения хода строительства и помощи им. А после пуска ЦК вновь уже занимался освоением мощностей и организацией коммунистов и массы беспартийных рабочих на выпуск ожидаемой на колхозных полях продукции. В постановлении ЦК «О состоянии партийно-массовой работы на Сталинградском тракторном заводе» (от 26 сентября 1930 г.) ЦК с удовлетворением констатировал, что «парторганизация и хозруководство строительства, опираясь на активнейшее участие широких рабочих масс и основных кадров инженерно-технического персонала, успешно, ранее установленного срока, закончили постройку первого в СССР тракторного гиганта. Рабочая масса и парторганизация строительства сумели выковать из своей среды подлинных энтузиастов строительства (проведение 40-дневки по монтажу, переброска ударных бригад в помощь другим строительствам: Челябстрой, Магнитстрой, Кузнецкстрой и другие)». Указывая на эти высокие качества всего коллектива сталинградцев, ЦК в то же время упрекал хозяйственное руководство, партийные и профсоюзные организации за то, что они не сумели направить проявленный в период строительства энтузиазм масс на решение новых задач по производству тракторов. Хозруководство и ВАТО не подготовили рабочей силы, невнимательно отнеслись к организации опытного тракторостроения, своевременного поступления оборудования и ин-

струмента и т.д. Партийные и профсоюзные организации не перестроились и не подняли инициативу инженерно-технических работников для лучшего использования всех возможностей для массового выпуска тракторов. Точно так же и Нижне-Волжский крайком партии и окружком не проявили должного внимания к вопросам руководства. Результатом всего этого и явился срыв производственной программы IV кв. 1929–1930 годов и демобилизация активности рабочей массы. ЦК констатировал наличие слабости в партийно-массовой работе на заводе, особенно среди американских рабочих, слабое внимание к обслуживанию их культурных запросов не только со стороны местных организаций, но и краевых и центральных (ЦК ВСРМ и ВАТО), что наглядно и резко проявилось в происшедшем факте избиения негра американцами. ЦК потребовал от заводских и краевых органов ликвидировать прорыв текущего года, мобилизовать всю массу рабочих и инженерно-технических работников на успешное развертывание производства и выполнение плана 1930–1931 годов. ЦК обязал Нижне-Волжский крайком поднять и развернуть политическую и культурную работу, подобрав группу квалифицированных работников для укрепления всех звеньев завода. Партийные, профсоюзные и комсомольские организации завода должны были перенести центр тяжести всей работы в цех, развить новые формы массовой работы: встречный промфинплан, сквозные бригады и т.д. Все партийцы и комсомольцы должны были стать действительными передовиками в освоении новой американской техники, а во всей работе заводских организаций широко развернуть пролетарскую самокритику. ЦК требует, чтобы партийные и профсоюзные организации приняли действенные и самые решительные меры к улучшению бытового обслуживания рабочих, общественного питания и работы кооперации; обратили особое внимание на усиление и ускорение темпов жилищного и культурно-бытового строительства. В связи с проявлением в отдельных группах рабочих и ИТР отсталых настроений против использования американских специалистов и против применения американских методов организации технических процессов ЦК предложил провести широкую разъяснительную работу среди рабочих завода о роли американцев на заводе. Среди самих американских рабочих предстояло поставить на должную высоту культурно-просветительскую работу, организовать красный уголок, кино, снабжение литературой и т.д., обратив особое внимание на интернациональное воспитание. Организовать среди них работу по разъяснению

пятилетки, Советской Конституции и других вопросов социалистического строительства, организовать работу по втягиванию американских рабочих в социалистические формы труда, работу производственных совещаний, соцсоревнование и ударничество.

Последующий опыт показал, что осуществление этих указаний ЦК дало положительные результаты. В своем постановлении ЦК особенно подчеркнул совершенно неудовлетворительное состояние и работу комсомола на заводе, тем более нетерпимое, поскольку молодежь составляла половину рабочих на заводе. ЦК ВКП(б) обязал ЦК комсомола и местные парторганизации принять срочные энергичные меры к укреплению комсомольской организации, поднятию и улучшению ее работы, добиваясь, чтобы комсомол являлся действительным застрельщиком выполнения производственной программы. Для этого необходимо развернуть массовую работу, приспособив ее к отдельным прослойкам молодежи, в частности наладив обслуживание молодежи националов. Конечно, за 50 лет с того момента, как было принято это постановление ЦК, многое изменилось, но немало есть такого в этом постановлении, что можно и нужно учитывать и сегодня. Постановление это и другие, последовавшие по другим заводам, обеспечили успешное освоение построенных тракторных, комбайновых и других заводов по производству сельхозмашин и насыщение ими колхозных полей.

Особенно большое внимание проявлял ЦК к угольной промышленности Кузбасса, без развития которой невозможно было и развитие металлургии Урала и Сибири и, следовательно, решение всей проблемы Урало-Кузнецкого комбината. В ЦК разрабатывались и принимались постановления об угольной промышленности Кузнецкого бассейна. ЦК ВКП(б) насыщал угольный Кузбасс кадрами, широко используя старые опытные кадры нашего славного Донецкого бассейна. В Кузбасс выезжали на протяжении ряда лет представители ЦК, ЦКК и Совнаркома, в частности, не раз выезжали в Кузнецкий бассейн члены Политбюро тт. Молотов, Каганович, Орджоникидзе, Куйбышев и другие. Это особенно бесило вредителей, срывавших, как это показали судебные процессы, развитие Кузбасса, строительство и работу угольных шахт. Но усилия партии, ЦК и правительства преодолели все препятствия, потому что ЦК поднял перед народом и партией этот вопрос на огромную историческую высоту. Помню, когда мы вырабатывали проект постановления ЦК «О положении угольной промышленности в Кузнецком бассейне», товарищ Сталин пред-

ложил нам предпослать большую вводную часть о значении Кузнецкого бассейна, чтобы вся партия и народ знали и понимали Великое значение этого дела. И в принятом постановлении ЦК ВКП(б) по докладу Востугля дана эта глубокая, я бы сказал, блестящая вводная часть.

Было бы, однако, ошибочным воспринимать усиленное внимание ЦК и правительства к Кузнецкому бассейну как ослабление внимания к Донецкому бассейну, остававшемуся в то время основной базой топливоснабжения нашей развивающейся индустрии.

В 1933 году добыча угля в Донбассе вновь захромала: план добычи не выполнялся, а в первом квартале 1933 года добыча упала ниже первого квартала 1932 года, несмотря на рост технической вооруженности Донбасса и улучшение рабочего снабжения. Центральный Комитет партии вновь забил тревогу и потребовал от ВСНХ объяснений и мер для улучшения положения в Донбассе. Представленный доклад и проект постановления не дали должного ответа на волнующие вопросы. Тов. Сталин предложил провести более глубокое ознакомление с положением дел на месте с тем, чтобы потом вызвать работников угольной промышленности Донбасса, в том числе низовых работников и рабочих-ударников, посоветоваться с ними и разработать проект постановления и конкретные мероприятия. Это предложение Сталина было принято.

В Донбасс была послана группа ответственных работников ЦК ВКП(б), ВСНХ, ВЦСПС и ЦК союза горняков. По предложению Сталина, возглавил эту бригаду секретарь ЦК ВКП(б) тов. Каганович Л.М. В Донбассе мы провели большую работу, конечно, вместе с Донецким обкомом и райкомами партии, Донецким областным советом профсоюзов и союзом горняков. Был обследован ряд шахт со всеми их закоулками, общежития, проведены не только официальные совещания и активы, но и беседы с рабочими-шахтерами и инженерно-техническими работниками, и притом не только с передовиками-ударниками, но и с отстающими или даже отсталыми. Мы, естественно, получили полноценный важный материал для выводов и предложений.

Основной вывод заключался в том, что Донбасс вырос, в значительной степени механизировался, условия работы на шахтах изменились; труд стал более сложным, рабочие на шахтах стали более квалифицированными. В этих условиях требуется более квалифицированное руководство в самой шахте, в лавах, в забое, а между тем оно — это руководство — отстало. В то время как потребности шахты изменились — ей нужны были опытные инжене-

ры и техники, — тресты и рудоуправления продолжали держать квалифицированные кадры у себя, не отдавая их шахтам, да и заработную плату инженеры, техники, работники в шахтах получали меньшую, чем в трестах и рудоуправлениях. Одним словом, руководство шахтой из треста продолжалось по старинке, как при ручной добыче, тогда как шахта превратилась в предприятие со сложными механизмами и, естественно, требовала более сложного управления ею.

Наши выводы и практические предложения по большинству вопросов были согласованы с Донецким обкомом партии и по приезде в Москву были доложены ЦК ВКП(б). На совещании Секретариата ЦК с участием товарищей Сталина, Молотова и Орджоникидзе проведенная нами в Донбассе работа была одобрена и выводы наши признаны правильными. Было поручено составить проект постановления ЦК и СНК, который, по предложению тов. Сталина, решено было обсудить на совещании в ЦК с участием низовых работников Донбасса. Состав этого совещания поручили установить тт. Кагановичу и Орджоникидзе.

Созванное совещание было одним из первых в серии таких совещаний ЦК по всей угольной промышленности, да и не только угольной, и имело очень большое значение для разработки не только общего постановления, но и ряда конкретных положений и мероприятий по улучшению управления промышленностью, по заработной плате и другим крупным вопросам. Совещание носило скорее характер беседы руководства ЦК, в первую очередь Сталина, с непосредственными работниками производства и с передовыми рабочими-шахтерами. Между прочим, важно отметить и даже подчеркнуть, что нигде в печати не сообщалось об этих совещаниях и беседах Сталина и членов Политбюро с рабочими и инженерами, так же и о других делах подобного рода, которые проходили как внутренние подготовительные работы к решениям ЦК.

В ЦК были вызваны работники угольной промышленности Донбасса, в большинстве низовые работники шахт и шахтеры, совещания эти проводил Сталин с участием членов Политбюро. Никаких общих докладов не было. Когда все собрались, Сталин коротко, можно сказать, в двух словах, сказал, что положение в Донбассе поправляется крайне медленно, устойчивости нет, решения ЦК выполняются неудовлетворительно. «Вот ЦК и решил вызвать вас, выслушать вас и посоветоваться с вами, как же нам добиться устойчивого подъема Донбасса. Прошу вас, кто посмелее, быть первооткрывателем обсуждения вопроса». Конечно, низовые люди, впервые приехавшие на такое высокое совещание,

не ожидали, что им придется начинать. Наоборот, они ожидали доклада центровика, а тут, как один из них, Касауров, потом мне сказал, им предстояло первыми «исповедоваться». Но шахтеры — народ храбрый и развернулись активно, откровенно и прямо в своих выступлениях. Были и споры и опровержения обвинений местных работников центровиками и обратно — обвинений центровиков местными работниками, особенно по части состязания в канцелярско-бюрократических методах руководства и недостаточном внимании к мнениям и нуждам шахт и шахтеров. Но, как резюмировал в конце совещания т. Сталин, «все мы сходимся на том, что так дальше оставлять нельзя, что требуется новое постановление и, может быть, не одно, в котором без обиняков, со всей большевистской, Ленинской прямотой и остротой надо сказать правду, как она есть — о новом позорном срыве в работе угольной промышленности и необходимости коренного изменения и исправления положения в Донбассе».

Поручено было Секретариату ЦК и ВСНХ, персонально Кагановичу, Орджоникидзе с участием ВЦСПС (тов. Шверника), союза горняков, Донецкого обкома и некоторых активистов угольной промышленности Донбасса доработать проект постановления с учетом всех высказанных на совещании соображений.

8 апреля 1933 года было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О работе угольной промышленности Донбасса». ЦК в этом постановлении не ограничился только общим анализом и констатацией общих недостатков и ошибок, а дал конкретный разбор их сущности и называл конкретно наиболее яркого выразителя антимеханизаторских и канцелярско-бюрократических настроений — тов. Абакумова, руководителя треста «Сталинуголь». Таких, как Абакумов, было немало, но ЦК назвал именно его, потому что он был самым авторитетным среди них и, надо сказать, уважаемым в Донбассе старым, способнейшим деятелем угольной промышленности. По нему многие равнялись, поэтому по его отрицательным сторонам и надо было ударить.

К чести Абакумова, он потом активно перестроился, хорошо выступил на донецком активе угольщиков по моему докладу о постановлении ЦК и СНК. Когда его дружки выступили в защиту своего Егора Трофимовича, он в повторном своем выступлении со свойственным ему юмором им сказал: «Вы бросьте тут защищать «абакумовщину». Абакумов сам уже не тот». И надо сказать, что он не на словах, а на деле перестроился, и я, знавший его много лет как талантливого самородка, вышедшего из шахтеров в руководители треста, с удовольствием это не только констатировал,

но и пригласил его, с согласия тов. Сталина, на работу по строительству Московского метро в качестве первого заместителя начальника строительства и основного руководителя всех подземных работ, за что он был награжден орденом Ленина.

Наш второй выезд в Донбасс не ограничился докладами о принятом ЦК и СНК 8 апреля 1933 года постановлении «О работе угольной промышленности Донбасса». Товарищ Сталин предложил поручить т. Кагановичу и всем выезжающим с ним организовать и провести на месте, совместно с Донецким обкомом, с участием низовых работников, дополнительную доработку проектов постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР о реорганизации управления шахтой, рудником и трестом в Донбассе; о заработной плате рабочих и инженерно-технических сил угольной промышленности Донбасса и о дополнительных мерах усиления партийно-массовой и профсоюзной работы.

Политбюро приняло это предложение, и мы вместе с Донецким обкомом партии проделали большую работу по доработке этих проектов, точнее, по переработке их.

21 мая 1933 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли эти два важнейших постановления.

Глава 12

ВО ГЛАВЕ МОСКОВСКИХ КОММУНИСТОВ

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ В МОСКОВСКОМ РЕГИОНЕ. БОРЬБА ПРОТИВ «ПРАВЫХ» И «ЛЕВЫХ»

В апреле 1930 года меня избрали первым секретарем Московского комитета ВКП(б). Я принимал активное участие в руководстве его деятельностью со стороны ЦК. Будучи избранным в непосредственные руководители МК, я почувствовал бóльшую ответственность и еще бóльшие обязанности.

Я отдавал себе ясный отчет в особом значении и важности Московской большевистской организации. Москва и ее большевистская партийная организация занимали и занимают особое, выдающееся положение в партии, особенно после того, как Москва стала столицей нового Советского государства. К голосу Московской парторганизации чутко прислушивались и прислушиваются местные организации партии, с ее решениями считались все партийные организации Страны Советов. Московская организация в сознании партийцев и пролетариев нашей Родины всегда шла рядом с партийной организацией передового, революционного Ленинграда. Но бывали моменты, когда партии и ее Ленинскому Центральному Комитету приходилось помогать успешно преодолевать отдельные ошибки как в Ленинграде, так и в Москве, проявлявшиеся по преимуществу в верхушке и лишь отчасти в районных парторганизациях.

Московская организация при помощи ЦК успешно боролась с антиленинскими уклонами, например, в 1918 году, когда шла борьба с так называемыми «левыми коммунистами», выступавшими против Брестского мира.

Мне ярко запомнились дни, когда я приехал в Москву из Петрограда вместе со Всероссийской коллегией по организации

Красной Армии в марте 1918 года. Тогда Московская организация уже разбила весьма сильные позиции «левых», но они еще были очень активны не только по вопросу о Брестском мире, но и по другим вопросам внутренней политики.

В 1921 году, когда я был послан ЦК на работу заведующим организационным отделом ВЦСПС, приходилось значительную часть своего времени уделять работе Московского союза кожевников, избравших меня в президиум правления, и работе Замоскворецкого райкома партии, где секретарем тогда была незабвенная тов. Землячка, крепко запрягшая активных партийцев, в том числе и меня, в работу райкома, как прикрепленного к одному из крупнейших революционных предприятий Замоскворечья — кожевенному заводу «Красный Поставщик». Это был острый период борьбы с оживившимися анархистами, меньшевиками и эсерами, использовавшими большие трудности Советского государства в организации производства, особенно снабжения рабочих, для развертывания своей антисоветской контрреволюционной работы. Мы, большевики, мобилизовали все свои силы для того, чтобы политически разбить эти вылазки и оторвать от врагов те группы и слои мелкобуржуазно настроенных рабочих, которые поддавались их влиянию.

Но беда была в том, что и внутри парторганизаций были занозы: троцкисты, «Рабочая оппозиция» (шляпниковцы) и другие им подобные группы. На нашем, например, заводе было много женщин, в том числе активисток, которые поддались влиянию тов. Коллонтай, которая тогда была со Шляпниковым. Они выступали на ячейках против политики партии более завуалированно, чем до X съезда партии, но фактически разлагали даже некоторых коммунистов, настраивая их против партии, ее ЦК и Ленина. Это не удерживалось в партийных рамках, поэтому наша борьба с внутрипартийными оппозициями была острой и напряженной. С удовлетворением вспоминаю, что одной из первых низовых парторганизаций Замоскворечья, занявшей твердую Ленинскую партийную позицию и давшей отпор антипартийным элементам, была славная партийная ячейка «Красного Поставщика», где и беспартийные рабочие дали отпор антисоветчикам (меньшевикам, эсерам, анархистам и прочим). «Красный Поставщик» стал партийной Ленинской крепостью Замоскворечья и такой крепостью оставался на протяжении десятков лет. Я это наблюдал в течение 35 лет моего пребывания членом этой ячейки.

В 1922 году, после повторного возвращения из Туркестана, когда я начал работу заведующим Организационно-инструктор-

ским отделом ЦК, я вновь прикрепился к ячейке этого завода. Это был острый период борьбы с троцкистами и всеми другими видами оппозиции. В Замоскворецком районе, где оппозиция особенно была активна, но где ей не удалось не только получить большинства, но даже и солидной поддержки, она была разбита. На Замоскворецкой районной партийной конференции в 1924 году оппозиция доходила до бешенства и недостойных выпадов против Землячки и других верных линии ЦК активистов, в частности против меня, демагогически величая меня «комиссаром ЦК в Замоскворецком районе». Усилиями всех ленинцев славного Замоскворецкого района троцкисты и прочие были биты, и победила Ленинская линия ЦК.

Хотя троцкистам во время дискуссии 1923 года, благодаря слабой организованности Ленинских сил, удалось захватить руководство в ряде ячеек (студенческих, советских и других) и даже в целом Хамовническом райкоме, они, благодаря усилиям настоящих большевиков, были разбиты во всех районах Москвы, в том числе и Хамовническом. Участвуя по поручению ЦК в руководстве этой борьбой, я видел, как поднялись большевистские силы, верные Ленинизму коммунисты, в особенности старые большевики, и под руководством ЦК нанесли поражение троцкистским раскольникам. Борьба с обнаглевшими троцкистами, «Рабочей оппозицией», децистами-сапроновцами и прочими в Москве не раз принимала особо острый характер потому, что все верхи оппозиции были сосредоточены в Москве, и еще потому, что в Москве, как нигде, наряду с основной массой выдержанных революционных пролетариев и коммунистов, было сосредоточено много чиновников-бюрократов, нэпмановских элементов, спекулянтов и ищущих приключений и своекорыстных интересов людей. Все эти элементы влияли не только на общую обстановку, но и на коммунистов внутри самой партии. После того как Московская организация отбила атаки троцкистов, они, хотя и продолжали свою борьбу в едином блоке с каменевцами-зиновьевцами и даже пробовали в 1927 году вывести своих сторонников на самостоятельную антисоветскую демонстрацию, с треском провалившуюся, уже не поднялись не только до влияния в каком-либо районе, но даже солидной ячейке, хотя и имели еще немалое количество своих сторонников в учреждениях, просвещенческих организациях и т.п.

Эта победа в Московской организации, как и во всей партии, далась нелегко: Центральный Комитет партии, члены его Политбюро, находясь в Москве и придавая Московской организации

первостепенное значение, непосредственно участвовали и руководили борьбой московских большевиков. Был установлен порядок систематических выступлений членов Политбюро и ЦК перед коммунистами и беспартийными рабочими. Часто выступал тов. Сталин, речи которого, не претендуя на внешний ораторский «блеск» (типа Троцкого), были всегда наполнены глубоким историческим, теоретическим и практическим содержанием и своей железной логикой, ясностью мысли, чеканными Ленинскими формулировками и выводами доходили до глубины души и сознания и активиста, и рядового коммуниста, и рабочего.

Вместе со всей партией Московская организация успешно осуществляла курс на индустриализацию страны, хотя ее руководство в лице Угланова подчеркивало, с некоторой хвастливостью, что мы — Москва ситцевая и, следовательно, не задаемся особыми «фантазиями» насчет развития тяжелой индустрии, в том числе и машиностроения.

Когда в 1927-м, особенно в 1928–1929 годах, партия и Советская власть столкнулись с особыми трудностями в области хлебозаготовок, когда кулачество объявило забастовку по сдаче хлеба государству, поставив всю социалистическую реконструкцию под угрозу срыва, в этот период вскрылась и проявилась правая группировка в ЦК и в партии, возглавляемая Бухариным, Рыковым, Томским, оказавшими внутрипартийное сопротивление наступлению на кулака.

Бухарин, как известно, выступил с теоретическими оппортунистическими обоснованиями «врастания кулака в социализм» — врастания этого носителя капитализма в социализм, то есть фактически «правые» вели не к социализму, а к капитализму. На эту правоуклонистскую позицию встал не только первый секретарь МК Угланов, но и большинство бюро МК и бюро некоторых райкомов. Попытки ЦК переубедить, выправить линию тогдашних руководящих работников МК не привели к положительным результатам. Если в первой половине 1928 года Угланов ограничивался общими выступлениями против быстрых темпов индустриализации, отстаивая при этом необходимость прежде всего развития текстильной промышленности в Москве, неразумно и нелогично противопоставляя ее тяжелой промышленности и машиностроению, то во второй половине 1928 года он и его сотоварищи по МК уже выступали более открыто и определенно за «правые» позиции Бухарина, в том числе и против коллективизации.

Во второй половине 1928 года после переезда из Украины на работу в ЦК мне, как и другим работникам ЦК, довелось активно

сотрудничать с районами Москвы, в особенности с теми, с которыми я и раньше был особенно связан, — с Замоскворецким, Рогожско-Симоновским и Сокольническим. Как раз в Рогожско-Симоновском районе «правые» проявляли наибольшую активность и развернули через секретаря райкома Пенькова фракционную работу. Но многие секретари низовых партийных ячеек, особенно производственных, возмутились фракционной работой «правых» и их активиста Пенькова, и более 50 секретарей ячеек этого района в октябре 1928 года прислали в ЦК ВКП(б) письмо, в котором рассказали о фракционной работе Пенькова, который действовал в согласии с Углановым. Это письмо стало известно всем районам Москвы, и некоторые из них, например Сокольнический, уже более решительно выступили против «правой» опасности.

ЦК ВКП(б) обратился с письмом ко всем членам Московской организации, раскрывающим «правые» ошибки МК и призывающим к единству; ЦК выразил уверенность, что, несмотря на то что отдельные руководители проявили «правый уклон», Московская организация в целом была и будет надежной опорой ЦК.

В том же октябре на пленуме МК выступил тов. Сталин, раскрыв сущность «правой опасности в ВКП(б)» и ошибки в Москве. МК принял постановление, в котором был весьма важный пункт о сосредоточении огня идейно-политической борьбы против «правой» опасности и против примиренческого отношения к ней (примиренчество тогда было распространенным явлением, значительная часть этих примиренцев были «правыми»).

Московская парторганизация в дальнейшем развила борьбу с «правыми», и по решению ноябрьского (1928 года) Пленума МК Угланов был снят с поста первого секретаря МК. Вместо него секретарем МК был избран тов. Молотов. Через некоторое время Молотов ввиду его загрузки работой в ЦК был заменен на посту первого секретаря МК Бауманом К.Я.

«Правые» потерпели поражение в Москве, Московская парторганизация, как писал ЦК в своем обращении, была и осталась верной опорой Ленинской линии партии. Это, конечно, не означало, что «правая» опасность уже тогда была ликвидирована, тем более что лидеры «правых» маневрировали и, потерпев поражение, начали маскироваться, заявляя на словах о своих ошибках, а на деле продолжая свою линию во всем Советском Союзе, в том числе и в Москве.

Московская парторганизация, сменившая партруководство, с новыми силами взялась за выполнение первой пятилетки. Вме-

сте со всей партией Московская организация возглавила подъем крестьянской бедноты и лучших слоев середняцкого крестьянства, нашедший свое выражение в развитии в конце 1929 года мощного колхозного движения и ликвидации кулачества как класса. Однако Московская организация и прежде всего МК допустили грубые ошибки в политическом и организационно-хозяйственном подходе к темпам коллективизации, не менее острые, чем в ряде областей и краев страны. Здесь прежде всего сказались последствия длительного руководства «правых» в Московской области. Выступая якобы за крестьянство, углановцы на деле игнорировали деревню, не оказывали никакой помощи сельскому хозяйству и были оторваны от деревни. Город Москва, особенно аппараты облисполкома и МК партии (который тогда был не только городским, но и областным комитетом) не имели связи с деревней. И когда развернулось колхозное движение, аппарат, в котором оставалось еще немало углановцев и особенно примиренцев, вместо руководства со знанием жизни и действительности занялся администрированием и командованием, а новое руководство МК практически слабо проверяло дело и само даже поддалось стихийному потоку вместо руководства им, не борясь с перегибами, творившимися на местах.

Коллективизация за последние 4 месяца 1929 года выросла с 1,8% до 12,2%, а за три месяца 1930 года получился гигантский скачок: на 1 февраля 1930 года уже было 36%, а на 1 марта — 71,7%, а потом... сразу вниз: к 1 апреля 12% и к 1 мая — 7,5%. В то время, как в постановлении Центрального Комитета ВКП(б) Московская область была отнесена к третьей группе коллективизации с завершением ее к весне 1933 года, бюро МК 13 февраля 1930 года вынесло официальное решение закончить коллективизацию в Московской области весной 1930 года, то есть на три года раньше срока, указанного ЦК. Такая «команда» не могла не привести к печальным результатам. В своем последующем объяснительном письме в ЦК первый секретарь МК тов. Бауман писал: «Ввиду того, что: 1) На январском Пленуме МК ВКП(б) в резолюции по моему докладу допущена принципиальная ошибка, выразившаяся в постановке, наряду с выдвинутой ЦК задачей ликвидации кулачества как класса, задачи ликвидации новой буржуазии в целом, исправленная вслед затем МК по предложению ЦК, 2) Московским комитетом была взята неправильная и противоречащая директивам ЦК от 6 января установка о завершении сплошной коллективизации весной этого года, за что я, как первый секретарь, несу, главным образом, ответственность». Дальше

т. Бауман заявляет: «Эти допущенные в работе МК ошибки углублены мною неясностью и неправильностью ряда положений в моем заключительном слове на последнем Пленуме МК, что дало повод к замазыванию имевших место в деле коллективизации ошибок, тормозя тем самым дело их решительного исправления. Я прошу ЦК ВКП(б) освободить меня от работы в Московском комитете в качестве секретаря».

В своем постановлении ЦК записал: «Принимая заявление т. Баумана к сведению, ЦК считает необходимым отметить, что:

1) Тов. Бауман, как секретарь ЦК и первый секретарь Московской областной организации, обязан был стоять во главе тех товарищей Московской областной организации, которые требовали решительной безоговорочной борьбы с искривлениями партлинии и замазыванием ошибок, считая, что только такая борьба может обеспечить настоящее большевистское воспитание кадров.

2) Между тем тов. Бауман вместо того, чтобы выполнить эту свою задачу, в своем заключительном слове на мартовском Пленуме Московской областной организации сам стал замазывать ошибки, проявил на деле примиренческое отношение к «левым» загибщикам и допустил полемику против тех членов Пленума, которые требовали решительной борьбы с искривлениями и быстрой ликвидации ошибок, невольно дезориентировав тем самым Пленум и затруднив правильное воспитание кадров (см. заключительное слово т. Баумана на Пленуме, где он отрицает наличие чрезмерной торопливости и административного нажима в практике колхозного строительства в области). ЦК постановляет удовлетворить просьбу т. Баумана о его освобождении от обязанностей секретаря Московской областной организации».

Вот в этих условиях мне довелось возглавить Московскую организацию. Я в это время был в Сибири, выполняя поручения ЦК по делам коллективизации и хлебозаготовок. Там я и получил телеграмму тов. Сталина, что в связи с сложившимся положением в Московской организации меня — Кагановича выдвигают первым секретарем МК. Согласен ли я? Я ответил, что согласен, и немедля выехал в Москву.

По приезде из Сибири я прежде всего имел беседу с тов. Сталиным, который рассказал мне о положении в Московской организации, объяснил, почему именно моя кандидатура выдвинута на пост секретаря МК, и поставил некоторые важнейшие задачи.

«МК, — сказал Сталин, — плохо связан с деревней и не учитывает ее разнородность, специфичность, сложность. Бауман вино-

вен в том, что он, недоделав начатую работу по очистке руководства от углановцев и примиренцев, дал волю «левацким загибщикам», нарушившим указания ЦК, да и сам он их нарушил. Он испортил то, что было сделано ЦК и бывшим до него первым секретарем товарищем Молотовым. Московская парторганизация оказалась стойкой и заняла правильную линию, но это пока общие резолюции. Самым опасным сейчас является то, что значительная часть актива, особенно в деревенских районах, дезориентирована, а если резче сказать, находится в состоянии разболтанности и разброда, а «правые» — углановцы пользуются этим и натравливают на ЦК, разлагают кадры, они охотно провоцировали «левацкие загибы», а теперь пытаются найти поддержку у «леваков»: первейшая ваша, товарищ Каганович, задача — развернуть большую и глубокую идейно-политическую и организационную работу по сплочению активистов — борцов за линию партии, очистить руководящие органы от «правых» — углановцев, перевоспитать лучшую часть из допустивших «левацкие загибы», а также из примиренцев, заменить неисправимых и неспособных исправить допущенные ошибки, чтобы с новыми силами вновь двинуть вперед коллективизацию. Для этого надо вовсю, смелее выдвигать новые честные, способные кадры работников, которых много в Московской организации. Общие задачи велики в Москве и Московской области. Я, — сказал тов. Сталин, — уверен, что вы как секретарь ЦК обеспечите достойное Москвы и области партийное руководство». Естественно, я обещал товарищу Сталину сделать все, чтобы оправдать доверие.

МК и я, как первый секретарь, выполнили эти и другие указания ЦК и товарища Сталина: прежде всего об устранении имевших место извращений в деле ликвидации кулачества как класса, о восстановлении неправильно раскулаченных середняков и в то же время недопущении восстановления под видом середняков кулаков и спекулянтов, что практиковали оставшиеся в руководстве ряда партийных органов «правые» уклонисты. Проявляя необходимую сдержанность при снятии работников, мы заменяли явно неисправимых и негодных, особенно тех, кто упорствовал в своих ошибках, якшаясь с «правыми», а главное — МК при помощи ЦК смело выдвигал десятки и сотни низовых работников, особенно из рабочих и крестьянской бедноты, на руководящую партийную и советскую работу.

Сразу же после апрельского (1930 года) Пленума МК, на котором я и был избран секретарем МК, были проведены активы по всем районам области, на которые были разосланы доклад-

чики от МК. Они не ограничились, конечно, только докладами, но, имея соответствующие полномочия от МК, принимали вместе с райкомами партии все необходимые меры по осуществлению линии партии и прежде всего ее идейно-политическому разъяснению и сплочению на этой основе актива и всей парторганизации.

Были проведены московские районные партконференции, на которых по поручению ЦК выступили ряд членов Политбюро. Мне лично, как члену ПБ и секретарю МК, пришлось выступать почти на всех городских, районных конференциях, на ряде крупных предприятий и некоторых районных конференциях в области. Выступавшие на районных партконференциях члены Политбюро не просто излагали позиции ЦК, но и полемизировали, опровергали выступления антипартийного и примиренческого характера. Все эти выступления сыграли большую роль в сплочении Московской парторганизации вокруг ЦК и его линии. В мае-июне из Москвы Московским комитетом было послано большое количество рабочих-пропагандистов в деревню, установивших и укрепивших живую связь с деревней. В Москве и на местах принимались практические меры для укрепления устойчивости тех колхозов, которые остались после отлива, по организационно-хозяйственному их укреплению, оказанию им материально-технической помощи, в особенности семенами, и по обеспечению успешного проведения весеннего сева не только колхозами, но и всеми индивидуальными хозяйствами. Московский комитет указывал местным организациям, чтобы был ликвидирован тот разрыв с индивидуальным середняцким крестьянством, который получился после их отлива из колхозов, и на основе проведения весеннего сева, оказания помощи середнякам-неколхозникам вновь восстановить связь, общение и взаимопомощь между колхозами, советскими органами и индивидуальными крестьянами, среди которых было много и бедняков — ближайших кандидатов к вступлению в колхоз на более прочной основе.

В результате всех организационно-хозяйственных мер, большой помощи, оказанной ЦК и правительством, весенний сев 1930 года в Московской области был проведен хорошо, что было решением важнейшей задачи московских организаций. После II областной партконференции и особенно после исторического XVI съезда партии МК и парторганизация развернули мощную, небывало энергичную активную работу парторганизации, профсоюзов, советских органов за успех и победу развернутого на-

ступления социализма по всему фронту, за осуществление сплошной коллективизации на основе полной ликвидации кулачества как класса.

Московские большевики развернули борьбу за выполнение Первой пятилетки в четыре года, ширилось социалистическое соревнование и ударничество среди рабочих масс, усилилась работа партии, профсоюзов, Советов по повышению материального и культурного уровня рабочих и беднейших крестьян, особенно колхозников.

Началось строительство новых машиностроительных заводов, металлургических заводов и угольных шахт, а также реконструкция действующих предприятий на основе внедрения новой техники, в том числе в текстильной промышленности, кожевенно-обувной и других отраслях легкой промышленности.

Развернулась новая работа по реконструкции городского хозяйства Москвы на основе постановления Пленума ЦК ВКП(б), принятого в июне 1931 года по докладу Кагановича «О реконструкции г. Москвы и городов СССР», в особенности строительство метрополитена и канала Москва–Волга.

В соответствии с постановлениями XVI съезда партии перестраивалась работа партийных организаций. Партийная и советская работа была поднята на новый, более высокий уровень, особенно массово-профсоюзная и культурная работа в городе и деревне среди женщин, роль которых гигантски выросла, и среди молодежи, занимавшей все более важное место в промышленности, в колхозах и учебных заведениях. Комсомол, руководство которым партия улучшила, сыграл большую роль в повышении активности молодежи.

Московские большевики усердно, старательно работали над подъемом сельского хозяйства области под лозунгом превращения Московской области из потребляющей в производящую, при этом необходимо иметь в виду, что в тот период Московская область объединяла не только бывшую Московскую губернию, но и бывшие Рязанскую, Тульскую, Калужскую и Тверскую (Калининскую) губернии.

Для выполнения всех этих задач и требовалась победа Ленинской линии партии и ЦК над всеми видами оппозиций, в первую очередь над троцкистами и «правыми» уклонистами, очищение партии от примазавшихся и укрепление ее рядов и Ленинского единства партии. Важным фактором укрепления партии был творческий, массовый метод руководства, основанный на внутрипартийной демократии, широком привлечении партийных и бес-

партийных масс к партийному руководству и управлению государством, проверка исполнения с привлечением широких масс, частый созыв партийных и профсоюзных активов, на которых выступали руководящие деятели, в том числе и члены Политбюро, с широким участием беспартийных передовых работников, а в деревнях — колхозного и советского актива. Это не могло не сказаться плодотворно на строительстве социализма.

За последние четыре месяца 1930 года Московская организация добилась того, что более ста крупных предприятий перевыполнили годовой план. Но так как около ста предприятий недовыполнили план, то общий процент выполнения был около ста процентов. Помню, что среди перевыполнивших план были такие заводы, как: Динамо, Электрозавод им. Лепсе, завод Владимира Ильича, АМО, Гознак, Серп и Молот, Тормозной завод им. Фрунзе, 24-й завод, Красный Богатырь, Каучук и другие. Отстали заводы Тульский оружейный, Подольский механический завод, Люберецкий завод, Подмосковный угольный бассейн и другие. МК разбирал положение на всех указанных заводах и принял необходимые меры улучшения их работы.

Особенно МК занялся Подмосковным бассейном. Я лично неоднократно выезжал в Подмосковный бассейн, в Тулу, в Подольск, в Бобрик и так далее. Изучал особенности бассейна и его отличия от Донбасса, принимал на месте соответствующие меры и докладывал свои выводы на заседаниях МК. Московский комитет принимал меры по улучшению производства, снабжению рабочих, усилению партийной и профсоюзной работы, в особенности в Подмосковном бассейне. Это была трудная работа и борьба за преодоление отсталости и неорганизованности рабочих и слабой организации партийной и профсоюзной работы.

МК уделил особое внимание военной промышленности, которая отставала, в которой сказывались еще последствия раскрытого вредительства. Точно так же МК вплотную подошел к работе железных дорог.

МК тогда еще, в 1930 году, указал на необходимость решительного улучшения работы среди железнодорожников, в частности усиления борьбы с засильем кулацких и вредительских элементов на транспорте. МК уделил усиленное внимание вопросам обеспечения промышленности сырьем, являющимся по преимуществу привозным, в связи с заминкой по обеспечению, например, металлом. Нажали не только на подвоз, но прежде всего на точный учет и выявление залежей металла на складах и предприятиях, был пересмотрен план распределения наличного металла.

Кожевенным и обувным предприятиям не хватало сырья — через центральные органы были приняты меры по выполнению плана заготовок кожсырья. В текстильной промышленности в 1930 году положение было лучше, чем в 1929 году, в связи с лучшим урожаем хлопка.

МК уделял исключительное внимание вопросам коммунального хозяйства, хотя тогда, в 1930 году, вопросы эти еще не ставились с такой широтой, как в 1931 и 1932 годах. Огромное место в работе Московской организации занимало капитальное строительство. На территории Московской области уже тогда было начато строительство Бобриковского, Воскресенского и Угрешского химических комбинатов, начата так называемая реконструкция автомобильного завода «АМО», а на деле — строительство нового автозавода; строительство велосипедного, инструментального, станкостроительного заводов; крупнейшего — первого в СССР — Первого шарикоподшипникового завода и ряда новых шахт в Подмосковном бассейне и т.д. Принимались энергичные меры по обеспечению разворота этого строительства, а также жилищного, коммунального и социально-культурного строительства, поглощавшего почти половину всех капиталовложений в 1930 году. В своих указаниях МК требовал, чтобы советские и хозяйственные органы готовились заблаговременно к новому хозяйственному году, в том числе позаботились об обеспечении промышленности хозяйственными и техническими кадрами. Решающим условием выполнения всех этих задач МК считал действительную перестройку партийных, профсоюзных и хозяйственных органов на основе решений XVI съезда партии, II областной конференции и обращения ЦК ВКП(б) от 3 сентября.

В решениях по сельскому хозяйству и московской деревне МК прежде всего исходил из того, что сельское хозяйство Московской области не представляет единого компактного целого: наряду с зерновыми культурами в бывших Тульском и Рязанском округах имелись льняные и огородно-овощные культуры и молочно-животноводческие районы, хотя в значительной части районов эти отрасли переплетались. Отсюда необходимость дифференцированного и конкретного руководства. МК указывал, что это относится не только к руководству сельскохозяйственным производством, но и к руководству политической жизнью и всей партийной, советской работой. МК, напоминая об имевших место перегибах, указывал, что наибольшее пренебрежение особенностями районов сказалось в весенний период коллективизации.

Рассматривая на бюро МК и принимая необходимые решения по проведению осенней посевной кампании, зяблевой вспашки, хлебозаготовок, овоще-льно-сено-мясозаготовок, МК указывал, что в условиях обострения классовой борьбы в деревне кулак, воспользовавшись перегибами прошлого года и слабостью партийной, советской и шефской работы, захватил в ряде сел и деревень определенные позиции и, вследствие слабой организованности бедноты, сохраняет эти позиции.

По коллективизации МК требовал от районных организаций, наряду с продолжением работы по укреплению существующих колхозов, усилить работу по организации новых колхозов, улучшить работу среди бедноты и усилить борьбу с кулаком. Между тем, отмечал МК, несмотря на то что для дальнейшего развертывания колхозного движения требуется решительное усиление борьбы с кулаком, ряд партийных организаций отделывается общими фразами и зачастую занимает «правую», примиренческую позицию в отношении борьбы с кулаком.

При рассмотрении вопросов о заготовках МК указывал, что эта слабость в борьбе с кулаком сказалась на хлебо- и овощезаготовках. МК неоднократно рассматривал вопрос коллективизации, организационно-хозяйственного укрепления колхозов, организации МТС и особенно заготовок, подходя дифференцированно по группам районов.

Особо МК занимался вопросом укрепления районных и деревенских парторганизаций. МК не боялся сказать прямо, что деревенские парторганизации Московской области слабее, чем в какой-либо другой области Союза, что имеются районы, в которых всего 60 коммунистов, из которых 50 находятся в районном центре и только 10 в селах — на 80-90 тысяч населения.

МК потребовал от городских организаций, чтобы они не формально шефствовали над деревней, а чтобы каждая городская ячейка поставила перед собой задачу создания деревенской ячейки, оказывая ей систематическую помощь; чтобы городские ячейки вместе с деревенскими отвечали за организацию бедноты и за успешную борьбу с кулачеством. МК это требовал от московских организаций, которые должны были стать образцом по работе в деревне, используя в первую очередь рабочих, связанных с деревней. Это решение МК сыграло большую роль. МК в связи с ликвидацией округов проводил в жизнь свое решение об укреплении районных центров. МК подчеркивал, что многие районные работники добросовестно желают решать стоящие перед ними задачи, но у них не хватает еще достаточного опыта и знаний, что

обязанность МК состоит в том, чтобы помочь им развернуться в настоящих руководителей. В то же время, отмечал МК, некоторые присланные в районы из округов и области работники хнычут, жалуются на трудности и вместо бодрости вносят в организацию элементы расхлябанности и неуверенности. МК указывал, что областная организация в целом и городская Московская организация в частности не прониклись еще сознанием всей важности поворота лицом к району, лицом к селу.

МК указывал на особую остроту этой задачи, потому что в этот период в области было не простое обострение классовой борьбы, а был раскрыт ряд контрреволюционных организаций, состоявших из бывших помещиков, торговцев, контрреволюционного духовенства, бывших полицейских, жандармов и кулаков, и эсеровских контрреволюционных организаций. Это занимало большое место в нашей борьбе. Во внутрипартийной жизни за истекшие после XVI съезда месяцы факты подтвердили предупреждение съезда о том, что оппортунисты всех мастей, особенно «правые», формально признают свои ошибки и формально соглашаются с генеральной линией партии, но своей работой они это не подтверждают, что означает их переход от открытой борьбы к скрытой, к выжиданию более благоприятных условий для новых атак на партию.

В Москве борьба «правых» приняла активно-скрытый характер. МК разоблачил ближайшего соратника Угланова — бывшего секретаря Краснопресненского райкома Рютина. Эта рютинская организация пропагандировала, по сути, меньшевистско-белогвардейские оценки положения в партии и в стране. В Московской организации была проведена серьезная идеологически-разъяснительная работа и борьба в связи с рютинским делом и активизацией группы Слепкова, Марецкого и других, которая была связана с двурушническим поведением лидеров «правых» — Бухарина, Рыкова и Томского.

В октябре-ноябре были разоблачены две фракционные группы, составившие один блок, — первая группа Сырцова и вторая — Ломинадзе. Сырцов выступал открыто с «правых» позиций, а Ломинадзе вуалировал свое выступление левацкими фразами. Созданный ими единый блок именовался право-левацким, но на деле они сблокировались на «правых» позициях против темпов индустриализации и коллективизации. Блок этот был отражением блока троцкистов с «правыми» с целью атаки на генеральную линию партии. Вопрос об этом блоке обсуждался на Политбюро.

МК провел в Московской организации большую идеологиче-

скую работу, разоблачая двурушническую фракционную деятельность этого право-левацкого блока, что укрепило Московскую организацию, как и всю партию.

Подводя в ноябре итоги проведенной идеологической борьбы внутри партии, МК особо подчеркивал, что, изгоняя из своих рядов оппортунистов, двурушников, всех тех, кто в своей борьбе с политикой партии смыкается с прямыми буржуазно-кулацкими идеологами контрреволюции: Кондратьевым, Громаном, Рамзиным и другими, — мы должны еще больше развертывать подлинную большевистскую самокритику, выкорчевывать недостатки в нашей работе, еще больше сплачиваясь вокруг ЦК для осуществления генеральной линии.

МК разработал практические указания райкомам и ячейкам об усилении идейно-воспитательной работы среди членов партии и беспартийных рабочих, о более близком и непосредственном подходе райкомов к работе каждой ячейки, каждого предприятия и своевременного реагирования на вылазки антипартийных и антисоветских элементов. В постановлении «Об улучшении массовой и внутрипартийной работы» МК дал развернутую программу разукрупнения райкомов Москвы, перестройки низовых партячеек и перенесения партийной работы в цех, в бригаду, увеличения сети цеховых ячеек и общего улучшения партийной работы на заводах.

Большое значение для воспитания организации имели частые активы, на которых выступали члены Политбюро Сталин, Калинин, Молотов, Каганович, Орджоникидзе, Ворошилов, Куйбышев, Рудзутак, Микоян и другие.

Партия, ее передовая Московская организация практически организовали борьбу и работу многомиллионных масс рабочих, крестьян и интеллигенции для осуществления этих генеральных лозунгов и задач.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН РЕКОНСТРУКЦИИ МОСКВЫ

Из всех отраслей народного хозяйства наиболее действенным, непосредственным рычагом улучшения бытового положения трудящихся и перестройки их быта на социалистических основах является городское и поселковое хозяйство.

Советское государство, как записано в Программе партии, принятой на VIII съезде, «экспроприировало полностью все дома капиталистических домовладельцев и передало их городским Со-

ветам; произвело массовое вселение рабочих с окраин в буржуазные дома». Однако городское хозяйство, крайне отсталое при царизме, пришло в еще больший упадок за период империалистической войны и контрреволюционной интервенции. После победы в гражданской войне и над интервентами партия и Советская власть прежде всего сосредоточили свои усилия на восстановлении промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Восстанавливалось, конечно, и городское хозяйство, но недостаточными темпами. С 1928 года партия и Советская власть получили возможность более активно взяться за городское хозяйство, в особенности в Москве, Ленинграде, Харькове и других крупных городах. К 1931 году был в основном завершен восстановительный период в городском хозяйстве.

Однако бурный рост промышленности и населения городов предъявил новые большие требования к городам. Мы это в особенности остро ощутили в Москве. С 1931 по 1935 год население Москвы выросло почти на 1 миллион, опережая рост городского хозяйства. В 1930–1931 годах городское хозяйство Москвы стало самым узким местом, затрудняя в дальнейшем развитие промышленности, удовлетворение нужд городского населения в водоснабжении, канализации, транспорте, электроснабжении, отоплении и особенно в обеспечении жильем, школами, больницами. Положение становилось крайне острым. Дошло до того, что на третьи и четвертые этажи домов вода не поступала, на городском транспорте создавались большие заторы. Рабочие роптали.

Вопрос о положении дел в городском хозяйстве Москвы обсуждался не только в Московском комитете, но и в Политбюро ЦК. Помню выступление тов. Сталина на Политбюро. Необходимо, сказал он, развернуть вопрос широко и взяться за коренную реконструкцию Москвы и вместе с ней — всех крупных городов СССР. Политбюро создало комиссию, в которую вошли члены Политбюро, в том числе и Сталин. Председателем комиссии был избран Каганович Л.М., и его же назначили докладчиком на июньском Пленуме ЦК, на котором был поставлен вопрос о московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР.

К разработке проекта были привлечены местные работники, многочисленные специалисты и компетентные люди прежде всего из самой Москвы. Большая работа была проделана Московским комитетом и Моссоветом.

Московский комитет и Моссовет разработали большое количество мероприятий, которые были одобрены Политбюро и Пленумом ЦК и включены в приложение к его основному постановлению.

ЦК не ограничился общими указаниями, а дал ряд заданий в конкретном цифровом выражении. Например, по жилищному строительству в Москве ЦК установил задание: в течение трех лет по бюджету Моссовета и промышленности построить новых домов не менее чем на полмиллиона населения, не считая кооперативного и другого строительства, а также провести надстройку этажей (которая тогда нами была широко развернута). ЦК также указал на крайнюю остроту задачи ремонта жилфонда Москвы. Во всем строительстве, подчеркнул ЦК, необходимо учесть новые задачи быта: механизированные общественные прачечные, больницы, детские дома, детские сады, площадки, ясли, приобретающие особо важное значение в связи с все большим вовлечением женщин в производство. «Сеть детских садов, площадок и яслей, — сказано в постановлении, — должна быть развернута таким образом, чтобы в течение двух лет охватить всех детей рабочих, занятых на производстве».

В постановлении Пленума ЦК определены задания по строительству магазинов, по развитию общественного питания и хлебопечения, с тем чтобы к концу 1932 года в основном механизировать хлебопечение Москвы, и также по развитию энергетического хозяйства города. Не осталось ни одной отрасли городского хозяйства, по которой Пленум ЦК не дал бы указаний.

Пленум ЦК постановил построить в Москве метрополитен и обводнить Москва-реку, соединив ее каналом с Волгой.

Можно без преувеличения сказать, что июньский Пленум ЦК ВКП(б) 1931 года открыл новую страницу и поставил новую историческую веху в развитии городов и городского хозяйства СССР и особенно столицы Советского Союза — нашей родной Москвы. После Пленума ЦК развернулась грандиозная работа по всем крупным городам СССР, особенно в Москве, где я как секретарь МК вместе с другими руководящими товарищами Булганиным, Хрущевым, Каминским, Маленковым, Филатовым и другими непосредственно принимал руководящее участие в этой работе. Основные постановления и планы принимались совместно с Моссоветом, а более конкретные хозяйственные и административные мероприятия проводились самим Моссоветом и его президиумом. Разумеется, партийно-политические мероприятия обеспечивались МК и МГК, райкомами ВКП(б). Большое практическое значение имело объединенное постановление бюро Московского областного комитета партии, бюро Московского городского комитета партии и фракции Мособлисполкома и горисполкома Моссовета о практических мероприятиях по улучшению

и развитию московского городского хозяйства. Это постановление было одобрено Политбюро ЦК ВКП(б). Для представления о конкретности и деловитости этого постановления укажу на важнейшие вопросы и мероприятия этого постановления, которые практически осуществлялись:

1. Общие экономические вопросы и особенно по бюджету и контрольным цифрам города Москвы. Это было очень важно, поскольку выделение Москвы в отдельную административную и хозяйственную единицу было произведено после составления единого областного бюджета и контрольных цифр.

2. Жилищное хозяйство и ближайшие перспективы жилищного строительства, в том числе ремонт жилого фонда, новое жилищное строительство, оргвопросы и вопросы управления домами.

3. Обеспечение Москвы топливом и энергетическое хозяйство.

4. Развитие московского городского транспорта, в том числе улучшение автохозяйства, грузового движения и гаражного хозяйства, мероприятия по реконструкции городского транспорта.

5. Мероприятия по коренному переустройству дорожного и подземного хозяйства Москвы, строительство мостов и набережных.

6. Улучшение и развитие водоснабжения и судоходства, в том числе капитальное строительство и реконструкция канализации.

7. Очистка Москвы, обеспечение санитарного состояния города и зеленые насаждения.

8. Планировка города Москвы.

Уже одно перечисление поставленных проблем и задач показывает размах, который приобрела вся эта работа по выполнению постановления июньского Пленума ЦК ВКП(б).

Без романтического преувеличения скажу, что вспоминаю об этом с особым чувством душевного волнения. Особенно это относится к строительству Московского метрополитена, канала Москва–Волга и к планировке Москвы, ее архитектурному оформлению, выработке и осуществлению Генерального плана реконструкции Москвы.

Июньский Пленум ЦК обязал московские организации приступить к разработке серьезного, научно обоснованного плана дальнейшего расширения и застройки Москвы. Он указал, что при планировке Москвы как социалистического города, в противоположность капиталистическим городам, не должна допускаться чрезмерная концентрация на небольших участках больших массивов населения, предприятий, школ, больниц, театров, клубов, магазинов, столовых и т.д.

В своих выступлениях на московских партийных активах, на Пленуме Моссовета и на совещаниях с архитекторами, которые МК, МГК и Моссовет собирали, я развивал решения Пленума прежде всего для правильного уяснения и понимания принципиальных основ предстоящей практической работы по разработке Генерального плана Москвы. При разработке и рассмотрении вопроса о плане Москвы были споры и различные точки зрения, которые приходилось разбирать, частью отклоняя, а частью отсеивая неприемлемое и воспринимая лучшее. В основном мы боролись на два фронта: против идеологов городской гигантомании и против сторонников разукрупнения Москвы и немедленного вывода из нее некоторых крупных предприятий и т.п. Нами были отклонены разные предложения: о ликвидации радиально-кольцевой системы Москвы, потому что она якобы свойственна феодальному городу и находится в «непримиримом» противоречии с социалистическим городом (эти «леваки» не хотели считаться с исторически сложившейся реальностью, которую необходимо улучшать, изменять, но не уничтожать); о создании на месте радиально-кольцевой системы шахматной схемы города. Были отклонены также предложения «правого» крыла архитекторов — оставить старую Москву в неприкосновенном виде в ее дворянско-купеческом, поповском облике с развертыванием нового строительства только на новом месте; «леваки» отчасти с ними смыкались. Были содержательные, интересные совещания с архитекторами и строителями Москвы, среди которых выделяются: совещание в Москве, созванное ЦК, МГК и Моссоветом в 1932 году, на котором присутствовало несколько сот человек, и я выступил с большой речью, и совещание в 1934 году при ЦК ВКП(б), на котором присутствовали руководители партии и правительства, представители московских организаций и более 50 архитекторов и планировщиков. Это было совещание, на котором нами были представлены основные наметки плана. Эти наметки были одобрены ЦК и СНК, и тов. Сталин в своем выступлении дал важнейшие указания относительно окончательного варианта плана. В своем выступлении на Пленуме Моссовета (июль 1934 г.) я следующим образом изложил эти указания: «В своем плане Москвы мы отвергли крайности. Товарищ Сталин, отметив, что позиция, занятая московскими организациями в планировке Москвы, правильна, указал, что в перестройке города мы должны вести борьбу на два фронта. Для нас неприемлема и позиция тех, кто отрицает самый принцип города, кто тянет нас к оставлению Москвы большой дерев-

ней, и позиция сторонников излишеств урбанизации, тех, кто предлагает строить город по типу капиталистических городов с чрезмерной переуплотненностью населения. История показывает нам, что наиболее экономным типом расселения в промышленных районах является город, дающий экономию на канализации, водопроводе, освещении, отоплении и т.д. Поэтому неправы те, которые предлагают растянуть город и превратить его в деревню и лишить его всех преимуществ коммунального обслуживания и культурной городской жизни. Мы должны строить по крайней мере не ниже 6-7-этажных домов и допускать строительство 15- и даже 20-этажных». Разработка Генерального плана Москвы велась в течение трех с лишним лет. Не надо забывать, что это был первый опыт социалистического планирования такого Великого города, как наша Москва. Сегодня, через 40 лет, все это дается, конечно, намного легче. Мы учились на каждой конкретной стройке, улице, районе.

С одобрения ЦК МК и Моссовет образовали постоянно действующую архитектурно-планировочную комиссию МК, МГК и Моссовета (сокращенно Архплан). В эту комиссию были включены руководящие деятели МК, МГК и Моссовета: Каганович (председатель), Булганин, Хрущев, Филатов, Коган, Мельбард, Перчик, Булушев и другие и большая группа видных архитекторов: академики Жолтовский, Щусев, Щуко, профессора Чернышев, Веснин, Бархин, Гельфрейх, архитекторы Крюков, Алабян, Мордвинов, Иофан, Николаев, Колли и другие. Комиссия эта заседала еженедельно, а то и чаще, рассматривая не только вопросы, связанные с составлением плана — по магистралям, участкам, узлам и районам, но и проекты отдельных важных сооружений, в том числе и больших домов, о которых проектировщики докладывали, обосновывая и защищая свой проект, а члены комиссии давали свои замечания, советы, а иногда и отклоняли вовсе представленный проект.

Важное значение тогда имело постановление МК, МГК и Моссовета о новой организационной форме объединения архитекторов — Архитектурно-проектных и Архитектурно-планировочных мастерских. Это была хорошая и плодотворная инициатива, так как до этого архитекторы Москвы работали в одиночку или мелкими группами. Мы их называли, полушутя, полусерьезно, по примеру деревни, «индивидуалами», или, как выражались тогда в деревне, «инадувалами», а чаще всего кустарями и надомниками. Вначале некоторые «индивидуалисты», особенно «модные», кочевряжились, но громадное большинство архитекторов

с охотой восприняли это предложение. Жизнь показала, что это не только не привело к обезличке, к затиранию индивидуальных творческих способностей, как некоторые предрекали, а, напротив, помогло архитекторам развернуть свои творческие силы. Сегодня я не могу не выразить чувства большого удовлетворения тем, что наше тогдашнее предложение оказалось столь жизненным — творчество архитекторов расцветало. Нельзя не радоваться тому, что мы, старые большевики, ранее никогда не занимавшиеся подобными вопросами, соединили свои усилия со знаниями старых специалистов, отдавших Советскому строю лучшие стороны старой своей культуры. Мы изучали опыт заграницы, в особенности опыт француза Османна по перепланировке Парижа, но нельзя сравнивать эту, хотя и серьезную, работу с Генеральным планом Москвы, имея в виду те непреодолимые трудности, которые встречала перепланировка Парижа в связи «священной и неприкосновенной» частной собственностью.

В результате большого коллективного труда был разработан научный, фундаментальный, коренным образом изменяющий облик города и официально принятый правительством первый Генеральный план реконструкции Москвы. Разработка этого первого плана была закончена к концу 1934 года, и в начале 1935 года он был представлен московскими организациями в Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров. После его изучения и заключения соответствующих государственных органов ЦК ВКП(б) и Совнарком 10 июля 1935 года приняли историческое постановление «О Генеральном плане реконструкции города Москвы».

Да, июньский Пленум ЦК ВКП(б) 1931 года, его решения о московском городском хозяйстве и развитии городского хозяйства СССР создали коренной, крутой поворот, в первую очередь в Москве. Для обеспечения рабочего класса в Москве, особенно за счет таких вновь построенных заводов, как автозавод имени Сталина, завод Шарикоподшипник имени Кагановича, Фрезер, Калибр, Велозавод, Станколит, расширенного и реконструированного завода Динамо, Электрозавода и других, остро необходимо было форсированное развитие городского хозяйства Москвы. За четыре года было построено около 2500 жилых домов, в которые вселились более полумиллиона трудящихся; сотни фабричных казарм были ликвидированы и коренным образом переоборудованы в отдельные благоустроенные квартиры для текстильщиков Трехгорки и других; более 10 тысяч домов было отремонтировано; построено 100 километров трамвайных линий; в три

с лишним раза увеличилась протяженность усовершенствованных мостовых; подача воды в Москву увеличилась в два раза, дойдя почти до 50 миллионов ведер; построено новых 140 больших школ; количество больничных коек увеличилось на одну треть. Фабрик-кухонь стало вместо трех — 26; столовых — вместо 537, в которых питалось 870 тысяч человек, стало 2241, в них получали обеды 2,5 млн. человек; открыто новых 1200 магазинов и т.д.

Конечно, современные цифры роста обогнали приведенные мною, но это ведь было в начале 30-х годов, 45 лет тому назад! Важно то, что это было серьезным, большим началом сознательно плановой воли партии и Советской власти и что все эти изменения в городском хозяйстве Москвы, его размах, гигантский, быстрый рост и перспективы еще большего роста являлись реальной базой первого Генерального плана реконструкции Москвы и возможности дальнейшего его развития.

То, что сегодня, через 50 лет, ясно всем, что без метрополитена и канала Москва–Волга столица Советского Союза Москва не могла бы существовать и развиваться, тогда, в 1930–1931 годах, было для многих спорным вопросом.

Из истории известно, что и до революции были предложения прогрессивных инженеров о строительстве метро в Москве, но они неоднократно отклонялись властями и буржуазными вершителями судеб московского градостроительства. Остатки консервативного отношения остались у некоторых и наших советских товарищей, в том числе и в Моссовете, не говоря уже о части «старомодных» жителей. Не только среди обывателей, но даже у части руководящих работников были возражения, сомнения в необходимости строительства метро и канала. Особенно, конечно, активничали «правые» оппортунисты в своей пропаганде против метро, как и против индустриализации: что-де не нужно таких больших затрат, без которых можно якобы обойтись. Были и «леваки», которые пороли такие глупости, что метрополитен — это «антисоциальный» вид транспорта, присущий якобы только капиталистическим городам, что при социализме люди все еще будут мало ездить и т.п. Были и просто деляческие возражения: метро, мол, слишком дорогостоящее сооружение, оно потребует много металла, цемента и оборудования, которые лучше дать промышленности, трамвайному хозяйству и жилищному строительству. Эти последние «возражатели» имели особенно большой вес в государственном аппарате, в том числе и среди части работников Госплана. Чтобы обеспечить принятие решения, необходимо было разбить противников строительства

метро и особенно канала, соединяющего Москва-реку с Волгой. Во всех этих спорах мы опрокидывали доводы противников, доказывая фактами и цифрами, что Москва без метро и канала обречена на прозябание.

Решающее значение в окончательном решении этих коренных вопросов имело выступление тов. Сталина при обсуждении вопроса в Политбюро ЦК. «Только люди заскорузлые, — сказал Сталин, — не видящие дальше своего носа, могут не понимать, что без метро и канала Москва погибнет как крупный центр». В ходе рассмотрения этого вопроса Политбюро, еще до Пленума ЦК, единогласно приняло решение — строить метро и канал. Пленум ЦК ВКП(б) в резолюции о городском хозяйстве по докладу тов. Кагановича записал: «Пленум ЦК считает, что необходимо немедленно приступить к подготовительной работе по сооружению метрополитена в Москве как главного средства, разрешающего проблему быстрых и дешевых людских перевозок, с тем, чтобы в 1932 году уже начать строительство метрополитена».

По вопросу о соединении Москва-реки с Волгой Пленум ЦК записал: «Нынешнее состояние Москва-реки с ее крайне ограниченными водными ресурсами создает уже в ближайшее пятилетие угрозу как для водоснабжения Москвы, так и в особенности для судоходства. ЦК считает необходимым коренным образом разрешить задачу обводнения Москва-реки путем обводнения ее с верховьев реки Волги и поручает московским организациям совместно с Госпланом и Наркомводом приступить немедленно к составлению проекта этого сооружения с тем, чтобы уже в 1932 году начать строительные работы по соединению Москва-реки с Волгой». Потребовалось всего четыре года, чтобы превратить идею о метрополитене в действительность. Потребовалось всего шесть лет, чтобы решение Пленума ЦК о соединении Москва-реки с Волгой воплотилось в жизнь, чтобы по каналу и водопроводам Москва получила волжскую воду и мощное Волжско-Московское судоходство, связанное с портами пяти морей.

МОСКОВСКОЕ МЕТРО

Можно много написать интересного, поучительного об истории строительства нашего Московского метрополитена. Главное в том, что поднявшаяся на основе индустриализации страны наша тяжелая промышленность обеспечила метро своим, отечественным оборудованием и материалами. Главное в том, что подняв-

шийся на новую культурно-политическую ступень рабочий класс и колхозники выделили лучших своих людей, особенно комсомольцев, инженеров и техников, на строительство этого уникального сооружения. Под руководством партии они овладели этим сложным делом и победили. Можно без преувеличения и без хвастовства сказать, что первые московские метростроевцы заложили основы метростроения и массового тоннелестроения в Союзных Советских республиках и даже странах мировой системы социализма.

Строительство нашего Московского метрополитена прошло четыре этапа:

Первый этап — вторая половина 1931-го и 1932 год — подготовительный период и начало строительства.

Второй этап — 1933 год — фактическое развертывание строительства.

Третий этап — 1934 год — период самых усиленных, напряженных строительных и монтажных работ на всех участках подземного и надземного строительства.

Четвертый, последний перед пуском этап — конец 1934-го и I квартал 1935 года.

На первом этапе были прежде всего проведены геолого-разведочные и проектные работы. Если, к примеру, по геолого-разведочным работам у нас были опытные специалисты, такие, как академик Губкин, то по строительству и проектированию самого сооружения метрополитена их у нас было не так много, хотя строителей, в том числе тоннелей вообще, было немало. Но одно дело просто тоннель, другое дело метрополитен в столице, да еще в сложных условиях. Таких специалистов у нас было очень мало. Точнее говоря, их не было, их необходимо было подготовить и переподготовить на ходу, в процессе проектирования и строительства. Иностранных специалистов нам тогда не хотелось завозить в большом количестве в Москву. Во всяком случае, их было привлечено очень мало. Хорошо запомнился американский консультант Морган, который добросовестно и творчески работал.

Еще до начала проектирования Метростроя были разные проекты, в том числе и проект, «заманчивый» для тех, кто хотел отделаться от дорогостоящего подземного метрополитена, — это был проект строительства надземного метро, по примеру многих участков в иностранных городах. Мы отклонили это предложение. И ЦК, и Сталин полностью нас поддержали в этом вопросе.

Но и первый проект, представленный Метростроем, оказался неподходящим, прежде всего потому, что он исходил из полно-

стью открытого способа ведения работ или с мелким залеганием. Именно этот вопрос был одним из первых и важных в спорах о проекте, который не был нами принят.

Трудности заключались в том, что организованный нами Метрострой на первом этапе занимал неправильную позицию отстаивания открытого, так называемого «немецкого» способа работ. Это отчасти объяснялось тем, что привлеченные нами на строительство метро специалисты были все гражданские и промышленные строители, не горняки. Я, например, знал товарища Ротерта по Днепрострою и Харькову как крупного добросовестного старого специалиста-строителя, и мы его назначили начальником Метростроя, но он, особенно в первый период, оказался рьяным защитником открытого способа работ. Некоторые предлагали освободить его, но лично я был против этого. Мы его не освободили, но спорили с ним и, если можно так выразиться, на практике переубеждали, перевоспитывали, так сказать, испытанным средством общественной, партийной критики в процессе строительства. К сожалению, на первом этапе большинство строителей, в том числе и коммунистов, негорняков очень медленно перекантовывались на закрытый, подземный, шахтный способ работ.

Для того чтобы мы могли принять окончательное решение при возражениях большинства инженеров Метростроя и отклонить его проект, нам необходимо было привлечь многих советских специалистов и ученых и даже иностранных специалистов, наших шахтеров-горняков из Донбасса, в том числе Абакумова, да и самим пришлось окунуться в эти инженерно-технические вопросы, разобраться во всех тонкостях и расчетах, чтобы взять на себя ответственность за решение о закрытом способе и глубоком залегании и набраться решимости для преодоления и предотвращения опасностей геологического характера, которыми запугивали нас противники закрытого, шахтного способа работ. То, что теперь, опираясь на наш опыт и переживания, решается легко, тогда было очень трудно.

Мы создали авторитетную экспертизу из советских ученых и выдающихся инженеров и, кроме того, организовали консультацию у приглашенных нами в Москву иностранных специалистов из Америки, Англии, Германии и Франции, которые довольно долго и добросовестно разбирались в специфических условиях московской геологии. Советская экспертиза, особенно геологи во главе с Губкиным, серьезно нам помогла, а иностранная консультация работала отдельно от нашей советской экспертизы.

Потом мы организовали совместное заслушивание докладов советской экспертизы и иностранной консультации, в которой также были разногласия: английские эксперты были за закрытый способ и глубокое залегание с некоторыми исключениями, вытекающими из особенностей московской геологии, немецкие — были за открытый способ работ мелкого залегания, французы были за закрытый способ, но мелкого залегания. Советская экспертиза выступила за закрытый способ работ, допуская открытый на отдельных участках. Мы изучали вопрос не только по чертежам и расчетам, но и организовали опытный участок закрытого способа работ в Сокольническом районе, который дал нам очень ценные материалы.

В результате глубокого изучения вопроса (а мы, члены Бюро МК, в особенности Каганович, Хрущев и Булганин, активно участвовали в работах экспертизы и иностранной консультации, о которых я регулярно сообщал ЦК и лично Сталину) МК, МГК и президиум Моссовета приняли окончательное решение: строить Московский метрополитен закрытым способом, с глубоким залеганием, допустив, как советовали советские эксперты, на некоторых участках первой очереди и открытый способ, по преимуществу там, где строительство уже фактически началось.

Это решение было одобрено Центральным Комитетом партии и правительством. С этого момента начинается новая полоса в строительстве метрополитена. Сами метростроевцы, учитывая, что большинство инженерно-технического персонала Метростроя мало было знакомо или вовсе не знало ведения подземных работ шахтным способом, обратились к нашим славным донбассовцам с просьбой о помощи своей родной столице — Москве. В короткий срок мы из многих добровольцев из Донбасса по согласованию с Орджоникидзе отобрали крепкую группу, в особенности инженеров. Горняки-шахтеры со всей страстью и рвением взялись за это дело и сыграли большую роль в строительстве метро.

Нами была уточнена вся трасса первой очереди от Сокольников до Крымской площади и Арбатский радиус — от Манежной до Смоленской площади. Одновременно, во избежание случайного выбора трасс Метрополитена, без увязки с общим планом Москвы, к разработке которого мы уже приступили, и с дальнейшим строительством многих линий метро была выработана общая перспективная схема дальнейшего строительства линий метро. В марте 1933 года ЦК и Совнарком по предложению московских организаций утвердил схему линий Московского метрополитена по 10 радиусам протяжением 80 километров:

1) Кировский радиус — 10 км.
2) Фрунзенский радиус — 6 км.
3) Арбатский радиус — 5 км.
4) Горьковский радиус — 5 км.
5) Таганский радиус — 10, 6 км.
6) Замоскворецкий радиус — 8 км.
7) Покровский радиус — 9, 3 км.
8) Рогожский радиус — 9, 6 км.
9) Краснопресненский радиус — 4, 5 км.
10) Дзержинский радиус — 7, 8 км.

Кроме того, намечалось в дальнейшем строительство метро Тимирязевско-Калужского направления и двух кольцевых линий: по Садовому и Камер-Коллежскому валу.

Первая очередь строилась на протяжении 11,6 км: от Сокольников до Свердловской площади — 5,8 км, по Фрунзенскому радиусу от площади Свердлова до Крымской — 3,5 км и по Арбатскому радиусу от центра до Смоленской площади — 2,3 км. Все строительство было разбито на участки. Наиболее трудные и сложные: от Казанского вокзала до Каланчевской улицы, перегон между площадью Дзержинского и площадью Свердлова, участки Охотного ряда и от Манежа до Фрунзенской улицы. На эти участки было обращено особое внимание как по подбору кадров, так и по разработке технических способов работы. Именно туда мы направили новое оборудование — щиты, применили кессонный способ работы под сжатым воздухом, впервые провели замораживание грунта. Правда, это все делалось на втором и третьем этапе, но уже на первом этапе это нами намечалось. К концу первого этапа было начато строительство шахт и подбор кадров. Поэтому когда мы говорили, что первый этап был подготовительным, то это не означает, что строительства вовсе не было. Оно было, но не развернутое по сравнению с предстоящим. Первый этап подготовил и дал возможность развернуть строительство широким фронтом на втором этапе.

На втором этапе (1933 год) было прежде всего построено 25 шахт, развернулись подземные работы. Важное значение имело построение опытной шахты и наземного участка под руководством молодого талантливого инженера Маковского. Ускорилось дело благодаря включению в ряды Метростроя значительного количества специалистов — горняков, шахтеров, инженеров, техников и рабочих. Важнейшим фактором ускорения строительства стала перестройка организационной системы управления Метростроя и его участков. Решающим моментом была, конечно, моби-

лизация всех сил Московской партийной организации, рабочего класса, помощь нашей промышленности и в особенности нашего Центрального Комитета партии и Советского правительства. Все считали метро, канал и перестройку Москвы составной частью всей политики партии, строительства Социализма, за победу которого неустанно боролись.

Со всей энергией, присущей большевикам, мы, москвичи, боролись за выполнение постановления Пленума ЦК о метро, подобрали горняков, в особенности из Донецкого бассейна. Мы реорганизовали Метрострой. Мы использовали опыт перестройки управления шахтами в Донбассе, которые я хорошо знал, потому что мне лично довелось по поручению Политбюро ЦК неоднократно выезжать в Донбасс и осуществлять там эту организационную перестройку управления шахтами Донбасса. Для ее проведения пришлось крепко раскритиковать державшихся за старину руководителей угольной промышленности, в том числе одного из самых видных и способных деятелей угольного Донбасса — тов. Абакумова Егора Трофимовича. Я его знал давно, когда он был еще заведующим шахтой, потом управляющим трестом, мне удалось его убедить в неправильности его позиций. Поскольку в самом Донбассе ему трудно было перестроиться на новый лад и поскольку я учел, что такой человек нам очень нужен на Метрострое, я внес предложение передать его нам в Москву, на метро и, чтобы его не травмировать, сделать освобождение его от работы в Донбассе с одновременным назначением его заместителем начальника Метростроя — ЦК это понял, и сам он с большим рвением взялся за работу в Метрострое. То, что он не смог сделать в Донбассе в перестройке управления, то он под руководством Московского комитета и не без моего влияния сумел сделать в Метрострое.

По существу, перестройка эта превратила шахту в основное самостоятельное строительное звено Метростроя, непосредственно подчиненное не через участки, а прямо Метрострою со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями, в том числе и по таким значащим делам, как оплата труда, материальное обеспечение, в том числе жилье и т.п.

МК и МГК организовали самостоятельные шахтные партийные организации, в самом Метрострое парторганизатором был тов. Старостин, бывший крупный работник комсомола. Эти шахтные парторганизации стали не только центром партийно-массовой, культурно-политической и массово-производственной работы вместе с профсоюзами, но и важнейшим рычагом и помощни-

ком МК и МГК по борьбе за темпы и качество строительства метро, по развитию социалистического соревнования и ударничества среди рабочих и инженерно-технического персонала.

На втором этапе и особенно на третьем этапе задача профессионально-технического обучения и политического воспитания рабочих встала перед партийными и профсоюзными организациями с особой остротой. Та атмосфера любви к метро, которая была создана «субботниками», проходившими под лозунгом «Вся Москва строит метро», привела к тому, что в 1933 году тысячи, десятки тысяч комсомольцев ринулись на строительство метро. Среди них часто встречались люди и профессионально неподготовленные. Их надо было подготовить и политически организовать, чтобы романтика воплотилась в дисциплине труда и его высокой производительности.

Многие инженеры вначале не верили, что эта молодежь освоит в короткий срок сложную технику строительства, да еще в шахтных подземных условиях. В своей речи на Пленуме Моссовета с участием ударников Метростроя, фабрик и заводов Москвы 16 июля 1934 года я по этому поводу говорил: «Нам пришлось набирать для работы в Метрострое много тысяч рабочих. Почти все московские предприятия выделяли своих лучших рабочих, в первую очередь комсомольцев. Выделенные рабочие — прекрасные люди. Тысячи энтузиастов — ударников, выковавшихся из них, — лучшее доказательство этого. Но для работы на метро мало одного энтузиазма. Необходимы навыки, овладение техникой своего дела. Подавляющая часть набранных рабочих совершенно не была знакома не только со строительством метро (никто из нас, понятно, не имел ранее опыта подобного строительства), но и с теми отраслями земляных, бетонных, арматурных и прочих работ, на которые они были поставлены. Текстильщикам, химикам, коммунальникам, металлистам и колхозникам пришлось быстро, на ходу переквалифицироваться в строителей. Нужно было много поработать, чтобы привить метростроевцам необходимые навыки работы. В этом помог большевистский комсомольский энтузиазм рабочих, благодаря которому удалось в сравнительно короткие сроки сплотить боевой коллектив ударников Метростроя». Мы добивались того, чтобы в методах и приемах руководства господствовало содержание, а не форма, чтобы на первом плане был живой человек. Начиная с рабочего и кончая руководителем. Многих мы знали лично, беседовали с ними, прислушивались к голосу каждого рабочего, техника, инженера, хозяйственника. Члены бюро МК и МГК, в особенности Каганович,

Хрущев, Булганин, регулярно бывали в шахтах, реагировали сами и коллективно в МК и МГК на каждое важное событие в Метрострое, тем более на коренные вопросы, обеспечивающие темпы и качество строительства.

Разумеется, рядом со всеми этими положительными сторонами были и отрицательные явления, которые мы старались исправлять на основе своих выводов, предложений и критических замечаний рабочих, инженеров, коммунистов и прежде всего нашего Центрального Комитета партии, который внимательно следил за ходом строительства метро и канала, давая нам, москвичам, необходимые, своевременные указания. А так как я чаще всего докладывал тов. Сталину по этим вопросам, то и получал от него не только советы, указания, а иногда и нагоняи, в особенности по обеспечению качества строительства метро.

Третий этап строительства метро был решающим. Несмотря на разворот строительства на втором этапе, мы сильно отставали по выемке грунта, по бетонировке и особенно в целом по тоннелю. Отставание объяснялось отчасти не только задержкой в производстве работ, но и спорами о конкретных способах работ, вытекавшими, с одной стороны, из сложности, с другой — из неопытности и перестраховки некоторых строителей. Большие споры шли по станциям — строить ли их двухсводчатыми или трехсводчатыми. Для нас было ясно, что трехсводчатая с залом посередине не только полнее, просторнее, красивее, приветливее, но и удобнее для пассажиров, особенно в часы пик, и мы, МК — МГК, стояли за трехсводчатые. Но проектировщики и часть строителей боялись обвалов, осадки и предлагали двухсводчатые. Были строители, например тов. Гоциридзе и другие, которые упорно отстаивали трехсводчатую станцию (у Красных ворот). После длительных споров, а главное — после изучения технических расчетов были приняты, как правило, трехсводчатые станции.

На Арбатском радиусе получилось отставание в проходке тоннеля. Были предложения вести строительство под Арбатской улицей парижским, то есть закрытым способом, но на мелком залегании, в нескольких метрах от поверхности. Против этого проекта поступили серьезные возражения: создавалась опасность обвала домов в связи с сыпучими грунтами и узостью улицы. И все это в центре города, в соседстве с Кремлем. Когда метростроевцы доложили нам этот проект, мы после обсуждения сказали им: мы готовы согласиться на этот проект, если вы, строители, гарантируете нам: 1. обеспечить дома от обвалов и бесперебойное движение;

2. обеспечить бесперебойную работу водопровода, канализации, электричества, газа и телефона. Метростроевцы заявили, что такой гарантии они дать не могут, скорее наоборот, они знают и заявляют, что перебои, и притом серьезные, неизбежны. Естественно, что МК — МГК и президиум Моссовета не приняли этот проект.

Был второй проект: вести проходку на большой глубине закрытым способом. Это нас, сторонников закрытого и глубокого способа, привлекало. Но его противники доказали, что геология исключительно тяжелая: после верхнего слоя сыпучих песков идет большой слой водоносных песков, под этим слоем начинаются большие плывуны при отсутствии юрских глин, которые могли бы помочь. Технически, особенно при современной технике, можно было бы одолеть и такую геологию, но по тогдашнему уровню техники этот проект требовал совершенно новой подготовки, невероятной напряженности и не гарантировал от аварии на поверхности, обвала домов. Притом принятие этого варианта означало отказ от строительства Арбатского радиуса в первой очереди, оттяжку его строительства на несколько лет.

После тщательного разбора и обсуждения МК, МГК и президиум Моссовета не приняли и этот проект. Мы доложили в ЦК, и Политбюро одобрило наше решение и предложило искать другие варианты, добиваясь постройки Арбатского радиуса в установленные сроки.

В поисках нового варианта мы пригласили метростроевцев в Московский комитет партии и поставили перед ними вопрос: почему они целиком привязали себя и свою проектную мысль к наземной поверхности Арбатской улицы, не только не дающей преимуществ строителям, а наоборот, осложняющей все дело? Ведь пассажиру будущего Метрополитена, говорили мы, совершенно безразлично, проедет ли он в вагоне метро непосредственно под улицей или несколько в стороне. Его главный интерес — доехать от станции «Арбатская» до станции «Смоленская». А разве нельзя это обеспечить, если податься несколько вправо от Арбатской улицы, ведь именно там идут дворы, в громадном большинстве пустые, дающие полную возможность вести работы широким фронтом. То, что в капиталистических странах крайне затруднено или даже невозможно из-за господствующей там частной собственности, у нас полностью отсутствует. Октябрьская революция провела коренные «подготовительные работы» и для метро: дворы — наши, советские, и мы их можем использовать вовсю. Давайте, говорил я им, пройдемте по этим дворам. Помню, как тут же, на рассвете, после ночного засе-

дания, мы обошли все эти дворы от Арбатской до Смоленской площади, что рано вставших жителей крайне удивило.

Метростроевцы попросили небольшой срок для глубокого обследования, после чего они пришли радостные, воодушевленные, заявив, что этот вариант будет наилучшим, и они берутся в кратчайший срок подготовить рабочий проект и начать работы. На этом и порешили. ЦК одобрил наше решение, и работы на Арбатском радиусе развернулись с исключительно высокими темпами и напряжением.

Основная масса земляных и бетонных работ Метростроя в целом, а тем более по готовому тоннелю, пришлась на третий этап и вторую половину 1934 года на четвертом этапе, шли монтажные, электромонтажные и отделочные работы. О такого рода этапе в народе говорят: «конец — делу венец». Этот «конец и венец» дались с исключительным напряжением всех сил, с которым работали не только метростроевцы. Все мы, МК-сты и Моссоветчики, стали, по существу, членами метростроевского коллектива, с маленьким добавлением — мы, как руководители, отвечали перед ЦК за все и за всех, отсюда и наше напряжение, и наша требовательность к метростроевцам. В наших мероприятиях по обеспечению ускоренных темпов строительства и особенно по обеспечению высокого качества строительства мы не ограничивались лозунгами, агитацией, а рассматривали, решали и обеспечивали конкретное качество бетонных, изоляционных работ, качество отделки гранитом, мрамором, плитками. По вопросу о качестве метростроевских работ Центральный Комитет партии и Совнарком вынесли специальное постановление, а МК, МГК и Моссовет сделали все для его выполнения. Мы проверяли на месте качество работ и тут же проводили оперативные совещания и отдельно митинги рабочих в шахтах, на которых рабочие брали на себя определенные обязательства. Помню, на одном митинге в шахте, где обнаружено было проникновение воды через бетонную рубашку, я остро говорил о качестве работ и сказал: «Смотрите, чтоб нигде не капало!» Эти простые слова потом разнеслись по всем шахтам, они стали вроде лозунга «Чтоб нигде не капало». И это рабочие отнесли не только к пробивающейся через бетон воде, но и к качеству всех видов работ. На одном собрании с участием инженеров, где обсуждался вопрос об электромонтажных работах и в целом о подготовке к пуску метро, говоря о конкретных вопросах, связанных с этим, я сказал: «Смотрите, чтоб не заедало, когда пустим поезда» — и эти слова также получили характер лозунга. Тысячи людей повторяли другу другу: «Смотри, чтоб не заело».

Я это рассказываю к тому, что все на Метрострое были охвачены желанием обеспечить высокое качество работ, что нашло свое выражение в данном партией лозунге: «Построить лучшее в мире метро». МК, МГК и Моссовету приходилось разбирать спорные и трудно разрешимые вопросы строительства и подготовки линий к эксплуатации. Мы разбирали эти вопросы на совещаниях в МК; при объездах шахт; при рассмотрении жалоб Метростроя на плохую поставку материалов, оборудования, с вызовом представителей министерств, заводов, при рассмотрении жалоб и критических замечаний рабочих, инженеров, особенно по вопросам организации труда, зарплаты и материального обеспечения.

Борьба за производство, поставку щитов, вагонеток, а впоследствии вагонов для метро, эскалаторов была делом всей Московской организации и, я бы сказал, парторганизации всей страны. Это сказалось и после окончания строительства первой очереди, когда встала остро задача освоения в эксплуатации Московского метрополитена, хотя здесь уже включился новый нарком путей сообщения, бывший первый секретарь МК — тов. Каганович и новые люди из НКПСа, которому Правительство передало в ведение и эксплуатацию вновь построенный Московский метрополитен.

Центральный Комитет партии и Правительство высоко оценили героический труд строителей метро. Кроме награждения индивидуального, на торжественном заседании 14 мая 1935 года, посвященном пуску метро, тов. Сталин выступил и внес предложение: «За успешную работу по строительству Московского метрополитена объявить от имени Центрального Комитета и Совета Народных Комиссаров Союза ССР благодарность ударникам, ударницам и всему коллективу инженеров, техников, рабочих и работниц Метростроя». Сверх этого Сталин внес предложение: «За особые заслуги в деле мобилизации славных комсомольцев и комсомолок на успешное строительство Московского метрополитена наградить орденом Ленина Московскую организацию комсомола». Партия и Правительство наградили орденами сотни рабочих, работниц, инженеров, партийных, профсоюзных и комсомольских работников, руководителей Метростроя и руководящих работников МК, МГК, Моссовета и райкомов.

Окончание первой очереди метро было волнующим моментом в жизни всей организации и каждого из нас в отдельности — мы все, отвечавшие за качество метро, волновались за каждую мелкую неполадку, рассказывали друг другу, как ночью не спится, и от радости, что закончили, и от волнения — все ли благопо-

лучно в тоннеле, с вагонами, с вентиляцией, с движением, не будет ли аварий и т.п. У меня лично добавилось еще одно волнение — речь идет о постановлении Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР «О присвоении имени тов. Л.М.Кагановича Московскому метрополитену». Меня это волновало, потому что я был против этого и решительно возражал как в МК, так и в ЦК, но мои протесты не помогли, особенно после того, как т.Сталин написал письмо москвичам, что тов. Каганович «прямо и непосредственно ведет успешную организационную и мобилизационную работу по строительству метро. ЦК ВКП(б), — писал тов. Сталин, — просит коллектив метро не принимать во внимание протестов т.Кагановича и вынести решение о присвоении метро имени т. Л.Кагановича».

13 мая 1935 г. было издано Постановление ЦИК.

«Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет:

В соответствии с желанием строителей Метрополитена и Московских партийных и Советских организаций — присвоить Московскому метрополитену имя тов. КАГАНОВИЧА Л.М.».

В своей речи на торжественном заседании, посвященном пуску первой очереди метро, я говорил: «Мы воевали в дни Октября, затем в гражданскую войну, мы боролись с интервентами и кулаками, воевали с нашей хозяйственной и культурной отсталостью, воевали за новое устройство нашей страны, боролись с оппортунистами в нашей собственной среде. Мы воевали за превращение нашей страны из отсталой, нищей, бездорожной, некультурной в страну культурную, в страну индустриальную, в страну, которая может догнать и обогнать передовые в техническом отношении страны и показать новые образцы человеческой культуры. Московский метрополитен есть один из участков той великой войны, которую мы ведем уже десятки лет, и в особенности в последние годы. И если спросить нас, как мы строили метрополитен, то коротко мы могли бы сказать: мы не просто строили метрополитен, мы воевали за победу нашего первого советского метрополитена. Успешно окончив строительство метрополитена, мы победили не только как строители, но и как большевистские организаторы. Да, много нам труда пришлось положить на стройке. Мы боролись с природой, мы боролись с плохими грунтами под Москвой. Ведешь проходку как будто в сухой породе — и вдруг начинает жать, затапливать, идут плывуны.

Мы не имели опыта в строительстве метро. Нам приходилось вначале вместе с инженерами, техниками разбираться доскональ-

но во всех вопросах. Мы, организаторы, учились технике, а инженеры учились у нас, большевиков, напористости и организаторскому искусству. Когда выяснилась, например, опасность обвалов на площади Дзержинского, мы собирались ночами, спрашивали одного, другого специалиста — как быть? Были предложения оставить проходку под Дзержинской площадью или пойти обходом, пойти глубже, или, может быть, отказаться от устройства станции на площади и пойти только тоннелем. Один инженер высказывает одну мысль, второй — другую, третий — третью, а в конце концов отсеиваем неправильное, находим правильный путь, соединяем правильные в одну крепкую стальную варку, скрепляем ее большевистским опытом и получаем такое решение, что инженеры и практики уходят уверенными, что дело будет обеспечено.

Московскому комитету партии, Моссовету и Метрострою приходилось решать много сложных задач. Я не скажу, что строительство шло без трудностей и заминок. Надеюсь, что в строительстве второй очереди, установленной решением ЦК и Совнаркома, мы сможем избежать и этих заминок. Строительство второй очереди будет вестись на базе более мощной техники, но одно ясно: на стройке закалился в борьбе, сплотился на основе развернутой самокритики такой коллектив, такая сила, как говорил т. Сталин, партийных и непартийных большевиков, которая сейчас сумеет построить в Москве Метрополитен еще более совершенный.

Наш Московский метрополитен замечателен именно тем, что там не просто мрамор, — нет, там не просто гранит, — нет, там не просто металл — нет, там не только бетон — нет! Там в каждом куске мрамора, в каждом куске металла и бетона, в каждой ступени эскалатора сквозит новая душа человека, наш социалистический труд, там наша кровь, наша любовь, наша борьба за нового человека, за социалистическое общество. Крестьянин, рабочий умеет видеть в метрополитене, в этих огнях воплощение своей силы, своей власти. Раньше только помещики, только богачи пользовались мрамором, а теперь власть наша, эта стройка — для нас, рабочих и крестьян, это наши мраморные колонны, родные, Советские, Социалистические.

Когда мы вспоминаем сегодня обо всем пройденном пути, то невольно испытываешь чувство гордости, что мы построили такое гигантское сооружение — метрополитен — только своими силами, силами нашей промышленности: эскалаторы наши, реле и автоблокировка наши, вагоны и рельсы наши, рабочие наши,

комсомольцы наши, комсомолки наши, инженеры наши. Мы построили такой метрополитен, где человек, спускаясь на станцию, чувствует себя, по определению рабочих Москвы, «как во дворце». Да и дворцы нашего метро не однообразные. Что ни станция, то своеобразие. Где же здесь, господа буржуа, казармы, уничтожение личности, уничтожение творчества, уничтожение искусства? Наоборот, на примере метро мы видим величайший разворот творчества, расцвет архитектурной мысли, — что́ ни станция, то дворец, что ни дворец, то по особому оформленный. Но каждый из этих дворцов светит одним огнем, огнем идущего вперед, побеждающего социализма!»

КАНАЛ МОСКВА–ВОЛГА

Родным братом метрополитена является канал Москва–Волга. Вопрос о снабжении водой Москвы был тогда самым острым вопросом. Река Москва, давшая свое имя Великому мировому городу — Москве, не сумела напоить водой гигантски выросший город; если даже выпить всю Москва-реку до дна, то и при этом она не удовлетворила бы выросшие потребности. Существовавшие проекты постройки ряда запруд на Москва-реке, на реках Истра, Руза и так далее были хотя и хорошими, но заплатами, не дававшими полного разрешения проблемы водоснабжения, не говоря уже о транспорте. Наиболее серьезным было предложение о постройке плотины по реке Истре. Его мы и начали осуществлять еще до канала Москва–Волга.

Разрабатывая этот вопрос еще в Июньской (1931 г.) комиссии ЦК, мы узнали, что имеется идея и даже нечто вроде проекта соединения Москва-реки с Волгой. Этой идеей и проектом занимался инженер Авдеев, который, несмотря на ироническое отношение к нему со стороны ряда специалистов, был уверен в этой идее и воевал за нее. Мы вызвали его на комиссию Политбюро, и он в присутствии Сталина, Молотова, Ворошилова, Орджоникидзе и других членов ПБ сделал доклад, который подвергся всестороннему обсуждению. Суть проекта Авдеева заключалась в том, что, построив высокую плотину у Старицы выше Твери (Калинина) и получив волжскую воду, мы направляли бы ее отчасти по прорываемому каналу, отчасти по рекам Сестре, Истре до Москва-реки. Канал этот расстоянием в 200 километров должен быть в основном самотечным, проходить не только путем рытья канала, но путем использования всех естествен-

ных рек и ручьев, лежащих на его пути. Других вариантов тогда не было у нас, и комиссия ЦК, не приняв и не высказав своего окончательного отношения к этому авдеевскому варианту проекта, считала, что необходимо принять саму идею и предложение о соединении Москва-реки с Волгой, обводнив Москва-реку за счет воды верховьев Волги. Пленум ЦК принял постановление по этому вопросу и поручил Московским организациям совместно с Госпланом и Наркомводом приступить немедленно к составлению проекта сооружения канала и в 1932 году начать строительные работы.

Несмотря на постановление ЦК, противников канала было очень много, еще больше, чем по метро, особенно в Наркомводе, а отчасти также в Госплане. И не только против проекта Авдеева, который имел крупные коренные недостатки, но и вообще против самой идеи строительства канала как якобы нереальной и неосуществимой. Нам в МК и МГК и лично мне после Пленума приходилось изучать детально этот вопрос с привлечением крупных специалистов, устраивать совещания, разбор проекта Авдеева, который яростно воевал за свой проект, но, к сожалению, часто без инженерных и тем более достаточных научных доказательств.

В ходе разбора геологи поставили под сомнение грунты трассы будущего канала, создающие опасность поглощения большого количества получаемой волжской воды. Этот и другие недостатки проекта Авдеева привели к тому, что мы не могли принять этот проект. Мы отдавали должное инженеру Авдееву за саму идею соединения с Волгой, которая, правда, была еще и до него; но он ее отстаивал смело, настойчиво, даже одержимо, мы защищали его лично от издевательств многих его противников, в особенности сторонников проектов «заплат», которые радовались тому, что проект Авдеева не принят. Мы обратились к рассмотрению возникшего другого варианта. Это, конечно, еще был не проект, а наметки, которые в отличие от наметок авдеевского самотечного канала предусматривали постройку канала с использованием пойм некоторых речек, со многими искусственными сооружениями.

В итоге в ходе рассмотрения комиссией и разработки проектного задания канал Москва–Волга как водно-судоходный получил направление в основном с севера на юг: начинается канал от с. Иваньково на Волге в 8 км от реки Дубны и следует до г. Дмитров, прорезая ряд возвышенностей; южнее Дмитрова канал направляется на Икшу, придерживаясь поймы реки Ях-

ромы, а затем реки Икша; после Икши канал направляется в долину реки Клязьмы, пересекая реку Учу, и следует по долине реки Химки до соединения с Москва-рекой, далее продолжается по Москва-реке — Щукино, Карамышево и кончается у Перервы. Самостоятельным ответвлением канала идет водопроводный канал, беруший свое начало из Учинского отстойного водохранилища.

Этот проект получил нашу реальную поддержку — он был инженерно научно обоснован. В отличие от самотечного, этот канал Москва — Волга является, так сказать, механическим — на протяжении 128 километров по проекту, утвержденному ЦК и Совнаркомом, подлежало соорудить: 6 плотин, 5 мощных насосных станций, 7 шлюзов, две бетонные плотины и два шлюза на реке Москве у с. Карамышево и с. Перерва, водопроводный канал — 31 км от водохранилища на р. Уче до Сталинской водопроводной станции, восемь гидростанций и Истринский гидротехнический узел.

Вся эта колоссальная работа должна была быть выполнена к навигации 1937 г., связав судоходством крупными судами Москву не только с Волгой, но и через Волго-Дон с Черным и Азовским морями; через Каспийское море — со Средней Азией и Закавказьем; с Балтийским морем — через Мариинскую систему и через Беломорканал — с северными морями. И главное, обеспечить подачу в Москву двести миллионов ведер воды ежесуточно, из которых 125 миллионов волжской воды, вместо получаемых из Москва-реки 8,5 миллионов до революции и 27 млн. в 1931 году.

Можно без преувеличения сказать, что такой коренной реконструкции и за такой короткий срок — за 5 лет, не знала вся мировая практика градостроительства и гидростроительства. Но можно себе представить, какие усилия и напряжение партии, Правительства, строителей потребовались, чтобы построить такие сооружения в такой короткий срок. Много можно и нужно написать о том, как строился канал и все другие соответствующие водопроводные сооружения.

В первый период была создана самостоятельная строительная организация Наркомвода, разумеется работавшая под руководством МК и Моссовета. Из-за задержки проекта строительные работы продвигались слабо, да и надо прямо сказать, что объем работ — 150 млн. куб. метров земляных работ, 30 млн. куб. метров бетонных работ и был не под силу той организации, которую для этого создали при Наркомводе. При этом особые трудности представлял

набор рабочей силы, которую Москва уже выделила метро, и трудно было еще выделить на канал в нужном количестве. Между тем к этому времени, 1933 году, было закончено строительство Беломорканала, на котором сложился крепкий коллектив строителей, среди которых были вольнонаемные и лагерные. Перед нами был поставлен вопрос о согласии «беломорканальцев» взяться за строительство канала Москва–Волга. Признаюсь, что мы, москвичи, не сразу дали свое согласие, но потом, поразмыслив, исходя из интересов реального выполнения поставленной сложной задачи, отбросив всякие другие соображения (как допущение лагерной силы под Москву и др.), мы приняли это предложение. «Беломорцы» быстро передвинулись на московскую трассу. Среди них было много серьезных специалистов, и мы им еще подбавили квалифицированных гидростроителей, оказали дополнительную помощь оборудованием, в особенности серьезную помощь оказал ЦК и Совнарком. (Например, передали «Москва–Волга Каналстрою» Ковровский экскаваторный завод, который оснастил стройку экскаваторами, которых они не имели или имели мало на Беломорстрое.) На строительстве выявился ряд крупных проектировщиков и строителей, показавших себя на деле.

МК в своей работе не делал большой разницы между метро и каналом, но, учитывая, что по характеру управления и особенно по составу строителей была существенная разница между стройками, мы считали, что необходимо реализовать разницу между условиями труда рабочих, как вольнонаемных, так и лагерных, на «Беломорканале» и «Москва–Волга канале», что Москва может и должна поставить этих рабочих в лучшие условия, в особенности по усиленной культурно-просветительной и «политической» работе среди лагерников, для превращения их в сплоченный коллектив советских работников.

Руководящие деятели МК и Моссовета, в том числе, конечно, и я лично, часто выезжали на трассу строительства, вникали в конкретные вопросы хода строительства канала, давали указания и, чего греха таить, соответственно ходу выполнения графика нажимали.

Все коммунисты Каналстроя энергично взялись за реализацию этих и других указаний МК; было развернуто соцсоревнование, которое захватило не только вольнонаемных работников, но и лагерников. Большое значение имела не только воспитательная работа среди них, но и объявление о том, что хорошо работающие будут досрочно освобождаться, а также введение сдельной оплаты труда лагерников. Заработанные ими деньги они имели

право отправлять семье. По прогрессивно-премиальной оплате труда за перевыполнение плана на 25% работники получали второй оклад. Все это создавало благоприятную обстановку для роста производительности труда не только вольнонаемных, но и лагерных рабочих. Характерно, что заключенные внесли за год около четырех тысяч с лишним рационализаторских предложений, из которых было принято и реализовано 1200. За два с лишним года было подготовлено на курсах из лагерников более 20 тысяч квалифицированных рабочих и через бригадное ученичество — около 30 тысяч. Это открывало заключенным хорошую перспективу вернуться домой специалистом: слесарем, экскаваторщиком, шофером и т.д. В одной из своих поездок по каналу, выступая перед активом строителей, я особо остановился на вопросе организации труда заключенных.

Каждый раз, говорил я, когда приезжаем на вашу стройку, мы видим новое на ряде участков. Фронт работ расширяется. При этом я подчеркнул особую сложность задачи организовать труд невольнонаемной рабочей силы. Конечно, говорил я, если инженер, и молодой, и старый, боится подойти к этим рабочим, не знает, с какого конца подойти, если он боится с ними разговаривать, если чувствует неловкость, «стыдливость», то никакой хорошей организации труда не получится. Нужно прямо говорить людям: в нашем государстве есть суд, есть прокурор, органы надзора; если человек совершил преступление, его осудили. Но мы создаем и должны создать максимальную обстановку для того, чтобы и осужденный человек чувствовал, что он может перевоспитаться. Надо внедрить в сознание заключенного мысль, что своим трудом он воспитывает себя как гражданина Советского государства, работает для общества, для государства, для своей страны. Он приносит пользу и себе, и обществу хорошей работой, ударным трудом добьется сокращения срока заключения, приобретет специальность и вернется домой как почетный строитель Великой исторической стройки канала Москва–Волга.

Мне потом докладывали, что развернутая работа в этом направлении дала свои хорошие результаты — это сказалось и на рабочих, и особенно на инженерах и техниках. Мне рассказывали, что на инженеров и техников из осужденных производили большое впечатление наши беседы с ними по инженерно-техническим вопросам и, как они говорили, уважительное к ним отношение и объективность в оценке их суждений на совещаниях, иногда даже в ущерб коммунистам, которые неправильно оспаривали их

высказывания. Можно без преувеличения сказать, что в успешном преодолении больших трудностей в строительстве канала, подъем, созданный среди работников, в том числе и заключенных, имел большое значение, не меньше, чем хозяйственные и технические меры, в том числе и механизация.

Постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома за подписями И.В.Сталина и В.М.Молотова «О строительстве канала Москва-Волга» и «О мероприятиях по подготовке эксплуатации канала Москва–Волга» оказали огромную помощь строительству канала и усилили подъем у строителей канала. МК и МГК на Пленуме обсудили мероприятия по реализации постановления ЦК и Совнаркома и приняли конкретное постановление по обеспечению его выполнения.

Общими силами партии, Правительства и строителей канал Москва — Волга был построен в установленный срок, построен на высоком качественном уровне и технически конструктивно. Вопрос об архитектурном оформлении сооружений был предметом особой заботы МК, МГК и Моссовета. Эти сооружения, начиная с Химкинского речного вокзала, и сегодня радуют москвичей.

Глава 13

В НАРКОМАТЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

ПРОБЛЕМЫ 20-х ГОДОВ И ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Тяжелое наследство получила Советская власть в хозяйстве в целом, в особенности на железнодорожном транспорте.

Насколько тяжелым было положение на железнодорожном транспорте в годы гражданской войны и насколько решительно боролось Советское правительство и лично Ленин за преодоление этих трудностей для спасения от голода и вывоза хлеба из глубинных районов, показывает принятие такого чрезвычайного, острого решения, как прекращение пассажирского движения на короткий период.

Ленин детально вникал в этот вопрос и глубоко разъяснял его не только массам, но и коммунистам, среди которых были сомнения в проведении этой меры. Это был волнующий момент, и, чтобы ощутить всю остроту положения и такую из ряда вон выходящую меру, я приведу довольно большие выдержки из выступления Ленина. Я убежден, что никакой, самый способный литератор не сможет пересказать, отразить все то, что мы получили из слов самого Ленина. «В Уфимской губернии запасы хлеба достигают 60 миллионов пудов, и заготовка хлеба идет быстро, — говорил Ленин в марте 1919. — Но тут мы столкнулись с колоссальными затруднениями в транспорте. На железнодорожных линиях: Казань-Сарапул и Волга-Бугульма имеется до 10 миллионов пудов уже заготовленного хлеба. Но мы не можем его вывезти, ибо налицо недостаток паровозов, вагонов, топлива и непомерное истощение паровозной службы. Чтобы усилить товарную провозоспособность наших железных дорог, нам пришлось прибегнуть к весьма решительной мере: с 18 марта по 10 апреля по всей России будет прекращено движение пасса-

жирских поездов. Прежде чем решиться на такую меру, мы трижды обсуждали ее с товарищами железнодорожниками и с выдающимися специалистами железнодорожного дела. Только всесторонне обсудив эту меру и подсчитав заранее возможные результаты, мы пошли на это мероприятие. Произведенный подсчет показал, что прекращение пассажирского движения освободит 220 паровозов, хотя и слабых, но все же способных доставить 3,5 миллиона пудов хлеба. Если же мы рассмотрим данные о провозе хлеба мешочниками, — были недели, когда приходилось разрешать свободный провоз, — то окажется, что за те же три недели мешочники могут провезти не более 200 тысяч пудов. Этот подсчет решил вопрос. Разумеется, найдутся кулаки, спекулянты и даже отдельные рабочие, которые поднимут по этому поводу вой и станут говорить, что у них отнимают последнюю возможность провезти даже пудик хлеба; мы знаем, что явятся эсеры и меньшевики, которые будут играть на голоде и восстанавливать население против Советской власти. Но здесь, как и во всех затруднительных случаях, мы рассчитываем только на сознательность передовых рабочих масс. Лучше пойти на лишения, лучше встретиться с враждебной агитацией эсеров и меньшевиков, но надо посмотреть опасности прямо в лицо и открыто заявить: «Мы не вылезем из продовольственных затруднений, если не примем самых решительных мер, если не напряжем всех усилий для вывоза хлеба». Во многих местах хлеб, предназначенный к вывозу, сложен у станций, прямо на земле, и при весеннем половодье будет смыт и унесен. Нужно торопиться с его погрузкой и вывозкой. Принимая такую решительную меру, мы учли все побочные обстоятельства. Мы знаем, что перед Пасхой движение рабочих по железным дорогам усиливается, а потому к Пасхе движение будет восстановлено. Мы знаем, что пригородное движение безусловно необходимо для рабочих, а потому оно будет продолжаться и теперь. Мы послали на места самых энергичных и опытных товарищей <...> Им дано задание мобилизовать местное крестьянство и напрячь все усилия для вывоза хлеба, хотя бы до Казани, чем мы спасем хлеб и обеспечим подвоз его к столицам и неземледельческим местностям».

И в 1920 году Ленин продолжает с той же силой и напряженностью наступать и бороться за жизнеспособность железнодорожного транспорта. Ленин требует не только улучшения движения поездов, но и восстановления железнодорожного транспорта. Неимоверные героические усилия Ленина, всей партии, Правительства и всех организаций железнодорожников не допустили

катастрофы, паралича транспорта. В тяжких муках железнодорожники при помощи всех рабочих и крестьян, всех коммунистов и, в частности, специально командированных коммунистов на железные дороги обеспечили воинские перевозки для фронта, для победы над Колчаком, Юденичем, Деникиным, Врангелем и белополяками.

В конце 1921 года ЦК ВКП(б) и местные партийные организации вновь подбирают и направляют на железнодорожный транспорт партийных работников, способных помочь активистам-железнодорожникам восстановить транспорт, порядок и дисциплину. Не ограничиваясь этим, ЦК решил назначить народным комиссаром путей сообщения тов. Дзержинского Феликса Эдмундовича. Тов. Дзержинский в своей работе сосредоточил особое внимание на восстановлении материального хозяйства железных дорог, наведении порядка в эксплуатации дорог и становлении дисциплины на дорогах. В результате принятых мер к 1924 году железнодорожный транспорт стал работать лучше. К 1926 году он был в основном восстановлен. В 1925–26 годах уже был достигнут и даже превзойден довоенный уровень по грузообороту в тонно-километрах, хотя по отправлению грузов уровень 1913 года был достигнут в 1926–27 годах. В материально-технической базе было даже достигнуто не только восстановление, но и известное качественное усиление. После смерти Дзержинского наркомом путей сообщения был назначен Рудзутак, и транспорт продолжал свое восстановление.

Новый период — 1929–1934 годы — ознаменовался, после принятия Первого пятилетнего плана, бурным, быстрым количественным и качественным ростом всего народного социалистического хозяйства, в особенности промышленности, предъявившей повышенные требования к транспорту, да и коллективизированное сельское хозяйство потребовало повышения перевозок в деревню и из деревни, в особенности сельхозмашин, удобрений и товаров широкого потребления. Выросла и продукция транспорта — перевозки, однако этот рост перевозок не удовлетворял возросшие потребности в перевозках. Поэтому в июне 1930 года на XVI съезде партии вопрос о транспорте был серьезно поставлен в отчете ЦК и в решениях съезда.

После XVI съезда ЦК ВКП(б), его Политбюро, а также Совнарком занимались вопросами транспорта, в особенности железнодорожным, вплотную, конкретно, повседневно. Затем, по мере развертывания руководства ЦК транспортом, была создана специальная постоянная комиссия, в которую входило большинство

членов Политбюро: Сталин, Молотов, Каганович, Орджоникидзе, Ворошилов, Андреев. Председателем этой транспортной комиссии ЦК в первый период был председатель Совнаркома тов. Молотов, а потом им стал секретарь ЦК Каганович. Транспортная комиссия регулярно заседала, рассматривала важнейшие вопросы транспорта, подготовляя проекты решений ЦК и СНК. Для проверки исполнений этих решений, разработки первых набросков проектов постановлений ЦК и СНК, постановки отдельных важных вопросов и предложений, а также руководства подбором кадров был образован Транспортный отдел ЦК. Во главе этого отдела также был поставлен секретарь ЦК Каганович Л. М. Не вмешиваясь в оперативную работу НКПС, отдел помогал ему, особенно в организации и работе политотделов на железных дорогах.

ЦК и Совнарком давали и конкретные задания по реконструкции и материальному снабжению транспорта, по улучшению паровозного парка и условий езды, по заработной плате паровозных бригад и рабочих, по планированию и регулированию перевозок, по организации управления железнодорожного транспорта, по кадрам, труддисциплине и работе профсоюзов, по повороту партийных и советско-хозяйственных организаций лицом к железнодорожному транспорту. Насколько ЦК ВКП(б), его Политбюро, Транспортная комиссия и лично Сталин взялись со всей настойчивостью за железнодорожный транспорт показывает то, что в июне 1931 года ЦК заслушал доклад наркома путей сообщения Рухимовича и выступление председателя ЦК профсоюза железнодорожников Андреева и в октябре — доклад наркома Андреева, сменившего Рухимовича.

В течение 1933–1934 годов ЦК и СНК приняли ряд серьезных постановлений о железнодорожном транспорте, подготовленных по преимуществу Транспортной комиссией ЦК и СНК и Транспортным отделом ЦК, разумеется, с участием руководства НКПС и самого наркома Андреева. Весьма важным было, например, постановление «О планировании перевозок и улучшении работы местных органов НКПС». Если до этого планы перевозок составлялись на местах так называемыми междуведомственными органами, оторванными от работы железных дорог, и дороги перевозили часто второстепенные грузы в ущерб первостепенным, то после этого решения составление планов перевозок было возложено на НКПС. Была установлена первая категория грузов — уголь, металл, нефть, хлеб, ширпотреб и т. п., которые обеспечивались в первую очередь, и грузы второй категории, которые планировались начальником дороги. План перевозок стал общегосударст-

венным. Это был существенный удар по носителям «предельческой», по существу, буржуазной теории и практики стихийности процесса перевозок по складывающейся конъюнктуре.

Постоянная Транспортная комиссия ЦК и СНК, опираясь на Транспортный отдел ЦК, принимала все меры по реализации принятых решений. В ЦК было созвано совещание эксплуатационных работников, на котором присутствовало много работников станций и эксплуатационных районов. В этом совещании, которое было поручено открыть тов. Кагановичу, принимали активное участие Сталин, Молотов, Ворошилов, Орджоникидзе, Андреев и другие. Большой интерес представляют многочисленные задававшиеся вопросы и реплики товарища Сталина и других членов Политбюро по существу организации работы станций и эксплуатационных районов, раскрывающих слабости работы и толкающих станции и районы к улучшению работы и преодолению канцелярско-бюрократических методов руководства. Эти реплики и замечания показывают, насколько ЦК, Правительство и тов. Сталин вникали в конкретное существо работы железнодорожного транспорта, не ограничиваясь «общим» руководством.

Через политуправление НКПС ЦК и СНК вели большую работу в области технической реконструкции транспорта. Одним из таких больших и важных вопросов был, например, вопрос о внедрении нового мощного паровоза ФД (Феликс Дзержинский), жизненно и остро необходимого для интенсификации перевозки грузов тяжелой промышленности, против которого рьяно боролись «предельщики» из научно-исследовательского института НКПС и самого аппарата НКПС. Транспортная комиссия ЦК и СНК поручила комиссии в составе Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе, наркома путей сообщения Андреева изучить вопрос и подготовить решение. Пришлось вызывать профессуру, паровозостроителей, передовых машинистов и практиков — паровозников, путейцев, мостовиков, при помощи которых доводы «предельщиков», выступавших против паровоза ФД, были разбиты и ЦК и СНК твердо решили принять на вооружение железнодорожного транспорта новый мощный паровоз ФД, который наша промышленность начала выпускать и который сыграл большую роль в подъеме транспорта.

Таким образом, борьба с «предельщиками», по существу, началась еще в комиссии ЦК, но, к сожалению, в самом НКПС «предельщики» еще задавали тон. Вот почему на XVII съезде партии в 1934 году вопрос о транспорте был поставлен острее, чем на XVI

съезде. В отчетном докладе ЦК товарищ Сталин сказал: «Транспорт является тем узким местом, о которое может споткнуться, да, пожалуй, уже начинает спотыкаться вся наша экономика и, прежде всего, наш товарооборот».

Товарищ Ворошилов посвятил целый раздел своей речи транспорту. Он сам объяснил, почему он так подробно, остро и «с болью» говорит о транспорте: «Транспорт — это родной брат Красной армии. Разница между ними та, что наша армия еще только готовится действовать, когда наступит время защищать границы, — как она будет действовать, мы посмотрим, — а транспорт уже сейчас находится на боевых позициях, он уже сейчас действует, и действует беспрерывно, каждый день, каждый час, каждую минуту. Транспорт к войне должен готовиться так же, как и сама армия. В будущей войне транспорт, и не только железнодорожный, но всех видов, будет играть огромную роль».

Товарищ Ворошилов подверг резкой критике работу железнодорожного транспорта, а также выступление на съезде народного комиссара путей сообщения товарища Андреева. «На меня, — сказал Ворошилов, — выступление товарища Андреева произвело впечатление, словно лекция профессора с кафедры. Прекрасная лекция... Но, по-моему, нужно было бы о железнодорожном транспорте несколько по-другому говорить. Дополнительно к тому, что сказал товарищ Андреев относительно расхлябанности и неорганизованности, нужно было еще сказать, откуда они проистекают, когда они будут наконец ликвидированы. Транспорту Центральный Комитет всегда уделял большое внимание и сейчас занимается им, пожалуй, больше, чем какими-либо другими вопросами. Товарищ Каганович по поручению ЦК одно время почти 50% своего времени уделял транспорту. Каких трудностей больше — объективных или субъективных? Безусловно, больше субъективных. В чем они заключаются? В дезорганизованности и в отсутствии элементарной дисциплины. Например, нам, членам Политбюро, известно, что даже высший начальствующий состав транспорта не совсем повинуется своему наркому... Было бы неверно из сказанного сделать вывод, что на железнодорожном транспорте нет прекрасных, хорошо дисциплинированных, отлично знающих свое дело и беззаветно преданных партии людей. Нет, они есть, и не в малом количестве. Знаем, хорошо знаем этих подлинных ударников, всех, кто кровавыми слезами обливается, глядя на то, что делается на транспорте. Но при теперешнем беспорядке на железнодорожном транспорте они в значительной мере бессильны».

НАЗНАЧЕНИЕ НАРКОМОМ. БОРЬБА С КРУШЕНИЯМИ

После XVII съезда крутого поворота на железнодорожном транспорте не произошло. Критика на съезде партии не всколыхнула актив как в НКПС, так и на дорогах. Хотя сам Андреев, конечно, старался выполнить решения XVII съезда, но отдельные элементы, а главное — задававшие тон господа «предельщики» не хотели перестраиваться. Обсудив положение, Политбюро ЦК пришло к выводу, что для достижения крутого поворота необходимо сменить руководство в НКПС, и 8 февраля 1935 года было принято решение назначить народным комиссаром путей сообщения Кагановича Л. М. с оставлением его секретарем ЦК.

Внося предложение об оставлении меня секретарем ЦК, товарищ Сталин сказал, что «это необходимо для интересов работы ЦК, а товарищ Каганович сумеет совмещать эти две работы в ЦК и НКПС, ему это полезно будет и для работы в НКПС, где сейчас особенно нужен авторитет. Одновременно придется освободить товарища Кагановича от других больших работ, которые он по совместительству осуществлял». Сталин внес предложение освободить меня от обязанностей: председателя Комиссии партийного контроля ЦК (вместо меня был избран Ежов), Первого секретаря Московского Комитета партии (им стал Хрущев), заведующего Сельхозотделом ЦК (вместо меня был утвержден Жданов), заведующего Транспортным отделом ЦК и председателя Транспортной комиссии ЦК, которую Сталин предложил упразднить: «Надо, чтобы товарищ Каганович действовал самостоятельно как нарком, докладывая нам о своих проектах и мероприятиях, а мы ему будем помогать». Все эти предложения были приняты.

Скажу прямо, что нелегко мне было перестроиться на эту новую для меня работу, так как в течение более 20 лет я работал на общепартийной и общественной работе и некоторое время на общесоветской работе. Не буду прибедняться. Конечно, я обладал известным знанием и пониманием хозяйственно-экономических дел промышленности и железнодорожного транспорта, занимаясь ими в порядке партийного руководства, но одно дело общепартийное руководство, другое дело непосредственно управление.

Когда в Политбюро был поставлен вопрос о назначении меня народным комиссаром путей сообщения, я несколько отступил от своего партийного правила — никогда не отказываться от работы, предлагавшейся мне ЦК. На этот раз я попробовал серьезно воз-

разить, мотивируя исключительной специфичностью этой отрасли, трудностью ее освоения и т. п. Все члены Политбюро, в первую очередь товарищ Сталин, высказались за назначение меня, обосновывая это прежде всего тем, что, работая несколько лет в комиссии Политбюро по транспорту и заведующим Транспортным отделом ЦК, я изучил железнодорожный транспорт и, кроме того, как сказал тов. Сталин, зарекомендовал себя понимающим дело и способным организовать людей, особенно в развитии социалистического соревнования, укреплении сознательной трудовой дисциплины и т. д. «Мы уверены, — подытожил Сталин, – что он одолеет это дело, а трудно будет — поможем».

Итак, волею партии я стал железнодорожником, по-настоящему полюбившим эту новую работу, отдавшим ей более двадцати лет своей жизни. И, главное, я всей душой рабочего-большевика полюбил славных железнодорожников, с которыми я сроднился в тяжелой борьбе за преодоление трудностей, за подъем железнодорожного транспорта, за выполнение им исторических задач, которые ставились партией и Правительством и в период строительства социализма и в трудный период Великой Отечественной войны.

Естественно, что, как активный работник Ленинской партии, я еще до Октябрьской революции был связан с железнодорожниками, знал их жизнь и в известной мере специфические особенности их работы. Однако, когда на меня, как секретаря ЦК ВКП (б), а затем и народного комиссара путей сообщения, была возложена непосредственная работа по руководству железнодорожным транспортом, мне пришлось, конечно, глубже и конкретнее изучить железнодорожный транспорт.

Первым и главным источником моих познаний была практика. Я ездил по депо, станциям, дистанциям пути, строительным участкам и т. д. и там у рабочих, инженеров я проходил первый курс, изучая паровоз, вагон, путь в процессе их ремонта и эксплуатации. Этого было, однако, мало. Требовались обобщенные знания, и их я черпал не только в чтении книг и лучших учебников, но и в беседах с лучшими инженерами и работниками самого аппарата НКПС и особенно научных и учебных институтов. В институты (МИИТ, МЭМИ и др.) я обычно приезжал поздно вечером — к ночи, чтобы любопытствующие не мешали моим занятиям в лабораториях с профессорами и преподавателями, главным образом товарищами Образцовым, Сыромятниковым, Николаевым, Дурново и другими, которые с большой охотой, доброжелательностью и старательностью насыщали меня знаниями железнодорожного дела.

Следуя марксистско-ленинскому методу и моей любви к истории, которая вообще является основой всяких знаний, я и здесь усиленно занялся изучением истории железнодорожного транспорта, его техники, экономики, организации труда и строительства. Это, в соединении с усвоенной ранее обязательной для каждого большевика марксистско-ленинской наукой, в решающей мере помогло мне овладеть минимумом знаний, необходимых для работы и борьбы за выполнение решений партии на транспорте.

Период 1935–1941 годов явился решающим в выполнении Второй пятилетки и развертывании широким фронтом борьбы за успешное выполнение принятого XVIII съездом партии Третьего пятилетнего плана. Вместе с тем это был период подготовки к обороне Советского Союза в случае нападения на него внешних врагов нашей Родины.

После XVII съезда партии лучшие люди на самом железнодорожном транспорте много сделали для улучшения работы железных дорог. Однако, надо прямо сказать, что при наличии хороших постановлений и директив ЦК и СНК и оказании ими реальной помощи транспорту внутри самого транспортного организма, начиная с НКПС, плохо было организовано их исполнение. Больше того, против решений ЦК и самого руководства НКПС действовали не только бюрократы-канцеляристы, но и саботажники, вредители и правотроцкистские группы, а достаточно твердого большевистского руководства, которое бы дало им отпор, в НКПС не оказалось.

Без преувеличения можно сказать, что, хотя и в других наркоматах, как я осветил это в своем докладе на XVII съезде партии, было немало канцелярско-бюрократических методов и чиновно-канцелярских крыс, но нигде не было такого влиянии на дела наркомата старых чиновников, как в Наркомате путей сообщения, в котором сохранилось немало влиятельных деятелей из старого дооктябрьского Министерства путей сообщения и управлений дорог.

Но главная беда была не столько в этом, сколько в передаточных ремнях от них, среди которых даже были и коммунисты, заражавшие значительную часть партийных и беспартийных активистов неверием в силы и материально-технические, организационные возможности транспорта. Вот это неверие и даже «убежденность» в том, что железнодорожный транспорт дошел «до предела» — больше грузить и перевозить не может, — и было главным камнем преткновения на пути улучшения работы и движения вперед. Камень этот необходимо было сдвинуть, опрокинуть.

Вот с этого мне, как вновь пришедшему народному комиссару путей сообщения, и пришлось начинать. Это был тяжелый камень. Чтобы его сдвинуть и опрокинуть, необходимо было преодолеть сопротивление людей, упорно державшихся за этот камень. И главное — привлечь новых передовых людей, которые были на железных дорогах.

Обстановка, которую я встретил в НКПС, была противоречивой. Я не был совершенно новым, незнакомым человеком для железнодорожников, в том числе для работников НКПС. Они знали меня как секретаря ЦК, занимавшегося ряд лет железнодорожным транспортом, — это отчасти облегчало мне работу с самого начала, особенно в массе железнодорожников и в низовом и среднем звене аппарата самого НКПС. Но это и насторожило противников линии партии и подготовило их к бою и сопротивлению. Что касается верхушки, то наряду с верными партии людьми определенная ее часть стояла на «предельческих» позициях, всячески стараясь «делами» доказать мне, что они принципиально правы, то есть на деле продолжали борьбу против линии и заданий ЦК, которые мне поручено было осуществить на железных дорогах.

Чтобы было яснее, расскажу здесь об одном важном факте первых дней моей работы. Не успел я оглянуться, как мне мои заместители и их подчиненные из управлений (я не начинал с увольнений и оставил их на своих местах) преподнесли в первые же дни моего вступления в работу предложение объявить «конвенцию» на дорогах Москва — Донбасс, Московско-Курской, то есть как раз на дорогах, вывозивших уголь, металл, нефть и т. п. Они хорошо знали, что я, работая в ЦК, все время выступал против системы «конвенций» на советских дорогах. Я не раз указывал, что «конвенция» — прекращение погрузки при затруднениях на определенных направлениях — перешла к нам из практики частнокапиталистических дорог. Да и там ее реже применяли, чем наши ретивые, плохо работающие эксплуатационные работники, которые чуть что, при малейших затруднениях прибегают к «конвенции»: «Нам спокойнее, а что заводы останавливаются, это нас не касается». По существу, это то же самое, что предлагал в свое время Троцкий, — нерентабельные, убыточные предприятия закрывать, игнорируя отличие природы социалистического хозяйства от капиталистического, которое не считается с интересами рабочего класса и всего государства. ЦК нашей партии и правительство относились к практике «конвенций» отрицательно, железнодорожники это знали, но — «Васька слушает, да ест» — часто это практиковали.

И вот в первые же часы моего наркомства они, в связи с поступившими донесениями о больших снежных заносах на указанных дорогах, пришли ко мне и со скрытой ехидной улыбочкой доложили: вот, дескать, дороги снегом занесло, выхода нет — это уж не от нас зависит — нужно объявить «конвенцию» (хотя это были последние февральско-мартовские заносы). Некоторые, возможно, были по-своему убеждены, что другого выхода нет, но «побочным продуктом» их «предельческого» мышления было желание доказать, что вот, мол, и новый нарком, который в ЦК выступал против «конвенций», теперь, столкнувшись с реальной действительностью, сам вынужден делать то, что мы делали, — объявить «конвенцию», да еще по главным магистралям — Москва, Донбасс, Баку.

Нечего и говорить, что я решительно отклонил их предложение. Эти горе-коммунисты (Постников, Арнольдов и другие), прослывшие безапелляционными вершителями судеб движения по сети, заявили мне: «Тогда мы не можем отвечать за движение на сети». Это был своеобразный ультиматум, на что я им ответил: «Можете подать заявление об отставке», добавив полушутя слова из народной революционной песни: «Без тебя большевики обойдутся». Заявления они не подали, мы никакой «конвенции» не объявили и дали работникам НКПС и дорог первый урок большевистского действия.

Вместо объявления «конвенции» мы отправили в ту же ночь начальников управлений НКПС, начальников дорог и других на участки, занесенные снегом. Вместе с ними были отправлены дополнительные снегоочистительные средства с близлежащих дорог, материалы и квалифицированные путейцы. Но так как много снегоочистительных средств было в неисправности, то пришлось налегать на мобилизацию живой рабочей силы с лопатами.

В ту же ночь я как секретарь ЦК лично переговорил по телефону с секретарями обкомов, райкомов партии, с председателями облисполкомов. Я просил их помочь в расчистке путей — дать людей, продовольствие, лопаты, послать партийных организаторов, взять под партийное наблюдение узлы, где скопилось много вагонов.

Этот первый бой (его с полным правом можно так назвать!) был победным не только на данном конкретном участке сети дорог, но и оказал замечательное влияние и воздействие на многих железнодорожников, в том числе и в аппарате НКПС. Люди увидели, что не отступление перед трудностями, не использование пресловутой «конвенции» для прикрытия своей беспомощности, безрукости или сознательного злоупотребления, а организованное

большевистское наступление на трудности, их преодоление — вот наш путь обеспечения победы на железнодорожном транспорте.

Я доложил об этом Сталину и на совещании Политбюро ЦК, которое одобрило мои действия, а Сталин добавил: «Развивайте наступление!» Я тут же обратился с просьбой разрешить мне не выполнять обычно установленное правило при смене наркомов — составлять акт о приеме и сдаче дел, так как это займет много времени и оторвет и меня, и аппарат от неотложных дел. Товарищ Сталин полушутя, полувсерьез спросил: «А может быть вы, товарищ Каганович, просто не хотите портить отношения со своим дружком Андреевым?» Я ответил: «Дело не в этом, а в том, что это оторвет и меня, и аппарат почти на месяц от работы, а это при нынешнем состоянии дел невозможно». — «Ну тогда согласимся с этим, но чтобы это не привело к замазыванию недостатков». Члены Политбюро с этим согласились. Итак, мы обошлись без акта, но критику недостатков мы не замазывали, а развернули по-большевистски.

Перед нами стояла генеральная задача — выполнить государственный план погрузки и перевозок, прежде всего обеспечить перевозку грузов первой категории; заложить такие основы в работе железнодорожного транспорта Советского государства, чтобы он обеспечивал поступательное движение социалистического хозяйства. Для решения этой задачи необходимо было ухватиться за главное звено, чтобы вытащить всю цепь, а таким первым звеном в то время была дисциплина труда, дисциплина технологического процесса, дисциплина, дающая слаженность работы всего сложного железнодорожного конвейера.

Необходимо было развивать наступление на базе не общих разговоров о дисциплине, а выбрать те самые острые вопросы, в которых, как в фокусе, отражаются все болезненные процессы в организме железнодорожного транспорта. Такими узловыми вопросами стали в первую очередь вопросы: о борьбе с крушениями и авариями; об антигосударственной линии и практике в работе научно-исследовательского института эксплуатации НКПС и об ускорении оборота вагонов.

Над разработкой решений по этим вопросам мы начали работать с первых же дней марта. Мы созывали деловые совещания, проводили беседы со многими организациями и отдельными работниками, с профессорами и научными работниками. Отказ от составления акта о приемке дел принес пользу, потому что были работники, которые очень хотели, чтобы новый нарком завяз в бумагах и цифрах, а они тем временем управляли бы сетью в преж-

нем духе. Они даже проявляли лицемерную заботу об «интересах нового наркома», чтобы все плохое, что я застал, было-де зафиксировано в документах, но я отклонил их фальшивую заботу.

В работу над мероприятиями по борьбе с крушениями и авариями было вовлечено много железнодорожников, начиная с машинистов, кондукторов, вагонных мастеров, стрелочников и кончая начальниками депо, станций и дорог. Задача заключалась не столько в том, чтобы издать очередной приказ, сколько в том, чтобы мы сами узнали вопрос в корне и сумели найти главные рычаги воздействия на ситуацию. Поэтому после издания приказа о борьбе с крушениями машинисты, вагонные мастера, станционники говорили: «Этот приказ написан нашими руками, кровью нашего сердца, и мы будем биться за его выполнение».

Вначале мы составили проект постановления ЦК и СНК. Политбюро ЦК одобрило все изложенное в нем, но товарищ Сталин, который был против шаблона в работе, внес следующее предложение: «Мы, — сказал он, — все эти последние годы выносили много постановлений ЦК и Совнаркома по железнодорожному транспорту, больше, чем по любой другой отрасли. Видимо, это было необходимо, но теперь положение изменилось. Сейчас нужно приостановить или сдержать эту инерцию. Нужно, чтобы все мероприятия, а их будет сейчас много, товарищ Каганович как новый нарком путей сообщения разрабатывал и принимал смело, не оглядываясь все время на нас. В наших уже принятых постановлениях есть большой запас невыполненных директив, которыми товарищ Каганович будет руководствоваться. Он должен теперь еще глубже изучить жизнь и дело и пусть издает необходимые мероприятия приказами народного комиссара путей сообщения. Важнейшие из них он будет докладывать нам; после нашего одобрения «в основном» он их и будет издавать, или, если найдем неподходящими, он будет учитывать наши замечания, переделает и издаст». Члены Политбюро с большим одобрением приняли это предложение Сталина.

Это, конечно, означало, что я получал большие права, но я вместе с тем воспринял это как возложение на меня большей ответственности.

Итак, приказ народного комиссара путей сообщения «О борьбе с крушениями и авариями» № 83/Ц (Ц означало — нарком) был одобрен ЦК и издан 19 марта 1935 года. Мы не побоялись опубликовать в нем цифры, которые до того времени не публиковались, но это необходимо было сделать, чтобы все железнодорожники почувствовали остроту, позорность, тяжесть положения,

чтобы это дошло до сознания и души каждого железнодорожника. Приказ прямо и начинался со слов: «Число крушений и аварий на железных дорогах все еще велико и за последнее время продолжает расти. За один 1934 год было 62 тысячи аварий и крушений. Рост числа крушений и аварий продолжается и в 1935 году: в январе их было 7000, в феврале — свыше 5000 крушений и аварий». Далее приводились цифры поврежденного товарного состава, убытков, факты невыполнения приказов и т. д. Огонь критики был направлен на командный состав, чтобы не повторять шаблонную поговорку: стрелочник виноват. «Ответственность, — говорилось в приказе, — за такую позорную работу ложится в первую очередь на непосредственных командиров транспорта — начальников дорог, начальников политотделов, начальников эксплуатационных отделений, депо, дистанций пути, связи».

Осуждалась негодная практика, когда начальники дорог и аппарат НКПС, знакомясь со справками о крушениях и авариях, принимали их «к сведению». В результате к крушениям привыкли, считали их обычным делом, а борьбу с ними рассматривали как побочное занятие, не чувствуя большевистской тревоги за позорную работу железных дорог. Даже в НКПС не всегда сообщалось о крушениях. Вместе с тем в приказе осуждалась практика, когда самой действенной мерой считалась передача дела в суд: «Прокуроры обвиняют, суды судят, а число крушений растет». Такое казенное, бездушное, чиновничье отношение к борьбе с крушениями привело к тому, что в ряде депо чуть ли не половина машинистов имели взыскания и судимость. «Начальники не понимают, — подчеркивалось в приказе, — что крушение или авария подобны поражению отдельной воинской части в бою и, подобно ему, должны быть лично изучены командиром транспорта во всех деталях для того, чтобы уроки этого поражения были полностью усвоены для исправления недостатков и улучшения всей работы». Борьба с крушениями должна была стать первейшей и центральной обязанностью начальников дорог и всего командного состава, потому что в крушениях концентрируются все недостатки в работе железных дорог. Крушения, как в зеркале, отражают состояние дисциплины и организационно-технического руководства дорогами.

На основании глубокого изучения фактов было установлено, что свыше трети важнейших крушений произошло вследствие разрывов поездов, общее количество которых за 1934 год и два месяца 1935 года составило свыше 26 тысяч случаев. Был дан тщательный разбор причин разрывов, в том числе таких, как не-

правильное формирование поездов, небрежный осмотр упряжных приборов и плохое свинчивание составов, невнимательное отношение кондукторских бригад к сигналам машинистов по торможению и отгормаживанию поезда, неправильное ведение поездов по перегону и при трогании с места, незнание машинистами профилей пути, а также несоответствие существующих профилей проектным. Конечно, если бы начальники дорог и служб боролись с плохим качеством работы, то есть за дисциплину их исполнителей, эти причины могли быть если не полностью, то в большей части устранены или резко сокращены.

Начальникам дорог предписывалось «лично взять в свои руки дело борьбы с авариями и крушениями и, не ограничиваясь разбором причин аварий и крушений, принимать все необходимые оперативные меры хозяйственно-организационного и технического порядка как по скорейшей ликвидации аварий и крушений, так и по их предупреждению». Им предписывалось лично изучать каждое крупное крушение и лично выезжать на место для расследования важных случаев крушений.

Против этого «восстали» начальники дорог и их «покровители» в аппарате НКПС, всячески доказывая, что это невозможно. Вокруг этого пункта разгорелась острая полемика с начдорог. Я прекрасно понимал, что при наличии такого большого количества крушений начальнику дороги не поспеть даже за важными крушениями, но я им отвечал: «Во-первых, постарайтесь, чтобы доля больших крушений была поменьше, а во-вторых, вы можете послать иной раз и своего заместителя. Наконец, в-третьих, главное заключается в том, чтобы вы поняли, что выезжать на линию, бывать в «войсках» во время боя — это и есть ваша важнейшая обязанность. Не ограничиваясь только подписыванием бумаг, побывав на месте крушения, вы сумеете глубже познать незавидное, безобразное положение на своей дороге во всех своих службах и со всей большевистской остротой и гневом обрушитесь на безобразия и безобразников, приводящих к гибели неповинных людей и государственного имущества при крушениях».

Острота, с которой начальники дорог выступали против пункта, обязывающего их выезжать лично на крупные крушения, показала, что этот пункт попал в точку. Он заставлял их перестроить свои методы работы — и это был сильный удар по канцелярско-бюрократическому методу руководства. Окунувшись в яму, где собраны все недостатки плохой работы, начальник дороги вынужден будет уйти от своего кабинетного стиля работы и займется выкорчевыванием всех безобразий, разболтавших железную до-

рогу. Вот почему, чем острее они возражали, тем настойчивее я отстаивал этот пункт и, конечно, отстоял его. Когда я доложил об этом Сталину и другим членам Политбюро, они целиком одобрили мою позицию.

Многие хозяйственно-технические мероприятия по предотвращению крушений были разработаны и приняты НКПС и дорогами на основании советов и критических замечаний работников с линии, в том числе и наших начальников дорог, а также машинистов, путейцев, вагонников, эксплуатационников и т.д. Например, по путевому хозяйству было предложено: проводить сплошной осмотр рельсов, лежащих в пути, и замену в течение месяца рельсов, опасных для движения поездов, не менее двух раз в год; установить графики систематической проверки пути измерителями; снабжать машинистов проверенными продольными профилями пути, восстановив все путевые знаки и установив дополнительные знаки на обрывных местах.

Крупным вопросом по крушениям был вопрос о ликвидации последствий крушений. «Верхом беспомощности и безответственности командиров на дорогах, — говорилось в приказе, — является та медлительность, с которой проводится ликвидация последствий крушений. Движение на много часов приостанавливается только потому, что технические средства по ликвидации последствий крушений не подготовлены. Вспомогательный поезд на большинстве участков обслуживается наспех собранными людьми без квалифицированного руководителя, без элементарного и самого простого оборудования». Были приняты хозяйственно-технические и организационные меры по усилению вспомогательных поездов, насыщению их постоянными квалифицированными кадрами, оборудованием и кранами, чтобы они могли быстро очищать пути. Но имевшиеся и полученные краны не могли поднять паровоз и даже тяжеловесный груженый вагон, а промышленность еще тогда не выпускала мощных 130–150-тонных кранов. Тогда я поставил вопрос в Политбюро об оснащении НКПС мощными кранами. Политбюро признало необходимым дать НКПС краны. Сталин спросил тогда Орджоникидзе: «Почему наша промышленность не может дать мощные краны, а их нужно ввозить из-за границы и тратить валюту?» Орджоникидзе доложил, что пока заводы не освоили это производство. Сталин, выслушав это, внес другое предложение: «В импорте отказать, обязать Наркомтяжпром немедля вызвать директоров соответствующих заводов и организовать производство мощных кранов».

На следующий день, когда я был у товарища Сталина по дру-

гим вопросам, он при мне вызвал по телефону Кирова и сказал ему: «Говорят, что Путиловский завод отказывается производить мощные краны, возьмись за это дело и организуй это производство, краны очень нужны Кагановичу». После окончания разговора с Кировым Сталин посоветовал мне самому поехать в Ленинград и вместе с Кировым ускорить это дело. На следующий день я был уже в Ленинграде. Киров и обрадовался, и удивился моему столь форсированному приезду, но тут же мы вместе поехали на Путиловский — и дело было сделано. Директор завода тов. Отс, которого я знал еще по Пскову, куда я выезжал на съезд Советов, при нас созвал техническое совещание, на котором путиловцы решили обеспечить железнодорожный транспорт мощными кранами, что было быстро реализовано. Так мы вооружили восстановительные поезда мощным современным оборудованием.

Главным результатом выполнения приказа была проявленная железнодорожниками самоотверженная активность и энергия в борьбе с крушениями, особенно новыми свежими работниками, поднявшимися и выросшими на этой борьбе с крушениями, которая оказалась, как мы того и ждали, мощным толчком, средством поднятия общей дисциплины, улучшения хозяйствования и изменения канцелярско-бюрократического стиля работы.

Вредители не только тормозили выполнение приказов, но и сознательно устраивали диверсионные крушения. Поэтому борьба с ними не ослаблялась, а усиливалась. К сожалению, в этой борьбе пострадали и невиновные. НКПС вместе с прокуратурой собирали судебно-прокурорских работников по этому поводу. В моей речи на этом совещании я просил, требовал, чтобы наряду с наказанием действительно виновных была проявлена максимальная осторожность и не допускалось осуждение невиновных.

После доклада о ходе борьбы с крушениями я сообщил Политбюро о подготовке мероприятий по обороту вагонов и преодолению консерватизма и «предельчества» на транспорте. Я внес предложение, чтобы ЦК и СНК созвали, по примеру прошлых лет, совещание работников железнодорожного транспорта. Политбюро одобрило эту идею, признало необходимым созвать такое совещание, но товарищ Сталин внес поправку: в отличие от прежнего совещания поручить НКПС собрать такое совещание по поручению ЦК и СНК. «В настоящее время, — сказал он, — так будет лучше в интересах укрепления дисциплины в недрах самого НКПС и авторитета его руководства». Это и было принято. Я попросил разрешения созвать совещание в зале Центрального

Комитета партии, что имело большое значение. Политбюро дало свое согласие.

Первого апреля 1935 года мною было открыто это совещание. В его работе приняли участие члены Политбюро и товарищ Сталин. На совещании был поставлен вопрос не о работе железнодорожного транспорта вообще, а взяты три узловых вопроса: о борьбе с крушениями, об ускорении оборота вагонов и о капитальном строительстве. Эти вопросы, являясь решающими, позволили нам связать задачи текущей борьбы с перспективами дальнейшей реконструкции железнодорожного транспорта.

По вопросу о крушениях и я, и выступающие товарищи говорили главным образом о том, как практически выполнить приказ о борьбе с крушениями. В своей речи я подчеркивал, что подлинного «перелома в борьбе с крушениями и авариями еще нет. Считали, что борьба с крушениями и авариями есть одна сотая часть в общей работе и мероприятиях, которые проводятся железными дорогами. Совершенно не поняли того, что крушения и аварии — основной показатель качества работы дорог, а борьба с ними — важнейший рычаг перестройки работы железнодорожного транспорта. Настоящая перестройка происходит в борьбе с сопротивлением этой перестройке. Элементы такого сопротивления, будем говорить откровенно, имеются даже у таких людей, как вы сами, — у руководящих работников транспорта».

Остановившись подробно на конкретных мероприятиях, особенно организационных, я особо подчеркнул значение дисциплины в борьбе с крушениями. «Дисциплина для себя, для социалистического Отечества, для миллионов трудящихся на транспорте, — говорил я, — еще не всюду понята. Вот почему попирают эту дисциплину сверху донизу. Не умеют еще организовать так машинистов, стрелочников, диспетчеров, кондукторов и других работников, чтобы они работали, соревнуясь от души. Это свое неумение некоторые руководители возмещают тем, что карают направо и налево. Конечно, есть враги классовые, сознательно вредящие; если человек действительно неисправимый, чужой человек, тогда его надо отстранить и карать. Но нельзя так поступать со случайно провинившимся трудящимся человеком. Нельзя, — говорил я, — превращать суд и дисциплинарные взыскания в массовое мероприятие, применяемое в отдельных депо или участках почти что к большинству персонала. Тогда эти меры теряют свое значение. Дисциплинарное взыскание должно подтягивать остальную массу к лучшей работе. Но для этого нужно применять его к неисправимым. А ко всем остальным людям нужно применять учебу техническую и политическую».

ПРОТИВ «ПРЕДЕЛЬЩИКОВ» НА ТРАНСПОРТЕ

Вопрос о борьбе с крушениями был неразрывно связан с теоретической и практической борьбой с «предельчеством», так как «предельщики» не только не вели борьбу с крушениями, но и оправдывали их, фальшиво доказывая, что крушения являются результатом только того, что железные дороги работают-де на пределе. Поэтому мы одновременно занялись этим вопросом, так как ни одно мероприятие по оздоровлению транспорта нельзя было выполнить без преодоления этого, так сказать, идеологически вредного или вредительского барьера.

До 1935 года теория «предела» проповедовалась значительной группой лиц, называвших себя учеными и работавших в научно-исследовательских институтах НКПС, во втузах, в журналах и т.д. Они давали такие искусственно заниженные технические расчеты и измерители, которые позволяли им «обосновывать» взгляды, идущие вразрез с интересами государства и социализма. Они утверждали, что технические и хозяйственные возможности железных дорог якобы исчерпаны, что транспорт работает «на пределе», что больше 53–56 тысяч вагонов в сутки железнодорожный транспорт СССР грузить не может, несмотря на то что уже было много сделано для хозяйственно-технического укрепления железных дорог.

Поэтому на железнодорожном транспорте и в самом центре — НКПС необходимо было провести борьбу за саму линию партии и ЦК, которой даже не все коммунисты руководствовались. Скорее можно сказать, что «властителями дум» в НКПС и на дорогах оставались так называемые ученые доктрины «предельчества», которые квазинаучными формулами служили удобным прикрытием негодной практики и плохой работы всех проваливающихся работников.

Эта удобная маскировка негодных работников использовалась и тайно работавшими на транспорте вредительскими бандами, викжелевцами и право-троцкистскими группами. В результате «предельщики» имели большую силу и противопоставляли свои якобы «технические доктрины» линии Ленинской партии. Вот почему в НКПС пришлось начинать с борьбы за саму линию партии, разбив ее противников и укрепив ее как незыблемую основу и руководство к действию — к быстрому движению вперед в ногу со всеми строителями социализма в нашей стране.

«Предельщики» создавали атмосферу полной безответственности за срыв государственного плана перевозок, давая квазина-

учное оправдание негодной работы отсталых железнодорожников, разлагая дисциплину на железных дорогах. Поэтому между «предельщиками» из научных институтов и их единомышленниками в аппарате НКПС и дорог была тесная идейная и практическая связь — в этом была их сила.

Чтобы разбить этих «властителей дум», необходимо было их опровергнуть по существу, тем более что и среди научных работников были честные, заблуждающиеся «предельщики». Поэтому нам пришлось не просто издать приказ, а до издания приказа серьезно поработать: провести ряд научных совещаний и личных бесед наркома с самими «предельщиками», и особенно с теми, кто не был их сторонником, выслушать тех и других. Эти совещания показали, что значительная часть корпуса старых инженеров путей сообщения и даже известная часть молодых новоиспеченных ученых подвержены этой болезни. Наиболее яркими их выразителями были работавшие в Институте эксплуатации профессора Васильев, Кудреватов, Нейштадт и начальник Восточного отдела НКПС Братин. Если профессор Васильев был, так сказать, партийно-теоретическим представителем консерваторов, не воспринявших революционного понимания социалистической природы нашего Советского транспорта и игнорировавших преимущества социалистического хозяйства, то профессор Кудреватов, бывший руководитель дорог Юга и Кавказа у Деникина, хорошо работавший у белых (не так, как у нас), был махровым противником подъема Советского транспорта. Между тем этот деникинский «профессор» был в большом почете в аппарате НКПС, а начальник важнейшего отдела Управления эксплуатации НКПС Братин задавал тон во всем Управлении. Замнаркома Постников — высоченный ростом «Голиаф» — в паре с горбатеньким маленьким человечком Братиным — они выглядели как Пат и Паташон. Постников воображал, что он управляет эксплуатацией, а на деле ею управлял Братин, и управлял он в «предельческом» направлении, срывая план погрузки и перевозок. Нам помогли разобраться в их неправильных, извращенных расчетах и измерителях те ученые — и старые и молодые, — которые были вызваны на совещания при наркоме. Они выступили против «предельщиков», приведя свои расчеты, опровергающие расчеты «предельщиков». И, конечно, в решающей степени нам помогли передовики-машинисты, составители, диспетчеры, к которым мы обратились за помощью и которые в жизни, на практике опрокинули все лженаучные технические измерители «предельщиков». Об этих передовых работниках, в особенности о машинистах-

кривоносовцах, я еще скажу впереди, а сейчас мне хочется назвать тех передовых ученых, которые оказали транспорту и мне лично, как новому наркому, большую, неоценимую помощь, потому что без них труднее было бы научно опровергнуть теорию «предела». Это прежде всего такие профессора, как Образцов — советский ученый и революционный патриот, Сыромятников и Николаев — паровозники, Земблинов — эксплуатационник, профессор Передерий — строитель, профессор Сокович — движенец, который вначале колебался, но потом в ходе полемики выступил потив «предельщиков»; а кроме того Хачатуров — молодой талантливый ученый-экономист, выдвинутый нами в члены-корреспонденты Академии, Мочилин и другие. На линии оказалось много свежих молодых инженеров, недавно окончивших втуз, которые вступили в драку за новые измерители. Это такие, как Платонов, Бещев (будущий министр) и другие. И в самом НКПС проявили себя как передовые инженеры Вишневецкий, Баев, Подшивалов, Дубровин и другие.

В результате серьезной научно-технической разоблачительной борьбы мы установили, что эти «господа предельщики», вопия о науке, на деле, как я докладывал на Пленуме ЦК ВКП(б), насиловали науку, технические расчеты, прибегали к демагогическому оправданию самых отсталых элементов и отсталых методов работы, лишь бы сорвать начинающийся подъем железнодорожного транспорта. Но наступил конец их господству. Разработанный нами приказ народного комиссара путей сообщения был рассмотрен на Политбюро ЦК ВКП (б) и одобрен с соответствующими поправками. Он был пространным, с подробным изложением содержания «предельчества», поэтому товарищ Сталин предложил сократить его, чтобы с ним ознакомить максимальное количество практиков. В результате был издан 14 апреля 1935 года приказ № 99/Ц «Об антигосударственной линии и практике в работе Научно-исследовательского института эксплуатации и Отдела восточных дорог Эксплуатационного управления НКПС».

Я придаю этому приказу настолько большое значение, что позволю себе привести здесь его содержание, в котором кратко, но выразительно передается суть «предельчества». «Произведенное обследование работы Научно-исследовательского института эксплуатации, — говорится в приказе, — показало, что вся линия и практическая деятельность Института и Отдела идет вразрез с решениями партии, правительства и НКПС о выполнении государственного плана погрузки, в особенности об ускорении оборота вагонов. Вместо действительной активной помощи практикам-

железнодорожникам по реализации решений ЦК ВКП (б) и СНК СССР о государственном плане перевозок и улучшению работы железных дорог руководящие работники Института и Отдела восточных дорог — С. И. Нейштадт, С. К. Кудреватов, Н. А. Морщихин, С. В. Гурьев, И. С. Беришвили, начальник Отдела восточных дорог В. С. Братин совместно с профессором М. И. Васильевым, работающим консультантом в НКПС, составили группу, задавшуюся целью обосновать невозможность ускорения оборота вагонов и тем самым выполнения государственного плана перевозок.

В практической своей работе Институт эксплуатации, несмотря на израсходование нескольких миллионов рублей, никакой серьезной научно-исследовательской работы не вел, практики-железнодорожники в своей трудной работе не получили не только никакой научно-технической помощи от Института, но и приличной книги, которая помогла бы начальникам станций и другим эксплуатационным работникам усвоить последние технические достижения в области эксплуатации. Вместо этого лжеученые фальшивыми и льстивыми рассуждениями о том, что наш транспорт по своим показателям работает якобы лучше американского, демобилизовывали и вводили в заблуждение даже некоторых руководящих работников НКПС.

Отдел восточных дорог в своей практической работе по организации движения на восточных дорогах проводил не линию НКПС, а линию вышеуказанной группы бездельников из Института эксплуатации. В результате Отдел восточных дорог работал хуже других отделов.

Ввиду всего вышеизложенного приказываю:

1. Отстранить от работы в Институте эксплуатации врид начальника Института Нейштадта С. И., сотрудников Института — Морщихина Н. А., Гурьева С. В., Кудреватого С. К., Беришвили И. С. и от работы консультанта — Васильева М. И.

2. Снять с работы начальника Отдела восточных дорог Управления эксплуатации Братина В. С.

3. Назначить с понижением по должности:

Братина В. С. — помощником начальника Грозненского отделения эксплуатации Северо-Кавказской ж. д.

Нейштадта С. И. — инженером для технических занятий на ст. Батраки Самаро-Златоустовской ж. д.

Морщихина Н. А. — инженером для технических занятий на ст. Юдино Московско-Казанской ж. д.

Гурьева С.В. — инженером для технических занятий на ст. Топки Томской ж. д.

Беришвили И. С. — инженером для технических занятий на ст. Ртищево Рязано-Уральской ж. д.

4. Назначить начальником Научно-исследовательского института эксплуатации т. Мочилина А. С.

Народный комиссар путей сообщения
Л. Каганович».

В дальнейшем были даны указания о научно-исследовательской работе по существу.

В своем выступлении на Первом всесоюзном совещании стахановцев товарищ Сталин так говорил о принятых мероприятиях: «Взять, например, Наркомат путей сообщения. В центральном аппарате этого наркомата недавно существовала группа профессоров, инженеров и других «знатоков дела» — среди них были и коммунисты, — которая уверяла всех в том, что 13–14 километров коммерческой скорости в час являются пределом, дальше которого нельзя, невозможно двигаться, если не хотят вступить в противоречие с «наукой эксплуатации». Это была довольно авторитетная группа, которая проповедовала свои взгляды устно и печатно, давала инструкции соответствующим органам НКПС и вообще являлась «властителем дум» среди эксплуатационников. Мы, не знатоки дела, на основании предложений целого ряда практиков железнодорожного дела в свою очередь уверяли этих авторитетных профессоров, что 13–14 километров не могут быть пределом, что при известной организации дела можно расширить этот предел. В ответ на это эта группа вместо того, чтобы прислушаться к голосу опыта и практики и пересмотреть свое отношение к делу, бросилась в борьбу с прогрессивными элементами железнодорожного дела и еще больше усилила пропаганду своих консервативных взглядов. Понятно, что нам пришлось дать этим уважаемым людям слегка в зубы и вежливенько выпроводить их из центрального аппарата НКПС. И что же? Мы имеем теперь коммерческую скорость в 18–19 километров в час. Мне думается, товарищи, что в крайнем случае придется прибегнуть к этому методу и в других областях нашего народного хозяйства, если, конечно, упорствующие консерваторы не перестанут мешать и бросать палки в колеса стахановскому движению».

Таким образом борьба с «предельчеством» на транспорте была условием развития стахановско-кривоносовского движения на железнодорожном транспорте и освоения новых высоких измерителей работы. Нелегко далась эта борьба и победа над «предельщиками», потому что их лжетеория питалась отсталыми настрое-

ниями и плохой работой многих. Неслучайно приказ о «предельщиках» был издан 14 апреля, а 15-го был издан приказ «Об ускорении оборота вагонов». В процессе работы над мероприятиями по ускорению оборота вагонов «предельщики» развернули бешеную активность, всячески противодействуя разработке вопроса. Они работали и подпольно, и легально, выступая в печати, доказывая невозможность ускорения оборота вагонов. Этим они ускорили свое поражение. Как только стало ясно, что «предельщики» разбиты, работники аппарата НКПС по-другому отнеслись к задаче ускорения оборота вагонов. И это не потому, что просто испугались, а потому, что твердо занятая политическая линия определяет и практику.

Ускорение оборота вагонов мы поставили как первоочередное, важнейшее дело, от которого непосредственно зависит выполнение государственного плана погрузки и перевозок. Оборот вагонов — это количество времени — вагоно-суток, затрачиваемое на погрузку, перевозку, выгрузку и подачу вагонов под новую погрузку.

Можно иметь большой вагонный парк и не иметь порожних вагонов под погрузку при плохом обороте, и можно при минимальном парке вагонов, но при ускоренном обороте иметь вагоны под погрузку. Чем меньше физических вагонов, тем острее стоит вопрос об ускорении оборота вагонов и улучшении работы всех служб для обеспечения заданного оборота.

Но именно против этого-то и выступали «предельщики», превращая науку о движении поездов в «науку о простоях поездов», вагонов в пути и на станциях. Они занижали нормы технической и коммерческой скорости и завышали нормы простоев на станциях, а практики своей работой на заниженных нормах превращали станции из производственной единицы формирования и пропуска поездов в отстойники и в кладбища неотремонтированных паровозов и вагонов. Таким образом, борьба шла не за абстрактные научно-технические формулы, а за оздоровление всей работы и за укрепление дисциплины в организации движения. Острой и тяжелой была эта борьба.

Среди железнодорожников, особенно в низах, созрела решимость бороться с отставанием и с канцелярской гнилью, мешающей транспорту идти вперед. То, что мы по-партийному, по-ленински вовлекли в разработку вопроса и в борьбу за ускорение оборота вагонов машинистов, кондукторов, молодых инженеров, составителей, диспетчеров, деповских, станционных и путейских работников, обеспечило успех всей дальнейшей борьбы за ускоре-

ние оборота вагонов. Мне лично помогало разобраться глубже и конкретнее в этом вопросе то, что в первые же дни моего прихода в НКПС я избрал два опорных пункта для изучения дела на практике — это депо Москва-Сортировочная и станция Люблино. С ними я был знаком по работе в Московском комитете партии, и это помогло мне создать непринужденную благоприятную обстановку, когда я явился туда в качестве народного комиссара путей сообщения. Мои беседы, деловые совещания с деповскими и станционными работниками, в особенности с машинистами, кондукторами, составителями и другими, в том числе с руководящими работниками депо и станции, дискуссии и споры между самими работниками депо и станции в моем присутствии, мое непосредственное наблюдение за техническими операциями оказали мне неоценимую помощь в моих первых шагах руководства железнодорожным транспортом. Только благодаря передовым людям транспорта — рабочим, работникам служб, инженерам и научно-техническим деятелям, о которых я уже говорил, мы преодолели сопротивление консерваторов-«предельщиков» и смогли разработать в короткий срок важный, исторический для железных дорог документ: 15 апреля 1935 года был выпущен приказ народного комиссара путей сообщения № 100/Ц «Об ускорении оборота вагонов».

В приказе и в дополнительных мероприятиях были учтены все деловые предложения участников совещания работников железнодорожного транспорта 1–4 апреля 1935 года. На совещании я приводил цифры завышенного оборота вагонов по элементам и эти цифры зафиксированы в приказе: «Средний оборот вагона в целом по сети в 1934 году составил 211 часов, т. е. 8,78 суток. Из этих 211 часов вагон простаивал под погрузкой и выгрузкой 47 часов — 22 %, на сортировочных и участковых станциях — 91,5 час. — 43%, на промежуточных станциях — 27 час. — 13% и лишь 45 час. — 21, 6% находился непосредственно в движении. При этом техническая и коммерческая скорость поездов оставалась крайне низкой. В среднем пробег вагона составил 117 км в сутки. Многие эксплуатационные работники до сих пор считают такое безобразие явлением нормальным и думают, что товарные поезда — это черепахи, которые от природы не могут и не должны двигаться быстрее».

Я думаю, что наши философы простят нам это сравнение с биологическим организмом — черепахой, но мы даже не предвидели, какое это будет иметь большое реальное моральное воздействие на душу железнодорожников. Некоторые из них даже просили

вычеркнуть слова о «черепахе» из приказа, но мы не согласились, и надо сказать, что эта «черепаха» получила большую популярность на линии — в спорах с консерваторами передовые люди все время упрекали их: «Вы черепахи, а мы не хотим быть черепахами и не будем».

Ряд руководителей дорог, отделений, станций, несмотря на громадные резервы для ускорения оборота вагонов, тратили свою энергию на антигосударственные доказательства невозможности решительного подъема работы. Расписания поездов не выполнялись, отсутствовала маршрутизация, что приводило к частой переработке поездов, ремонт вагонов проводился неудовлетворительно. Вместо того чтобы хорошо отремонтировать вагон, дороги старались спихнуть «больной» вагон другим дорогам, создавая этим пробки на обменных станциях.

Была разработана большая программа мероприятий, в их числе приведение в порядок и хозяйственно-материальное укрепление важнейших сортировочных обменных станций (причем конкретно названы 76 таких важных узловых станций), составление расписаний движения товарных поездов и пересмотр ранее составленных неправильных расписаний с устранением ненужных остановок, повышением технической скорости на перегонах, сокращением ожиданий встречных поездов и реальной практической борьбой с нарушением расписаний. Начальники дорог обязывались совместно с клиентурой устранить нетерпимые задержки под погрузкой и выгрузкой, при этом конкретно устанавливалось задание сократить простои под погрузкой и выгрузкой на путях клиентуры — на 15%, а хозяйственных грузов самого НКПС — на 25%. Были даны конкретные задания по формированию отправительских маршрутов массовых грузов (уголь, руда, металл, нефть, лес, соль, стройматериалы и хлеб), не допуская переформирования отправительских и технических маршрутов на попутных распорядительных и сортировочных станциях.

Перед начальниками дорог и эксплуатационных отделений и начальниками политотделов, начальниками станций и парторгами поставлены задачи: упорядочить работу станций, ликвидировать сутолоку в работе, организовать и проводить систематический инструктаж и проверку знаний каждым железнодорожником своих служебных обязанностей, привести в порядок комнаты отдыха паровозных и кондукторских бригад с обеспечением бесперебойного хозяйственного и политического обслуживания их (пища, кипяток, постельные принадлежности, газеты и т. п.).

Одновременно начальникам политотделов было дано указа-

ние прекратить практику перегрузки железнодорожников многочасовыми заседаниями, когда машинисты, кондуктора, стрелочники, сцепщики и другие вступали на работу, в том числе на ночные смены, усталые после десятка часов заседаний и собраний в различных общественных организациях.

Предусмотрено было премирование работников станций и кондукторских бригад за перевыполнение плана оборота вагонов и сокращение норм простоев вагонов, а также ряд мер по поднятию роли главных кондукторов.

Особо важное значение имело введение на дорогах постоянных ревизоров-диспетчеров НКПС, осуществляющих свою работу по методу Кутафина (следование непосредственно с товарным поездом), с зачислением их в штат НКПС, подчинив их во время исполнения своих обязанностей на дороге начальнику дороги. Ревизорам-диспетчерам было предоставлено право о всех серьезных ненормальностях в продвижении поездов сообщать непосредственно народному комиссару путей сообщения, который организовывал быстрое рассмотрение и реагирование на каждое их донесение. Большую роль сыграли ревизоры-диспетчеры как контролеры наркома на линии в движении товарных поездов; одно то, что агенты железных дорог знали, что о всех безобразиях ревизор-диспетчер доложит наркому, уже подтягивало их и укрепляло дисциплину. Ревизор-диспетчер был своего рода государственным контролером или приемщиком на железнодорожном производстве, контролируя качество продукции — перевозки.

Начальники дорог и политотделов были предупреждены о неуклонной и строгой проверке исполнения приказов НКПС. Кроме того, Центральный Комитет партии дал мне право, как секретарю ЦК и наркому путей сообщения, непосредственно обращаться в обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий за помощью, в том числе и по проверке исполнения решений ЦК, Правительства и основных приказов НКПС, одобренных ЦК. Это, конечно, произвело на них должное впечатление.

В эти боевые подъемные месяцы мы собрали московский актив железнодорожников, на котором мне довелось рассказать о принятых решениях и приказах, а также комсомольский актив железнодорожников, партсобрание коммунистов НКПС. В самом начале своей речи на партсобрании в НКПС я сказал: «Прошу не обижаться, но я скажу вам прямо — вы меня вот сейчас приветствуете, но я сейчас не могу вас приветствовать, хотя уверен, что такой момент наступит. Я далек от того, чтобы думать, что одного общего собрания и даже желания всех коммунистов достаточно

для того, чтобы исправить большое и серьезное дело. Я, наоборот, думаю, что нам придется не мало и не просто поработать, а бороться, чтобы добиться серьезных результатов. Но я уверен, что имеющееся ядро коммунистов НКПС и на дорогах может в кратчайший срок выполнить сложную и трудную задачу, поставленную партией и ее ЦК».

Изложив практическую программу работы, я сказал: «Некоторые много говорят о наркоме. От руководства, конечно, многое зависит, но если коммунисты не окружат его тесным боевым кольцом и не будут биться вместе с ним, то и нарком, говоря знакомой вам терминологией, потерпит крушение».

На состоявшемся через два дня общем собрании всех сотрудников НКПС я говорил, что мы не собираемся «перетряхивать» людей, но будем переделывать и перевоспитывать — и только не желающих исправить свою работу, и особенно сопротивляющихся в своем «предельчестве», мы переведем на другие места. В заключение я сказал: «Товарищи работники и работницы НКПС, медлить нам нельзя, каждый день дорог. С завтрашнего дня вам надо начинать работать по-новому, не дожидаясь новых приказов. Придя в аппарат, займитесь прежде всего расчисткой ящиков своих столов, у вас там порядочно хлама, очистите этот хлам. Начните новую жизнь — жизнь борьбы, жизнь деловитости, жизнь знания дела, жизнь революционеров, на которых смотрит вся страна, на которых возлагают свои надежды партия и Советское правительство, от работы которых во многом зависит не только хозяйство, но и оборона нашей великой Социалистической Советской любимой Родины. Мы будем ценить каждого работника в отдельности, у нас не будет обезличенного, многоголового аппарата, за которым не видят живого человека, у нас бумага не будет закрывать живое лицо человека. Я буду требовать от каждого начальника управления, отдела, сектора, чтобы они знали каждого работника, чтобы работали с каждым человеком, чтобы они ценили — и морально, и материально — людей за их работу, за опыт, за знания».

Придавая большое значение такому боевому и важному оружию, как печать, мы созвали совещание работников политотдельской печати. Скорее всего, это была беседа, в которой большое место занял вопрос об умелой и глубоко поставленной критике и самокритике. Наша железнодорожная печать во главе с центральной газетой «Гудок» сыграла большую роль в подъеме железнодорожного транспорта.

Одновременно были разработаны мероприятия по улучшению научно-технической работы НКПС и реорганизации технического Совещания в научно-технический Совет при Наркомпути, по улучшению научно-исследовательской работы на транспорте и объединению научно-исследовательских институтов. На Совет были возложены следующие задачи: разработка как по заданию наркома, так и по собственной инициативе технических вопросов реконструкции железнодорожного транспорта (внедрение новых видов машин, механизмов и транспортного оборудования всех видов, внедрение современных и совершенных методов путевых работ и строительства железнодорожных путей и их механизации); разработка технических вопросов улучшения текущей работы железнодорожного транспорта (улучшение использования подвижного состава, развития узлов и т. п.); рассмотрение и оценка проектов нового крупного железнодорожного строительства и сложного железнодорожного оборудования и машин.

В состав Совета вошли: Рудый Ю. В. (председатель), Севрюгин А. В. (заместитель председателя), академик Александров И. Г., профессора Геккель Я. М., Земблинов С. В., Образцов В. Н., Николаи В. Л., Майшев П. В., Оппенгейм К. А., Худяков П. К., Шателен М. А., Штанге Д. А. и ряд крупных инженеров. Совету было поручено привлекать в качестве экспертов лучшие технические и практические силы.

Было улучшено планирование грузовых перевозок и внедрено изменение характера и содержания приказов НКПС об обеспечении ежемесячных государственных планов погрузки и перевозок. В области строительства были разработаны коренные меры по упорядочению проектного и изыскательского дела НКПС. Было созвано специальное совещание, которое наметило пути серьезного улучшения пассажирского движения, в том числе по ликвидации опозданий пассажирских поездов. На специальном отраслевом совещании были разработаны мероприятия по улучшению состояния железнодорожного пути и мостов, в особенности по срочному приведению в порядок путевого хозяйства.

Крупнейшим материально-техническим мероприятием по коренному укреплению производственно-технической базы для ремонта вагонов стало решение о постройке в течение только второго полугодия 1935 года 200 вагоноремонтных пунктов, по существу заводов. Это был деловой, хозяйственный, технический и большевистский творческий ответ «предельщикам», пугавшим разрушением вагонного парка при ускорении оборота вагонов и увеличении скоростей движения. Помню, когда это предложение было вы-

двинуто новым руководством НКПС и утверждено ЦК и СНК, большинство руководящих работников НКПС и дорог не сразу поверило в реальность этого плана: его потом назвали Метростроевским — по срокам и темпам. Некоторые называли это железнодорожным Магнитогорском. Эта трудная задача постройки фактически 200 заводов за одно полугодие была выполнена, сюда действительно был перенесен метростроевский опыт. ЦК, СНК и Наркомтяжпром нам помогали снабжением, даже импортом станков, были установлены графики их исполнения и т. д и т. п. К осени эти двести вагоноремонтных пунктов были готовы — вагоны ремонтировались уже не на открытом воздухе и не гонялись за сотни километров на завод. «Предельщики» были посрамлены и разбиты большевистской силой всех железнодорожников, помогавших этому, я бы сказал, великому для нашего хозяйства делу.

В короткий срок осуществлено крупнейшее технически-реконструктивное мероприятие — был закончен начатый, но длившийся годами, перевод всех товарных поездов на полное автоматическое торможение. К концу 1935 года эта задача была решена. Были приняты меры по улучшению качества поставляемой железнодорожному транспорту металлопродукции и об усилении ответственности заводов Наркомтяжпрома за качество. 3 июля 1935 года был издан приказ по этому вопросу за подписями народного комиссара тажелой промышленности Орджоникидзе и народного комиссара путей сообщения Кагановича.

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ

Можно без преувеличения сказать, что четыре месяца — март, апрель, май, июнь 1935 года — были месяцами бурного кипения железнодорожного котла, весь организм снизу доверху работал с напряжением, творчески, по-боевому, по-разумному, и перелом — первые серьезные успехи — был достигнут.

Теперь мы без хвастовства могли сказать, что первый этап работы мы прошли неплохо и выходили из него с отметкой «удовлетворительно», или, как говорят учащиеся, «уд», на ряде дорог — даже «хор». Но помнить надо, что полученный «хор» в первом классе не удовлетворяет во втором классе. Если застрять на одном месте, то «хор» в первом классе может оказаться «неудом» во втором классе. Теперь мы должны подняться на новый, более высокий уровень. На первом этапе мы сосредоточились преимущественно на организационных мероприятиях, на ликвидации вопию-

щих и очевидных недостатков, на сплочении коллектива железнодорожников, в первую очередь командного и политического состава, на подъеме соревнования и ударничества, на разоблачении косности, антигосударственной практики и лжетеоретических измышлений «предельщиков». Теперь мы должны были перейти во второй класс, где нам предъявят требования бо́льшие и задачи посложнее и потруднее. Поэтому, продолжая ту же, указанную выше работу, нам надо было особое ударение сделать на проведение ряда хозяйственно-производственных, технических мероприятий по всем отраслям железнодорожного хозяйства, в первую очередь сосредоточить особое внимание и усилия на паровозном хозяйстве как решающем звене в улучшении движения поездов, которое должно закрепить и двинуть дальше подъем нашего железнодорожного транспорта. Мы все еще крайне неудовлетворительно использовали паровозный парк, пополненный новыми паровозами «Э» и «ФД». В особенности была крайне низкая техническая скорость, оставшаяся почти на прежнем уровне: 23 км. в час в 1932 году, 22,7 км в час в первом полугодии 1935 года и всего 23,7 км в июне этого года; нетерпимые простои паровозов, которые в течение суток (исключая дни промывки) находятся в движении всего только 7,9 часа — 33,1%, а остальные 16,1 часа простаивают либо на промежуточных станциях (3,7 часа), либо в основных (6,1 часа) и оборотных (6,3 часа) депо (6,3 часа); неудовлетворительный уход за паровозами, недоброкачественный ремонт паровозов вследствие обезлички в ремонте, плохой организации труда и заработной платы, не стимулирующей ускорение оборота паровоза и лучшее их использование.

В течение полутора месяцев мы в НКПС, посоветовавшись с отдельными передовыми паровозниками, подготовили проект приказа «Об улучшении использования паровозов и организации движения поездов». Когда мы доложили этот проект в ЦК, товарищ Сталин предложил ввиду важности поставленных вопросов созвать второе совещание работников железных дорог по примеру апрельского и обсудить этот проект на этом совещании. Совещание состоялось в июле 1935 года.

В результате был окончательно разработан, отредактирован, доложен и одобрен ЦК и СНК проект приказа народного комиссара путей сообщения от 7 августа № 183/Ц. В приказе кроме вводной общей оценочной части фактического положения решены следующие вопросы: об улучшении эксплуатации паровозов; о сокращении простоев с конкретными заданиями, например, на промежуточных станциях на 30% и т.д.; об увеличении техни-

ческой скорости на 15 %; о работе на коротких плечах с тем, чтобы на плечах длиной 60–70 км бригады могли делать в сутки три полные поездки; о введении строенной езды с сохранением на отдельных тяговых плечах спаренной езды; об установлении новых, более передовых измерителей работы паровозов; о новых графиках и расписаниях движения товарных поездов с повышением технической и коммерческой скоростей на основе увеличения технической скорости паровозов, уменьшения числа остановок поездов, совмещения операций по осмотру вагонов, чистке топки и набора воды и т. д.

Особое место занимал вопрос о ликвидации обезлички в текущем ремонте паровозов. Вместо функциональных бригад были введены комплексные ремонтные бригады (кроме котельщиков) во главе с освобожденным старшим бригадиром. Были также приняты решения: о создании в депо неснижаемого запаса наиболее ходовых деталей паровозов; о введении вместо горячей и холодной промывки технического новшества — теплой промывки котлов с искусственным циркулярным охлаждением; о создании отделений паровозного хозяйства для руководства всей работой паровозного хозяйства в пределах всего тягового участка, освободив от этой работы начальников депо и сосредоточив их усилия на ремонте, организации труда паровозных бригад и их подготовке; о задачах и работе начальников дорог, паровозных служб, паровозного управления НКПС по улучшению работы паровозного хозяйства по подготовке кадров.

На июльском совещании (1935 г.) был поставлен конкретно вопрос об организации движения поездов, о графиках и расписаниях поездов. Мы внедряли в сознание железнодорожников, что движение поездов строго по расписанию должно быть железным законом всей работы транспорта.

Трудность работы на транспорте заключается в том, что наши субъективные недостатки — недостаточная сплоченность, невоспитанность низшего и среднего звеньев комсостава — осложняются объективными трудностями — растяженностью, разбросанностью нашего производства. Да, железнодорожный транспорт — это своеобразный фронт, и тот, кто решается идти на эту работу, должен знать, что она беспокойнее, труднее, чем любая другая работа. Что же помогает преодолевать трудности? Это: паровоз, путь, вагон (держать их в исправности, поднимать технику), организация передовых людей, сплочение всех железнодорожников, построение правильной системы заработной платы, стимулирование хорошей работы и, конечно, политическая организация людей.

Однако ко всему этому необходим организационный рычаг всего движения на десятках, тысячах километров. Ведь транспортная сеть — это не деревенская проезжая дорога и даже не современное шоссе. Это тончайшая система нервов и кровообращения страны, один палец зашиблен — и лихорадит весь организм, одна станция работает плохо, на одном перегоне крушение — срыв графика и расписания движения, лихорадит целую дорогу, а иногда и всю сеть.

Значит, дисциплинирующим рычагом, организующим, руководящим началом на сети железных дорог является единое для всех расписание поездов — график движения, исполнение которого отражает как в зеркале и слаженность и расстройство движения. Именно расписание и график должны спаять в единый, стройно действующий коллектив разбросанных на десятки тысяч километров сотни тысяч людей. Расписание должно заставить переездного сторожа своевременно проснуться, выйти и пропустить поезд, стрелочника своевременно подготовить стрелку и любого агента работать четко, аккуратно, организованно. «Надо, — говорил я, — любить и уважать расписание, как знамя, как основное условие органического здорового подъема транспорта».

Мне хочется здесь привести еще одно место из сказанного на июльском совещании: «Подбор и воспитание кадров — первейшая обязанность командиров транспорта, политотделов и профсоюзов. Воспитывать кадры — не значит сплачивать их личными, мещански слезливыми отношениями, из-за ложной доброты прикрывать недостатки, вовремя не указывать, а потом доводить человека до срыва, до суда. Такая сентиментальная «доброта» потом боком выходит. Нет, ты уж поработай над человеком, помоги, вскрой большевистской самокритикой недостатки и болезни для того, чтобы поднять его на уровень великих задач, тем самым подымая и транспорт на уровень задач, выдвигаемых всем социалистическим хозяйством нашей страны».

После окончания совещания произошло событие большой исторической важности — прием в Кремле всех участников совещания с приглашением других передовых железнодорожников руководителями партии и правительства. На этом приеме выступил генеральный секретарь ЦК партии Иосиф Виссарионович Сталин. Его речь имела большое теоретическое, практическое и воодушевляющее значение — он поднял роль и значение железнодорожного транспорта на большую, общегосударственную высоту. Сталин говорил: «Существование и развитие нашего государства, превосходящего по размерам любое государство мира, в том чис-

ле и Англию с ее колониями (не считая доминионов), немыслимо без налаженного железнодорожного транспорта, связывающего громадные области нашей страны в одно государственное целое... Англия как государство была немыслима без первоклассного морского транспорта, связывающего в единое целое ее многочисленные территории. Точно так же СССР как государство был бы немыслим без первоклассного железнодорожного транспорта, связывающего в единое целое его многочисленные области и районы. В этом великое государственное значение железнодорожного транспорта в СССР».

Большое значение для воспитания чувства ответственности у всех железнодорожников и поднятия их сознания собственного достоинства имело заявление товарища Сталина: «Есть у железнодорожников работники на больших постах и работники, стоящие на небольших постах, но нет на транспорте людей ненужных и незначительных. Начиная от самых больших руководителей и кончая «малыми» работниками вплоть до стрелочника, вплоть до смазчика, вплоть до уборщицы — все велики, все значительны, ибо транспорт является конвейером, где важна работа каждого работника, каждого винтика. Когда вы это поймете, товарищи железнодорожники, когда вы установите слаженность всех частей, всех работников в механизме транспорта — это и будет настоящая, большевистская дисциплина».

Товарищ Сталин по достоинству оценил успехи транспорта: «Успехи транспорта несомненны, мы не собираемся их скрывать. Нам не нужна ложная скромность. Достижения ваши немалы. С 56 000 вагонов среднесуточной погрузки поднялись до 73 000 вагонов. Это немало с точки зрения продвижения транспорта вперед. Но, товарищи, этого еще недостаточно с точки зрения потребностей страны. Надо добиться среднесуточной погрузки в 75 000 — 80 000 вагонов в день. Разрешите провозгласить тост за ваши успехи, которые несомненны и за которые вы заслужили настоящую большевистскую товарищескую похвалу. Разрешите провозгласить тост за те достижения, которых еще нет у вас, но которые обязательно должны быть, за то, чтобы все вы — от стрелочника до наркома — сделали все необходимое и подняли транспорт, который идет уже в гору, но идет еще покачиваясь, за то, чтобы транспорт был четко действующим, точным, как хороший часовой механизм, конвейером! За всех вас и за вашего Наркома, товарищи!»

Этот прием — первый в истории железнодорожного транспорта, все речи на этом приеме, в том числе и мое выступление, речи

рабочих-железнодорожников, выражали чувство всех железнодорожников страны, их готовность к самоотверженному труду для подъема транспорта. Этот прием в Кремле и особенно речь товарища Сталина, давшего хорошую оценку работе железнодорожников в 1935 году, имели большое влияние на развернувшееся движение ударного труда и социалистического соревнования.

ЦК и Правительство приняли решение об удовлетворении просьбы рабочих железнодорожников — установить в ознаменование приема железнодорожников в Кремле ежегодный праздник — День железнодорожника, который отмечался бы 30 июля. Это было зафиксировано постановлением ЦИКа СССР за подписью Калинина. Так был установлен ежегодный Всесоюзный день железнодорожного транспорта Советского Союза. Впоследствии по примеру железнодорожного транспорта были постепенно установлены такие же Всесоюзные дни по другим отраслям социалистического хозяйства, а потом и не только хозяйства, но и разных областей государственной деятельности.

Это было завершением первого этапа борьбы за подъем железнодорожного транспорта в 1935 году и началом нового, второго этапа более устойчивого и глубокого подъема железнодорожного транспорта Великой железнодорожной державы — Советского Союза.

Во всех отраслях народного хозяйства — в промышленности, на транспорте, в колхозном и совхозном сельском хозяйстве развернулось мощным потоком стахановское движение новаторов производства, двинувшее нашу Советскую Родину на новые социалистические рубежи и укрепившее ее обороноспособность.

Многих из самых передовых людей я лично хорошо знал: Стаханов, Кривонос, Дюканов, Бусыгин, Сметанин, Евдокия и Мария Виноградовы, Изотов Никита, Писаренко, Ангелина, Мария Демченко и другие. Особенно хорошо, конечно, я знал передовиков железнодорожного транспорта, ставших мне наиболее близкими, родными и дорогими друзьями, соратниками по подъему железнодорожного транспорта, и прежде всего таких, как Кривонос Петр и вся его семья, с которой я познакомился в Славянске, погостив у них в доме и побеседовав с отцом Петра — Федором Кривоносом, Огнев А. С., Закорко Н. Т., Яблонский Ф. Ф., Омельянов А. Я., Зайцев В. Г., Неудахина А. С., Бабайцев (это и был один их тех машинистов, с которыми я вел беседу в депо Сортировочная), Сатбаев Тимербек, Бородулин К. А., Кожухарь М. М., Краснов, Шакурский, Кирженко, Макаров, Межецкий, Богданов, Блинов, Троицкая и многие другие.

Рост социалистического хозяйства на основе стахановского, новаторского движения, захватившего и большую часть инженеров, техников и нашу интеллигенцию, обеспечил рост материального благосостояния народа, рост образования, культуры в стране. Это ярко видно на примере железнодорожного транспорта, на котором в то время в руках НКПС и дорог были сосредоточены все низшие и средние школы, где обучались дети железнодорожников, высшие железнодорожные учебные заведения, строительство и работа клубов и дворцов культуры, здравоохранение — больницы, клиники, санатории и т. д.

Важной задачей была организация обучения практиков минимуму технических знаний без отрыва от производства и организация массового обучения техминимуму рабочих и работников всего железнодорожного транспорта, в первую очередь стахановцев-кривоносовцев, для облегчения выдвижения на командные посты лучших из них.

Особое внимание было обращено на использование имеющихся инженеров и техников, в особенности молодых, значительная часть которых были направлены из канцелярий, где они сидели, на линии. Оканчивающие втузы получали персональную путевку прямо от наркома. В частности, я лично принимал большое количество выпускников — группами и поодиночке. Кроме того, мы устраивали собрания, на которых я выступал, давая указания, как им работать, просил их считать себя молодыми представителями наркомата и лично наркома и призывал бороться с консерватизмом. Это их воодушевляло и мобилизовывало на борьбу и творчество. Многие из этих молодых инженеров потом стали серьезными руководителями. Для примера я мог бы назвать министра путей сообщения Бещева, крупного работника аппарата Совмина тов. Платонова, руководителя путевого хозяйства Гаврилова и других.

Когда я рассказал в ЦК о примененной практике личного распределения и приема мною оканчивающих втузы НКПС молодых инженеров, тов. Сталин внес предложение и ЦК принял постановление, обязывающее всех наркомов лично распределять и принимать оканчивающих втузы молодых инженеров, и это, конечно, дало свои хорошие результаты.

После разработки крупных мер по улучшению использования паровозов и организации движения поездов были разработаны мероприятия по перестройке системы заработной платы и повышению заработной платы на железнодорожном транспорте.

Кроме прямого повышения месячных расчетных ставок была

повышена прогрессивно-сдельная оплата покилометрового пробега на 20%, установлены премии за перевыполнение технических норм; командному составу служб эксплуатации, паровозного и вагонного хозяйства, пути и сооружений, сигнализации и связи была установлена прогрессивная надбавка за перевыполнение ежемесячных заданий.

В результате этих решений, а также улучшения организации труда, развития кривоносовского движения реальная зарплата серьезно повысилась. Достаточно, например, сказать, что средний месячный заработок машинистов товарных поездов повысился с 362 руб. в 1934 году до 519 руб. в 1935 году и до 600 руб. в апреле 1936 года.

Дальнейшая наша работа состояла в разрешении ряда хозяйственно-организационных и технических проблем. По паровозному хозяйству мы занимались внедрением нового типа паровоза с конденсатором (аппарат НКПС задерживал этот паровоз, дающий замечательный эффект, несколько лет). Он, конечно, не заменял тепловоз, но был близок к тепловозам; главное в том, что он работал на угле и давал пробег без набора воды до 400–500 км. Когда я доложил ЦК об этом паровозе, тов. Сталин особо заинтересовался им, а тов. Орджоникидзе принял действенные меры по внедрению его в производство. В 1936 году мы получили уже около 400 таких паровозов, направляя их на линии с затрудненным водоснабжением, а наш передовой дальневосточный машинист Макаров и его напарник Межецкий провели маршрут от Хабаровска до Москвы на одном этом паровозе, не сменяя его в пути. Этот паровоз был назван именем Орджоникидзе — СО. Потом мы внедрили мощный пассажирский паровоз, который был назван именем Сталина — ИС. Электровозов мы получали крайне мало, план их производства не выполнялся, и это, главным образом, задерживало начатую электрификацию на важных участках. Важное значение имело введение электроосвещения паровозов, электроосвещения 1000 средних станций, которые ранее работали на керосиновом освещении.

В октябре 1935 года мы созвали совещание финансовых работников дорог и НКПС, где были поставлены вопросы о борьбе с убытками, о накоплении, о более точном учете доходов и, главное, о хозрасчете, о новой системе расчетов между дорогами и о хозрасчете, который мы внедрили в 1936 году при серьезном сопротивлении работников многих дорог. Осуществление всех указанных мероприятий требовало улучшения дела материально-технического снабжения в НКПС и на дорогах. Особенно это бы-

ло важно в связи с развитием хозяйственно-строительной деятельности НКПС и дорог, с внедрением хозрасчета и с серьезным увеличением ресурсов, которыми распоряжались НКПС и дороги. Улучшение учета материальных ценностей сочеталось с борьбой со злоупотреблениями, произвольным расходованием и просто воровством и расхищением государственных ресурсов. Важнейшим мероприятием был подбор в органы материально-технического снабжения честных, верных партии и рабочему государству кадров.

Уже одно перечисление проблем и мероприятий, которые приходилось решать и осуществлять НКПС, показывает, что НКПС занимался не только общим руководством и организационно-политической мобилизацией масс на подъем транспорта, но и превратился в производственно-технический штаб. Для этого НКПС должен был перестроиться в своей работе и по своей структуре. Руководствуясь указаниями Центрального Комитета и Правительства, НКПС перестроил работу по руководству железнодорожной сетью, преодолевая канцелярско-бюрократические методы руководства, оторванность от живой жизни и от передовых людей транспорта. Достаточно, к примеру, сказать, что центральный аппарат НКПС был сокращен на 1000 человек, что дало возможность за этот счет повысить зарплату сотрудников. Для осуществления дифференцированного руководства дорогами были созданы в центральных управлениях территориальные отделы и одновременно с ними для лучшей разработки и осуществления технических проблем и знания положения с техникой на местах, в центральных управлениях — технические отделы. Тем самым было исправлено такое, например, нетерпимое положение, когда в НКПС в 1935 году не было элементарных данных о том, например, какое количество станций освещается керосином и сколько электричеством, не было даже систематизированных данных о тяговых плечах и технических скоростях по ним, о пропускных способностях (зато была карта, составленная «предельщиками» в 1934 году, пристрастно составленная и доказывающая, что пропускных способностей не хватает). Даже расписаний товарных поездов по отделениям в НКПС не было.

Перестройка аппарата, сокращение бумажного потока, усиление живой связи с местами улучшали работу аппарата и ликвидировали указанные выше недостатки. Их оставалось еще немало, часть из них заново воспроизводилась, но борьба с ними продолжалась систематически.

Важное общесоюзное значение имело собрание железнодо-

рожников Московского узла, на которое были вызваны передовики других узлов, состоявшееся в Зеленом театре Парка имени Горького и транслировавшееся по радио на такие же собрания многих и многих узлов, станций, депо Советского Союза. В своем выступлении на этом массовом собрании я заострил задачу борьбы — за 80 тысяч вагонов погрузки в сутки и большевистскую подготовку к зимним перевозкам. Впоследствии мне не раз приходилось выступать на таких массовых собраниях в Зеленом театре, особенно в День железнодорожника 30 июля, но это было мое первое выступление перед всеми железнодорожниками Москвы и Союза.

Зима 1935–1936 г. опрокинула не только «предельщиков», но и все укоренившиеся представления железнодорожников о том, что зимой неизбежно происходит падение погрузки и перевозок. На деле же получилось, что в зимние месяцы грузили больше, чем в летние месяцы.

Но была большая опасность срыва работы всей сети из-за приближавшегося паралича движения на Сибирских и Дальневосточных дорогах, особенно на Томской дороге, разорвавшей единую железнодорожную сеть СССР на две части. Приостановка приема поездов Томской дорогой уже начала «зашивать» дороги Урала и даже Самаро-Златоустовскую дорогу, а там этот вал мог уже легко докатиться до дорог центра и юга, что означало бы полный срыв всего зимнего квартала.

Я доложил о сложившемся положении в Политбюро ЦК и поставил вопрос о моем выезде на Сибирские дороги. Политбюро уделило этому большое внимание, и хотя некоторые товарищи высказали сомнение, следует ли мне уезжать из центрального аппарата в январе, после высказанных товарищем Сталиным соображений, что главная опасность для всей сети идет сейчас именно с восточных дорог («Если там поправим, то всюду пойдет более гладко»), Политбюро одобрило мой выезд. При этом товарищ Сталин дополнительно высказал следующее предложение или совет: если товарищу Кагановичу удастся добиться серьезного перелома на Томской дороге, то было бы хорошо ему поехать дальше, до Владивостока, — это важно и с точки зрения транспортно-хозяйственной, и с точки зрения оборонной, при этом особо проверить ход строительства вторых путей Карымская–Хабаровск, имеющих особо важное значение. «Надо, — сказал Сталин, — дать право товарищу Кагановичу принимать на месте все необходимые меры по ускорению строительства вторых путей, обязав строителей других организаций выполнять все его указания». Политбю-

ро это предложение приняло, и в январе 1936 года с небольшой группой работников я выехал на место.

Я не буду здесь излагать весь ход моей поездки и все мероприятия, принятые на Томской и других Сибирских дорогах во время моего пребывания там, для этого потребовался бы целый том. Я приведу выдержку из моего доклада, сделанного 50 с лишним лет тому назад, в апреле 1936 года, на заседании Совета при народном комиссаре путей сообщения: «Введение нового графика с 1 октября 1935 года — крупнейшее оперативное мероприятие, но для успешного его проведения приходилось оперативно руководить его осуществлением, борясь со схематизмом и формализмом в этом деле. Позвольте остановиться в качестве примера на мерах, принятых НКПС зимой по восточным дорогам. Восточные дороги отстали в проведении всех тех мероприятий, которые намечал НКПС. И, надо признать, аппарат НКПС отставал в обслуживании восточных дорог. С чем мы столкнулись на восточных дорогах, в первую очередь на Томской? Работники восточных дорог работали плохо, не перестраивались, не проводили приказов НКПС, в том числе по паровозному хозяйству. Стахановцев не поддерживали, и их работа сводилась на смарку плохой работой остальных; поезда не продвигались, стояли на станциях, держались часами на перегонах; с соседних дорог поезда не принимались по распоряжению руководства дороги и по усмотрению и прямому произволу диспетчеров, дежурных по станции и т. п.

Надо было в первую очередь сломить антигосударственную практику неприема поездов и заставить людей мобилизовать свои силы на подъем работы. Многие эксплуатационники, исходя из схематических расчетов, особенно «предельчески» настроенные, рассуждали так: дорога «зашита», нельзя требовать от нее увеличенной погрузки, нельзя гнать туда больше вагонов. Паровозный парк, исходя из установленных норм оборота, у дороги с большими излишками, нельзя давать ей больше паровозов. Надо потихонечку «расшивать», заранее решив, что погрузку надо наполовину снизить. Мы поступили по-другому. И тот опыт, который проведен сейчас на Томской дороге, чрезвычайно интересен для других дорог. Работников Томской дороги надо было поставить перед необходимостью пропускать большое количество поездов, чтобы они почувствовали, что другого выхода нет».

Первый политический удар, который мы нанесли размагниченным кадрам на Томской дороге, заключался в том, что мы сказали: вы поступаете как государственные преступники; вы разрываете единую железнодорожную сеть СССР на части; вы не везе-

те грузы на восток, сознательно нарушаете расписание, самовольно не принимаете поезда. Извольте «открыть ворота». Мы знали, что по одному лишь приказу поезда не пойдут. Если бы просто «открыть ворота», пустить большее количество поездов, не проводя других мероприятий, то на Томской дороге действительно могло бы создаться безвыходное положение. Но мы приняли и другие меры. Во-первых, мы дали еще паровозов и вагонов. Старые эксплуатационники (я здесь имел в виду и НКПСовских, в том числе и Постникова) никак не могли этого понять и согласиться с этим: на Томской дороге столько лишних паровозов и вагонов, а вы требуете еще паровозов и вагонов. Мы отвечали: нельзя рассуждать схематически; на фронте бывает такая обстановка, при которой, по всем расчетам командования, достаточно иметь одну дивизию, чтобы разбить противника, но качество дивизии бывает разное, и порой невысокое качество приходится компенсировать количеством и притом и улучшенным качеством. Нужно было прежде всего убедить честных работников Томской дороги, что они могут грузить и перевозить значительно больше. Мы дали им паровозов и вагонов, хотя был излишек парка.

Мы поддержали восточные дороги лучшим снабжением запасными частями и материалами, послали в отстающие депо ремонтные поезда с центральных дорог, квалифицированных рабочих с других дорог, снабдили основные кадры теплой спецодеждой.

Второе мероприятие, которое было проведено нами, — это сплочение лучших людей. Если бы мы приняли только хозяйственно-технические меры, но организационно-политически не мобилизовали людей, то все было бы провалено. В том и заключается слабость старых эксплуатационных расчетов, что они не принимали во внимание возможность преодоления людьми трудностей, если работникам дать правильную установку, их организовать. И, главное, мы заменили ряд провалившихся работников, начиная с руководства дороги (сняли начальника дороги Миронова, зазнавшегося вельможу), и направили туда ряд новых работников. Работники Томской и других восточных дорог, подпертые всеми нашими конкретными мероприятиями, подпертые логикой необходимости, вынуждены были подтянуться.

Третье мероприятие — разоблачение мерзавцев, использование орудия пролетарской диктатуры для наказания тех, кто мешал правильной работе.

Четвертое мероприятие — это оперативное маневрирование на восточных дорогах, то есть такое регулирование грузопотоков, которое приучает дороги работать напряженно, с полным исполь-

зованием пропускных способностей, но вместе с тем не позволяет «зашивать» дорогу излишками вагонных парков на отдельных ее участках. В этом смысле огромное значение имеет упорядочение ежедневного составления «поездного положения», дающего полную картину дороги на каждом участке и позволяющего производить соответствующие маневры — передвижки поездов с одного отделения на другое. Этот опыт составления ежедневного «поездного положения» мы потом внедрили на всех дорогах и в НКПС в общесетевом масштабе, что оказало нам огромную помощь в работе, особенно во время Отечественной войны.

Пятое мероприятие — перестройка отношения аппарата НКПС к восточным дорогам. Мы заставили центральные управления повернуться лицом к восточным дорогам, усилить обслуживание нужд этих дорог. (Если сохранились мои распоряжения, дававшиеся из Сибирских и Дальневосточных дорог, и мои разговоры по прямому проводу с НКПС, то это были бы весьма интересные поучительные документы о том, как мы «с линии фронта» перестраивали в ходе боя аппарат НКПС.) По приезде в Москву мы увеличили капиталовложения на 1936 год по восточным дорогам, улучшили снабжение их запасными частями, материалами.

Без преувеличения скажу, что эта моя поездка по Сибири и Дальнему Востоку обогатила меня. Я прошел большой учебный курс по железнодорожному делу, изучив не только хозяйство, но, главное, людей — железнодорожников и нежелезнодорожников, с многими из которых я имел беседы не только на работе, но и в домашних условиях, в их семейном кругу, где выявил много бытовых нужд, в частичном удовлетворении которых мы немало помогли.

Выводы имели большое значение не только для восточных дорог, но и для дальнейшего подъема всего железнодорожного транспорта СССР.

О моей поездке на восточные дороги, о принятых и принимаемых мерах я доложил в ЦК, который одобрил все принятые и принимаемые мероприятия. ЦК оказал большую помощь рабочим Сибирских и Дальневосточных дорог, вплоть до того, например, что пошел навстречу просьбам дальневосточных железнодорожников о снабжении их охотничьими ружьями и припасами к ним для развития охоты и улучшения тем самым их самоснабжения мясом (ЦК дал указание выделить не менее 25 тысяч охотничьих ружей).

По итогам 1935 года и первого квартала 1936 года ЦК по мое-

му докладу одобрил работу НКПС и всего железнодорожного транспорта и за достигнутые результаты вынес постановление о награждении железнодорожников орденами и медалями. После вручения Калининым орденов я в своей речи на Президиуме ЦИК, выражая благодарность железнодорожников, сказал: «У каждого из нас этот год был годом величайшего напряжения всех наших духовных и физических сил. Это был действительно год, когда железнодорожники ложились спать и вставали с одной мыслью о том, как бы на чем не сорваться, как бы опять не споткнуться и не попасть в ту же лужу, в которой железнодорожники слишком долго сидели. Наши достижения и победы значительны, но у нас в работе есть еще много недостатков, на нашем пути еще много трудностей. Мы должны создать такой транспорт, который воплотил бы в своей работе, как это уже есть на Метро, любовь, внимание, заботливость к труженикам — строителям социализма. Думаю, что имею право сказать здесь не только от вашего имени — награжденных, но и от имени всей многомиллионной армии железнодорожников, что мы все сделаем для того, чтобы наш транспорт стал в полном смысле слова культурным, социалистическим транспортом».

Здесь, может быть, будет уместно привести полученное мною в тот период письмо великого пролетарского писателя Максима Горького, который писал мне: «Пользуюсь случаем выразить Вам искреннейшее мое восхищение Геркулесовой работой Вашей по очистке Авгиевых конюшен транспорта. Энергия Ваша не первый раз меня изумляет, но Ваша работа на транспорте, это уже почти фантастика!

От всей души поздравляю Вас, дорогой товарищ.

М. Горький.

29/X 35 года. Тессели».

Можно без преувеличения сказать, что 1935–1936 годы были годами закладки прочного фундамента перестройки Советского железнодорожного транспорта.

Разумеется, все эти совещания не снижали, не ослабляли нашу повседневную оперативную деловую работу и борьбу с проявлявшимися срывами погрузки по родам грузов и по перевозкам, но этим вопросом мы обычно каждодневно, ежечасно руководили по прямому проводу по телефону, частными приказаниями и созывом оперативных совещаний по селектору.

В октябре мы вызывали в Москву начальников дорог и начподоров, чтобы заслушать их специально о выполнении плана погрузки в связи с недовыполнением его по некоторым дорогам,

о проверке выполнения приказа о крушениях и подготовке к зиме. Особую заботу мы проявляли о подготовке к зиме.

После этого часть руководящих работников НКПС была разослана на дороги для оперативной помощи начальникам дорог. Лично я выехал на Донецкую и Сталинскую (Екатеринославскую) дороги.

Дело в том, что эти две крупнейшие дороги, хорошо работавшие в 1935 году и первом — втором кварталах 1936 года, начали хромать в третьем квартале 1936 года. Это обеспокоило нас, и я, выехав туда, принял вместе с местными руководителями парторганизаций оперативные меры для улучшения их работы. В своих речах на активах я обстоятельно разобрал их работу и, конечно, подверг ее резкой критике. В конце речи на Сталинской дороге я сказал: «Здесь говорили, что я должен был приехать к вам для отпразднования переименования дороги (бывшая Екатеринославская переименована в Сталинскую). Я не приехал тогда, потому что не имел возможности. Но скажу вам, что по своему характеру, по опыту, по навыку за долгие годы своей борьбы я больше пригоден для организации делового подъема, для дела критики, для дела положительного исправления ошибок, чем для торжеств. Но я уверен, что Сталинская дорога и я вместе с ней еще будем торжествовать».

В начале января 1937 года мы провели селекторное Всесоюзное совещание со всеми начальниками дорог, начподоров, отделений и крупнейших узлов — оно имело большое значение для выправления работы в целом за первый квартал. Мы не спускались в погрузке ниже 80 тысяч вагонов в сутки.

Совещание по селектору не носило просто характер призыва и обещаний. Это был серьезный, глубокий и технически деловой диспетчерский разбор положения по каждой дороге и отделениям как по погрузке, так и по движению. Некоторые дороги приходилось «при всем честном народе» всей сети раскритиковать, а некоторых похвалить. Хотя мы вообще скупо хвалили, но в данном случае одобрили и поощрили лучших, в частности, я заявил, что объявленные выговоры отдельным начальникам дорог сняты ввиду того, что они выправили положение и работают сейчас удовлетворительно.

В эти годы интересная, важная и большая, например, работа развернулась политотделами в связи с движением среди жен командиров и передовиков транспорта по их участию в улучшении культурно-бытовых условий жизни и работы железнодорожников, о которой ярко рассказали участники созванных в НКПС со-

вещаний передовых женщин транспорта (в 1936 году было два таких совещания — одно в июне, другое в декабре). В своих речах я от души благодарил передовых женщин за их неоценимую помощь не только в наведении культуры и чистоты в общежитиях, школах, больницах, детских садах и яслях, на самих предприятиях, но и в помощи своим мужьям быть передовыми новаторами на железнодорожном транспорте.

1937 ГОД: ОБ УРОКАХ ВРЕДИТЕЛЬСТВА

Состоявшийся в феврале-марте 1937 года Пленум Центрального Комитета ВКП (б) заслушал и обсудил доклады «Об уроках вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов в промышленности и на транспорте».

Пленум ЦК обсуждал и другие очень важные вопросы: о подготовке к избирательной кампании (докладывал тов. Жданов), о недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников (доклад тов. Сталина) и об уроках вредительства в промышленности, на транспорте и в других отраслях хозяйства (доклад тов. Молотова).

Я остановлюсь главным образом на моем докладе: «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов на железнодорожном транспорте».

Я начал доклад со следующего общего замечания:

«Мы обсуждаем здесь уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов. Это означает, что мы должны вскрыть особенности этого вредительства, его приемы борьбы, а главное — вскрыть наши ошибки, ошибки хозяйственных руководителей, партийных и беспартийных, начиная от низового хозяйственного работника и кончая народным комиссаром, которые вовремя не разоблачили вредительских действий врагов. Корни и характер японо-немецко-троцкистского вредительства на железнодорожном транспорте те же, что и в тяжелой промышленности, о которых здесь докладывал товарищ Молотов.

Мы имеем дело с бандой оголтелых разведчиков-шпионов, озлобленных растущей мощью социализма в нашей стране и применяющих поэтому все средства изуверской борьбы с Советской властью, с Советским Союзом, какие имеются в арсенале шпионов, диверсантов и разведчиков.

К железнодорожному транспорту в особой мере применимо то, что указано в первом абзаце проекта резолюции Пленума ЦК,

что «троцкисты, ставшие наемным орудием фашизма, восприняли приемы вредительства всех ранее раскрытых вредительско-шпионских организаций в промышленности и на транспорте. По отношению к железнодорожному транспорту можно сказать, что они восприняли не только приемы вредительства, они восприняли значительную часть неразоблаченных людей и даже сохранившихся в течение ряда лет не вскрытых организованных групп вредителей».

Так же, как Молотов по народному хозяйству, так и я рассказал Пленуму ЦК факты из истории вредительства на железнодорожном транспорте, начиная от фон-Мекковской организации периода «Промпартии» и кончая троцкистскими группами, вступившими в 1930 году в союз, в соглашение с вредителями-шпионами из буржуазных специалистов, занимавших в НКПС и на дорогах те официальные посты, которые давали им возможность, прикрываясь теоретическими формулами и расчетами, запутывать технические планы, срывать планы перевозок, развитие и реконструкцию железнодорожного транспорта. Эта цепочка, связавшая воедино троцкистов с матерыми сторонниками старого буржуазного строя, пошла дальше и привязывала к ним людей с партбилетом в кармане, но имевших троцкистское прошлое или сочувствовавших им. Я это иллюстрировал на Пленуме фактами, в частности показаниями одного из лидеров троцкистов, бывшего главного заместителя Троцкого, когда он был народным комиссаром путей сообщения, — Серебрякова.

Они использовали «предельчество» как легальное прикрытие подрывной работы буржуазных вредителей и троцкистов. Они превращали теорию «предела» в легальную платформу троцкистов, направленную на срыв всех государственных планов на железнодорожном транспорте, используя для этого на протяжении ряда лет, вплоть до 1935 года, журналы, кафедры и даже всякие совещания и конференции. Созванную в декабре 1934 года Всесоюзную диспетчерскую конференцию «предельщики», буржуазно-троцкистские вредители использовали для пропаганды, разработки и принятия таких решений, которые облегчали им творить свои вредительские диверсии, в особенности по срыву графиков движения поездов. Эти проекты были, к сожалению, «чохом» утверждены руководством НКПС.

Установлено, что приказы и инструкции большей частью вырабатывались и редактировались «предельщиками»-вредителями, а коммунисты — большие и малые — не замечали открытой, легальной, наглой работы врага.

В 1935 году под руководством ЦК нам удалось ликвидировать господство «предельщиков» — была ликвидирована их легальная, открытая вредительская деятельность, но они перешли на подпольное вредительство. Вот что показал тот же руководитель троцкистского вредительского подпольного штаба Серебряков:

«В начале 1935 года, — показывает Серебряков, — после назначения Л. М. Кагановича наркомом путей сообщения я вызвал Арнольдова (он был тогда начальником Управления эксплуатации и движения). Арнольдов, придя ко мне, прежде всего заявил следующее: «Если в начале 1934 года говорилось, что транспорт является тем узким местом, с которым столкнулась наша экономика, то это же самое можно сказать и теперь — через год... Достаточно сказать, что к началу 1935 года среднесуточная погрузка составляет немногим более 50 000 вагонов. Все нормы занижены донельзя. Мы со своими специалистами так крепко все это «обосновали», что вряд ли Кагановичу удастся скоро двинуть транспорт вперед. Помимо этого: 1) увеличен парк «больных» вагонов и паровозов, так как ремонт их проводится недоброкачественно в результате установленной системы обезлички в ремонте, 2) заторможен переход на неразрезные буксы, на автоторможение и автосцепку, 3) путевое хозяйство находится в очень скверном состоянии, так как средства на текущий ремонт направлялись не по назначению, 4) дороги снабжались запчастями и материалами некомплектно и нестандартно, 5) создавались на дорогах пробки. Все это привело, — говорил Арнольдов, — к увеличению количества крушений и аварий на дорогах, к нарушению графика движения поездов».

Если, — продолжал Серебряков, — к 1935 году транспорт задыхался в узких рамках заниженных норм, то это потому, что Арнольдову совместно с группой специалистов удалось сделать эти заниженные нормы законом работы на железных дорогах. Все это было тем, что вскоре было вскрыто Кагановичем как теория «предела», которой прикрывала наша организация свою вредительскую работу».

Дело, конечно, не в Кагановиче. Это сделала партия, ее ЦК, в том числе и я. Но вопрос действительно состоял в том, что было ликвидировано легальное прикрытие вредительства. Вредители были серьезно обезврежены, передовые люди получили возможность развернуться, ломать старые нормы, творить своим творческим революционным трудом новые нормы и измерители, обеспечившие подъем транспорта.

Да, действительно, уцепившись за «предельчество», мы поймали сердцевину троцкистской открытой, легальной платформы на железнодорожном транспорте. В 1935 году они были серьезно подбиты, загнаны в подполье и, конечно, не могли так действовать, как раньше. Но в 1936 году они оживили свою деятельность.

Увлеченные успехами железнодорожники не проявляли должной бдительности. Я говорил об этом на Пленуме ЦК, и говорил не абстрактно, а иллюстрировал это конкретными фактами и людьми. Я говорил и о том, о чем ЦК партии, Сталин и я, конечно, не раз говорили железнодорожникам: о бдительности не только в 1935 году, но и в 1936 году. В приказе о крушениях я писал, что «одной из важнейших причин продолжающихся крушений является подрывная диверсионная работа классовых врагов — бывших кулаков, белогвардейцев, меньшевиков, троцкистов — и притупление большевистской бдительности командиров и политработников». Несмотря на это, и я как нарком проявил доверчивость и мягкость к перекрасившимся людям, которые меня обманывали.

Если Арнольдова мы сняли с поста начальника Управления эксплуатации, то Лившиц, бывший троцкист, был заместителем наркома. Он так рьяно выступал против «предельщиков», внешне проявлял себя энергично в работе, что мы поверили в его честность. Точно так же можно сказать о Томленове, которого я сам выдвинул начальником Паровозного управления. Это был высококвалифицированный инженер, коммунист. Сын машиниста, сам машинист, учился при Советской власти, был ранее секретарем уездного комитета партии. Я к нему хорошо относился и даже надеялся вырастить из него крупного руководителя, но оказалось, что, будучи командирован в 1929 году в Японию, он дал волю своему «молодому темпераменту», увлекся японкой. А там появился ее якобы муж, а на деле разведчик. Он пригрозил Томленову арестом, скандалом, а когда явился второй разведчик, предложивший свои услуги уладить все дело, лишь бы Томленов дал расписку информировать японскую разведку, «помучился», как он сам потом признался, и согласился. Так он стал японским разведчиком, а троцкисты «облагородили» его своей «идеологией». Он не ограничивался уже информацией, а вредил. А как начальник Паровозного управления, он уже не только сам вредил, а навербовал немало помощников себе.

По данным следственных и судебных органов я осветил в докладе на Пленуме ЦК о вредительстве в паровозном и вагонном, путевом хозяйствах, о вредительстве в строительстве и реконст-

рукции железнодорожного транспорта, о необходимых мероприятиях по искоренению вредительства и о ликвидации последствий вредительства, особенно об обеспечении безопасности движения. Я доложил Пленуму ЦК факты организации вредителями, шпионами и троцкистами крушений, в особенности пассажирских поездов, с большими человеческими жертвами, об улучшении дела подбора и воспитания кадров, особенно связанных с движением поездов, о работе политотделов, об усилении бдительности коммунистов, и особенно руководящих работников.

Наряду с борьбой с действительными вредителями были допущены следственно-судебные ошибки, когда судебно-следственные органы воспринимали сознательное оговаривание шпионами честных людей, причисляя их к своей банде. По ряду работников мы возражали и отстояли от осуждения немалое количество таких честных работников, занимавших потом руководящие посты, а по другим, имея показания их самих, мы не смогли их отстоять, и они были невинно осуждены.

После Пленума ЦК мы провели в марте широкий актив работников железнодорожного транспорта.

В своем докладе на активе я доложил обо всех вопросах, обсуждавшихся на Пленуме ЦК, и больше всего, конечно, об уроках вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов на железнодорожном транспорте.

В то же время я предупреждал от легковесных обвинений и перестраховки. «Проявление политической бдительности, — говорил я, — отнюдь не означает «лови каждого». Вот не понравился нос такого-то, он его считает вредителем, или сказал человек что-нибудь не так — его объявляют вредителем, он был знаком с троцкистом — его самого объявляют троцкистом, хотя оснований для этого нет».

Надо, однако, сказать, что эти и многие другие такие же предупреждения не предотвратили ошибки, перегибы, а в дальнейшем грубые извращения, которые, к великому сожалению, имели место. В этом вина не только органов НКВД и судебно-следственных органов, но и наша — руководящих деятелей. Нажимая на бдительность, мы вовремя не приняли необходимых мер против перегибов, превышения власти и злоупотребления этой властью.

Однако грубую ошибку совершают те, которые по случаю того, что пострадали и некоторые невиновные, делают вывод о том, что вся борьба с вредителями, шпионами, в том числе и из троцкистского лагеря, была якобы неправильной. Это есть попытка

опорочивания всей революционно-классовой Ленинской линии партии за сохранение Советской власти и курса на строительство и победу социализма в борьбе с его врагами. Не так легко преодолеть вредительство, диверсии и шпионаж на транспорте, так же как и в других отраслях хозяйственной и государственной деятельности. Еще в 1927 году при обсуждении на Пленуме ЦК уроков шахтинского вредительства генеральный секретарь ЦК партии И. В. Сталин предупреждал о том, что вредительство будет и впредь, пока существует капиталистическое окружение.

Новое в нынешнем вредительстве то, что в связи с изменением обстановки меняются и персоны этого вредительства. Сейчас основными кадрами и «активом» вредительства являются троцкисты и «правые». Но это не меняет дела. «Ленин и Сталин, — говорил я, — не раз предупреждали нас, что люди, вступившие на путь борьбы с партией — троцкисты, «правые», «право-леваки» и все другие оппортунистические элементы, которые к ним примыкали, — в своем развитии должны неизбежно скатиться в большинстве своем в лагерь империализма. Мы видим сейчас, что они скатились в лагерь оголтелого фашизма, стали наемной агентурой фашистских контрразведок. Вот почему сейчас самое важное не столько в констатации этого, сколько в том, чтобы мы не допустили впредь такого вредительства, чтобы мы противопоставили свою большевистскую бдительность и решительность в борьбе с врагами.

Мы должны устранить допускаемые перегибы и ошибки, мы должны ликвидировать все те недостатки, которые позволили врагам орудовать у нас, в особенности на железнодорожном транспорте. Враги знали, — говорил я, — что такое железнодорожный транспорт для войны. Вот почему на железнодорожниках лежит особая ответственность перед Родиной, перед страной. Мы не должны допускать промедления в ликвидации последствий вредительства».

После Пленума ЦК мы созвали актив паровозников, отдельно еще приемщиков паровозов после ремонта и машинистов-инструкторов, актив работников вагонного хозяйства, ревизоров-диспетчеров, ревизоров по безопасности движения, актив путейцев, работников грузовых служб, строителей и других.

Это были сугубо деловые совещания, проведенные на политической основе и сыгравшие большую роль в непосредственной ликвидации последствий вредительства и в выполнении Второго и Третьего пятилетних планов, что особенно важно было в подготовке к защите нашей Родины.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ ВО ВТОРОЙ И ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТКАХ

Железнодорожный транспорт во Второй пятилетке перестал быть «узким местом» в народном хозяйстве и прочно вошел в ряды самых передовых отраслей социалистического хозяйства.

Можно без преувеличения сказать, что без подъема железнодорожного транспорта не была бы выполнена Вторая пятилетка по промышленности и в целом по народному хозяйству. Выполнено было задание об особых преимуществах грузов тяжелой индустрии на железнодорожном транспорте, о повышении удельного веса в погрузке и перевозках угля, металла, нефти, леса, строительных материалов и, конечно, хлеба. И это несмотря, а частью благодаря серьезным изменениям в географии грузопотоков: при росте в целом погрузки во Второй пятилетке на 75% погрузка дорог Дальнего Востока, Средней Азии, Сибири и Урала выросла в 2 1/4 раза. И в европейской части произошли серьезные изменения — уголь и металл Донбасса пошел мощным потоком в центр прямым путем по вновь построенной магистрали Москва–Донбасс. Точно так же благодаря постройке моста через Волгу у г. Горького лес с Урала и Кировской области направлялся более коротким путем к центральным районам страны и т. д. и т. п. Появились новые потоки нефти и нефтепродуктов в связи с открытием новых месторождений нефти и постройкой новых нефтеперерабатывающих заводов. Это же относится и к металлу. Уменьшились нерациональные перевозки, так как улучшилось размещение производительных сил в стране. Все же в связи с ростом потребностей окраинных районов СССР увеличились дальние перевозки. Оставалось много нерациональных и встречных перевозок. Мероприятия, принимавшиеся по их сокращению, не устраняли их.

Промышленность освоила и поставила мощные, современного типа паровозы ФД — это тот паровоз, против которого боролись «предельщики»-вредители. Всего за Вторую пятилетку было произведено 1928 паровозов ФД.

Особенно важным были освоение, производство и поставка совершенно нового типа паровоза с тендер-конденсатором, который мог пройти без набора воды 500–700 и даже 900 километров, работая на угле. «Предельщики»-вредители до этого срывали его внедрение. Всего за Вторую пятилетку было произведено 730 паровозов с тендер-конденсатором — СО.

Весьма важным было освоение нового мощного пассажирского локомотива — ИС. Этот паровоз вёз пассажирские поезда со скоростью 130 километров в час. Таких паровозов мы получили за Вторую пятилетку 113. Можно, конечно, сейчас, как говорится, быть «задним умом крепок» и упрекать, почему мы тогда налегали на паровозы нового типа, а не на электровозы. Но, во-первых, приходилось учитывать нехватку электроэнергии — электростанции строились, росли, но не могли обеспечить большой рост потребности в электроэнергии, в том числе и на железных дорогах; во-вторых, производство электровозов и других видов оснащения отставало даже от тех скромных заявок, которые предъявлял НКПС.

Плохо было с производством электровозов и тепловозов. По Второму пятилетнему плану должно было быть поставлено 350 электровозов, фактически поставлено 145, т.е. 41,5%, по тепловозам при плане 248 поставлено 30, т.е. 12%. Отсутствие электровозов и, главное, кризис с электроэнергией и электроматериалами не только не давали нам возможности расширять электрификацию, но и срывали введение в эксплуатацию подготовленных линий. Вторым пятилетним планом, надо сказать, заниженным по сравнению с требованиями НКПС, намечалось электрифицировать 5050 км. Фактически было электрифицировано в 1934 г. 28, 9 км, в 1935 г. — 197 км, в 1936 г. — 562 км и в 1937 г. — 114, 8 км. Всего за Вторую пятилетку было электрифицировано 979 км. Несмотря на огромные трудности по электрификации, железнодорожная сеть имела в 1937 году уже 1690 км электрифицированных путей — это были наши первенцы, зародыши будущей широкой и могучей электрифицированной сети железных дорог Советского Союза.

НКПС был разработан план широкой электрификации железных дорог, был организован специальный отдел по электрификации, разработаны новые конструкции электровозов, в том числе электровоз ПБ (Политбюро).

Когда в начале 50-х годов наметился серьезный перелом в балансе электроэнергии страны и в производстве электровозов, ЦК и Совет Министров, по предложению товарища Сталина, разработали и приняли большой план электрификации более 50 тыс. км. железнодорожных магистральных путей, в том числе Сибирской и Дальневосточной магистралей. (Таким образом «Америка» по электрификации была открыта задолго до 1956 года, как об этом хвастали «сталиноеды».)

Широким фронтом развернулась замена легких рельсов тяже-

лыми, замена песчаного балласта щебеночным. В особенности большое значение имело внедрение новых крупных машин в путевое хозяйство, облегчивших и ускоривших весь процесс ремонта и реконструкции пути. Эта крайне сложная работа стала производиться без длительного перерыва движения, то есть, как говорили железнодорожники, и «под колесами» и в «окна», по 2-4 часа, предоставлявшиеся путейцами. Это были такие машины, как путевой струг, машинно-путевые станции и особенно путеукладчик Платова, который предназначался и для строителей, и для путейцев. Это замечательная мощная машина завоевала широкое признание и применение на долгие годы, претерпевая, конечно, дальнейшие усовершенствования. Путеукладчик, подкрепленный организацией баз, подготавливающих звенья для укладки в пути, играет и сегодня выдающуюся роль в строительстве новых линий и вторых путей.

Хотя новое железнодорожное строительство во второй пятилетке было улучшено, но план строительства не был выполнен, особенно по новым линиям. При плане 9500 км было фактически сдано в эксплуатацию около 4 тыс. км.

Получилось так, что первый год Третьей пятилетки мне довелось работать не только в области железнодорожного транспорта, но и в области тяжелой промышленности. После смерти незабвенного Серго Орджоникидзе в 1937 году решением ЦК и Правительства я был утвержден народным комиссаром тяжелой промышленности.

Я возражал против совместительства таких двух постов — НКПС и Наркомтяжпрома, как это вначале предполагалось, и решение было принято — без совместительства, с освобождением от НКПС. Но вышло не по-моему. Наркомом путей сообщения был назначен Бакулин, оказавшийся слабым для руководства таким наркоматом, как НКПС. К осенне-зимним перевозкам подготовились плохо. Сложилось так, что в связи с резким срывом осенне-зимних перевозок на железнодорожном транспорте ЦК и СНК в декабре 1937 года назначили меня уполномоченным ЦК и СНК в НКПС, потом вновь народным комиссаром путей сообщения по совместительству с работой народного комиссара тяжелой промышленности. Это было тяжелое совместительство.

На созванных в январе 1938 года селекторных совещаниях в НКПС, вначале более узкого круга актива дорог и НКПС, а затем более широкого совещания, на котором присутствовало по всем дорогам и в НКПС более 40 тысяч активистов железных дорог, я выступил и как уполномоченный ЦК и СНК. «У ЦК партии

и Совнаркома, — сказал я, — появилась большая тревога за состояние железнодорожного транспорта» — и дал анализ причин и намечавшихся мер, которые в первую очередь сосредоточивались на обороте вагонов. На Пленуме ЦК я также приводил данные о потерях на обороте вагонов, особенно по причинам плохой работы технических станций.

В апреле был созван в Москве большой актив НКПС и дорог, на котором были заслушаны доклад председателя Правительственной комиссии по приему и сдаче дел тов. Землячки и выступления по этому докладу, в том числе и мое выступление как повторно назначенного народным комиссаром путей сообщения. Я выступал как старый активист железнодорожной армии и, естественно, касался многих волнующих вопросов, выходящих за рамки приема и сдачи дел и имевших большое влияние на всю работу в 1938 году.

Во II квартале 1938 года положение на дорогах выправилось. В моем выступлении в Парке культуры и отдыха на третьем праздновании Дня железнодорожника я говорил о достижениях и о недостатках в работе в зиму 1937-1938 гг. и о мобилизации сил для предотвращения малейших заминок в зиму 1938-1939 гг.

Отчасти 1939 и 1940 годы были особыми годами — мы осуществляли серьезные воинские перевозки. Мы перевезли немало на Запад, когда еще часть наших братьев-украинцев находились под властью польских панов. Точно так же мы помогли освобождению от буржуазной власти славных народов Латвии, Литвы и Эстонии. Правда, те военные силы, которые мы перевезли, не пришлось пускать в ход, потому что сами народы вышибли своих властителей, но мы-то перевозки осуществили «по-всамделишному».

Особо значительными и, я бы сказал, нелегкими, особенно по дальности, были перевозки на Восток для отпора зарвавшимся японским империалистам на Халкин-Голе и Хасане. Как известно, там подвезенные нами славные силы нашей армии дали серьезный урок империалистам. Особенно нелегкими были перевозки на Финляндский фронт, где мы имели затруднения на Кировской дороге и в Ленинградском узле. По поручению ЦК мне пришлось выехать в Ленинград, Петрозаводск, на фронтовые узлы и станции. На Кировской и Октябрьской дорогах мы извлекли важные уроки и выводы, имевшие важное поучительное значение для предстоящих больших воинских перевозок.

Безусловно, военное значение имела организация в 1939 году новых дорог: Белостокской, Брест-Литовской, Ковельской и Львовской, а в 1940 году — Кишиневской, Латвийской и Литов-

ской. Соответственно были внесены изменения в структуру НКПС. За успешное выполнение заданий правительства, за стахановско-кривоносовскую работу правительство в этом году наградило свыше трех тысяч железнодорожников орденами и медалями, а позднее — за успешное выполнение задания правительства по специальным военным перевозкам — ордена и медали получили 540 лучших железнодорожников Октябрьской и Кировской дорог. НКПС в свою очередь наградил 15 тысяч стахановцев-кривоносовцев значками «Почетному железнодорожнику» и «Ударнику Сталинского призыва».

Глава 14
НАРКОМ ТЯЖЕЛОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В 1937 году, после смерти незабвенного нашего тов. Серго Орджоникидзе, я был утвержден народным комиссаром тяжелой промышленности, в первые месяцы с освобождением от обязанностей наркома путей сообщения, но в начале 1938 года, в связи с вновь возникшими трудностями на железных дорогах, меня вновь назначили народным комиссаром путей сообщения с оставлением меня народным комиссаром тяжелой промышленности. Это было тяжелое совместительство!

За годы первой и второй пятилеток наша промышленность гигантски выросла, она перевыполнила план Второй пятилетки. Наибольший рост дала тяжелая промышленность, которой партия и правительство обеспечивали преимущественное развитие. Однако при общем выполнении плана тяжелой промышленностью на 122% план по чугуну, углю и нефти не был выполнен. Наряду с огромными успехами и опережением по темпам роста других стран, в том числе и по чугуну, углю и нефти, мы все еще отставали в экономическом отношении и имели серьезные недостатки в использовании мощностей и освоении вновь построенных предприятий.

Соответственно ЦК и решал организационные вопросы. Так, например, по Наркомату тяжелой промышленности в 1937 году были выделены из Наркомтяжпрома два новых наркомата: Наркомат машиностроения и Наркомат оборонной промышленности, что укрепляло наши позиции и в области хозяйственной, и в области обороноспособности нашей Родины. В 1939 году из этих Наркоматов тяжелой промышленности выделился еще ряд наркоматов — можно себе представить, какой это был действительно «тяжелый» наркомат, когда им руководили такие выдаю-

щиеся деятели нашей партии, как Дзержинский, Куйбышев и Орджоникидзе.

Во второй половине 1937 года я был назначен наркомом тяжелой промышленности Советского Союза. Тяжелая промышленность продолжала расти быстрыми темпами, и в то же время отставали некоторые отрасли, в особенности освоение новых мощностей и новой техники. И здесь, в промышленности, сказывалось вредительство и борьба все еще шла за ликвидацию последствий этого вредительства.

Наряду с улучшением и ускорением хода нового строительства и ввода новых мощностей по чугуну, стали и прокату Коллегия Наркомтяжпрома развернула большую работу по разработке и внедрению технических новшеств и научно-технически подготовленных и разработанных рационализаторских предложений, дающих интенсификацию производства и наращивание мощностей на действующих предприятиях. Например, в 1938 году началось строительство доменной печи и кислородной установки, тогда уже было подсчитано, что производительность доменных печей при работе на кислородном дутье может быть увеличена в два раза; тогда же была разработана поверхностная закалка металла (профессор Вологдин и Гевелинг), что меня особенно заинтересовало в связи с тем, что применение, например, такой закалки стыков рельсов резко уменьшит износ рельсов в пути. По этому вопросу Вологдин был частым гостем у меня. Разрабатывался вопрос о применении бесслитковой прокатки, что должно увеличить производительность прокатных станов и т.д. и т.п.

Важное место занял такой прогрессивный вопрос, как пересмотр существовавшей специализации станов для обеспечения народного хозяйства прокатом высококачественных профильных и ходовых сортов металла. Это дело и в дальнейшем приковывало внимание металлургов, да и сейчас оно недоделано и имеются большие недостатки. При специализации станов необходимо было не допустить, чтобы это приводило к усугублению встречных и дальних перевозок металла. Все эти и другие мероприятия теснейшим образом были связаны с Третьим пятилетним планом в области черной металлургии.

Особое место занимала забота о подъеме промышленности цветной металлургии (медь, свинец, олово, алюминий, золото, редкие металлы и проч.), имевшей не только хозяйственное, но и важнейшее оборонное значение. С разрешения ЦК я выехал на Урал, ознакомился с состоянием предприятий тяжелой промышленности, в особенности усердно изучал медную, золотую про-

мышленность, которую я мало знал, и в заключение участвовал и выступил на указанном совещании.

Должен сказать, что если по металлургической и угольной промышленности я был более подготовлен всей предыдущей моей работой на Украине, в Екатеринославе, в Донецком бассейне и в последующем в ЦК ВКП(б) мне больше приходилось заниматься ими, то по химии, геологии, электростанциям, цветным металлам, по нефти мне пришлось «грызть гранит этой науки» с особым напряжением. Но, как всегда, партийному работнику помогает изучение дела непосредственно на месте, на предприятиях, в беседах и на совещаниях с рабочими, с инженерами и руководителями, с коммунистами, хотя этого было недостаточно, — приходилось брать уроки у крупных специалистов и из учебников. Особенно помогал дотошный разбор вопросов на совещаниях, активах, собраниях коммунистов и рабочих, когда удавалось расшевелить, раскачать критику и самокритику, раскрывающую нутро вопроса.

Особое внимание было обращено на геологию, было созвано широкое совещание геологов. Во главе геологов стоял такой замечательный крупный ученый, глубоко партийный человек, как Губкин Иван Михайлович. Мне лично частое общение с тов. Губкиным и посещение его управления особенно помогло познать, понять значение геологии, которой я всегда старался всемерно помогать, сохраняя свое глубокое уважение к геологам.

В Наркомтяжпроме большое и почетное место занимала топливная промышленность: угольная, нефтяная и торфяная — это были самые трудные отрасли тяжелой индустрии. В моей работе они заняли особо большое место, когда я был назначен наркомом топливной промышленности (опять по совместительству с работой наркома путей сообщения).

Должен подчеркнуть, что с шахтерским тяжелым трудом я близко соприкасался еще в дореволюционное время и проникся глубоким уважением и любовью к шахтерам и пониманием особенностей угольной промышленности. Кроме того, работая на Украине генеральным секретарем ЦК КП(б)У, затем секретарем ЦК ВКП(б), я по поручению ЦК непосредственно занимался угольной промышленностью, выезжал часто в Донбасс, Кузбасс и другие бассейны, и особенно в Подмосковный бассейн, которым я занимался как секретарь ЦК. Начиная с 1930 года ЦК и по его поручению МК особенно занялись делом развития Подмосковного угольного бассейна. Хотя его угли по качеству ниже донецких, но зато они ближе к месту потребления и при правильном тепло-

техническом режиме они, как это показала последующая практика, дают хороший эффект. Необходимо было преодолеть консерватизм и сопротивляемость московских потребителей и, главное, коренным образом реконструировать отсталый полукустарный Подмосковный бассейн.

В 1937 году угольная промышленность не выполняла плана добычи угля и в Донбассе, и сразу же после назначения наркомтяжпромом я выехал в Донецкий бассейн. Совместно с обкомом партии, его секретарем Щербаковым были приняты организационно-хозяйственные мероприятия по улучшению работы шахт и рудоуправлений; были созваны партийными, профсоюзными и хозяйственными организациями слеты передовых шахтеров, охватившие по всему Донбассу около пятнадцати тысяч человек.

Усилиями шахтеров и парторганизаций мы в дальнейшем получили рост добычи угля в Донбассе и в других бассейнах. Улучшилась организация цикличности. Мы изучали положение по каждому тресту Донбассугля и принимали конкретные меры с учетом особенностей трестов. В результате добились того, что большинство трестов план выполняли и даже перевыполняли.

В июне 1938 г. был созван в Донбассе актив работников угольной промышленности. В результате этого актива и проведенного разбора положения по каждому тресту в отдельности, а в тресте — по крупным шахтам, были разработаны конкретные мероприятия, которые были рассмотрены и приняты Коллегией Наркомтяжпрома. Для устойчивости руководящих кадров шахт и укрепления их уверенности я после совещания в течение нескольких дней принял всех заведующих шахтами Донецкого бассейна и выдал каждому документ за подписью наркома об утверждении каждого из них заведующим шахтой, которого может освободить только нарком. Эту практику совещаний и разбора по каждому тресту мы распространили на все другие бассейны с вызовом в Коллегию Наркомтяжпрома, а затем Наркомтопа руководителей угольных трестов, иногда с участием некоторых заведующих шахтами и стахановцев — заслушивали их доклады и разрабатывали конкретные мероприятия по каждому из них.

По поручению ЦК была выделена комиссия под председательством Л.М. Кагановича, которая рассмотрела и окончательно доложила Политбюро проекты и по другим бассейнам. В октябре 1938 г. были приняты постановления ЦК и СНК о работе комбинатов и трестов «Кузбассуголь», «Москвауголь», «Уралуголь», «Карагандауголь», «Востсибуголь», «Средазуголь»,

«Тквибулуголь» и «Ткварчелуголь». Эти постановления имели большое значение для всего дальнейшего развития угольных бассейнов. В мае 1939 г. ЦК ВКП(б) и СНК приняли решение, поставившее угольную промышленность в лучшее положение по материально-техническому обеспечению. Наркоматам было предписано выполнять заказы угольной промышленности наравне с военными заказами. Принятым Оргбюро ЦК постановлением было усилено внимание и помощь обкомов, ЦК нацкомпартий и всех местных организаций угольной промышленности. В ноябре 1939 г. ЦК в своем постановлении об улучшении партийно-политической работы в массах на шахтах Донбасса установил институт парторгов ЦК на крупных шахтах (около 100 шахт). Третьим пятилетним планом по угольной промышленности было предусмотрено постепенное изменение географии добычи угля и изживание ее неравномерности, когда Донбасс, имевший 5,4 % запасов угля в СССР, добыл в 1938 г. 58,9 % всей добычи угля по Союзу. Намеченный план увеличения добычи угля в новых районах, центральных и дальних, в том числе на открытых месторождениях и притом и бурых углей начал уже осуществляться в 1938 и 1939 годах. Это нашло свое выражение в конкретных цифровых заданиях по каждому бассейну в отдельности и в их выполнении. Соответственно было намечено строительство 573 шахт мощностью 166 млн т — в два раза больше, чем во Второй пятилетке. Намечалось строительство шахт и в таких районах, которые ранее не были известны, например в районе Чкалова — 10 шахт, Мангышлаке и т.п. Ускорилось строительство шахт — была поставлена задача строить шахту не 5–6 лет, а 10 месяцев, и в 1939 г. в Донбассе уже было построено несколько шахт за 10 месяцев. Важное значение в этом отношении имело ускорение проходки стволов и внедрение новой машины, уже сконструированной. Развернулась работа по ликвидации однобокости механизации добычи угля, за комплексную механизацию и внедрение новых, современных машин, особенно комбайнов, производящих и зарубку, и повалку угля.

В Третьей пятилетке (1939 г.) шире развернулась работа по распространению цикличного метода работы, являющегося самым передовым коллективным стахановским методом работы. Борьба за цикличность была нелегкой, но с улучшением организации и комплексной механизации она пробивала себе дорогу все шире и глубже. Важное значение имели кадры рабочих, их устойчивость, квалификация, а также инженерно-технические и руководящие кадры, их подготовка, правильный подбор и использова-

ние и создание им необходимых условий. В 1939 году решением ЦК Правительство наградило большую группу шахтеров и работников угольной промышленности.

Следуя большевистскому правилу поддерживать все новое, положительное, Наркомтоп занимался таким новым делом, как подземная газификация углей, которая, по выражению Ленина, означает «переворот в промышленности». Газовая промышленность лишь начинала создаваться на основе введения в эксплуатацию первых месторождений природных газов. Мы ее не могли тогда широко развить из-за отсутствия труб большого диаметра и вообще нехватки труб даже для нефтяной промышленности.

Упомяну еще тот вид топлива, который, может быть, не столь «почетно» звучит, но имевший и сегодня имеющий важное значение в жизни страны — это торфяная промышленность. Наркомтяжпром ею усиленно занимался и поддерживал ее и материально и морально, и особенно в ее механизации и изжитии сезонности, внедрении искусственного обезвоживания торфа и облегчении труда скромных, самоотверженных торфяников. Исключительное значение нефтяной промышленности общеизвестно — я особенно ощутил остроту этого дела, занимаясь в ЦК вопросами сельского хозяйства. Каждодневно я убеждался в том, что не может быть механизированного сельского хозяйства, тракторов, комбайнов, автомашин без нефтепродуктов, как и вообще всей современной индустрии. Но с производством и добычей нефти я был мало знаком, поэтому, придя в Наркомтяжпром, после поездки в Донбасс, я, по совету тов. Сталина, отправился в Баку, чтобы на месте пройти первый курс обучения у рабочих, инженеров и руководящих бакинских нефтяных работников.

Баку — это крупнейший и основной центр нефтяной промышленности, богатый славными революционными традициями. Я изучал нефтяную промышленность, побывал на всех бакинских промыслах и заводах, беседуя с рабочими, инженерами и проводя промысловые и заводские совещания активов, на которых самокритично вскрывались недостатки в эксплуатации и в бурении. Вместе с ЦК Компартии Азербайджана были проведены деловые совещания в Азнефти, на которых рассмотрели результаты проверки и претензии к наркомату. Выводы и разработанные совместно с партийными органами мероприятия по улучшению работы Азнефти и выполнению нефтяной промышленностью плана добычи нефти и его заводской переработки были очень ценные.

Я познакомился с кадрами, среди которых было много талантливых молодых инженеров, которые потом выдвинулись на круп-

ную руководящую работу во вновь созданный Наркомат нефтяной промышленности, наркомом которого я был назначен, — Каламкаров, Байбаков, Евсеенко, Поповин, Беленький и другие. На месте были разработаны мероприятия по улучшению бытовых условий и повышению зарплаты рабочих-нефтяников. ЦК Компартии Азербайджана и Заккрайком партии приняли решение об улучшении и усилении партийно-политической и профсоюзной работы в соответствии с указаниями ЦК ВКП(б).

Должен особо подчеркнуть и ту большую помощь, которую оказывал ЦК Азербайджанской компартии и Закавказский крайком партии (в частности, Багиров и Берия), которые тогда активно включились в дело подъема бакинской нефтепромышленности.

Мое конкретное изучение действительности в Баку серьезно помогло мне в проведении созванного наркоматом Всесоюзного совещания нефтяников в Баку, которое имело большое значение для дальнейшей работы и развития нефтяной промышленности. Открывая совещание, я объяснил, почему мы собрали Всесоюзное совещание не в Москве, а в Баку. «Во-первых, — сказал я, — лично я стремился быть на месте, в Баку, чтобы, как говорится, рукой пощупать, посмотреть живых, работающих на нефти людей, а также оборудование, промыслы, заводы. Чтобы руководить, я должен изучать, и я учусь у любого, у каждого — от большого до малого. Учусь, конечно, не для того, чтобы все время учеником оставаться; учусь для того, чтобы взятое мною по нефтяной промышленности (так же, как и по металлу, по углю, по меди, по золоту и прочее) сочетать со своими знаниями в других областях и коечему поучить своих учителей. Я надеюсь, что собравшиеся здесь работники всех нефтяных районов страны сумеют честно вскрыть недостатки, без самобичевания, по-деловому; уверенно, глубоко и вдумчиво помогут нам всем разобраться в наших слабостях и недостатках, в последствиях вредительства и наметить практические меры полного оздоровления нефтяной промышленности». Должен сказать, что большую деловую помощь мне оказал тов. Сталин, как человек давно знающий нефтяную промышленность и ее главный центр — Баку. Когда я уезжал в Баку на Всесоюзное совещание, он дал мне ряд советов не только по общим, но и по технико-экономическим вопросам. На этом Всесоюзном совещании, на котором собрался цвет нефтяников, были разработаны важные и крупные вопросы и мероприятия по улучшению эксплуатации нефтескважин, осуществлению строгого технологического режима скважин.

Важное значение имела разработка вопроса о внедрении мето-

да вторичной эксплуатации нефтяных скважин вместо забрасывания и списывания их как якобы исчерпавших свои нефтяные возможности. Важным было также скорейшее внедрение в бурении крупного для того, да и нынешнего времени изобретения, дающего большой эффект, — турбобура.

По нефтеперерабатывающим заводам острой была задача увеличения выходов бензина и других светлых нефтепродуктов, по улучшению качества нефтепродуктов, особенно высококачественного бензина, по внедрению новых видов крекингов и по скорейшему окончанию строящихся нефтеперерабатывающих заводов: Орского, Уфимского, Московского и Саратовского. Не менее важное значение приобрело улучшение геологической работы в нефтяной промышленности, по которой было особенно много споров на совещании, так как некоторые геологи, говоря железнодорожным языком, проявляли «предельчество» в своих доводах и расчетах мощности скважин и возможностей выкачки нефти.

За две недели, которые я провел в Баку, я многому научился, я не просто усвоил, а, так сказать, переработал в своем мозгу и душе.

Разобравшись в общем положении дел, мы установили, что нефтяная промышленность за 10 лет — с 1928 года по 1937 год — давала среднегодовой прирост 15 % в год, что обеспечило механизацию в народном хозяйстве, и особенно в коллективизированном сельском хозяйстве.

Но в то же время ощущалась диспропорция, выражающаяся в отставании нефтяной промышленности от развития механизации в стране, в особенности в сельском хозяйстве, что серьезно сказывалось в период посевной и уборочной кампаний.

Развитие новых нефтяных районов страны на Востоке, в особенности таких перспективных, как Башнефть и других, поставило задачу их всемерного освоения и максимального развития. Но в то же время необходимо было все время помогать остающемуся сегодня, в 1938 году, основным центру обеспечения страны нефтепродуктами — Бакинскому, имеющему 29 % запасов нефти, но дающим 75 % добычи и переработки нефти по Союзу. Конкретные задачи и мероприятия по подъему и развитию добычи и переработки разрабатывались по каждому нефтяному району: Грозному, Майкопу, Эмбанефти, Дагнефти, Башнефти, Прикамнефти, Востокнефти, Туркменнефти, Узбекнефти, Грузнефти. Кроме того, необходимо было форсировать геолого-разведочные работы на Волге, где, по данным геологов, имелась большая нефть, в Сибири, на Ухте и т.д.

Но пока мы создавали «второе Баку» на Востоке, главными ос-

тавались мероприятия по увеличению добычи и переработки нефти в нашем замечательном кормильце — в славном революционном Баку, от которого ЦК и Правительство требовали прежде всего выполнения плана 1938 года. Были разработаны мероприятия по выполнению плана 1938 года, являющиеся в то же время и мероприятиями, обеспечивающими выполнение Третьего пятилетнего плана и нового мощного подъема нефтяной промышленности. В своем выступлении на совещании в Баку я говорил: «Мы должны ясно установить, что, собственно, лежит в основе неустойчивости добычи и какой фундамент, какие кирпичи мы должны закладывать для того, чтобы мы не только вырвались (можно ведь на месяц вырваться, а потом опять отстать), — нам не это нужно, нам нужно устойчивое выполнение плана. Должен вам сказать, что к разработке мероприятий я всегда подхожу с большим напряжением. Некоторым кажется так, что вот нарком, ему власть дана, да к тому еще он и секретарь ЦК, да вообще, одним словом, он человек не из пугливых, вот он, значит, и начнет нажимать. Это ошибочное представление, товарищи. Нефть очень серьезное, глубокое дело. Вообще любое дело, если ты добросовестно хочешь к нему подойти, не по бумажке, не по-канцелярски, любое дело представляет из себя сложный лабиринт, в котором надо прежде всего разобраться. По мере моих сил я старался разобраться. Я ставлю перед вами те вопросы, в которых я уверен, что я разобрался. Те же вопросы, в которых я не разобрался, я и ставить сейчас не буду перед вами. Я выступаю не как пропагандист, не как дискуссант. Я выступаю перед вами как нарком, директивы которого потом, после обсуждения, станут обязательными для вас, и поэтому я говорю только то, в чем я уверился, что эти вопросы можно и нужно поставить на этом совещании и решить их. Первое и решающее условие, создающее устойчивость или неустойчивость в добыче, — это соотношение между фонтанной добычей и механизированной добычей. Или мы будем работать как рвачи — сегодня урвали, а там хоть трава не расти, как многие работают, или мы будем работать как серьезные государственные люди, понимающие, куда дело идет, — как надо организовать добычу, чтобы она не зависела только от «Богом посланного» фонтана, бьющего нефтью, без всякой помощи механизма. Фонтанная добыча неустойчива, сегодня бьет фонтан, а завтра может перестать, а между тем фонтанная добыча растет, а удельный вес механизированной добычи уменьшается. Это не значит, что фонтаны нужно искусственно придерживать, но это значит не допускать легкомысленного отношения к механизированной, устойчивой добыче. Не идти по линии наи-

меньшего сопротивления, когда люди ищут легких хлебов, — появился фонтанчик, зачем же мне, дескать, возиться с поддержанием работы старой скважины, да еще дающей всего две-три тонны? Не лучше ли ее вовсе «списать» — и с плеч долой. А ведь все дело в том, что зачастую дает она всего две-три тонны из-за того, что «хозяин» ее не промывает, не подымает, не ремонтирует, вот она-то, «божья коровка», и молочка — нефти не дает. Отсюда и преступно-легкомысленная практика массового «списывания», ликвидации многих действующих скважин. Поэтому первое, что мы требуем, — это действительно на деле, а не словесными приветствиями ввести 2300 скважин в действие, составить график ввода, обеспечить оборудованием, в первую очередь за счет ремонта старого, обеспечить людьми и пустить в ход. Я понимаю, что это дело сложное, оно связано со строительными работами, новыми расчетами по труду, но это все выполнимое дело. И вы обязаны действовать, а не только «приветствовать». Пока что не пахнет даже решимостью, напряжением воли, организацией дела, но имейте в виду, что мы будем строго проверять исполнение.

Я знаю, что многие из слушающих меня думают: «Хорошо поешь, товарищ нарком, а оборудования не даешь». Я этот вопрос не обойду, а скажу вам: то, что вы не сумеете отремонтировать, мы вам дадим, а пока знаю: из-за оборудования у вас стоят всего 642 скважины, а в ожидании ремонта — 1100 скважин, в ожидании электроэнергии — 164 и в ожидании «обследования» — это псевдоним «смертного приговора» — 584 скважины. Как видите, главное здесь не в оборудовании, а в бесхозяйственности. Ликвидируйте ее, и вы оживите много скважин, создадите большую устойчивость в добыче и измените соотношение между фонтанной добычей и механизированной.

Но вот здесь и начинается главная работа в эксплуатации».

Остро был поставлен вопрос об увеличении выхода нефти из скважины. Когда в Грозном мне геологи и инженеры говорили, что таков, мол, технологический режим, я им отвечал, что у вас плохой режим, уж ежели мы уничтожили царский режим, то мы сможем улучшить и ваш отсталый технологический режим. На совещании были разработаны меры улучшения этого технологического режима. Хотя нефтяная промышленность отличается от угольной, но на совещании было уделено внимание внедрению цикличности и в нефтяную промышленность. Значительное место и внимание было уделено работе геологов как по эксплуатационной линии, так особенно в бурении. Бурение выпятилось как важнейший вопрос, решающий расширенное воспроизводство добычи нефти. Среди

бурильщиков были замечательные образцы стахановской работы. В качестве важнейшей была заострена задача более широкого внедрения стахановских методов работы, и особенно сокращения аварий, которых было немало. Часто бывали и такие аварии, когда после того, как пробурились 1500 метров в глубину, оставалось 50 или даже 10 метров и вдруг авария — и пропала не только работа, но и трубы. В 1937 году таким путем было потеряно в скважинах 65 тысяч метров труб. И здесь, как и на железнодорожном транспорте, я столкнулся с «предельческим» противопоставлением качества бурения его скорости, тогда как стахановцы-бурильщики доказали на практике полное сочетание качества и безаварийности с новой стахановской скоростью. Естественно, что все эти и другие вопросы, в том числе и о цикличности бурения, были заострены на совещании, в том числе и в моем выступлении, особенно о внедрении новой техники в бурении и о замечательном изобретении — о турбобуре, говорился и ставился вопрос и о морской добыче, и об углублении скважин.

О всех мероприятиях и о совещании я доложил Политбюро ЦК партии, которое их одобрило. Впоследствии наркомат был разделен на угольную и нефтяную промышленность, был создан самостоятельный Наркомат нефтяной промышленности, наркомом которого я был назначен опять по совместительству с НКПС.

Глава 15

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Период 1941–1945 годов в истории нашей партии и Родины был героическим периодом борьбы не на жизнь, а на смерть с злейшим врагом всего человечества и нашей Родины за само ее существование, за саму жизнь всех народов Советского Союза, за их завоевания в Великой Октябрьской социалистической революции, за их свободу и национальную независимость против порабощения и уничтожения немецким фашизмом. Это был период тяжких испытаний и боев, величайшего напряжения всех физических и моральных сил рабочего класса, колхозного крестьянства, Советской интеллигенции, трудящихся всех национальностей и проявления ими на фронте и в тылу самопожертвования, храбрости, героизма.

Преодолев тяжкие испытания и отступления на первом этапе войны, Советский народ во главе с Великим русским народом набрал силы и вышел Победителем!

Об Отечественной войне написано много замечательных страниц историками, мемуаристами и писателями. Независимо от тех или иных неточностей и даже неправильностей в освещении отдельных моментов, в том числе Великой роли Сталина как организатора Победы, они в основном глубоко освещают факты Отечественной войны и отражают героизм миллионов бойцов всех народов Советского Союза на фронте и в тылу.

Надо отдать должное значительной части наших военных товарищей, которые, к их чести и старательности, осветили героизм нашей славной, родной Советской армии более полно, чем это сделали гражданские работники и борцы в деле освещения геро-

изма рабочих и работников промышленности, транспорта, колхозников в сельском хозяйстве и во всех других видах труда, самоотверженно и героически обеспечивших нашу армию и победу. Вот почему каждый из нас в меру своих сил, памяти и наличных материалов должен осветить, как умеет, опыт борьбы за Победу.

Мы боремся за мир между народами, но нам надо всегда помнить, что история не исключает того, что этот опыт может еще понадобиться.

Как член Политбюро ЦК и член Государственного Комитета Обороны, принимавший участие в разработке и решении основных вопросов организации военного отпора и разгрома фашистских захватчиков, я видел, как концентрировались в единый мощный кулак все силы партии во главе с ее Ленинским Центральным Комитетом и Политбюро, силы Советов — от сельских, городских до Верховного Совета, Советского Правительства, министерств и их органов, профсоюзов — самой широкой массовой организации рабочего класса, правлений колхозов, Коммунистического союза молодежи и всех революционных общественных организаций трудящихся всех национальностей, мужчин и женщин Советского Союза. Такого соединения, концентрации усилий, энергии, воли, патриотического героизма не знала ни одна страна.

Первые месяцы войны, когда по известным причинам, и прежде всего вероломной неожиданности нападения врага, наши войска вынуждены были отступать, вызывают особенно много споров и толков. Я ни в коей мере не согласен с теми, кто изображает дело так, будто руководство партии и Правительства и лично Сталин не предвидели войны и якобы не готовили страну к войне.

Если допустить, что было преувеличение осторожности во избежание провокации, то это только подтверждает факт, что наша социалистическая страна и ее руководство вели честную политику мира и соблюдали верность международным договорам. Это не исключает, что в расположении наших войск и их готовности к активному отпору могли быть ошибки, могли быть недоделки и в чисто военных мероприятиях, которые, естественно, волновали Сталина, особенно первые дни войны.

С еще большей решительностью я отвергаю клеветнические, пасквильные выдумки, будто в первые дни войны у руководства — у Сталина была растерянность. Разумеется, у нас у всех и у Сталина не было бравурного настроения. Мы были, конечно, взволнованы таким оборотом событий — войной, которая принесет много бед и жертв народу. Мы — все члены Политбюро ЦК, в первую очередь Сталин, — были озабочены предстоящими труд-

ными задачами. Мы все буквально вмиг отмобилизовались, чтобы со всей присущей Ленинцам силой и энергией по-боевому выполнить свой патриотический долг перед любимой Родиной.

Это нашло свое отражение на первом же заседании Политбюро в кабинете Сталина на рассвете 22 июня 1941 года с участием руководства Наркомата обороны и Генерального штаба. Заслушав сообщения военных товарищей о начале военных действий и вероломном нападении гитлеровцев на нашу Родину, Сталин предложил выступить по радио с заявлением от имени Советского правительства, поручив это народному комиссару иностранных дел, заместителю Председателя Совета Министров В. М. Молотову. Сталин дал указания о содержании этого заявления. При этом Сталин сказал, что он сам выступит по радио несколько позднее. Забегая вперед, скажу, что Сталин ознакомил нас и с текстом своей речи до выступления.

У Сталина, как и у всех нас, его соратников, была твердая уверенность, что, несмотря на трудности и тяжести отступления перед внезапным нападением врага, оно, это отступление, носит временный характер — и Победа будет за нами, за нашим Великим Советским государством, руководимым нашей Ленинской партией. На этом первом заседании были даны указания военным товарищам об отпоре врагу, а остальным товарищам Сталин сказал: «Сейчас не будем разрабатывать каких-либо мероприятий. Каждый из вас ведает определенными отраслями деятельности и каждый из вас, не дожидаясь постановлений, возьмется по-военному за немедленный перевод всей деятельности партийных и государственных органов на военные рельсы». Повернувшись ко мне, Сталин особенно подчеркнул: «Вам, товарищ Каганович, особо необходимо связаться с Генеральным штабом и, не дожидаясь каких-либо директив, обеспечить воинские перевозки». После этого все мы, не задерживаясь, отправились к своему пульту управления. Я тут же из Кремля позвонил в НКПС и поручил вызвать членов коллегии и одновременно вызвать в НКПС всех начальников управлений, отделов, членов парткома, профкома, председателя ЦК профсоюза и других руководящих активистов.

Я доложил членам коллегии и руководящим работникам НКПС о заседании Политбюро у товарища Сталина, о нападении немецкого фашизма и о наших задачах. Заседание было кратким, напряженным и деловым.

Прежде всего было принято решение ввести в действие Воинский график движения поездов по сети. Этот график был обновлен в начале 1941 года Наркоматом путей сообщения совместно

с Генеральным штабом НКО. В нем были учтены и отражены все изменения, происшедшие в увеличении пропускных способностей дорог всей сети, в особенности пограничных, после разработки графика в 1938 году. За это время были проведены работы по увеличению пропускной способности. Хотя и не все удалось выполнить, что намечалось, но были завершены ранее начатые строительные работы и в техническом оснащении, и в реконструкции железных дорог. На заседании было поручено Оперативно-эксплуатационному управлению и его территориальным управлениям по дорогам немедля связаться с начальниками дорог, предупредить их о введении Воинского графика и принятии ими всех необходимых мер, предусмотренных Военно-мобилизационным планом.

Воинский график отличался от мирного тем, что он был параллельным — все поезда, в том числе пассажирские, которые были сокращены, имели одинаковую скорость движения и одинаковые технические стоянки. При этом, однако, учитывалась возможность первоочередного продвижения особо важных воинских эшелонов, для чего использовались предусмотренные резервы. 23 июня, после повторной проверки, был подписан приказ народного комиссара путей сообщения о введении Воинского графика по всем 44 дорогам железнодорожной сети Советского Союза.

В соответствии с предусмотренным графиком и Военно-мобилизационным планом были введены в действие законсервированные разъезды, пункты водоснабжения, экипировочные, тяговые и другие устройства. Новым Воинским графиком установлен унифицированный вес воинского поезда — 900 тонн.

Начальникам дорог приказали ввести в действие все предусмотренные Военно-мобилизационным планом мероприятия и сооружения по обслуживанию воинских эшелонов: кипятильники, водоразборные колонки, военно-продовольственные пункты, ларьки, изоляционно-пропускные пункты, агитационные пункты, постоянные и разборные воинские платформы для погрузки и выгрузки войск и боевой техники и т. д.

О мероприятиях по обеспечению бесперебойного пропуска поездов по путям, особенно в связи с развернутым ремонтом пути, было поручено начальнику Управления пути тов. Кучеренко доложить особо свои предложения. Всем заместителям наркома, членам коллегии, начальникам управлений развернуть немедля свою работу по-военному, мобилизуя все силы для успешного выполнения своего долга перед Родиной. Было поручено немедля связаться со всеми начальниками дорог, распределив выпол-

нение этого поручения между заместителями наркома. Сам народный комиссар взял на себя связь с начальниками прифронтовых дорог.

Всему руководству наркомата совместно с начальниками управлений, отделов, с представителями парткома и профкома поручено было созвать собрания коммунистов и сотрудников аппарата, доложить о начавшейся Отечественной войне с напавшим фашизмом и призвать всех к борьбе не на жизнь, а на смерть за победу над врагом, обеспечив перевод на военные методы работы; предоставить ЦК профсоюзов средства телефонной и телеграфной связи для переговоров с дорпрофсоюзами и развертывания массово-политической работы по мобилизации активности в развитии самоотверженного труда и выполнения революционно-патриотического долга всеми железнодорожниками, и прежде всего стахановцами, кривоносовцами. Поручить редакции «Гудка» развернуть соответствующую работу в газете. На этом было закончено заседание коллегии наркомата. Началась борьба и работа по-военному, как к этому призвал Центральный Комитет нашей партии и его руководитель товарищ Сталин.

Первым вопросом, которым мы занялись после заседания 22 июня, был вопрос об уточнении плана воинской погрузки и перевозок, чтобы срочно передать поправки дорогам. Я связался с начальником Генерального штаба НКО Жуковым и просил его дать свои поправки к ранее установленному плану, если таковые имеются. Товарищ Жуков мне ответил, что поправки, несомненно, будут и сегодня же будут представлены народному комиссару путей сообщения. Он тут же сказал: «Заранее прошу Вас, Лазарь Моисеевич, принять наши поправки». Я ему ответил, что я также заранее обещаю принять без задержек все поправки в план, которые внесет Генштаб. «Я имею, — сказал я, — указания товарища Сталина на этот счет».

Поправки Генштаба были рассмотрены и приняты. Началось боевое выполнение плана. Железнодорожники сделали все необходимое и возможное для того, чтобы обеспечить погрузкой и перевозками мобилизацию и стратегическое развертывание главных сил Красной армии. Это особенно ярко показала первая неделя войны — с 24 по 30 июня. В среднем в сутки погружено 31 629 вагонов, в том числе оперативных — 19 794, снабженческих — 11835 вагонов, то есть всего за семь дней более 220 тыс. вагонов, в том числе оперативных, более 138 тыс. вагонов. Чтобы ощутить и понять весомость и значение этих цифр погрузки и перевозок за одну первую неделю войны, необходимо сказать, что такой объем

погрузки и перевозок в царской России в начале Первой мировой войны потребовал более двух месяцев.

Для выполнения такой погрузки необходимо было прежде всего обеспечить ее порожними вагонами. Это потребовало изменения регулировочного плана обеспечения сдачи порожняка дорогами, ускорения выгрузки, сокращения плана погрузки других грузов, а главное — необходимо было очистить, продезинфицировать и оборудовать вагоны соответствующим обустройством — сделать их пригодными для перевозки людей, а открытые вагоны — для перевозки военного оборудования и вооружения. Помог, конечно, накопленный ранее резерв вагонов. На него сразу же позарились начальники дорог и вагонных служб, обратившись к наркому об использовании этого резерва. Но, признаюсь, нарком скупо давал разрешения, требуя от них приведения прежде всего в порядок и пригодность к воинским перевозкам действующего вагонного парка. Досками и другими материалами мы им помогли из резерва более щедро. Необходимо было провести большую работу по очистке и промывке вагонов — мы обратились к массам, и надо сказать, что уже с первых дней войны развернулась колоссальная, самоотверженная работа. Чистили и промывали вагоны не только вагонники, но и другие железнодорожники и их семьи. Здесь-то, в этой работе по оборудованию вагонов и в дальнейшем ходе войны по их ремонту, сказалась сила построенных до войны 200 вагоно-ремонтных пунктов, которые успешно справлялись с этой работой.

По мере приближения эшелонов из глубинных тыловых дорог к фронтовым дорогам бывали задержки в продвижении, в первую очередь из-за того, что враг безнаказанно подвергал жестокой и частой бомбежке узлы и перегоны не только фронтовых, но и прилегающих к ним дорог. В июле и августе воинская погрузка снизилась по сравнению с погрузкой в первую неделю войны: в июле погружено 15 573 вагона в среднем в сутки, в том числе оперативных — 7 978, снабженческих — 7 595 вагонов; в августе среднесуточная погрузка составила 12 145 вагонов, в том числе оперативных — 5 634, снабженческих — 6 511 вагонов.

Здесь сказалось общее сложившееся тяжелое положение на фронтах. Оно известно из истории войны, и я не буду здесь описывать это военное положение, но подчеркну, что тяжелое отступление наших войск с оборонительными боями, в том числе на станциях, узлах железных дорог, остро влияло на положение железнодорожного транспорта и его работу.

Достаточно сказать, что уже 28 июня враг оккупировал Минск и Белорусскую железную дорогу, 30 июня оккупировал Львов и Львовскую железную дорогу, а пограничные станции этих и других фронтовых дорог были разгромлены и захвачены врагом в первые же дни войны. В первые же дни войны перестали действовать почти полностью такие дороги, как Белостокская, Брестская, Ковельская и другие. Можно себе представить, что стало с планами выгрузки на приготовленных платформах, постоянных и передвижных, что стало с адресами выгрузки из-за «потери адреса», то есть из-за захвата его врагом, а так как этот адрес слишком часто менялся, то в каком положении оказывались дороги при бесконечной переадресовке воинских эшелонов и снабженческих транспортов, которые к тому же еще часто выгружались, а потом тут же повторно погружались! Это были вынужденные «маневры» на колесах, причинявшие больше трудностей, чем внутрифронтовые, сознательные маневры. Все эти сложные военные обстоятельства тяжким бременем ложились на плечи железной дороги, которая не стояла вместе со своим грузом, а обязана была двигать, подымая грузы и доставляя их к новому месту назначения.

Все это приводило к задержке вагонов до выгрузки, к потере местонахождения грузов, находящихся в этих вагонах, к потере скорости продвижения поездов не только на фронтовых, но и тыловых дорогах.

К этим важным обстоятельствам и причинам присоединились растерянность, неумение быстро ориентироваться в условиях войны на станции, дороге и вокруг нее плюс обычные недостатки в работе, которые имели место у части железнодорожников — все это отрицательно влияло на оборот вагона и работу дорог.

Приостановка отступления наших Советских войск, их переход в контрнаступление благоприятно повлияли и на работу железных дорог в погрузке, перевозке и выгрузке воинских эшелонов и транспортов, сосредоточивая их особые усилия на обеспечении генеральных стратегических операций наряду с выполнением текущих заданий. Успех этой гигантской работы был обеспечен прежде всего основной производственной силой транспорта — рабочими, инженерами, служащими, работающими на железнодорожном транспорте.

Большую роль сыграли и органы военных сообщений (ВОСО) и их работники, не ограничивавшиеся обычной ролью клиента — отправителя и получателя, а участвовавшие в самом производственном процессе транспортной промышленности, обогащая же-

лезнодорожников знаниями военного дела и военной обстановки, — одним словом, работавшие так же героически, как их собратья-железнодорожники.

Нашим самым слабым местом были дороги, узлы дорог Западной Украины, Белоруссии и Прибалтики, которые недавно перешли к нам и не закончили начатую реконструкцию. Развернутые нами работы по переустройству путей, узлов и строительству чисто военных объектов мы не успели выполнить, хотя ход войны изменил их роль. Но до войны мы туда перебросили с Дальнего Востока на Львовское направление наш славный корпус железнодорожных войск во главе с генералом Просвировым. Этот корпус стал главным ядром славных героических железнодорожных войск, которые сыграли великую роль в восстановлении железных дорог вместе с общежелезнодорожным формированием как в ходе войны, так и после войны.

Для правильного понимания и оценки работы железных дорог СССР в период Отечественной войны, особенно по такому измерителю работы, как оборот вагона, важное значение имеет тот факт, что в ходе Отечественной войны изменились условия работы железнодорожного транспорта.

Сократилась железнодорожная сеть в связи с вынужденным временным отходом наших войск и оккупацией немецкими захватчиками части территории нашей страны. Протяженность и густота железнодорожной сети сократилась более чем на 40%. Сокращенная часть линий юга, запада и части центральных областей были самыми мощными, реконструированными, с механизированными сортировочными станциями, депо и т.п.

Если в начале войны от Москвы к западу было 14 линий, ведущих к фронту, то к концу 1941 года это число резко сократилось, и Московский узел представлял собой пучок семи коротких железнодорожных линий, веером расходящихся к фронту — на запад, юг и северо-запад, и четырех линий, ведущих на восток.

Война внесла колоссальные изменения в экономику страны, в размещение производительных сил и соответственно в грузопотоки. Эвакуационное перемещение промышленности Юга, Запада и части Центральных областей в Сибирь, на Урал и в Среднюю Азию, строительство там же новых предприятий военной промышленности гигантски развили индустриальную мощь Востока страны. Железнодорожному транспорту после эвакуационных перевозок, о которых я еще скажу, пришлось во все время войны, наряду с большими потоками воинских эшелонов, колоссально увеличить вывоз с Урала, Сибири и из

Средней Азии вооружения, боеприпасов, танков, самолетов, продовольствия и народно-хозяйственной продукции — кузнецкого угля, металла, да и внутренние перевозки на Урале, в Сибири и Средней Азии резко увеличились. Особенно увеличился поток импортных грузов из Владивостокского порта — это был переворот в грузопотоках и перевозках. Если в мирное время мы завозили грузы на Дальний Восток и получали оттуда порожняк, то в военное время нам приходилось гнать во Владивосток порожние вагоны, особенно цистерны с Запада, то есть на расстояние в 10 тыс. км через перегруженные донельзя дороги Урала и Сибири.

Изменились коренным образом грузопотоки угля, руды, нефти и нефтепродуктов, металла и всех других грузов, и они стали менее устойчивыми, чем в довоенное время, что приходилось особо оперативно учитывать в регулировке вагонного парка, преодолевая трудности в его продвижении и разгрузке. Особенно это относилось к цистернам, которые приходилось гнать к фронту и с фронта на дальние расстояния, вплоть до Владивостока. Центр тяжести всей грузовой работы передвинулся на Урало-Сибирские дороги, которые грузили почти в три раза больше, чем до войны. Увеличилась также работа дорог Средней Азии. Хотя до войны мы увеличили на Востоке железнодорожную сеть вдвое против 1913 года, потребовались большие усилия для освоения этой повышенной погрузки, перевозок и преодоления возникших трудностей.

Мы, железнодорожники, выполнили приказ партии, Правительства и вывели из-под огня и опасности захвата врагом большое количество паровозов и вагонов.

Воинские перевозки, естественно, заняли первенствующее место в работе всей сети, особенно в доставке порожних сформированных составов к пунктам погрузки и их выгрузки на фронтах, крайне усложненной ввиду исключительной подвижности, неустойчивости линии фронта, особенно в первый период войны.

Крайне осложнилась работа на фронтовых дорогах центра, вплоть до Горьковской, Ярославской в связи с введенной и строго осуществлявшейся светомаскировкой и беспрестанными авиационными налетами врага на железнодорожные объекты. За время войны, по неполным подсчетам, было более 20 тыс. налетов, большинство которых вызвало перерыв движения и формирования поездов. В среднем в сутки на железнодорожные объекты производилось 16 налетов и бомбежек, а на фронтовых дорогах — 33 на-

лета. По неполному подсчету, было убито 27 тысяч железнодорожников и ранено около 40 тысяч.

Еще более серьезным испытанием были разрушения путей, мостов и сооружений на железных дорогах, потребовавших неимоверных усилий восстановителей — железнодорожных войск и железнодорожников. Каждый эксплуатационник становился одновременно восстановителем своих станций, тяговых сооружений и дистанций пути и сигнализации.

Предпринимая такие массированные авиационные налеты на железнодорожные объекты и варварские разрушения путей и сооружений, враг стремился подкрепить расчеты своего генерального штаба, что железнодорожный транспорт Советского Союза не выдержит и сорвет военные перевозки. Надо сказать, что и среди «союзников» были такие же предположения и предсказания. Но ни враг, ни другие иностранные наблюдатели не знали природы и возможности Социалистического транспорта, ни тем более природы нового, Советского железнодорожника.

Железнодорожники проявляли героизм в своей работе, но и во время боя мы вскрывали недостатки в работе и ошибки на коллегии НКПС, на активах, в ГОКО и в повседневной практической оперативной работе. Немало было недостатков и ошибок в регулировании военного парка и движения, в которых были виноваты и дороги, и НКПС, и хозяйственники-клиенты, в том числе и военные «клиенты», задерживавшие вагоны под погрузкой и выгрузкой. Особенно это относится к эвакуированным грузам.

Во многом сказались недостатки самих дорог, но НКПС, принимая близко к сердцу трудности мест и фронтов, недостаточно заострял борьбу с неаккуратностью, а иногда и бесцеремонностью в отношении к освобождению железнодорожных вагонов и путей грузоотправителями и грузополучателями. В более широких воспоминаниях я шире и глубже разберу эти сложные вопросы.

Изучать, анализировать имевшие место объективные трудности и субъективные недостатки нам необходимо не для самобичевания или перестраховки и тем более не для того, чтобы мелкотравчато, интригански уколоть кого-либо и выпятить себя как «спасителя», как это делают некоторые «коньюнктуристы» и карьеристы, которые вчера еще приходили в «телячий восторг», а сегодня сюсюкают и смакуют только недостатки и ошибки, преувеличивая их и смазывая все великое, положительное, что было сделано. Мы изучаем и будем освещать недостатки и ошибки ра-

боты для того, чтобы их впредь не допускать и не повторять, чтобы при возможной необходимости работать еще лучше для блага Родины.

Надо прямо сказать, что без перемещения предприятий и людей из южных, западных и многих центральных областей на восток мы не обеспечили бы нашу армию всем необходимым. Проведенная эвакуация — это выигранная величайшая битва организованного Социалистического хозяйства и организаторского искусства нашей партии и Советской системы власти — диктатуры пролетариата.

Главная тяжесть самой эвакуации, то есть, как это латинское слово объясняется в словаре, — вывоза населения и имущества из местности, находящейся под угрозой неприятельского захвата, выпала на транспорт, в первую очередь железнодорожный. Поэтому нельзя и в оценках ролей переносить центр тяжести с самой перевозки, как это делают некоторые «историки», на подготовку к эвакуации. Никакой Мобилизационный план и Воинский график не предусматривали подобные перевозки в таких невероятно больших размерах и в таком спешном порядке, как эта эвакуация осуществлялась.

Уже в июле эвакуационными грузами было занято более 300 тысяч вагонов.

Всего было перевезено, по самым минимальным подсчетам, более полутора-двух миллионов вагонов, в том числе до ноября — более миллиона вагонов эвакуированных грузов и людей. Громадное большинство их шло на восток — на Урал, в Сибирь и Среднюю Азию. И все это наряду с основным, по преимуществу встречным потоком воинских эшелонов, с перевозкой раненых, со сплотками паровозов. Выполняя призыв партии — призыв Сталина, мы эвакуировали в тыл более 6 тысяч паровозов с фронтовых дорог, не говоря уже о другом железнодорожном имуществе, которое по Мобилизационному плану было расположено на дорогах, близких к фронтам.

Глубоко, правильно и с душевной теплотой оценил эту работу железнодорожников незабвенный наш Михаил Иванович Калинин. «Наши железнодорожники, — говорил он, — проделали гигантскую работу. На тысячи километров с запада на восток они перекинули горы оборудования, материалов, зерна и миллионы спасавшихся от фашистских варваров людей. Страна этого не забудет». Об этом я напоминаю не только для того, чтобы оценить по достоинству Великий Подвиг железнодорожников, хотя это важно и нужно, но и для того, чтобы понять гигантскую работу по

эвакуации, глубоко проанализировать, учесть положительные и отрицательные ее стороны. Эта эвакуация, которую можно назвать «переселением народов», и перемещение производительных сил значительной части страны сказались на состоянии железнодорожного транспорта в конце второй половины 1941 и в начале 1942 года.

Хозяйственникам и местным организациям трудно было сразу освоить и полностью обеспечить подготовку мест приемки и, следовательно, выгрузки такого огромного, нежданно нахлынувшего потока эвакогрузов и людей, вследствие чего груженые вагоны заполнили восточные пути и станции. Принимавшиеся партийными и Советскими организациями на местах меры по эвакуации и выгрузке не спасали станции и пути от колоссального накопления груженых вагонов. Здесь наряду со слабостями хозяйственников промышленности проявились слабости железнодорожников, недостаточная их требовательность, в том числе НКПС, который не жаловался в ГОКО.

Лишь к лету 1942 года наступило известное облегчение с выгрузкой эвакогрузов и тем самым разгрузкой железнодорожных станций. Несмотря на эти трудности и заминки в движении, эта эвакуационная эпопея показывает, что железнодорожники, хозяйственники промышленности и местные организации под руководством партии, ЦК и Государственного Комитета Обороны справились. Великое государственное дело было сделано. В вышедшем в 1944 году в США сборнике «СССР за реконструкцией» было написано: «Подвиги, совершенные при перемещении промышленности на Восток, граничат с невероятным». Но то, что иностранному наблюдателю кажется невероятным, для Советских людей стало одолимым и выполнимым.

Освоение, переработка и продвижение трех колоссальных потоков: 1) эвакуационного, 2) воинского и 3) народно-хозяйственного, и притом большей частью встречных — было, несомненно, героическим подвигом железнодорожников, которые, не зная ни дня, ни ночи, самоотверженно, под бомбежкой врага делали свое героическое дело. Трудно сегодня, особенно не работавшим тогда на железной дороге, представить себе то напряжение и самоотверженность, с которыми работали железнодорожники, начиная со стрелочника, машиниста и кончая народным комиссаром. Главное было в том, чтобы обеспечить такое осуществление эвакуационных перевозок в таком грандиозном масштабе и с такой поспешностью, чтобы не сорвать главные перевозки — воинские — к фронту и внутри фронтов. Помню, как приходилось наркому

вместе со своими соратниками — заместителями, начальниками управлений, диспетчерами — следить за продвижением с необычайной скоростью, 800–1000 км в сутки, воинских эшелонов, например, с Дальнего Востока и из Сибири, следовавших к нашей родной Москве для ее защиты от рвавшегося к ней врага. Трудность была в том, что навстречу этому потоку шел поток эвакуировавшихся на Урал и в Сибирь заводов. Но войска были доставлены вовремя, и они с честью выполнили свой долг — своим участием спасли Москву.

Обеспечение железнодорожным транспортом успехов Красной армии при проведении основных военных операций: Московской, Сталинградской, Ленинградской, Кавказской, Орловско-Курской, Крымской, на Днепре, в Белоруссии и других, вплоть до Берлинской — требует глубокого и детального описания. По каждой из этих операций разрабатывались оперативно-хозяйственные мероприятия: обеспечение вагонами, своевременная подача паровозов, проверка исправности пути и организация движения зачастую под огнем врага. Наркому приходилось не только рассматривать и утверждать эти мероприятия, но и непосредственно связываться с начальниками дорог, давая им указания. Если бы можно было собрать и изучить мои материалы, в частности, переговоры по прямому проводу наркома с начальниками дорог, получилась бы поучительная картина о характере руководства в период войны. Но... к сожалению, мой архив, в том числе эти телеграммы, остались в НКПС (нынешнем МПС). Остались ли? Сохранились ли?..

В более широком обзоре необходимо рассказать о всех мероприятиях ГОКО и НКПС по обеспечению роста погрузки и перевозок, по регулировке вагонного парка и движения поездов, по наиболее эффективному использованию железнодорожных линий, направлений, кружности, по маневрированию на железнодорожном транспорте с направлением движения поездов с учетом маневров нашей армии; по организации, в виде исключения, принудительной выгрузки, по срочной доставке важнейших грузов, по расшивке узлов, по внедрению новых планов формирования поездов и маршрутизации перевозки грузов.

Особенно важна была и работа по увеличению пропускных способностей на важнейших направлениях и участках — развитие узлов, укладка обходных путей при безостановочном пропуске поездов через узловые и участковые станции и т.д.

Необходимо осветить и внедрение новаторства, изобретательности наших передовых рабочих, машинистов — стахановцев-

кривоносовцев, инженерно-технических, научных и руководящих кадров, в том числе наркома и начальников дорог: например, обслуживание воинских поездов паровозными колоннами; применение живой блокировки, давшей возможности увеличить густоту движения, сгущенного пропуска поездов; применение в исключительных случаях одностороннего движения с соблюдением необходимой осторожности, предусмотренной временными правилами; ремонт паровозов самими паровозными бригадами по методу Лунина, массовое применение дровяного отопления паровозов по методу Болонина и т.д.

Особо важным явилось создание военно-эксплуатационных управлений. В первую очередь такое единое управление было создано в Московском узле в напряженный момент боев за Москву. Нужно прямо сказать про опасность некоторой неорганизованности в Московском узле, где было несколько управлений дорог. В кабинете наркома путей сообщения на совещании с руководителями дорог и Московского узла, МК партии, райкомов, замнаркомов было принято решение немедля организовать единое Военно-эксплуатационное управление всего Московского узла. Начальником этого ВЭУ мы назначили зам наркома товарища Гарныка — крепкого большевика и твердого квалифицированного паровозника. Когда я доложил об этом товарищу Сталину, он одобрил это решение и сказал, что следует это применить и в других узлах. Организация ВЭУ была предусмотрена Военно-мобилизационным планом, и мы развернули это спецформирование.

Эти наши славные военно-эксплуатационные управления (ВЭУ) успешно справились с задачей организационной работы всех станций и отделений дорог, сходившихся в Московском узле, а затем и на других дорогах.

Создание на всех фронтовых дорогах таких управлений, передвижных паровозных колонн с подвижной ремонтной базой — своего рода передвижных депо, военизация созданных еще до войны передвижных машинно-путевых станций сыграли огромную роль в обеспечении перевозок, особенно на фронтовых дорогах, где станции, депо и пути систематически разрушались и требовали восстановления и прежде всего, конечно, высокой дисциплины и организации боевого труда железнодорожников, не допуская паники, особенно в момент бомбежек и эвакуации. Трудности возникали особенно в зимний период, когда наступали морозы и метели. Нельзя без волнения вспоминать о самоотверженном труде славных тружеников железных дорог в этот период.

Восстановление железных дорог СССР, варварски разрушавшихся врагом, — это еще одна великая, славная, героическая страница Отечественной войны! Можно без преувеличения сказать, что героизм железнодорожных войск, спецформирований НКПС и железнодорожных восстановителей освобожденных дорог можно поставить на уровень героизма нашей Советской армии на фронтах Отечественной войны.

Согласно Мобилизационному плану с начала войны у нас были сформированы спецформирования — «Торемы», «Твоты», «Водремы», «Связьремы» и «Подремы», которые подчинялись Центральному военному отделу НКПС, а затем вновь созданному Центральному военно-восстановительному управлению НКПС. Эти чисто железнодорожные спецформирования, укомплектованные квалифицированными рабочими и инженерно-техническим персоналом, сыграли большую роль, и я против преуменьшения их роли и значения, что замечается у некоторых историков. Получилось замечательное и плодотворное соединение этих спецформирований с железнодорожными войсками, которые по предложению тов. Сталина были переданы из НКО в подчинение НКПС.

Особое место занимал Корпус железнодорожных войск, который еще до войны был подчинен НКПС, но в военном отношении НКО. Этот корпус работал на Дальнем Востоке, а затем был еще до войны переброшен на запад, что, между прочим, опровергает легенду о том, что мы не подготовлялись к возможной войне.

Отдельно существовали еще железнодорожные войска, подчиненные только Наркомату обороны.

На первом этапе войны восстановление было незначительным. Главная задача железнодорожных войск, в том числе и Корпуса, и спецформирований НКПС, в эти дни заключалась в производстве заградительных работ на железных дорогах по пути отступления армии, эвакуации железнодорожного имущества, а железнодорожным войскам, в том числе и Корпусу, пришлось занимать оборону и участвовать в боях с врагом. Надо сказать, что, к сожалению, быстрое продвижение врага по дорогам, а также отсутствие единого управления всеми восстановительными силами сказались отрицательно на состоянии восстановительных сил, и часто из-за их неосведомленности в обстановке они попадали в окружение и очень много потеряли не только в живой силе, но и в технике.

После того как наша армия остановила наступление гитлеровских орд под Москвой, Ленинградом, Тулой, Старым Осколом,

Ворошиловградом, наши восстановительные силы развернули широким фронтом работу по восстановлению железных дорог. Еще в сентябре 1941 года постановлением ГОКО и приказом НКПС были созданы восстановительные службы на дорогах, восстановительные участки и восстановительные околотки — был установлен порядок их работы и руководство ими. Однако железнодорожные войска действовали отдельно. Они не согласовывали свои действия с действиями НКПС, и это мешало успешной организации восстановительных работ на железных дорогах. Мною этот вопрос был доложен тов. Сталину, и в январе 1942 года ГОКО рассмотрел внесенный НКПС проект большого постановления об организации военно-восстановительных работ. Этим постановлением, по предложению товарища Сталина, все железнодорожные войска были переданы из НКО в НКПС, в котором было организовано Главное управление военно-восстановительных работ НКПС.

Помню, в связи с возражениями некоторых военных товарищей из НКО тов. Сталин разъяснял им, что необходимо сосредоточить все силы, средства и руководство по восстановлению железных дорог в едином центре, а именно в НКПС, который должен отвечать за всю работоспособность железных дорог, не оставляя поводов сослаться на НКО, войска которого-де не восстанавливают дороги. «Иначе, — сказал тов. Сталин, — мы не восстановим дороги и сорвем все наши военные планы». Тов. Сталин тут же внес предложение назначить начальником вновь создаваемого Главного военно-восстановительного управления НКПС народного комиссара путей сообщения тов. Кагановича Л. М. Это предложение было принято Государственным Комитетом Обороны.

Немедленно была развернута энергичная работа по формированию ГУВВР, в которое были привлечены силы Корпуса железнодорожных войск во главе с генералом Просвировым, по ускоренному восстановлению разрушенных участков железных дорог. Грандиозная работа с честью и героизмом была выполнена нашими славными восстановителями железных дорог — как железнодорожными войсками, так и железнодорожными спецформированиями, особенно мостовыми, где были сосредоточены лучшие специалисты-мостовики. Железнодорожники в целом, которые во время войны были и эксплуатационниками, паровозниками, вагонниками, путейцами, связистами, одновременно становились восстановителями любимого ими железнодорожного транспорта для обеспечения победы над врагом.

Восстановление развертывалось по ходу военных действий.

Первое время сюда включалось и восстановление железных дорог на территориях освобожденных народов Польши, Чехословакии, Румынии, Югославии, Венгрии, Германии. Из общего количества восстановленных главных путей за границей Советского Союза выполнено: в Польше — 8549 км, в Германии — 8998 км, в Румынии — 2378 км, в Чехословакии — 3267 км, в Венгрии — 4828 км и в Югославии — 397 км.

Самым тяжелым было материально-техническое снабжение. Дело в том, что новых паровозов и вагонов с 1942 до 1944 года железная дорога почти не получала. Железные дороги и НКПС приложили огромные усилия для ремонта подвижного состава и путевого хозяйства. Особенно хочу подчеркнуть замечательную, можно сказать, великую роль наших депо и деповщиков — машинистов, слесарей, токарей, кузнецов, всех рабочих и инженерно-технического персонала. То же надо сказать о путейцах, их околотках, передвижных машинно-путевых станциях, сварщиках, сваривавших из кусков и обрезков рельс единую рельсу, заменявшую нам во время войны славную рельсу Кузнецкого завода. И не только рельсу, но и стрелочные переводы и отдельные звенья мостовых ферм и т.д. Без этого, без восстановления старых частей подвижного состава и пути мы бы пропали, ибо нового не получали. Тот, кто хоть немного понимает хозяйство, особенно износ на железной дороге, поймет, насколько это было тяжко, а некоторые железнодорожники употребляли слово «катастрофично».

Достаточно сказать, что за время Отечественной войны на дорогах, на предприятиях НКПС отремонтировали, восстановили и изготовили собственными средствами запчастей, инструмента, рельсов, скреплений, стрелочных переводов и различного рода других материалов на два миллиарда рублей.

В 1943 и 1944 годах, когда мы доводили этот вопрос до руководства ГОКО, до товарища Сталина, мы известную помощь получали, но аппарат не все указания выполнял и реальная помощь была крайне недостаточна, и мы, естественно, возобновляли наши претензии и продолжали ставить вопросы об улучшении материально-технического снабжения железнодорожного транспорта, хотя лично я этим нажил себе некоторых недругов. Но я после длительного терпения считал, что в интересах государства и обороны необходимо серьезно подкрепить хозяйство железных дорог.

Железнодорожники за счет своих скудных ресурсов выпускали на своих заводах и в депо чисто военную продукцию, в том числе и поезда-бани, поезда-прачечные, бронепоезда и т. д.

После первоочередного восстановления, позволявшего пропускать поезда, производилось более фундаментальное, капитальное восстановление железных дорог с заменой временных мостов постоянными капитальными мостами и сооружениями, и в том числе для увеличения пропускной способности восстанавливаемых железных дорог.

В целом по всей сети шло и строительство новых железнодорожных линий, вторых путей. Реконструкция станций, предприятий железнодорожного транспорта заняла большое место в работе. За годы войны построено около 10 тыс. км новых железнодорожных линий.

Все это и многие другие показатели отразили тот неподдельный, глубокий, непоказной героизм труда, который проявил славный, скромный, нехвастливый многомиллионный коллектив железнодорожников с их замечательными семьями — женами и детьми, которые были кровно связаны с железной дорогой как великой частью нашей славной любимой Родины.

Я лично как нарком получал немало писем и телеграмм с благодарностями за перевозки войск и вооружения. Такие, например, телеграммы от товарищей Соколовского и Булганина: «Благодарим за оказанную фронту помощь», или от них же письмо: «С Вашей помощью мы вовремя получили транспорты с боеприпасами, и это нам очень помогло успешно развить боевые действия, в частности, захватить Ельню». А вот и телеграмма, которая «теперь» особенно показательна: «Транспорты с танками прибыли. За оказанную помощь фронту выражаем Вам сердечную благодарность. Ватутин, Хрущев, Корнеец, Иванов». Должен сказать, что действительно наркому приходилось часто самому следить за продвижением особо важных эшелонов.

Партия и правительство высоко оценили труд железнодорожников — около 100 тыс. человек были награждены орденами и медалями, в том числе около 150 железнодорожникам присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

Все мы, передовые железнодорожники, в том числе и я как нарком и мои заместители, были счастливы получить от партии и правительства эту награду как знак признания нашего самоотверженного труда для блага любимой Родины и Великой Ленинской партии. Не буду проявлять ложной скромности, а скажу, что день 20 ноября 1943 года был и для меня лично счастливым днем моей жизни, когда Михаил Иванович Калинин вручил мне удостоверение о присвоении мне звания Героя Социалистического Труда.

В этом документе написано:

«Герою Социалистического Труда тов. Кагановичу Лазарю Моисеевичу.

За Ваши исключительные заслуги перед государством в деле обеспечения перевозок для фронта и народного хозяйства и выдающиеся достижения в восстановлении железнодорожного хозяйства в трудных условиях военного времени Президиум Верховного Совета СССР своим указом от 5 ноября 1943 года присвоил Вам звание Героя Социалистического Труда.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. И. Калинин.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин»

Глава 16
В БИТВЕ ЗА КАВКАЗ

В Великой Отечественной войне с гитлеровским фашизмом мне посчастливилось принимать непосредственное участие в битвах за Кавказ (в качестве члена Военного Совета Северо-Кавказского фронта, Черноморской группы войск и члена Военного Совета Закавказского фронта).

Разгром фашистских полчищ под Москвой сорвал гитлеровские планы «молниеносной» войны и развенчал миф о непобедимости фашистской армии. Наступление врага было остановлено, Красная Армия перешла в контрнаступление. Однако фашисты начинали новые наступления на Воронеж, Сталинград, Донбасс и на Кавказ. Им важно было захватить донецкий уголь, бакинскую нефть, грузинский марганец и открыть путь на Ближний Восток, вытеснить Англию и установить господство немецкого империализма в Азии, а затем — в Африке.

В июле 1942 года гитлеровские войска развернули свое наступление на Северный Кавказ — создалась угроза и Закавказью. Обсудив создавшееся положение, Ставка Верховного Главнокомандующего приняла ряд мер по усилению войск Северо-Кавказского фронта и по укреплению руководства войсками на Северном Кавказе. Решением 28 июля 1942 года Ставка реорганизовала Северо-Кавказский и Южный фронты, объединив их в один Северо-Кавказский фронт. Командующим этим фронтом был назначен Семен Михайлович Буденный, его заместителями были назначены Р.Я. Малиновский и Я.Т. Черевиченко, начальником штаба — А.И. Антонов. Тов. Сталин внес предложение назначить Л.М. Кагановича членом Военного Совета Северо-Кавказского фронта. Еще в апреле 1942 года при переходе на работу замести-

телем председателя Транспортного комитета ГКО я уже просил тов. Сталина послать меня на фронт, и вот в июле он реализовал мою просьбу и внес это предложение, сказав при этом, что тов. Каганович знает Северный Кавказ и лично с Буденным воевал еще во время гражданской войны. Предложение было принято, и 29 июля я вылетел вместе с начальником оперативного отдела Генерального штаба Бодиным в Краснодар. Обстановка, которую я застал в Краснодаре, была сложная, уже на первых заседаниях Военного Совета фронта были разработаны мероприятия для выполнения приказа Ставки. К этому моменту речь уже шла не о полном восстановлении положения на левом берегу Дона, а об укреплении оборонительного рубежа по левому берегу Кубани и вокруг Краснодара.

28 июля был издан общий приказ тов. Сталина, в котором была дана правдивая оценка создавшегося положения, когда враг стремился любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с нефтяными и другими богатствами. В приказе было твердо сказано: «Отступать дальше — значит загубить себя и вместе с тем нашу Родину. Ни шагу назад без приказа высшего командования. Таков призыв нашей Родины». На основе этого приказа командованием фронта был издан конкретный приказ. Военный Совет, политорганы армий вместе с партийными организациями развернули большую политико-разъяснительную работу в войсках: было разослано в части более 200 политработников и около 1,5 тыс. коммунистов направлены из тыловых частей в действующие части. Была установлена тесная связь с Краснодарским обкомом партии, который направил в воинские части фронта несколько тысяч коммунистов. Краснодарский обком во главе с первым секретарем т. Селезневым на заседании с участием члена Военного Совета фронта Л.М. Кагановича принял ряд мер для усиления работ по созданию оборонительных сооружений вокруг Краснодара. Одновременно Краснодарский обком вместе с Военным Советом готовил партийное подполье и организацию партизанских отрядов. Такая же работа была проделана и в Ставропольском крае, где секретарем обкома работал М.А. Суслов.

Войска Северо-Кавказского фронта вели ожесточенные бои, защищая подходы к Краснодару. В течение более двух недель враг не мог прорваться к городу. И лишь 12 августа наши войска по приказу командования фронта отошли на левый берег реки Кубани. Конечно, в обороне Краснодара были серьезные недостатки и ошибки, но неверно было бы изображать, будто враг легко захватил Краснодар. Бои за Краснодар измотали противника, что

помогло нам потом в боях за Туапсе и Новороссийск. Ставка Верховного Главнокомандования 5 августа прислала директиву командующему фронтом о необходимости прикрыть Майкоп и дорогу Майкоп — Туапсе и не дать врагу возможности выйти на побережье Черного моря. Эта важнейшая директива стала генеральной задачей, определившей в будущем всю линию нашей обороны Туапсе. По решению Военного Совета фронта я выезжал на майкопский участок фронта для укрепления его обороны. Одновременно мы вместе с наркомом нефтяной промышленности Байбаковым приняли меры к вывозу нефтяного оборудования и выведению из строя предприятий и скважин Майкопнефти.

Из Краснодара штаб фронта переместился в Армавир, но, к сожалению, там долго засиживаться не пришлось, мы переехали в Белореченскую, оттуда в Хадыженскую, оттуда в станицу Георгиевскую, что в 15 км от Туапсе, а затем в район самого Туапсе, где командование фронта прочно осело, защищая до конца Туапсе, так и не дав врагу его захватить и прорваться к побережью, несмотря на отчаянные усилия врага во что бы то ни стало захватить Туапсе. Именно в Туапсе был осуществлен приказ Сталина «Ни шагу назад».

Захватив Армавир, враг сосредоточил большие силы на направлении Армавир — Майкоп — Туапсе. Он стремился захватить Туапсе, Новороссийск, Лазаревскую и через перевал — Сухуми, разрезав фронт защиты Черноморского побережья на части и облегчив себе задачу уничтожения наших воинских частей и завоевания Кавказа. Именно эти пункты и стали важнейшими в защите всего Черноморского побережья и всего Закавказья. Войска Северо-Кавказского фронта, Черноморской группы войск и Закавказского фронта повели отчаянную, героическую борьбу за эти опорные пункты битвы за Кавказ, в особенности за перевалы, за Туапсе и Новороссийск, в укреплении и обороне которых мне довелось принимать непосредственное участие.

Вначале враг рассчитывал легко захватить Туапсе через Хадыженскую, Шаумян, Георгиевскую, но он наткнулся на упорное сопротивление войск Северо-Кавказского фронта, в особенности 17-го казачьего кавалерийского корпуса под командованием славного генерала Кириченко. Посещая дивизии и полки этого корпуса и наблюдая за его действиями, я убедился, что этот корпус не подвергся влиянию отрицательных моментов периода отступления и обладал всеми качествами боеспособного и маневроспособного крупного воинского соединения, о чем я сообщил Сталину. Этот корпус в то время сыграл большую, если не решающую роль

в остановке первого стремительного натиска врага на Туапсе. В этом отношении весьма поучительно и важно указание тов. Сталина, данное им Военному Совету фронта. Оно дано в связи с отходом 47-й армии на новый рубеж, но имело и общее значение. «Нужно, — писал Сталин, — учесть, что рубежи отхода сами по себе не являются препятствием и ничего не дают, если их не защищают. Оборону горных рубежей нужно строить на упорных контратаках впереди основных позиций на всех подступах к этим позициям, с тем чтобы на каждом направлении создать врагу наибольшие трудности к продвижению, изматывая его малыми и большими боями на истребление. По всему видно, что Вам не удалось еще создать надлежащего перелома в действиях войск и что там, где командный состав не охвачен паникой, войска дерутся неплохо и контратаки дают свои результаты, как это видно из действий 17-го кавкорпуса. Вам необходимо взять войска в свои руки, заставить их драться и правильно построить оборону в предгорьях, добившись настоящего упорства в действиях всех отдельных отрядов впереди основных позиций и главных сил на основных рубежах. Суворов говорил: «Если я запугал врага, хотя я его не видел еще в глаза, то этим я уже одержал половину победы; я привожу войска на фронт, чтобы добить запуганного врага». Добейтесь того, чтобы все наши войска действовали как 17-й кавкорпус». (Мне кажется, что сегодня товарищи историки недооценивают 17-й кавалерийский корпус и лично генерала Кириченко.)

По этой директиве было созвано расширенное заседание Военного Совета фронта с участием командармов. По моему предложению было также собрано большое собрание актива политработников (на опушке леса у станции Георгиевской), на котором выступили Буденный и Каганович. Указав на создавшееся положение, мы призвали политработников сделать все, чтобы выполнить директиву Сталина. С ответным словом от имени политработников выступил Л.И. Брежнев, работавший тогда заместителем начальника политуправления фронта. После этого все эти сотни политработников, по преимуществу из парторганизаций КП(б) Украины, разъехались по частям и развернули работу в указанном направлении, что имело серьезное значение в улучшении положения в частях, которые после отступления были не в полном порядке.

Надо сказать, что кроме Кавкорпуса и других подобных ему частей выделялась наша фронтовая авиация — наши славные летчики, среди которых были летчицы авиационного Таманского полка. Наша авиация серьезно помогла в отпоре врагу. Несмотря

на его количественное превосходство, наши летчики наносили ему серьезные удары.

Фашистский враг, вынужденный приостановить прямое наступление на Туапсе из Хадыженской, сосредоточил силы против Новороссийска, рассчитывая через Новороссийск прорваться к Туапсе. Мы это учли и развернули активные бои за Новороссийск, прежде всего за оборону Новороссийска, куда я в этот момент выехал по постановлению Военного Совета фронта. Здесь только отмечу, что там, в Новороссийске, в еще большей степени я убедился в правильности последних указаний Ставки. Наблюдая за командованием 47-й армии и бывая в дивизиях и отрядах морской пехоты, я видел, что, в то время как в частях преобладает боевой дух, в верхушке 47-й армии не было духа уверенности, не было должной связи с войсками, господствовали самотек и неорганизованность. Военный Совет фронта в конце августа или в начале сентября принял серьезное постановление с соответствующими заданиями командующему 47-й армией. Бои за Новороссийск против немцев, контратаки наших войск носили ожесточенный характер, особенно, например, контратаки нашей 77-й дивизии, которая, упорными боями и неся серьезные потери, сдерживала наступление врага. Там в одной из контратак погиб член Военного Совета армии тов. Абрамов. Были, конечно, и части, неорганизованно отступавшие под натиском врага. Во все время боев за Новороссийск шла работа по укреплению оборонительных позиций в самом городе и в непосредственной близости к нему. При активном руководящем участии городских партийных организаций и рабочих Новороссийска в городе строились баррикады, ежи из рельсов и балок, были подобраны здания под огневые точки и т.д. Однако это не отвечало тем большим планам и работам, которые были начаты еще в 1941 году и отчасти продолжены в 1942-м, однако остались далеко не законченными.

Почти месяц шла острая кровавая битва за Новороссийск. День и ночь бои шли внутри города. Дорогой ценой заплатили немецкие захватчики за овладение Новороссийском. Но они так и не смогли полностью овладеть всем городом — цементный завод «Октябрь» и рабочий район при нем остались в наших руках. Это стало символом нашей борьбы — «Октябрь» преградил путь немецкому империализму-фашизму. Когда уже после войны я как нарком строительных материалов был в Новороссийске, я с большим удовольствием увидел железнодорожный вагон, который был весь изрешечен, пробит пулями и осколками снарядов, но остался на месте у цементного завода «Октябрь». Потом его подня-

ли и поставили на постамент, а на постаменте сделали замечательную историческую надпись: «Здесь 11 сентября 1942 года доблестные воины частей Советской армии и Черноморского флота преградили путь врагу на Кавказ, а через 360 дней во взаимодействии с морским десантом и частями с Малой Земли начали штурм Новороссийска и 16 сентября 1943 года, разгромив фашистские войска, освободили город».

Особо следует сказать о серьезной и большой роли Черноморского флота, Азово-Черноморской флотилии во главе с командующими товарищами Октябрьским, Горшковым, членами Военного Совета товарищами Кулаковым и Прокофьевым.

Мне довелось заниматься непосредственно организацией славного героического десанта на «Малую Землю». Старый кадровик, я лично занимался подбором командиров и политработников десанта и его подразделений, в том числе и такого крепкого, храброго командира десантного корпуса, как Гордеев, и достойного политрука Рыжова.

После срыва плана движения на Туапсе через Новороссийск гитлеровское командование вновь перестроилось на туапсинское направление для удара на Туапсе через Шаумян.

К этому времени Ставка реорганизовала Северо-Кавказский фронт в Черноморскую группу войск, подчинив ее Закавказскому фронту, — это было, безусловно, правильно, так как всем ходом военных событий фронты слились. Необходимо было сосредоточить командование в едином центре, да и материальное обеспечение войск, расположенных на побережье, требовало серьезной подмоги. Занимаясь и вопросами снабжения фронта, я видел, что фронт остро ощущает нехватку продовольственного снабжения войск и фуражного — для лошадей, главным образом из-за отсутствия железнодорожной линии.

Закавказский фронт имел в тот период больше резервов для оказания помощи Черноморской группе войск в первую очередь на Туапсинском направлении.

На этом новом этапе организация защиты Туапсе, этого важнейшего участка Черноморского побережья, приняла еще более острый и фундаментальный характер. Это был трудный и острый поединок сил. Несмотря на количественное превосходство сил врага почти в два раза (при этом у Черноморской группы войск танков вовсе не было, тогда как у врага были танки, самолетов у нас было в 5 раз меньше), врагу не удалось захватить Туапсе. Все защитники города знали, что захват Туапсе врагом привел бы к окружению и уничтожению двух наших армий — 47-й и 56-й,

а это означало захват путей, прямо ведущих в Закавказье. Политработники нашего фронта, в том числе начальник политотдела тов. Емельянов, его заместитель тов. Брежнев, сделали все для того, чтобы каждый боец это сознавал и дрался как лев за подступы к Туапсе. Вновь назначенный вместо товарища Черевиченко командующим Черноморской группой войск талантливый генерал Иван Ефимович Петров и Военный Совет, членами которого были Корец и Каганович, установили тесную связь с войсками 18-й армии, непосредственно защищавшей Туапсе, и с 56-й армией, дислоцированной в центре Черноморской группы войск. Вместе с тов. Петровым и отдельно я посещал дивизии и полки этих армий, помогая командованию этих армий.

Еще в конце августа был создан Туапсинский оборонительный район, командующим которым был назначен командир Военно-Туапсинской базы боевой контр-адмирал тов. Жуков, с которым Военный Совет и лично я были повседневно неразрывно связаны.

В сентябре командованием вместе с партийным руководством Туапсе была развернута большая работа по строительству Туапсинского оборонительного района. Это была большая работа, в которой первостепенную роль играли инженерные войска. Несмотря на их недовооруженность, количественную недостаточность и проистекавшую отсюда слабость, я могу засвидетельствовать как непосредственно связанный с ними член Военного Совета, что они работали самоотверженно, беззаветно, а многие из них героически. Нам часто приходилось проверять ход работ на месте, в том числе в горах, и принимать соответствующие меры. Хотя, как они говаривали, им попадало за невыполнение графика работ, особенно после правильной критики Ставки Верховного Главнокомандующего, но они знали, что мы им по-деловому помогаем и, когда нужно, защитим от необоснованных обвинений. Немало позиций оставались незаконченными, но была проделана большая работа по строительству оборонительных сооружений. Местное население, в том числе и женщины, было также привлечено к этим строительным работам. Коммунисты и передовые рабочие Туапсе перешли на военное положение, организовались при нашей помощи в вооруженные отряды, перешли на казарменное положение и проходили под командованием выделенных Военным Советом командиров военное обучение; из них мы также давали пополнение нашей армии. Бои за Туапсе шли на его подступах — в районе действий 18-й армии, в которую выезжало командование группы, Петров и член Военного Совета Каганович, для принятия мер на месте, так как создалось угрожающее положение. Коман-

дование 18-й армии (Камков), находясь в 10 км от Туапсе, имело крайне слабую связь с армией и даже не знало, что враг захватил Шаумян, создав таким образом прямую угрозу Туапсе. Из командного пункта 18-й армии я выехал в 83-ю дивизию, прибывшую из Средней Азии и состоящую из узбеков, киргизов и туркменов, которой командовал выдающийся специалист тов. Лучинский. Дивизия была перемещена на станцию Индюк для остановки продвижения противника. Там, на собрании актива дивизии, я беседовал отдельно с узбеками, провел оперативное совещание с командным составом дивизии. Мне как депутату Верховного Совета от Узбекской республики было очень приятно и радостно видеть боевое настроение и готовность к бою за Родину солдат-узбеков, туркменов, казахов и таджиков, а также высокий уровень командного и политического состава дивизии. Я все это особенно ощутил во время митинга, когда вражеская авиация пролетала над нами и ни один солдат, тем более командир, не шелохнулся, не сдвинулся с места, продолжая слушать мой доклад и аплодировать в тех местах, где я говорил о неизбежной грядущей победе над гитлеровским фашизмом под руководством нашей Ленинской партии и Великого полководца товарища Сталина.

Я также посетил 353-ю дивизию, которой командовал тов. Колчук, которого я еще знал по его службе в железнодорожных войсках на Дальнем Востоке. Вместе с ним я взобрался верхом на коне на гору Индюк, собственно, на ту половину, которая была в наших руках и обстреливалась со второй половины горы, которая была в руках врага. На месте были приняты все возможные меры помощи и укрепления наших позиций, чтобы не дать врагу захватить всю гору Индюк.

Забегая вперед, скажу, что эта гора и железнодорожная станция Индюк стали для меня особенно памятными на всю жизнь, потому что в конце октября при выезде на переднюю линию фронта вместе с командующим Закавказским фронтом тов. Тюленевым, членом Военного Совета Исаковым и командующим авиацией Вершининым нас вместе с вновь пришедшей на фронт армянской дивизией, в которую мы и выехали, бомбила вражеская авиация, в результате чего там же были ранены члены Военного Совета Закавказского фронта Исаков и Каганович.

Рассмотрев положение в 18-й армии на месте, мы приняли ряд мер по ее укреплению и назначили нового командующего армией А.А. Гречко.

Это был самый критический период битвы за Туапсе. В отчаянных победных боях части 18-й армии под непосредственным

руководством командования и Военного Совета Черноморской группы войск, Закавказского фронта и общим руководством Ставки Верховного Главнокомандования успешно завершили эти бои разгромом наиболее сильной Семашхской группировки вражеских войск, а ее остатки сбежали за реку Пшиш, и от их наступления на Туапсе остался, как шутили бойцы, один «пшиш». Были еще острые боевые схватки с врагом, но угроза захвата врагом Туапсе была уже тогда на исходе. Город Туапсе буквально ежечасно подвергался дикой, беспощадной бомбежке. От светлого черноморского курортного города остались груды развалин, но за ними твердо стояли на своем посту и сражались героические защитники Советского города, не давшие врагу пройти к Черному морю. Город Туапсе устоял, он по праву является городом-героем.

Годовщину Великой Октябрьской Социалистической революции мы праздновали в защищенном от немецких захватчиков Советском Туапсе. Немало докладов мне пришлось сделать, но никогда я не испытывал такого волнения, какое испытал при выступлении с докладом на этом торжественном собрании Туапсинского Совета, горкома, Краснодарского обкома, Военных Советов фронта и флота, рабочих и колхозников, вызванных нами красноармейцев, краснофлотцев, партизан и командиров. В моем докладе и в выступлениях по нему была высказана полная уверенность в нашей победе над фашистскими захватчиками. Рабочие, красноармейцы, краснофлотцы и партизаны клялись биться до полной победы над врагом, изгнать его с родной земли и добить его в его зверином логове. «Смерть немецко-фашистским захватчикам!» — этот лозунг захватил все души и сердца советских патриотов и стал великой мобилизующей силой в предстоящих наступательных битвах с врагом.

Еще больше бодрости и уверенности вселил в наши души и сознание доклад Сталина о XXV годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции на торжественном заседании в Москве. Мы все понимали, что предстоит еще трудная борьба за победу, особенно в условиях, когда союзники не торопятся с открытием обещанного, но не реализуемого ими второго фронта. Но мы все уверенно ощущали нашу собственную выросшую мощь и силу, и, хотя неизбежны были еще новые попытки наступления врага на отдельных фронтах, все мы, от бойца до Военного Совета, ясно сознавали, что завершается успешно оборонительный период войны и начинается общий наступательный период по всем фронтам, в том числе и на Кавказском фронте, который принесет нам окончательную и полную победу над обнаглевшим, ковар-

ным, звериным, людоедским врагом нашей Родины и всего человечества. Можно без преувеличения сказать, что в конце 1942 года наша страна, ее славная армия еще более окрепли для решительной схватки, и мы все, партийные работники тыла и фронта, делали все необходимое для достижения Победы.

В ноябре Ставка Верховного Главнокомандования вызвала в Москву командующих Закавказским фронтом тов. Тюленева, Черноморской группой войск тов. Петрова и члена Военного Совета тов. Кагановича. На заседании, на котором присутствовали члены Политбюро и ГКО, были заслушаны наши сообщения и даны указания о предстоящих наступательных операциях. В связи с переходом Черноморской группы войск в подчинение Закавказскому фронту товарищ Сталин внес предложение утвердить товарища Кагановича членом Военного Совета Закавказского фронта, что и было принято. Кроме официального заседания я имел отдельную беседу с тов. Сталиным, в которой я осветил вопросы партийно-политические и ответил на интересовавшие его вопросы; я был тронут проявленным Сталиным интересом к состоянию моего здоровья в связи с ранением; товарищи члены Политбюро и ГКО подшучивали во время обеда, что, мол, Каганович стал заправским военным, а по части требований о помощи фронту применяет свою «НКПСовскую хватку». Сталин, улыбаясь, сказал: «Конечно, к жалобам и слезам военных, как и тыловиков, необходимо критически относиться, но это очень хорошо, что тов. Каганович глубоко влезает в военные дела и нужды фронта». И уже обращаясь ко мне: «Видно, что Вас увлекает фронтовая обстановка и работа, но имейте в виду, что мы вас надолго там оставлять не можем и не будем — вы нам здесь нужны». Признаюсь, что хотя я действительно был захвачен фронтовой работой, но слова тов. Сталина, что я нужен здесь, я воспринял с понятным волнением. Когда подымали тост за мое здоровье, товарищ Сталин спросил меня: не отразилось ли на моем здоровье ранение? Я ответил, что вполне здоров и способен к любой нагрузке.

В Москве мы пробыли два дня, из которых я провел с моей любимой семьей всего несколько часов, и в неблагоприятную погоду вылетели через Эмбу и казахские степи в Тбилиси. Уехал я из Москвы в бодром хорошем настроении, не предполагая, что через три месяца я возобновлю свою «НКПСовскую хватку» в Народном комиссариате путей сообщения.

По приезде из Москвы Военный Совет фронта: И.В. Тюленев — командующий фронтом, члены Военного Совета П.И. Ефимов, Л.М. Каганович, Чарквиани, Багиров с участием Масленни-

кова, Петрова и других — рассмотрел и принял мероприятия по выполнению заданий Ставки о подготовке наступательной операции против немецких войск по всему фронту — как в Северной, так и в Черноморской группе войск. Переработкой имевшихся планов и мероприятий усиленно занялся штаб фронта, вначале тов. Антонов, а потом тов. Рождественский, заменивший переведенного в Москву в Генеральный штаб тов. Антонова, и начальники штабов Северной и Черноморской групп войск. Эти планы после первой их разработки дорабатывались, особенно на основе критических указаний Ставки Верховного Главнокомандующего.

Не ставя перед собой задачу изложения здесь планов и изменений этих планов, я отмечу, что они вырабатывались старательно и глубоко всеми нами и высококвалифицированными специалистами. Не всегда мы могли видеть, что видно с высокой вышки Генерального штаба и Ставки Верховного Главнокомандования, но работали мы не схематически, а опираясь на факты местной обстановки на участках фронта. А фронт этот был очень велик и сложен, начиная с Кавказского хребта, большого Черноморского побережья и кончая Кубанскими, Ставропольскими и даже Донскими степями. Фронт объединял много армий и в определенной степени оперативные действия Черноморского флота и его Азовской флотилии, которые играли важную роль в битвах за Кавказ. Особо важную роль играли, конечно, авиация, артиллерия, инженерные войска и все службы тыла, которые обеспечивали фронт в условиях отсутствия железнодорожной связи.

Нечего уж и говорить о первейшей и важнейшей работе политических органов фронта и армии, которые вместе с местными партийными организациями обеспечивали политическую подготовку наступления.

Поскольку я был мало знаком с положением в Северной группе войск фронта, я вскоре после приезда из Москвы в Тбилиси просил Военный Совет разрешить мне выехать в войска Северной группы. Вместе со мной поехал начальник штаба тов. Антонов. В Северной группе мы прежде всего заслушали на Военном Совете группы с участием командующего группой Масленникова и члена Совета Суслова доклад начальника штаба Забалуева о ходе разработки плана наступления и о мерах по его обеспечению. Видно было, что план задерживается разработкой и мероприятия по его обеспечению недостаточно разработаны. Подготовка идет крайне слабо, особенно по управлению тыла.

Были мы в 9-й армии (командующий Коротеев). Наши впечатления и выводы мы, конечно, прежде всего доложили в самом

Военном Совете Северной группы фронта, но главные выводы Военному Совету Закавказского фронта по приезде в Тбилиси. Основной наш вывод заключался в том, что командующий войсками группы Масленников слабо связан с войсками, что в его командовании много элементов формализма и схематизма, потому что слабо знает факты жизни. Политическая работа была поставлена удовлетворительно, но мы исходили из того, что перед наступлением требуется усиление политпартработы, особенно в национальных частях, например в Азербайджанской дивизии, которую мы посетили. Соответствующие указания были даны Военным Советом Закавказского фронта. Таким образом, поездка в Северную группу оказалась не только познавательной, но и в известной мере поучительной, а главное, конкретно-деловой в смысле исправления недостатков, имевшихся в Северной группе войск фронта. В военных делах мне, конечно, помог разобраться тов. Антонов, думаю, что в оценке общей обстановки и я ему помог.

Естественно, что по работе в самом Военном Совете мне пришлось кроме участия в вопросах общего руководства сосредоточиться прежде всего на политическо-партийной работе и на вопросах кадров. Хотя должен сказать, что член Военного Совета тов. Ефимов, как старый военный политработник, умело и энергично работал, но думаю, что в меру сил я обогащал политработу своим старым опытом партийной работы.

Мне приходилось заниматься еще на Северо-Кавказском фронте и в Черноморской группе войск делом организации партизанского движения, оказанием им помощи и установлением их связи с войсками.

Я занимался также работой инженерных войск, играющих большую роль, особенно в период наступления. Они нуждались в помощи, и я старался им помочь и критикой, и реальной материальной помощью. Особенно, конечно, мне приходилось заниматься транспортными перевозками. Поскольку железнодорожной связи с Центром не было, кроме Закавказской дороги, которая работала хорошо, главная наша транспортная связь осуществлялась через Каспий из Красноводска, куда грузы для Закавказья прибывали по Среднеазиатским железнодорожным линиям, — это был единственный путь. В октябре — ноябре там получился затор. Поскольку нажимы путем переписки не давали результатов, я предложил Военному Совету командировать меня в Красноводск. Прилетев в Красноводск, я использовал свой транспортный опыт. Вместе с моряками и местными организациями Турк-

мении и Красноводска были приняты соответствующие меры — грузы нашему фронту пошли в Баку. А там уже наша Закавказская дорога (начальник товарищ Кикнадзе) доставила их к месту. Большую роль в этом играл автомобильный транспорт, которым мне также приходилось заниматься. Приходилось заниматься и выполнением военных заказов предприятиями Грузии, Армении и Азербайджана. Должен сказать, что огромную работу и исключительную помощь оказывали фронту Грузинская, Армянская и Азербайджанская республики и свободные от врагов районы и республики Северного Кавказа, в том числе Дагестанская.

В декабре и в январе командующий фронтом товарищ Тюленев и я как член Военного Совета выезжали в Северную группу войск и в Черноморскую группу войск для проверки подготовки и хода наступления, оказания помощи. В Северную группу мы приехали как раз в момент начала наступления по всему фронту. Сначала все шло хорошо, но потом связь штаба группы и армий с войсками была нарушена, а с некоторыми частями потеряна связь, преследование противника замедлилось, а в некоторых местах приостановилось. Командующие фронтом и группой получили резкую телеграмму Сталина, в которой он упрекал, что они оторвались от войск и что при таком положении подвижные части могут попасть в окружение у немцев. Ставка обязала восстановить связь и сообщить об этом в Ставку. Нами вместе с Военными Советами Северной и Черноморской групп войск был разработан новый план действий.

Командующий фронтом Тюленев, член Военного Совета Каганович выехали и в Черноморскую группу войск. На месте был уточнен и конкретизирован план наступления, в том числе и любимое детище Петрова «Плановая таблица боя» (мне лично она очень понравилась, она, по-моему, была поучительна даже для хозяйственников: в ней предусматривалось не только число боевых операций, но все обеспечение боекомплектами, горючим и т.д.), но, к сожалению, не все можно было предусмотреть, например состояние дорог, которое меняется в зависимости от погоды, и, когда мы потом поехали с Петровым в предгорье, через которое протаскивали нашу артиллерию по раскисшим горным дорогам, я полушутя ему сказал: «Вот в плановой таблице боя мы не предусмотрели эти трудности — придется нам тут поработать и помочь вытащить артиллерию». «Да, придется, — согласился Петров, — а то и наступление может застопориться». После этой операции мы разъехались — Тюленев выехал в 46-ю армию, где тогда командовал Леселидзе, а я выехал в 56-ю армию, которой командовал Гречко, гото-

вя ее к наступлению на Краснодар. Я знал 56-ю армию, бывал в ней, когда она располагалась в районе Фанагорийской, а ее командующим был Рыжов. 56-я армия была не на плохом счету, и командный состав дивизий был подобран хорошо. Помню, когда я приехал в 395-ю дивизию, я с удовлетворением познакомился с командиром дивизии узбеком Рахимовым Умар-оглы. Это был вполне подготовленный и весьма способный военачальник, боевой, храбрый командир, я с ним быстро подружился, и он со мной, величая меня «депутатом от Узбекистана». В ходе войны он вырос в крупного военачальника, получил звание генерала. После 395-й дивизии я выехал верхом на коне в 20-ю гвардейскую стрелковую дивизию вместе с вновь назначенным командиром дивизии Аршинцевым. Эта гвардейская дивизия произвела не менее благоприятное впечатление, чем 395-я, можно сказать, даже лучшее. После посещения батальонов и проведенной в лесу очень интересной беседы с группой разведчиков мы собрали совещание командиров и политработников дивизии, на котором поговорили о состоянии подготовки и задачах предстоящего наступления.

56-я армия была передислоцирована на главное направление наступления — на Краснодар. Приехав в расположение штаба армии, я узнал, что командующий армией Гречко находится на особом командном пункте в 20 км от штаба, непосредственно на линии фронта за станцией Ставропольской. После доклада начальника штаба Харитова об обстановке в расположении армии я попросил, чтобы кто-либо сопроводил меня к Гречко. Они стали доказывать, что туда теперь машиной не добраться, что дорога идет вдоль линии фронта, что она обстреливается и они не могут рисковать членом Политбюро ЦК и поэтому не могут меня туда проводить. Я не отступил и начал «крепче» требовать проводника и верхового коня. В конце концов член Военного Совета тов. Кальченко, оказавшийся старым моим украинским земляком, заявил, что он знает, что со мной ничего не поделаешь, и он сам со мной поедет и возьмет проводника. Добрались мы верхом туда уже в темноте. Правда, дорога действительно проходила вдоль линии фронта и обстреливалась, но мы ее благополучно проехали. Гречко нас очень удивленно встретил вопросом, каким образом вы добрались, как узнали дорогу? Гречко доложил нам обстановку, его планы и мероприятия, сказал нам о совещании командиров дивизий и стрелкового корпуса, которое он назначил на завтра с раннего утра. Вместе с ним я и Кальченко участвовали в этом оперативном совещании, проходившем на опушке леса. Совещание было коротким, но очень содержательным; были и споры, как, кому и когда

продвигаться. Особенно, помню, остро говорил командир корпуса — главной ударной силы наступления. Гречко, резюмируя все сказанное, увязал концы с концами, четко определил каждому свое место и свои задачи. Он учел мои замечания, сказанные в предварительной моей беседе с ним, в частности, что зря не пригласили на это совещание хотя бы главных политработников, потому что задачи перед ними большие и в ходе наступления, и при защите самого Краснодара. Поэтому я уже было решил не выступать, но товарищи попросили, чтобы я выступил. Подчеркнув важность указаний и приказаний командарма товарища Гречко, я в своей короткой речи подчеркнул, что задача, которая ставится перед ними Верховным Главнокомандующим товарищем Сталиным, Военным Советом и командующим войсками Закавказского фронта и соответственно командармом тов. Гречко, непроста, что дело идет не только об отвоевывании у врага Краснодара — столицы Кубани, но и о движении вперед — на Тихорецкую и дальше на Батайск и Ростов. Я говорил о задачах политотделов и просил передать сказанное политотдельщикам. Я говорил, в частности, о подготовке тылов армии, о снабжении и автомобильном транспорте. В заключение я передал им привет от Военного Совета Закавказского фронта и пожелал им успеха и победы.

Вернувшись в штаб Черноморской группы войск, который был расположен у Геленджика, я прежде всего ознакомился с положением дел у Новороссийска и ходом борьбы за отвоевывание Новороссийска. Обсудив положение и задачи, мы решили: товарищам Тюленеву, Петрову и Кагановичу выехать в 18-ю армию — главную силу наступления на Новороссийск. Ею командовал уже тов. Леселидзе. К этому времени 18-я армия была укреплена, в ее состав влились свежие боевые силы и немало новых командиров. Армию особенно подкрепили славные моряки Черноморского флота, организованные нами в десанты, высаженные на Мыс Хако 4 февраля 1943 года. Это и стало той героической силой, которая получила историческое наименование «Малая Земля».

В организации десантов большая заслуга принадлежит Черноморскому Военно-Морскому флоту (командующий Октябрьский и член Военного Совета Кулаков) и Азово-Черноморской военной флотилии (командующий Горшков и член военного Совета Прокофьев). Именно моряки были первыми десантниками, отправленными на «Малую Землю». В их организации я принимал непосредственное участие. Провожая их на пристани с напутственной речью, я видел их боевое настроение, их революционно-патриотическую готовность к героической схватке с врагом.

К сожалению, из-за выезда в Москву по вызову ЦК моя связь с ними оборвалась, но и в Москве я получал от них дорогие для меня весточки. Вот, например, письмо с «Малой Земли» командира корпуса тов. Гордеева и его заместителя по политчасти тов. Рыжова: «Здравствуйте, дорогой Лазарь Моисеевич! Пользуясь присутствием у нас тов. Митина, от имени бойцов и командиров 20-го десантного стрелкового корпуса шлем вам пламенный привет от героических защитников «Малой очищенной земли». Высадившись на Мыс Хако 4/2 43 года..., бойцы и командиры 255-й и 83-й бригад морской пехоты уничтожили десятки тысяч фашистской нечисти и уничтожат еще больше. Ваши надежды и доверие, которое вы нам оказали, оправдываем с честью. Моряки 255-й и 83-й бригад гордятся тем, что эти бригады созданы по вашему желанию, и, помня это, дерутся с врагом очень стойко. Желаем Вам здоровья и успехов в вашей большой работе».

Командование 18-й армии уделяло десантным войскам «Малой Земли» большое внимание и заботу. На «Малую Землю» чаще других приезжал начальник политотдела 18-й армии тов. Брежнев Л.И. Естественно, что я поддерживал связь с тов. Брежневым, с которым познакомился на фронте в бытность его заместителем начальника политотдела фронта, и мне с ним часто приходилось соприкасаться в работе и беседовать. Уже будучи в Москве, я получил от тов. Брежнева письмо. Брежнев мне писал с «Малой Земли»:

20/VII 43 г.

«Вам, дорогой Лазарь Моисеевич, мой горячий фронтовой привет!

Вчера к нам в армию прибыла группа лекторов ЦК ВКП(б) во главе с тов. Митиным. Это большая помощь. Мы с тов. Митиным сегодня ночью прибыли на «Малую Землю». Это та земля, которая бригадами, организованными Вами, в феврале отвоевана у врага. Сегодня тов. Митин сделал доклад для руководящего состава войск десантной группы. После доклада долго беседовали о боевых делах и, конечно, тепло вспоминали Вас и Ваше участие в подготовке десанта. Сейчас о «Малой Земле» поется много песен, сложено немало рассказов и написано много стихов. Товарищи пишут Вам письма, я присоединяю свои чувства к их словам и сам пользуюсь случаем поездки тов. Митина. Пишу эти строки на «Малой Земле». Работаю начальником политотдела 18-й армии. Работой доволен, это стихия. Не забыл всех Ваших указаний и школы совместной работы. Здоровье хорошее. Товарищи Гордеев, Потапов, Видов, Бушев, Косоногов, Рыжов, все на «Малой», все передают Вам свой горячий привет. Командует тов. Леселид-

зе, тов. Колонин чл. ВС, Павловский нач-к штаба. Подробно с нашими делами познакомился тов. Митин, наша просьба к нему передать Вам все, что он видел и что ему передавали для Вас.

С приветом уважающий Вас Л. Брежнев».

Возвращаясь к 18-й армии, в которую мы — Тюленев, Петров, Каганович — приехали, могу сказать, что мы застали организованную работу по устранению имевшихся в армии непорядков и подготовке к наступлению. Были в планах и в работе недоделки, недостатки, промахи, но они при нашей помощи исправлялись. Надо сказать, что командарм товарищ Леселидзе, с виду скромный, немногословный и выглядевший внешне не Геркулесом, на деле, в частности при обсуждении военно-оперативных дел, проявлял себя принципиально стойким, отстаивающим свое мнение, свои предложения, и, главное, он обладал высококвалифицированным знанием военного дела и был твердым дальновидным командиром. Это был несомненно выдающийся, талантливый командарм. Военный Совет Закавказского фронта и его командующий Иван Владимирович Тюленев всемерно помогали 18-й и 56-й армиям, на которые возлагались важные боевые задачи. Работая в Военном Совете вместе с Тюленевым и другими товарищами, я был всецело поглощен борьбой на фронте за достижения Великой цели — полного и окончательного разгрома злейшего врага нашей Родины и всего человечества — гитлеровского фашизма. Фронт даже отвлек меня от полюбившегося мне железнодорожного транспорта. Однако, видимо, наступил момент, когда ЦК и ГКО решили вновь вернуть меня в лоно железнодорожного транспорта. Я не имел возможности довести до конца мое участие в операциях по освобождению Краснодара и Новороссийска. Телеграммой Сталина я был вызван в Москву для продолжения моей работы народным комиссаром путей сообщения. Но и в Москве я еще долго жил интересами Закавказского фронта и ходом его военных операций. Фронтовая обстановка крепко и ускоренно сближает людей — я проникся глубоким уважением и теплыми дружескими чувствами к товарищам, с которыми вместе ковали победу над врагом Отечества нашего. Трудно даже перечислить, скольких друзей и товарищей приобрел я на фронте. Я сдружился, например, с тов. Тюленевым — командующим фронтом, этим славным ветераном Красной Армии еще с гражданской войны. Хотя у нас иногда бывали споры по деловым вопросам, но это не помешало нашей дружбе и привязанности. Когда я уезжал, он лично написал мне приветствие «как непосредственному руководителю войсками Закавказского фронта, в па-

мять ожесточенных боев и нанесения поражения немецким полчищам на Кавказе в 1942 — 1943 годах».

Для меня было особенно ценно то, что я ближе узнал народы, трудящихся и партийцев Кавказа и Закавказья и их преданных партии Ленина руководящих деятелей. Как член Военного Совета фронта, я увидел, ощутил, какую большую боевую лепту в победу над врагом вместе со славными войсками Закавказского и Северо-Кавказского фронтов и Черноморского флота внесли народы Грузинской, Азербайджанской, Армянской республик, Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области, Дагестанской и других республик и областей Кавказа.

И сегодня, на склоне лет моих, я от всей души могу сказать, что я счастлив тем, что мне довелось участвовать в битве за Кавказ!

Слава народам Северного Кавказа и Закавказья — Грузинской, Армянской, Азербайджанской республик и их коммунистическим, большевистским организациям!

Слава нашей героической Советской армии, отстоявшей нашу Родину, в том числе и Северный Кавказ и Закавказье, и разгромившей злейшего, коварного врага — гитлеровский фашизм!

Вечная слава и вечная память героям, павшим в боях и кровью своей обеспечившим победу всего нашего Социалистического Отечества!

Глава 17
ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

НАЧАЛО ВОССТАНОВЛЕНИЯ

После величайшего в истории ратного подвига в Отечественной войне Советский народ под руководством своей Ленинской партии и ее ЦК совершил величайший в истории трудовой подвиг восстановления невероятно разрушенного народного хозяйства, городов и сел нашей Родины.

Это было не просто восстановление прежнего, но одновременно и строительство нового. Это стало возможным только на основе сохранения и укрепления революционно-социалистической независимости нашего Отечества и закрепления во внешних отношениях плодов победы, достигнутой в тяжкой кровавой борьбе.

До войны наша страна была единственной в мире, свергнувшей в октябре 1917 года власть империалистов и развернувшей строительство социализма в капиталистическом окружении. Все империалисты мира стремились уничтожить Советское государство, завоевать Россию и превратить ее народы в рабов мирового капитала.

Наиболее оголтелая разбойничья немецко-фашистская часть мирового империализма начала войну за мировое господство и, завоевав европейские капиталистические страны, ринулась войной на Советский Союз. Учитывая опыт «Мюнхена», Гитлер рассчитывал на то, что английские империалисты, а за ними и американские в конце концов присоединятся к его походу на Советский Союз. Но исторически сложилось так, что английские и американские империалисты не признали Гитлера своим вожаком, не захотели завоевания фашистами мирового господства и выступили против него. А когда Советское государство после первых внезапных тяжелых ударов устояло и «блицкриг» Гитлера явно не удал-

ся, англичане и американцы заключили соглашение с Советским Союзом для достижения победы над зарвавшимся своим же империалистическим «собратом» — немецким империализмом, охваченным бредовой идеей достижения своего мирового господства. Объективно, независимо от субъективных конечных целей англо-американских властителей, эта военная коалиция с Советским Союзом и участие английского и американского народов в войне с фашистами были Великим благородным историческим актом, который Советский народ и его руководители высоко ценят и никогда не забудут. Было бы, однако, маниловщиной не видеть, игнорировать имевшие и имеющие место поучительные факты: непосредственно перед войной английские и французские политики сорвали переговоры о мерах против активизации немецких фашистов, факты во время войны, выразившиеся прежде всего в неоднократных срывах англо-американцами договоренности с Советским Союзом об открытии второго фронта, и особенно факты послевоенной враждебной политики англо-американцев против Советского Союза. В основе всего этого лежали старые расчеты мировых империалистов на то, что они, уничтожив Советский Союз и все жизнеспособные силы Советского Союза, превратят народы СССР в своих рабов, в полную свою колонию, в свое «жизненное пространство» и этим окончательно обеспечат себе мировое господство. Довоенные расчеты англо-франко-американских империалистических правителей сводились к тому, что им удастся направить немцев на Советский Союз для того, чтобы их руками уничтожить его и одновременно расшатать истощенную войной силу своего конкурента — Германии.

В период войны, будучи нашими союзниками, наиболее реакционные империалисты рассчитывали на то, что без второго фронта и немцы, и Советский Союз выйдут из войны обескровленными, на костылях, разрушенными и настолько ослабленными, что долго не сумеют играть самостоятельной роли в мире, и тогда величие Великобританской империи вновь засияет, а рядом или над ней, как мечтали американские империалисты, будет восседать со своим долларовым мешком и электрическим стулом американский «дядя Сэм».

Современная история зло подшутила над всеми этими расчетами старых и новых империалистических политиканов — провалились эти их расчеты потому, что история создала после Первой мировой войны в октябре 1917 года такую могучую объективную и субъективную историческую силу, как Государство Советов, социалистическое хозяйство, социалистическую культуру и такие

многомиллионные революционные кадры рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции и славную непобедимую Советскую армию, которые под руководством своей гениальной Ленинской партии коммунистов совершили историческое чудо — и в этой небывалой войне победил Социализм и Советский строй!

Наш Великий Советский Союз вышел из Отечественной войны могучей, укрепленной силой не только внутри страны, но и с гигантски выросшим морально-политическим авторитетом и влиянием в Европе, Азии и во всем мире. Наша партия, ее ЦК, Советское правительство и Советские народы могут гордиться тем, что политика партии и правительства, поведение их руководителей во главе со Сталиным и их дипломатических представителей во главе с Молотовым оказались на высоте тех Великих исторических изменений в мире, какие произошли после победы над фашизмом, и высоко держали интернациональную честь, знамя Ленина и созданного им Великого Советского государства.

Это облегчило решение самой трудной задачи внутри страны — восстановления разрушенного хозяйства.

Ведь американские политики предложили и нам помощь в порядке примененного ими в европейских странах так называемого «Плана Маршалла». При таких колоссальных разрушениях, которые имела наша страна, получение этой помощи могло быть и соблазнительным, но мы видели, как этот План Маршалла ведет к закабалению европейских стран, а по отношению к нам за этим скрывалась «надежда», расчет империалистов на впрыскивание, на проникновение, на внедрение капиталистических бацилл и элементов в наше социалистическое хозяйство и, уж конечно, как они могли рассчитывать, в культуру, идеологию и политику. Но не тут-то было. Советское правительство отклонило эти предложения. И здесь наша партия, ее Центральный Комитет и наш руководитель — несгибаемый И.В. Сталин — вновь показали свою силу, выдержку и умение по-ленински смотреть вперед.

Своими силами героический российский пролетариат и его союзники под руководством Ленина совершили Октябрьскую революцию, создали Советское государство, победили в Гражданской войне, восстановили хозяйство на основе НЭПа, осуществили Великие пятилетние планы, победили в Великой Отечественной войне злейшего врага нашей Родины. Теперь своими же собственными силами, не надеясь и не принимая «благотворительной» на словах, грабительской на деле помощи от империалистов, мы сами должны восстановить разрушенное хозяйство.

С этим партия пошла к рабочему классу, колхозному крестьянству и интеллигенции, и народ поддержал свою партию.

Еще до окончания войны, по мере освобождения нашей славной армией городов, сел и промышленных центров, Советский народ, Советское государство под руководством партии приступили к восстановлению разрушенного. На основе решения ЦК и Советского правительства от 21 августа 1943 года «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» поднимались из руин железнодорожные магистрали, фабрики, заводы, электростанции, шахты и рудники, совхозы и колхозы, города и села. Уже к концу войны в результате гигантской работы Советов, партии, рабочих и колхозников были не только временно, но и капитально восстановлены тысячи километров железнодорожных линий, более 6 тыс. промышленных предприятий и электростанций. Тыловые области помогли колхозам и совхозам бывшей фронтовой полосы тракторами, скотом, инвентарем; возобновили свою работу 1500 МТС и более тысячи машинно-тракторных мастерских. Уже в эти, еще военные, годы проявилась могучая сила Советского и колхозного строя. Таких разрушений, такой мобилизации всей экономики для войны не знала ни одна из капиталистических стран, и, несмотря на это, наша страна перешла от военного времени к послевоенному, от военной экономики к мирной экономике без кризисов, планомерно и без малейшего ущемления своей независимости, как это было в капиталистических странах, когда меньше всего пострадавшая от войны, а выигравшая Америка диктовала свои условия капиталистическим странам и правительствам Европы. Более того, Советский Союз кооперировался со странами народной демократии, помогая им взаимно.

Демобилизованные первой очереди — 13 старших возрастов — были окружены заботой всего народа, Советами, колхозами, партией; они были устроены на работу; восстановительные работы еще более ускорились. Перевод заводов с производства военной продукции на производство мирной продукции, благодаря нашей плановой экономике, проходил безболезненно, что увеличило выпуск товаров для народного потребления, конечно не сразу, так как переход приводил первое время к некоторому сокращению объемов производства. Возникавшие неизбежно затруднения в процессе перехода разрешались общими усилиями партийных, Советских и хозяйственных и профсоюзных органов.

Уже в августе 1945 года приступили по поручению ЦК и СНК к составлению Четвертого пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства.

Естественно, что в пятилетнем плане особое место заняло восстановление и строительство новых предприятий тяжелой индустрии — черной и цветной металлургии, машиностроения, рудных и угольных шахт. Все члены Политбюро ЦК и заместители Председателя Совета Министров под руководством И.В. Сталина сосредоточили свои усилия прежде всего на восстановительных и строительных работах по соответствующим отраслям, наряду, конечно, с работой по обеспечению выполнения плана производства и перевозок. На меня как на члена Политбюро и заместителя Председателя Совета Министров было возложено наблюдение за Министерством строительства тяжелой индустрии и Министерством промышленности строительных материалов.

Уровень производства стройматериалов в 1945 году вызывал законную тревогу у ЦК и Правительства; достаточно сказать, что в 1945 году процент производства к 1940 году составлял: по цементу — 29,6 %, стекло оконное — 45,1 %, кирпич — 18,6 %, известь — 33,1 % и т.д.

Совершенно ясно, что, если круто не поднять производство строительных материалов, ни о каком серьезном восстановлении и строительстве речи быть не могло. Даже уменьшенные мощности могли бы обеспечить выполнение плана. Мощности, например, по цементу составляли 4 млн т (против 7 с лишним миллионов в 1940 году), а произведено было в 1945 году цемента всего 1550 тыс. т. Постановление ЦК и СНК вскрыло недостатки в работе, приводящие к срыву плана, дало конкретные указания об их исправлении. Совет Министров подчеркнул особую ответственность министерств строительства предприятий тяжелой индустрии, строительства военных и военно-морских предприятий и строительства топливных предприятий, роль которых возрастает как подрядчиков в восстановлении и строительстве предприятий промышленности строительных материалов.

На одном из заседаний Политбюро выступивший по этому вопросу тов. Сталин сказал, что наши решения правильны, но принять решение еще мало, необходимо подкрепить эти правильные постановления организационным решением. Я, сказал Сталин, предлагаю назначить заместителя Председателя Совета Министров, члена Политбюро тов. Кагановича Л.М. министром промышленности строительных материалов СССР. Политбюро единогласно приняло это предложение.

В полном сознании особой важности этого дела в современный период я взялся за это дело со всем большевистским рвением и энергией. Хотя, еще будучи наркомтяжпромом, я был знаком

с этой отраслью, но, чтобы глубже изучить промышленность, а главное — знать положение дел, посоветоваться с местными людьми и принять совместно с местными партийными и Советскими организациями соответствующие меры, я выезжал на заводы. За короткое время я посетил более 35 предприятий, в том числе: новороссийские цементные заводы, донецкие и екатеринославскую группу цементных заводов, стекольные и шиферные заводы, вольские цементные заводы, подмосковные цементные и шиферные заводы и другие. Я видел колоссальные разрушения, особенно в Новороссийске, неудовлетворительный ход восстановительных работ. Совместно с партийными, Советскими и профсоюзными организациями были приняты на месте меры по подъему производства и выполнению плана, по ускорению восстановительных работ. Вместе со мной выехала группа руководящих работников Министерства строительства тяжелой индустрии во главе с заместителем министра тов. Нефедовым, которая занималась восстановлением этих заводов: уточнялись на месте проекты, доукомплектовывались рабочей силой и оборудованием строительные тресты, разрабатывались графики с жесткими сроками восстановительных работ. Не раз приходилось потом возвращаться к этим же вопросам ввиду срывов графиков, но принятые реальные, деловые меры дали реальные результаты.

Как и в других отраслях хозяйства, в соответствии с решением ЦК ВКП(б), принятом в апреле 1946 года, «Об агитационно-пропагандистской работе партийных организаций в связи с принятием закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства на 1946–1950 гг.» в промышленности строительных материалов была развернута широкая массово-политическая работа по разъяснению положения, значения и задач промышленности в 1946 году и в течение всей пятилетки. По цементной, стекольной и другим отраслям совместно с партийными, профсоюзными и комсомольскими организациями было организовано и развернуто массовое социалистическое соревнование и ударный труд. Это большое движение сыграло важнейшую роль в выполнении плана производства 1946 года, казавшегося многим работникам в первой половине года невыполнимым. Передовые люди из рабочих, инженеров, техников и руководящих работников сделали план реальным. После отдельных отраслевых активов коллегия Министерства промышленности строительных материалов с одобрения ЦК партии собрала Всесоюзное совещание работников промышленности строительных материалов СССР, на котором я выступил с докладом. На том широком совещании, или, как теперь

говорят, форуме, присутствовали активисты всех отраслей — цементной, стекольной, кирпичной, кровельной и других, представители всех республик, представлявших республиканскую промышленность. Естественно, что наибольшую активность и творчество проявляли передовики социалистического соревнования, задававшие тон на совещании. Это было очень важно, так как были еще и нытики, не верившие в выполнимость плана, — производственная мощность, мол, все еще не восстановлена, а дают мало для ее восстановления. Но, во-первых, я как раз докладывал на активе, что ЦК и Совнарком постановили увеличить капиталовложения в нашу промышленность; во-вторых, и те мощности, которые имеются, использовались недостаточно; в-третьих, если у этих нытиков и была некоторая доля правды, то имелась более высокая, более сильная правда — это объективные условия социалистической природы нашей промышленности и революционно-большевистская природа нашего рабочего класса, его руководящей силы — коммунистов, которые по-ленински умеют преодолевать всякие трудности и добиваться победы. Именно этот Ленинский дух господствовал на этом и других активах работников промышленности строительных материалов. Хотя в постановлении ЦК и СНК и в моем докладе нытики подверглись критике, но основная масса работников промышленности гордилась тем, что промышленность строительных материалов именно с того момента и до сих пор поставлена в ряд промышленности первой категории наравне с металлургией и другими важнейшими отраслями тяжелой промышленности. Они хорошо понимали, что это возлагает на них большую ответственность и обязанности.

Коллегия Министерства, участники Всесоюзного совещания не ограничились лишь вопросами текущего выполнения плана 1946 года, а, разобрав все острые вопросы и меры, обеспечивающие количественное и качественное выполнение планов, разработали коренные, глубокие вопросы подъема промышленности на высоту задач пятилетнего плана и ее реконструкции. Это были вопросы организации ремонта оборудования, производства запасных частей, создания своей машиностроительной базы, решительного сокращения аварийности, разработки и внедрения правильных и культурных технологических процессов на основе механизации трудоемких работ и правил технической эксплуатации, повышения культуры и квалификации кадров, повышения производительности труда на основе новой техники и повышения дисциплины труда, развития стахановского движения и соцсоревнования, улучшения условий труда и системы заработной платы в направ-

лении ее повышения, восстановления фонда директора за счет отчисления четырех процентов от прибылей предприятия с направлением этого фонда на строительство и ремонт жилого фонда, культурно-бытовые дела, детские учреждения, дома отдыха и т.д.; развития научно-исследовательских и рационализаторских работ.

Рассматривая вопрос о пятилетнем плане, многие, в том числе и я, в своем докладе предлагали принять более высокие темпы роста по сравнению с принятыми по цементу, оконному стеклу, шиферу, кирпичу, черепице, гипсу, по плиткам, стандартным домам и так далее. Решающим условием все считали ускорение восстановления и нового строительства предприятий промышленности строительных материалов. «Мы должны, — говорил я в своем докладе, — восстанавливать быстро. Эти темпы диктуются нам необходимостью укрепления мощи нашего государства, необходимостью дать народу то, что он заслужил. Надо поднимать культурную, зажиточную жизнь народа, а без дома, без квартиры, без школы, клуба, без фабрики, которая дает ширпотреб, нельзя поднять культурную и зажиточную жизнь. Значит, надо строить больше и быстрее, а так как разрушения войны очень велики, то на строительство в этой пятилетке выпадают совершенно исключительные задачи.

Ни в одной пятилетке, — говорил я, — не было такого размаха строительства, как в нынешней. Я этими вопросами много занимаюсь по линии Совета Министров, и я это чувствую и вижу каждодневно. Нужно сказать, что мы очень отстаем в технике строительства, а это во многом зависит от стройматериалов, от внедрения новых видов стройматериалов. Надо, например, развить массовое производство бетонных блоков и местных естественных каменных, обработанных блоков, туфа и других, керамических плит, волокнистых плит, кирпичных пустотелых блоков, облицовочного кирпича и так далее. Производство стройматериалов должно опережать строительство. Строитель не должен ждать стройматериалы. Это преступление, когда механизмы стоят, рабочие стоят и ждут неподвезенного вовремя цемента, кирпича, стекла, радиаторов, котлов и т.д. Мы, работники стройматериалов, должны поставить перед собой задачу: дать строителям столько стройматериалов, чтобы они опережали строительство. Это будет фактором ускорения строительства. Но для этого строители должны в первую очередь поддержать, подкрепить тот сучок, на котором они сами сидят, то есть восстановить быстрее наши заводы, особенно цементные заводы. Мы должны не только восстановить старые заводы, но и построить и реконструировать свыше 350 наших

предприятий. По одной цементной промышленности мы должны построить 35 новых цементных заводов. Мы должны в этой пятилетке вложить до 11 миллиардов рублей в нашу промышленность». Я рассказал об обещании товарища Сталина, что, если будем хорошо осваивать капвложения, ЦК и Правительство не пожалеют средств и будут прибавлять. Нечего и говорить, что это было воспринято с большим подъемом. Но нам необходимо, подчеркнул я, улучшать эксплуатацию действующих заводов, брать от мощностей максимум возможного и в то же время реконструировать, наращивать мощности и строить новые заводы — такова наша Генеральная задача.

Именно в связи с большими и сложными задачами остро ставился вопрос об улучшении руководства промышленностью и о кадрах. «Надо сказать прямо, — говорил я в докладе, — что крупнейшим недостатком в работе является то, что живое оперативное руководство производством подменяется бумажной писаниной. Многие главки и тресты заваливают заводы бумагами. Руководить хозяйством — значит вникать в жизнь, в производство. Приведу такой пример: для пуска одной обжиговой печи в Новороссийске на заводе «Пролетарий» не хватало электроаппаратуры. Бумаг писали много, а на деле — осечка. Когда вздрючили кого надо, тогда и появилась аппаратура.

Нужно сверху донизу внедрять социалистические методы руководства, поменьше бумажек, побольше живого дела. Важнейшим в руководстве является проверка исполнения. Текущая работа, конечно, так нас захлестывает, что сбивает с проверки исполнения каждого из нас, а любой из нас должен проверять себя, должен ежедневно спрашивать себя: А как ты выполняешь указания партии о проверке исполнения? «Любовь» к писанине новых директив, приказов страшно развита. Самое легкое дело написать новый приказ, а вот чтобы проверить его выполнение, «на это мы не горазды». Вот возьмите вы, например, вопрос о подготовке к зиме. Казалось бы, приказ написан — проверяй и обеспечь его исполнение. Нет, готовы писать новый приказ, а старый не исполняется. Это беда, смертельное дело для нас.

Надо больше вникать в технику и экономику, надо добиваться того, чтобы ты сам и все работники были технически и экономически грамотны, чтобы они добросовестно изучали технику и экономику производства и по книгам, и в жизни, не ссылаясь на то, что некогда, — для учебы надо уметь находить время.

Надо в руководстве доверять людям, давать им возможность проявлять инициативу. Доверяй и проверяй — таково наше пра-

вило в работе. Если нужно, подтяни человека, укажи ему, но давай ему возможность проявлять инициативу, тогда и тебе и ему хватит времени.

Не прибирай все к своим рукам — это относится ко всем нам, в том числе и ко мне как наркому. Все мы, имеющие ту или иную власть, страдаем этим — все концентрировать вокруг себя. Это неправильно. Это, конечно, не значит отдавать дело на откуп, а означает — доверяй, проверяй и помогай, не отказываясь от руководства и взыскивания, когда нужно. При этом главное в воспитании государственного отношения людей к делу — не допускать семейственности, а ставить интересы государства выше личных отношений. Партия всегда ставила и ставит вопрос так: отказ от критики и самокритики ради спокойствия, ради дружбы, ради хороших отношений Ивана Ивановича и Ивана Федоровича есть гибель великого нашего дела. Такие товарищи есть и у нас в промышленности строительных материалов. Наше дело сейчас такое тяжелое, перед нами такие сложные и ответственные задачи, что мы, как большевики, должны быть непримиримы к недостаткам, к безобразиям и, если нужно, друг друга покритиковать и проучить — ничего страшного в этом нет. Люди могут сказать: резко, грубо — неважно, это ничего, лишь бы дело исправили. Лучше, конечно, без грубости, но и в оркестре есть барабан. Когда нужно, в него ударяют, так что его и глухой услышит. Я, конечно, не приглашаю к грубости, грубости не нужно, но отчитать по-настоящему — дело хорошее и полезное для дела и для человека, у кого совесть есть. Если у кого совесть и честь есть, если ему публично скажешь, он будет рваться в бой, чтобы исправить дело и доказать, что он хороший работник.

Если у нас, у руководства, будет преобладать желание руководить конкретно, будет связь с заводами, доведение дела до конца, большевистская цепкость, проверка исполнения и большевистская непримиримость — мы со своими задачами справимся».

1946 год стал переломным годом в промышленности строительных материалов. Он заложил прочный фундамент нового, дальнейшего развития этой отрасли промышленности как составной части нашей передовой социалистической промышленности. С 1946 года я связан с этой отраслью, руководя ею вначале как министр, а затем (после перерыва в 1947 году, когда я работал первым секретарем ЦК Компартии Украины) в качестве заместителя Председателя Совета Министров и в 1956 году вновь как министр промышленности строительных материалов. Если бы условия позволили, я в более широких воспоминаниях (если они будут)

полнее рассказал бы об этой важнейшей отрасли народного хозяйства и ее важнейшей части — цементной промышленности, о ее замечательных скромных людях — стахановцах, передовых рабочих, инженерах и руководителях, которые вложили и вкладывают все свое творчество, инициативу и энергию для обеспечения строительства фундамента коммунизма в нашей Советской стране.

СНОВА НА УКРАИНЕ

В грандиозной работе по послевоенному восстановлению и развитию народного хозяйства партия и государство обращали особое внимание на сельское хозяйство, потому что восстановление сельского хозяйства проходило в сложных условиях засухи 1946 года, прибавившей к разрушениям войны новые, природные трудности. В особенности эти сложности были велики в республиках, областях и краях, которые во время войны были оккупированы немцами, и первую очередь на Украине. В феврале 1947 года на Пленуме Центрального Комитета ВКП(б) был обсужден вопрос «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период». Пленум принял развернутое постановление по этому вопросу, сыгравшее большую роль в преодолении трудностей и восстановлении и дальнейшем развитии колхозного сельского хозяйства. В этом постановлении дана оценка достигнутых до войны успехов в сельском хозяйстве. «Если, — говорится в постановлении, — в тяжелые годы войны наша армия не испытывала недостатка в продовольствии, если население снабжалось продовольствием, а промышленность — сырьем, то в этом сказалась сила и жизненность колхозного строя, патриотизм колхозного крестьянства». Конечно, война отразилась на задержке развития сельского хозяйства и привела к сокращению посевных площадей. После окончания войны партия и Правительство провели ряд мер по восстановлению сельского хозяйства. Эти меры улучшили его состояние, но не восстановили довоенное положение. ЦК указал на ряд недостатков, мешающих быстрому и успешному решению задачи такого подъема сельского хозяйства, который бы привел к созданию в кратчайший срок обилия продовольствия и сырья. Пленум ЦК особо подчеркнул задачу увеличения производства пшеницы как основной продовольственной культуры, указал ряд краев и областей, в которых неудовлетворительно занимаются восстановлением производства зерна, в том числе и пшеницы.

В частности, Пленум ЦК счел необходимым отметить серьезное отставание производства яровой пшеницы в Украинской ССР.

После Пленума ЦК на Политбюро Секретариатом ЦК был поставлен вопрос об укреплении руководства ЦК КП(б) Украины с освобождением тов. Хрущева от поста первого секретаря ЦК КП(б) Украины и с оставлением его только на одном посту — Председателя Совнаркома Украины. Когда встал вопрос о том, кого предложить первым секретарем ЦК КП(б) Украины, товарищ Сталин сказал, что в данное время надо человека, которому не нужно было бы долго изучать Украину — времени нет. «У нас в составе Политбюро есть товарищ Каганович, который работал на Украине, знает условия. Он сумеет сразу овладеть работой, поэтому я предлагаю на пост первого секретаря ЦК КП(б) Украины выдвинуть товарища Кагановича, а товарища Хрущева оставить Председателем Совнаркома Украины». Все члены Политбюро согласились с этим предложением. Согласился и я без каких-либо оговорок.

Хрущев, по моему впечатлению, воспринял решение ЦК об освобождении его от обязанностей первого секретаря ЦК КП(б)У с обидой. Раньше Хрущев немалое количество лет работал со мной, под моим руководством. Он даже не раз говорил, что он гордится этим, и теперь, после принятия указанного решения, мне лично сказал, что он доволен, что именно меня послали первым секретарем ЦК Украины. Я тогда воспринял это как искреннее его заявление, и нужно сказать, что работали мы на Украине и в 1947 году дружно.

Итак, в конце февраля 1947 года я выехал в Киев, где через несколько дней, 2 марта, был собран Пленум ЦК КП(б) Украины, на котором я был единогласно избран первым секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии (большевиков) Украины.

Нетрудно понять, что главным моим стремлением было сплотить ЦК КП(б)У и актив для решения поставленных задач. Дав возможность членам ЦК и секретарям обкомов выехать на места, чтобы ознакомить актив, а также собрать деловой материал, мы созвали 10 марта расширенный Пленум ЦК КП(б)У с участием секретарей райкомов для рассмотрения, разработки и принятия деловых практических предложений по выполнению постановления февральского Пленума ЦК ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период». Это был очень важный Пленум ЦК КП(б) Украины, на котором члены ЦК самокритически вскрыли недостатки и ошибки в работе и вносили деловые серьезные предложения.

Пленум ЦК КП(б)У на основе всех выступлений, в том числе и моего и тов. Хрущева, разработал практическое постановление, сыгравшее большую роль в деле подъема колхозного сельского хозяйства Украины. Решающую роль в этом сыграла та практическая работа, которую развернули партийные и советские организации Украины по осуществлению постановлений ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) Украины. 25 июня 1947 года был вновь созван Пленум ЦК КП(б)У, на котором были рассмотрены вопросы: «Об уборке урожая сельскохозяйственных культур в 1947 г.» и «О заготовках хлеба и других сельскохозяйственных продуктов из урожая 1947 г.».

После Пленума для успешного завершения уборки и выполнения плана хлебозаготовок, что в тот период было не так легко, на места — в колхозы, в районы, в области (в том числе и в Днепропетровскую, Запорожскую, Харьковскую и Полтавскую области) выехали члены Политбюро ЦК Украины.

Разумеется, ЦК КП(б)У и лично я как первый секретарь ЦК занимались не только сельским хозяйством. Как всегда, большое место занимала работа по промышленности, и прежде всего чисто партийная и идеологическая работа. По промышленности, например, мы проявляли особую заботу о строительстве «Азовстали» и даже обеспечении его оборудованием. После постановки нами этого вопроса в ЦК ВКП(б) оборудование начало поступать и строительство ускорилось. Я специально выезжал в Мариуполь. Но особо острое наше внимание и заботу приковывал «Запорожсталь», которым ЦК ВКП(б) и лично Сталин особо интересовались и беспокоились в связи с затяжкой его восстановления и большой нуждой страны в его продукции. По совету товарища Сталина я выехал в Запорожье, и вместе с обкомом и его первым секретарем тов. Брежневым, а также начальником строительства тов. Дымшицем и директором завода тов. Кузьминым принял меры по ускорению восстановления завода.

Помню, какой острый спор возник на созванном совещании в связи с выявившимся из докладов резким разрывом между выполнением плана в денежном исчислении и физическим объемом работ, который был намного меньше выполнения в денежном исчислении. На мой вопрос: почему нельзя планировать и отчитываться по выполнению плана в физическом объеме, строители заявили, что это невозможно. Единственным человеком, согласившимся с возможностью планировать и отчитываться в физическом объеме работ, был начальник строительства товарищ Дымшиц. Такое решение и было принято. Это потом привилось и на других

стройках Минтяжстроя. Товарищ Брежнев, который согласился с моим предложением, строго проверял исполнение принятого решения и общего постановления «Об ускорении восстановления «Запорожстали», принятого ЦК КП(б)У. Занимались мы нашим гигантом машиностроения — Краматорским заводом. Занимались мы скорейшим окончанием строительства трубопрокатного цеха с введением в действие крупнейшего в стране стана «Большой штифель» на Никопольском южнотрубном заводе, а также восстановлением гиганта локомотивостроения — Ворошиловградского завода; освоением проекта турбореактивного двигателя Харьковского авиационного института и т.д.

В Сталино-Донецке нами был проведен большой партийно-хозяйственный актив металлургов всей Украины, в котором участвовали товарищи Тевосян, Юдин и Каганович. После посещения металлургических заводов Донбасса и Днепропетровска я был вооружен для делового выступления на этом активе и по вопросам состояния черной металлургии Украины и оказания ей помощи в использовании действующих и наращивании новых производственных мощностей.

В Сталино и в Ворошиловграде нами были проведены совещания партийно-хозяйственных активов угольной промышленности Донбасса.

Особой заботой ЦК КП(б)У и Совнаркома были вопросы энергоснабжения. Был разработан проект постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома «О мерах улучшения энергоснабжения народного хозяйства Украинской ССР в 1947 и 1948 гг.», разработаны и посланы записки товарищу Сталину с предложениями о строительстве Днепропетровской, Кременчугской и Киевской гидростанций. Под постоянным наблюдением было восстановление и пуск всех агрегатов Днепропетровской гидроэлектростанции в Запорожье. (Помню особенно историю с неудовлетворительной конструкцией подпятников, поставленных американской фирмой, и нам пришлось обращаться в ЦК ВКП(б) по этому вопросу.) Уже тогда ЦК КП(б)У разработал и послал в ЦК ВКП(б) товарищу Сталину проект постановления «О мерах помощи Украинской ССР по развитию сельской электрификации в 1947 году».

Я привел по преимуществу те крупные вопросы, которые мы ставили перед ЦК ВКП(б), но занимались мы, конечно, и всеми другими отраслями промышленности и хозяйства страны. Так, нами были проведены всеукраинские совещания отдельных отраслей промышленности (сахарной, легкой промышленности) с участием руководства ЦК КП(б)У, в частности Кагановича,

Хрущева, Коротченко. Особо важным было проведенное в конце июля всеукраинское совещание секретарей обкомов, промышленных райкомов и секретарей парткомов и активистов крупных промышленных предприятий по вопросам развития промышленности и выполнения плана. Этим совещанием непосредственно руководил секретарь ЦК по промышленности товарищ Коротченко Д.С., активно участвовал и я, выступив с речью на этом совещании. Занимались ЦК КП(б)У и Совнарком и восстановлением городов, генеральным планом Киева, вплоть до трамвайного хозяйства Киева, культурных и научных организаций, их сооружений. Естественно, в основе лежала забота о трудящихся массах, с которыми укреплялась связь не только выступлениями на собраниях рабочих, колхозников и интеллигенции, но и поддерживанием органичной деловой связи с ними на предприятиях, в особенности с рабочими славного героического киевского «Арсенала».

ЦК КП(б) Украины, его Политбюро и Оргбюро рассматривали и принимали решения по вопросам кадров, пропаганды, агитации. Выступления членов Оргбюро, в том числе и мои, носили самокритичный характер; это была фактически проверка исполнения постановления ЦК ВКП(б) об идеологической работе и борьбе с уклонами на Украине.

В своей речи, например, по докладу Управления пропаганды и агитации я указывал, что, «критикуя, мы не выбрасываем все то хорошее, что было сделано, но наше требование, чтобы вы полностью выполнили решение ЦК ВКП(б). С точки зрения директивных указаний вы добросовестно провели разъяснение постановления ЦК ВКП(б), провели единовременную кампанию, а потом все погасло. Это не практическая, а политическая ошибка. Вы не понимаете, что это не то, что в производстве — сделал и сдал. Здесь мы имеем дело с длительным процессом. Идеологическая работа и идейная борьба со всякого рода уклонами должна быть упорной, настойчивой и длительной. Наша идеология всегда остается боевой, наступательной, ни на одну минуту не должна быть ослаблена. Тем более не должен погаснуть тот огонь, который сжигает на своем пути все негодное для пролетарской идеологии — Марксизма-Ленинизма. Вы же решение ЦК ВКП(б) не сделали постоянным и устойчивым орудием своей идеологической борьбы и работы. Мы вам никаких уклонов пришивать не собираемся, но сказать можно, что это не простая практическая ошибка, а проявление некоторой оппортунистической слабины на практике и вы, тов. Назаренко, как руководитель агитации и пропаганды, не должны обижаться. Вы, например, должны бы-

ли по нашему требованию дать материалы с оценкой современного положения в литературе, на историческом фронте, в науке, искусстве и так далее. Вы этого не сделали, потому что у вас пороху не хватило. Под «порохом» мы имеем в виду не только умение, но и дух смелости. А между тем в решении ЦК ВКП(б) ясно сказано, что ЦК КП(б) Украины недооценил важность идеологической работы; для большевика это довольно крепко и остро сказано, и вы признали эту оценку правильной, а расшифровать конкретно, раскрыть по соответствующим фронтам положение дел вы не сумели. Отчасти возможно, что и не было проявлено активного «хотения». Вот вы тут говорили, даже возносились тем, что сделано в Академии Наук, но ведь это факт, что уже после указания ЦК о том, что в печати не организована критика буржуазно-националистической идеологии, после этого в плане Академии Наук УССР фигурирует в качестве соавтора труда о борьбе с националистическими концепциями некий Крипякевич, который в свое время даже приветствовал приход немцев как «визволение Украины».

Рамки идеологической борьбы шире и национального вопроса. Нельзя отрицать того, что на Украине немцы оставили известные следы своей идеологии. У нас есть еще на Западной Украине немало скрытых бандеровцев, есть немалое количество репатриированных. Они вносят свои элементы враждебной нам идеологии, и мы должны не обороняться, а идеологически наступать. Это относится ко всем видам национализма. Это относится и к великорусскому шовинизму, к так называемой «валуевщине», утверждающей, что была единая Россия и такой останется. Это, конечно, относится и к украинскому национализму, и еврейскому шовинизму-сионизму, и к любому другому, с которыми мы должны бороться. Всю свою массово-политическую работу мы должны разворачивать глубоко, укрепляя наши марксистско-ленинские позиции. Вот скоро 30-летие Великой Октябрьской революции. Здесь и агитация, и углубленная пропаганда, но оба вида бьют в одну точку — укрепление братского интернационального союза всех рабочих и трудящихся всех наций против буржуазии и ее оставшихся прихвостней, укрепление Советского Союза как государства, объединяющего все республики, их национальной социалистической государственности и культуры. Особенно мы должны усилить свою идеологическую работу в западных областях, так как там еще сильна буржуазная враждебная нам идеология. Мы должны обязательно организовать группу авторов по истории Украины, чтобы окончательно разоблачить националистическое наследие Грушев-

ского. Необходимо не ограничиваться митинговой агитацией, которая полезна и нужна, но ее нужно закреплять углубленными теоретическими лекциями. Это относится и к вопросам международного положения, которое необходимо глубже и серьезнее освещать. Население выросло политически. Война заострила все вопросы. Вот я, например, приехал в один колхоз и мне там говорят: «Приізджав один из району, та казав, шо англичане та американці ідуть і колгоспів у нас не буде». Я, конечно, им разъяснил, но важно то, что такие провокационные слушки погромного характера распускаются. И лекции наши не должны быть бесстрастными, только просвещенческими, а боевыми, так как это фронт идеологической борьбы». Не скрывая трудности и все еще имеющиеся неудовлетворенные нужды, я правдиво их освещал. Необходимо мобилизовывать людей на их преодоление и обеспечение движения вперед — этому служит и агитация, и пропаганда.

На примерах конкретных задач, в том числе и выполнения пятилетнего плана, я говорил о двустороннем процессе завоевания масс — агитацией и пропагандой. Говоря о печати, я особо подчеркнул недопустимость того, что газеты переполнены большими статьями, оставляя мало места для коротких заметок, освещающих жизненные факты на местах.

Столь же глубоко, остро мы подходили к другим докладам. Например, по докладу Управления кадров я особенно подчеркнул, что центральным вопросом критики ЦК ВКП(б) была частая сменяемость кадров. Сегодня видно, что такой сменяемости, которая была раньше, сейчас уже меньше, но все же осталась. Текучесть руководящих кадров составляла 48 %, председателей райисполкомов сменилась половина, первых районных секретарей ЛКСМУ — 78 % и т.д. Я не хочу валить вину только на товарища Епишева, который руководит этим делом, но и он, конечно, несет ответственность за это. Необходимо серьезнее подойти к подбору кадров, их выборам и назначению, тогда и сменяемость будет меньше, и, конечно, необходимо осадить ретивое начальство, которое имеет власть менять и снимать и неумело этим пользуется. Необходимо обуздать их административный зуд. Нужно стабилизировать кадры. Если человек уверен, что он сидит устойчиво, продуктивность его работы будет, несомненно, гораздо большей. Критикуя, необходимо в то же время подкрепить человека, чтобы он был уверен, что он прочно стоит на ногах.

Среди многих других вопросов, которые были поставлены, были вопросы о вузах, техникумах, об идеологической подготовке кадров и другие.

Нужно сказать, что ЦК КП(б) Украины, обкомы партии, горкомы и райкомы в этот период добились большего разделения труда с Советскими и профсоюзными органами и, осуществляя партийное руководство государственной, хозяйственной и общественной жизнью, получили возможность больше сил и времени уделять партийно-политической, идеологической работе, пропитывая ее идеями и принципами марксизма-ленинизма.

При этом необходимо всегда помнить, что знание не есть еще убеждение. Знать можно очень много и в то же время мало быть убежденным. Поэтому вместе с знаниями нужно воспитывать у коммунистов глубокое идейное убеждение в правоте нашего Великого дела.

Я выразил уверенность, что большевики Украины и ее передовой столичной Киевской парторганизации будут в первых рядах борцов за интернациональную революционную борьбу, за победу мировой пролетарской социалистической революции и социализма во всем мире!

Возвращаясь в конце 1947 года с Украины в Москву, зная Украинскую и Киевскую организации, я был уверен, что так оно и будет.

XIX СЪЕЗД ПАРТИИ

В конце 1947 года товарищ Сталин поставил в Политбюро ЦК вопрос о разделении Госплана СССР и организации новой самостоятельной организации по использованию и распределению всех материальных ресурсов государства по всем видам продукции, включая средства производства и потребления, в том числе и продовольственные продукты и предметы широкого потребления. Это было вызвано усложнением хозяйственной жизни страны, особенно после войны, и руководства народным хозяйством — централизованным и республиканским. Предложение было Политбюро принято, и был создан Государственный комитет по материально-техническому снабжению народного хозяйства СССР — Госснаб СССР. Признано было необходимым назначить на этот пост заместителя Председателя Совета Министров СССР и члена Политбюро. Учитывая, что я имею опыт по транспорту и по тяжелой промышленности (а Госснабу передавались: Главнефтесбыт, Главметаллосбыт, Главуглесбыт, Главлесосбыт, Главхимсбыт, Главэнергосбыт, Главсельхозмашсбыт и др.), решили назначить заместителя Председателя Совета Министров, члена

Политбюро товарища Кагановича Л.М. председателем вновь создаваемого Государственного комитета по материально-техническому снабжению народного хозяйства — Госснаба.

Пришлось мне браться и за это трудное и «сварливое» дело и раскусывать и этот твердый орех. Пришлось продумать и установить организационную структуру этого нового органа — Госснаба, исходя из содержания его работы, организовать это новое государственное учреждение, и главное — подобрать кадры и пустить эту новую машину, в ведение которой Правительство передало для правильного планового распределения и использования миллиардные материальные ценности.

Я не имею сейчас возможности подробно осветить всю эту трудную и сложную работу, но смею думать, что, хотя первоначальная структура и существо работы претерпели значительные изменения, фундамент для ныне действующего Госснаба СССР был заложен тогда, в первый период создания Государственного комитета по материально-техническому снабжению народного хозяйства СССР. Поэтому, при возможности, я в расширенном варианте освещу подробнее работу Госснаба того периода.

Как заместитель Председателя Совета Министров, я ведал работой Минтяжстроя, Минстройматериалов, Комитета по делам архитектуры и другим. В особой мере я — председатель Госснаба, заместитель Председателя Совета Министров — занимался материально-техническим обеспечением и всех видов транспорта: железнодорожного, речного, морского, автомобильного и авиационного.

И как член Политбюро, я занимался общегосударственными, общепартийными делами, в том числе выезжал по поручению Политбюро на места.

Еще в августе 1952 года ЦК опубликовал постановление Пленума ЦК о созыве в октябре 1952 года XIX съезда партии. ЦК опубликовал одновременно «Проект директив XIX съезда партии по Пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 гг.» и «Проект Устава ВКП(б)».

ЦК предложил всем партийным организациям развернуть широкое обсуждение в партийных организациях этих проектов и всех вопросов съезда. Съезд открыл кратким вступительным словом товарищ Молотов. С отчетным докладом ЦК ВКП(б) выступил секретарь ЦК тов. Маленков. Отчетный доклад ЦК показал, какую Великую Героическую полосу прошла наша Родина под руководством своей героической партии, ее ЦК, его руководителя товарища Сталина и Советского правительства — одержана Величайшая историческая победа над фашистским врагом.

Широко показаны героические усилия народа по восстановлению народного хозяйства и поставлены новые большие задачи партии, рабочего класса, колхозного крестьянства и всего народа. После глубокого и широкого обсуждения отчетного доклада ЦК ВКП(б) XIX съезд принял следующую резолюцию: «Заслушав и обсудив отчетный доклад Секретаря ЦК ВКП(б) товарища Маленкова Г.М. о работе ЦК ВКП(б), постановляет: Одобрить политическую линию и практическую работу ЦК ВКП(б)». Это решение было принято единодушно. Директивы по пятилетнему плану, которые съезду доложил тов. Сабуров, были приняты с внесенными делегатами съезда поправками.

Съезд утвердил доложенные тов. Хрущевым внесенные Центральным Комитетом изменения в Устав ВКП(б).

Съезд заслушал доклад тов. Кагановича о предложениях Политбюро ЦК ВКП(б) по переработке Программы партии и принял следующую резолюцию: «XIX съезд партии устанавливает, что за период с VIII съезда партии (1919 год), когда была принята существующая Программа партии, произошли коренные изменения как в области международных отношений, так и в области строительства социализма в СССР, в связи с чем ряд положений Программы и изложенные в ней задачи партии, поскольку они уже осуществлены за этот период, не соответствуют больше современным условиям и первым задачам партии. Исходя из этого, съезд постановляет:

1) Считать необходимым и своевременным произвести переработку существующей Программы партии.

2) При переработке Программы руководствоваться основными положениями произведения товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

XIX съезд партии избрал комиссию под председательством тов. Сталина для переработки Программы и поручил ЦК представить новый проект на рассмотрение следующего съезда компартии Советского Союза».

На XIX съезде присутствовали и участвовали в его работе представители почти всех коммунистических и рабочих партий мира. Все они в своих выступлениях горячо приветствовали нашу партию, ее руководство и лично товарища Сталина и обещали ей всяческую революционную поддержку. В конце съезда с ответом им от нашей партии выступил вождь нашей партии товарищ Сталин, который прежде всего выразил от имени нашего съезда благодарность братским партиям и группам за дружеские приветствия, за пожелания успехов и за доверие. «Было бы ошибочно ду-

мать, — сказал тов. Сталин, — что наша партия, ставшая могущественной силой, не нуждается больше в поддержке. Это неверно. Наша партия и наша страна всегда нуждались и будут нуждаться в доверии, в сочувствии и поддержке братских народов за рубежом. Особенность этой поддержки состоит в том, что всякая поддержка миролюбивых стремлений нашей партии со стороны любой братской партии означает вместе с тем поддержку своего собственного народа в его борьбе за сохранение мира. Понятно, что наша партия не может оставаться в долгу у братских партий и она сама должна, в свою очередь, оказывать им поддержку, а также их народам в их борьбе за освобождение, в их борьбе за сохранение мира. Как известно, она именно так и поступает. Представители братских партий, восхищаясь отвагой и успехами нашей партии, присвоили ей звание «Ударной бригады» мирового революционного и рабочего движения. Этим они выражали надежду, что успехи «ударной бригады» облегчат положение народам, томящимся под гнетом капитализма. Я думаю, что наша партия оправдала эти надежды, особенно в период второй мировой войны. Конечно, очень трудно было выполнить эту почетную роль, пока «ударная бригада» была одна-единственная. Теперь от Китая до Кореи, до Чехословакии и Венгрии появились новые «Ударные бригады» в лице народно-демократических стран — теперь нашей партии легче стало бороться, да и работа пошла веселее. Особого внимания заслуживают те коммунистические, демократические или рабоче-крестьянские партии, которые еще не пришли к власти и которые продолжают работать под пятой буржуазных драконовских законов».

Ответив на вопрос, почему все же не столь трудно будет работать этим партиям в сравнении с русскими коммунистами царского периода, товарищ Сталин подчеркнул: «Раньше буржуазия позволяла себе либеральничать. Теперь от либерализма не осталось и следа. Растоптан принцип равноправия людей и наций, он заменен принципом полноправия эксплуататорского меньшинства и бесправия эксплуатируемого большинства граждан. Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт. Я думаю, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите собрать вокруг себя большинство народа. Больше некому его поднять. Есть все основания рассчитывать на успехи и победу братских партий в странах господства капитала».

Это было уверенное, мудрое Ленинское направление всей политики, стратегии и тактики братских партий в их борьбе за заво-

евание власти рабочим классом, за революционную победу над господством монополистического империалистического капитала, стремящегося к новому переделу мира, к новой войне. XIX съезд горячо, восторженно приветствовал товарища Сталина, выразившего волю и величие нашей партии, одержавшей Великие победы. XIX съезд своими решениями, речью товарища Сталина, которая, к великому сожалению, была последней его речью, укрепил нашу партию, как Ленинскую «Ударную бригаду» мировой пролетарской социалистической революции! Делегаты XIX съезда и представители братских партий горячо встретили выступление Сталина с приветствием братским партиям. В этом приветствии Сталин сказал: «Вам, товарищи, надо учиться не только на наших достижениях, но и на наших ошибках». Это очень важное заявление — это значит, что Сталиным признавалось, что у нас были ошибки. Я лично думаю, что если бы Сталин жил, он бы выступил с самокритичным докладом. Некоторые говорят, что Сталин уже был болен в период XIX съезда. Это, по-моему, неверно. Я видел, что съездом руководил Сталин, проект доклада Маленкова обсуждался под председательством Сталина на Президиуме, несколько раз вносились поправки. Помню, когда я спросил Сталина, почему он сам не делает отчетного доклада ЦК, он мне сказал, что надо выдвигать молодых, пусть растут — вот Маленков как секретарь ЦК сделает доклад. Тут же он добавил то, что он говорил ранее нам, нескольким членам Президиума. «Я, — сказал Сталин, — вообще считаю, что после 70-летнего возраста руководящие товарищи должны уйти от непосредственного руководства; они могут быть советниками, но не управителями». Непосредственно после съезда Сталин руководил Пленумом ЦК и после него работой Президиума. Он занимался крупными вопросами восстановительного периода. Я вспоминаю, как он вызвал меня и сказал: «У нас колоссальные разрушения, все наши планы и обещания будут сорваны, если мы не решим главной задачи — дать строительные материалы. Цементные заводы, стекольные — их надо восстановить, дать стекло, цемент, кровлю, кирпич и прочее. Поэтому я предлагаю назначить Вас министром строительных материалов. Как Вы относитесь к этому?» Я, конечно, сразу ответил, что согласен. Таких примеров можно привести много.

Сталин вместе с Молотовым неизменно занимался вопросами внешней политики. В связи с изобретением на Западе нового атомного оружия Сталин особенно занимался освоением производства этого оружия у нас в СССР. Он поставил на службу этому делу всех нас — членов Политбюро. Надо сказать, что непо-

средственно производством занимались Берия, Первухин и другие. Но руководил этим делом лично сам Сталин.

Я уверен, что каждый объективно мыслящий советский человек скажет, должен сказать, что, несмотря на имевшие место ошибки, Сталин сделал столько Великого для роста могущества созданного Лениным Советского государства, что его представители могут вести переговоры с западными капиталистическими государствами как равный с равными в отстаивании дела мира между народами.

Глава 18
ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В РУКОВОДСТВЕ ПАРТИИ

СМЕРТЬ СТАЛИНА

Умер Сталин неожиданно. Хотя некоторые из нас в последний период его жизни реже бывали у него в домашних условиях, но на совещаниях, официальных заседаниях мы с удовлетворением видели, что, несмотря на усталость от войны, Сталин выглядел хорошо. Он был активен, бодр и по-прежнему вел обсуждение вопросов живо и содержательно. Когда ночью меня вызвали на «Ближнюю дачу», я застал там Берия, Хрущева и Маленкова. Они сказали мне, что со Сталиным случился удар, он парализован и лишен дара речи, что вызваны врачи. Я был потрясен и заплакал.

Вскоре приехали остальные члены Политбюро: Ворошилов, Молотов, Микоян и другие. Приехали врачи во главе с министром здравоохранения.

Когда мы зашли в комнату, где лежал Сталин с закрытыми глазами, он открыл глаза и обвел нас всех глазами, всматриваясь в каждого из нас. По этому взгляду видно было, что он сохранил сознание, силился что-то сказать, но не смог и вновь закрыл глаза. Мы все с глубокой скорбью и печалью смотрели на Сталина, находившегося в тяжелом состоянии. Несколько дней шла борьба за сохранение жизни Сталина, врачи делали все возможное. Мы, члены Политбюро, все время находились здесь, отлучаясь лишь на короткое время.

Когда наступила смерть, мы 5 марта собрались для составления обращения ко всем членам партии и всем трудящимся Советского Союза. В этом обращении мы выразили глубокие чувства горечи, скорби и переживаний всей партии и народа.

В обращении ЦК, Совета Министров и Президиума Верхов-

ного Совета сказано: «Перестало биться сердце соратника и гениального продолжателя дела Ленина, мудрого вождя и учителя Коммунистической партии и Советского народа Иосифа Виссарионовича Сталина.

Вместе с Лениным товарищ Сталин создал могучую партию коммунистов, воспитал и закалил ее. Вместе с Лениным товарищ Сталин был вдохновителем и вождем Великой Октябрьской Социалистической революции, основателем первого в мире социалистического государства. Продолжая всемирное дело Ленина, товарищ Сталин привел Советский народ к всемирно-исторической победе Социализма в нашей стране. Товарищ Сталин привел нашу страну к победе над фашизмом во второй мировой войне, что коренным образом изменило всю международную обстановку. Товарищ Сталин вооружил партию и весь народ великой и ясной программой строительства коммунизма в СССР.

Смерть товарища Сталина, отдавшего всю свою жизнь беззаветному служению великому делу коммунизма, является тягчайшей утратой для партии, трудящихся Советской страны и всего мира».

Обращение ЦК и Правительства не только выразило чувства скорби, но и провозгласило важнейшие задачи дальнейшей политики, в которой главным «являлась и является незыблемая политика сохранения и упрочения мира», верность знамени пролетарского интернационализма, борьба за дело мира, демократии и социализма и главное — «хранить единство партии, еще более укреплять связи партии со всеми трудящимися массами, ибо в этой неразрывной связи с народом — сила и непобедимость нашей партии».

Особенно важным для правильного понимания нынешнего момента является то, что это обращение ЦК и Правительства в связи со смертью Сталина было разработано и принято единодушно всеми членами ЦК, Правительства, громадным большинством партии и Советского народа.

Вспоминаю такой эпизод: вместе с Хрущевым я был включен в Комиссию по похоронам Сталина, и вот, когда мы ехали в авто с телом Сталина, Хрущев тронул меня за руку и сказал: «Как, Лазарь, будем жить-то и работать без Сталина? Тяжело будет нам». Помню мой ответ: «В 1924 году, когда умер Ленин, положение в стране и в партии было потруднее: был НЭП, нэпманы, восстановление разрушенного хозяйства не было еще завершено, в партии орудовали троцкистская и другие оппозиции, — а выжили мы, да еще как пошли вперед, потому что верные Ленинизму кадры

сплотились вокруг ЦК, который повел партию по Ленинскому пути. Если будем твердо держаться этого Ленинского пути, по которому нас вел Сталин, мы выживем и будем успешно двигаться вперед».

Хрущев пожал мою руку и сказал: «Ты говоришь правильно — будем все вместе идти по этому пути, по которому нас вел Сталин».

Хрущев, как и все мы, активно участвовал в составлении приведенного обращения ЦК. Не думаю, что Хрущев был тогда искренен и не хитрил, как некоторые полагают.

7 марта 1953 года было созвано совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного Совета СССР, на котором было принято важное постановление.

В вводной части этого постановления было особо подчеркнуто, что «в это трудное для нашей партии и страны время важнейшей задачей партии и правительства является обеспечение бесперебойного и правильного руководства всей жизнью страны, что, в свою очередь, требует величайшей сплоченности руководства, недопущения какого-либо разброда и паники с тем, чтобы таким образом безусловно обеспечить успешное проведение в жизнь выработанной нашей партией и правительством политики как во внутренних делах нашей страны, так и в международных делах». Нечего и говорить о том, какое большое значение имело это директивное указание для сплочения партии и советских народов.

Провозглашая верность проводившейся политике, ЦК, разумеется, исходил из Ленинского диалектического метода — следовать действительным потребностям жизни и вносить необходимые дополнения и изменения в принятые решения и в методы работы. Примером такого подхода было то, что тут же, при формировании органов руководства, ЦК внес серьезное изменение в саму структуру органов руководства. Вместо двух центров в руководстве ЦК — Президиума и Бюро — был создан один орган — Президиум Центрального Комитета, по существу — Политбюро.

Точно так же в Совете Министров вместо двух органов — Президиума и Бюро — был создан один орган — Президиум Совета Министров.

Без разногласий и споров (как это нынче изображают выдумщики) был установлен персональный состав руководства. В Президиум ЦК были избраны товарищи Маленков, Берия, Вороши-

лов, Молотов, Каганович, Хрущев, Булганин, Микоян, Сабуров, Первухин. Кандидатами — товарищи Шверник, Пономаренко, Мельников и Багиров. Председателем Президиума Верховного Совета был избран Ворошилов, а Шверник рекомендован Председателем ВЦСПС.

Председателем Совета Министров Союза ССР был назначен Маленков Георгий Максимилианович. Первыми заместителями Председателя Совета Министров были назначены товарищи Молотов, Берия, Булганин и Каганович.

Министром иностранных дел был назначен Молотов; министром объединенного Министерства внутренней и внешней торговли — Микоян; военным министром — Булганин; министром объединенного Министерства внутренних дел и госбезопасности — Берия; министром объединенного Министерства электростанций и электропромышленности — Первухин; Председателем Госплана — Сабуров.

В Центральный Комитет был переведен на постоянную работу секретарем ЦК Хрущев с освобождением его от работы секретарем МК.

Важнейшее значение имело принятое тем же постановлением решение о сокращении количества министерств путем их объединения.

Кроме указанных были объединены следующие министерства:

Министерство автомобильной и тракторной промышленности, Министерство машиностроения и приборостроения, Министерство сельскохозяйственного машиностроения и Министерство станкостроения в одно — Министерство машиностроения; Министерство транспортного машиностроения, Министерство судостроительной промышленности, Министерство тяжелого машиностроения и Министерство строительного и дорожного машиностроения в одно — Министерство транспортного и тяжелого машиностроения; Министерство электростанций, Министерство электропромышленности и Министерство промышленности средств связи в одно — Министерство электростанций и электропромышленности.

На созванной 14 марта сессии Верховного Совета все эти рекомендации ЦК и весь состав Правительства были утверждены.

14 марта состоялся Пленум ЦК, который удовлетворил просьбу Маленкова освободить его от обязанности Первого секретаря ЦК ввиду трудности совместительства с обязанностями Председателя Совета Министров. Пленум ЦК избрал Секретариат ЦК. В него вошли товарищи Хрущев, Суслов, Поспелов, Шаталин и Игнатьев, без определения Первого секретаря.

В начале июля 1953 года состоялся Пленум ЦК, который, заслушав и обсудив доклад тов. Маленкова «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Л.П. Берия», направленных на подрыв советского государства в интересах иностранного капитала и выразившихся в вероломных попытках поставить Министерство внутренних дел СССР над Правительством и Коммунистической партией Советского Союза, принял решение вывести Л.П. Берия из состава ЦК КПСС и исключить его из рядов Коммунистической партии Советского Союза.

ЦК и Совет Министров занимались усиленной плодотворной работой по конкретному руководству страной, партией и хозяйством. В сентябре 1953 года состоялся Пленум ЦК, который заслушал и обсудил доклад Хрущева «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства». ЦК принял разработанное Президиумом ЦК постановление. В разработке этого постановления ЦК принял участие весь Президиум ЦК, в особенности Хрущев, Маленков, Каганович, Молотов, Андреев.

ХРУЩЕВ – ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК

Через полгода, примерно в марте 1954 года, ЦК вновь обсуждал вопрос о сельском хозяйстве и принял деловое решение о дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель. В этом постановлении была дана еще более острокритическая оценка с соответствующими выводами.

ЦК и Совнарком разработали меры по облегчению положения колхозного крестьянства, в частности по уменьшению налогов, и поручили Маленкову выступить с докладом на Верховном Совете (в настоящее время это приписывается Хрущеву). Мобилизующей была работа ЦК и Совета Министров и в области промышленности, и в деле улучшения условий внутрипартийной жизни. Одним словом, можно сказать, что если бы этот стиль первого года работы Хрущева как Первого секретаря ЦК сохранился в 1955–1956 годах и далее, то результаты были бы иными. Но не прошло много времени с момента избрания его Первым секретарем ЦК, как Хрущев начал демонстрировать, как бы говоря: «Вы, мол, думаете, что я не «настоящий» Первый секретарь, я вам покажу, что я «настоящий» – и наряду с проявлением хорошей, положительной инициативы начал куражиться.

Здесь уместно рассказать, как прошли выборы Хрущева Пер-

вым секретарем. С марта по сентябрь Хрущев был одним из секретарей ЦК — Секретариат был как бы коллективным, и, между прочим, скажу, что было неплохо. Во время сентябрьского Пленума ЦК в перерыве между заседаниями Пленума в комнате отдыха, где обычно происходил обмен мнениями членов Президиума по тем или иным вопросам, Маленков неожиданно для всех сказал: «Я предлагаю избрать на этом Пленуме Хрущева Первым секретарем ЦК».

Я говорю «неожиданно», потому что о постановке такого важного вопроса обычно предварительно осведомляли. Когда я потом спросил Маленкова, почему он не сказал никому об этом предложении, он мне сказал: перед самым открытием Пленума ЦК к нему подошел Булганин и настойчиво предложил ему внести на Пленуме предложение об избрании Хрущева Первым секретарем ЦК. «Иначе, — сказал Булганин, — я сам внесу это предложение». «Подумав, что Булганин тут действует не в одиночку, я, — сказал Маленков, — решился внести это предложение». На совещании Булганин первый с энтузиазмом воскликнул: «Давайте решать!» Остальные сдержанно согласились и не потому, конечно, что, как нынче могут сказать, мол, боялись возразить, а просто потому, что если выбирать Первого секретаря, то тогда другой кандидатуры не было — так сложилось.

Должен здесь сказать, что я лучше знал Хрущева, дольше и больше всех, со всеми его положительными и отрицательными сторонами. Можно сказать, что я имел прямое отношение к выдвижению и продвижению Хрущева на руководящую общепартийную работу начиная с 1925 года (обо всем этом процессе я расскажу еще отдельно). Я считал и считаю его выросшим и растущим партийным работником, выходцем из рабочих, способным быть руководящим деятелем в областном, краевом, республиканском масштабе и в коллективном руководстве во всесоюзном масштабе. Но у меня не было уверенности в его способностях осуществлять роль Первого секретаря ЦК КПСС, особенно учитывая его недостаточный культурно-теоретический уровень, хотя при напряженной, как говорится, работе над собой это дело наживное. Практический же опыт у него был солидный.

Во всяком деле, тем более в работе выдвигаемого работника, требуется проверка его на деле в процессе его роста и развития. Главное в том, что сложились такие условия, что другой кандидатуры в составе Секретариата у нас не было. Поэтому все мы голосовали за это предложение с твердым намерением всячески помогать Хрущеву в овладении им новой ролью.

Так, на примере выдвижения Хрущева как Первого секретаря ЦК связались случайность с необходимостью. Не вдаваясь здесь в глубины философии, нужно сказать, что марксистско-ленинский диалектический материализм исходит из того, что закономерная историческая необходимость не исключает и случайность, которая является дополнением и формой проявления необходимости. Случайность может быть или не быть, она не обязательно вытекает из исторической необходимости, из законов развития, но, как правило, случайность и необходимость взаимосвязаны. В истории бывало, когда «случайно» выдвинутые личности росли, развивались в процессе своей деятельности, опираясь и следуя объективной исторической закономерной необходимости, и созревали как вожаки. Но когда они, эти случайно выдвинувшиеся личности, игнорировали объективные закономерности и потребности общества, когда субъективное волеизъявление — волюнтаризм брал верх над объективной необходимостью и научным сознанием, допуская зарастание мозгов сорняками, тогда растение не созревало, и крах этой, случайно выдвинувшейся, личности был неизбежен.

К сожалению, именно это случилось с Хрущевым — речь идет не о должности, а о существе поведения в партийно-политическом руководстве, хотя были и положительные моменты в его деятельности, были и способности, и природный ум, ранее подкрепленный скромностью, а впоследствии подорванный зазнайством и волюнтаризмом.

Президиум ЦК в составе Ворошилова, Молотова, Кагановича, Микояна, Маленкова, Хрущева, Булганина, Сабурова, Первухина работал коллективно и активно, регулярно заседал и не только рассматривал вопросы, но члены Президиума участвовали в подготовке решений, и если после обсуждения бывали значительные поправки, то участвовали в комиссиях по окончательному редактированию решений ЦК. Надо сказать, что в постановке вопросов и их подготовке Хрущев как Первый секретарь, естественно, занимал активное место, особенно по вопросам строительства и сельского хозяйства.

Надо сказать, что в деле развертывания в более широких масштабах строительства, особенно по внедрению панельного и бетонного строительства, Хрущев сыграл немалую роль. Потребовался нажим на строителей — и Хрущев нажимал на них часто и не демократическим путем, и Президиум ЦК его в этом поддерживал. Правда, в интересах единства Президиум допускал слабость в реагировании и на допущенные ошибки Хрущева, когда

он, например, чрезмерно выпятил роль строителей в ущерб архитектуре под лозунгом недопущения украшательства и удешевления, не учитывая, что роль архитектуры не сводится к украшательству. Была даже упразднена Академия архитектуры и ослаблен архитектурный надзор, что привело к ухудшению качества строительства.

Большую активность проявил Хрущев в области сельского хозяйства не потому, конечно, что он был, как потом изображали, якобы большим «специалистом» в сельском хозяйстве. Я могу засвидетельствовать, что до его работы секретарем МК (областного) он в сельском хозяйстве мало разбирался просто потому, что он долго работал в промышленных и городских районах. При избрании его секретарем Московского областного комитета я ему советовал налечь на изучение сельского хозяйства, тесно связал его с секретарем МК по сельскому хозяйству Михайловым, который хорошо и квалифицированно знал сельское хозяйство. Надо сказать, Хрущев без обиды принял мой совет и усердно занялся изучением сельского хозяйства. Помогал ему в этом и будущий наркомзем Бенедиктов, да и я, хотя и перешел в Наркомат путей сообщения, помогал ему советами. Когда он стал Первым секретарем ЦК, я ему сказал, что первая заповедь ЦК — это уделять первостепенное внимание сельскому хозяйству, деревне, союзу пролетариата с крестьянством.

И надо сказать, что Хрущев усиленно и усердно занялся сельским хозяйством, активно и инициативно вникал в вопросы подъема сельского хозяйства и ставил их на решения ЦК. К сожалению, здесь он больше всего и скорее всего начал проявлять свои эксцентрические черты всезнайки. Это привело, например, к тому, что он замахнулся на учение великого ученого Вильямса по севооборотам, что нанесло вред. Хорошо еще то, что на местах практики не поддались этому антивильямскому «новаторству», да и Президиум ЦК не одобрял этого официально, хотя, к сожалению, не отменил. Хрущев усердно и активно поддерживал неправильные и необоснованные претензии Лысенко в командовании наукой о сельском хозяйстве, притом сам Хрущев слабо, конечно, разбирался в этой науке.

Вопрос о развитии кукурузы был правильно поставлен. Этот вопрос был поставлен давно, особенно на Украине. Помню, еще когда Раковский не был троцкистом, он, имея большой опыт по Румынии, выступал в печати и на собраниях за всемерное развитие посевов кукурузы. Хрущев правильно ратовал за кукурузу, но он не соблюдал научные требования в районировании, возмож-

ности и целесообразности ее насаждения, а требовал повсеместного развития посевов кукурузы независимо от местных условий, чем подрывал эту хорошую идею. К сожалению, эти ошибки Хрущева привели к подрыву самой идеи развития кукурузных посевов, в то время как необходимо, устранив ошибки Хрущева, всемерно насаждать в пригодных для этого районах — на Украине, Кавказе, в Молдавии и т.д. и т.п.

Принятые Центральным Комитетом партии и Правительством известные организационные меры децентрализации в руководстве колхозами, предоставления им больших прав, были положительным и своевременным актом. Но ликвидация МТС без возмещения какой-либо иной формой связи и технической помощи колхозам дала отрицательные результаты. Сама децентрализация — предоставление колхозам больших прав без экономических мер — не дала нужных результатов. Хрущев, конечно, старался внести ряд предложений (в том числе и ошибочных), которые принимались Президиумом. Но эти меры, носившие по преимуществу организационно-административный характер, не принесли должный и нужный эффект. Обратный результат давали окрики Хрущева, прославлявшего себя демократом.

Надо сказать, что Хрущев активно включился в работу по сельскому хозяйству. Он отстаивал и защищал колхозное движение и совхозы и принимал меры по осуществлению указанного постановления Пленума ЦК и других постановлений. Но, к сожалению, он вскоре монополизировал свое руководство сельским хозяйством и допускал политические ошибки, которые мешали выполнению решений ЦК.

Такой ошибкой являлась линия на ликвидацию небольших колхозов и, соответственно, малых деревень и сел и строительство крупных усадебных поселений. Эти поселения, по замыслу Хрущева, должны были строиться как поселения городского типа, с многоэтажными домами, без усадебных участков, без коров, птицеводства и прочее, что противоречило Уставу сельхозартели, принятому при личном участии Сталина в 1935 году. Это впоследствии привело к разорению тысяч небольших деревень и сел и невыполнению строительства колхозных усадеб. Отсюда и массовый уход крестьян из деревень в города, что началось при Хрущеве и продолжалось при Брежневе.

Я лично говорил Хрущеву, что этого делать нельзя, что можно при необходимости укрупнения колхозов создавать из малых колхозов колхозные бригады, не ликвидируя обжитых деревень и сел, но он уже «закусил удила» и не считался с советами.

Президиум же ЦК в целом не остановил этот процесс. Это его ошибка.

Если удачи Хрущева и его «ближних» относили за счет самого Хрущева, то в неудачах он любил искать виновников на стороне.

Если до конца первой половины 1955 года он соблюдал нормы коллективного руководства, то во второй половине 1955 года эти нормы Хрущев стал грубо нарушать. Эксцентричность в том смысле, как объясняет словарь это слово, «из ряда вон выходящий», или стремление, как говорили в Одессе, «свою я показать», начала у него проявляться все больше и больше.

Первым, на ком Хрущев стал демонстрировать, что он «всамделишный» вождь и руководитель, оказался Совет Министров и его Председатель Маленков — этот способный, скромный, деловой, не сварливый, но принципиальный государственный и партийный деятель.

Найти недостатки в работе можно у любого, даже самого старательного руководителя, особенно если за это берется партийный руководитель. Короче: после нескольких наскоков на Маленкова Хрущев внес предложение об освобождении его от обязанностей Председателя Совета Министров. Надо сказать, что члены Президиума, в том числе, конечно, и я, который знал его по работе в МК и ЦК с лучшей стороны, вначале не соглашались с этим предложением Хрущева, но потом, при его повторном настойчивом предложении, мы, чтобы не создавать кризиса в руководстве ЦК, согласились с освобождением Маленкова с сохранением Маленкова членом Президиума ЦК, как руководящего деятеля партии.

Председателем Совета Министров Хрущев предложил Булганина, хотя более естественной кандидатурой должен был быть Молотов. Некоторые товарищи допускали, что здесь у Хрущева был расчет на недолговечность на этом посту Булганина. Вскоре, после утверждения Булганина, когда, например, мы, члены Президиума, посетили выставку продукции легкой промышленности, Хрущев публично набросился на Булганина после какого-то его замечания об искусственном шелке, что «вот видите — Председатель Совета Министров, а ничего не понимает в хозяйстве, болтает чушь» и так далее. Мы все были потрясены подобной выходкой Хрущева, тем более что Булганин еще до работы Председателем Моссовета был директором крупнейшего Московского электрозавода, то есть был опытным хозяйственником тогда, когда Хрущев еще вовсе хозяйства не знал. Но и этот наскок мы не заострили во имя единства.

На заседаниях Президиума ЦК регулярно обсуждались во-

просы внешней политики. Молотов, как министр иностранных дел, вносил свои предложения, большая часть которых одобрялась. Но Хрущев, правильно уделяя внимание предложениям Молотова, будучи менее компетентным в этих делах, довел дело до того, что внес предложение об освобождении Молотова с поста министра иностранных дел. Я лично выступил против этого, доказывая, что Молотов не только имеет уже большой опыт во внешней политике, но и идейно-политически крепок в защите интересов нашей Родины. Но так как Молотов сам заявил о том, что готов перейти на другую работу, Президиум ЦК освободил его от обязанностей МИДа и назначил его министром Государственного Контроля.

Могу отметить здесь еще один эпизод. Еще в 1954 году, будучи на отдыхе в Крыму, мы, Хрущев, Молотов, Ворошилов, Каганович, конечно, встречались, и однажды во время прогулки по парку на мой вопрос, как работается, Хрущев сказал мне: «Неплохо, но вот Молотов меня не признает, поэтому у меня с ним напряженные отношения». Я ему сказал, что он ошибается, что Молотов порядочный человек, идейный партиец и интригами не может заниматься. «Ты самокритически проверь самого себя — не слишком ли ты часто и легко наскакиваешь на него и его предложения. Если ты изменишь отношение к нему, все будет исчерпано». Но, к сожалению, он этому моему совету не последовал.

Разумеется, работа ЦК между XIX и XX съездом охватывала все стороны жизни партии и страны, промышленность и культуру и партийную жизнь. Проводилась большая работа, о которой по поручению Президиума ЦК был сделан отчетный доклад ЦК на XX съезде Первым секретарем ЦК тов. Хрущевым.

К XX съезду партии мы шли и пришли едиными. Отчет ЦК отразил работу всего ЦК и его Президиума и его принципиальную линию. Над проектом отчета ЦК тщательно работали все члены Президиума, обсуждая его несколько раз. При обсуждении проекта ЦК вносились многие поправки. Не буду здесь излагать характер этих поправок, среди которых были поправки и по принципиальным вопросам. У меня в числе ряда поправок были, например, и такие: я предложил в том месте отчета, где опровергаются выдумки империалистов о стремлении Советского Союза насадить коммунизм путем экспорта революции, добавить: «Борьба за социализм и коммунизм шла в капиталистических странах задолго до появления Советского Союза. Борьба пролетариата за социализм и коммунизм заложена в самих классовых противоречиях капиталистической системы. Марксизм-Ленинизм научно обосновал не-

избежность победы социализма и коммунизма задолго до Октябрьской социалистической революции в России. А отсюда и наша уверенность, что без экспорта революции эта победа наступит. Мы отвергаем «экспорт революции», зная из истории, что революция побеждает в результате объективно создавшихся острых внутренних классовых противоречий внутри каждой страны».

По вопросу о войне необходимо подчеркнуть, что коммунисты — руководящая сила Советского Союза — на протяжении 40 лет проводят Ленинскую политику мира и решительно выступали и выступают против развязывания войны, тогда когда империалистические державы готовят войну и срывают дело укрепления мира между народами. Я предложил не вступать в полемику с Марксистско-Ленинской теорией об империализме и войне, тем более что последующая формулировка об отсутствии фатальной неизбежности войны не дает повод толковать, будто это Маркс и Ленин говорили о фатальной неизбежности войн. Наоборот, Ленин, например, всегда боролся за предотвращение войны силами активных революционных выступлений мирового пролетариата и идущих за ним трудящихся народных масс и вообще сторонников мира.

Были, конечно, и другие подобные поправки. Все поправки вносились и обсуждались без каких-либо обострений и полемического задора.

Главная наша цель заключалась в том, чтобы идти и прийти к XX съезду едиными. И в отчете ЦК было подчеркнуто: «Ныне наша партия едина, как никогда, она тесно сплочена вокруг Центрального Комитета и уверенно ведет страну по пути, указанному Великим Лениным. Единство партии складывалось годами и десятилетиями, оно росло и крепло в борьбе с многочисленными врагами». (Это опровергает следующее утверждение (в июле 1957 года), будто группа Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова подрывала единство с момента назначения Хрущева Первым секретарем ЦК.)

XX съезд подошел к концу. Но вдруг устраивается перерыв. Члены Президиума созываются в задней комнате, предназначенной для отдыха. Хрущев ставит вопрос о заслушивании на съезде его доклада о культе личности Сталина и его последствиях. Тут же была роздана нам напечатанная в типографии красная книжечка — проект текста доклада.

Заседание проходило в ненормальных условиях — в тесноте, кто сидел, кто стоял. Трудно было за короткое время прочесть эту объемистую тетрадь и обдумать ее содержание, чтобы по нормам

внутрипартийной демократии принять решение. Все это за полчаса, ибо делегаты сидят в зале и ждут чего-то неизвестного для них, ведь порядок дня съезда был исчерпан.

Надо сказать, что еще до XX съезда Президиум ЦК рассматривал вопрос о незаконных репрессиях, о допущенных ошибках. Президиум ЦК образовал комиссию, которой поручил рассмотреть дела репрессированных с выездом на места, сформулировать общие выводы и конкретные предложения. После обсуждения этого вопроса на Президиуме предполагалось собрать после XX съезда Пленум ЦК и заслушать доклад комиссии с соответствующими предложениями.

Именно об этом и говорили товарищи Каганович, Молотов, Ворошилов и другие, высказывая свои возражения. Кроме того, товарищи говорили, что мы просто не можем редактировать доклад и вносить нужные поправки, которые необходимы. Мы говорили, что даже беглое ознакомление показывает, что документ односторонен, ошибочен. Деятельность Сталина нельзя освещать только с этой стороны, необходимо более объективное освещение всех его положительных дел, чтобы трудящиеся поняли и давали отпор спекуляции врагов нашей партии и страны на этом.

Заседание затянулось, делегаты волновались, и поэтому без какого-либо голосования заседание завершилось и пошли на съезд. Там было объявлено о дополнении к повестке дня: заслушать доклад Хрущева о культе личности Сталина.

После доклада никаких прений не было, и съезд закончил свою работу.

После XX съезда партия организованно провела партийные собрания; с докладами и речами выступали все члены Президиума ЦК и члены ЦК. В докладах освещались все вопросы повестки дня съезда и последний внеочередной вопрос о культе личности. Важно подчеркнуть, что члены Президиума Каганович, Молотов, Ворошилов и другие в докладах о XX съезде честно и дисциплинированно освещали вопрос о культе личности в соответствии с постановлением XX съезда. На собраниях одобряли решения съезда. Нельзя, однако, не отметить, что среди членов партии были разные настроения. Были и люди ошарашенные, колеблющиеся в одобрении такой односторонней постановки вопроса. Враги нашей партии использовали все это для усиления своего антикоммунизма, особенно распоясались иностранные апологеты империализма и белоэмигранты.

Наши братские коммунистические партии оказались в трудном положении; неясности и колебания в их среде оказались даже

сильнее, чем внутри нашей партии. Изучая поступающую информацию, Президиум ЦК признал, что требуется более широкое, более объективное изложение вопроса о культе личности Сталина, чем дано на XX съезде. Поэтому было созвано совещание с участием товарищей и от братских компартий для разработки общего постановления о культе личности. После серьезного и глубокого обсуждения с участием не только членов нашего Президиума ЦК, но и товарищей Тореза, Ульбрихта, Ракоши и других было принято серьезное большое постановление Центрального Комитета от 30 июня 1956 года — «О преодолении культа личности и его последствий». Это постановление имело и имеет большое значение.

После принятия этого постановления были сделаны доклады на партсобраниях внутри нашей партии и в братских партиях. Вновь выступали члены Президиума ЦК. Соответственно парторганизации провели большую разъяснительную работу в массах.

И партия, и народ высоко оценили тот факт, что сама партия, ее ЦК самокритично вскрыли имевшие место ошибки и допущенные беззакония, от которых наряду с истинными врагами народа пострадали невинные люди. Советские люди хорошо восприняли меры партии и правительства, чтобы впредь этого не допускалось.

Однако в практической работе, особенно в области сельского хозяйства, меры были недостаточны. Это беспокоило Президиум ЦК. На этой почве, как и по ряду других вопросов, в Президиуме ЦК были споры, в частности с Хрущевым, который после XX съезда начал «зарываться», нарушая коллективные методы руководства. Он начал вести себя так, как поется в украинской песне: «Сам пою, Сам гуляю, Сам стелюся, Сам лягаю. САМ!»

Это не могло не вызвать недовольства.

ИЮНЬ 1957-го

Казалось бы, что после XX съезда партии деловая работа должна улучшиться, но, к сожалению, этого не произошло.

После XX съезда последние остатки былой некогда скромности Хрущева исчезли — как говорится, «шапка на ем встала торчком».

Почувствовав себя «вождем», он, во-первых, перестал старательно готовить вопросы к заседаниям Президиума. Коллективность в руководстве была грубо нарушена, а главное — это приводило к грубым ошибкам в существе политического и экономического руководства. Поехал он, например, в Горький, и вдруг узнаем, что на митинге он объявил о том, что во исполнение яко-

бы выраженной воли горьковских рабочих все выплаты по облигациям Государственных займов отсрочиваются на 20 лет. Потом, правда, это решение было оформлено голосованием — опросом по телефону, но дело было сделано самим Хрущевым.

Все знают, какое недовольство это вызвало у населения плюс подорвало доверие к государству.

С некоторого времени Хрущев стал проявлять активность в вопросах внешней политики. Это, конечно, было хорошо. Я сам ему советовал — со времен Ленина ни один вопрос внешней политики не решался без Политбюро, и Сталин все вопросы внешней политики вносил на Политбюро и сам ими занимался. Поэтому и ему как Первому секретарю ЦК необходимо было это соблюдать. Вначале и Хрущев придерживался этого порядка, но потом стал самовольничать. Демонстрируя, что он «совладал с техникой», как непревзойденный «знаток» дипломатии, Хрущев почти во все проекты МИДа стал вносить свои поправки или просто забраковывал их, особенно после того, как по его предложению Молотов был снят с поста министра иностранных дел (хотя он строго проводил политику мира).

Был один вопрос, по которому Президиум не поддержал Молотова, это вопрос о Югославии. Молотов сдерживал восстановление отношений с Югославией, в том числе и по государственной линии. Президиум ЦК принял решение восстановить государственные отношения с сохранением расхождений по партийно-идеологической линии. Хрущев фактически пошел несколько дальше и по партийной линии, нарушая директивы ЦК.

Вообще, Хрущев «разошелся» и начал давать интервью иностранцам без предварительного согласования с Политбюро, то есть нарушая установившийся ранее порядок. Вдруг, например, Политбюро узнает, что Хрущев выступил по телевидению по международным вопросам, ничего никому заранее не сказав. Это было грубым нарушением всех основ партийного руководства внешними делами. Политбюро никогда не давало такого права выступать публично без его разрешения и предварительного просмотра даже высокоэрудированным дипломатам, а тут мы тем более знали недостаточную компетентность, «изящность» и обороты его ораторского искусства, и мы были обеспокоены, что он может «заехать не туда». Этот вопрос был нами поставлен на Президиуме. Разговор был большой и острый. Хрущев обещал Президиуму впредь не допускать подобных явлений, соблюдая существующий порядок. После событий 1957 года и смены Президиума он, как полновластный «хозяин», отменил этот порядок и выступал вовсю сам,

где угодно и как угодно. Здесь уже по-преимуществу работали литературные «помощники», современные «роботы» — и писали, и писали, а он читал и читал до того, что язык уставал, зато голова отдыхала.

Наибольший организаторский «талант» Хрущев проявил в «великой» реорганизации государственного аппарата. Не буду здесь излагать подробно всю эту реорганизацию — она известна. Были ликвидированы почти все хозяйственные министерства. Были созданы Советы Народного Хозяйства. Сама по себе идея совнархозов могла бы принести пользу при сохранении министерств, хотя бы и сокращенных, если бы эти совнархозы были тесно связаны с территориальными, республиканскими и областными центрами и имели определенный круг предприятий, которые полностью им подчинялись. В особенности это относится к местной промышленности в широком ее понимании. Но если вначале совнархозы были ближе к областному делению, то вскоре начался их отрыв от областного деления.

Некоторые члены Президиума ЦК вносили предложение о создании Высшего Совета Народного Хозяйства СССР. Вначале это было объявлено Хрущевым «консервативным сопротивлением» всей реформе, а потом он сам же начал создавать совнархозы республик, в том числе совнархоз РСФСР, затем был и организован Всесоюзный Совет Народного Хозяйства. В каждом из них создавались отраслевые, комплексно-территориальные органы — это была сплошная, перманентная перетасовка. Потом, когда жизнь дала почувствовать, что современный процесс специализации индустрии требует соответствующей организации, были созданы вместо упраздненных министерств отраслевые комитеты — вначале в пределах Госплана, а потом самостоятельные государственные комитеты, почти с правами и функциями министерств (и для пущей важности даже названные министерствами, но кастрированные и, следовательно, бессильные). Поэтому этот суррогат госкомитетов в сочетании с гигантскими совнархозами не мог выдержать жестокой критики жизненной действительности.

Что касается местных совнархозов, я лично полагал бы, что при облисполкомах могли бы быть такие хозяйственные органы под тем или иным названием. Они, эти органы, должны объединять определенные группы предприятий: ширпотреба, металлообрабатывающие, стройматериалов, пищевые и тому подобные — с тем чтобы они удовлетворяли значительную часть потребностей населения. Они сыграли бы важную роль в территориальном кооперировании предприятий, например изготовлении деталей для

машин, в частности автотранспорта, и вообще сократили бы дальние и встречные перевозки. Эти органы (совнархозы или под другим наименованием) должны быть подчинены облисполкомам, Советам, они должны быть прибыльными и повышать уровень жизни населения, в первую очередь своих рабочих.

Хрущев и здесь, с вопросами о совнархозах, испортил неплохую идею. При правильной организации она могла бы принести пользу, если бы не стремление Хрущева открывать свою «эврику» и в мировом масштабе.

Был организован всенародный плебисцит, предложения были приняты, но они не обнаружили устойчивости.

Можно предположить, что здесь была цель получить «побочный», а может быть, и главный эффект — перешерстить, перелопатить или, говоря по-троцкистски, перетряхнуть кадры министерств и их местных органов и заменить «неблагонадежных» и неверных новому руководству другими, своими кадрами. Сомнительно, чтобы это дало желаемые результаты, а вред народному хозяйству эта «великая» хрущевская реорганизация принесла.

Особенно несуразным, противоречащим основам нашего партийного строительства явилось проведенное по его предложению разделение руководящих областных парторганов на промышленные и хозяйственные. Вред такого новшества настолько очевиден, что доказывать это и не требуется.

Известно, что крупнейшим вопросом был вопрос о животноводстве. Еще до XX съезда на Пленумах ЦК и на самом XX съезде со всей остротой ставился этот вопрос. В отчете ЦК было предупреждение от легковесного подхода к этому делу.

Но вот после съезда, не успев добиться ничего серьезного в осуществлении директив съезда по животноводству, Хрущев коренным образом изменил указания съезда. Это изменение Хрущев сделал не в деловом предложении для серьезного обсуждения и решения, а опять же на митинге при открытии Сельскохозяйственной выставки весной 1957 года.

Не доложив Президиуму ЦК, Совету Министров, не поговорив даже с кем-либо из товарищей (видимо, опять же для того, чтобы удивить всех), Хрущев в присутствии всех членов Президиума провозгласил новую генеральную задачу партии и государства. «Мы, — сказал он, — ставим нашей генеральной задачей в области животноводства — догнать и перегнать США в 1960 году по развитию животноводства, по поголовью скота». Провозглашая эту привлекательную, заманчивую задачу, он никаких деловых расчетов не привел, потому что у него их не было. «Мы, — заклю-

чил он, — можем и должны выполнить эту задачу. Вся партия, народ, колхозники должны взяться и выполнить эту задачу».

Это был митинговый призыв, а не научно обоснованный план, нигде и никогда не обсуждавшийся — ни в Президиуме ЦК, ни в Совете Министров. Все члены Президиума ЦК были возмущены этой новой субъективистской выходкой Хрущева. В нарушение обычая члены Президиума не пошли после митинга на совместный обед, а разошлись по домам. Хрущев был смущен этим, хотя вначале подошел к нам с хвастливым видом изобретателя «великой идеи». На завтра был созван Президиум ЦК, на котором мы обсуждали этот вопрос. Члены Президиума, каждый по-своему, раскритиковали Хрущева прежде всего за то, что он не доложил заранее свое предложение. Члены Президиума предложили Хрущеву доложить Президиуму свои расчеты и мероприятия, обеспечивающие возможность и реальность выполнения поставленной задачи.

Хрущев, признавая ошибочным свой поступок, по существу же отстаивал правильность выступления, но никаких расчетов и обоснований не дал.

Президиум поручил Госплану произвести необходимые расчеты и доложить Президиуму свои сроки выполнения задачи — догнать и перегнать США по поголовью крупного рогатого скота. Не одну неделю считал Госплан и в конце концов к заседанию Президиума ЦК представил свои расчеты и выводы о возможности догнать США по поголовью рогатого скота к 1970–1972 году, то есть на 10 с лишним лет позже названного Хрущевым срока. Заседание проходило бурно. Хрущев называл госплановцев консерваторами, сердился, грозно подымал свой маленький кулачок, но опровергнуть цифры Госплана не смог.

Члены Президиума были склонны принять предложения Госплана, но на Бюро было принято решение поручить Госплану дополнительно доработать вопрос. Одновременно было поручено Министерству сельского хозяйства и аппарату ЦК разработать мероприятия по ускорению развития животноводства по соответствующим территориальным районам. К сожалению, и расчеты Госплана оказались слишком опрометчивы. Животноводство оказалось самой тяжелой отстающей частью нашего сельского хозяйства. Разумеется, нельзя сваливать вину за это на одного Хрущева, но его волюнтаризм здесь особенно сказался.

Наряду с «завоеванием позиций» в государственных и хозяйственных делах Хрущев решил, в порядке завоевания ореола «демократа» и «культурного» человека, заняться литературой и ис-

кусством. Насколько это ему удалось, видно из одного его выступления до июньских событий 1957 года.

На одной из загородных правительственных дач Центральным Комитетом партии и Советом Министров СССР был устроен званый обед на свежем воздухе для писателей и деятелей искусства вместе с Правительством и членами Президиума ЦК.

До обеда люди гуляли по большому парку, катались на лодках по пруду, беседовали. Группами и парами импровизировали самодеятельность, и некоторые члены ЦК вместе с гостями пели. Была действительно непринужденная хорошая обстановка.

Какое-то время такое настроение продолжалось и после того как сели за столы и приступили к закуске. Потом началась главная часть представления: выступил Он — Хрущев... Хотя эта речь была потом в печати изложена довольно гладко, но это была «запись», хотя стенограммы за столом не вели (а если она и была то вряд ли нашлась бы хоть одна стенографистка, которая сумела бы записать сказанное). И на обычной трибуне, когда он выступал без заранее написанной речи, речь его была не всегда в ладах с логикой и, естественно, с оборотами речи, а тут не обычная трибуна а столы, украшенные архитектурными «ордерами» в изделиях стекольной и иной промышленности, для «дикции» заполненные возбуждающим содержанием. Можно себе представить, какие «культурные» плоды дало такое гибридное сочетание содержимого на столе с содержимым в голове и на языке у Хрущева. Это был непревзойденный «шедевр ораторского искусства».

Не берусь изложить весь ход его речи, скажу о том, что врезалось мне в память.

Прежде всего Хрущев пытался «разжевать» для художников, писателей и артистов многое из того, что он говорил о культе личности Сталина на XX съезде партии, с той разницей, что там он читал, а здесь «выражался» устно — экспромтом, а потому это выглядело более «изящно».

Надо сказать, что «жареные» места были восприняты некоторой частью аудитории как приятное блюдо, за которое они готовы были бы выдать даже ему звание «лауреата по изящной словесности». Помню, когда Хрущев подчеркнул виновность руководителей ЦК, а именно Молотова, в зажиме именно русской литературы и искусства, писатель Соболев особенно вышел из «морских берегов» и, как моряк, дошел чуть ли не до «морского загиба». Но у большинства это вызвало не только замешательство, но и недовольство, не говоря уже о присутствующих руководящих партийных кадрах.

Нападение Хрущева на члена Президиума ЦК Молотова в среде беспартийной интеллигенции было из ряда вон выходящим фактом и имело далеко идущие цели. Недаром говорится: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке».

Следующим «номером» его выступления была уже критика некоторых писателей — тоже с определенной подборкой. Помню, что экстравагантными объектами его атаки были две женщины-писательницы: Мариэтта Шагинян и поэтесса Алигер. Я не буду излагать содержание его критики в их адрес, но, во всяком случае, это не было защитой партийно-ленинских позиций в литературе и искусстве. Надо им обеим, и Шагинян и Алигер, отдать должное — они выступили после его речи и смело, и логично, возражая Хрущеву. Помню, какой всеобщий смех вызвали первые слова пухленькой и миловидной Алигер, когда она, повернувшись к Хрущеву, сказала: «Вот видите — это я и есть та самая страшная Алигер!» Во всяком случае, как ни старалось после этого «обеда» ближайшее окружение Хрущева расписывать его речь, она внесла смятение, а не сплочение в ряды присутствовавших, за исключением, конечно, тех, которым нравилась драка в верхах. Это они ясно не только ощутили, но и услышали из уст новоявленного «защитника» «обиженной» Советской властью части интеллигенции. Однако и среди колеблющейся интеллигенции была значительная часть, которая была шокирована, смущена нападением на Молотова, которого они всегда считали настоящим, культурным русским интеллигентом. А этот, думали они, хотя и подлаживается к нам, но союзник ненадежный, уж больно из кожи лезет в наши защитники «новый вождь».

Лучшая же часть присутствовавшей интеллигенции ушла с обеда в замешательстве, а некоторые даже возмущенные.

Так новоявленный «диалектик» Хрущев превратил положительное в отрицательное, но зато он добился нового обострения внутри Президиума ЦК.

Если до этого он мог рассчитывать на большинство в Президиуме ЦК, то после этого его выступления с атакой на члена Президиума, можно прямо сказать, что большинство членов Президиума заняло более критические позиции по отношению к Хрущеву и его методам руководства.

По упрощенности своего мышления он считал достаточным, что Секретариат ЦК — его крепость, что же ему еще нужно?

Большинство же членов Президиума ЦК, которое известное время терпело во имя единства партии и ЦК, в конце концов поняло, что дальше терпеть такие ошибки в политике и такое руко-

водство нельзя, что Хрущев некомпетентен и мало пригоден для роли Первого секретаря ЦК, что рано или поздно партия и ЦК должны освободиться от него — так лучше раньше, чем позже.

К этому моменту отношения Хрущева с членами Президиума приняли уже обостренный характер. На заседаниях он резко обрывал выступавших товарищей. Я уже говорил о Молотове, Маленкове, но это касалось и Ворошилова, и меня — Кагановича, и других. Хотя должен сказать, что Хрущев первое время относился ко мне сдержанно. Больше того, когда он уезжал в отпуск в 1955 году, он предложил поручить сделать доклад о 38-й годовщине Октябрьской революции Кагановичу.

В 1956 году он позвонил мне по телефону из отпуска по вопросу о порядке дня XX съезда. Он мне сказал следующее: «Молотов предлагает включить в повестку XX съезда вопрос о программе партии. Видимо, он, Молотов, имеет в виду, что докладчиком по этому вопросу будет он. Но если уж включать в повестку дня съезда вопрос о программе, то докладчиком надо назначать тебя, потому что ты этим вопросом занимался еще к XIX съезду. Но вообще, — сказал он, — мы не готовы к этому вопросу». Я ему ответил, что я тоже считаю, что мы не успеем подготовить этот вопрос, поэтому включать его в повестку дня XX съезда нельзя.

Эти факты, между прочим, опровергают обвинения в решении июльского (1957 г.) Пленума в том, что я и вся так называемая группа боролись против Хрущева с самого начала его избрания Первым секретарем ЦК. Наоборот, Хрущев, проявляя ко мне указанное отношение, в то же время срывался на резкие наскоки по важным вопросам. Вот, например, когда вице-президент Академии Наук Бардин внес на Президиум ЦК просьбу об ассигнованиях на проведение мероприятий по «Году технического прогресса» (так, кажется, назывался) и я на заседании поддержал предложение Бардина, Хрущев раскричался: «Ишь ты, богатый нашелся, много у тебя миллионов. Это ты по-приятельски Бардина поддерживаешь!» Я действительно был знаком с Бардиным еще с 1916 года по работе в Юзовке, а также по работе в Наркомтяжпроме, никакого тут приятельства не было, а я просто поддержал правильную идею ради технического прогресса, тогда как Хрущев, выступавший на словах за технический прогресс, вступил в противоречие с самим собой и выступил против предложения Академии Наук. Его неистовство еще больше усилилось, когда Президиум ЦК удовлетворил просьбу Академии Наук.

Другой пример. В 1955 году ЦК решил создать Государственный Комитет по труду и зарплате. На пост председателя этого ко-

митета были выдвинуты две кандидатуры — Шверник и Каганович. Решили назначить заместителя Председателя Совета Министров Кагановича председателем этого Комитета по совместительству. Я, как старый профсоюзник, согласился.

Одним из первых дел была выработка нового закона о пенсиях. Я включился в это дело и представил свой первый проект. И вот при обмене мнениями в Президиуме Хрущев набросился на меня за предложенные слишком большие, по его мнению, ставки пенсий. Я ожидал возражения со стороны Министерства финансов, но никак не думал, что встречу такое нападение со стороны Хрущева, который всегда демонстрировал свое «человеколюбие» или, точнее, «рабочелюбие».

Я ему сказал, что не ждал, что он выступит против. Стараясь оправдать свой выпад государственными интересами, он сказал, что предложения Кагановича государство не выдержит. Его гнев еще больше усилился, когда я ему возразил: «Государство — это не ты. У Государства найдутся резервы для пенсионеров. Можно, например, сократить раздутые штаты и другие непроизводительные расходы». Президиум создал Комиссию во главе с Председателем Совета Министров Булганиным, которая приняла проект с некоторыми поправками. По этому проекту Булганин выступал с докладом на сессии Верховного Совета. Здесь Хрущев опять вступил в противоречие с самим собой.

Я мог бы привести и другие примеры его выпадов по отношению к другим членам Президиума ЦК. Такие, например, деловые, хорошие, так сказать, послушно-лояльные члены Президиума, как Первухин, Сабуров, были доведены Хрущевым до крайнего недовольства, особенно гипертрофическим выпячиванием Хрущевым своего «творчества» в любом вопросе — знакомом ему или незнакомом, а последних было большинство. Наступил такой момент, когда, как говорят на Украине, «терпець лопнув» (то есть лопнуло терпение), и не столько от личного недовольства, сколько от неправильного подхода Хрущева к решению крупных вопросов, в которых он не считался с объективными условиями.

И вот на одном из заседаний Президиума во второй половине июня вырвалось наружу недовольство членов Президиума ЦК руководством Хрущева.

Помню, на этом заседании в порядок дня был поставлен вопрос о подготовке к уборке и к хлебозаготовкам. Хрущев предложил поставить еще вопрос о поездке всего состава Президиума ЦК в Ленинград на празднование 250-летия Ленинграда. После обсуждения вопроса об уборке и перехода к вопросу о поездке

в Ленинград Ворошилов первый возразил. Почему, сказал он, должны ехать все члены Президиума, что у них, других дел нет? Я поддержал сомнения Ворошилова и добавил, что у нас много дел по уборке и подготовке к хлебозаготовкам. Наверняка надо будет ряду членов Президиума выехать на места, да и самому Хрущеву надо будет выехать на целину, где много недоделанного. Мы, сказал я, глубоко уважаем Ленинград, но ленинградцы не обидятся, если туда выедут несколько членов Президиума. Маленков, Молотов, Булганин и Сабуров поддержали эти возражения. И тут поднялся наш Никита и начал «чесать» членов Президиума одного за другим. Он так разошелся, что даже Микоян, который вообще отличался способностью к «быстрому маневрированию», стал успокаивать Хрущева. Но тут уж члены Президиума поднялись и заявили, что так работать нельзя — давайте обсудим прежде всего поведение Хрущева.

Было внесено предложение, чтобы председательствование на данном заседании поручить Булганину. Это было принято большинством Президиума, разумеется, без какого-либо предварительного сговора.

После того как Булганин занял место председателя, взял слово Маленков. «Вы знаете, товарищи, — сказал Маленков, — что мы поддерживали Хрущева. И я, и товарищ Булганин вносили предложение об избрании Хрущева Первым секретарем ЦК. Но вот теперь я вижу, что мы ошиблись. Он обнаружил неспособность возглавлять ЦК. Он делает ошибку за ошибкой в содержании работы, он зазнался, отношения его к членам Президиума ЦК стали нетерпимыми, в особенности после XX съезда. Он подменяет государственный аппарат, командует непосредственно через голову Совета Министров. Это не есть партийное руководство советскими органами. Мы должны принять решение об освобождении Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК».

Это самое краткое изложение речи Маленкова, как и других товарищей.

После тов. Маленкова выступил тов. Ворошилов. Он сказал, что охотно голосовал за избрание Хрущева Первым секретарем ЦК и поддерживал его в работе, но он начал допускать неправильные действия в руководстве. «И я пришел к заключению, что необходимо освободить Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК. Работать с ним, товарищи, стало невмоготу». Он рассказал, когда и как Хрущев допускал по отношению к нему лично окрики, бестактность и издевательства. «Не можем мы больше терпеть подобное. Давайте решать», — заключил он.

После Ворошилова выступил Каганович. «Рассматриваемый нами вопрос является нелегким и огорчительным вопросом. Я не был в числе тех, кто вносил предложение об избрании Хрущева Первым секретарем ЦК, потому что я давно его знаю с его положительными и отрицательными сторонами. Но я голосовал за это предложение, рассчитывая на то, что положение обязывает и заставляет руководящего работника усиленнее развиваться и расти в процессе работы. Я знал Хрущева как человека скромного, упорно учившегося, который рос и вырос в способного руководящего деятеля в республиканском, областном и в союзном масштабе, как секретаря ЦК в коллективе Секретариата ЦК.

После избрания его Первым секретарем он некоторое время больше проявлял свои положительные черты, а потом все больше стали проявляться его отрицательные стороны — как в решении задач партии по существу, так и в отношениях с людьми. Я, как и другие товарищи, говорил о его положительной работе и подчеркивал его ошибки в вопросах планирования народного хозяйства, в которых Хрущев особенно проявлял свой субъективистский, волюнтаристский подход, так и в вопросах партийного и государственного руководства. Поэтому я поддерживаю предложение об освобождении товарища Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК. Это, конечно, не значит, что он не останется в составе руководящих деятелей партии. Я думаю, что Хрущев учтет уроки и подымет на новый уровень свою деятельность.

Но есть еще одна сторона в поведении Хрущева, которую нужно осудить: Хрущев, как теперь установлено, в Секретариате ЦК сплачивал свою фракцию. Он систематически занимался дискредитацией Президиума и его членов, критиковал их не на самом Президиуме, что вполне законно и необходимо, а в Секретариате ЦК, направляя свои стрелы против Президиума, являющегося высшим органом партии между Пленумами ЦК. Такие действия Хрущева вредят единству, во имя которого Президиум ЦК терпел до сих пор причуды Хрущева. Об этом придется доложить на Пленуме ЦК, который необходимо будет созвать. Еще добавлю один важный, по-моему, факт. На одном из заседаний Президиума Хрущев сказал: «Надо еще разобраться с делами Зиновьева-Каменева и других, то есть троцкистов». Я бросил реплику: «Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала». Хрущев вскипятился и начал кричать: «Что ты все намекаешь, мне это надоело».

Тогда на Президиуме я не стал раскрывать этот намек, но сейчас я его раскрою. Хрущев был в 1923 — 1924 годах троцкистом. В 1925 году он пересмотрел свои взгляды — покаялся в своем гре-

хе. Именно в 1925 году я с ним познакомился в Донбассе и увидел в нем искреннего Ленинца — сторонника линии ЦК ВКП(б). В дальнейшей его судьбе — его выдвижении — была известная доля моего участия как секретаря ЦК Украины, а потом как секретаря ЦК КПСС, занимавшегося кадрами. Я его оценил как способного, растущего работника из рабочих и исходил из того, что партия и ЦК не мешают расти людям, имевшим в прошлом ошибки, но изжившим их.

Я доложил об этом Сталину, когда на Московской конференции выбирали Хрущева секретарем. Вместе с Хрущевым я был у Сталина, и тот посоветовал, чтобы Хрущев выступил на конференции с рассказом о себе, а Каганович подтвердит, что ЦК это знает и доверяет Хрущеву. Так это было. Конечно, грехи прошлого прощаются и не напоминаются до рецидива.

Сделанное Хрущевым заявление тогда — это рецидив. И мы ему напоминаем старый грех, чтобы эти рецидивы не повторялись».

После Кагановича выступил Молотов. «Как ни старался Хрущев провоцировать меня, — сказал Молотов, — я не поддавался на обострение отношений. Но оказалось, что дальше терпеть невозможно. Хрущев обострил не только личные отношения, но и отношения в Президиуме в целом при решении крупных государственных и партийных вопросов». Тов. Молотов подробно остановился на вопросе реорганизации управления, считая ее неправильной, говорил о неправильности приписывания ему, будто он против Целины. Это неверно. Верно то, что он возражал против чрезмерного увеличения и доведения сразу до 20-30 млн га, что лучше вначале сосредоточиться на 10-20 млн, подготовить как следует, чтобы освоить хорошо и получить высокие урожаи. Тов. Молотов опровергал приписываемое ему торможение политики мира — это неправда, но, видимо, эта выдумка нужна была для того, чтобы оправдать необходимые шаги по внешней политике. Его выступления против Югославии относились к вопросам не внешней политики, а к антипартийным, антисоветским выступлениям югославов, за которые мы их критиковали и должны критиковать. «С Хрущевым как с Первым секретарем ЦК больше работать нельзя, — сказал Молотов. — Я высказываюсь за освобождение Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК».

После Молотова выступил Булганин. Он начал с того, что рассказал о фактах неправильных методов руководства работой государственных органов, в том числе Совмина, о нетоварищеском отношении даже по отношению к нему лично. Булганин говорил об ошибках по существу ряда решений. «Я, — заключил

Булганин, — полностью присоединяюсь к предложению об освобождении Хрущева».

Выступили товарищи Первухин и Сабуров. Они оба заявили, что раньше хорошо относились к Хрущеву, так же как Хрущев к ним. «А теперь мы видим, что Хрущев зарвался, зазнался и затрудняет нам работу. Его надо освободить».

Тов. Микоян, верный своей тактике маневрирования, сказал, что верно, есть недостатки в работе Хрущева, но они исправимы, поэтому он считает, что не следует освобождать Хрущева.

После нас выступил сам Хрущев. Он опровергал некоторые обвинения, но без задиристости, можно сказать, со смущением. Часть упреков признал, что действительно, я, мол, допускал ошибочное отношение к товарищам, были ошибки и в решении вопросов по существу, но я обещаю Президиуму, что я исправлю эти ошибки.

В защиту Хрущева выступили Секретари ЦК: Брежнев, Суслов, Фурцева, Поспелов, хотя и оговаривались, что, конечно, недостатки есть, но мы их исправим.

По-иному выступил, единственный из всех, секретарь ЦК Шепилов. Он честно, правдиво и убедительно рассказал про недопустимую атмосферу дискредитации и проработки Президиума ЦК, созданную Хрущевым в Секретариате ЦК. В особенности Хрущев чернил Ворошилова, как «отжившего, консервативно-отсталого» деятеля. (В то же время Хрущев лицемерно оказывал Ворошилову внешне любезность и «уважение».) Шепилов рассказал о ряде неправильных решений Секретариата за спиной Президиума ЦК. Фактически Хрущев превратил Секретариат ЦК в орган, действующий независимо от Президиума ЦК.

Президиум заседал четыре дня. Председательствовавший Булганин по-демократически вел заседание, не ограничивал время ораторам, давая иногда повторные выступления и секретарям ЦК.

А тем временем хрущевский Секретариат ЦК организовал тайно от Президиума ЦК вызов членов ЦК в Москву, разослав через органы ГПУ и органы Министерства обороны десятки самолетов, которые привезли в Москву членов ЦК. И это было сделано без какого-либо решения Президиума и даже не дожидаясь его решения по обсуждаемому вопросу. Это был настоящий фракционный акт, ловкий, но троцкистский.

Большинство Президиума ЦК не такие уж простаки или плохие организаторы. Если бы они стали на путь фракционной борьбы, в чем их потом неверно обвинили, то могли бы организовать проще — снять Хрущева. Но мы вели критику Хрущева по-пар-

тийному, строго соблюдая все установленные нормы с целью сохранения единства.

По-фракционному повел дело Хрущев. К концу заседания Президиума ЦК явилась от собравшихся в Свердловском зале членов ЦК делегация во главе с Коневым, заявив, что члены Пленума ЦК просят Президиум доложить Пленуму ЦК об обсуждаемых на Президиуме вопросах. Некоторые члены Президиума гневно реагировали на этот акт созыва членов ЦК в Москву без разрешения Президиума ЦК как акт узурпаторский со стороны Секретариата ЦК и, конечно, самого Хрущева.

Тов. Сабуров, например, ранее боготворивший Хрущева, с гневным возмущением воскликнул: «Я вас, товарищ Хрущев, считал честнейшим человеком. Теперь вижу, что я ошибался, — вы бесчестный человек, позволивший себе по-фракционному, за спиной Президиума ЦК организовать это собрание в Свердловском зале».

После маленького перерыва Президиум ЦК решил: несмотря на то что Секретариат ЦК грубо нарушил Устав партии, но уважая членов ЦК и считаясь с тем, что они ждут прихода членов Президиума, прервать заседание Президиума и пойти в Свердловский зал.

Сбросивший свою маску смущения, ободренный, Хрущев рядом с Жуковым и Серовым шествовал в Свердловский зал.

Можно себе представить внутреннее психологическое состояние членов Пленума ЦК, доставленных в Москву в столь чрезвычайном порядке. Еще до открытия Пленума члены ЦК были, конечно, информированы о заседании Президиума ЦК (об этом уже позаботился аппарат ЦК). Но когда открылся Пленум, вместо доклада о заседании Президиума, которого, конечно, ожидали члены ЦК, им было преподнесено «блюдо» «об антипартийной группе Маленкова, Кагановича и Молотова».

То есть вместо вопроса «О неудовлетворительном руководстве Первого Секретаря ЦК Хрущева» был поставлен абсолютно противоположный, надуманный вопрос «Об антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова».

Доклада о заседании Президиума ЦК и обсуждавшихся им вопросах фактически не было сделано, зато был нанизан целый комплекс политических обвинений в адрес выдуманной антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним кандидата в Президиум — Шепилова.

Чувствуя нелепость, несуразность положения — объявить большинство Президиума ЦК фракцией, хрущевские обвинители прибегли к хитросплетенной выдумке о «группе трех» — Мален-

кова, Кагановича, Молотова, выделив их из семи членов Президиума, выступавших против Хрущева, осуждавших его и требовавших его освобождения (из остальных четырех товарищей — Ворошилова, Булганина, Первухина, Сабурова — первых трех даже вновь избрали в Президиум ЦК).

Таким образом, выделив трех — Маленкова, Кагановича, Молотова, была сделана попытка скрыть, что из девяти членов Президиума только два — Микоян и сам Хрущев — были за оставление Хрущева Первым секретарем, а большинство — семь — были за освобождение Хрущева как плохо осуществляющего политическую линию ЦК партии на практике.

Потом «победителями» уже был придуман новый аргумент, что, мол, пользуясь арифметическим большинством, эта группа хотела сменить и состав руководящих органов партии, изменить линию партии. Но, во-первых, нелепо говорить об арифметическом большинстве — а какое же иное большинство может быть при решении тех или иных вопросов? Да, в Президиуме ЦК большинство было за смену одного Хрущева, но разве состав руководящих органов партии — это один Хрущев? Разве не весь Президиум является руководящим органом между Пленумами ЦК? Поэтому смешно говорить и писать, что Президиум хотел сменить состав руководящих органов партии, то есть сменить самого себя.

Итог известен: был принят предложенный проект постановления, опубликованный в «Правде», «Об антипартийной группе Маленкова Г.М., Кагановича Л.М., Молотова В.М.».

В принятом постановлении говорится, что «эта группа антипартийными фракционными методами добивалась смены...» Разве большинство Президиума можно называть фракцией? Никаких фактов о фракционных методах нет, их и не было; никаких групп, особых собраний каких-либо групп ни до, ни после официального заседания Президиума, никакого сговора не было. Если бы была фракционная группа, то мы уж не такие плохие организаторы, чтобы оказаться в таком положении, чтобы Хрущев и его фракция так обставили нас — большинство Президиума. Именно Хрущев и примкнувшие к нему организованно действовали как фракция, собрав членов ЦК тайно, за спиной Президиума ЦК. А мы — не группа, а большинство Президиума, сберегая единство ЦК, заседали, обсуждали, доказывали и стремились решить вопрос без фракционного ловкачества, которое применил Хрущев и его хитрые советчики.

Могут сказать — ловок все-таки Хрущев. Да, но ловкость эта — троцкистская, антипартийная. Однако, понимая, что выделить

трех членов Президиума и исключить их из ЦК, его Президиума, просто пришив им белыми нитками фракционность и антипартийность, неубедительно для партии, новый состав хрущевского руководства, еще до его избрания, составил проект постановления Пленума ЦК КПСС, заполненный иными выдумками, политически принципиальными обвинениями так называемой антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова.

В проекте нанизаны обвинения, которые даже опровергать не стоит, потому что все выдумано. Ни одного факта или хотя бы цитаты из высказываний не приводится. Фактов нет, потому что их не было в жизни. Все мы выступали с докладами, речами, защищали линию партии, решения ЦК и съездов партии, в том числе и XX съезда.

В практической работе можно у любого найти ошибки, недостатки, были они и у нас, но о них-то и в постановлении мало говорится. Зато общих, необоснованных, хлестких обвинений полно. «В то время, — записано в решении, — когда партия под руководством Центрального Комитета, опираясь на всенародную поддержку, ведет огромную работу по выполнению решений XX съезда... в это время антипартийная группа Маленкова, Кагановича и Молотова выступает против линии партии». Где? Когда? В чем выразились эти выступления? Фактов, фактов нет. Можно бы привести десятки, сотни фактов, свидетельствующих об обратном во всей работе указанных товарищей, опровергающих эти голословные, выдуманные утверждения об их стремлении к изменению политической линии партии и ЦК.

В Постановлении ЦК 1957 года сказано: «В течение последних 3-4 лет, когда партия взяла решительный курс на исправление ошибок и недостатков, порожденных культом личности, и ведет усиленную борьбу против ревизионистов марксизма-ленинизма, участники раскрытой теперь и полностью разоблаченной антипартийной группы постоянно оказывают прямое и косвенное противодействие этому курсу, одобренному XX съездом КПСС». Это утверждение полностью опровергается постановлением же Центрального Комитета партии от 30 июня 1956 года «О преодолении культа личности и его последствий».

В этом постановлении ЦК, принятом после XX съезда партии, сказано: «XX съезд партии и вся политика Центрального Комитета после смерти Сталина ярко свидетельствует о том, что внутри Центрального Комитета партии имелось сложившееся Ленинское ядро руководителей, которые правильно понимали назревшие потребности в области как внутренней, так и внешней политики.

Нельзя сказать, что не было противодействия тем отрицательным явлениям, которые были связаны с культом личности и тормозили движение социализма вперед. Ленинское ядро Центрального Комитета сразу же после смерти Сталина стало на путь решительной борьбы с культом личности и его тяжелыми последствиями».

Из сопоставления этих двух постановлений ЦК видно, что Постановление 1957 года выдумано. Ведь после XX съезда избран Президиум ЦК, составивший указанное Ленинское ядро ЦК, а в этом ядре и были Ворошилов, Молотов, Каганович, Маленков, Булганин, Микоян, Первухин, Сабуров, Шверник и другие. Как же можно свести Ленинское ядро ЦК к Хрущеву и Микояну, а остальных, в особенности Молотова, Кагановича, Маленкова, Ворошилова, исключить и ошельмовать? Все это понадобилось хрущевской фракции для того, чтобы прикрыть действительные ошибки и недостатки, критиковавшиеся на Президиуме ЦК. Для того, чтобы оправдать исключение из ЦК, и надуманы все эти «принципиально политические» обвинения.

Это была антипартийная, антиленинская расправа со старыми деятелями партии и Советского государства, расправа за критику Первого секретаря ЦК Хрущева, возомнившего себя незаменимым.

Больше того, Маленков, Каганович, Молотов после исключения их из ЦК честно и усердно, как полагается коммунистам, трудились на предоставленных им работах, в парторганизациях активно участвовали в работе и борьбе за выполнение решений партии и ее ЦК. Никаких замечаний или обвинений в чем-либо не имели.

Несмотря на это, через четыре года после решения 1957 года их исключили из партии.

Добиваясь восстановления в партии, они — ныне без партийного билета — остаются верными коммунистами, Марксистами-Ленинцами, пролетарскими интернационалистами, борцами за линию партии и ее ЦК, за Социализм и Коммунизм!

Я надеюсь, я верю, что партия, ее Центральный Комитет, его Политбюро установят правду и восстановят нас в правах членов нашей родной Ленинской партии.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В настоящей части моих воспоминаний я имел намерение осветить жизнь и работу ЦК нашей партии и Советского правительства. Но, к сожалению, я потерял зрение и вынужден буду сократить свои планы. Уже первые попытки писать по методу слепых показывают крайнюю трудность выполнения даже сокращенного плана. Но пасовать перед трудностями нельзя — природа оставила мне мало времени и писать нужно на пределе, не теряя времени, особенно в настоящее время переживаемых трудностей нашей Родиной и моей родной Коммунистической партией.

Может быть, мне придется сократить воспоминания о прошлой работе этого периода для того, чтобы успеть изложить свои размышления о настоящем положении и о задачах по преодолению трудностей.

Наша партия и Советское государство [пережили] немало трудностей и выходили победителями. Мы, настоящие большевики, уверены, что и в данный момент наша Родина и Партия выйдут победителями. Наша Коммунистическая партия по своей инициативе провозгласила необходимость развития советской социалистической демократии и гласности. Это положительно сказалось на подъеме политической жизни и творчества в народных массах. Но нельзя не видеть, что противники социализма, особенно активные враги социализма, используют демократию, гласность и особенно многопартийность для повторения доводов и клеветы белоэмигрантских и западных апологетов капитализма.

Они, эти лжедемократы, спекулятивно используют трудности, испытываемые страной и народом, для того, чтобы склонить колеблющихся, нестойких людей на антисоциалистический путь,

то есть на путь капитализма. Так как этого не так просто добиться, то они применяют испытанный в борьбе с социализмом путь наступления на передовой авангард революционного народа — на Коммунистическую партию, единственно верную до конца защитницу эксплуатируемого капиталом народа.

Из истории известно коварство апологетов капитализма-империализма, выбирающих в первую очередь мишенью вождей рабочего класса и его партии. Они, враги социализма, используют ошибки в их деятельности, начинают обстрел этих руководителей, а затем уже наступают в открытую на Партию и на ее идеологию, на ее принципы. Так именно и поступили [современные] антисоциалистические силы у нас в Советской стране. Наша Партия давно подвергла суровой критике имевшие место ошибки и беззакония, когда в 30-е годы наряду с законными репрессиями по отношению к действительным врагам народа пострадали невинные люди. Несмотря на это, антисоциалистические силы развернули в 1987 году, к 70-летию Октябрьской революции, с новой, большой силой сталиноедскую кампанию, «обогащая» факты [низкой] клеветой. К сожалению, этому научились и некоторые коммунисты. Но, как показало дальнейшее развитие наступления сталиноедов, они избрали Сталина и его соратников, которые сами не отрицают свою долю ответственности, как мишень для атаки на Коммунистическую партию, на Октябрьскую революцию и даже на Ленина. Им, врагам социализма, важна не гуманность, о которой они фальшиво кликушествуют. Им нужна реставрация капитализма, власти кулака — нэпмана. Мы, конечно, относимся к честным исследователям с большим уважением, а фальшивых лицемерных политиканов, повторяющих белоэмигрантские зады с безудержной клеветой, мы должны дальше разоблачать.

Мы преодолеем трудности, если будем бороться с врагами социализма, не допуская, конечно, ошибок и беззаконий.

Только сплотив на основе идейно принципиальной линии всех передовых людей народа, в первую очередь рабочего класса, мы преодолеем все трудности и пойдем вперед — к полной победе Социализма, а затем и Коммунизма!

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПИСЬМО И.В. СТАЛИНА К.Ф. СТАРОСТИНУ О ПРИСВОЕНИИ МОСКОВСКОМУ МЕТРОПОЛИТЕНУ ИМЕНИ Л.М. КАГАНОВИЧА

4 февраля 1935 года

До ЦК партии дошли слухи, что коллектив Метро имеет желание присвоить метро имя т. Сталина. Ввиду решительного несогласия т. Сталина с таким предложением и ввиду того, что т. Сталин столь же решительно настаивает на том, чтобы метро было присвоено имя т. Л.Кагановича, который прямо и непосредственно ведет успешную организационную и мобилизационную работу по строительству метро, ЦК ВКП(б) просит коллектив Метро не принимать во внимание протестов т. Л.Кагановича и вынести решение о присвоении метро имени т. Л.Кагановича.

Секретарь ЦК И.Сталин

ПИСЬМА Л.М. КАГАНОВИЧА И. В. СТАЛИНУ

5 сентября 1935 года

«Дорогой товарищ Сталин!.. Сообщаю кратко об НКПСовских делах. Главная работа идет сейчас вокруг проведения в жизнь приказа «О паровозном хозяйстве и о графиках движения». На днях я заслушал по селектору доклады начальников дорог и даже некоторых начальников депо. Видно, что стоячее болото разворошилось: командиры вынуждены подтягиваться, потому что на них жмут машинисты и кондуктора. На Донецкой дороге уже вместо 184 км пробега паровоза в сутки часть паровозов бегает уже 212–220 км. Машинисты на паровозе от Лимана до Ясиноватой 102 км пробегают за свои 8 часов туда и обратно. Эти машинисты и кондуктора выступили и заявили, что впервые они заказывают дома обед к определенному часу и обедают вместе с семь-

ей. Один машинист заявил: «Впервые я себя почувствовал организованным человеком», и когда он пришел домой через 8 часов, то жена начала его допрашивать, не отменили ли поезд, и никак не верила, что он успел уже съездить.

Левченко уже охладил и поставил в резерв 100 паровозов. Однако трудности большие, и прежде всего в деле составления графиков так, чтобы паровозы не простаивали. На днях я имел совещание с низовыми графистами, и выяснилось, что они предоставлены сами себе. Никто ими не руководит, а то, что они составляют, утверждают механически, даже не читая. Сейчас мы меняем круто это положение — график каждой дороги будет рассматриваться нами в НКПСе, и до 15 сентября утвердим новые графики.

К зиме готовятся пока неважно. Особенно плохо, конечно, на востоке. Мы сейчас послали ряд начальников управлений НКПСа и их замов на места, в частности на восток. На днях, 1 сентября, получился срыв погрузки: 31-го дали 77 900, а 1-го — 68 тысяч, то есть почти на 10 тысяч вагонов падение. Я издал в связи с этим приказ и «поставил на вид» ряду начальников дорог за самотек и увлечение, допущенное 31-го: израсходовав порожняк, они не подумали о завтрашнем дне. Качка, видимо, еще не окончилась, и приходится быть начеку.

На этот раз на этом кончу. Сердечный вам привет. Как вы отдыхаете? Желаю вам всего хорошего.

Ваш Л. Каганович

Август 1942 года

Товарищу Сталину!

Положение на фронте продолжает оставаться тяжелым. Войска бывшего Южного фронта до сих пор еще неустойчивы и подвержены отступательским, паникерским настроениям, заразив ими часть немногочисленных войск бывшего СКФ, за исключением конного корпуса и 47-й Армии. Самым плохим является безразличное отношение части командиров к потерям материальной части, хаотическому отступлению войск и даже потерям многих важных пунктов и городов. Принятые нами меры в первых числах августа во исполнение вашего приказа дали как бы улучшение в состоянии войск и управлении ими, крайне поредевшие дивизии и отдельные части начали пополняться за счет задерживаемых неорганизованно отходивших и стали хоть немного способными к какому-то сопротивлению и хоть частично восстановить фронт. Однако после 5-го, когда противник прорвал Кубанский рубеж, а затем и Лабинский, положение опять резко ухудшилось. Танкобоязнь и настроения безнадежности борьбы с танками

противника без танков захватили даже часть работников штаба фронта. Это подтверждается тем, что стоит противнику приблизиться и прорвать линию хоть 5 танками, положение представлялось сразу безнадежным и серьезных мер для ликвидации такого прорыва не принималось, несмотря на приказы командования.

Необходимо сказать, что приказы командования фронтом выполняются плохо, и при этом безбожно развито вранье, в результате последние дни отступление не удалось остановить, и мы потеряли Майкоп, борьба идет уже внутри города Краснодара. Правда, необходимо прямо сказать, что, если бы не принятые меры, Краснодар был бы давно захвачен противником без борьбы. В настоящий момент главная задача — приостановить наступление противника на Туапсе и Новороссийск. Для этого мы сейчас расставили в районе шоссе Майкоп — Туапсе войска 236-й дивизии 18-й Армии, стягиваем силы конного корпуса, расставляем часть РСов, занимаем все горные дороги и тропы, приступили к строительству «...» укрепительных сооружений — пулеметные и артиллерийские гнезда. Одновременно принимаем, на основании приказа 227, меры по полному оздоровлению тыла, к настоящему [моменту] заградотряды созданы в большинстве дивизий, создано «...» штрафных рот, разослали специальных работников, в том числе и судебно-прокурорских, для задержки неорганизованно двигающихся частей и одиночек. Составлен план формирования из отходящих в районе Туапсе и Новороссийска как людей, так и автобатальонов.

Л. Каганович

30 августа 1942 года

ШИФРОВКА
МОСКВА КРЕМЛЬ Т. СТАЛИНУ

1) В данный момент самым острым является положение на Новороссийском направлении. Противник там нажимает, три дня назад он уже занимал 27-ю гряду высот перед Новороссийском и из артиллерии обстреливал Новороссийск. Как вам известно из наших донесений, мы дали приказ о наступлении с целью занять Неберджаевскую и Нижне-Баканскую. В течение трех дней шли наступательные бои, наши части оттеснили было противника, заняв южную часть Неберджаевской, но, не удержав эти позиции за собой, закрепляются на высотах, которые до нашего наступления были заняты противником. (В этих боях убит член Военного Совета армии т. Абрамов и легко ранены командующий армией

т. Котов и командированный нами зам. нач. штаба фронта генерал Разуваев.) Хотя после контрнаступления наши позиции улучшились, положение Новороссийска остается серьезным. Сегодня на Военном Совете был остро поставлен вопрос о новых мерах укрепления обороны Новороссийска: дополнительные укрепления непосредственно у города, более правильное размещение по участкам имеющихся войск, устройство дополнительных узлов сопротивления, выделение небольших отрядов для действия против таких же небольших отрядов противника и т.п. Сегодня за ночь эти мероприятия будут разработаны и вам доложены. Однако, так как у командования армией и даже в штабе фронта не проявляется должной инициативы и энергии в принятии мер в связи с новой обстановкой на Новороссийском направлении — и даже проявляется известная неуверенность, то было бы очень хорошо, если бы вы, т. Сталин, прислали директиву об усилении обороны Новороссийска. По опыту вижу, что каждая ваша телеграмма мобилизует силы фронта.

2) После ваших критических указаний мы приняли ряд мер по укреплению фронта и улучшению управления войсками, выезжали в части, заслушали доклады армий. Благодаря применению указанной вами тактики систематических контратак, достигнута относительная стабилизация фронта на большинстве участков правого фланга и центра, усилили политическую работу на основе вашего приказа. Неплохие результаты по усилению дисциплины имеем в 12-й армии, в 383-й и 31-й дивизиях 18-й армии, хотя в остальных частях 18-й армии серьезного перелома нет еще. Есть некоторое улучшение и в 56-й армии, руководство этой армии слабоватое, но присматриваемся еще. Корпус по-прежнему является лучшей частью фронта, вашу оценку мы довели до их сведения, и это их еще более укрепило. Сейчас корпус вместе с 32-й гвардейской стрелковой дивизией занимает центральную зону обороны на линии Майкоп–Туапсе. До сих пор они отбивали все атаки, и ж.д. станция Хадыженская удерживалась нами. Сегодня противник усилил натиск. Нас беспокоит ближайший к нам Белореченский перевал, находящийся в границах Закфронта как крайняя его точка с выходом к побережью на Лазаревское и на Сочи. Противник там добрался до перевала и пробует пробраться через него. Все наши основные тылы по ту сторону Лазаревского. Мы просили расширить границы нашего фронта, передав 20-ю дивизию, это было безусловно полезно не только по оперативным соображениям, но и потому, что это бы укрепило тыл нашего фронта.

Точные предложения мы послали особой телеграммой, прошу вас, т. Сталин, удовлетворить нашу просьбу.

Л.Каганович

2 сентября 1942 года

ШИФРОВКА
МОСКВА
ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

Докладываю об обстановке в Новороссийском районе и о принятых мерах на месте по выполнению Вашего приказа об обороне Новороссийска:

1) Противник, встретив сопротивление и контратаки в районе Неберджаевской, повернул в обход через Верхне-Баканскую. Встретив сопротивление и контратаки в этом районе, направил главный удар через Анапу, Красно-Медведовскую, стремясь овладеть двумя дорогами на Новороссийск, идущими на Абрау-Дюрсо.

Дали приказ контратаками отразить попытки противника пройти по дорогам от г. Гудзева на Новороссийск. Для этого усиливаем 83-ю бригаду и добавляем на этот участок два батальона.

2) Противник стремится обойти Новороссийск с северо-востока с целью отрезать Новороссийск от сухопутной коммуникационной шоссейной дороги Новороссийск — Туапсе.

Дали приказ 1-й морской бригаде контратакой вернуть гору Долгая, послали в бригаду члена Военного Совета Армии т. Прокофьева. Дали задание авиации действовать в этом направлении. Подтягиваем к этому району резерв из 318-й дивизии.

3) На фронте 47-й армии числилось два рубежа обороны, на деле ни одного не было, в разработанных нами мероприятиях, которые Вам переданы через фронт, предусматривается создание одного крепкого рубежа и создание опорных пунктов сопротивления в самом городе Новороссийске.

Здесь господствовала философия (в армии, флоте и у гражданских), что если потеряна Неберджаевская да если еще потеряем Верхне-Баканскую, то Новороссийск надо сдавать, поэтому на подступах к городу и в городе ничего не делалось для обороны.

Городской Комитет Обороны запуган и не проявляет даже желания взяться за укрепление обороны города. Сейчас намечен план оборонительных работ. Сегодня разворачиваем работы, которые изложены в мероприятиях, переданных Вам.

4) Состояние 47-й армии неудовлетворительное, особенно 77-й дивизии. Командир дивизии трус и недисциплинированный. Сегодня подберем другого кандидата на командира дивизии, а нынешнего надо предать суду. Управление войсками в армии разболтано. Сейчас вместе с командиром т.Котовым укрепляем штаб и улучшаем связь с войсками.

5) Политическая работа не носит наступательного характера в отношении трусов и неверящих в возможность защищать Новороссийск. Я огласил Вашу директиву о защите Новороссийска и потребовал ее исполнения на деле. Рассылаем подобранных 25 работников в дивизии, бригады, членов Военного Совета и других, а также по одному на каждый батальон.

Сегодня выеду на боевой участок Армии. Все конкретные мероприятия Вам переданы, поэтому на этом кончу.

Тов. Сталин, сделаем все, чтобы выполнить Ваш приказ — защищать Новороссийск и ни в коем случае не сдавать город врагу.

Ваш — Л. Каганович.

Только что получены сведения, что противник высадил десант на Тамани (Коса Чушка, Вёслый и еще три пункта). Дали приказ авиации усиленно бомбить.

Л. Каганович

Октябрь 1942 года

Здравствуйте, Дорогой товарищ Сталин!

В первой декаде Октября положение на фронте Черноморской группы войск резко осложнилось. Выполняя директиву Ставки, мы укрепили главную линию Майкоп — Туапсе. 32-я гвардейская дивизия в течение месяца героически отбивала атаки противника, и лишь к концу противнику удалось захватить Куринский. Однако, прощупав, что по главной линии трудно будет пробиться, противник воспользовался нашим ротозейством и начал наступать с флангов — справа на гору Лысая, слева на Фанагорийское. Слева наступление было нами отбито, справа же противник не только занял гору Лысая, но по горным тропам развил это наступление, добрался до Тунайка, Котловина и подошел близко к главному шоссе и [железной дороге] в районе Шаумян. Объявил приказ еще 8 дней назад, но, к сожалению, наступления не вышло, а наоборот, противник захватывает одну высоту за другой. Командиры от полка до армии преувеличивают силы противника и тем самым хотят как бы оправдать наше неумение организовать бой и командование им в горно-лесистой местности. Доходит до того, что батальон уходит в наступление и блуждает, а командование ищет его день-

два, бывают случаи, когда два батальона, идущие в наступление на одну высоту, но с разных сторон, обстреливают друг друга. Я пишу вам это не как корреспондент, а я отвечаю за эти безобразия, борюсь с этим, но, к сожалению, не всегда, а даже пока в большинстве безуспешно. У ком[андиров] есть, конечно, один серьезный пункт самооправдания: это беспрер[ывные] бомб[ардировки]. Наша авиация бессильна [что-либо] им противопоставить, а иногда даже по головотяпству бьет по своим. Но было бы грубым сводить все дело к действи[ям] авиации. Медлит[ельность], потеря врем[ени], неповоротливость, вялость наших действий, неумение наладить связь между частями портят гораздо больше дело.

1) Из имеющихся на Майкоп-Туапсинском направлении соединении три дивизии — 32-я, 236-я, 383-я, истощились и имеют не более чем по три тысячи каждая, а 383-я и того меньше; две дивизии — 408-я и 328-я, вновь прибывшие, более полнокровные, но сырые, необстрелянные, а в 328-й имеется немало не умеющих вовсе стрелять. Две бригады — 119-я и 107-я — бывали в боях, но не в горах, и им необходимо хоть немного освоиться с местностью. Ввиду всего этого я предлагаю на короткое время сосредоточиться на обороне и частных контратаках, не допускать, чтобы под словесный шумок о наступлении оставлялись бы высота за высотой, провести укрепительные оборонительные работы на новой линии, где противник прорвался, в особенности на линии Фанагорийское-Шаумян-Тойтх-Алтубинал (по реке Пшиш). Привести в порядок потрепанные части и обеспечить освоение местности новыми.

2) Живем без пополнения, а бои идут серьезные. Все армии, не только 18-я, но и 56-я и 47-я, отощали. 47-я армия успешно выполняет задачу недопущения использования немцами Новороссийской (Цемесской) бухты. Мы даже держим до сих пор один из двух Новороссийских цементных заводов. Она же, 47-я армия, хорошо справилась с румынскими дивизиями, есть данные, что румыны подтягивают из Крыма новую 18-ю дивизию. Очень прошу вас, т. Сталин, если можете, помогите пополнением, а то у нас есть роты по 30 человек. «...»*

Л.Каганович

Октябрь 1942 года

Тов. Сталину.

О себе могу сказать, что, во-первых, я очень вам благодарен за то, что вы мне дали возможность работать в армии, работаю я с огромным увлечением и необходимой энергией. Перестраиваюсь

* Окончание письма отсутствует.

в работе, но не всегда выходит, дела плохи, и приходится иногда поругиваться, не выдерживаю, учусь и переучиваюсь. Закфронт относится немного с опаской, как бы мы не изображ[али] из себя фронт, особенно, видимо, эта настороженность относится ко мне, хотя я очень лоялен и скромен. Наш Военный Совет получил даже указания от Военного Совета Закфр[онта], хотел было жаловаться вам, а потом проглотил и решил не беспокоить вас.

Фи[зически] после ранения полностью еще не оправился, хотя работу не прерывал. Рука еще не зажила, бывают дни, когда она опухает, но врач говорит, что дней через 10 все заживет. Очень просил бы вас, т. Сталин, поручить кому-либо присылать мне какие-либо матер[иалы], чтобы я хоть немного был в курсе и не так оторван.

С огр[омным] наслажд[ением] прочитал я ваш ответ кор[респондентам]. Это заслуж[енный] щелчок союзничкам, дали им слегка в зубы. Тут кровью истекаем, а [они] болтают, отделываются комплиментами и ни черта не делают. Нельзя прикр[ывать] их болтовню чрезмерно деликатным наркоминдельским языком, надо было, чтобы и наш, и их народы знали правду. И как всегда, это сделали вы — коротко, просто, прямо и гениально. Очень прошу поручить сообщить мне, когда будете выступ[ать] в окт[ябрьскую] год[овщину], чтобы послушать по радио. До свидания.

Желаю вам здоровья и сил для достижения полной победы над врагом.

Ваш Л.Каганович.
Привет товарищ[ам].

Декабрь 1942 года

Здравствуйте, Дорогой товарищ Сталин!

Скоро месяц, как я работаю в Тбилиси. За это время я прежде всего ознакомился с хозяйством, связанным с нуждами фронта, и с оперативной обстановкой, выезжал, как сообщал вам, дважды в Северную группу. Одновременно включился в практическую работу Военного Совета, в особенности в вопросы тыла, снабжения и транспортировки. Сложность положения в трудностях доставки, но в то же время Закавказский фронт имеет большие возможности в использовании внутренних ресурсов Закреспублик. И Грузия, и Азербайджан сейчас уже дают очень много для фронта, но возможности их еще больше, в особенности в области промышленного производства. Что необходимо:

1) В программе производства боеприпасов предусмотреть серьезное увеличение самых дефицитных боеприпасов — 76-мм полковые и дивизионные снаряды, 82-мм и 120-мм мины, надо ска-

зать, что при солидной программе производства боеприпасов эти самые необходимые снаряды и мины производятся меньше всего.

2) Главным лимитирующим фактором является плохая доставка и отгрузка металлов и других видов сырья. Это можно исправить не только улучшением отгрузки и доставки, но и увеличением ресурсов сырья в самом Закавказье за счет организации заново ряда производств, т.е. строительства хотя бы небольших по размеру предприятий: необходимо приступить немедленно к строительству коксового завода и ряда сталелитейных цехов или небольших предприятий для переработки прежде всего имеющегося в Закавказье большого количества лома. То же и с чугунолитейными цехами. В этом смысле следует использовать опыт НКПС, который построил по вашему указанию немало сталелитейных и чугунолитейных цехов, в значительной мере выручающих НКПС во время войны. Можно и нужно запроектировать и приступить к строительству металлургического завода, включая и прокат, но в первую очередь необходимо развернуть небольшие стале- и чугунолитейные цеха. Для этого необходимо в первую очередь мобилизовать внутренние возможности и [получить] серьезную помощь со стороны Наркомчермета, Наркомэлектропрома и Наркоммаша. Можно несомненно немало сделать и в области химии по взрывчатым веществам.

3) В области производства предметов обмундирования и пищевой здесь сделано немало, особенно в области пищевой, производства обуви, шинелей и гимнастерок, но программа в данный момент срывается из-за неудовлетворительной организации производства, в особенности кооперации разных предприятий разных республик Закавказья. Конечно, по обуви сказывается отсутствие кожи подошвенной из-за отсутствия химикатов. И это можно бы преодолеть, если организовать частично их производство здесь, а частично за счет завода Наркомвнешторгом. Главное — улучшить работу предприятий Армении и Азербайджана, потому что предприятия Грузии зависят от них.

4) По продовольствию мы вам посылали специальную шифровку и наши просьбы в основном удовлетворены. Плохо с сеном для лошадей, но на это сейчас Военный Совет и ЦК республик нажимают вовсю. Регулировка снабжения между республиками потребуется особенно в реализации нарядов.

5) По тылу армии главным вопросом является перевозка грузов и доставка в войска, ибо сплошь и рядом то, что есть на фронтовых, армейских складах и даже в дивизионных, отсутствует в полку из-за плохой доставки. Сейчас мы взялись за улучшение

автомобильного хозяйства. Замечательное решение НКО об организации автомобильного управления серьезно этому поможет.

6) Для того чтобы решить эти вопросы, необходимо иметь небольшой аппарат либо при Военном Совете фронта, либо просто при мне хотя бы человек 5–10. Прошу вас по этому вопросу принять решение и сообщить мне.

Что касается чисто военной, оперативной [стороны], то вы положение дел знаете из наших донесений. Считаю необходимым остановиться на следующем: операция, утвержденная Ставкой, не получила успешного развития. Что касается чисто военной работы, то должен вам сказать, т. Сталин, что наряду с изучением военного вопроса я в работе держусь той основы, которая дает мне возможность твердо ставить вопросы. Эта основа — ваши приказы, являющиеся замечательным руководством в работе даже не для специалиста. И вот, став на базу проверки исполнения ваших приказов, я вижу, во-первых, что в войсках, в том числе в управлениях фронта, плохо проверяют исполнение; и во-вторых, по существу, многие относятся недобросовестно к их выполнению. Это относится и к использованию артиллерии, танков, в особенности к вопросу о взаимодействии. Анализ расхода боеприпасов показывает, что 45-мм снаряды, 50-мм мины мало расходуются, а больше всего расходуют дальнобойную артиллер[ию], которая большей частью бьет по площадям, — расход большой, а эффекта мало, наблюдение плохое, и поэтому даже там, где бьют по цели, корректировка неудовлетворительна. Артиллерия очень часто не прокладывает дорогу пехоте и танкам, а пехота часто опаздывает в использовании проложенного пути с артиллерией. Я считаю, что основной причиной являются крупные недостатки в работе управлений фронта и групп. Командование больше всего увлекается оперативной стороной (имея в виду функции, которые имеет оперативный отдел), но не комплексной организацией обеспечения боя — как участием всех родов оружия, так и политической и материальной стороной дела. Это и было с той операцией, которую вы утвердили, т. Сталин, и фронт, и Сев[ерная] группа ее очень плохо подготовили. Даже войска были оповещены 26-го, а наступление (по ускоренному сроку) было назначено на 27-е. В результате никакой серьезной разработки... взаимод[ействия], потеря танков, арт[иллерии]. Члены Военных Советов довольно пассивны в этих вопросах. Должен вам сообщить, что в Закфронте т.Тюленев — несамокритичный человек и не проявляет желания вскрывать недостатки управления для улучше-

ния дела, на этой почве у меня с ним были стычки. Кроме того, он, видимо, привык к своеобразному ведению дела, он Военный Совет даже не ставил в известность по коренным решениям. Очень любит «якать» и с фасоном объявлять членам Военного Совета: я принял решение и дал приказ перебросить дивизию, изменить сроки операции и так далее.

Пока что у нас идет туго. Будем нажимать и надеемся, что добьемся улучшения и успехов, как добились наши славные сталинградцы. По всему видно, что ваши слова о празднике на нашей улице скоро будут осуществлены. Очень прошу вас, т. Сталин, иногда, время от времени, давать мне свои указания и советы, я ведь все же чувствую на себе большую ответственность как член Политбюро, но могу недосмотреть, упустить то или иное важное дело или неправильно поступить. «...»*

21 декабря 1942 года

Дорогой товарищ Сталин!

Сегодня, 21 декабря, передаю Вам свои сердечные поздравления и наилучшие пожелания, какие только могут быть у безгранично преданного последователя, ученика и друга. Сегодня мы, ваши близкие ученики и друзья, вместе с миллионами патриотов с особой силой и любовью произносим слова:

За Родину, За СТАЛИНА — спасителя Отечества и всего трудового человечества — готовы жизнь свою отдать.

Привет Вам. Ваш Лазарь Каганович

Из переговоров наркома Л. М. Кагановича
по прямому проводу с начальниками железных дорог
и Уполномоченными НКПС

6 июля 1941 г.

КАГАНОВИЧ — НЕКРАСОВУ
(БЕЛОРУССКАЯ И ЮГО-ЗАПАДНАЯ
ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ).

У аппарата Товарищ Каганович, здравствуйте. Докладывайте не только как начальник дороги, а и Уполномоченный НКПС по Юго-Западному фронту. Как у вас положение дел в направлении до Нежина? Какие были разрушения? Сколько поездов 7-ми тысячных

* Окончание письма отсутствует.

в движении, вышли из узла и сколько находится в узлах под погрузкой или погруженные, но не отправленные?.. Примите к руководству следующие указания. В связи с бомбежкой необходимо особенно форсировать погрузку. Разошлите своих людей на станции, грузите уплотненнее, сговоритесь с командованием и усаживайте людей на платформах вместе с оборудованием — тем самым вы ускорите погрузку и уменьшите количество вагонов. Посоветуйтесь со специалистами немедленно — какие вам нужны облегчения по формированию, например, можно с меньшей строгостью производить расстановку по роду подвижного состава, в то же время не заходить слишком далеко, чтобы не нарушать безопасность движения. На каждый сформированный поезд посадить ответственного работника, в задачу которого поставить быстрейшую выброску из узла и сопровождение его по участку. Держите в особой исправности ход на Нежин, бросьте лучшие восстановительные силы на этот ход, чтобы не было длительного срыва движения. Обратите внимание на Мироновку и Фастов. Не отрывайтесь от руководства, не ходите на заседания и даже без исключительной нужды не выезжайте на станции. Сосредоточьтесь на выяснении положения и командовании. Очень прошу вас сделать все для того, чтобы отправить имеющиеся у Вас поезда и закончить погрузку. Последнее. Вы обещали грузить Станкостроительный завод и не подали туда вагонов...

Хорошо. Позвоните сейчас начальникам станций, где происходит погрузка, и передайте им мое требование — грузить быстрее и не сдавать темпы даже при бомбежке. До свидания. Будьте здоровы.

Лето 1941 г.

КАГАНОВИЧ — МОЛЧАНОВУ И МИХИНУ (ОДЕССКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА)

У аппарата Каганович и Ковалев. Здравствуйте, товарищи. Какая ваша программа действий?.. Ваш план одобряю, он правилен, остается только его осуществить. Со своей стороны добавлю следующие указания. В первую очередь вывезти хлеб и другие грузы с участка Котовск–Одесса. Второе. Необходимо через местные партийные организации мобилизовать все средства морского и речного транспорта для погрузки хлеба и другого ценного имущества, подчеркиваю — в первую очередь хлеб. Дать им короткий рейс до Николаева–Херсона, туда мы будем усиленно подавать порожня-

ки, а оттуда грузить вагоны и отправлять в тыл. Если есть возможность у морского и речного флота везти до Севастополя и в особенности по намеченному плану до Новороссийска, то это нужно делать. Третье. Сегодня же и завтра сосредоточьте усилия на быстрейшем вывозе всего груженого потока Одесса — Помошная — Знаменка. Советую применить одностороннее движение. НКПС даст указание Сталинской дороге принять поток. После очистки хода отгруженного потока примите порожние со Сталинской дороги, которых там скопилось свыше 1000 вагонов, для использования их в первую очередь под погрузку хлеба. Сообщите, сколько вы можете принять порожних как на Одессу, так и на Николаев. Четвертое. Очень важным резервом является линия Колосовка — Николаев. Весь вопрос в том, чтобы наладить переправу. Пошлите туда группу своих работников, свяжитесь со строителями, установите жесткие сроки для устройства упрощенного моста на шпальных ветках через реку Унгул... По всем данным, при энергичной работе можно за несколько дней наладить железнодорожную переправу до 400 вагонов в сутки. Пятое. О пассажирских вагонах дано распоряжение, однако прошу сообщить, сколько вы можете принять, чтобы эти вагоны не оказались затертыми. Шестое. Наметьте заранее меры, обеспечивающие полный вывоз всех паровозов, в том числе эвакуированных с других дорог, и вагонов, а также ценного железнодорожного оборудования. Усильте средства подрыва на случай необходимости. Седьмое. Разрешаю вам в нужный момент по Вашему усмотрению применять отправление поездов вслед методом живой блокировки. Восьмое. Насчет прокурора. Я звонил сегодня военному прокурору товарищу Носову, и он обещал принять меры и не допускать дальше подобного отношения к начальнику дороги. Командуйте и впредь уверенно и по-деловому, как это вы делали до сих пор. Привет вам и всем лучшим людям Одесской дороги.

Лето 1941 г.

КАГАНОВИЧ — СЕРГЕЕВУ (ОКТЯБРЬСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА). ВОРОБЬЕВУ (УПОЛНОМОЧЕННОМУ НКПС)

Я, Каганович, и Гоциридзе, здравствуйте. Мы не удовлетворены темпами восстановительных работ Бологое и Медведево. В военных условиях каждая минута дорога, а у вас даже почасового графика нет, а если на отдельных участках есть, то он фиктивный. Ос-

новной вопрос руководства тот, что люди разбегаются. Это означает, что руководители не проявляют должной твердости в наведении порядка, увеличения дисциплины и производительности труда.

Предлагаю вам разбить все работы на узле на участки, в пределах участка — на бригады или звенья. Назначить персонально на каждый участок начальника, на каждое звено бригадира, установить точный срок окончания работ и очередность окончания, имея в виду окончание самых нужных, важных работ. Подберите для этого людей из аппарата строительного, путевого, восстановительного и из работников всех других железнодорожных органов, способных организовать людей на восстановительные работы.

Обязываю вас в первую очередь восстановить пути и участки, обеспечивающие беспрепятственное отправление поездов из Москвы в сторону Ленинграда. Просимые вами материалы будут направлены, но для восстановления сегодня их не ждите, а мобилизуйте все внутренние ресурсы, чтобы не было ссылок на материалы, как на причину опоздания.

Доносите мне каждые три часа, что уже восстановлено. Начальников отделений движения обязываю под их личную ответственность максимально использовать восстановленный путь для приема поездов. Согласовать с командованием разгрузку на подходах к Бологое и за Бологое. Поезда назначением за Бологое пропускать безостановочно пакетами.

Соберите коротко коммунистов, прикрепите их к участкам, бригадам и обеспечьте высокую производительность и дисциплину и бодрость в восстановительных работах. Товарищу Воробьеву разрешаю остаться до окончания восстановительных работ. Жду результатов, будьте здоровы.

Лето 1941г.

КАГАНОВИЧ – КРАВЧЕНКО (УПОЛНОМОЧЕННОМУ НКПС ПО ЮЖНОМУ ФРОНТУ)

У аппарата Каганович, Филиппов, Левин. Читал телеграмму Воробья, Большакова. Считаю. Первое. Вокруг строительства переправы много шума, мало дела. Предлагаю никаких новых начальников по строительству не назначать. Руководить, командовать обязаны: по Бугу — Богданов, по Ингулу — Зубицкий, все подходы и обходы должен строить строитель линии Левин; Калашников,

Воробей и Васильев и другие обязаны помогать и контролировать, а не создавать новые центры. Товарищу Кравченко сегодня же совместно со строителями составить график работ максимально сжатый, так как обстановка требует часов, а не дней для организации сквозного движения путем переправы. Ваш расчет по забивке свай исходит из нормального шаблона. Поражен — так мало у вас изобретательности в столь напряженной обстановке. Почему, например, вы не используете оставшуюся часть переправы через Бугаз?.. Почему нельзя создать комбинированную переправу — и сваи, и баржи? Может быть, можно док использовать в качестве переправы. То же и с мостом через Ингул. Ваши сроки показывают, как мало вы перестроились на военный лад. Требую от вас более серьезного продумывания плана, графика и боевого подхода.

Второе. Что касается переправы паровозов. Если расчет покажет, что подвод паровозов из Колосовки к Бугу и переправа от Буга до Николаева на доки может дать большую экономию во времени и обороте, если это действительно реально, а не просто желание увильнуть, тогда с этим предложением можно бы согласиться. Обязываю, товарищ Кравченко, точно рассчитать и доложить свои предложения. Если же связь оборвется, то согласовать с товарищем Молчановым и действовать под свою ответственность, учтя мои указания при всех условиях. Товарищ Кравченко, что касается подвоза хлеба в Херсон, то нужно принимать все, что подвозят. Одновременно нужно делать железнодорожную переправу через Днепр. Что Вы можете по всем этим вопросам сказать?.. О ремонте переправы больше болтовни, четвертый день уже говорят о ремонте и ничего не сделали. Прошу доложить сегодня через два часа мне и товарищу Филиппову график работ по Бугу, по Ингулу, по Днепру. До свидания.

Лето 1941 г.

КАГАНОВИЧ – МОЛЧАНОВУ (ОДЕССКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА)

Здравствуйте, у аппарата Каганович. Доложите коротко обстановку на дороге, сколько вагонов сейчас в Одесском углу... Вы скажите не цифрами, а буквами... Сколько на Котовском отделении, сколько до Веселиново. Таким образом, у Вас 4201 вагон. Что вы думаете с ними делать? Насчет уничтожения — не рано ли? Тщательно все взвесьте. Что касается переброски, то не целесообразно ли часть паровозов, если нет возврата быстрого, перевезти, пока можно доста-

вить, через Колосовку Бугом. Имейте в виду, что положение осложняется со стороны Пятихатки. Необходимо поэтому сейчас форсировать выброску груженых и определить, какие размеры погрузки самого необходимого может быть из Николаева и Херсона. Разберитесь и доложите. Переговорите с командованием и Обкомом, не целесообразно ли вам быть сейчас в Николаеве, и доложите мне. Наконец, еще раз повторяю об особой, важнейшей задаче вывозки паровозов и вагонов. У меня все. Будьте здоровы. До свидания.

Лето 1941 г.

КАГАНОВИЧ – ЗАКОРКО, ТРОШИНУ (СТАЛИНСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА)

Каков ваш план действий?.. Для меня ясно, что у вас плана нет, ваши ответы случайные, это обычный каждодневный отчет о работе. Вы даже не определяете примерные размеры движения по отдельным линиям, задания по узлам, по рабочему парку. Задания на погрузку у вас тоже нет. В этом я вас не обвиняю потому, что его сейчас дадим... Через час вы получите от нас план погрузки эвакогрузов, который примерно будет составлять 5000 вагонов в сутки. Вам необходимо будет связаться с грузоотправителями, просить Обком собрать их, обеспечить своевременную погрузку и руководить этой погрузкой со всей организованностью и твердостью. Вам необходимо установить точные задания по каждому отделению и каждой группе станций как по погрузке, так и по формированию и отправлению поездов.

Строжайше проверяйте, чтобы задания выполнялись. Не размагничивайтесь в отношении нерадивых и растерявшихся паникеров. Наказывать их, никаких ссылок не принимать. Если ночью бомбежка, железнодорожник обязан днем возместить потерянное время лучшей работой. Если имеются разрушения, восстановители и строители обязаны быстро восстанавливать.

По связи: заставьте связистов работать по-военному и восстанавливать связь быстро. Не давайте движенцам прикрывать срыв работы отсутствием связи, организуйте дрезину, автомобили для быстрого ее восстановления, посадите на каждую такую «летучку» механика, помощника и одного вооруженного вахтера. Считаю недопустимым, что у вас длительное время нет связи с тремя

отделениями, — это результат плохой работы ваших связистов и нераспорядительности Управления дороги.

Требую от вас лично, товарищи Закорко и Трошин, больше твердости в руководстве, уверенности и образцовой распорядительности. Держите возле себя группу знающих и понимающих людей, с которыми советуйтесь при затруднительном положении. После получения плана погрузки сообщите мне не позднее 18 часов точный план своей работы. Доложите Обкому партии об этом разговоре, не теряя много времени на это, можно по телефону. У нас все. Что скажете? Надеюсь, что руководители Сталинской дороги окажутся на высоте своего положения и с честью выполнят свои боевые задачи. Привет Вам. До свидания.

18 августа 1941 г.

КАГАНОВИЧ, ГОЦИРИДЗЕ, ГУСЕВ — БАГАЕВУ И ЗАКОРКО (ОДЕССКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА)

Здравствуйте. Доложите обстановку на дороге. Какие ваши перспективы завтрашнего дня?.. Ваш план в основном принимаю. Считаю, однако, необходимым указать следующее. Первое. Необходимо изменить на эти дни периодично подачу порожняка и вывозку груженых, то есть расчет подач и вывоза необходимо вести буквально по часам. Паровозы необходимо строго рассчитать. Лишние, по сравнению с размерами подач и вывоза, не держать. Допускается вывозить и подавать на предприятия и узлы мелкими сериями. Большого количества порожняка там не держите, а быстро погружайте и вывозите. Выделите группу работников, которая занялась бы немедленно вывозом ценного железнодорожного имущества, в том числе — крестовины, рельсы, стрелочные переводы, аппаратуру, связь, автоблокировку, поддающиеся монтажу мостовые фермы. Примите все меры к тому, чтобы выполнить указание товарища Сталина: ни одного паровоза, ни одного вагона и так далее. Держите постоянную связь с командованием, чтобы все время быть в курсе дела, и держите нас в курсе дела. Погрузите скорее остаток оборудования на 29 заводе и вывезите... Ориентируйтесь по обстановке. В случае потери связи с нами принимайте соответствующие решения по согласованию с Обкомом партии. Прошу, товарищ Багаев, вызвать Кравченко и заста-

вить его связаться с командованием. Быть там, где находится командование, и выполнять свою функцию уполномоченного, а не барахтаться. Когда Кравченко войдет в курс дела и установит связь с Закорко и командованием, можно будет тогда вам, товарищ Багаев, выехать в Москву. Вы здесь нужны.

Товарищ Закорко, как вы себя чувствуете?.. Очень хорошо. Значит, моя критика не ухудшила самочувствия?.. Очень хорошо. Ну привет вам. Желаем всего хорошего.

23 августа 1941 г.

КАГАНОВИЧ – БЕЩЕВУ
(ЗАМ. НАРКОМА НКПС
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА)

Здравствуйте. Во-первых, требую от вас, чтобы вы сами сообщали мне важнейшие данные. Не допускаю, чтобы вы сегодня за весь день не могли бы мне передать по самым острым вопросам сообщений, а вы этого не сделали. Дайте объяснение... Вы обязаны донести наркому, а не ждать переговоров. Имеете право отказываться от разговора, но не имеете права не давать донесения... Дело, товарищ Бещев, в том, что вы лично слишком по-штабному руководите. Вам надо пересесть в Управление Октябрьской дороги, весь аппарат также нужно пересадить в Управление Октябрьской. Вы должны, засучив рукава, заняться движением поездов. Имейте в виду, что сегодняшний день очень важен, ибо в Ленинграде накопилось много поездов с пассажирами. Доводы о бомбежке нужно отвести, заставьте людей работать и во время бомбежки... Подготовьте сейчас утреннюю работу. Уже светло и можно начать усиленную подачу поездов. Вы лучше разберитесь здесь с положением дел и командуйте движением. Жду от вас серьезных мер. Спать сейчас не ходите, продолжайте работу. К 10 часам доложите, сколько вы передали поездов вообще. Советую вам, товарищ Бещев, снять белые перчатки. Поменьше сидите у себя в кабинете. Вы – движенец, инженер и обязаны обеспечить движение поездов. Не ищите лазеек и ссылок на Северную, не ходите по другим кабинетам. Надо руководить движением. Используйте малейшую возможность для передачи мне информации о ходе движения поездов и работы. До свидания.

10 сентября 1941 г.

КАГАНОВИЧ – НЕКРАСОВУ (УПОЛНОМОЧЕННОМУ НКПС ПО ЮГО-ЗАПАДНОМУ ФРОНТУ)

Здравствуйте, у аппарата товарищ Каганович. Слушаю вас... Спасибо, вам тоже привет... Вашу шифровку получил. Отвечаю. Я согласен: в случае, если рельсы не сможете вывезти, практикуйте вами принятый метод закапывания с относом от трассы. Подсылка вам порожняка в данный момент почти невозможна, вы это сами знаете, так как по единственному ходу Киев — Полтава нужно брать от вас односторонним движением или почти односторонним.

По вопросу о вывозе всего подвижного состава со спецоборудованием: сейчас вызову товарища Багаева, выясню обстановку и дам ему соответствующее задание.

Надеюсь, товарищ Некрасов, что вы и сейчас, в особо осложнившейся обстановке, сумеете, как и до сих пор, сохранять и держать твердое и уверенное командование и будете, ориентируясь в обстановке, находить выходы из трудного положения. Желаю вам всего хорошего. Постарайтесь в эти дни обслуживать нужды фронта и делать все возможное для этого. Будьте здоровы. Жму вам руку. Передайте еще раз привет всему коллективу. Лично пожму вам руку, когда побьем врага, а что мы его побьем, в этом сомнения нет. Порукой этому командование нашего Великого Сталина. Привет вам.

Прошу передать привет землякам-киевлянам в лице руководителя КП(б) У и Правительства. Мы все с большим волнением наблюдаем за героической борьбой киевлян, в том числе и железнодорожников Юго-Западной.

Победа будет за нами. До свидания. Вызывайте меня в любой момент к проводу, когда вам это нужно. Всегда явлюсь.

2 октября 1941 г.

КАГАНОВИЧ – УХТОМСКОМУ (ГОРЬКОВСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА)

Здравствуйте. Мне дали проект приказа по Горьковской дороге. Прежде чем издавать приказ, я решил с вами поговорить и по-

лучить объяснение. Парк у вас небольшой, наличие груза для Горьковской дороги выросло. Между тем вы зажимаете прием поездов с Пермской дороги и дороги им. Дзержинского — вы возите всего 19-20 поездов. Ярким выражением плохой работы дороги является наличие задержанных поездов. Дайте объяснение по всем этим вопросам. Укажите сроки ликвидации задержанных. Укажите точно, когда вы перестанете зажимать прием поездов и сколько будете принимать с Пермской и Дзержинской дорог. Жду ответа...

Товарищ Ухтомский. Из ваших объяснений я вижу, что приказа могу сейчас не издавать. Однако, если в отношении Дзержинской дороги, и в особенности по вопросу формирования, у вас есть основания жаловаться, то в отношении Пермской дороги вы не правы. Горьковская дорога должна быть большим резервом для НКПС и образцово воспринимать трудности, часть трудности фронтовых дорог, поэтому вы должны коренным образом лично и все ваши работники изменить свой подход и быстрее закончить перестройку на военный лад. Это значит прежде всего перестать сутяжничать. Потом, когда побьем фашистского врага, тогда будем подсчитывать, кто больше поработал — Пермская или Горьковская. Продумайте и сегодня же доложите мне обо всех ваших новых мероприятиях... У меня все. До свидания.

8 октября 1941 г.

КАГАНОВИЧ — КРАВЧЕНКО (КУЙБЫШЕВСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА), КУЧЕРЕНКО И ГУСЕВУ (ЗАМЕСТИТЕЛЯМ НАРКОМА НКПС)

Здравствуйте. Считаю совершенно нетерпимым, что вы вместо ответа по существу принимаемых вами мер для осуществления ограничились диспетчерским сообщением. Ставлю на вид товарищам Кравченко и Кучеренко. Подобное отношение указывает на неправильность вашей телеграммы по существу. Из нее видно, что вы жульнически повернули вопрос — неравночисленный обмен по поездам и паровозам, тогда как каждому грамотному железнодорожнику должно быть понятно: при одностороннем накоплении в четную сторону и при открытии движения вслед, естественно, не может быть равночисленного обмена, во всяком случае его нельзя требовать. Вы же превращаетесь в мелких счетоводов вместо государственного понимания важнейшей государственной задачи.

Меня особенно поражает товарищ Кравченко, который только что приехал с фронта. Как быстро он превращается в тыловую крысу. Вы должны понять положение. Возьмите всех в руки, заставьте работать по-военному. Трусов, шкурников, лодырей и рвачей, мещан и обывателей, не желающих работать по-военному, передавайте суду и докладывайте нам. Мобилизуйте лучшие силы. Все. Не занимайте провод по мелочам. Вы не диспетчер, скажите о главном. Что скажет уважаемый вельможа товарищ Кучеренко?.. Есть ли у аппарата Кучеренко?.. Вы обязаны искупить свое преступное бездействие, не изображайте добродетель. И не ждите от меня приветствия... А вы обязаны по службе! За что жалованье получаете? Проверять исполнение, докладывать НКПС. Вот, товарищ Кучеренко, что я вам могу сказать. Ждем от вас не обещаний, а дела. Что товарищ Гусев помалкивает?.. Хорошо. У меня все. До свидания.

22 октября 1941 г.

КАГАНОВИЧ – БАГАЕВУ (ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРКОМА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ)

У аппарата Каганович. Я не удовлетворен ходом поездов. Вы слишком долго едете к месту работы и фактически никаких мер не принимаете.

Требую от вас систематической связи с НКПС, сутки добиваюсь и еле добился.

Никого из своих людей не отпускать в порядке эвакуации, работы будет много. Держите дело руководства дорогой в твердых руках, не занимайтесь собиранием фактов виновных. Одновременно ни в коем случае не останавливать эвакуацию, в особенности завода Ворошилова; его обязываю, надо погрузить. Мы по Кандрашевской линии дадим порожняк. Вот все. Старайтесь докладывать по нескольку раз в день... Имеете ли вы связь с командованием по обработке узлов и депо?.. Вы обязаны немедленно связаться... Я не спрашиваю просто о связи, а о вывозе железнодорожного имущества и подготовке к уничтожению в последнюю минуту — обеспечено ли это у вас?..

Кроме того, учтите, что на ряде платформ погружены станки, куда можно грузить стрелочные переводы и другое имущество. Куда бы это ни пошло, все равно государству. Ну, на этом кончим.

4 ноября 1941 г.

КАГАНОВИЧ – ЕГОРОВУ (ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРКОМА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ) ВОРОШИЛОВГРАД

Здравствуйте, у аппарата Каганович. Я прошу доложить мне, что уже вывезено с завода и какое оборудование еще осталось не вывезено? При этом прошу сказать, какие группы оборудования отправляются в Омск и какие в Улан-Удэ. Точно так же прошу сказать, какие кадры уже выехали и какие кадры как руководящие еще остались...

Также прошу сказать о бронелисте. Каких размеров? Можно ли эти бронелисты использовать на бронепоезда? Жду вашего ответа...

Сколько вам еще необходимо вывезти вагонов оборудования и людей? Все ли вы вывезли из металлургии?.. Да, да, по этому заводу. Необходимо обязательно вывезти все возможное, что можно из мартеновского цеха. И вообще не поддаваться термину — ценное оборудование. Все, что имеется на Ворошиловградском заводе, есть ценное оборудование... Вы, например, ничего не сказали о электропечах. Прошу сказать, электропечи вывезены?.. Хорошо, дайте мне их номера...

Особое внимание должно быть обращено вами на отправку кадров. Хорошо бы для инженеров и конструкторов дать хоть немного пассажирских вагонов, если это возможно, и постараться максимально удобно устроить рабочих в вагон. Дать обязательно печки. Без кадров Ворошиловграда почти невозможно будет наладить паровозостроение. Это самые квалифицированные и ценные кадры паровозостроения в нашей стране. Сообщите мне номера людских маршрутов. Мы возьмем их под особое наблюдение в смысле продвижения. Постарайтесь погрузиться как можно быстрее.

Прошу передать кадрам завода, что НКПС приложит все силы к тому, чтобы в рамках всего возможного сделать все для устройства кадров. Мы вышлем сейчас спецработника в Омск для подготовки приема рабочих завода и инженерно-технических кадров, а если руководящие кадры завода ОР возглавят Омский завод, то им и карты в руки. У меня все. Еще одно. Если на заводе имеются паровозные скаты и другие важные запчасти, как дышла, трубы, их надо обязательно вывезти... Ну, хорошо. Дай вам Бог здоровья. До свидания. Всего хорошего.

23 ноября 1941 г.

КАГАНОВИЧ – БАГАЕВУ
(ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРКОМА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ.

Здравствуйте, у аппарата Каганович. Один ли вы у аппарата?.. Я вас вызвал для того, чтобы вам лично сказать, что положение на Пензенской дороге застойное. Видно, что руководители дороги решили отсиживаться и никаких мер не принимают. Стоит посмотреть расположение поездов по дороге, чтобы убедиться в том, насколько плохо руководите движением поездов лично вы как заместитель народного комиссара. Видимо, завязли в текущих мелочах, начали жить внутренней жизнью дороги и, если не примирились идейно, то фактически получается так, что и вы ничего серьезного не предпринимаете для подъема работы и подготовки дороги... Сегодня положение исключительно напряженное. У нас остался единственный ход на Кавказ через Тихорецкую. Сталинградская дорога забита. Дальше продолжать такое положение будет величайшим преступлением... Вы-то обязаны не только понимать, но и дать мне какие-либо серьезные предложения! Если вам трудно сейчас мне что-либо серьезное предложить, вы можете продумать, но главное — чтобы на Пензенской дороге действительно напряженно работали, а не отсиживались. Что вы можете сказать по этому поводу?..

Учтите: опыт войны показывает, что все старые расчеты, опыт станции опрокидываются и т. д. Посоветуйтесь с местными людьми... Подумайте еще и о людях серьезно. Пензенская дорога у нас сейчас главная, полнокровная дорога. Она на свою грудь должна воспринять главные трудности. Поэтому подумайте серьезно о расположении сил людей... Может быть по питанию кто-либо сделает. Одним словом, подымитесь... Будьте здоровы. Имейте в виду, что ваша дорога не тыловая. До свидания.

4 января 1942 г.

КАГАНОВИЧ – КРИВОНОСУ
(СЕВЕРО-ДОНЕЦКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА)

Здравствуйте. У аппарата Каганович.

Первое. По перевозкам вы получите сегодня шифровку, обязывающую вас принять перевозку. Второе. Направление в шифровке

указано. Третье. По порожняку мы считаем, что вы должны в основном обеспечить себя за счет оборота вертушками. Для начала мы вам дадим 600 крытых. Четвертое. По углю сегодня получите приказ. Считаю, что вы еще не повернулись лично к углю — погрузка идет плохо. Даже то небольшое количество порожняка вы не используете... Ссылки на Наркомуголь принять не можем. Вы должны там быть инициатором и организатором погрузки угля, в особенности для железных дорог, электростанций и Москвы. Вам нужно тщательно разобраться, что мешает погрузке угля как по линии Наркомугля, так и по линии НКПС, и сообщить мне... Примем меры и обеспечим порожняком, как только вы начнете его усиленно употреблять и лучше продвигать груженые. Всему вашему аппарату необходимо перестроиться на органическую грузовую и движенческую работу, чтобы обеспечивать безусловную быстроту и четкость погрузки и продвижения воинских эшелонов, выполнять план погрузки и перевозки угля. Все. Есть ли у вас вопросы или замечания?.. Пожалуйста, без деталей о предстоящей перевозке...

Не первый раз вы, товарищ Кривонос, свою неподготовленность и нераспорядительность пробуете прикрыть «виновниками» со стороны и при этом не обнаруживаете никакого желания вскрыть вину дороги. Не для самобичевания, а для разработки деловых мер к исправлению положения. Имеющиеся у вас снегоочистители при хорошем использовании могут справиться с задачей очистки Кондрашевского участка... Если нужно, надо добиваться не формально и посылкой бумажной телеграммы. И добиться вовремя, а не тогда, когда снег занес пути... Сегодня же приму меры подачей вам снегоочистителей...

Ваши ссылки на выемки, на негабаритность не проверены. Я думаю, что путейцы ваши врут для того, чтобы оправдать себя. А вы, не проверив, охотно принимаете это вранье, потому что и вам это выгодно для прикрытия своих слабостей. Видно, что вы просто растерялись перед лицом снежных заносов. Вам нужно обратиться в Обком, к командованию. Поставить вопрос по-серьезному. Либо, если вы будете стоять, не выполните перевозки угля. Вам не помогут ссылки на объективные условия, не поможет и кривоносовская знатность, а будете судимы...

Со своей стороны сегодня же свяжусь с Обкомом и командованием. А вы не теряйте времени, не ссылайтесь на своих замов и на новостройку. Она ваша, и обеспечьте работу дороги.

Вот все. Докладывайте почаще, поменьше диспетчерских данных, которые вам включают в телеграммы, а коротко... Только что вызвал замначальника Управления пути и выяснил, что сегодня вам будет подведено шесть снегоочистителей с Юго-Восточной дороги. Поставьте лучших людей на эти снегоочистители. Вот все. До свидания...

Если растерянности нет, тем лучше, тем легче сумеете осуществить мое задание. По делам будем судить. Имейте в виду, что надеяться вам на главную линию Юго-Восточную через Лихую нельзя. Она будет занята. Большое счастье для нас, что мы имеем Кондрашевскую линию, и вам нужно любовно и заботливо организовать ее эксплуатацию и нормальную работу, доделывая в процессе эксплуатации недоделки.

Январь 1942 г.

КАГАНОВИЧ – КРИВОНОСУ (СЕВЕРО-ДОНЕЦКАЯ ДОРОГА)

Здравствуйте, у аппарата Каганович и Ковалев.

Мы сейчас дали указание Ворошиловской принимать от вас семь угольных по Зверево. Однако мы считаем неправильным вашу установку, будто по Кондрашевской можно пускать только 9 поездов, 9 пар поездов, да и пар-то у вас нет, а идет преимущественное движение в сторону Валуек. При этих условиях вы можете и обязаны пропускать в сторону Валуек 13 поездов, а может быть, и больше. Для этого необходимо: Первое. Покончить с «предельческим» отношением к освоению новой линии. Второе. Не надеяться на самотек, а организовать движение — посадить сопровождающих на поезда, направить людей на эту линию и организовать дело по-боевому, по-старокривоносовски. Тогда вы безусловно выйдете из положения. Ваши работники, по крайней мере часть, свыклись уже с малой работой и теперь с трудом перестраиваются. Возьмите их в работу и заставьте шевелиться быстрей. Положение с углем в Москве на железной дороге очень тяжелое, а погрузка у вас идет плохо... Вы не должны ссылаться на другую погрузку. Надо напрячь силы и сделать то и другое. Наладьте более конкретно работу отделения и станции...

Очень прошу вас, сделать все для того, чтобы погрузку угля обеспечить. Тряхните стариной. До свидания.

24 января 1942 г.

КАГАНОВИЧ – КУЧЕРЕНКО И ВОРОБЬЕВУ (ЗАМЕСТИТЕЛЯМ НАРКОМА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ). КУЙБЫШЕВ

Здравствуйте. Положение на вашей дороге нетерпимо. Требую от вас объяснений создавшегося положения и доклад о принимаемых вами мероприятиях... Считаю ваше объяснение, товарищ Воробьев,

и других руководителей Куйбышевской дороги неудовлетворительным. Во-первых, объяснение слишком общее и обходит самый острый и преступный факт сегодняшнего дня — фактическую остановку передачи поездов. В этих условиях вы не отделаетесь общими условиями о прошлом снеге. Считаю неправильным ваши ссылки на неподготовленность к работе в зимних условиях. Дело не столько в неподготовленности, сколько в том, что и подготовленное испортилось при наступлении больших морозов. А испортилось потому, что товарищи Воробьев, Коновалов и другие слишком обще подошли к руководству дорогой и чересчур осторожно. А товарищи Огарковы, видимо, заняли молчаливо-ожидательную позицию, которую надо было разоблачить, а не молчать, как делает товарищ Воробьев.

Кроме того, слишком долго товарищи Воробьев и Коновалов, как бывшие новые люди на дороге, застряли на этой позиции, забыв, что большевику не дается более 10 дней для того, чтобы принять на себя всю ответственность за работу дороги без конечных ссылок на вину прошлого руководства. На этом коне долго ездить опасно и преступно. По существу вопроса: почему вы сейчас, сегодня не принимаете и не передаете поезда? Вы не дали мне ответа... А я прежде всего сейчас требую от вас принятия решительных мер по ликвидации создавшегося застоя в движении поездов.

...По паровозам: необходимо заставить паровозников сесть на паровоз (я имею в виду руководящих) вместе с машинистом и вести паровоз и в условиях суровой зимы... А кто не будет работать, того под военный суд, а не разводить турусы на колесах и разлагать окружающих. Считаю позором, что у вас все время идет болтовня и торговля, как в лавочке, об очистке путей. Больше того, вы допускаете безобразие, когда заливаете пути водой, и паровозы примерзают к пути... Активность женщин! А почему не привлекать их к очистке путей?.. Заявления ваши о том, что слаба производственная дисциплина, слишком обобществляются при примиренческом отношении руководства дороги к разгильдяям, при разболтанности дисциплины в самом аппарате управления дороги. Конечно, нарушения дисциплины могут распространиться на линию. Но из этого не следует обобщать, что на всей дороге слаба производственная дисциплина. Разоблачите разгильдяев, накажите подлецов, организуйте передовых людей — и дисциплина подымется. Необходимо начальнику дороги больше твердости и решимости, поменьше смущаться в своих действиях склочников, шептунов и судачников, которые, конечно, мешают новому руководству проявить твердость.

Больше мы такого безобразия терпеть не можем. Самое опасное я вижу в том, что руководство дороги не сознает серьезности положения и своей вины в этом, а, наоборот, совершенно исключитель-

ный, небывалый для Куйбышевской дороги срыв движения поездов объясняет несерьезными причинами. Как бы я ни уважал товарища Воробьева, я считаю, что он проявил в этом деле растерянность, либо несерьезное отношение к такому крупному преступлению. Мы не побоимся обвинения в частой смене руководства. Если вынудят нас — сменим. Вот все, что я мог сказать. До свидания.

ПЕРЕПИСКА ПО ПОВОДУ НАЗНАЧЕНИЯ ПЕНСИИ ПИСЬМО Л. М. КАГАНОВИЧА УПРАВЛЯЮЩЕМУ ДЕЛАМИ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР П. Н. ДЕМИЧЕВУ. 1958 г.

Уважаемый товарищ Демичев!

Мне трудно понять, почему Управление делами Совета Министров отказало в высылке простой справки о моей работе, хотя бы с 1930 года, для заполнения трудовой книжки, которую не заполняли в Совете Министров. Вы передали это Свердловскому совнархозу, который никаких документов не имеет. Выходит, что я не могу получить подтверждение, что я был более десяти лет заместителем Председателя Совета Министров, 10 лет министром путей сообщения, 12 лет секретарем ЦК ВКП(б) и т. д. Просто стыдно сказать, ведь это все имеется в энциклопедиях, но нужны документы, а они в Совнаркоме и в Учетном отделе ЦК, которые мне их не выдают.

Прошу Вас, как гражданин Советского Союза, соблюсти мои законные права и выслать мне справку.

С уважением Л. М Каганович.
Асбест, 1958 г.

СПРАВКА О РАБОТЕ Т. КАГАНОВИЧА Л. М. В ЦЕНТРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Назначен Народным Комиссаром путей сообщения — Постановление Президиума ЦИК СССР от 23/II — 35 г.

Назначен Народным Комиссаром тяжелой промышленности с освобождением от обязанностей Народного Комиссара путей сообщения — Постановление ЦИК и СНК СССР от 22/VIII — 37 г.

Назначен по совместительству Народным Комиссаром путей сообщения — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5/IV — 38 г.

Утвержден заместителем Председателя СНК СССР — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 /VI — 38 г.

Назначен Народным Комиссаром топливной промышленности СССР — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24/I — 39 г.

Назначен Народным Комиссаром нефтяной промышленности — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12/X — 39 г.

Освобожден от обязанностей Народного Комиссара нефтяной промышленности — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3/VII — 40 г.

Освобожден от обязанностей Народного Комиссара путей сообщения и назначен на пост заместителя Председателя Транспортного комитета — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 /VIII — 42 г.

Назначен Народным Комиссаром путей сообщения — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26/II — 43 г.

Освобожден от обязанностей заместителя Председателя СНК СССР — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15/V — 44 г.

Назначен заместителем Председателя СНК СССР с освобождением от обязанностей Народного Комиссара путей сообщения — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20/XII — 44 г.

Назначен заместителем Председателя Совета Министров СССР и Министром промышленности строительных материалов — Постановление Верховного Совета СССР от 19/III — 46 г.

Освобожден от обязанностей заместителя Председателя Совета Министров СССР и Министра промышленности строительных материалов — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6/III — 47 г.

Назначен заместителем Председателя Совета Министров СССР — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18/XII — 47 г.

Утвержден Председателем Госснаба СССР — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9/I — 48 г. Постановление Совета Министров СССР от 9/I — 48 г.

Освобожден от обязанностей Председателя Госснаба СССР — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18/X — 52 г.

Назначен Первым заместителем Председателя Совета Министров СССР — Постановление совместного заседания Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР от 7/III–53 г.

Назначен Председателем Государственного комитета Совета

Министров СССР по вопросам труда и заработной платы — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24/V — 55 г.

Освобожден от обязанностей Председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6/VI — 56 г.

Назначен Министром промышленности строительных материалов СССР — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3/VIII — 56 г.

Освобожден от поста первого заместителя Председателя Совета Министров СССР — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29/VI — 57 г.

Зав. Сектором кадров Управления делами
Совета Министров СССР А. Кудрявцев. 11/II — 59 г.
Копия верна:
Начальник отдела кадров треста Союзасбест /Соколов/
12/III — 59 г.

ДОПОЛНЕНИЯ К СПРАВКЕ, СДЕЛАННЫЕ Л. М. КАГАНОВИЧЕМ

Член Государственного Комитета Обороны

Член Военного Совета Северо-Кавказского и Закавказского фронтов

Герой Социалистического Труда

Секретарь ЦК ВКП (б) — 1924–1928, 1928–1938 гг.

Секретарь МК ВКП (б) — 1930–1935 гг.

Секретарь ЦК КП (б) Украины — 1925–1928, 1947 гг.

По получении формальной справки, в которой не было, что я был 12 лет секретарем ЦК КПСС, 5 лет секретарем МК, а до работы в Центре был Председателем Губисполкома и Губкома партии и т.д. и т.п., я даже не получил в Райсобесе обычную пенсию в 120 рублей, а 115 руб. 20 копеек. Л.К.

ПИСЬМО Л.М. КАГАНОВИЧА Н.С. ХРУЩЕВУ

7 декабря 1960 года

ЦК КПСС: Первому секретарю ЦК
товарищу ХРУЩЕВУ

Уважаемый Никита Сергеевич!

После перенесенной тяжелой болезни и соответствующего лечения мое здоровье поправилось. Я надеюсь, что смогу работать и под руководством ЦК вновь активно участвовать в практическом осуществлении политики партии, в успешном выполнении величественного Семилетнего Плана. Настоящим письмом прошу ЦК предоставить мне соответствующую работу. Что касается характера работы, то я думаю, что ЦК и ты лично, Никита Сергеевич, зная мой опыт по прошлой деятельности, без особых трудностей определите место моей работы в государственном и производственном организме Москвы.

Лично я затрудняюсь сейчас высказать свои пожелания, лучше всего, конечно, поговорить лично, как это обычно делается в таких случаях.

Прошу тебя, Никита Сергеевич, принять меня, если тебе почему-либо трудно будет, то прошу поручить одному из секретарей ЦК принять меня.

С коммунистическим приветом
Л.М.Каганович

Мой адрес: Москва, Фрунзенская набережная, № 50, кв. 384.
Телефон Г-7-10-68.

ЗАПИСИ К ВЫСТУПЛЕНИЮ НА ЗАСЕДАНИИ КОМИТЕТА ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ЦК КПСС

1962 год

1. Вам, товарищи, известна вся история вопроса, поэтому буду краток. После решения об исключении меня, вместе с товарищами Молотовым, Маленковым и Шепиловым, из ЦК за «фракционную борьбу» я, как и указанные товарищи, оставаясь членом партии, честно, как полагается коммунисту, работал для блага коммунизма на основе точного и строгого выполнения всех решений партии и ее ЦК.

2. После пяти лет честной коммунистической работы в качестве рядового члена партии, безукоризненно работавшего на данной мне хозяйственной работе и активно выполнявшего обязанности на партийной и общественной работе, я, как и Молотов, Маленков и Шепилов, в 1962 году был исключен из партии.

3. Поскольку нам не могли предъявить по нашей работе и партийному поведению каких-либо новых обвинений сверх зафиксированных в решении Пленума 1957 года, нам предъявили обвинения в действиях, связанных с нарушением законности при Сталинском руководстве.

4. Но, товарищи, XX съезд, принимая свою резолюцию о нарушениях законности, избрал меня, как и Молотова, Маленкова и Шепилова, в члены ЦК, а после этого Пленум ЦК избрал нас в члены Президиума ЦК, хотя и тогда известно было, что не один Сталин виновен в нарушениях, но и другие его сторонники по работе — члены Президиума и члены ЦК, в том числе Молотов, Каганович, Маленков, так же как и Хрущев, Микоян, Шверник и другие.

После XX съезда июньский Пленум ЦК 1957 года, принимая свое постановление «Об антипартийной группе», исключил нас из ЦК, но оставил в партии, хотя и тогда говорилось о защите нами Сталина.

5. Поэтому повторение старых обвинений и сегодняшнее выпячивание обвинения в незаконных действиях, связанных с так называемым культом личности, приведших к исключению меня и других из партии, является искусственным, даже противоречащим XX съезду партии, избравшему нас в ЦК. Это противоречит также решению Пленума ЦК 1957 года, оставившему нас в рядах партии. Ничего нового не произошло, что дало бы законные партийные основания для исключения меня, Молотова и Маленкова из партии. Все, что сейчас предъявляется конкретно, например, мне — Кагановичу, было известно, когда меня не исключали из партии, а оставили в ее рядах. Работая, например, на железнодорожном транспорте в тяжелых условиях многочисленных крушений и аварий, значительная часть которых устраивалась диверсантами, шпионами, в том числе троцкистами, как это доказано было на судебных процессах, мне приходилось, как и другим в других отраслях и областях, решительно бороться с врагами, разоблачать и привлекать к ответственности виновников, а также наказывать их пособников. В этой борьбе с действительными преступниками и их пособниками, к великому сожалению, пострадала и часть невинных людей.

Поверьте, я это тяжело переживаю, не снимаю с себя свою долю вины за это, но необходимо вспомнить и понять политическую обстановку того времени, когда фашизм готовил войну против нашей Родины, а его «пятая колонна» свирепо боролась с нами, в особенности на таком решающем участке, как железные дороги. Поэтому мы вынуждены были бороться решительно и беспощадно. Соответствующие органы представляли нам убедительные, обоснованные доказательства против виновных, и мы давали свое согласие на их аресты. Были и оговоры невиновных, но и часть этих материалов создавали убеждение в их виновности, тем более что они сами давали повод к этому, особенно последующими их собственными признаниями в виновности.

6. Накаленная политическая обстановка того периода, особенно усилившийся шпионаж, диверсии империалистических государств, в первую очередь, конечно, гитлеровской Германии и японского империализма (засылавших, например, вместе с освобожденными, честными тружениками КВЖД большое количество японских и иных шпионов), требовали особой бдительности, остроты и быстрого реагирования на вредительство, срывавшего подъем и нормальную работу железных дорог и тем самым выполнение пятилеток... и подготовку страны к отпору агрессивным силам, готовившим войну против СССР.

Должен вам сказать, что, несмотря, однако, на все это, руководство Наркомата путей сообщения и я как Народный Комиссар, проявляя необходимую бдительность, не соглашались со многими обвинениями, предъявлявшимися многим работникам транспорта, основанными на оговорах арестованных врагов. По многим и многим работникам транспорта я опротестовывал представлявшиеся материалы и требования органов на аресты, и во многих случаях ЦК и лично Сталин соглашались с нами. Я мог бы назвать большое количество работников, занимавших тогда и потом руководящее место в НКПС и на дорогах, которые по нашему настоянию остались нетронутыми вопреки предъявленным материалам соответствующих органов.

Об этом я говорю не для показа «заслуг», а для того, чтобы сказать, что наряду с правильными наказаниями виновных, наряду с невинно пострадавшими было много предотвращенных наказаний или, как они говорили сами потом в беседах со мной, «спасенных» от гибели.

Все это показывает, что положение было сложное и трудное, во всяком случае не такое простое и легкое, как это многим представляется сегодня, когда гитлеровский фашизм и его «пятая колонна» в СССР разбиты, уничтожены. Поэтому, выражая сегодня свои чувства горечи, переживания и сочувствия семьям невинно пострадавших, я говорю: не надо поддаваться чувству личных переживаний, а надо подходить к вопросу как политически зрелые люди. Устанавливая допущение тяжелых ошибок и нарушение законности, критикуя и раскрывая их, принимая меры к недопущению их впредь, не допускать в то же время размагничивания себя и других и всегда помнить, что и сегодня мы имеем против себя непримирившихся с нашими победами социализма империалистов, точащих нож — еще более острый, — ядерный против Советской социалистической страны и других стран социализма. Место ведущей силы агрессивного империализма — гитлеровского

фашизма — стремится занять реакционный империализм США с его союзниками. Они не отказываются от борьбы, в том числе от шпионажа, диверсий, вредительства. Поэтому мы, вскрывая ошибки и недостатки и признавая их, сожалея о них, признавая свою долю вины за их допущение, ни в коем случае не должны допускать самоуспокоенности, внеклассового, внеполитического подхода, отказываться от бдительности и должны готовиться к беспощадной борьбе с врагами социализма, с врагами нашей Родины, откуда бы они ни исходили. Мы должны всегда помнить, что нам предстоит еще большая острая борьба с врагами за полную и окончательную победу социализма и Коммунизма!

7. Товарищи, прошу не истолковать эти мои последние общие выраженные мысли как желание подменить ими конкретные, частные ошибки. Здесь добавлю, что подобные ошибки допускал, например, и Хрущев. Ведь большинство руководящих работников, члены бюро Московского комитета партии, районов и Моссовета, которые при руководстве Кагановича, когда он был секретарем МК, работали и здравствовали, были арестованы при руководстве МК Н. Хрущевым. Или, например, товарищи Микоян и Шверник. Ведь и они посылали в МГБ свои письма о согласии на арест не просто руководящих работников, но и членов Коллегии и своих замов, а иногда не просто о согласии, но и с просьбой арестовать, учитывая материалы МГБ, обвиняющие их.

Не подумайте, что, говоря об этом, я требую исключения из партии Хрущева, Микояна, Шверника и т.п., даже не об уравнении меня сейчас с ними в правах члена ЦК и его Президиума. Я говорю о восстановлении меня в партии, которой я отдал более 50 лет своей жизни, за победу которой я неустанно, неуклонно, самоотверженно боролся. Не буду здесь излагать мою биографию, вы все знаете, в том числе и о том, что был Председателем КПК. Скажу только, что я упорным трудом, беззаветной преданностью и самоотверженной верностью учению Маркса–Ленина и родной партии нашей из рабочего стал руководящим деятелем партии. Я боролся и борюсь со всеми ее врагами за генеральную Ленинскую линию, за победу Социализма и Коммунизма, за победу мира между народами, социализма и революции во всех странах мира!

Я еще жизнеспособен и работоспособен, я хочу действовать и бороться за дело Коммунизма как член моей родной и любимой Ленинской партии, и я прошу Вас, товарищи, члены КПК, восстановить меня в рядах членов Коммунистической партии Советского Союза!

ПИСЬМА Л.М. КАГАНОВИЧА В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ, ГЕНЕРАЛЬНЫМ СЕКРЕТАРЯМ ЦК КПСС И В АДРЕС СЪЕЗДОВ ПАРТИИ (1964–1986 ГОДЫ)

27 декабря 1964 года

В Президиум Центрального Комитета

Коммунистической партии Советского Союза!

Первого июня 1962 года я обратился в Центральный Комитет партии с просьбой пересмотреть решение Московского Городского Комитета КПСС об исключении меня из партии.

Настоящим вновь прошу Президиум ЦК восстановить меня в рядах партии, в которой я состоял пятьдесят лет, в том числе тридцать лет в составе Политбюро и Президиума ЦК.

Я надеюсь, что Президиум ЦК даст мне возможность бороться в рядах партии, под руководством ее Центрального Комитета, за выполнение величественной программы развернутого строительства коммунизма в нашей Советской стране.

С коммунистическим приветом

Л.М.Каганович

24 декабря 1967 года

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС ТОВАРИЩУ БРЕЖНЕВУ Л.И.

Прошло пять с лишним лет, как я исключен из партии. За это время я обращался в Центральный Комитет с просьбой о восстановлении меня в партии:

1/VI-1962 года, 27/XII-1964 года и в президиум XXIII съезда партии 29 марта 1966 года.

В настоящее время я вновь обращаюсь к Центральному Комитету партии с горячей просьбой — восстановить меня в рядах партии, за дело которой я боролся в ее рядах с 1911 до 1962 год.

Приближаются дни Великого торжества — Пятидесятилетие Октябрьской социалистической революции и Советского Государства. Я был активным борцом за победу Октябрьской революции, Советского строя и социализма.

Я знаю, что наряду с положительными делами в моей многолетней деятельности были и ошибки, но скажу, что на всех участках, где я работал и боролся по заданиям партии — и в дореволюционном подполье, и в 1917 году, в период подготовки и сверше-

ния Октябрьской революции, и на фронтах Гражданской и Отечественной войн, и в труде, и борьбе за построение социализма, на партийной и государственной работе, и в качестве члена Политбюро ЦК на протяжении 30 лет, — всюду я отдавал всего себя, всю жизнь и кровь свою, всю революционную энергию для обеспечения победы дела Ленина — дела моей родной Партии. Сегодня я, как Коммунист, вместе с Вами, со всем народом и рабочим классом, из среды которого я вышел, радуюсь и горжусь Великими победами социализма — коммунизма, которые достигнуты за 50 лет под руководством партии и ее Центрального Комитета.

Я обращаюсь к Вам и надеюсь, что Вы дадите мне возможность встретить радостный праздник пятидесятилетия Октябрьской революции Членом Коммунистической партии Советского Союза.

С Коммунистическим приветом
Л.М.Каганович

25 марта 1971 года

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС ТОВАРИЩУ БРЕЖНЕВУ Л.И.

Настоящим посылаю мое обращение в президиум XXIV съезда КПСС и прошу Вас передать его президиуму съезда. Как вы знаете, я посылал такое же письмо в президиум XXII съезда (если оно дошло), но ответа не получил.

Я очень прошу Вас, Леонид Ильич, помочь, чтобы на этот раз я получил положительный ответ на мою просьбу о восстановлении меня в правах члена партии.

С Коммунистическим приветом

Каганович Лазарь Моисеевич

19 февраля 1976 года

Уважаемый Леонид Ильич!

Я вновь вынужден беспокоить Вас по тяжкому для меня делу — вопросу о восстановлении меня в правах члена партии. Я написал обращение в Президиум XXV съезда КПСС и посылаю его Вам в надежде, что Вы не просто передадите его, а по существу поможете положительному его решению. Вы, Леонид Ильич, знаете меня много лет как руководящего деятеля партии и государства, который немало сделал для их укрепления и для победы социализма.

Вы хорошо знаете меня как, так сказать, «однополчанина» по Северо-Кавказскому и Закавказскому фронтам, где мы вместе воевали и где я пролил свою кровь за Родину, за партию, будучи раненным под г. Туапсе, героически устоявшим перед врагом.

Я с удовлетворением вспоминаю нашу работу по организации десанта на Малую землю и ваше письмо ко мне с Малой земли. Признаюсь, что я это вспоминаю сейчас не просто ради воспоминаний, а потому, что это дает Вам возможность вспомнить и напомнить еще об одной положительной стороне моей деятельности и тем самым облегчить удовлетворение моей просьбы.

Мне тяжко жить на склоне лет вне партии, которой я отдал свою жизнь, и я очень прошу Вашей помощи.

Я убежден, что восстановление в партии принесет пользу партии и ее ЦК.

С товарищеским приветом
Л.М. Каганович

19 февраля 1976 года

В ПРЕЗИДИУМ XXV СЪЕЗДА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

Настоящим обращаюсь к Вам с убедительной просьбой — восстановить меня в правах члена Коммунистической партии Советского Союза, в которой я состоял на протяжении 50 лет, из которых 35 лет в составе ЦК и 30 лет в составе Политбюро — Президиума ЦК КПСС.

С юных лет я отдавал все свои силы, всю свою жизнь моей родной, любимой Ленинской партии. В многолетней работе были у меня и ошибки, и малые и большие, но я прошу при общей оценке и при решении вопроса учитывать и ту большую положительную работу, которая была проделана мною для блага партии, рабочего класса и Советского народа. Эта многолетняя моя плодотворная партийная и государственная деятельность нашла официальное признание и высокую оценку высших партийных и государственных органов, достаточно привести два примера, чтобы убедиться в этом.

В ноябре 1943 года Президиум Верховного Совета СССР вручил мне следующий документ:

«Герою Социалистического Труда

тов. Кагановичу Лазарю Моисеевичу

За Ваши исключительные заслуги перед государством в деле обеспечения перевозок для фронта и народного хозяйства и выдающиеся достижения в восстановлении железнодорожного хозяйства в трудных условиях военного времени Президиум Верховного Совета СССР своим указом от 5 ноября 1943 года присвоил Вам звание Героя Социалистического Труда.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.Калинин.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А.Горкин.
Москва. Кремль. 20 ноября 1943 г.».

Разумеется, этот Указ был одобрен Политбюро ЦК. Можно сказать, что это-де было при Сталине, но вот второй факт, относящийся уже к ноябрю 1953 года, когда Первым секретарем ЦК КПСС был уже Хрущев Н.С., когда кроме старых членов Политбюро: Ворошилова, Молотова, Микояна, Кагановича, Маленкова, Булганина. Сабурова, Первухина, были уже в руководстве ЦК товарищи Брежнев, Суслов, Косыгин, Шверник и другие.

22 ноября 1953 года в «Правде» было опубликовано следующее приветствие «Товарищу Кагановичу Лазарю Моисеевичу.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Совет Министров Союза ССР горячо приветствуют Вас, верного ученика Ленина и соратника Сталина, в день Вашего шестидесятилетия.

Советский народ высоко ценит Ваши заслуги, как одного из выдающихся организаторов и строителей Коммунистической партии и Советского государства.

На всех постах партийной и государственной работы Вы с присущей Вам энергией отдаете все свои силы и знания делу строительства коммунизма в СССР. От всего сердца желаем Вам, наш друг и товарищ, наш дорогой Лазарь Моисеевич, многих лет здоровья и дальнейшей плодотворной работы на благо народов нашей Социалистической Родины, на благо коммунизма.

Центральный Комитет
Коммунистической партии
Советского Союза.
Совет Министров
Союза ССР».

В тот же день был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР за подписью тов. Ворошилова о награждении Первого заместителя Председателя Совета Министров Союза ССР тов. Кагановича Л.М. «за выдающиеся заслуги перед Коммунистической партией и Советским народом» орденом Ленина.

Я привел эти факты отнюдь не для того, чтобы прикрыть мои ошибки, а для того, чтобы подчеркнуть мою просьбу к Вам — учесть мою плодотворную работу, получавшую официальное признание руководящих органов партии и правительства.

Я надеюсь, что когда вы это учтете, то вы придете к решению об удовлетворении моей настоятельной просьбы.

Всей своей душой я коммунист, марксист-ленинец, но для реализации этой идейно-политической убежденности я должен, как этого требовал Ленин, состоять в партийной организации.

Очень прошу Вас дать мне эту возможность. Не оставляйте

меня на склоне лет вне моей родной, любимой Ленинской партии, которой я отдал всю жизнь и готов отдать ее до конца дней своих.

С коммунистическим приветом
Л.М. Каганович

11 февраля 1981 года

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС
ТОВАРИЩУ БРЕЖНЕВУ Л.И.

Уважаемый Леонид Ильич!

Посылаю мое письмо в президиум XXVI съезда КПСС, в котором я вновь прошу о восстановлении меня в рядах членов моей родной партии. Я все еще жду Вашей помощи и в этом.

С коммунистическим приветом
Л.М. Каганович

20 июня 1984 года

Уважаемый Константин Устинович!

Посылаю письмо в Центральный Комитет с просьбой о восстановлении меня в партии.

Очень прошу Вас помочь в положительном решении этого решающего для моей жизни вопроса.

С уважением, Л. Каганович

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Обращаюсь к Вам с просьбой — восстановить меня в рядах членов Коммунистической Партии Советского Союза, в которой я состоял с 1911 года.

Выполняя задания партии в большевистском подполье, а после победы революции на руководящей партийной и Советской работе, я отдавал все свои жизненные силы и энергию самоотверженной революционной борьбе за победу пролетариата, из среды которого я вышел, за победу партии, Советской власти и Социализма-Коммунизма.

Я сознаю и признаю, что в моей многолетней работе были серьезные ошибки и недостатки. Однако эти ошибки не могут, не должны затемнить то главное — положительное, которое преобладало в моей работе, в том числе в период моего пребывания в Политбюро ЦК на протяжении 30 лет. Я надеюсь, что Центральный Комитет

и его Политбюро учтут это при рассмотрении моей просьбы, учтут и то, что я был, есть и буду верным Марксистом-Ленинцем, боровшимся и борющимся со всеми видами оппортунизма, ревизионизма, догматизма и национализма — за Марксизм-Ленинизм, за победу социализма-коммунизма, за пролетарский Интернационализм. Восстановив меня в партии, Центральный Комитет даст мне возможность быть не просто и не только идейным коммунистом, а активно действующим партийцем, состоящим в определенной парторганизации, честно и дисциплинированно выполняющим обязанности члена партии, предусмотренные Ленинским уставом партии, активно борющимся за единство партии, за осуществление программы, решений Партии и ее ЦК по всем вопросам Марксистско-Ленинской теории, борьбы с буржуазной и мелкобуржуазной, оппортунистической идеологией, по вопросам внутренней и внешней политики, вытекающим из генеральной задачи, осуществляемой партией, усовершенствования развитого социализма и подготовки к постепенному переходу в высшую фазу коммунизма.

Еще раз прошу ЦК дать мне возможность завершить мой жизненный революционный путь в рядах моей родной коммунистической партии.

С коммунистическим приветом
Л.М.Каганович

P.S. На днях опубликовано Постановление Политбюро ЦК «О 40-летии победы Советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Как член Государственного Комитета Обороны с 1941 по 1945 год, как непосредственный участник войны на фронте, да к тому еще раненный на Туапсинском направлении Закавказского фронта, я, естественно, хочу праздновать этот праздник победы над Гитлеровским фашизмом как полноправный член партии, организовавшей и обеспечившей эту великую историческую победу Советского народа и его славной героической армии.

28 сентября 1986 года

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.
ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС ТОВ. ГОРБАЧЕВУ М.С.

Уважаемые товарищи!

В августе 1985 года я послал письмо в ЦК с просьбой о восстановлении меня в рядах Коммунистической партии Советского

Союза, в которой я состоял с 1911 года, в том числе в составе Политбюро ЦК КПСС 30 лет.

Тяжко переживая пребывание вне рядов своей партии Ленина, я полностью сохранил свойственный истинному коммунисту партийный научный оптимизм и, главное — верность своей Марксистско-Ленинской партии.

Оказавшись вне рядов партии, я внутренне идейно-политически жил жизнью партии, я радовался ее успехам и огорчительно переживал ее неудачи и недостатки. В последний период я вместе со всей партией с глубоким партийным удовлетворением воспринял подготовку и проведение XXVII съезда партии на высоком идейно-теоретическом уровне, в результате чего были приняты исторические, важные программные и политические решения съезда.

Большое значение для выполнения этих решений съезда имеют принимаемые ЦК и Совмином решения, которые своим практическим, новаторским и самокритичным характером и партийно-пролетарской требовательностью мобилизуют миллионные массы трудящихся для осуществления решений XXVII съезда нашей партии. Как и вся партия, я уверен, что это ведет к ускорению роста мощи нашей Родины и к новым Великим победам социализма и коммунизма.

Дорогие товарищи! Дайте мне возможность пожить остатки моей жизни Членом моей родной партии Ленина и принимать посильное участие в жизни партии.

С коммунистическим приветом
Л.М. Каганович

ЧЕРНОВЫЕ ЗАМЕТКИ О БЕСЕДАХ Н.С. ХРУЩЕВА С ИНОСТРАННЫМИ ДИПЛОМАТАМИ (КОНЕЦ 50-х — НАЧАЛО 60-х гг.)

В беседах Хрущева с представителями иностранных держав, в частности Соединенных Штатов Америки, в которых Хрущев распространялся насчет внутрипартийных событий июня 1957 года, он говорил:

— Антипартийная группа выступила против меня и других товарищей

— Она выступила против линии ЦК нашей партии

— Эта группа состояла из зазнавшихся людей

— Они были уверены, что их имена не могут быть отвергнуты

— Ворошилов, Молотов, Каганович и Маленков считали себя всесильными

— Правда, Маленков — это уже не та фигура, что три первых, за плечами которых было немало и хорошего

— Но они отстали от времени, неправильно понимали обстановку, неправильно расценивали перспективу.

Если разобрать эти утверждения Хрущева, то ясно станет, насколько они неверны, неправдивы. Во-первых, выступление было направлено против Хрущева, но не против других товарищей, и выступление это было не группы, а Президиума ЦК — его большинства. Во-вторых, неправдой является утверждение Хрущева, что это выступление было против линии ЦК нашей партии. Наоборот, именно для осуществления линии Ленинской партии и ее ЦК Президиум ЦК в своем большинстве выступил против извращения этой линии Хрущевым.

Чтобы прикрыть свои извращения, Хрущев отождествляет себя с Центральным Комитетом, с партией, а большинство Президиума ЦК, выступившее против Хрущева, отождествляет с группой, что является прямой подменой Президиума ЦК группой.

Эта подделка нужна Хрущеву для оправдания принятых мер против большинства членов Президиума ЦК, названного им группой, даже антипартийной. Известно, что в резолюции X съезда партии «О единстве партии» Ленин указал, что основными признаками антипартийной фракционности являются особая платформа со своими взглядами, направленными против партии, и наличие организованной, отдельной от партийных органов фракционной группировки со своей дисциплиной, со своими организованными собраниями и пропагандой против ЦК и т.д.

Нечего и говорить, что ничего, что-либо напоминающее это, не было у Молотова, Ворошилова, Кагановича, Маленкова, Сабурова, Булганина, Первухина, Шепилова, составлявших большинство Президиума ЦК. Не было и нет не только никакой платформы, но каких-либо взглядов, противостоящих взглядам партии и ее ЦК. На заседании были нормальные споры, предусмотренные Уставом.

Ленин всегда требовал документов, фактов для подтверждения всяких словесных утверждений. Но никаких даже намеков на документы, факты, подтверждающие заявления Х[рущева] об антипартийной линии кого-либо из упомянутых товарищей, не было и нет. Наоборот, все речи, доклады, записки, вся практическая работа по всем вопросам и делам, которые им партия поручала, были полны ленинским содержанием и направлены на выполнение решений партии и ее Центрального Комитета вместе с рабочим классом, крестьянством, интеллигенцией, с которыми они были связаны. Ведь не случайно Хрущев нигде не приводил ни одной выдержки, ни одного документа, подтверждающего его ут-

верждения об антипартийной линии искусственно «сконструированной» им группы Молотова, Кагановича, Маленкова, лишь редко, видимо из тактических соображений, упоминая Ворошилова, который тоже был против Хрущева. Вся партия и советский народ читали доклады, речи этих товарищей и знают из их практической деятельности об их огромной работе под руководством ЦК по выполнению решений съездов партии, в том числе и XX съезда, и Центрального Комитета: по улучшению партийной и государственной работы, по повышению материального и культурного уровня жизни рабочих, колхозников и всех трудящихся, по ликвидации нарушений революционной законности, по внедрению ленинских норм партийной и советской жизни, по разрядке международной напряженности и борьбе за мир, по укреплению обороноспособности нашей Родины.

Вся эта линия и работа была единой линией и работой партии, ее ЦК, его Президиума, в составе которого долгие годы состояли указанные товарищи. Поэтому чудовищными выглядят выдумки Хрущева, отделяющие, противопоставляющие их Президиуму ЦК. Само собой разумеется, у этих товарищей были и ошибки, но ведь недаром даже Хрущев вынужден в тех же беседах с иностранцами признать, что за плечами этих товарищей было немало хорошего.

Утверждение Хрущева о том, что «группа» состояла из зазнавшихся людей, является простоватой хитростью, желанием свалить с больной головы на здоровую, приписать критикующему то, в чем его самого упрекают (ведь именно его, Хрущева, на Президиуме ЦК обвиняли в зазнайстве). Это же относится к его словам о том, что Молотов, Каганович, Ворошилов и Маленков считали себя всесильными и были уверены, что их имена не могут быть отвергнуты, но ведь именно он, Хрущев, возомнил себя всесильным и начал третировать членов Президиума ЦК, в том числе Ворошилова, Молотова, Кагановича и Маленкова, Булганина и других, в конце концов довел свое наступление до «победного» конца. Именно для оправдания этой его агрессивности он и говорил о всесилии антипартийной группы.

Утверждая голословно о существовании группы, Хрущев бесстыдно умалчивает о том, что после критики в его адрес товарищей Маленкова, Кагановича и Молотова, он, Хрущев, на заседании Президиума (до Пленума ЦК) благодарил членов Президиума, в том числе и упомянутых товарищей, за критику и обещал, соответственно, исправить свои ошибки и недостатки.

Совершенно ясно, что легенда об «антипартийной группе» выдумана Хрущевым для оправдания своих неленинских методов

руководства, сколачивания своей фракционной группы и колебаний в сторону оппортунизма.

Хрущев пытается придать обвинению товарищей в создании «антипартийной группировки» общий принципиальный — политический характер, сочинив за них «платформу». Сказав о том, что за плечами Ворошилова, Молотова и Кагановича было немало хорошего, он тут же разразился обобщающей тирадой, противоречащей историческим фактам, свидетельствующим об обратном. Хрущев изрекает свой «приговор», игнорируя факты.

Из истории известно, что указанные товарищи отличались прежде всего тем, что они были верными марксизму-ленинизму, никогда не воспринимали революционную диалектику как флюгерство, не держали, как говорят в народе, нос по ветру, не качались от ленинизма к троцкизму, как это было, например, у Хрущева в первой половине 20-х годов.

Я не хочу сказать, что Хрущев всегда и во всем противостоял ленинской линии, но он, как эксцентрик (хотя и не законченный и, вероятно, даже не знавший точного значения этого слова) и как незакаленный коммунист, стремился к тому, чтобы все признали в нем «новатора», хотя зачастую это новое было ложкой дегтя в бочке меда. Воспринимая, в общем, бочку меда, он вносил свою Хрущевскую ложку дегтя, а часто больше ложки, чем портил всю признаваемую им бочку меда. Он всегда стремился «булькнуть» что-либо такое, чтобы отличиться от других.

Не знал Сталин, что, приближая к себе «Микиту» с его «бульканьем», тот «булькнет» о Сталине после его смерти такое, что превзойдет даже намного Опанаса с его топорами и прорубью.

На Украине рассказывают про одного «дюже розумного» Опанаса, который занимался тем, что придумывал новое. Вот раз ночью он будит жену и говорит ей: «Танько, вставай, придумал я нове: коли зібраты з всього села топори, да вырубить проруб в річке, да кинути иі топори в ту проруб, ось булькне, аж на все село чутко буде». Между прочим, сам Хрущев рассказывал это Сталину, и Сталин, когда приходил Хрущев, часто встречал его словами: «Ну, скажи, Микита, что сегодня булькнет». Своим «бульканьем нового» Хрущев угощал ЦК слишком часто, иногда даже удачно, но в значительной части неудачно и надоедливо. Можно было бы привести немало фактов, когда члены Президиума, в том числе Молотов, Каганович, Ворошилов, Маленков, Булганин и другие, вступали в спор с сомнительными предложениями — «новшествами». Но, к сожалению, часть из них проходила. Например, хрущевские новшества в севооборотах, с отме-

ной известной теории Вильямса о севооборотах, дорого обошлись нашему сельскому хозяйству.

Даже хорошие дела, за которые Хрущев правильно ратовал, часто из-за перебарщивания Хрущева приводили к отрицательным результатам (например, кукуруза). Он, конечно, не был новатором в этом деле. Заслуга Хрущева в том, что он правильно заострил эту важную задачу. Но он ее довел до абсурда своими требованиями насаждать кукурузу всюду, чем срывал распространение ее посева там, где это выгодно и возможно. К сожалению, и теперь кукуруза если не в загоне, то не в должном почете, а зря.

Далее Хрущев в тех же беседах с иностранцами распространяется о Сталине и связанных с этим обвинениях в адрес сконструированной им «антипартийной» группы.

«Мы, — сказал Хрущев, — говорим: так, как было при Сталине, не может и не должно продолжаться. Они (т.е. группа) отвечали: так было, так и будет. Мы говорили: так было, но так не будет. Тогда они заявили: мы вас удалим. А наша партия, наш народ взяли и удалили их самих».

Так, претендуя на прасольское остроумие, на деле невежественно-упрощенчески-пасквильно изображает Хрущев дело и подносит это в вульгарном, бульварном, буржуазно-фельетонистском стиле и духе. Главное, конечно, в том, что это — неправда.

Президиум ЦК, в первую очередь Молотов, Ворошилов, Каганович, Маленков, Булганин говорили: нужно ликвидировать все отрицательное в методах и системе управления, в первую очередь ликвидировать беззакония, репрессии, наказывающие невинных людей. Но это не значит — отменить все положительное, хорошее, что было при Сталине. Ведь при Сталинском руководстве были Великие, революционные творческие дела: борьба с внутренним и внешним врагами революции, Советской власти и победа над ними; были Великие пятилетки, которые народ называл «Сталинские пятилетки», социалистической индустриализации и коллективизации, гигантского развития культуры, науки и подъема материального благосостояния народа. Выполняя заветы Великого вождя — Ленина, героическим трудом миллионов под руководством партии, опираясь на все эти завоевания, достижения социалистического строя, была обеспечена и достигнута под непосредственным руководством Сталина величайшая в истории Победа в Отечественной войне над гитлеровским фашистским империализмом. После войны советский народ при Сталинском руководстве совершил второй, после военного, подвиг — восстановления невероятно разрушенного хозяйства, городов и сел; послевоенные

пятилетки заложили основы нового гигантского развития хозяйства нашей Родины на базе новой техники.

Ведь и атомная бомба, которая была и есть ответом на атомно-ядерные угрозы американского империализма, была создана нашими рабочими, учеными и инженерами при Сталинском руководстве. При всем этом Великом положительном были противозаконные и отрицательные ошибки, недостатки, беззакония, которые партия осудила. Но не все, что было при Сталине — и Великое положительное, — нужно отвергать. Такая постановка вопроса выгодна врагам социализма, она облегчает буржуазии новое наступление на нашу партию, на Советский Союз, на социализм.

Отбрасывая все, что было при Сталине, Хрущев невольно помогает наступлению врагов на все то дорогое для народа, что было достигнуто усилиями народа при Сталинском руководстве.

Да, народ, рабочие, партия и руководящие работники видят и смело критикуют ошибки, недостатки, противозакония. Но они не допускают подмены, подрыва всего Великого, созданного при Ленине, а после него — при Сталине. Нельзя забывать, что народ, партия и ветераны войны и труда — не Иваны, не помнящие родства, они хорошо помнят, как наши герои-солдаты шли на смерть в атаки на гитлеровцев с богатырским, самоотверженным кличем: «За Родину! За Сталина!» Точно так же рабочие, колхозники, интеллигенция самоотверженно, героически работали в тылу под руководством партии с именем Сталина на устах.

У Сталина были серьезные ошибки и недостатки, за это партия и народные массы критикуют его и других членов Сталинского руководства, но, критикуя, они не позволят никому позорить Сталина и Сталинское руководство и отказываться от всего того, что так дорого Советским людям — от достижений социализма, связанных с именем Сталина, который отдал всю свою жизнь борьбе за интересы рабочего класса и крестьянства, за победу марксизма-ленинизма.

Многие перегибы, репрессии и беззакония были вызваны острой борьбой, которую вели внутренние и внешние враги Советского народа. В борьбе с ними были допущены грубые ошибки, когда пострадали и невиновные. Но в этом виноват не один Сталин. Нельзя легкомысленно и бравурно выступать сегодня разоблачителем Сталина, да еще хвастая этим, и получать одобрения, адресуемые Хрущеву и Микояну, которые самодовольно принимают эти одобрения на свой счет, умалчивая при этом свою долю вины за это. Ведь тот же Хрущев, который сегодня выступает в роли благодетеля, на XVII съезде говорил: «Классовая борьба не

прекращается, и мы должны... мобилизовать силы партии, силы рабочего класса, органы диктатуры пролетариата для окончательного уничтожения классовых врагов, всех остатков правых и «левых» и всяких других оппортунистов, которые хотят затормозить наше дальнейшее успешное движение вперед».

Хрущев, как и мы все, поддерживал репрессивные меры против «троцкистско-бухаринских врагов народа». Можно допустить в новых условиях выступления по-новому, но, во-первых, — соблюдать меру, не отбрасывая и не подменивая отрицательным все Великое, положительное, что сделал Сталин для партии, для Родины нашей. Во-вторых, нельзя спекулировать на ошибках и хвастать своей «храбростью», приписывая все себе и выгораживая себя из всего окружения Сталина, которое несет, конечно, и свою долю ответственности.

Нужно по марксистско-ленински, научно-исторически подходить к той борьбе, которую вели партия и Советский народ с внутренними и внешними врагами нашей Социалистической Родины, учесть уроки, раскрывая ошибки и беззакония, когда наряду с истинными врагами пострадали и невинные люди.

Так именно поступил Президиум ЦК, по инициативе которого была создана комиссия для изучения и расследования дел всех репрессированных, чтобы провести амнистию и сделать общие выводы, доложить их Президиуму и специально созванному Пленуму ЦК. Президиум ЦК признал необходимым глубоко, политически принципиально выявить не только факты, но и разъяснить партии и народу все то отрицательное, что было в прошлом и что нельзя допустить впредь. Это было доделано после XX съезда принятием обстоятельного марксистско-ленинского постановления ЦК 26 июня 1956 года — «О преодолении культа личности и его последствий». Это постановление было принято единогласно, в том числе Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Хрущевым, Маленковом, Булганиным, Микояном, Первухиным, Сабуровым и другими. Это постановление подняло весь вопрос на идейно-политическую высоту, внесло живую, оздоровительную струю в работу партии по разъяснению ошибок прошлого, недопущения их впредь, сохраняя и укрепляя мощь Советского Государства и единства партии.

Сталин талантливо и самоотверженно продолжал дело Маркса и Ленина. Именно благодаря своей верности их гениальному учению, их стратегии Сталин стал великим вождем советских народов. Лгут и клевещут на партию нашу, на наш великий советский народ классовые враги и их лакеи, будто из страха много-

миллионный народ восхвалял, воспевал Сталина. Рабочий класс, колхозное крестьянство, советская интеллигенция, в том числе советские ученые, всеми своими чувствами преданные Родине, ее новому социалистическому строю, ощущали своим сознанием, были уверены, что партия, ЦК и Сталин обеспечивают своей Ленинской линией, своим руководством сохранение, защиту от империалистов, закрепление завоеваний Советского строя, Великой Октябрьской социалистической революции, дальнейшее продвижение социализма вперед, к победе коммунизма.

Даже те, кто не читает многотомные истории, хорошо знали и знают, помнили и помнят основные вехи нашей тяжелой, кровавой борьбы под руководством Ленина за новую жизнь и роль Сталина в этой борьбе.

Сталин был верным учеником и соратником Ленина на протяжении всей истории партии: в годы тяжелого царского подполья, борьбы рабочих с капиталистами, крестьян с помещиками, самоотверженной революционной борьбы с царскими властями, борьбы с меньшевиками, эсерами, националистами, анархистами и всякого рода оппортунистами, подрывавшими силы борющегося революционного пролетариата.

После свержения царского правительства в борьбе с буржуазным правительством, загнавшим Ленина в подполье, Сталин, замещая Ленина, выступил с докладом на VI съезде партии и вместе со Свердловым и другими руководил подготовкой к Великой Октябрьской социалистической революции, совершенной рабочими и солдатами под гениальным руководством Ленина.

В тяжелые годы гражданской войны Сталин беспрерывно направлялся ЦК на все главные фронты как руководитель военных Советов фронтов. Партия и народ знают его важную роль в победе над Деникиным, Юденичем и Колчаком.

После победоносного окончания гражданской войны под руководством нашего гениального Ленина Сталин помогает Ленину как член Совета Труда и Обороны, как нарком госконтроля, как нарком по национальным делам и как член Политбюро ЦК: в разработке и осуществлении новой экономической политики, решении новых трудных задач восстановления разрушенного войнами народного хозяйства, в руководстве партией, ее борьбе с поднявшими голову троцкизмом и другими оппозиционными группами и фракциями, выступавшими как организованная сила со своими платформами против ЦК, против Ленина, грозившие расколом партии, и ее развалу, предотвращенному Лениным при помощи Сталина.

В самый тяжкий для партии момент смерти вождя, создателя партии — Ленина, Сталин оказался тем членом Политбюро, вокруг которого сплотилось большинство партии, ЦК, ЦКК для продолжения политики Ленина и выполнения его заветов. Разве народ, партия может забыть Великую клятву, которую они дали устами Сталина у гроба любимого умершего учителя, отца партии — Ленина? Эта клятва стала на многие годы святым обязательством десятков миллионов в их героическом труде и борьбе за построение социализма, за укрепление Советского многонационального государства, созданного Лениным, — Великого Союза Советских Социалистических Республик.

После смерти Ленина перед партией встала новая большая опасность — троцкисты и другие оппозиционеры, присоединившиеся к ним зиновьевцы-каменевцы, затем правые уклонисты — рыковцы и бухаринцы, которые толкали партию на отказ от строительства социализма. Под разными правыми и левацкими объяснениями природы НЭПа они фактически проповедовали расширение рамок НЭПа — развитие буржуазных отношений, распространив это и на отношение к иностранной буржуазии. Это означало гибель всех завоеваний Октябрьской социалистической революции.

Потеря Ленина, который с его Великим авторитетом мог бы легче справиться со всеми этими уклонистами, фактически враждебными социализму, усугубляла опасности и для партии, и для социализма, и для самого существования Советской власти. И вот в этот момент великим счастьем для партии оказалось то, что среди членов Политбюро выделился Сталин, который, несмотря на свои недостатки, имел преобладание положительных качеств над недостатками. Его теоретическая, идейно-принципиальная стойкость, верность марксизму-ленинизму, глубокое знание и понимание стратегии и тактики Ленина, организаторский талант, умение сплачивать людей как на идейной, так и на деловой, практической основе, которые были признаны партией, народом, ЦК, сделали именно его тем человеком, который вместе с Ленинским ядром партии возглавил дело Ленина, осуществление его заветов по построению социализма в СССР.

Однако проведение политики Ленина без Ленина встретило гораздо большее сопротивление троцкистов и других оппозиционеров, чем это было при Ленине. Противники Ленинской политики вели ожесточенную борьбу против нее, нападая прежде всего на ЦК, на Сталина и сплотившегося вокруг него ленинского ядра — старых большевиков. Из истории партии известно фракци-

онное коварство той борьбы, какую развернули троцкисты и им подобные. Но им противостояла сила Ленинского руководства ЦК, возглавляемого Сталиным, достойным продолжателем дела Ленина. И партия победила!

Враги и клеветники изображают проходившую борьбу как простую, пошлую борьбу за личную власть. Это наглая ложь. На деле это была борьба за социализм, за интернационализм, против обуржуазивания государства и даже самой партии, за ведущую роль пролетариата и старой Ленинской гвардии, за укрепление партии, ее социального состава для обеспечения успеха борьбы с НЭПманством, буржуазными и кулацкими элементами, за наступление социализма по всему фронту, за укрепление международных позиций нашего Советского государства пролетарской диктатуры, за укрепление интернациональных позиций нашей Ленинской партии в мировом рабочем и коммунистическом движении. Борьба была сложной и острой. Сталин терпеливо, стойко контратаковывал наступавший троцкизм. Лгут клеветники, будто Сталин путем только административных мер и «в ускоренном порядке» расправлялся с троцкистами и иными оппозиционерами. Наоборот, Сталин и весь ЦК, ЦКК вели продолжительную идейно-принципиальную борьбу с ними, надеясь на отход если не большинства, то части от них. Ведь это факт, что 15 лет партия и ее ЦК терпеливо боролись с оппозицией, пока к ним не были применены государственные меры, репрессии, вплоть до судебных процессов и расстрела. Это было уже тогда, когда оппозиционеры стали на путь диверсий, вредительства и террора, даже шпионства. До их полного разоблачения они даже выступали на собраниях, конференциях (помню выступления Сокольникова и других на Московской партийной конференции в 1934 г.). Ведь это факт, что Троцкий, Зиновьев, ведя оппозиционную борьбу, оставались членами Политбюро в течение нескольких лет, пока они открыто не организовали в 1927 году свою антиправительственную демонстрацию в день 10-й годовщины Октябрьской революции. Помню, когда мы, более молодые ЦеКисты, например Каганович, Киров, Микоян, спрашивали Сталина, почему он их терпит в Политбюро, он нам отвечал: «С таким делом торопиться нельзя. Во-первых, может быть, они еще остепенятся и не доведут нас до необходимости исключения как крайней меры, во-вторых, надо, чтобы партия поняла необходимость исключения».

Партия, рабочий класс, революционные массы народа, переживая боль утраты Ленина, преодолевая трудности жизни в условиях ликвидации хозяйственной разрухи, видели, как руководст-

во партии во главе со Сталиным достойно и последовательно продолжает дело Ленина, возглавляет их в самоотверженном героическом труде по восстановлению разрушенного хозяйства и осуществляет Великие Ленинские планы электрификации страны, ее индустриализации, коллективизации для успешного построения социализма в нашей, окруженной капиталистами, Советской стране.

Рабочий класс, революционное крестьянство, Советская интеллигенция видели, что эти великие задачи социалистического строительства осуществляются в трудной борьбе с внешними империалистическими враждебными силами, с внутренними силами возрождавшейся в условиях НЭПа буржуазии, все еще надеющейся на реставрацию власти капитала в России, в СССР, предпринимающей отчаянные шаги по возрождению бандитизма, насаждению шпионства, организации диверсий, террора и тому подобных антисоветских контрреволюционных действий.

В этой борьбе с Советским государством и партией им помогали и контрреволюционные силы части мелкой буржуазии, сопротивлявшейся строительству социализма.

Истинные марксисты-ленинцы видели и по-марксистски понимали, что все это находит свое политическое выражение не только в контрреволюционном меньшевизме, эсеровщине, но и внутри нашей партии в лице меньшевиствующего троцкизма, с которыми сомкнулись зиновьевцы, каменевцы, а также иных оппозиционных групп, выступающих под громкими, но фальшивыми флагами и именами: «Рабочей оппозиции», «Демократического централизма», а затем и вовсе без маскировочного наименования (как в деле правоуклонистской, кулацкой бухаринско-рыковской фракции). Борьба со всеми этими группами и фракциями была более трудна, чем с прямым меньшевизмом и эсеровщиной, потому, что, во-первых, они были внутри самой партии, а во-вторых, среди них были и честные, просто уклонившиеся от ленинизма люди. Но борьба была исторической необходимостью — как с вольными, активными врагами ленинизма, так и с невольными их пособниками. Рабочие и революционный народ это понимали и потому поддерживали партию, ее ЦК, Сталина в этой борьбе.

Это была борьба с «пятой колонной» пришедшего к власти в Германии гитлеровского фашизма, готовившего войну против Страны Советов. Сегодня можно, больше чем когда-либо, сказать, что в победе в Отечественной войне над врагом человечества — над немецким фашизмом — эта политическая борьба и уничтожение его «пятой колонны» в СССР сыграла величайшую историческую роль.

Партия и советские народы это чувствовали своим классовым революционным инстинктом и сознанием патриотов Родины и революционных интернационалистов, а потому поддерживали Центральный Комитет и правительство во главе со Сталиным в этой тяжелой борьбе.

Классовые враги, особенно продажные агенты империализма, клеветнически изображают, будто все эти враждебные социализму своры бандитов, шпионов, диверсантов якобы придуманы Сталиным для истребления своих личных врагов. Это идеологическая диверсия империалистов.

Им, к сожалению, пусть невольно, но фактически помогают те «разоблачители» «культа личности Сталина», которые вместо честной партийной критики имевших место ошибок спекулятивно, сенсационно, по-мелкобуржуазному раздувают демагогическую кампанию в нашей партии и в массах. Они игнорируют исторические условия того времени — остроту борьбы с врагами Советского Союза. Они сводят все причины извращений и ошибок в этой борьбе к Сталину, к его личным отрицательным качествам. Они игнорируют главное — объективную историческую необходимость этой борьбы, к которой, к сожалению, присоединились причины субъективного характера. Это относится не только к Сталину, но и к другим участникам Сталинского руководства ЦК и правительства, в том числе и Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Маленкову, и тем, кто сегодня выступает в роли «невинных» героев-разоблачителей, — Хрущеву, Микояну, Швернику и другим.

Неверно, будто Молотов, Ворошилов, Каганович, Маленков и другие отрицают ошибки Сталина. Но они, в отличие от Хрущева и поддерживавших его товарищей — Микояна, Шверника, считают, что у Сталина преобладало Великое, положительное во всей его исторической революционной партийной деятельности. Они считают, что опыт и уроки Великой, действительной, не искусственно раздутой исторической деятельности Сталина по руководству партией, Советским народом всех национальностей после гениального Ленина на протяжении 30 лет — это Великий Капитал партии, не только исторический, а действующий, как и весь опыт марксизма-ленинизма. К этому Великому Капиталу — опыту Сталина нельзя относиться бесцеремонно, по-мелкобуржуазному.

Старые большевики в Президиуме ЦК говорили: мы должны критиковать, отменить и не допускать впредь все то отрицательное, что допускалось в практике Сталина и сталинского руководства и по объективным, и по субъективным причинам. Это вредно для нашего продвижения вперед на пути к коммунизму. Но мы не

должны выбрасывать Великий опыт Сталина и всех нас, опыт и уроки борьбы с внутренним и внешними врагами социализма, которые могут еще появиться, повторить опыт гитлеровского фашизма и «пятой его колонны», которая разгромлена, но может возродиться. Сталин и его Великий опыт принадлежат партии, Советскому государству, Советским народам и их передовому авангарду — рабочему классу, который в современных условиях нашего Советского государства сохраняет, должен сохранить свою руководящую роль ГЕГЕМОНА.

Никому не удастся отнять у нас Сталина, которого они глубоко чтили, уважали, приветствовали, выражая ему свою преданность и любовь в письмах (в том числе от Украины — «Рідному батьку Сталину», в сочинении которых участвовал и которые переписывал Хрущев).

Никому не удастся выключить из истории Великой борьбы народов СССР и партии Великого Сталина как талантливого соратника Ленина, признанного Великого вождя партии, Советских народов, полководца Советской армии — революционного теоретика и практика мирового рабочего и коммунистического движения. Критикуя ошибки Сталина и не допуская их повторения, мы оставляем на вооружении нашей Родины и партии весь его богатый опыт и уроки борьбы за победу коммунизма.

По поводу публикации «Осторожно: сионизм!»

ПИСЬМО Л.М. КАГАНОВИЧА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГОСКОМИТЕТА ПО ПЕЧАТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР Н.А. МИХАЙЛОВУ

24 марта 1969 года

Я обращаюсь к вам с настоящим письмом в связи с тем, что в изданной в 1969 г. Политиздатом книге Юрия Иванова «Осторожно: сионизм!» в III разделе на стр. 76 напечатано:

«В город Гомель 16 июня 1914 года Л. Кагановичу, проживающему на Генеральской улице, дом № 11, был прислан список доходов Всемирной сионистской организации за 1913 год в немецких марках».

Поскольку это ко мне — Лазарю Моисеевичу Кагановичу — не имеет абсолютно никакого отношения, я мог бы не беспокоить ни себя, ни тем более Вас.

Но, к сожалению, отдельные читатели, особенно молодые, не знающие моей биографии, смущены этим совпадением фамилий и первой буквы имени.

Если бы они были знакомы с моей биографией, то они знали бы, что Лазарь Моисеевич Каганович не проживал в 1914 году в Гомеле, а с юных лет до 1915 года безвыездно проживал в городе Киеве, где работал и вел подпольную партийную работу в Киевской партийной большевистской организации, а в 1916 году работал в городе Екатеринославе под фамилией Стомахин и в Донбассе под фамилией Кошерович и, разумеется, активно боролся с сионизмом, как со всеми врагами коммунизма.

В город Гомель Л.М. Каганович приехал впервые в жизни в августе 1917 года как член Всероссийского бюро военных организаций при ЦК РСДРП(большевиков), тогда же он был избран председателем Полесского Комитета партии большевиков.

Эти факты не могут быть, конечно, затемнены случайным совпадением фамилий и первой буквы имени. Однако для того, чтобы не смущать некоторых читателей этим совпадением фамилий, а главное — не дать нашим врагам-сионистам возможности спекуляции фамилией человека, который 30 лет был в составе Политбюро и Президиума Центрального Комитета большевистской партии и членом Советского правительства, необходимо дать известное разъяснение.

Прошу Вас, Николай Александрович, найти форму такого разъяснения от издательства в одном из журналов и при выпуске второго издания книги.

С коммунистическим приветом
Герой Социалистического Труда
Лазарь Моисеевич Каганович

ЗАПИСЬ Л.М. КАГАНОВИЧЕМ ЕГО ТЕЛЕФОННОГО РАЗГОВОРА С Д.Н. СОЛОВЬЕВЫМ

1969 год

2 июня 1969 г. мне позвонил, по поручению Председателя Государственного Комитета по делам печати при Совете Министров Союза ССР т. Михайлова, товарищ Соловьев Дмитрий Николаевич.

Тов. Соловьев сказал: «Лазарь Моисеевич! По вашему письму товарищу Михайлову мы рассмотрели вопрос с Политиздатом и пришли к выводу, что никакого разъяснения давать не следует. Никто к нам не обращался с этим вопросом об этом совпадении фамилий. и всякое разъяснение может только привлечь внимание к этому».

Я ему ответил: «Возможно, что это и так, и я благодарен вам и товарищу Михайлову за ответ на мое письмо, но Ваш звонок меня

не удовлетворяет. Хотя это действительно простое совпадение фамилий и упомянутый человек никакого отношения ко мне не имеет, нельзя ограничиться простым устным разъяснением потому, что, во-первых, молодые читатели могут иметь сомнения, и, во-вторых, может ведь быть второе издание». Соловьев сказал, что 2-го издания не предвидится. Тогда я сказал, что оно, это 2-е издание, может быть и потом, даже тогда, когда меня уже не будет (я ведь старше вас).

«Но какое же разъяснение мы, — сказал Соловьев, — можем дать?» Я ответил: «Это вам, специалистам-издателям, виднее. Должно же Политиздательство и автор дать объяснение товарищу Михайлову по поводу допущенной ими, мягко выражаясь, неосторожности с приведенным фактом. Фамилия-то сама по себе все-таки звучная. Почему, например, они не привели отчество этого человека? Ведь наверняка в учреждении, из архивов которого взята эта выдержка, было отчество». На замечание Соловьева, что этого не бывает, я ему ответил, что на одной странице до этой выдержки приводится отчество другого такого же «деятеля» и даже указана профессия.

Соловьев сказал: «Я не знаю, как они там книжку писали, и сказать вам не могу». В заключение я указал еще раз, что благодарю его и т. Михайлова за этот звонок-ответ, но прошу прислать письменное разъяснение Политиздата.

ПИСЬМО Л.М. КАГАНОВИЧА МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР А.А. ГРОМЫКО

31 мая 1982 года

Уважаемый Андрей Андреевич!

Пишу Вам по небольшому делу, но имеющему отношение к Вашему ведомству.

Дело в том, что некий господин Каган-Каганович из Нью-Йорка прислал мне письмо, в котором пишет, что он обратился в Посольство СССР в Вашингтоне с просьбой о выдаче ему визы для поездки в Москву и что Посольство «имеет намерение... благосклонно решить этот вопрос». Обосновывает он свою поездку в Москву тем, что он якобы является моим племянником, и желанием повидаться со мной.

Для того чтобы товарищи в посольстве не впали в заблуждение, сообщаю: никакого племянника Кагана-Кагановича в Америке у меня нет.

Судя по тому, что эту свою выдумку сей Каган «подкрепляет» грубой ложью, будто он, будучи в Москве, якобы был у меня и даже

беседовал об издании им книги обо мне, — он является личностью, по меньшей мере не заслуживающей никакого доверия. Так что если бы ему и была выдана виза в Москву — я его, конечно, не приму, так же как никогда его раньше не принимал и не видал его до сих пор.

Наша большевистская партия научила нас быть бдительными.

С коммунистическим приветом и глубоким уважением

Л.М. Каганович

ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ О ЛИЧНОСТИ ХРУЩЕВА

Конец 80-х годов

Считаю необходимым ответить на вопрос, который мне некоторые товарищи задают, а некоторые даже критикуют меня за то, что я был главным, кто выдвигал Хрущева в течение ряда лет.

Как секретарь ЦК я ведал работой по кадрам и выдвигал многих способных людей, особенно из рабочей среды. С Хрущевым дело обстояло так. В 1925 году я как вновь избранный Генеральный секретарь ЦК Компартии Украины выехал из Харькова в центр нашей индустрии — Донбасс, в первую очередь в Юзовку, где я работал в подпольной организации до революции. После посещения ряда шахт, заводов, деревень и районов я участвовал в окружной партийной конференции. Во время конференции ко мне подошел делегат конференции товарищ Хрущев. Он мне сказал: «Вы меня не знаете, но я Вас знаю, Вы приезжали к нам... в начале 1917 года как товарищ Кошерович. Вот я к вам обращаюсь по личному вопросу: мне здесь тяжело работать. Дело в том, что в 1923 и 1924 годах я поддерживал выступления троцкистов, но в конце 1924 года понял свою ошибку, признал ее и меня даже избрали секретарем райкома. Но мне все время об этом напоминают, особенно из Окружкома товарищ Моисеенко. Вот меня наша делегация выдвинула в президиум конференции, а меня отвели. Видимо, мне здесь не дадут работать. Вот я и прошу Вас как Генерального секретаря ЦК КП(б) Украины помочь мне и перевести меня в другое место».

Хрущев произвел на меня хорошее впечатление. Мне понравилось его прямое признание своих ошибок и трезвая оценка его положения. Я ему обещал по приезде в Харьков продумать, куда его перевести. Вскоре мне мой помощник доложил, что вот, звонит с вокзала приехавший из Донбасса товарищ Хрущев и просит Вашего приема. Я сказал: пусть приедет. Я его сразу же принял. Помню, как он благодарил за то, что я его сразу же принял. «Я, — сказал он, — думал, что придется долго ждать».

Заметив, что он бледен, я спросил: «Вы, вероятно, прямо с поезда и голодны». Он, улыбнувшись, сказал: «Вы, видать, догадливый человек, я действительно давно не ел». — «Тогда Вы покушайте, а потом будем говорить».

Подали чай и бутерброды, которые он аппетитно ел. Я его спросил: «Что, если мы Вас сейчас возьмем в ЦК на положение инструктора орготдела ЦК, а потом посмотрим, может быть, и откроется возможность местной работы». — «Это, — сказал он, — даже слишком много для меня, сразу в Харьков и в аппарат ЦК, но раз Вы такое мнение выразили, то я, конечно, очень благодарен за такое доверие и, конечно, согласен».

После некоторого времени я увидел, что он работник способный, и, узнав, что в Киевском окружкоме нужны свежие люди, мы направили его в Киев как инструктора ЦК, и там его избрали заведующим орготдела окружкома. Там он проработал до 1929 года.

В это время я уже работал опять в Секретариате ЦК ВКП(б) в Москве. И вот в 1929 году мне опять докладывают, что вот из Киева приехал товарищ Хрущев и просит приема. Я его принял без задержки. Просьба его заключалась в том, что он просил поддержки для поступления в Промакадемию имени Сталина. «Я, — сказал он, — учился на рабфаке, но не кончил, взяли на партработу, а теперь вот очень хочу доучиться в Промакадемии. Меня могут на экзамене провалить, но я очень прошу Вашей помощи — дать мне льготу, я догоню». В Промакадемии было больше всего хозяйственников, которых тоже частично принимали с льготами по экзаменам, и я, посоветовавшись с товарищами Куйбышевым и Молотовым, позвонил по телефону и просил принять товарища Хрущева в Промакадемию.

Когда я уже был избран в 1930 году секретарем Московского Комитета партии по совместительству с Секретарем ЦК, мне пришлось заниматься ячейками Промакадемии — там было неблагополучно. Выехав в ячейку на актив, я услышал многочисленные выступления о неудовлетворительной работе бюро ячейки и его секретаря. Выступал и Хрущев. Посоветовавшись с райкомом, мы выдвинули секретарем ячейки товарища Хрущева. В это время борьба с правым уклоном обострилась, и Хрущев показал себя хорошо в борьбе с ним. На районной конференции Бауманского района был переизбран райком и секретарем райкома был избран товарищ Хрущев. Через некоторое время выявилась необходимость в новом секретаре более крупного района — Краснопресненского, и мы решили выдвинуть товарища Хрущева секретарем Краснопресненского райкома. Через некоторое время, когда понадобился

второй секретарь МК, я как первый секретарь выдвинул товарища Хрущева, а потом Хрущев был выдвинут первым секретарем Московского городского комитета партии (МГК тогда входил в состав области, поэтому Хрущев оставался и секретарем МК).

Помню, когда я советовался с товарищем Сталиным по этому вопросу, я рассказал ему о Хрущеве, что он хороший работник, и о троцкистской стезе Хрущева в 1923–1924 годах. Товарищ Сталин спросил: «А как он, изжил эти ошибки?» Я ответил: «Не только изжил, но активно с ними борется». –«Ну тогда, – сказал Сталин, – выдвигать, тем более что он работник хороший». Помню, когда я потом обедал у него дома, Сталин спросил жену (она тогда тоже училась в Промакадемии): «Надя, это тот Хрущев из Промакадемии, о котором ты мне говорила как о хорошем работнике?» – «Да, – ответила она. – Он хороший работник». Потом вызвали тов. Хрущева на заседание Секретариата ЦК, и тов. Сталин сказал: «Что касается вашего греха в прошлом, то Вы об этом скажите при выборах на конференции, а товарищ Каганович скажет, что ЦК это знает и доверяет товарищу Хрущеву». Так и было сделано.

В Москве Хрущев работал хорошо и оправдал доверие. После Москвы товарищ Хрущев был направлен Центральным Комитетом на Украину, где он работал первым секретарем ЦК КП(б) Украины и Председателем Совнаркома. Немало он сделал для развития Украины, по индустриализации, коллективизации и борьбе с врагами, в том числе с троцкистами, «правыми» и националистами. Как и у других, у него были, конечно, ошибки и недочеты. Хорошо себя показал Хрущев во время Отечественной войны как член военных советов фронтов.

В 1947 году ЦК ВКП(б) признал необходимым разделить функции первого секретаря ЦК и Председателя Совета Министров УССР ввиду усложнения положения на Украине. ЦК послал секретаря ЦК ВКП(б) члена Политбюро тов. Кагановича Л.М. на Украину первым секретарем ЦК КП(б) Украины. Помню, как Хрущев, будучи огорченным и, может быть, и обиженным решением ЦК ВКП(б), с радостью встретил меня лично, сказав мне: «Я очень рад, что именно тебя прислали первым секретарем». Я ему, конечно, обещал, что моя задача – помочь ему и ЦК КП(б) Украины. Так оно и было, работали мы дружно.

Когда меня вернули из Украины в Москву, я доложил товарищу Сталину о положении на Украине, которое поправилось, но оставалось трудным, и просил оказать дополнительную помощь Украине, к чему товарищ Сталин отнесся с большим вниманием, ока-

зав эту помощь. После этого товарищ Сталин меня спросил о Хрущеве. Я дал объективную хорошую оценку, указав, что у него, конечно, как и у всех, есть недостатки, в частности, я указал на проявившуюся у него самоуверенность и всезнайство, но он вырос в крупного руководящего работника, способного еще расти.

Надо сказать, что Сталин именно в это время напряженно искал и выявлял способных людей. Он, например, присматривался и ценил Первухина, Косыгина, Маленкова. Он еще раньше отметил Маленкова, когда мы его взяли из МК, где он работал заворгом, и назначил его замом, а потом заведующим оргинструкторским отделом ЦК. Точно так же Сталин обратил внимание и на Хрущева.

Вскоре Хрущева ЦК перевел с Украины в Москву — секретарем МК, а дальше и секретарем ЦК.

Больше того, именно с начала 50-х годов Сталин начал приближать Хрущева. В 1951–52 годах, вплоть до смерти Сталина, Хрущев вместе с Маленковым и Берия стали частыми гостями у Сталина на Ближней даче.

Меня также спрашивают сейчас, не жалею ли я, что ввел Хрущева? Я отвечаю: нет, не жалею, он на моих глазах рос с 1925 года и вырос в крупного руководящего деятеля в краевом и областном масштабе. Он принес пользу нашему государству и партии, наряду с ошибками и недостатками, от которых никто не свободен. Однако «вышка» — Первый секретарь ЦК ВКП(б) — оказалась для него слишком высокой. (Здесь я не был инициатором его выдвижения, хотя и голосовал «за».) Есть люди, у которых на большой высоте голова кружится. Хрущев и оказался таким человеком. Оказавшись на самой большой вышке, у него голова закружилась, и он начал куролесить, что оказалось опасным и для него, и особенно для партии и государства, тем более что стойкости и культурно-теоретической подкованности у него явно недоставало. Скромность и самообразование, ранее свойственные ему, отошли в сторону — субъективизм, всезнайство и «эврика» овладели его поведением, а это до добра не доводит. Это и многое другое и привело Хрущева к падению с высокой вышки.

Вышеуказанные строки о Хрущеве были написаны мною до ознакомления с опубликованными «мемуарами» Хрущева. Когда в Москве появились опубликованные в Америке мемуары, я их не читал, так как не мог их достать в Москве.

Когда я спросил товарища Молотова, читал ли он эти мемуары, он мне сказал, что читал. На мой вопрос, как он их оценивает, он мне ответил: «Это антипартийный документ». Тогда я спросил: «Неужели Хрущев так опустился?» Молотов ответил: «Да, да, в своем оз-

лоблении, в связи с концом... его карьеры государственного руководителя он дошел до падения, политического и партийного падения в омут». Когда я сказал с сожалением и возмущением: «Да, это очень печально», Молотов мне сказал: «... особенно тебе, ведь ты его выдвинул». «Да, — сказал я, — выдвинул, правда, до определенной черты, на пост 1-го секретаря ЦК я его не выдвигал, предвидя ... что он не осилит эту работу, что провалится. Вы же все, в том числе и ты, Вячеслав, приняли это предложение Маленкова и Булганина».

Ознакомившись с опубликованными в «Огоньке» так называемыми мемуарами Хрущева, я убедился, что оценка Молотова правильна. Ему даже и отвечать нельзя, чтобы не опуститься до базарной бабы, которая кричит: «Сама паскуда». Я лично к нему питал нежные дружеские чувства, но я, видно, ошибся. Получилось — Хрущев оказался не простым хамелеоном, а «рецидивистом» троцкизма.

О ПОСТАНОВЛЕНИИ ЦК КПСС О К[УЛЬТЕ] Л[ИЧНОСТИ] И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ

Конец 80-х годов

Установлено, что решения XX съезда встретили горячую поддержку партии, советского народа, а также братских коммунистических и рабочих партий. ЦК прежде всего нанес идеологический удар по врагам партии, подчеркнув постановлением ЦК, что враги коммунизма и социализма сосредоточивают огонь на недостатках, о которых было сказано Центральным Комитетом нашей партии на XX съезде КПСС. Стремясь ослабить великую патриотическую силу решений XX съезда КПСС, идеологи капитализма прибегают ко всякого рода уловкам и ухищрениям, чтобы отвлечь внимание трудящихся от передовых и вдохновляющих идей, выдвигаемых перед человечеством Социалистическим миром.

В последнее время, говорит ЦК, в буржуазной печати развернута широкая клеветническая антисоветская кампания, поводом для которой реакционные круги пытаются использовать некоторые факты, связанные с осужденным Коммунистической партией Советского Союза культом личности И.В. Сталина. Развертывая клеветническую кампанию, идеологи буржуазии вновь безуспешно пытаются бросить тень на великие идеи марксизма-ленинизма, подорвать доверие трудящихся к первой в мире стране социализма — СССР, внести замешательство в ряды международного коммунистического и рабочего движения. Указав на то, что историче-

ский опыт учит, что классовые враги пролетариата всегда пытаются использовать выгодные для них факты и моменты для подрыва интернационального единства, для раскола международного рабочего движения, ЦК установил, что и братские коммунистические и рабочие партии вовремя распознали и этот маневр врагов социализма и дают ему достойный отпор.

Вместе с тем, подчеркивает ЦК, было бы неправильно закрывать глаза на то обстоятельство, что некоторые наши друзья за рубежом не разобрались до конца в вопросе о культе личности и его последствиях и допускают порою неправильное толкование некоторых положений, связанных с культом личности. Надо сказать, что такие неправильные толкования допускались и немалым количеством членов нашей партии, в том числе и частью членов ЦК.

ЦК в своем постановлении дает обстоятельные разъяснения вопроса о культе личности, исходя из принципов марксизма-ленинизма о роли народных масс, партии и отдельных личностей в истории, о недопустимости культа личности политического руководства, как бы велики ни были его заслуги.

Наша партия проявила силу и крепость, которой не обладает ни одна из правящих партий капиталистических стран, когда XX съезд партии по инициативе Центрального Комитета счел необходимым смело и открыто сказать о тяжелых последствиях культа личности, о серьезных ошибках, которые были допущены в последний период жизни Сталина, призвать всю партию общими усилиями покончить со всем тем, что повлек за собой культ личности.

Важное значение имеет то место решения ЦК, где сказано: «Партия... исходила из того, что, если выступление против культа личности Сталина и вызовет некоторые временные трудности, то в перспективе, с точки зрения коренных интересов и конечных целей рабочего класса, это даст огромный положительный результат. Тем самым создаются прочные гарантии того, чтобы никогда впредь в нашей партии и в стране не могли возникнуть явления, подобные культу личности, чтобы впредь руководство партией и страной осуществлялось коллективно, на основе проведения марксистско-ленинской политики, в условиях развернутой внутрипартийной демократии, при активном творческом участии миллионов трудящихся, при всемерном развитии Советской демократии». В дополнение к сказанному на XX съезде в постановлении ЦК подчеркнуты заслуги Сталина в борьбе партии и в достигнутых успехах социалистического строительства, в том всемирно-историческом подвиге, который совершил Советский народ. «В течение первых пятилеток экономически отсталая страна в результате на-

пряженных, героических усилий народа и партии совершила гигантский скачок в своем экономическом и культурном развитии. На основе успехов социалистического строительства был поднят жизненный уровень трудящихся, навсегда ликвидирована безработица. В стране произошла глубочайшая культурная революция. Находясь длительный период на посту Генерального секретаря ЦК партии, И.В. Сталин вместе с другими руководящими деятелями активно боролся за претворение в жизнь Ленинских заветов. Он был предан марксизму-ленинизму, как теоретик и крупный организатор возглавил борьбу партии против троцкистов, правых оппортунистов, буржуазных националистов, против происков капиталистического окружения. В этой политической и идейной борьбе Сталин приобрел большой авторитет и популярность. Однако с именем Сталина неправильно связывать все наши великие победы. Успехи, достигнутые Коммунистической партией и Советской страной, восхваления по адресу Сталина вскружили ему голову. В этой обстановке стал постепенно складываться культ личности Сталина».

Особо важным в постановлении ЦК от 30 июня является то, что ЦК рассматривает деятельность Сталина в тесной связи с историческими условиями, в которых проходили революционная борьба с врагами и строительство социализма в СССР, что должны знать и всегда помнить все, особенно наша молодежь. Советская страна, — указал ЦК в своем постановлении, — была единственной страной, прокладывающей человечеству путь к социализму. Она была подобна осажденной крепости, находившейся в капиталистическом окружении.

Враги Советской страны на Западе и на Востоке после провалившейся интервенции 14 государств в 1918–1920 гг. продолжали готовить новые «крестовые походы» против СССР. Враги в большом количестве засылали в СССР шпионов и диверсантов, стараясь всеми мерами подорвать первое в мире социалистическое государство. Угроза новой империалистической агрессии против СССР особенно усилилась после прихода к власти фашизма в Германии в 1933 году, провозгласившего своей целью уничтожение коммунизма, уничтожение Советского Союза — первого в мире государства трудящихся.

Всем памятны образование так называемого «антикоминтерновского пакта», «оси Берлин — Рим — Токио», активно поддержанных силами всей международной реакции. В обстановке назревавшей угрозы новой войны, отказа западных держав от неоднократно предлагавшихся Советским Союзом мер по обузданию фашизма и организации коллективной безопасности Советская страна вынуждена была напрягать все силы для укрепления обороны, для борьбы с происками враждебного капиталистического окружения.

Партия должна была воспитывать весь народ в духе постоянной бдительности и мобилизационной готовности перед лицом внешних врагов.

Происки международной реакции были тем более опасны, что внутри страны долгое время шла ожесточенная классовая борьба, решался вопрос «кто кого?». После смерти Ленина активизировались враждебные течения — троцкисты, правые оппортунисты, буржуазные националисты, стоявшие на позициях отказа от ленинской теории о возможности победы социализма в одной стране, что на деле вело бы к реставрации капитализма в СССР. Коммунистическая партия развернула беспощадную борьбу против этих врагов Ленинизма. Выполняя Ленинские заветы, Коммунистическая партия взяла курс на социалистическую индустриализацию страны, коллективизацию сельского хозяйства и осуществление культурной революции. ЦК подчеркивает, что на пути решения этих труднейших и величайших задач построения социалистического общества в одной стране, в капиталистическом окружении нашей Советской Родине и ее Коммунистической партии пришлось преодолеть неимоверные, исключительные трудности. Без помощи извне мы должны были в кратчайший срок — за 10 лет ликвидировать вековую отсталость и реконструировать народное хозяйство на новых, социалистических основах. Эта сложная международная и внутренняя обстановка требовала железной дисциплины, неустанного повышения бдительности, строжайшей централизации руководства, что не могло не сказаться отрицательно на развитии некоторых демократических форм. В ходе ожесточенной борьбы со всем миром империализма нашей стране приходилось идти на некоторые ограничения демократии, оправданные логикой борьбы нашего народа за социализм в условиях капиталистического окружения. ЦК в своем постановлении разъясняет, что партия и народ рассматривали эти ограничения уже тогда как временные, которые будут устраняться по мере укрепления Советского государства, роста и развития сил демократии и социализма во всем мире. «Народ сознательно шел на эти временные жертвы, видя с каждым днем все новые и новые успехи Советского общественного строя». ЦК подчеркивает, что Советский народ преодолел все трудности, стоявшие на пути строительства социализма, под руководством своей Коммунистической партии, неуклонно, последовательно и твердо проводившей Ленинскую генеральную линию. «Советские люди, — говорит ЦК, — знали Сталина как человека, который выступает всегда в защиту СССР от происков врагов, борется за дело социализма. Он применял порою в этой

борьбе недостойные методы, нарушал Ленинские принципы и нормы партийной жизни. В этом состояла трагедия Сталина. Но все это вместе с тем затрудняло и борьбу против совершавшихся беззаконий, ибо успехи строительства социализма, укрепления СССР в обстановке культа личности приписывались Сталину».

На вопрос о том, почему собравшееся в ЦК Ленинское ядро руководителей не выступило открыто против Сталина, ЦК отвечает: «Всякое выступление против него в этих условиях было бы не понято народом, и дело здесь вовсе не в недостатке личного мужества. Ясно, что каждый, кто бы выступил в этой обстановке против Сталина, не получил бы поддержки в народе. Более того, подобное выступление было бы расценено в тех условиях как выступление против дела социализма, как крайне опасный в обстановке капиталистического окружения подрыв единства партии и всего государства. К тому же успехи, которые одерживали трудящиеся Советского Союза под руководством своей Коммунистической партии, вселяли законную гордость в сердце каждого Советского человека и создавали такую атмосферу, когда отдельные ошибки и недостатки казались на фоне громадных успехов менее значительными, а отрицательные последствия этих ошибок быстро возмещались колоссально нарастающими жизненными силами партии и Советского общества».

Ошибки и беззакония действительно имели место. Но в них виноват был не один Сталин. Определенную долю своей вины несет каждый из нас, членов Политбюро — Президиума ЦК, в том числе и Хрущев. Вместо того чтобы признать, Хрущев смаковал, преувеличивал, «литературно» оформлял и додумывал свое, спекулировал на ошибках и фактах произвола, вольно или невольно облегчая тем самым врагам возможность опорочивать не только Сталина, имеющего Великие заслуги перед Советским народом и международным пролетариатом, но и нашу партию, и всю Советскую систему диктатуры пролетариата.

Могут спросить: «Почему же вы не помешали этому на XX съезде?» К сказанному выше можно добавить главное: мы, основное, большевистское, Ленинское ядро Президиума ЦК, озабочены главной задачей — сохранить единство партии и ЦК. Это определило и нашу осторожность, я бы сказал — чрезмерную мягкотелость, и в критике отдельных положений в отчете ЦК, которые не нашли должных, более правильных формулировок, в частности в разделе 6. Это определило и то, что мы не выступили на съезде по дополнительному, внезапному докладу «О культе личности и его последствиях». Каждый из нас опасался, что это могло бы

привести к нарушению единства партии и ЦК. Можно, конечно, критиковать такое наше поведение, но оно было продиктовано главной нашей заботой — сохранить единство партии и ЦК. Сказалось здесь еще то, что в течение ряда лет мы были Ленинскими борцами против оппозиционной фракционности и, кроме официальной связи, как члены руководящего коллектива — Политбюро, мы, например, отдельных, частных бесед по политбюровским вопросам не вели, в том числе по вопросу о докладе Хрущева. Мы и тогда, на XX съезде, так же как и в последующие годы, были верны Ленинской резолюции X съезда о единстве партии и недопущении фракционности. Хрущев воспользовался этой нашей антифракционностью — сам в то же время фактически создал свою фракцию, которая была организованным центром за спиной официального Президиума ЦК. Это, например, сказалось и в том, что без коллективного обсуждения на Президиуме ЦК или даже хотя бы уведомления всех членов Президиума после XX съезда были проведены все «героические» мероприятия по «свержению» умершего Сталина, по уничтожению всех скульптур и памятников Сталина (среди которых были произведения высокого искусства). Распоряжения давались втайне от ряда членов Президиума (в том числе и меня), за исключением, вероятно, сторонников этого уничтожения. Это же относится и к изъятию книг Сталина из библиотек, и к уничтожению большей их части, в том числе и таких основополагающих, классических работ, как «Основы ленинизма», и других.

И в завершение — «ночное» перемещение гроба Сталина из Мавзолея — тоже без обсуждения и даже без ведома большинства членов Президиума ЦК.

Враждебные и диссидентски настроенные элементы могут даже похвалить Хрущева за такую «ловкость», но это не его ловкость, противопоставленная нашей «неловкости», а просто рецидив троцкизма у Хрущева, который в 20-е годы был троцкистом.

Если мы раньше без нужды не напоминали прошлые троцкистские грехи Хрущева, а Сталин их ему простил, то сегодня можно уверенно сказать, что в его перехлестываниях и приемах борьбы с умершим Сталиным проявились, сказались остатки его прошлых троцкистских грехов и троцкистской мстительности.

Преодоление так называемого культа личности, имевших место ошибок и их последствий, необходимое в интересах партии и страны, не требовало того сенсационного, мещанского, мелкобуржуазного визга, который придал этому Хрущев в своем «особом» докладе, силясь подчеркнуть свою геростратовскую роль в этом. Это можно было сделать в рамках Ленинской партийнос-

ти, Ленинских норм партийной жизни без мещанской сенсационности, без нанесения вреда партии и государству.

Не преувеличивая совершенства постановления ЦК о культе личности, можно определенно сказать, что оно сыграло серьезную роль в более глубоком и более правильном понимании членами партии, рабочим классом и трудящимися сущности вопроса о культе личности, о вреде, который он нанес в правильном марксистско-ленинском, революционно-классовым его толковании.

Это, естественно, положительно сказалось и в братских коммунистических партиях других стран. Это было и сегодня особенно важно, потому что, как правильно сказано в постановлении ЦК, «в последнее время в буржуазной печати развернута широкая клеветническая антисоветская кампания, поводом для которой реакционные круги пытаются использовать некоторые факты, связанные с осужденным Коммунистической партией Советского Союза культом личности И.В. Сталина».

И в настоящее время — в 70–80-е годы — антисоветчики, антикоммунисты, агенты империализма продолжают использовать вопрос «о культе личности И.В. Сталина» для подрыва авторитета и мощи стран социализма в угоду империализму и поджигателям войны. Враги сосредоточивают свой «огонь» на критике основы основ — успешной борьбе за победу социализма, на всей системе политической власти пролетариата.

Апологеты буржуазной диктатуры, критикующие культ личности Сталина, изображают себя «гуманистами», в то же время они же сами поддерживают дикий произвол буржуазных эксплуататоров рабочих и кровавое подавление народов. Критику наших ошибок они используют как повод для подрыва социализма и революционной борьбы пролетариата за социализм, для подрыва самой Октябрьской Социалистической революции и Советской власти.

Пролетарские революционеры должны всегда помнить, что именно империалисты и их агенты интервенцией, заговорами, диверсиями вынудили Советскую власть и большевистскую партию применять необходимые крайние меры борьбы — борьбы, в которой допускались и ошибки, и извращения. Нельзя правильно понять эти ошибки без знания, понимания, учета и восприятия исторических фактов той отчаянной, невероятно тяжелой борьбы, которую вели под руководством партии и ее Центрального Комитета многомиллионные массы рабочих, крестьян и трудящихся России с внутренними иностранными империалистами, интервентами, белогвардейцами, вредителями, заговорщиками, шпионами, диверсантами, в помощь которым включились не только

меньшевики и эсеры, но и переродившиеся оголтелые троцкисты и «правые» из рядов нашей партии. Нельзя выгораживать троцкистов и правых уклонистов ссылкой на то, что они были членами партии. Ведь и меньшевики были ранее членами единой РСДРП, а через 10-12, 40 лет стали контрреволюционерами.

Это была спасительная для революции, социализма и Советского государства борьба. В этой борьбе с настоящими врагами были допущены перегибы, ошибки и злоупотребления властью, которые партия осуждает и примет меры недопущения их впредь.

Подводя итоги жизни и деятельности Сталина как борца против царизма, против капитализма и его агентуры, за марксизм-ленинизм, за социализм и коммунизм, за победу Октябрьской революции, Советского государства, за построение социализма в СССР, за разгром фашистских захватчиков в Отечественной войне, необходимо прежде всего не повторять империалистические клеветнические измышления, а по-революционному, научно, по-партийному, по-ленински соблюдать пропорции в оценке положительного и отрицательного, не допускать мелкобуржуазной крикливости, сенсационности, перехлестывания и подмены ошибками и недостатками всего того исторически великого, что сделал Сталин для партии, народа и страны.

К ИСТОРИИ СНОСА СУХАРЕВОЙ БАШНИ. НЕОТОСЛАННОЕ ПИСЬМО Л.М. КАГАНОВИЧА В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ИЗВЕСТИЯ ЦК КПСС»

Февраль 1990 года.

Уважаемые товарищи!

С интересом прочитал напечатанную в № 9 Вашего журнала за 1989 год переписку между И.В. Сталиным, К.Е. Ворошиловым, Л.М. Кагановичем, группой архитекторов и представителей общественности о сносе Сухаревой башни.

Считаю целесообразным дополнить освещение этого вопроса. Прилагаю при сем и прошу напечатать мои дополнения.

С коммунистическим приветом

Л.М.Каганович

К вопросу по истории сноса Сухаревой башни.

Вопрос о судьбе Сухаревой башни тянулся долгое время, обсуждать его было нелегко, решиться на слом — трудно. Поэтому смешными выглядят сейчас те, кто изображает это дело как легковесное и быстрое решение административного характера. Вопрос

этот обсуждался в Моссовете, от которого исходила первая инициатива, и главным мотивом решения о сносе было увеличивающееся движение автотранспорта в городе, появление огромного количества автомобилей и каждодневная гибель людей возле Сухаревой башни. Когда я на совещании архитекторов назвал цифру — 5 человек в день, то известный архитектор товарищ Щусев поправил меня. Он сказал, что гибнет не 5, а 10 человек в день. Можно представить себе, что было бы, если бы сегодня стояла Сухарева башня, когда по Садовому кольцу идут сотни тысяч машин.

Вопрос этот был подвергнут обсуждению не только в Моссовете, председателем которого был Н.А. Булганин, не только в Московском городском Комитете партии, первым секретарем которого был Н.С. Хрущев, но и в областном партийном комитете, который возглавлял я, и в правительстве, и даже на Политбюро. Архитекторы признавали: надо что-то делать, ибо Сухарева башня пришла в крайне ветхое состояние, можно сказать, аварийное. Она вся была в трещинах: и внизу, и в фундаменте, и наверху. Ее капитальный ремонт потребовал бы колоссальных затрат, огромных усилий и занял бы длительное время, не говоря уже о том, что одна из центральных магистралей Москвы, такая, как Лубянка (ныне улица Дзержинского), Сретенка и Большая Мещанская улица (которая теперь называется проспект Мира), была бы закрыта на длительное время.

Искали выход. Был выдвинут ряд предложений, которые серьезно и глубоко обсуждались. Первое предложение было мое: рассмотреть вместе с метростроевцами возможность прокладки тоннеля под Сухаревой башней, пустить под ней движение метропоездов. Собрали совещание метростроевцев, архитекторов, строителей, которые в большинстве своем заявили: это был бы очень хороший и самый совершенный выход, но осуществить его почти невозможно. Надо было бы начать вход в тоннель почти за километр от Сухаревой башни и выход из него тоже почти за километр. Проходку тоннеля осуществлять мелким залеганием шахтным способом невозможно, потому что это закроет магистраль, а главное, этого Сухарева башня не выдержит. По своему аварийному состоянию она просто завалится, и тогда большие человеческие жертвы неизбежны. Осуществить же проходку тоннеля на глубоком залегании шахтным способом невозможно или крайне затруднительно, поскольку геология этого направления была еще нами не изучена, да и не было у нас еще для этого достаточного опыта. Мы набирали его на строительстве метро. Кроме того, это отвлекло бы Метрострой от его главной задачи — строительства

метрополитена. Поэтому при всей прогрессивности этого предложения осуществить его практически было нельзя. Этот вариант отпал. Был и второй вариант, предложенный группой архитекторов: разрушить вокруг Сухаревой башни ряд домов и организовать вокруг нее круговое движение. Это предложение также серьезно обсуждалось. Но не следует забывать: это начало 30-х годов, жилищный кризис был очень велик, и хотя строительство жилых домов велось интенсивно, обеспечить сотни жильцов этих домов новыми квартирами было нелегко. Кроме этого, этим все равно не устранялось аварийное состояние Сухаревой башни.

Приводились еще и такие соображения: разрушение этих домов и организация кругового автомобильного движения подведет его впритык к больнице имени Склифосовского. Против этого выступали медики. Да и сами архитекторы выражали сомнения: это решение может привести к деформации самого здания больницы, которое тоже представляет собой большую архитектурную и историческую ценность. Особенно возражали против этого, помню, Московский горком и Моссовет. А против первого предложения выступили метростроевцы. Этот вариант тоже отпал. Иного выхода не было, кроме как снести Сухареву башню.

Были и такие мнения: ну что там особенного... Хотя архитектура, конечно, старая, построена эта башня Петром I в честь полковника Сухарева, который подавил стрелецкое восстание. Но это не было главным аргументом. Были и такие предложения: раз эта башня представляет архитектурную ценность, ее изображение можно сохранить в большом макете.

Главным аргументом в решении о сносе Сухаревой башни было то, что Москва расширялась, движение в ней росло, перспективы его были огромны и сохранение башни не учитывало, что когда в Москве будут сотни тысяч автомобилей, то в результате дорожно-транспортных происшествий пострадавших будет не 5-10 человек в день, а 50 и более, и то, что сама Сухарева башня находилась в крайне аварийном состоянии, очень затруднительном для ее восстановления. Это и привело к тому, что правительство пришло к выводу, что при всем уважении к мнению тех архитекторов, которые возражали против сноса (хотя большинство их согласилось с идеей разбора), и при всей высокой оценке архитектурной ценности данного сооружения, иного выхода не было, как снести Сухареву башню.

Повторяю: в обсуждении этого решения к такому выводу пришли не сразу и принято оно было не отдельными лицами, как сегодня это изображают в желании найти главных виновников раз-

рушения Сухаревой башни, а после глубокого, серьезного и неоднократного обсуждения вопроса. Опубликованная в «Известиях ЦК КПСС» переписка между И.В. Сталиным и К.Е. Ворошиловым, с одной стороны, и Л.М. Кагановичем — с другой, письма архитекторов и представителей общественности показывают, насколько серьезно подходили к этому вопросу руководители.

Вот как тогда обстояло дело, а совсем не так, как теперь, через 50 с лишним лет, изображают его некоторые, вместо того, чтобы объективно и беспристрастно исследовать обстановку тех лет и причины того или иного решения, игнорируя главное условие любого исследователя — историзм.

ПИСЬМА Л.М. КАГАНОВИЧА ДОЧЕРИ

ПИСЬМО С ФРОНТА ОБ АРХИТЕКТУРЕ

1943 год

Дорогая и любимая Маюся!

Спасибо тебе за большое письмо и подробное описание чествования Жолтовского. Несмотря на его некоторые странности, он безусловно заслужил орден и чествования юбилея. Хотел я было ему написать, но не та обстановка, да и сомневаюсь в необходимости этого. Ты, когда увидишь его, передай от меня привет и пожелания ему долгой жизни, бодрости и творчества.

Что Щусев допустил некоторые оговорки, это вполне естественно, потому что кроме элемента ревности здесь есть принципиальные расхождения. Жолтовский до фанатичности последователь классики, Щусев же эклектик, он берет у всех понемногу, но больше всего он барокканец. Должен, однако, сказать, что построенное Щусевым в Тбилиси здание ИМЭЛ, за которое он получил Сталинскую премию, замечательно и внешне и внутренне, видно, что Щусев перестраивается. Он дал на 5 этажей мощные гранитные колонны, а внутри замечательное расположение и оформление — богато (мрамор) и скромно. Но как это ни странно, в этом здании Щусева видно влияние Жолтовского и его последовательности. Щусев, конечно, это делал не сознательно, но он человек деловой и практичный; когда он убедился, что Советская архитектура не отказывается от лучших элементов старого наследства и что классические формы применяются к жизни, применил и он свои недюжинные способности (если бы сказать грубее, «приспособился», не в оскорбительном, конечно, смысле).

Таким образом, Жолтовский одержал идейную (в отно-

ше[нии] архитект[уры]) победу над Щусевым, но не над Советской архитектурой.

Советская архитектура, следуя по принципиальному пути Маркса, Ленина, Сталина, всегда ценивших классическое искусство, сумела преодолеть левацкие загибы, упрощенство в своей среде, приспособленчество в среде части старых архитекторов и стала на путь использования лучших элементов старой классической архитектуры, в том числе и Жолтовского.

Жолтовский не вожак Советской архитектуры, не ее идейный вдохновитель. Он в большей своей доле в старине, не все новое видит, но он представляет из себя богатый антиквариум с большими ценностями, строго последовательно расположенными, он не желает смешивать свои ценности с другими, более дешевыми. Он влюблен в свои ценности и отстаивает их в мнении общества.

Это оказало большую услугу Советской Архитектуре тем, что привил вкус и интерес к классическому искусству, к добротному строительству, к трудолюбию, против упрощенства и халтуры и приучает молодежь к принципиальности против приспособленчества и эклектики. Это, конечно, не столько его личная заслуга: вся обстановка развития искусства, строительства, индустрии и правильное руководство партии искусством привели к этому, в том числе и к использованию старого большого мастера архитектуры академика Жолтовского. Но его личная заслуга здесь тоже большая, за это его правительство наградило орденом. Делать же его вождем Советской Архитектуры нельзя, это даже вредно. Вожак и вдохновитель Советской Архитектуры придет.

Вот кончим победоносно войну, наступит великая страда строительства — восстановление подло, варварски, дико разрушенных городов и сел. Пойдут годы гигантской, творческой строительной работы десятков тысяч домов, сооружений новых заводов, парков, садов. Будет глупо, если второпях допустим строительство как попало, и вот здесь великая историческая роль советских зодчих будет в том, чтобы дать социалистические города и села. Об этом необходимо бы уже сейчас думать. В процессе этой работы выдвинутся наши вожаки архитектуры.

Всем архитекторам необходимо сейчас готовиться, сегодня думаем только о победе, изыскиваем способы для уничтожения врага, но сегодняшнее рождает завтрашнее, а завтрашнее после победы — это гигантское Сталинское строительство. Именно Сталин, партия вдохновят архитекторов на большие дела.

Прошу тебя, дорогая Маюся, обязательно восстановить учебу дома, учись, учись и еще раз учись, упустишь золотое время — тяже-

ло будет. И умным людям без знаний ох как тяжело. Сын твой уже вырос, мешать сильно не будет. Очень рад, что он уже выздоровел.

Целую тебя крепко. Твой Папа. Смотри за мамой, за ее здоровьем, прояви маленькую власть.

ОБ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКАХ МОСКВЫ

Конец 80-х годов

Дорогая Мая!

Я вполне понимаю, что неизбежно твои товарищи по профессии — архитекторы задают тебе вопросы, затрагиваемые в печати, об архитектурных памятниках, связывая эти вопросы с моим именем, поскольку я был в течение 5 лет (1930–1935 гг.) секретарем Московского комитета партии.

Поэтому ты не должна извиняться передо мной за то, что ты попросила меня дать некоторые разъяснения по ним, что я охотно сделаю.

1. О Храме Христа Спасителя.

Как известно, решение о сооружении в Москве Великого Дворца Советов принято Всесоюзным съездом Советов.

После принятия решения, естественно, встал вопрос о месте его сооружения. Были разные предложения: Московский Комитет, в том числе и я лично, предлагал построить Дворец на Ленинских горах. Все признали, что это место хорошее, но это далеко от Кремля, а необходимо строить его близко к Кремлю. Тогда Московский Комитет внес предложение строить его там, где теперь Манежная площадь, разрушить все расположенные там домишки, лабазы и мелкие сооружения. Но здесь опять возникли возражения, что это затронет сооружение Манежа, представляющее ценное архитектурное сооружение. После этого было предложено разрушить здание, где помещается Коминтерн, и близлежащие к нему сооружения и соорудить там Дворец Советов, но здесь опять возникло возражение, что это подавит сооружение Румянцевской библиотеки.

Итак, двигаясь дальше по этому направлению, подошли вплотную к Храму. Не сразу и не слегка был решен этот вопрос: в Московском Комитете и у меня лично, например, были возражения. Скажу прямо, что мы считали, что это политически может задеть верующее население. В Моссовете, особенно, помню, его председатель тов. Иванов, высказывались за то, чтобы строить Дворец Советов на месте Храма Христа Спасителя. На заседании

созданного правительством «Совета по строительству Дворца» во главе с председателем Совнаркома т. Молотовым В.М. этот вопрос обсуждался не раз. В конце концов было принято в 1931 году постановление строить Дворец Советов вблизи Кремля, на берегу Москва-реки в районе Волхонки и Саймоновского проезда путем сноса ряда строений, в том числе и Храма Христа Спасителя.

Тов. Молотов доложил это решение «Совета Дворца» правительству, и Политбюро, все мы одобрили это решение, в том числе согласился с этим и тов. Сталин.

Должен сказать, что архитекторы, в том числе такие академики архитектуры, как Жолтовский, Фомин, Щуко и другие, считали, что особой архитектурной ценности Храм не представляет.

2. О Сухаревой башне.

И здесь мы долго ходили вокруг да около, не решаясь ее ломать, но когда движение усилилось, особенно автомашин (ежедневно там убивали до 10 человек), мы начали искать решение задачи. Были предложения разрушить вокруг нее ряд домов и организовать круговое движение, но, во-первых, это не улучшало движения, а во-вторых, было выдвинуто возражение более серьезное, что это затронет или, во всяком случае, усложнит положение больницы Склифосовского, что недопустимо и с точки зрения медицинской, и архитектурной. Были еще мысли, в частности у меня лично, о строительстве тоннеля под башней, но строители и архитекторы заявили, что придется сооружать очень длинный тоннельный въезд и выезд, а главное, что башня вся в трещинах и развалится при строительстве тоннеля. Должен сказать, что мы уделили этому настолько большое внимание, что я лично вместе с т. Булганиным и архитекторами, в том числе Жолтовским, Чернышевым, Щусевым, Фоминым и другими, выезжали дважды, осматривали башню, подымаясь наверх, и пришли к заключению, что неизбежен ее снос. У Щусева были сомнения, но в конце концов и он согласился.

3. Тебя также спрашивают по поводу статьи поэта Вознесенского, в которой он, ссылаясь на Жолтовского, говорит, будто во время обсуждения плана реконструкции Москвы «решительная рука в железнодорожной гимнастерке смахнула с макета Храм Василия Блаженного. Другая рука в защитной гимнастерке упрямо вернула его на место». Хотя Вознесенский здесь мою фамилию не упоминает, но, должно быть, имеет в виду меня. Но это ложь от начала до конца.

Поэт может в стихах и поэмах изобретать, примысливать, но лгать негоже, тем более талантливому поэту.

Во-первых, Жолтовский, с которым я дружил, которого глубоко уважал, не мог этого сказать, потому что этого не было.

Во-вторых — главное, в представленной в ЦК ВКП(б) в Совнарком записке Московского областного комитета и городского комитета партии и Московского Совета — Генеральном плане реконструкции Москвы, в составлении которой я, конечно, принимал активное участие, сказано: «При реконструкции города практически возникает вопрос об отношении к памятникам старины. Схема планировки отвергает слепое преклонение перед стариной и не останавливается перед сносом того или иного памятника, когда он мешает развитию города. Это, конечно, не исключает, а предполагает сохранение всего наиболее ценного в историческом или художественном отношении (например, Кремль, бывший Храм Василия Блаженного и т.п.)».

(Смотри: «Генеральный план реконструкции города Москвы». Московский рабочий, 1936 г., раздел III. — Схема планировки Москвы, стр. 85.)

Вспоминаю еще один факт моего отношения к этому непревзойденному произведению архитектурного искусства — Храму Василия Блаженного. В 1930 году встал вопрос о перенесении памятника Минину и Пожарскому с Красной площади — этого требовало резко усилившееся движение и проходившие демонстрации и парады. Были разные предложения о месте новой постановки памятника, но все они были не на видном и достойном для этих великих героев нашей отчизны месте. И вот т. Сталин вызвал меня — Кагановича, Енукидзе и Чхановского и поручил нам найти достойное место для памятника и организовать его передвижение без ущерба для него. При этом он сказал нам: посоветуйтесь с архитекторами насчет возможности использования площадки у Храма Василия Блаженного, с тем чтобы ему ни в коем случае не повредить.

Мы усердно взялись за это дело — привлекли архитекторов, скульпторов, инженеров-строителей. Обследовав на месте всю площадку, все сошлись на том, что это, возможно, и будет достойно для Минина и Пожарского.

Технически это была сложная задача, но уже в 1930 году работа была закончена и памятник был передвинут с центра Красной площади на площадку Храма Василия Блаженного.

И.В. Сталин и Политбюро высоко оценили нашу работу.

4. Между прочим, статья Вознесенского была посвящена по преимуществу Третьяковской галерее, должен поэтому отметить, что в начале 30-х годов она находилась в аварийном состоянии.

По этому поводу я получил письмо Алексея Максимовича Горького, и я лично выезжал в Третьяковскую галерею с группой инженеров-строителей, осмотрел аварийные пункты и организовал срочный ремонт, после чего я получил письмо дочери Третьякова с благодарностью, не говоря уже о благодарности Алексея Максимовича, что было для меня очень ценно.

Такая же история была и с Коломенским собором, куда я также лично выезжал и помог им ремонтом и общим обустройством. Я об этом напоминаю не столько для самозащиты от некоторых черносотенных выпадов людей из так называемой «Памяти», сколько для установления действительных фактов истории, каких немало, кроме указанных здесь.

Это, конечно, не значит, что не было ошибок, но лейтмотивом в реконструкции было благоустройство и архитектурное обогащение Москвы. Мы следили за тем, чтобы не разрушать памятников — исторических и художественных. Мне кажется, что в Москве удалось сохранить много сооружений и домов, в которых организовано много музеев, в том числе и известных исторических личностей. В этом есть и заслуга наших московских архитекторов.

С приветом,
твой отец Л.М.Каганович

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ДОЧЕРИ С 60-ЛЕТИЕМ

Любимая дочь моя и друг мой Маюся!

От всей любящей души отца и друга поздравляю тебя с днем рождения.

Я высоко ценю твой мужественный подвиг, проявленный в твоих неустанных заботах о своих родителях — о маме и обо мне в трудный период нашей жизни.

Я горжусь тобой, моей дочерью, как трудовым и партийным человеком, прошедшим 40 лет трудовой путь работы архитектором, из которых 15 лет отданы нашей героической Советской армии, в проектной организации Министерства обороны СССР, за что ты удостоена награждением медалями.

Ты более 40 лет состоишь в рядах нашей родной Коммунистической партии, борясь за победу социализма и коммунизма. Будучи образцом трудолюбивого творчества, ты отличаешься скромностью, уважением к человеку и привязанностью к друзьям. Это сказалось и на твоих славных детях: сыне Иосифе-Игоре и дочери Маше и, надеюсь, скажется и на твоих внуках — моих правнуках.

Многое мог бы я еще сказать, но, к сожалению, ты в больнице, да и я дома не совсем в [хорошей] физической форме. Надеюсь, что вскоре мы увидимся с тобой и отметим полнее этот день.

Обнимаю тебя и крепко целую. Любящий тебя отец и друг.

Л.М.Каганович. 12 мая 1988 года

ПИСЬМО-ЗАВЕЩАНИЕ Л.М.КАГАНОВИЧА

Важно. Лично.

Мае Лазаревне Каганович от папы (вскрыть после...

Дорогая и любимая дочь Мая!

Как ни неприятно говорить и писать о завещании, но человек не волен определять час неизбежной предстоящей разлуки... Поэтому я и пишу тебе заблаговременно настоящее завещательное письмо.

Официального завещания я не пишу, потому, во-первых, что мне затруднительно проходить связанные с этим процедуры, во-вторых, собственно говоря, у меня нет капитального имущества, чтобы писать официальное завещание — денег у меня нет, дачи, автомобиля и т. п. у меня также нет. Остаются некоторые бытовые вещи, книги — все это я передаю тебе, моя дорогая дочь, что, может быть, поможет в какой-то степени в твоем нелегком быту, когда ты лишишься моей помощи из получаемой мною пенсии. Еще прошу тебя определить и дать моим внукам некоторые нужные им книги, в частности Иолику — нужные ему для научной работы.

Я надеюсь и уверен, что мои внуки и правнуки не будут в претензии ко мне за то, что я ничего существенно-материального им не оставляю. Я надеюсь, что они будут гордиться тем, что их дед после многолетнего пребывания на высоких постах партии и государства ушел без каких-либо «материальных накоплений», а так, как полагается честному коммунисту. В этом, как в капле воды, видна пролетарская природа нашего Советского, рабоче-крестьянского социалистического строя.

За победу этого строя я под руководством моей Ленинской партии и ее ЦК боролся всю жизнь и твердо уверен, что такой же строй социализма победит во всем мире. Я оставляю моим дорогим детям, внукам и правнукам мой скромный вклад пролетарского революционера-интернационалиста, коммуниста-большевика, который я внес в дело победы Социализма и Коммунизма.

Надеюсь, что мои внуки и правнуки, не говоря уже о тебе, моя дорогая дочь и друг Мая, член партии с 1945 года, будут идти по тому же пути, обеспечивающему под руководством нашей Коммунистической партии Советского Союза полную победу Марксиз-

ма-Ленинизма, победу международной социалистической революции и Коммунизма!

Обнимаю и целую тебя, моя любимая дочь Мая, и всех моих любимых внуков и правнуков, а также близких родных и друзей, и желаю Вам бодрости, оптимизма, жизнерадостности, революционной боевитости, активности в общественной жизни и научной уверенности в победе Коммунизма!

Любящий и уважающий — старый большевик, Марксист-Ленинец
Л.М.Каганович

ПИСЬМО Л.М.КАГАНОВИЧА В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ»

Июль 1991 года

В Вашей газете № 25 /558/ за июль 1991 г. опубликовано сообщение, будто я получаю вспомоществование в размере 300 рублей ежемесячно от камвольно-суконного комбината Киргизской ССР.

Настоящим сообщаю о том, что Совет трудового коллектива этого комбината постановил оказывать мне материальную помощь. Я послал коллективу телеграмму, в которой сердечно поблагодарил их, но отказался принимать эту помощь.

Настоящим заявляю, что я ни одной копейки не получал, не получаю и принимать не буду.

Коллективу камвольно-суконного комбината Киргизской ССР еще раз выражаю свою благодарность за внимание и заботу обо мне и советую эти деньги использовать для своих же нуждающихся пенсионеров.

С уважением Л.М.Каганович

МЫСЛИ О ПЕРЕСТРОЙКЕ

1991 год

В настоящее время, когда наша Советская Социалистическая Родина находится в тяжелом экономическом и политическом состоянии, весьма трудно заниматься воспоминаниями о делах давно минувших лет. Душа каждого истинного коммуниста, как и каждого трудящегося гражданина, заполнена переживаниями и даже страданиями, связанными с развивающимся в стране экономическим и политическим кризисом и ухудшающимся материальным и культурным благосостоянием трудящихся.

Я имел намерение написать обо всем этом самостоятельный раздел в конце своих «Памятных записок», когда доберусь до 1985–1991 гг., но, опасаясь, что милостивая ко мне природа может в конце концов отказать мне в милости, я решил нарушить хронологию и, хотя бы коротко, высказать здесь соображения о современном экономическом и политическом положении нашей страны.

Более шести лет прошло с тех пор, как Коммунистическая партия и Советское правительство провозгласили «Перестройку» в целях улучшения положения в стране. За это время принято много важных, правильных и неправильных решений и законов. Но надо прямо и честно сказать, что положение из года в год все ухудшается и ухудшается. Разные лица, разные группы по-разному объясняют причины этого и соответственно предлагают разные лекарства.

Не беря на себя задачу разбора этих разных диагнозов и лекарей, тем более что я потерял зрение и пишу вслепую, я остановлюсь на главных высказываниях.

Первая группа — это те, кто считает, что во всем виновата сама идея, сам замысел перестройки. Это, безусловно, ошибочная точка зрения. Среди этих людей есть и бюрократические элементы, не желающие и боящиеся потерять свое положение и благоустроенные местечки; есть просто консервативно мыслящие люди, боящиеся всего нового; есть и люди, не доросшие до нового и не желающие переучиваться, отучиваться, учиться, повышать свою квалификацию до требований Перестройки.

Всем им надо по-разному объяснять: одних разоблачать, других побуждать к повышению квалификации и, главное, организовать их учебу. Нельзя честного работника, просто не умеющего перестраиваться по незнанию, шельмовать как бюрократа, консерватора и тому подобное.

Ясно должно быть всем, что Перестройка — не выдумка. Партия всегда на определенных этапах перестраивалась.

Жизнь не стоит на одном месте, она идет вперед, и того, кто отстает от требований, жизнь сминает. Поэтому побольше учебы, учебы в теории и на практике.

Все — рабочие, старые и молодые, крестьяне, служащие, руководители, большие и малые, и даже ученые, должны учиться практике и преподаванию, подымая квалификацию студентов, инженеров, агрономов на более высокий уровень.

Подбирать кадры, повышать их, ценить материально и духовно нужно по их знаниям, по умению применять их на практике, по реальным результатам этой практики. Можно сказать, что это

главная и главнейшая из всех задач. Поэтому нельзя медлить с этим. Поменьше болтовни о важности человеческого фактора — побольше, поэнергичнее взяться за практическое выполнение этого важного фактора.

Другая группа причиноискателей и лекарей правильно указывает на то, что дело [не] в самой идее Перестройки, а в ошибках, в неудовлетворительном проведении Перестройки.

Это верно, но в этой группе есть немало пророков, по-разному определяющих эти ошибки.

Одни сводят ошибки к тому, что прежние механизмы управления и хозяйствования подорваны, а новые механизмы не созданы или [были задуманы], но не сработали. Это верно, но, во-первых, зачем подорвали прежние механизмы, не подготовив новые; во-вторых, не были даже продуманы система, план создания нового механизма. В-третьих, в самой принципиальной линии проявились большие противоречия и колебания, замена одних решений другими настолько, что запутывала умы исполнителей перестройки.

Вторая прослойка ошибкой считает, что правительство действовало не радикально, замедленно и нерешительно. Это замаскированные политики третьей группы определителей причин и истоков кризиса.

Эта группа нам знакома. Но сегодня она выдает себя за новаторов. На деле это ликвидаторы СССР, социализма, реставраторы капитализма и старых дореволюционных порядков и [эксплуатации], закабаления рабочих, крестьян, трудящихся. Нельзя недооценивать опасность этой группы — этих ядовитых грибов-мухоморов, расплодившихся после ливня плюрализма.

Коммунистическая партия и правительство провозгласили расширение демократии, гласности, плюрализма и даже многопартийность в целях поднятия активности честных советских людей, для подъема хозяйства, культуры страны, улучшения положения народа. А эта группа людей воспользовалась этим для борьбы с Советским Социалистическим государством, чтобы установить новый строй, вплоть до монархии. А ведь кричали, что нет у нас врагов социализма, что это выдумки Сталинского руководства. А теперь видно, сколько их маскировалось — «жив курилка» — даже в докторских и профессорских мантиях. Мы, конечно, не должны валить в одну кучу все выросшие грибы многопартийности. Есть и такие, с которыми можно находить общие позиции для творческой работы по ликвидации кризиса в стране.

Коммунистическая партия не отказывается от этого. Но с теми, кто подло, коварно использует тяжелое положение в стране для того, чтобы подорвать Советское государство и социализм,

кто помогает апологетам капитализма — империализма, нужно бороться, разоблачать их более серьезно и остро, идейно-политически разоблачать эти воскресшие, возродившиеся так называемые «мертвые души» белогвардейщины. Вся опасность в том, что они ведь не выступают с открытым забралом, а маскируются, сочувствуют действительно страдающим людям и этим обманывают доверчивых, натравливают их на Партию и теперь уже не только на Сталина и его соратников, но и на Ленина и на Октябрьскую революцию. Нельзя скрывать, что есть немало людей среди трудящихся, особенно среди неопытной молодежи, которые фактически сейчас настроены против социализма, против нашей героической Ленинской партии, сделавшей так много для преобразования старой России и для других республик.

Ошибка партии и ее ЦК в том, что, объявив политические реформы, она не учла, что наряду с положительными силами поднимутся силы и отрицательно-враждебные социализму. Руководство партии не мобилизует коммунистов на активную поддержку положительных сил и на борьбу с отрицательно-враждебными, а пустило дело на самотек, допустило демобилизацию и пассивность коммунистов.

Это не просто практическая ошибка, а принципиально политическая, связанная с другими принципиальными ошибками в линии Партии. Правда, последний Пленум ЦК начал активизацию коммунистов, но неизвестно, как дело пойдет дальше, ибо были уже факты, когда делали то шаг вперед, [то] шаг назад.

Чтобы яснее разобраться в том, что произошло за прошедшие 6 лет, необходимо подойти к ним дифференцированно.

Прошедшие шесть лет по содержанию состоят из трех, а может быть, четырех этапов.

Первый этап — 1985–1987 гг. — Апрельский пленум ЦК и XXVII съезд партии.

Второй этап — 1987–1988 гг. — XIX партконференция.

Третий этап — XXVIII съезд партии.

Четвертый этап — 1990–1991 гг.

Каждый из этих этапов отличается от другого содержанием принципиальных политических решений, во многом противоречащих друг другу.

Анализ этих этапов имеет большое значение для установления причин развала, экономического и политического кризиса.

Это [большая научная] работа, которая не под силу одному человеку (тем более без зрения). Поэтому я попробую дать лишь краткую схематическую наметку сравнительного анализа и оценки...*

---

*На этом запись обрывается.

СОДЕРЖАНИЕ

Лазарь Моисеевич Каганович
Памятные записки

РЕДАКТОР
Б.Д. Мороз
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
С.Л. Виноградова
КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА ОБЛОЖКИ
И БЛОКОВ ИЛЛЮСТРАЦИЙ
В.М. Драповский, Д.Э. Назаров
ТЕХНОЛОГ
С.С. Басипова
ОПЕРАТОР КОМПЬЮТЕРНОЙ ВЕРСТКИ
Е.В. Путерброт
КОРРЕКТОР
И.Г. Волкова

Подписано в печать 22.05.2003
Формат 84x108 /32
Тираж 5 000 экз.
Заказ № 2144

ЗАО «Вагриус Плюс-Минус»
129090, Москва, ул. Троицкая, 7/1
Электронная почта (E-Mail) –
vagrius@vagrius.com

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:
г. Москва, Звездный бульвар, д.21, 7-й этаж
Тел.: 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Издание осуществлено при участии
ООО «Издательство АСТ»

По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:
г. Москва, Звездный бульвар, д.21, 7-й этаж
Тел.: 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги «Издательской группы АСТ»
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ– «Книги по почте»

ISBN 5-9560-0032-5

Родители.

I. Фамилия, имя и отчество (собственноручно пишется владельцем билета).	
II. Когда родился и какой местности уроженец.	Родился в 1893 г. „ “ м. в губ. уезд.
III. 1) Какой национальности.	1) Еврей
2) Владеет ли национальн. язык.	2) -„-
3) Какой язык считает родным.	3) Русский
4) Какими иностранными языками владеет.	4) Украинским
IV. 1) Социальное положение.	1) Рабочий
2) Профессия до поступления на военную службу.	2) Сапожник
3) Профессия в данное время.	3)
V. Образование (наименование учебных заведений и год окончания или выхода из них). 1) Общее.	1) Домашнее
2) Военное в старой армии.	2) нет
3) Воен. в Красной армии.	3) нет
4) Специальное гражданское.	4) нет
5) Партийное.	5) нет
VI. Партийность и с какого года в партии.	1) ВКП(б) с 1911 года
Если принадлежит к другой партии, то к какой.	2) Нет
VII. Состояние здоровья (к какой службе годен — заносится только на основании медицинского свидетельства с указанием № и кем оно выдано).	

Фрагмент заполненной анкеты Л.М.Кагановича.

Родовое гнездо в деревне Кабаны.

Слева направо: братья Израиль, Михаил, Арон и Лазарь Кагановичи. 1914 г. Киев.

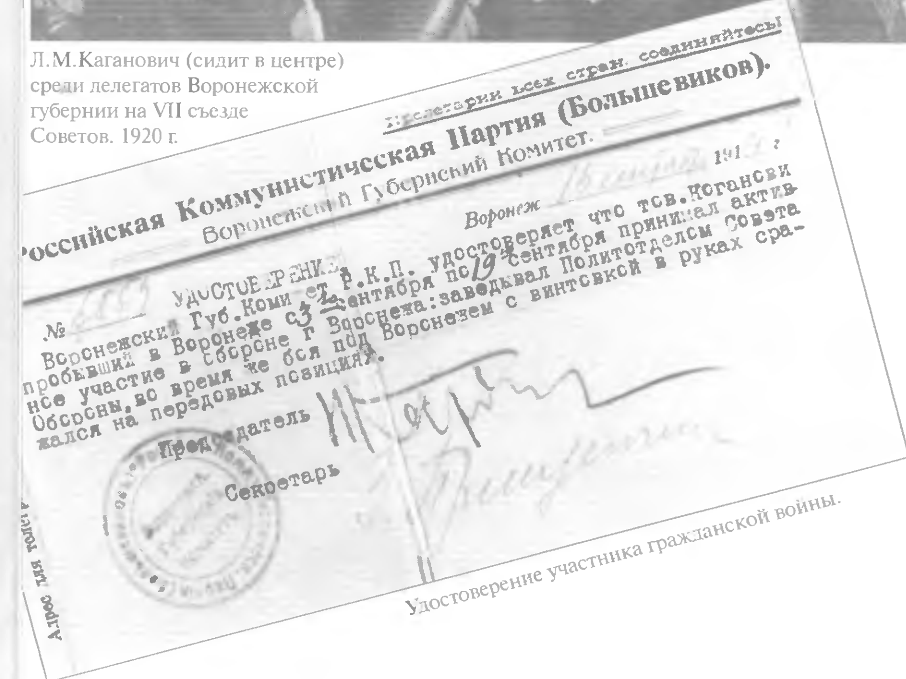
Здание сапожной мастерской Бенцмана, где в 1917 г. работал Лазарь Каганович.

С женой Марией. 1917 г. Саратов.

Л.М.Каганович (сидит в центре) среди делегатов Воронежской губернии на VII съезде Советов. 1920 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Российская Коммунистическая Партия (Большевиков).

Воронежский Губернский Комитет.

Воронеж ______ 191__ г.

№ ______

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Воронежский Губ.Комитет Р.К.П. удостоверяет что тов.Коганович пробывший в Воронеже с 3 сентября по 19 сентября принимал активное участие в обороне г Воронежа: заведывал Политотделом Совета Обороны, во время же боя под Воронежем с винтовкой в руках сражался на передовых позициях.

Председатель

Секретарь

Удостоверение участника гражданской войны.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Советов Раб., Солд., Кр. и Каз. Деп.

Москва, Кремль.

№ ______

МАНДАТ.

Мандат Л.М.Кагановичу на действия «в пределах Туркестана и сопредельных с ним государств». 1918 г.

Председатель Ташкентского общегородского Совета Л.М.Каганович и его заместители Агиль Бабаджанов (в центре) и Султан-Касым Яджаев. 1920 г.

«Железный нарком»
Л.М.Каганович.

На этом плакате
Сталин еще
изображен между
Молотовым и
Кагановичем.

ПОСТОЯННЫЙ ПРОПУСК

т. Каганович Л. М.

на право беспрепятственного

прохода в мавзолей В. И. ЛЕНИНА

во всякое время.

Председатель Комиссии ЦИК СССР
по увековечению памяти В. И. Ленина

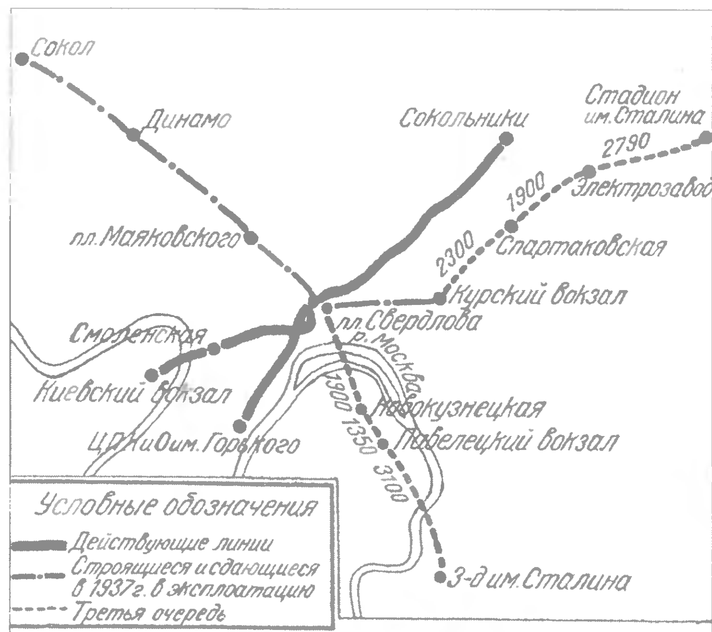

Схема Московского метро 1936 г.

Нижний зал станции «Библиотека имени В.И.Ленина» (проект).

Каганович и Хрущев (справа) на Метрострое. 1934 г.

С москвичами перед входом на станцию «Красные ворота».

Л.М.Каганович в паровозном депо Москва — Курская. Ноябрь 1935 г.

Хабаровск встречает «железного наркома». 1936 г.

Вдвоем со Сталиным. Кремль. 1934 г.

С пионерками под взглядом Сталина.

Сталин и Каганович в экзотическом одеянии.

Л.М.Каганович и Н.С.Хрущев приветствуют летчиц П.Д.Осипенко, В.С.Гризодубову и М.М.Раскову на митинге у Белорусского вокзала в Москве.

Сидят: Хрущев, Жданов, Каганович, Берия и Нестор Лакоба.

С женой, дочерью Маей и приемным сыном Юрием. 1935 г.

За бильярдом в редкую минуту отдыха.

На лыжах с Хрущевым.

В теннис руководители страны играли и в те годы.

Сталин и Каганович. Скульптура Ракитиной и Елецкой.

М.И.Калинин вручает Л.М.Кагановичу орден Ленина
и Золотую звезду Героя Социалистического труда. 1943 г.

На фронте. В центре — Л.М.Каганович.

На испытаниях новой военной техники.

Письмо Л.И.Брежнева Л.М.Кагановичу с Малой Земли. 1943 г.

20/III 43 г.

Вам дорогой Лазарь Моисеевич, мой горячий фронтовой привет!

Вчера к нам в армию прибыла группа лекторов ЦК ВКП(б) во главе с тов. Митиным. Это большая помощь. Мы с тов Митиным сегодня ночью прибыли на „Малую Землю", это та земля, которая бригадами организованными Вами, в феврале отвоевана у врага. Сегодня тов. Митин сделал доклад для руководящего состава войск десантной группы. После доклада долго беседовали о боевых делах и конечно тепло вспоминали Вас и Ваше участие в подготовке десанта. Сейчас о „Малой Земле" пётся много песен, сложено немало рассказов и написано много стихов. Товарищи пишут Вам письма, я присоединяю свои чувства к их словам и сам пользуюсь случаем поездки тов Митина пишу эти строки на „Малой Земле". Работаю начальником политотдела 18 А. работой доволен это стихия. Незабыл всех Ваших указаний и школы совместной работы. Здоровье хорошее. Товарищи Гордеев, Потапов, Видов, Бушев, Косоногов, Рытов все на „Малой" все передают Вам свой горячий привет. Командует тов. Леселидзе тов Колонин чл. ВС. Павловский нач-к штаба. Подробно с нашими делами познакомился тов. Митин, наша просьба к нему передать Вам все что он видел и что ему передовали для Вас.

С приветом уважающий Вас Брежнев

Скромный подарок «непосредственному руководителю войсками Закавказского фронта» в 1942-1943 гг.

Л.М.КАГАНОВИЧУ.

Дорогой Лазарь Моисеевич!

Вам непосредственному руководителю войсками Закавказского фронта, в память ожесточенных боев и нанесения поражения немецким полчищам на Кавказе в 1942-43 годах, от бойцов и офицеров, Военный Совет посылает скромный подарок.

Родной Лазарь Моисеевич!- будьте здоровы, живите долгие годы на благо нашей родины.

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ
ГЕНЕРАЛ АРМИИ
(И.В.ТЮЛЕНЕВ)

"6." октября 1943г.
Тбилиси.

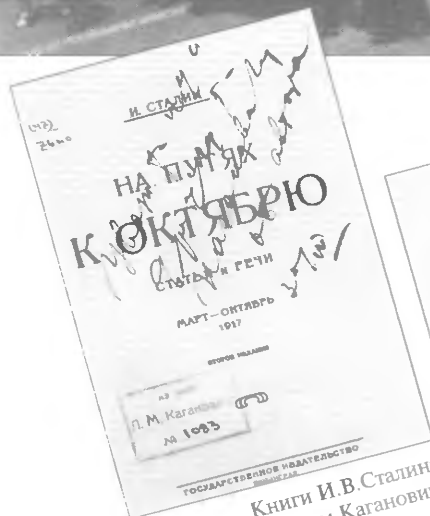

С Хрущевым
на Украине.

На первомайской
демонстрации
в Киеве.
1947 г.

И. СТАЛИН

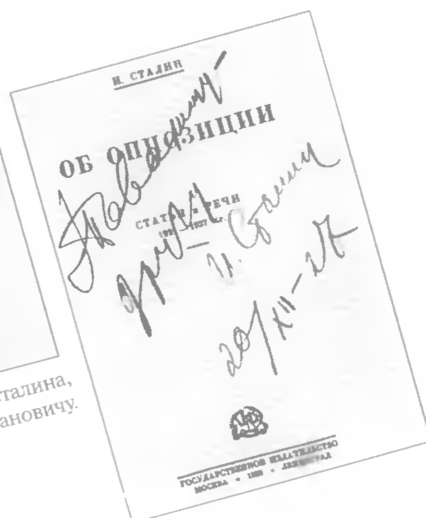
НА ПУТЯХ К ОКТЯБРЮ

СТАТЬИ И РЕЧИ

МАРТ—ОКТЯБРЬ
1917

Из книг
Л. М. Кагановича
№ 1083

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

И. СТАЛИН

ОБ ОППОЗИЦИИ

СТАТЬИ И РЕЧИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД

Книги И.В.Сталина,
подаренные им Кагановичу.

На даче на Черном море. Сидят: Каганович, Маленков, Сталин и Жданов.
Позади Сталина стоят его сын Василий и дочь Светлана.
Крайний справа — Поскребышев.

У гроба Сталина — Булганин, Ворошилов, Каганович.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая партия Советского Союза

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета
Коммунистической партии Советского Союза

Год издания 46-й | № 185 (14214) | Четверг, 4 июля 1957 года | ЦЕНА 20 КОП.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ
о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

22—29 июня с. г. состоялся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Пленум обсудил вопрос об антипартийной группе Маленкова Г. М., Кагановича Л. М., Молотова В. М.

Пленум принял соответствующее постановление, которое сегодня публикуется.

Пленум вывел из состава членов Президиума ЦК и из членов ЦК КПСС т. т. Маленкова, Кагановича, Молотова; снял с поста Секретаря ЦК КПСС и вывел из состава кандидатов в члены Президиума ЦК и из состава членов ЦК т. Шепилова.

Пленум избрал ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС в следующем составе:

Члены Президиума: т. т. Аристов А. Б., Беляев Н. И., Брежнев Л. И., Булганин Н. А., Ворошилов К. Е., Жуков Г. К., Игнатов Н. Г., Кириченко А. И., Козлов Ф. Р., Куусинен О. В., Микоян А. И., Суслов М. А., Фурцева Е. А., Хрущев Н. С., Шверник Н. М.;

Кандидаты в члены Президиума: т. т. Мухитдинов Н. А., Поспелов П. Н., Коротченко Д. С., Калнберзин Я. Э., Кириленко А. П., Косыгин А. Н., Мазуров К. Т., Мжаванадзе В. П., Первухин М. Г.

Пленум пополнил состав Секретариата, избрав Секретарем ЦК КПСС т. Куусинена О. В.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ЦК КПСС
Об антипартийной группе Маленкова Г. М., Кагановича Л. М., Молотова В. М.

Пленум Центрального Комитета КПСС на заседании 22—29 июня 1957 года рассмотрел вопрос об антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова, образовавшейся внутри Президиума ЦК КПСС.

В то время, когда партия под руководством Центрального Комитета, опираясь на всенародную поддержку, ведет огромную работу по выполнению исторических решений XX съезда, направленных на дальнейшее развитие народного хозяйства и непрерывный ... уровня советского народа, на вос-

Тем самым антипартийная группа противодействовала твердо проводимому партией курсу на более быстрое развитие экономики и культуры в национальных республиках, обеспечивающему дальнейшее укрепление ленинской дружбы между всеми народами нашей страны. Антипартийная группа не только не понимала, но и сопротивлялась мероприятиям партии по борьбе с бюрократизмом, по сокращению раздутого государственного аппарата. По всем этим вопросам она выступала против проводимого партией ленинско-

«Правда» с информационным сообщением о Пленуме ЦК КПСС и Постановлением «Об антипартийной группе...»

Опальный лидер.

С трибуны Мавзолея — на заводскую трибуну. г. Асбест, 1958 г.

написанное мною на заседании МГК
их дать мне для ознакомления

Постановление М.Г.К. К.П.С.С. (от 10 января 1962 года) считаю неправильным.

Подчиняясь этому решению сдаю свой партийный билет № 000,000, 8

Верю, что партия и её Ц.К мне его возвратят.

Отдав родной партии более шестидесяти лет своей жизни, я — верный партии, Коммунист, Марксист-Ленинец, буду и впредь вместе со всей партией и Советским народом, бороться за победу Коммунизма.

Л. М. Каганович

«Постановление МГК КПСС (от 10 января 1962 года) считаю неправильным. Подчиняясь этому решению, сдаю свой партийный билет № 000 000 8. Верю, что партия и ее ЦК мне его возвратят...»

Копия — послано лично

Уважаемый Леонид Ильич!

Я вновь вынужден беспокоить Вас по тяжкому для меня делу — вопросу о восстановлении меня в правах члена партии.

Я написал обращение в президиум XXV съезда КПСС и посылаю его Вам, в надежде, что Вы, не просто передадите его, а, по существу, поможете положительному его решению.

Вы, Леонид Ильич, знаете меня много лет, как руководящего деятеля партии и государства, который не мало сделал для их укрепления и для победы социализма.

Вы хорошо знаете меня как, так сказать, однополчанин по Северо-Кавказскому и Закавказскому фронтам, где мы вместе воевали, и где я пролил свою кровь за Родину, за партию, будучи раненным под Туапсе, героически державшимся перед врагом.

Я с удовлетворением вспоминаю нашу работу по организации десанта на «Малую землю» и ваши письма ко мне с «Малой земли». Признаюсь, что я это вспоминаю сейчас не просто ради воспоминаний, а потому, что это даст Вам возможность вспомнить и напомнить еще об одной положительной стороне моей деятельности, и тем самым облегчить удовлетворение моей просьбы.

Мне тяжко быть на склоне лет вне партии, которой я отдал свою жизнь, и я очень прошу Вашей помощи.

Я убежден, что восстановление в партии принесет пользу партии и ее Ц.К.

С товарищеским приветом Л.М.Каганович

Москва 19 февраля 1976 г.

Письмо Л.М.Кагановича Л.И.Брежневу «по вопросу о восстановлении меня в правах члена партии». 1976 г.

Страницы рукописи «Памятных записок».

Последние строки.

Мая Лазаревна Каганович.

Л.М.Каганович (в центре) на субботнике возле дома № 50 по Фрунзенской набережной, где он жил. 1974 г.

Одна из последних фотографий с дочерью Маей, внучкой Машей и правнучками Маей и Марией.

В больнице. 1986 г.

Лазарь
КАГАНОВИЧ
ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСКИ

Фигура Лазаря Моисеевича Кагановича (1893–1991) до сих пор остается загадкой для исследователей. Самоучка из-за «черты оседлости» в годы советской власти вознесся к ее вершинам, на протяжении нескольких десятилетий входил в состав сталинского Политбюро, возглавлял промышленность и транспорт Советского Союза. Его называли «железным наркомом», «лучшим учеником Сталина», ему поручали самые ответственные задания. Уйдя из большой политики после смерти Сталина, Каганович дожил до перестройки. Его имя стало вновь упоминаться в печати, на этот раз как одного из главных виновников репрессий, беспринципного бюрократа и карьериста. Каганович молчал. Он избегал журналистов, жил очень замкнуто, и лишь после его смерти стало известно, что до последнего дня он не прекращал работу над воспоминаниями, в которых описал всю свою долгую жизнь. Его мемуарное наследие составило свыше 10 000 рукописных страниц. Наиболее интересные фрагменты вошли в книгу.

ВАГРИУС